Источники о Софистахъ.

ПЛАТОНЪ КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ СВИДѢТЕЛЬ.

ОПЫТЪ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ

А. Н. Гиляровъ.

I.

Методологія и свидѣтельства о философахъ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія ВЫСОЧАЙШЕ утв. Товарищества И. Н Кушнеревъ и К° въ Москвѣ
Кіевское отдѣленіе Бибиковскій бульваръ, № 8 б
1891.

Пр.

В
255

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(Изъ „Университетскихъ Извѣстій“ 1890–91 года).

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1102
39

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Предисловіе . . . . . I—VI

ГЛАВА I.

Постановка вопроса.

1. Общая характеристика источниковъ . . . . . 1— 2
2. Древняя критика о Платонѣ . . . . . 2— 5
3. Новая критика о Платонѣ . . . . . 5—22
4. Защитники Платона . . . . . 22—30
5. Предлагаемый методъ . . . . . 30—31

ГЛАВА II.

Подлинность Платоновыхъ діалоговъ.

1. Германская критика. . . . . 32—37
2. Англійская критика . . . . . 37—41
3. Французская критика 41
4. Предлагаемый методъ. . . . . 41—42

ГЛАВА III.

Цѣль и свойства литературной дѣятельности Платона.

1. Прямыя заявленія Платона . . . . . 42—45
2. Провѣрка изъ метода . . . . . 45—72
3. Выводы. . . . . 72—82

ГЛАВА IV.

Свидѣтельства о философахъ.

1. Сократъ . . . . . 82—125
2. Пиѳагорейцы . . . . . 125—152
3. Елейцы . . . . . 152—159
4. Древнѣйшіе онтологи . . . . . 159—161
5. Гераклитяне . . . . . 161—198
6. Емпедоклъ. . . . . 198—202
7. Анаксагоръ . . . . . 202—285
8. Циники и Мегарики . . . . . 285—337
9. Аристиппъ и Киренейцы . . . . . 337—341
10. Демокритъ . . . . . 341—349
11. Друзья идей . . . . . 349—357
12. Выводы . . . . . 357—358

Вопросъ о софистахъ въ настоящемъ трудѣ имѣетъ значеніе регулятивнаго принципа. Принципъ конститутивный лежитъ въ вопросѣ о Платонѣ какъ историческомъ свидѣтелѣ. Причина, по которой взятъ мною за руководящую нить первый, какъ во внутреннихъ свойствахъ втораго, такъ и въ томъ, что предлагаемое изслѣдованіе примыкаетъ къ моему прежнему „Греческіе софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политической и культурной исторіей Греціи“ (1888).

Тотъ и другой вопросъ интересуютъ меня прежде всего своей спекулятивной стороной. Какъ отразилась самая живая и блестящая дѣйствительность въ умѣ величайшаго изъ мыслителей? Гдѣ въ данномъ случаѣ причина разногласія между геніемъ и толпой? Чье міровоззрѣніе правильнѣе, Платона или его хулителей? На какой почвѣ возможно примиреніе?

Платоново міровоззрѣніе относится къ софистическому какъ положеніе къ отрицанію. Стать на сторону одного значитъ отвергнуть другое и наоборотъ. Платонъ всю вообще современную ему дѣйствительность характеризуетъ какъ софистическую. Очевидно поэтому, что выясненіе вопроса о софистахъ имѣетъ первостепенную важность для оцѣнки его свидѣтельствъ объ этой дѣйствительности. Но этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ не иначе какъ изъ анализа всѣхъ вообще его свидѣтельствъ и въ свѣтѣ общаго его міровоззрѣнія.

Изслѣдованіе распадается на десять главъ. Въ первой я излагаю исторію вопроса и изъ критическаго обзора различныхъ мнѣній о свидѣ-

тельствахъ Платона вывожу задачи изслѣдованія. Во второй устанавливаю почву для критики въ вопросѣ о подлинности Платоновыхъ діалоговъ. Въ третьей изъ основаній философскаго міровоззрѣнія Платона опредѣляю цѣль и свойства его литературной дѣятельности. Въ четвертой провѣряю добытые результаты анализомъ свидѣтельствъ о философахъ. Пятая глава должна содержать анализъ свидѣтельствъ о поэтахъ, шестая — о риторахъ, седьмая — о политикахъ, восьмая — о софистахъ. Въ девятой я изложу причины господствующаго взгляда на значеніе Платона какъ историческаго свидѣтеля. Наконецъ, десятая будетъ содержать критическій анализъ свидѣтельствъ о софистахъ всѣхъ остальныхъ древнихъ писателей помимо Платона.

Внѣшнія причины вынуждаютъ меня раздѣлить настоящій трудъ на двѣ части и выпустить первую раньше второй. Заканчиваю первую часть четвертой главой, такъ какъ начиная съ пятой перехожу изъ области чисто философскихъ вопросовъ въ область вопросовъ культурныхъ. Вторая часть разработана мною во всѣхъ подробностяхъ. Поэтому большихъ задержекъ въ ея опубликованіи не предвидится. Тѣмъ не менѣе вслѣдствіе ея значительнаго объема она не можетъ появиться раньше будущаго года.

Вопросы, которые я обсуждаю, не новы. Иные разсматривались десятки, другіе сотни и быть можетъ даже болѣе разъ. Считаю поэтому необходимымъ съ самаго начала предварить, что новаго предлагаю я по этимъ старымъ вопросамъ. Ограничиваясь пока первой частью, могу отмѣтить слѣдующее. Методологія Платона изложена на новыхъ основаніяхъ и въ новомъ свѣтѣ. Впервые данъ систематическій сводъ всѣхъ свидѣтельствъ Платона о философахъ. Впервые эти свидѣтельства освѣщены изъ общаго ученія Платона и изъ ученій съ нимъ сродныхъ и ему противоположныхъ. Въ свидѣтельствахъ о Сократѣ указаны новыя стороны (въ вопросѣ объ отрицательномъ характерѣ дѣятельности Сократа, объ отношеніи его ученія къ идеологіи, объ его взглядѣ на математику и проч.). Діалектика тожественнаго и иного въ „Софистѣ“ представлена какъ высшій синтезъ Платонова міровоззрѣнія. Пиѳагорейскіе элементы Платонизма выяснены болѣе обстоятельно, чѣмъ въ трудахъ предшествовавшихъ изслѣдо-

вателей. Объясненіе процесса образованія міровой души въ „Тимэѣ“ совершенно новое. Свидѣтельства о Циникахъ и Мегарикахъ подвергнуты коренному пересмотру, приведшему къ взглядамъ противоположнымъ господствующимъ. Наконецъ, впервые сдѣлана попытка фактическими сопоставленіями показать неосновательность общераспространеннаго предубѣжденія противъ Платона какъ менѣе достовѣрнаго, въ сравненіи съ Аристотелемъ, свидѣтеля въ исторіи греческой философіи.

Разумѣется, не все то хорошо, что̀ ново. Очень возможно, что предлагаемое мною новое хуже стараго, въ особенности тамъ, гдѣ мнѣ приходится идти въ разрѣзъ съ господствовавшими въ теченіе тысячелѣтій мнѣніями, поддерживаемыми къ тому же первѣйшими авторитетами современной науки. Какъ бы то ни было, мною сдѣлано безусловно все, что̀ отъ меня зависѣло, для правильнаго рѣшенія вопроса. Отъ начала до конца весь мой трудъ совершенно̀ самостоятельное изслѣдованіе, основанное на долгомъ изученіи первоисточниковъ. Къ изученію я приступилъ не ради настоящаго вопроса, но самый вопросъ былъ внушенъ изученіемъ. Мнѣ поэтому не приходилось подбирать доводовъ, но лишь ихъ собирать. Основываясь на первоисточникахъ, я не оставилъ безъ вниманія ни одного изъ извѣстныхъ и доступныхъ мнѣ изслѣдованій по разсматриваемымъ вопросамъ и всѣми ихъ указаніями, послѣ предварительной провѣрки, воспользовался. Зная, какъ часто и отъ автора и отъ читателя ускользаетъ ошибка вслѣдствіе неточной постановки вопроса, нераздѣльности доказательствъ, неясности изложенія, многословія, я старался о возможно опредѣленной формулировкѣ задачъ изслѣдованія, раздѣльности въ построеніи анализа, языкѣ ясномъ, точномъ и сжатомъ. Что бы при изложеніи чужихъ мнѣній не вносить ничего ни изъ своихъ недостатковъ, ни изъ своихъ излишествъ, я всегда, насколько позволяла литературная форма, придерживался какъ можно ближе подлинника и старательно избѣгалъ въ историческомъ изложеніи смѣшивать свою мысль съ чужою. Тексты я даю обыкновенно̀ въ переводѣ. При этомъ имѣю цѣлью вмѣстѣ и облегчить читателя и предостеречь себя отъ ошибочнаго пониманія. Всякій,

кто имѣлъ дѣло съ древними авторами, въ особенности философами, хорошо знаетъ, какого сильнаго и долгаго умственнаго напряженія требуетъ иногда точный переводъ и какъ часто вслѣдствіе такой умственной работы открываются въ текстѣ совершенно новыя, раньше незамѣченныя стороны, порою подтверждающія подлежащую доказательству мысль, порою неожиданно ее опровергающія. Методъ моего изслѣдованія діалектическій, вырабатывающій положенія критикой различныхъ мнѣній и оттѣняющій одинаково какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны вопроса. Но истолковывая вопросъ діалектически, я никогда не вырываю его изъ связи съ тѣми, съ которыми онъ составляетъ органическое цѣлое, и всегда разсматриваю въ свѣтѣ этого цѣлаго. Въ важности такого пріема мнѣ неоднократно приходилось убѣдиться. Отъ несоблюденія его даже такіе осторожные и опытные критики какъ Целлеръ допускаютъ порою ничѣмъ инымъ необъяснимые недосмотры. (См. анализъ свидѣтельствъ Платона о Циникахъ и Мегарикахъ). Въ выборѣ подлежащихъ критикѣ мнѣній я старался быть возможно болѣе полнымъ и оставлялъ въ сторонѣ по второстепеннымъ вопросамъ лишь произвольныя, внушенныя предвзятымъ взглядомъ, анализъ которыхъ можетъ быть интересенъ лишь для полемики.

Для пониманія Платона не достаточно одной филологической опытности, необходимо знакомство съ исторіей философіи, при томъ во всемъ ея доступномъ для насъ объемѣ. Всякое явленіе непзмѣнно есть слѣдствіе ряда предшествующихъ, и если не ничтожно, полагаетъ собою рядъ послѣдующихъ. Оттого какъ новая философская мысль находитъ полное истолкованіе лишь изъ всей предшествующей ей исторіи, такъ и наоборотъ, древняя мысль получаетъ истинный смыслъ только въ свѣтѣ всей развившейся на ея почвѣ исторіи. При этомъ порою то, что̀ кажется ничтожнымъ и безсмысленнымъ внѣ исторической связи, оказывается необходимымъ и полнымъ смысла въ общей связности. Всѣ свидѣтельства Платона обусловлены его міровоззрѣніемъ, а между тѣмъ въ сбивчивости, ложности, отсутствіи философской точки зрѣнія у его критиковъ лежитъ одна изъ главныхъ причинъ отрицательнаго отношенія къ его свидѣтельствамъ. Поэтому

о выясненіи чисто философской стороны я заботился не менѣе, чѣмъ объ исторической. При критикѣ философскихъ воззрѣній я поставилъ за правило не выходить изъ ихъ основныхъ предположеній, но освѣщать эти предположенія на основаніи того, что̀ завѣщано всею вообще исторіей мысли въ лицѣ лучшихъ ея представителей. Такъ какъ умъ человѣческій трудился надъ выясненіемъ истины съ незапамятныхъ временъ, то по многимъ вопросамъ нельзя сказать ничего новаго. Въ этихъ случаяхъ, если я находилъ чужой аргументъ болѣе счастливымъ, чѣмъ свой, я не стѣснялся приводить его на ряду съ своимъ или даже вмѣсто своего, при томъ, чтобы передѣлкой не лишать его оригинальной силы, по возможности точными словами его автора. При такомъ освѣщеніи истина или ложь разсматриваемаго воззрѣнія должна выступать наиболѣе ярко. На вопросѣ о телеологіи и механизмѣ, какъ центральномъ для Платона, мною сосредоточено особое вниманіе. По цѣлямъ предлагаемаго изслѣдованія я не могъ представить основаній своего міровоззрѣнія въ стройномъ синтезѣ. Но меня повсюду одушевляла одна и та же мысль, что истина лежитъ въ совмѣщеніи Платонизма съ ученіемъ о развитіи.

Филологическая взыскательность при обработкѣ древняго и новаго матеріала ни на одно мгновеніе не заслоняла отъ меня спекулятивной стороны вопроса. Неизмѣнно держусь взгляда, что никакая точность не исключаетъ философскаго углубленія; исключаютъ его дутыя обобщенія, пустой перезвонъ фразъ. Если простой сводъ критически провѣренныхъ фактовъ въ философскомъ отношеніи имѣетъ цѣну лишь какъ основаніе для построенія выводовъ, то широкія разсужденія, не основанныя ни на какихъ провѣренныхъ фактахъ, не имѣютъ, за исключеніемъ лишь случаевъ вдохновеннаго прозрѣнія, никакой цѣны. Совмѣщеніе филологической точности съ философской широтой взгляда должно, по моему мнѣнію, быть руководительнымъ идеаломъ историка философіи.

Тамъ, гдѣ само изслѣдованіе переноситъ въ область идеальную, не возбраняю себѣ обращаться къ созданіямъ поэзіи. Въ прекрасномъ вижу путь къ высшей истинѣ, въ поэзіи одинъ изъ живыхъ

ея источниковъ; но подъ прекраснымъ разумѣю красоту не поддѣльную, подъ поэзіей творчество вдохновенное, не реторику.

Не могу не сознавать, что не смотря на всѣ предосторожности, въ моемъ трудѣ должны быть недосмотры и недостатки. Мое единственное оправданіе въ томъ, что (скажу словами поэта) vagliami il lungo studio e il grande amore.

Кіевъ, 28 мая
1891 г.

ОПЕЧАТКИ, ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Стран.	Строка	Вмѣсто.	Слѣдуетъ
3	16 св.	привязываетъ къ позорному столбу	пишетъ ихъ имена на позорномъ столбѣ
16	17 „	выставить	выставлять
20	5 „	по необходимости вынужденъ	вынужденъ
28	3 сн.	Bernhardt	Reinhardt
29	17 „	къ Лисію	къ Исократу и Лисію
37	14 „	Шаар.	Шаар Иберв
47	6 „	Parm. 134, C	Parm. 134, C. Tim 51, E· καὶ τοῦ μὲν πάντα ἄνδρα μετέχειν φατέον, νοῦ δὲ θεους, ἀνθρωπων δὲ γένος βραχύ τι. Leges. 897, D: μὴ τοίνυν ἐξ ἐναντίας οἷον εἰς ἥλιον ἀποβλέποντες νύκτα ἐν μεσημβρίᾳ ἐπαγόμενοι ποιησωμεθα τὴν ἀπολαυσιν, ως νοῦν ποτὲ θνητοῖς ὄμμασιν ὁρῶμενοι τε καὶ γνωσόμενοι ἱκανῶς. и пр
49	2 „	Phaedo, 99, E	Phaedo, 74, B. 78, E, ст. 99, E
54	1 св.	ее ни	ни
55	22 „	транце-	трансце-
61	5 „	и по-	и не по
62	10 сн.	272, A.	273, D.
65	10 св.	признательность [132]) будетъ наградой	признательность будетъ наградой [132])
71	14 сн	A—E.	A—E. 88, C.
80	10 св	діалогическое	діалектическое
90	15 сн.	Phileb. 19, E—20 A. Sympos. 215. E	Phileb 19, E—20, A.
95	16 „	невозможно, что бы	нѣтъ никого, кто бы
97	9 „	Phileb. 62, ст.	Phileb 62, E, слѣд.
97	11 „	παρεῖχε	παρεῖχε. Подобное же свидѣтельствуетъ Аристоксенъ слѣдующими словами своего отца Спинѳара, слушавш.го Сократа: ὅτι οὐ πολλοῖς αὐτός γε πιθανωτέροις ἐντετυχηκὼς εἴη· τοιαύτην εἶναι τήν τε φωνὴν καὶ τὸ στόμα καὶ τὸ ἐπιφαινόμενον ἦθος, καὶ πρὸς πᾶσι δὲ τοῖς εἰρημένοις τὴν τοῦ εἴδους ἰδιότητα. Cyrill. c. Jul. VI, 208 (fr. 28 M.).

Стран.	Строка	Вмѣсто.	Слѣдуетъ
101	9 ,	IV, 7, 6.	IV, 7, 6. О знаніи Сократомъ физическихъ ученій говоритъ также Димитрій Византійскій у Дюг. Л. II, 21.
109	4 св	по родамъ	по родамъ, съ цѣлью между прочимъ знать, „какое имя какой вещи принадлежитъ“. Подъ строкой къ этимъ словамъ слѣдуетъ сдѣлать выноску: Memor. III, 14, 2: λόγου ὄντος περὶ ὀνομάτων, ἐφ' οἵῳ ἔργῳ ἕκαστον εἴη и пр.
113	15 св	не желаютъ	не способны
118	15 „	изложеніи	изложеніи метода
119	20 „	состояніяхъ	состояній
139	10 сн.	148 f.	35. 37. 44. 85. 120.
166	17 св.	а дѣйствительный	и что дѣйствительный
184	10 сн.	273	273. Encycl. Vorrede XXV Henn.
230	9 св.	формы,	формы
239	2 сн.	1847. Stewart,	1847, Секки, Единство физическихъ силъ, перев. Павленковъ, 2 изд. Спб. 1880. Stewart,
243	5 св.	качествъ	качествъ,
243	18 „	вселенной,	вселенной
250	4 сн.	864	863
250	6 „	863	864
322	13 „	соображеніе	соображенія

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Постановка вопроса.

Общая характеристика источниковъ.—Древняя критика о Платонѣ.—Новая критика о Платонѣ.—Защитники Платона.—Предварительная антикритика.—Предлагаемый методъ.

1. *Общая характеристика источниковъ.* Источники о софистахъ четырехъ родовъ: діалоги Платона, свидѣтельства и цитаты писателей ему современныхъ (Ксенофонта, Аристофана, Исократа, Аристотеля, неизвѣстнаго автора діалоговъ „Аксіохъ“ и „Евриксій“), свидѣтельства и цитаты писателей позднѣйшихъ (Цицерона, Авла Геллія, Діонисія Галликарнасскаго, Плутарха, Секста Емпирика, Діогена Лаерція, Филострата, Эліана, Ямблиха, Климента Александрійскаго и пр.), сохранившіяся произведенія софистовъ (Горгія и Алкидаманта). Послѣдніе представляютъ интересъ по преимуществу риторическій. Центральное значеніе имѣютъ діалоги Платона: они даютъ не только важнѣйшія свѣдѣнія о главнѣйшихъ софистахъ, но также культурную и философскую оцѣнку софистическихъ теорій и міровоззрѣнія. Всѣ остальныя свидѣтельства получаютъ въ нашихъ глазахъ интересъ главнымъ образомъ по отношенію къ Платоновымъ показаніямъ; если бы этихъ послѣднихъ не было, вопросъ о софистахъ не возбуждалъ бы такихъ разносторонникъ и оживленныхъ о нихъ толковъ, какіе выпали въ исторіи философіи на ихъ долю. Но свидѣтельства Платона стоятъ особнякомъ и потому не допускаютъ внѣшней провѣрки: другіе писатели либо черпаютъ изъ Платона, либо сообща-

ютъ такія свѣдѣнія, которыхъ у него нѣтъ. Главное основаніе для критики даетъ поэтому общій характеръ Платона какъ историческаго свидѣтеля. Вопросы, которые этимъ характеромъ критикѣ предлагаются, лучше всего могутъ быть выяснены изъ возможно полнаго историческаго обзора болѣе или менѣе авторитетныхъ о немъ мнѣній. Съ этого обзора я поэтому и начинаю.

2. *Древняя критика о Платонѣ.* Относительно добросовѣстности свидѣтельствъ Платона возбуждались сомнѣнія неоднократно и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Уже Сократъ, прочитавъ діалогъ „Лисисъ", будтобы воскликнулъ: „Какъ много налгалъ на меня Платонъ!" [1]). Подобнымъ же образомъ выразились будтобы по прочтеніи соименныхъ имъ діалоговъ Горгій и Фэдонъ; первый будтобы сказалъ даже, что Платонъ—новый Архилохъ, умѣющій ловко осмѣивать [2]). Современникъ Платона, историкъ Θеопомпъ, заявляетъ, что большинство Платоновыхъ діалоговъ лживы [3]). Тимонъ Силлографъ характеризуетъ Платона какъ искуснаго въ измышленіяхъ выдумщика [4]). Діонисій Галликарнасскій указываетъ на его честолюбіе, заставлявшее его намѣренно унижать риторовъ, софистовъ и философовъ [5]); Цице-

---

[1]) Diog. Laert. III, 35.

[2]) Athen. XI, 113.

[3]) Ibid. 118: τους πολλοὺς (φησὶ Θεόπομπος ὁ Χῖος) των διαλόγων αὐτοῦ ἀχρείους καὶ ψευδεῖς ἂν τις εὕροι, ἀλλοτρίους δὲ τοὺς πλείους, ὄντας ἐκ των Ἀριστίππου διατριβων, ἐνίους δὲ κἀκ των Ἀντισθένους, πολλους δὲ καὶ των Βρυσωνος τοῦ Ἡρακλεωτου Ο плагіатахъ, въ которыхъ Θеопомпъ вмѣстѣ съ другими (Tim. Phl 65—70 Mull. Porph. ap. Euseb. Praep. Ev. X, 3, 24—25 Aristox. ap. Diog L. III, 37. Phavor. ib. 57. Alcim. ib. 12) обвиняетъ Платона, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. (См. гл. IV и VIII).

[4]) Ibid. 113 (71 Mull.):

ὡς ἀνέπλαττε Πλάτων, παπλασμενα θαύματα εἴδως

[5]) Dionys Epist. ad. Cn. Pomp. De Platone, VI, 756 R: ἐῶ γὰρ τὰς ἄλλας αὐτοῦ γραφὰς παραφέρειν, ἐν αἷς κωμῳδεῖ τους πρὸ ἑαυτου, Παρμενίδην τε, καὶ Ἱππίαν, καὶ Πρωταγόραν, καὶ Πρόδικον, καὶ Γοργίαν, καὶ Πῶλον, καὶ Θεόδωρον, καὶ Θρασυμαχον, καὶ ἄλλους συχνούς, οὐκ ἀπὸ του βελτίστου πάντα περὶ αὐτων γράφων, ἀλλ', εἰ βούλει, καὶ ἀπὸ φιλοτιμίας. ἦν γάρ, ἦν μεν τῇ Πλάτωνος φύσει πολλὰς ἀρετὰς ἐγούσῃ τὸ φιλότιμον. Главное доказательство этого честолюбія Діонисій видитъ въ томъ, что Платонъ изгналъ изъ своего государства Гомера, украсивъ его вѣнкомъ и умастивъ масломъ, „какъ будто этого Гомеру не доставало". Нѣсколько далѣе (p. 757) Діонисій заявляетъ, что не онъ первый ополчился противъ Платона: πολλοί γάρ εὑρεθήσονται πρὸ ἐμοῦ τουτο πεποιηκότες, οἱ μὲν κατὰ τὸν ἐκείνου γενόμενοι χρόνον, οἱ δὲ λίαν ὕστερον ἐπακμάσαντες. καὶ γὰρ τὰ δόγματα διεβαλον αὐτοῦ τινες, καὶ τους λόγους ἐμέμφαντο. πρῶτον μὲν ὁ γνησιώτατος αὐτοῦ μαθητὴς Ἀριστοτέλης, ἔπειτα οἱ περὶ Κηφισόδωρόν τε (ученикъ Исократа, написавшій въ его за-

ронъ—на праздность, вслѣдствіе которой онъ насмѣхался надъ хлопотливыми ораторами и софистами [6]).

Риторъ Аристидъ, жившій во II вѣкѣ по Р. Х., написалъ цѣлыя двѣ рѣчи („О риторикѣ“ и „За Четырехъ“) съ цѣлью выяснить недобросовѣстность и злорѣчіе Платона.

У Платона (говоритъ Аристидъ) была слишкомъ богато одаренная природа, и уже поэтому онъ не могъ не вымышлять [7]). Анахронизмы въ его діалогахъ лучше всего свидѣтельствуютъ, какъ мало стѣснялся онъ истиной [8]). Но самое главное основаніе не довѣрять Платону то, что для него, за исключеніемъ одной только Академіи, вся остальная Аттика достойна осужденія и осмѣянія [9]). Платонъ враждебенъ рѣшительно ко всѣмъ. Поэтовъ, какъ трагическихъ, такъ и дивирамбическихъ, не исключая и Гомера, онъ выгоняетъ [10]). Государственныхъ дѣятелей, особенно Ѳемистокла, Мильтіада, Кимона и Перикла осмѣиваетъ [11]), изображаетъ намѣренно въ наихудшемъ видѣ, на подобіе того, какъ Аристофанъ своего колбасника, привязываетъ къ позорному столбу [12]) и пр. Риторовъ онъ считаетъ ничѣмъ не почтеннѣе поваровъ, и поноситъ тѣмъ болѣе, что, по его собственнымъ словамъ, риторика хуже софистики, а софисты, по Платону, ничѣмъ не лучше тѣхъ, которые несутъ наказаніе въ адѣ [13]). Всякій легко можетъ убѣдиться, что Платонъ постоянно осмѣиваетъ

щату рѣчь противъ Аристотеля, Smith, Dictionary of Greek and Roman Biography etc. Lond 1876, I, 668 b), καὶ Θεόπομπον, καὶ Ζωΐλον, καὶ Ἱπποδάμαντα (лицо неизвѣстное), καὶ Δημήτριον (вопросъ только, какой), καὶ ἄλλοι συχνοί, οὐ διὰ φθόνον, ἢ διὰ φιλαπεχθημοσύνην κωμῳδοῦντες, ἀλλὰ τὴν ἀλήθειαν ἐξετάζοντες.

6) Cic. de Orat. III, 31, 122· nostra est, inquam, omnis ista prudentiae doctrinaeque possessio, in quam homines quasi caducam atque vacuam abundantes otio, nobis occupatis, involaverunt atque etiam aut inridentes oratorem, ut ille in Gorgia Socrates, cavillantur и пр. De Finibus II, 1, 2: sed at illum, quem nominavi (Gorgiam) et ceteros sophistas lusos videmus a Socrate.

7) De Quatuorviris 295 (Din.): τῆς φύσεως κέχρηται περιουσίᾳ и пр. ibid. p. 370, 372, 373: ἀλλ' ἔστι ταῦτα ἀπὸ τῆς τῶν διαλογων ἐξουσίας καὶ συνηθείας ὡρμημένα. τῷ γὰρ ἅπαντας αὐτοὺς ἐπιεικῶς εἶναι πλάσματα καὶ πλάττειν ἐξεῖναι δὶ ὧν ἂν τις βούληται, ἔνεστί τι καὶ τοῖς λόγοις αὐτοῖς οὐ σφόδρα τίρουν τὴν ἀλήθειαν. καὶ ἅμα μοι δοκεῖν ἐφίλοτται τι τῆς ἐλευθερίας καὶ τῆς μεγαλοπρεπείας, καὶ οὐ παντάπασιν ἀργόλογεῖται, ἀλλ', ὥσπερ ἔφην, συγχωρεῖ τῇ φύσει. ibid. p. 397.

8) Ibid. 370, сл.

9) Ibid. 379.

10) Ibid 378.

11) Въ защиту ихъ и написана рѣчь „За Четырехъ“.

12) Ibid. 384, сл. 391. сл.

13) Ibid. 377, сл.

софистовъ [14]). Его вражда къ софистамъ была настолько велика, что самое имя софистъ, первоначально почетное, стало позорнымъ именно благодаря его стараніямъ [15]). Однимъ словомъ—діалоги Платона не что иное какъ комедіи [16]), въ которыхъ за каждымъ изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ самъ Платонъ [17]), подъ часъ съ цѣлью доказать какое нибудь нелѣпое положеніе [18]).

Но самаго суроваго критика Платонъ нашелъ въ Аѳинэѣ, жившемъ въ III в. по Р. Х. Этотъ компиляторъ выставилъ длинный списокъ погрѣшностей Платона [19]). Привожу этотъ списокъ въ сокращеніи, исключая всѣ очевидныя ошибки, фактическія извращенія и не относящіяся къ дѣлу замѣчанія.

Анахронизмы въ „Менексенѣ“, „Горгіи“, „Пирѣ“ и „Протагорѣ“ доказываютъ, что Платонъ вымышлялъ свои діалоги [20]). Платонъ говоритъ неправду объ участіи Сократа въ битвахъ при Потидеѣ, Деліи, Амфиполисѣ. Это участіе не засвидѣтельствовано ни однимъ изъ „историковъ или поэтовъ“ [21]). Ни одинъ изъ комиковъ не сказалъ о Сократѣ того, что наговорилъ о немъ Платонъ—будто онъ былъ сыномъ повивальной бабки, будто у него была злая жена Ксантиппа, будто онъ спалъ подъ однимъ плащемъ съ Алкивіадомъ,—а обо всемъ этомъ не преминулъ-бы упомянуть Аристофанъ для осмѣянія Сократа. Вообще ложь все, что разсказываетъ Платонъ о Сократѣ [22]). По Платону, всѣ одинаково никуда негодны. Про Аѳинскій народъ онъ говоритъ, что онъ носитъ только красивую личину, но что его слѣдуетъ смотрѣть раздѣвши; напротивъ восхва-

---

[14]) Ibid. 378: ῥᾴδιον γὰρ καὶ τῷ τυχόντι γνωναι τοῦτό γε, ἐπάσον τι Πλάτων ἀεὶ των σοφιστῶν καταγελᾷ и пр. ibid. p. 381. ἔπειτα τῆς μὲν κωμῳδίας κατηγορεῖς, αὐτὸς δὲ κωμῳδεῖς Ἵππίαν, Πρόδικον, Πρωταγόραν, Γοργίαν, Εὐθύδημον, Διονυσόδορον .. πάντας ἀνθρώπους. ibid p. 192: Θρασύμαχον συνοφαντεῖν, ibid. 377: σοφίζεται κατ' ἐπονυμίαν Πῶλον и др. Ср. слѣд. пр.

[15]) Ibid. 408: ἐπεί καὶ τὸν σοφιστὴν δοκεῖ μέν πως κακίζειν ἀεί, καί ὅ γε δὴ μάλιστα ἐπαναστὰς τῷ ὀνόματι Πλάτων εἶναί μοι δοκεῖ. Совершенно также Grote, History of Greece, VIII, a new edit. Lond. 1869. 155. Ниже стр. 12, пр. 68.

[16]) Ibid. 381 и др. (см. выше, пр. 14).

[17]) Ibid. 387. τίς γὰρ οὐκ οἶδεν ὅτι καὶ ὁ Σωκράτης καὶ ὁ Καλλικλῆς καὶ ὁ Γοργίας καὶ ὁ Πῶλος πάντα ταυτ' ἐστὶ Πλάτων, πρὸς τὸ δοκουν αυτῷ τρέπων τοὺς λόγους. ibid. p. 295. Совершенно также Grote, Plato, I[3], 290 и др. ниже, стр. 12, пр. 65.

[18]) Ibid. 370.

[19]) Athen. V, 56—57; XI, 112—120.

[20]) Ibid. V, 56—59.

[21]) Ibid. V, 55. 60.

[22]) Ibid. V, 61.

ляетъ Лакедемонянъ и враговъ всѣхъ грековъ—Персовъ. Въ „Менонѣ“ онъ хулитъ величайшихъ изъ Аѳинянъ—Аристида и Ѳемистокла и хвалитъ предателя Еллиновъ Менона, въ діалогѣ о храбрости злословитъ Мелисія, сына Ѳукидида, противника Перикла, и Лисимаха, сына Аристида, называя ихъ недостойными отцовъ [23]); въ „Пирѣ“ разсказываетъ объ Алкивіадѣ такія непристойности, что ихъ нельзя даже и произнести при свѣтѣ; въ „Горгіи“ хулитъ Горгія и Архелая, своего друга; въ „Протагорѣ“ выставляетъ на посмѣяніе за разъ множество мудрыхъ людей, поэтовъ и не поэтовъ; въ „Менексенѣ“ издѣвается надъ Антифонтомъ Рамнусійскимъ и музыкантомъ Ламиромъ [24]); въ „Евѳидемѣ“ смѣшиваетъ съ грязью и позоритъ Евѳидема и Діонисодора, называя ихъ еристиками и запоздалыми въ наукѣ стариками [25]); въ „Государствѣ“ клевещетъ на Ѳрасимаха, изображая его согласно съ его именемъ [26]); брата Алкивіада, Клинія, называетъ сумашедшимъ, сыновей Клинія—глупыми, Мидія перепелочникомъ [27]), и пр.—не достало бы цѣлаго дня, если бы перечислять всѣхъ, охуленныхъ Платономъ [28]). Эта непріязнь къ людямъ объясняется тѣмъ, что Платонъ былъ честолюбивъ, завистливъ и вообще злонравенъ [29]). Его нравственная негодность доказывается и тѣмъ, что его ученики были тиранами и клеветниками. Всему этому они научились изъ его „прекраснаго Государства“ и „беззаконныхъ Законовъ“ [30]).

3. *Новая критика о Платонѣ.* Въ духѣ этихъ отзывовъ старины изъ новыхъ впервые высказался по поводу свидѣтельствъ Платона о софистахъ именитый изслѣдователь греческой старины, Бартелеми, въ своемъ „Путешествіи молодаго скиѳа Анахарсиса“ [31]).

---

[23]) Ibid. XI, 114.

[24]) Ibid. XI, 115.

[25]) Ibid. XI, 114.

[26]) Ibid. XI, 113: διαβάλλει δὲ Πλάτων καὶ Θρασύμαχον τὸν Χαλκηδόνιον, σοφιστὴν ὅμοιον εἶναι λέγων τῷ ὀνόματι. Совершенно также Grote, Plato, III^2, 330. (ниже, стр. 12, пр. 70).

[27]) Ibid. XI, 114.

[28]) Ibid. XI, 115· ἐπιλίποι ἄν με ἡ ἡμέρα, εἰ πάντας ἐθελήσαιμι ἐπελθεῖν τους κακῶς ἀκούσαντας ὑπὸ τοῦ σοφοῦ.

[29]) Ibid XI, 116.

[30]) Ibid. XI, 118 сл.

[31]) Barthelémy, Voyage du jeune Anacharsis en Grèce etc. 3-me ed., Paris, 1790, IV, 234, sq.

Приведя изъ Платонова „Протагора“ рѣчь Продика, построенную на „различеніи именъ“, Бартелеми замѣчаетъ:

„Если бы Продикъ выражался такимъ образомъ, у кого бы хватило терпѣнія его слушать и читать? Пробѣгите его произведенія (напримѣръ переданный Ксенофонтомъ разсказъ о Геркулесѣ на распутьи) и вы будете поражены его мудростью, а также изяществомъ его стиля. Это Платонъ вложилъ ему въ уста ту рѣчь, которая была только что приведена. Подобнымъ же образомъ онъ потѣшался на счетъ Протагора, Горгія и знаменитѣйшихъ ораторовъ своего времени. Онъ ихъ заставляетъ въ своихъ діалогахъ спорить со своимъ учителемъ и изъ этихъ вымышленныхъ разговоровъ дѣлаетъ довольно забавныя сцены.... Начерченные Платономъ портреты не имѣютъ даже общаго сходства съ оригиналомъ; какъ нельзя судить о Периклѣ и Сократѣ по комедіямъ Аристофана, такъ не слѣдуетъ судить о Протагорѣ, Продикѣ и Горгіи по діалогамъ Платона. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ основаніе возставать противъ ихъ ученій, но долженъ-ли былъ онъ представлять ихъ людьми безъ идей, безъ смысла, неспособными слѣдить за ходомъ разсужденій, всегда готовыми попасть въ самую грубую западню, произведенія которыхъ не заслуживаютъ ничего кромѣ презрѣнія? Если бы у нихъ не было большихъ талантовъ, они не были бы столь опасными. Я не говорю, что онъ завидовалъ ихъ репутаціи, какъ подозрѣваютъ нѣкоторые; но въ дни своей юности онъ имѣлъ слишкомъ большую склонность къ вымысламъ и насмѣшкамъ“.

Съ бо́льшимъ уваженіемъ къ Платону, какъ писателю, но не съ бо́льшей вѣрой въ его историческую добросовѣстность, характеризуетъ его отношеніе къ софистамъ другой именитый знатокъ греческой древности, Дройзенъ [32]). „Издавна привыкли, говоритъ онъ, произносить имя софистики съ большимъ презрѣніемъ, даже съ нескрываемымъ упрекомъ въ обманѣ и притворствѣ. При этомъ увлекаются талантливыми изображеніями Платона, но забываютъ, что высшее развитіе несомнѣнно строится надъ тѣми основаніями, изъ которыхъ исходитъ, что самъ Платонъ безъ этихъ предшественниковъ не могъ бы быть тѣмъ, что онъ есть, что наконецъ онъ свои болѣе разви-

---

[32]) Aristoph. Werke übers v. Droysen, 3-r Th, Berl. 1838, 8 f. Въ послѣдующихъ изданіяхъ отрывокъ этотъ выпущенъ.

тые взгляды влагаетъ въ уста Сократа и этой идеализаціей его возвышаетъ въ той же мѣрѣ, въ какой понижаетъ цѣну противопоставленной ему софистики. Онъ переноситъ образъ софистовъ своего времени съ художественной инсинуаціей на болѣе древнія прославленныя имена Продика, Гиппія, Протагора, Горгія и заставляетъ ихъ казаться представителями ложной мудрости, какъ Сократа—истиннымъ мудрецомъ. И однако же съ появленія тѣхъ людей протекло тридцать или сорокъ лѣтъ, въ которые съ невѣроятною быстротою и многосторонностью произошло полное преобразованіе общаго сознанія, полная побѣда просвѣщенія надъ старогреческимъ духомъ. Величайшая историческая несправедливость не признавать за этими достопамятными умами, этими поборниками просвѣщенія и раціонализма ихъ высокаго права и значенія".

Изъ спеціалистовъ по философіи впервые на почву отрицательной критики сталъ въ вопросѣ о свидѣтельствахъ Платона извѣстный его переводчикъ и толкователь Шлейермахеръ [33]). Отдавая должное великому философскому и систематическому генію Платона [34]), Шлейермахеръ ставитъ на видъ, что Платонъ порою въ лицѣ однихъ затрогиваетъ другихъ съ цѣлью полемики или самозащиты [35]). Въ „Гиппіи Большемъ" слѣдуетъ видѣть кого нибудь изъ современниковъ [36]); въ „Горгіи" подъ Калликломъ и въ „Θеэтетѣ" подъ Протагоромъ скрывается Аристиппъ [37]), а подъ Кратиломъ въ діалогѣ этого имени—Антисѳенъ [38]). Въ „Θеэтетѣ" Платонъ отражаетъ направленные противъ его философіи укоры; первою частью онъ мѣтитъ въ Аристиппа, второю—въ Антисѳена [39]); этихъ же двухъ философовъ затрогиваетъ онъ въ „Менонѣ" [40]). Въ „Евѳидемѣ" Платонъ такъ сильно осмѣиваетъ и позоритъ софистовъ, что можно было бы даже признать этотъ діалогъ недостойнымъ Платона [41]), если бы нельзя

---

[33]) Platon's Werke, übers. v Schleiermacher, 2-te Aufl Berl. 1817—1828. Третьяго изданія (1857) не имѣлъ подъ руками

[34]) См. ниже, гл. II.

[35]) II, 1, 20 f. 184 f.

[36]) II, 3, 409.

[37]) II, 1. 183—184.

[38]) II, 2, 15 f.

[39]) II, 1, 182 f.

[40]) II, 1, 331.

[41]) II, 1,339, f.

было считать доказаннымъ предположеніе, что подъ маской Евѳидема и Діонисодора осмѣиваются Антисѳенъ и Мегарики, отъ нападокъ которыхъ Платонъ защищается [42]).

Еще рѣзче оттѣняетъ полемическую сторону Платоновыхъ діалоговъ другой извѣстный толкователь Платона, Штальбаумъ [43]). Діалоги „Лахесъ", „Хармидъ", „Евѳифронъ", „Менонъ", „Протагоръ", „Евѳидемъ" написаны для того, чтобы противопоставить призрачной мудрости и добродѣтели этихъ лицъ истинную мудрость и доблесть Сократа [44]). Цѣль „Горгія" порицаніе риторовъ и политиковъ и вмѣстѣ указаніе на путь и способъ хорошей и счастливой жизни [45]). Въ „Фэдрѣ" Платонъ въ лицѣ Лисія урекаетъ и караетъ всѣхъ вообще риторовъ, наслѣдниковъ Сицилійской школы, (за исключеніемъ лишь Исократа), совершенно такъ же, какъ Аристофанъ въ лицѣ Сократа осмѣиваетъ всѣхъ вообще софистовъ [46]). „Менексенъ" написанъ для осмѣянія гражданъ и риторовъ аѳинскихъ за ихъ злоупотребленіе риторикой въ угоду честолюбію и тщеславію [47]). Въ „Лисисѣ" искуснымъ подражаніемъ отдается на посмѣяніе еристика [48]); въ „Софистѣ" и „Политикѣ"—слишкомъ тонкая діалектика Мегариковъ [49]). Въ „Гиппіи Большемъ" Платонъ желаетъ наказать глупую гордость и напыщенность этого софиста, а вмѣстѣ съ нимъ осмѣять и всѣхъ ему подобныхъ [50]); точно также и цѣль „Гиппія Меньшаго"—показать глупость Гиппія [51]). Въ „Ѳеэтетѣ" подняты на смѣхъ послѣдователи Протагора, „отдѣланы" Гераклитяне, „освистаны" всѣ тѣ, которые сводили свои воззрѣнія къ авторитету Гомера, Орфея и другихъ древнѣйшихъ поэтовъ. Въ "Кратилѣ" [52]) обличены нелѣпыя теоріи о происхожденіи именъ, при чемъ извращенной этимологіи софистовъ и философовъ

---

[42]) II, 1, 404—406.

[43]) Platonis Opera omnia, rec prol. et comm. instr. Gdfr. Stallbaum, Gothae, 1833—1858.

[44]) Proleg. ad Protag. 14, ad Charm 119, ad Lach. 18, ad Euthyph. 138, ad Men. 11, ad Euthyd. 16.

[45]) Proleg. ad Gorg. 40.

[46]) Proleg. ad Phaedr. CXXVIII.

[47]) Proleg. ad Menex 16

[48]) Proleg. ad Lys. 109.

[49]) Proleg. ad Pol. 66.

[50]) Proleg ad Hipp Maj. 177.

[51]) Proleg. ad Hipp Min 271.

[52]) Proleg. ad Theaet. 12

противопоставленно истинное ученіе [53]) и проч. Даже въ великолѣпной рѣчи Аристофана въ „Пирѣ“ Штальбаумъ усмотрѣлъ желаніе Платона унизить ея автора [54]).

На подобной же точкѣ зрѣнія стоитъ (въ предисловіяхъ къ Миллерову переводу Платона) одинъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ Платона—Штейнгартъ [55]). По его мнѣнію, всѣ вообще діалоги Платона, въ особенности перваго періода, имѣютъ назидательный характеръ [56]). И хотя Штейнгартъ не соглашается, что Платонъ переносилъ черты однихъ лицъ на другихъ [57]) и вообще лжесвидѣтельствовалъ противъ кого либо [58]), однако и онъ остается вѣренъ старинному взгляду. что Платонъ осмѣиваетъ софистовъ и ведетъ борьбу съ ними [59]), при чемъ отдѣльныя личности возводитъ въ типы. „Гиппій Меньшій“, напримѣръ, написанъ для того, чтобы въ образѣ этого софиста показать безсмысленную, пустую, сбивающую съ толку дѣятельность софистовъ [60]).

Въ англійской литературѣ самымъ раннимъ выразителемъ отрицательнаго взгляда на историческія свидѣтельства Платона былъ авторъ популярной „Исторіи философіи“ Льюисъ.

„Судить о софистахъ по Платону (говоритъ онъ) [61]) все равно, какъ если бы всѣ согласились судить о Сократѣ по тому изображенію его, какое мы находимъ въ „Облакахъ“ Аристофана. Карикатура Аристофана даетъ такое же понятіе о Сократѣ, какое даетъ каррикатура Платона о софистахъ; разница здѣсь та лишь, что Аристофаномъ двигала политическая антипатія, Платономъ же идейная.... Платонъ по многимъ причинамъ не любилъ софистовъ и не упускалъ поэтому случая осмѣять ихъ; къ ихъ мнѣніямъ онъ былъ не расположенъ и поэтому искажалъ ихъ... Ученіе софистовъ онъ конечно представилъ въ каррикатурномъ видѣ, такъ какъ невозможно,

---

53) Proleg. ad Cratyl. 3.

54) Proleg. ad Conv. XLV, sq.

55) Platons Sammtliche Werke, ubers. v. H. Muller, mit Einleit. begl. K. Steinhart, Leipz. 1850—1866.

56) I, 397 f.

57) II, 190.

58) II, 356.

59) I, 397 f. II, 87. 346.

60) I. 41.

61) Lewes, History of Philosophy, I, 106.

чтобы кто либо серьезно держался взглядовъ подобныхъ тѣмъ, которые изложены у Платона. Мы не видимъ у него подлинныхъ мнѣній Протагора и Горгія, идеи ихъ приведены въ искаженномъ видѣ. Платонъ, выбравъ одну изъ ихъ доктринъ и объяснивъ ее по своему, старается показать, что она ведетъ къ вопіющей нелѣпости и безнравственности.... [62]). Опытъ говоритъ намъ, что ни одинъ человѣкъ и тѣмъ менѣе цѣлая корпорація людей не можетъ серьезно, публично и постоянно распространять идеи, подрывающія всякую нравственность, не подвергаясь за это самому тяжкому наказанію. Для того, чтобы распространять безнравственныя идеи съ самой слабой надеждой на успѣхъ, человѣкъ долженъ дѣйствовать во имя строгой нравственности. Учить безнравственности и открыто считать это безнравственнымъ—въ этомъ и заключалась, по мнѣнію Платона, профессія софистовъ — мнѣніе, которое въ самомъ себѣ заключаетъ противорѣчіе" [63]).

Почти съ той же точки зрѣнія, только болѣе широко и на первый взглядъ болѣе основательно, смотритъ на Платона самый авторитетный изъ его критиковъ, авторъ „Исторіи Греціи" Георгъ Гротъ.

„Отъявленный врагъ и генеральный обвинитель софистовъ— Платонъ былъ великимъ систематическимъ теоретикомъ, котораго взгляды на этику, политику, познаніе, религію и прочее были гармонически связаны его собственнымъ умомъ и запечатлѣны тою особенностью, которая служитъ признакомъ оригинальнаго умственнаго склада Такое блестящее усиліе спекулятивнаго генія принадлежитъ къ чудесамъ греческаго міра. Его несочувствіе всѣмъ обществамъ, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя, не только демократическимъ, но также олигархическимъ и деспотическимъ, было самаго грубаго и радикальнаго характера. И онъ не обманывалъ себя вѣрой, что какое нибудь частное исправленіе того, что онъ видѣлъ вокругъ, способно повести къ поставленной имъ цѣли; онъ желалъ не другого чего, но перерожденія человѣка и гражданина, съ учрежденіями разсчитанными съ самаго начала на то, чтобы выработать полную мѣру совершенства. Его плодотворное воображеніе реализовало эту идею

---

[62]) Ibid. 119.
[63]) Ibid. 120.

въ „Государствѣ“. Но этотъ самый систематическій и оригинальный характеръ, который придаетъ такъ много цѣны и прелести основнымъ воззрѣніямъ Платона, служитъ доводомъ противъ его правдивости какъ критика и свидѣтеля относительно современныхъ ему агентовъ, которыхъ онъ видѣлъ дѣйствующими въ Аѳинахъ и другихъ городахъ въ качествѣ правителей, полководцевъ, учителей. Его критическія замѣчанія были подсказаны его собственной точкой зрѣнія, съ которой все общество представлялось развращеннымъ и всѣ орудія, поддерживающія его функціи—по самому существу изъ низкаго металла. Всякій, кто прочтетъ „Горгія“ или „Государство“, увидитъ какъ поголовно и неразборчиво онъ произноситъ свой приговоръ осужденія. Не только всѣ софисты и риторы, но всѣ музыканты и дѳѳирамбическіе или трагическіе поэты, всѣ государственные люди, какъ прежніе, такъ и настоящіе, не исключая даже великаго Перикла—получаютъ изъ его рукъ одну общую печать безчестія.... Такое поголовное осужденіе выдаетъ себя какъ отпрыскъ и при томъ какъ послѣдовательный отпрыскъ систематической особенности воззрѣнія,—какъ предразсудокъ великаго и способнаго ума. Было бы столь же несправедливо оцѣнивать софистовъ и государственныхъ людей Аѳинъ съ точки зрѣнія Платона, какъ настоящихъ учителей и политиковъ Англіи или Франціи съ точки зрѣнія Овена и Фурье....“ [64]).

„Діалоги Платона поясняютъ подробно тѣ аггрессивные пріемы, которые Сократъ намѣтилъ въ общихъ чертахъ въ „Апологіи“ какъ цѣль и миссію своей жизни....“ „Многія изъ лицъ носятъ историческія имена, но необходимо предупредить читателя, что всѣ они говорятъ слова и выражаютъ чувства не свои собственныя, а вложенныя имъ въ уста Платономъ. Вы можете совершенно также судить о Сократѣ по тому, что мы читаемъ въ „Облакахъ“ Аристофана или о Метонѣ потому, что мы находимъ въ „Птицахъ“, какъ изображать историческіе характеры Менона, Протагора, Горгія, Пола, Калликла, Ѳрасимаха и др. на основаніи діалоговъ Платона. Всѣ эти лица должны быть оцѣниваемы какъ драматическія фигуры, наряженныя авторомъ для его собственныхъ цѣлей и выражающія

64) Grote, History of Greece, a new ed. Lond. 1869. VIII, 198 sq.

такія мнѣнія, какія онъ назначаетъ для нихъ—все равно, желаетъ-ли онъ, чтобы они были опровергнуты другими, или нѣтъ“ [65]).

Отъ Сократа Платонъ унаслѣдовалъ не только методъ, но и взглядъ на торговлю мудростью какъ на недостойное свободнаго человѣка и философа дѣло [66]). Въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ нелюбви его къ софистамъ: онъ не упускаетъ случая поднять ихъ за это на смѣхъ [67]). Настолько было велико его нерасположеніе къ „платнымъ наставникамъ мудрости“, что первоначально почетное слово софистъ превратилось въ позорное главнымъ образомъ благодаря его сочиненіямъ [68]).

Что изображенные въ „Евѳидемѣ“ софисты соотвѣтствовали какимъ нибудь дѣйствительнымъ лицамъ въ Аѳинахъ, не доказано и невѣроятно [69]). Нравственная теорія, которую Платонъ влагаетъ въ уста Ѳрасимаха въ „Государствѣ“, никогда не была выставлена Ѳрасимахомъ въ томъ видѣ, въ какомъ является у Платона, такъ какъ въ высшей степени оскорбительна для демократическаго чувства [70]). Портретъ этого софиста расчитанъ на то, чтобы представить съ ненавистной точки зрѣнія проводимыя имъ теоріи, подобно тому, какъ Гомеръ осыпаетъ Ѳерсита личными безобразіями [71]). Въ „Ѳеэтетѣ“ Платонъ подъ именемъ Протагорова ученія смѣшиваетъ три различныя теоріи [72]).

Изъ новѣйшихъ необходимо отмѣтить мнѣнія заслуженнаго переводчика и толкователя Платона Джоуетта и представителей намѣченнаго Шлейермахеромъ „гевристическаго метода“ [73]) — Тейхмюллера и Диммлера.

Джоуеттъ [74]) считаетъ несомнѣннымъ, что Платонъ мало заботился объ исторической истинѣ или даже вѣроятности. Кто могъ бы подозрѣвать (спрашиваетъ онъ), что мудрый Критій, добродѣ-

---

[65]) Plato, I³, 290. 528 n 536. 549. II³, 1. 35. 324.

[66]) History of Greece, VIII, 153 sq. Plato, II³, 431.

[67]) Plato, II³, 233.

[68]) History of Greece, VIII, 155—156.

[69]) Plato, I³, 536.

[70]) History of Greece, VIII, 195 f.

[71]) Plato, III³, 30.

[72]) Plato, II³, 324.

[73]) См. ниже, стр. 14, пр. 94.

[74]) The Dialogues of Plato transl. by B. Jowett, Oxf. 1871. Вторымъ изданіемъ воспользоваться не могъ.

тельный Хармидъ окончили жизнь въ числѣ Тридцати тирановъ? Кто могъ бы вообразить, что Лисій, на котораго Платонъ нападаетъ въ „Фэдрѣ“, сынъ его стараго друга Кефала? Или же, что Исократъ былъ врагомъ Платона и его школы? [75]). Характеръ Менона точно также, какъ характеръ Критія, не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ его жизни. Платонъ молчитъ объ его измѣнѣ десяти тысячамъ грековъ, о которой повѣствуетъ Ксенофонтъ, точно также, какъ молчитъ о злодѣйствахъ Критія....[76]) Въ „Софистѣ“ Платонъ влагаетъ въ уста страннику мнѣнія, выходящія за предѣлъ доктринъ Елейцевъ [77]); въ другомъ мѣстѣ онъ (быть можетъ не честно) осмѣиваетъ современныхъ ему Гераклитянъ [78]). Что дѣйствительный Кратилъ былъ похожъ на его подобіе у Платона болѣе, чѣмъ Критій у Платона на дѣйствительнаго Критія, или же Евѳифронъ въ Кратилѣ—на Евѳифрона въ діалогѣ этого имени, у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ [79]). Однимъ словомъ, никакихъ заключеній нельзя выводить изъ пригодности или непригодности характеровъ у Платона.... Онъ часто пользуется именами имѣющими едва-ли какую нибудь связь съ историческими характерами, которымъ они принадлежатъ [80]). Его сочиненія—сатиры въ формѣ діалоговъ [81]).

Впрочемъ, Джоуеттъ признаетъ, что нѣтъ „никакого основанія“ предполагать, будто Платонъ въ „Протагорѣ“ „изображаетъ вымышленнаго Протагора“.., равнымъ образомъ нѣтъ какого либо основанія сомнѣваться и въ томъ, что Сократъ въ этомъ діалогѣ—также историческій характеръ... [82]), что во всѣхъ діалогахъ онъ (и слѣдовательно Платонъ)—безкорыстный искатель истины [83]), что Протагоръ выставленъ хотя и чваннымъ, но честнымъ и откровеннымъ [84]), что Сократъ оказываетъ ему такое почтеніе, какое только

---

[75]) I, 559.
[76]) I, 254—255.
[77]) III, 226.
[78]) III, 241.
[79]) I, 622
[80]) I, 559.
[81]) I, 620 625.
[82]) I, 112.
[83]) I, 10.
[84]) I, 111

совмѣстимо съ ироническимъ характеромъ [85]), что въ „Θεαιτητѣ“ отвѣты Протагора правильны и здравы [86]), что анализы въ этомъ діалогѣ оправдываются аналогіями въ „Воспоминаніяхъ“ Ксенофонта [87]), что Сократъ въ „Горгіи“ уважителенъ къ Горгію [88]), что Горгій, подобно Протагору, представленъ благороднымъ, а Полъ, хотя и обольщеннымъ силою риторики и ослѣпленнымъ блескомъ успѣха, не безчувственнымъ къ высшимъ доводамъ [89]), что Калликлъ показываетъ большія способности [90]), что анахронизмы въ „Горгіи“ имѣютъ общую совмѣстность [91]), что данныя въ „Парменидѣ“ не противорѣчатъ исторической возможности [92]), что критика идей вложена въ уста Пармениду умѣстно и пр. [93]).

По Тейхмюллеру [94]), Платонъ былъ политикъ, педагогъ и изслѣдователь. „Душа и нервная система діалога—истина, которую Платонъ нашелъ и желаетъ внушить; скелетъ и мускулатура—полемика противъ сочиненій или противъ практической дѣятельности вліятельныхъ лицъ, которыхъ обаяніе онъ желаетъ разрушить, покровъ цѣлаго искусно согканъ изъ талантливыхъ воспоминаній о Сократовыхъ разговорахъ или изъ вымышленныхъ встрѣчъ между выдающимися лицами недавняго прошлаго. Къ этому характеру искусства, который по своему *роду* относится къ полемическимъ сочиненіямъ въ *формѣ* разсказаннаго или драматическаго разговора, существенно принадлежитъ контрастъ этихъ обоихъ смѣшанныхъ элементовъ, образующій специфическое отличіе. Не безъ того, чтобы подобный Центавръ не страдалъ противорѣчіями и невозможностями: тогда какъ художественная форма заставляетъ какъ въ историческомъ романѣ ожидать возможно большей объективности и истори-

---

85) I, 114.
86) III, 328.
87) III, 323. 327.
88) III, 5.
89) III, 6.
90) III, 8.
91) III, 9.
92) III, 226.
93) III, 234 238—239.
94) G. Teichmüller, Literarische Fehden im vierten Jahrhundert vor Chr. I—II, Bresl. 1881—1884. Свой методъ (имѣющій главною цѣлью выяснить хронологическую послѣдовательность діалоговъ) Тейхмюллеръ называетъ „евристическимъ“ (II, Vorrede, VII f.). Хотя онъ и считаетъ свои пріемы новыми, на дѣлѣ они очевидно намѣчены Шлейермахеромъ.

ческой правильности, характеръ полемическаго сочиненія требуетъ, чтобы dramatis personae вели борьбу относящуюся къ Платонову времени и поэтому принимали въ возможно большей мѣрѣ черты, объекгивно вовсе имъ не свойственныя. Этотъ контрастъ отражается въ Платоновомъ юморѣ, отъ котораго собственно и происходитъ образъ Центавра, и въ его иронии: такъ какъ Сократъ долженъ говорить то, что желаетъ Платонъ, а не то, что онъ на самомъ дѣлѣ думалъ и говорилъ, и противники какъ Горгій, Полъ, Протагоръ, Евѳидемъ, Ѳрасимахъ и т. д., должны говорить то, что̀ для нихъ не выгодно и смѣшно, а не то что̀ охотно возразили бы скрытые подъ этой маской злые противники Платона“...[95]).

Каждый діалогъ есть слѣдствіе раздраженій, вызывавшихъ у Платона извѣстное движеніе мысли. За такія раздраженія прежде всего слѣдуетъ признать другія литературныя работы, затрогивавшія Платона либо прямо, либо косвенно, какъ противодѣйствующіе его вліянію на общество элементы, которые онъ желалъ разрушить. Наибольшая противоположность лежала въ Антисѳенѣ и примкнувшихъ къ нему Евѳидемѣ и Лисіи. Другимъ современникомъ, особенно раздражавшимъ Платона, былъ риторъ Исократъ, имѣвшій большой успѣхъ и слѣдовавшій направленію, которое было противно Платону. Кромѣ того Платонъ по разнымъ причинамъ вынужденъ былъ вступить въ полемику съ Ксенофонтомъ, Аристотелемъ и другими современниками. Поэтому въ Платоновыхъ діалогахъ должны быть намеки на этихъ лицъ [96]). Сочиненіями Антисѳена, Ксенофонта, Аристиппа, Исократа, Лисія и другихъ Платонъ пользуется самымъ тонкимъ образомъ, чтобы съ ними, какъ кошка съ мышью, вести остроумную и порою жестокую игру [97]). Онъ не терпѣлъ помимо себя никакихъ боговъ; за исключеніемъ двухъ, трехъ именъ, названныхъ имъ съ уваженіемъ, всѣ остальные прославляемые его современниками были въ его глазахъ дурны или смѣшны [98]). Пользуясь преимуществами драмы, которая даетъ возможность совершенно свободно за спиною однихъ нападать на другихъ [99]), Платонъ въ

---

[95]) I, 14, 22. 31. II, 15—16. 67.
[96]) I, 11. II, 81.
[97]) II, 55.
[98]) II, 52.
[99]) II, 285

„Евѳидемѣ“ подъ маской Діонисодора осмѣиваетъ Лисія [100]), а въ лицѣ переряженнаго въ Діонисодора Лисія и Евѳидема — учителя послѣдняго Антисѳена [101]), въ котораго сверхъ того мѣтитъ критикой ученія Протагора въ „Ѳеэтетѣ [102]), точно также какъ въ Лисія — рѣчами Алкивіада и Павсанія въ „Пирѣ“ [103]). Въ „Государствѣ“, „Пирѣ“ и „Евѳидемѣ“ Платонъ отвѣчаетъ Исократу [104]), въ „Парменидѣ“ желаетъ привлечь на свою сторону Аристотеля [105]), въ „Законахъ“ отражаетъ нападеніе этого своего ученика [106]), въ „Протагорѣ“ и „Хармидѣ“ ведетъ полемику съ Ксенофонтомъ [107]), въ „Государствѣ“ полемикой съ Ксенофонтомъ „раздираетъ Сократу голову“ [108]), въ „Ѳеэтетѣ“ затрогиваетъ Симона [109]). Подъ знаменитымъ Лысымъ кузнецомъ въ „Государствѣ“ [110]) подразумѣвается братъ Лисія Евѳидемъ [111]). Осмѣивая своихъ противниковъ то въ маскахъ [112]), то называя по именамъ, въ послѣднемъ случаѣ однако тономъ, показывающимъ, что они ниже его не только по таланту и характеру, но и по общественному положенію, Платонъ не забываетъ выставить въ наилучшемъ свѣтѣ себя, защищать и идеализировать членовъ своей опозоренной семьи, увѣковѣчивать имена своихъ друзей и возвышать обаяніе аристократіи [113]). Въ „Хармидѣ“, первой и второй книгѣ „Государства“, „Критіи“ и „Тимэѣ“ Платонъ исправляетъ и сглаживаетъ дурные образы этихъ лицъ безпощадно начерченные Ксенофонтомъ и беретъ этихъ своихъ родственниковъ подъ защиту [114]).

Главное основаніе для всѣхъ этихъ выводовъ даетъ Тейхмюл-

---

100) II, 275. См. ниже, стр. 18.

101) I, 39. 44 f. Антисѳенъ лично былъ, по Тейхмюллеру, настолько противенъ Платону, что послѣдній не могъ даже произнести его имя II, 285.

102) I, 34. II, 67. 107. 128.

103) II, 266 f. Ниже, стр. 17.

104) I, 102 f. II, 240 f. 267 f.

105) I, 225 f.

106) I, 165 f. 200 f. 252 f.

107) II, 51 f. 69 f.

108) I, 81 f.

109) II, 105 f.

110) De Rep. 495, E.

111) II, 118—119. См. ниже.

112) I, 34.

113) II, 16.

114) I, 41. II, 47 f. 57 f. 64 f.

АКАДЕМИЯ

леру его талантъ „смѣлыхъ комбинацій“ [115]), уполномочивающій его по нѣсколькимъ и даже по одному незначительному штриху воспроизводить цѣлыя картины.

Типическимъ образцомъ такихъ комбинацій можетъ служить доказательство, что за спиною лысаго кузнеца въ „Государствѣ“ скрывается братъ Лисія Евѳидемъ. Подъ этимъ кузнецомъ, по мнѣнію Тейхмюллера, Платонъ долженъ подразумѣвать какого нибудь выдающагося еристика, а что подразумѣвается именно Лисіевъ братъ Евѳидемъ, видно изъ того, что „у сыновей Кефала была фабрика щитовъ, при которой для мѣдныхъ частей необходимо должна быть литейная и кузница, и Платонъ не отнимаетъ отъ нихъ чести самыхъ искусныхъ въ своемъ дѣлѣ“ [116]).

Въ доказательство, что рѣчи Павсанія и Алкивіада въ “Пирѣ“ направлены противъ Лисія, Тейхмюллеръ приводитъ три сопоставленія. Во первыхъ „Пиръ“ написанъ противъ Лисія и Исократа [117]). Лисій, чтобы возбудить ненависть толпы къ аристократамъ (и такимъ образомъ отомстить Платону за его нападки въ „Евѳидемѣ“) [118]), написалъ рѣчь противъ молодаго Алкивіада (сына Алкивіада знаменитаго), въ которой, говоря о его распутствѣ, между прочимъ упоминаетъ и о томъ, что онъ „въ подражаніе своимъ предкамъ“ лежалъ при свидѣтеляхъ подъ однимъ одѣяломъ съ нѣкимъ Архедемомъ, а Исократъ въ „Бусирисѣ“, намекая на Платона, называетъ вымысломъ распускаемый хвалителями Сократа слухъ, что Алкивіадъ былъ ученикомъ Сократа. Платонъ отвѣчаетъ тому и и другому тѣмъ, что заставляетъ пьянаго Алкивіада разсказывать, какъ онъ, Алкивіадъ, строилъ любовныя шашни Сократу и лежалъ подъ однимъ съ нимъ плащемъ и какъ былъ очарованъ его философіей. Эта рѣчь своей идеальной силой и геніальной откровенностью должна была ошеломить малодушнаго мѣщанственнаго кропателя рѣчей Исократа и вмѣстѣ его убѣдить, что въ „Пирѣ“ заставляетъ говорить Алкивіада тотъ, „кто либо былъ съ нимъ лично знакомъ, либо по крайней мѣрѣ по положенію своего семейства вполнѣ зналъ характеръ и личныя отношенія Алкивіада, и въ сра-

---

[115]) I, 23
[116]) II, 118—119.
[117]) II, 266 f.
[118]) II, 271.

вненіи съ его притязаніями и геніемъ чувствовалъ себя совершенно полноправнымъ или даже высшимъ, а Лисій долженъ былъ видѣть, что Платонъ ничуть не стѣсняется совершенно открыто признать его пошлыя обвиненія, на самомъ дѣлѣ изображая передъ глазами изумленнаго читателя Алкивіада отца подъ однимъ плащемъ съ Сократомъ и вмѣстѣ съ прочими узнать и о нравственномъ величіи Сократа и объ идеальномъ настроеніи Алкивіада „который, ужаленный словно змѣей, философіей Сократа, пришелъ въ дикое состояніе и вслѣдствіе философскаго неистовства и ярости готовъ былъ сказать и сдѣлать все“. Во вторыхъ, все изображеніе πάνδημος Ἀφροδίτη и πάνδημος Ἔρως въ рѣчи Павсанія подходитъ къ Лисію, такъ что даже намекъ, что πανδήμους ἐραστάς слѣдуетъ принудить закономъ... воздерживаться отъ благородныхъ женщинъ, можетъ мѣтить въ Лисія, который..., какъ шла молва, имѣлъ такія неблагородныя связи съ женщинами [119]). Наконецъ „очевидныя соотношенія“ между рѣчью Лисія въ „Фэдрѣ“ и рѣчью Павсанія въ „Пирѣ“ не оставляютъ сомнѣнія, что Лисій отвѣчаетъ на рѣчь Павсанія рѣчью приведенной Платономъ въ „Фэдрѣ“ [120]).

Не менѣе сложны и смѣлы комбинаціи въ доказательствахъ, что Діонисодоръ въ „Евѳидемѣ“ не кто иной, какъ Лисій [121]). У Лисія былъ братъ Евѳидемъ, и Діонисодорова брата Платонъ называетъ Евѳидемомъ; Діонисодора Платонъ представилъ старикомъ и Лисій долженъ былъ быть старикомъ въ то время, когда Платонъ писалъ „Евѳидема (если только діалогъ этотъ написанъ послѣ Исократовой рѣчи „Противъ софистовъ“); Лисій и Евѳидемъ не имѣли въ Аѳинахъ права гражданства и были выходцами изъ Ѳурій, и Евѳидемъ и Діонисодоръ названы Платономъ чужестранцами, бѣжавшими изъ Ѳурій; Евѳидемъ и Діонисодоръ изображены бѣдными, и Лисій и Евѳидемъ послѣ господства Тридцати стали людьми бѣдными. Если уже этихъ сопоставленій достаточно, чтобы установить искомое тождество между Діонисодоромъ и Лисіемъ, то вѣсы склоняются еще рѣшительнѣе въ сторону этого тождества тѣмъ самимъ по себѣ ничтожнымъ обстоятельствомъ, что „какъ Блассъ, повиди-

---

[119]) II, 271 f.
[120]) II, 272.
[121]) I, 28—44.

мому, среди общаго согласія принимаетъ, что хотя Полемархъ и былъ старѣйшимъ изъ сыновей Кефала, Лисій въ свою очередь былъ старше Евѳидема, такъ у Платона Діонисодоръ старше Евѳидема“ [122]). Но существуетъ и еще одинъ доводъ. „Евѳидемъ“, по комбинаціямъ гевристическаго метода, долженъ примыкать къ „Государству“ и такъ какъ въ „Государствѣ“ среди другихъ слушателей упоминаются Евѳидемъ и Лисій, а въ „Евѳидемѣ“ разговаривающими выведены Діонисодоръ и Евѳидемъ, то Діонисодоръ не кто иной какъ Лисій [123]).

Правда, Платонъ изображаетъ Евѳидема и Діонисодора учителями фехтованія и эристики и называетъ уроженцами Хіоса, тогда какъ Лисій и Евѳидемъ были уроженцами Аѳинъ, и вообще начерченный Платономъ образъ Діонисодора вовсе не совпадаетъ съ тѣмъ, какой мы выносимъ изъ знакомства съ рѣчами Лисія [124]); но все это ничего не значитъ: если Лисій и не училъ фехтованію, и не былъ эристикомъ, то онъ одно время держалъ риторскую школу, а риторы, преподавая искусство управлять государствомъ, преподавали и стратегію; къ тому же Лисій принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ, поставилъ отрядъ, снабдилъ его щитами изъ собственной фабрики; эристика также входила въ ораторское искусство; впрочемъ, эристикомъ Лисій могъ съ полнымъ правомъ быть названъ и за его непрестанныя препирательства въ судахъ [125]). Затрудненія съ мѣстомъ происхожденія устраняются частью не совсѣмъ опредѣленнымъ тономъ Платона, частью разными соображеніями, напримѣръ, что хотя Лисій и былъ уроженецъ Аѳинъ, но родъ свой могъ вести изъ Хіоса, частью справками, доказывающими, что мѣсторожденіе и другихъ историческихъ лицъ указывается порою, въ особенности ради смѣха комиками, неправильно и пр. [126]). Наконецъ, общее несоотвѣтствіе также доказываетъ не много, такъ какъ и „другіе изслѣдователи, повидимому замѣтили, что въ Діонисодорѣ мы имѣемъ дѣло съ маскарадомъ, и если мы убѣдимся, что не

---

[122]) На „общее согласіе“, о которомъ говоритъ здѣсь Тейхмюллеръ, Блассъ не указываетъ ни однимъ словомъ, Att. Beredsa I², 346.

[123]) I, 55.

[124]) I, 37.

[125]) I, 32—35

[126]) I, 41—43 II, 275, n.

должны приступать къ Діонисодору съ сухою серьезностью, то останемся довольными, что Лисій выглядываетъ иначе, чѣмъ какъ бы мы должны были ожидать“ [127]).

Подобнаго же рода и остальныя комбинаціи Тейхмюллера, но отъ анализа ихъ я по необходимости вынужденъ отказаться.

По стезѣ того же „гевристическаго метода“ идутъ въ настоящее время Узенеръ и ученикъ послѣдняго Диммлеръ. Въ написанной подъ руководствомъ Узенера и цѣнимой нѣмецкими критиками диссертаціи объ Антисѳенѣ [128]), Диммлеръ проводитъ мысль, что цѣль Платоновыхъ діалоговъ—полемическая, что въ полемикѣ съ противниками Платонъ пользовался всевозможными средствами, и хотя презиралъ писателей комедій, самъ былъ талантливѣйшимъ изъ нихъ [129]). Ту же точку зрѣнія Диммлеръ развиваетъ и въ написанныхъ позднѣе „Akademica“ [130]). Здѣсь между прочимъ онъ ставитъ на видъ вѣроятность предположенія, что у такого страстнаго и своеобразнаго человѣка, какимъ былъ Платонъ, личныя симпатіи и антипатіи могли часто играть большую роль, чѣмъ фактическіе моменты [131]). Въ „Кратилѣ“, „Евѳидемѣ“, „Гиппіи Меньшемъ“ и „Іонѣ“ Платонъ совершенно также осмѣиваетъ Антисѳена, какъ Аристофанъ Сократа [132]); за спиной Протагора въ „Ѳеэтетѣ“ скрывается Аристиппъ, а за спиной Сократа въ нѣкоторыхъ частяхъ того же діалога—Антисѳенъ [133]); устами „Гиппія Большаго“ говоритъ Сократъ [134]).

Доказательства, приводимыя Диммлеромъ, точно также, какъ у Тейхмюллера, опираются на „смѣлыя комбинаціи“. Напримѣръ, тожество между Іономъ, Гиппіемъ и Антисѳеномъ устанавливается слѣдующими соображеніями. Въ X книгѣ „Государства“, Платонъ, го-

---

127) I, 37.

128) Dümmler, Antisthenica, Berol. 1882. Объ Узенерѣ ib. p 26, 2: Antisthenem decimo Reipublicae libro refelli docuit Hermannus Usener in scholis de Platonis vita et scriptis hieme 1880/1 publice habitis. См. также статью Узенера Abfassungszeit des Platonischen Phaedrus, Rhein. Mus. XXXV, 1, 147 f. Отзывъ о диссертаціи Диммлера между прочимъ у Natorp, Forschungen zur Geschichte des Erkenntnissproblems im Alterthum, Berl. 1884, 11. Arch. f. Gesch. d. Philos., III, 4, 524.

129) Ant. 63.

130) Akademika. Beitrage zur Litteraturgeschichte der Sokratischen Schulen. Giessen, 1889.

131) Akad. 168. 202.

132) Ant. 63.

133) Ibid. 55—63.

134) Akad. 56, sq.

воря о хвалителяхъ Гомера, едва ли могъ подразумѣвать кого нибудь другого кромѣ своего стараго и заклятаго врага Антисѳена, который въ то время похвалами Гомеру всѣмъ прожужжалъ уши [135]). Намѣченный въ этой книгѣ вопросъ о знаніи Гомеромъ искусствъ обсуждается въ „Іонѣ“, гдѣ кромѣ того цитуется тотъ же стихъ, которымъ въ „Пирѣ“ Ксенофонта Никератъ отвѣчаетъ на вопросъ Антисѳена. Такъ какъ не вѣроятно, что Платонъ могъ мѣтить въ умершаго къ тому времени Никерата, то надо думать, что подъ маской Іона осмѣивается Антисѳенъ [136]). Въ этомъ нельзя не видѣть „чрезвычайнаго ехидства“ Платона. Воззрѣнія того Антисѳена, который, какъ мы знаемъ отъ Ксенофонта, сильно презиралъ рапсодовъ, Платонъ самымъ нелѣпымъ образомъ излагаетъ устами жалкаго и невѣжественнаго рапсода, чтобы было ясно, что по его, Платона, мнѣнію нѣтъ никакого различія между ничтожнѣйшими Гомеридами и новѣйшими истолкователями Гомера [137]). Въ „Гиппіи Меньшемъ“ Сократъ разсматриваетъ съ Гиппіемъ тотъ же стихъ изъ „Одиссеи“, который разсматривалъ Антисѳенъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, и приводитъ среди другихъ стихъ изъ „Иліады“, который, какъ можно думать, приводилъ въ томъ же сочиненіи и Антисѳенъ [138]). Отсюда слѣдуетъ, что Гиппій не кто иной, какъ Антисѳенъ. Это заключеніе получаетъ еще большую силу въ особенности вслѣдствіе того, что по Сократу въ „Гиппіи Меньшемъ“ невольная ложь хуже вольной, а Платонъ въ „Государствѣ“, перечисляя необходимыя для философа качества, требуетъ между прочимъ, чтобы философъ ненавидѣлъ невольную ложь не меньше чѣмъ вольную, и не барахтался бы въ невольной лжи охотно, какъ свинья въ грязи [139]); но когда дѣло идетъ о свиньяхъ, то едва ли можно подъ ними подразумѣвать у Платона кого либо помимо Антисѳена [140]). Доказательства, что подъ именами Кратила, Евѳидема и Сократа (въ „Ѳеэтетѣ“) скрывается Антисѳенъ, а подъ Протагоромъ въ послѣднемъ діалогѣ Аристиппъ, сводятся къ тому, что Протагорово ученіе сход-

135) Ant. 25 sq.
136) Ibid. 27—31.
137) Ibid. 31.
138) Ibid. 31—33.
139) Ibid 34.
140) Ibid. 4. 58.

но съ Аристипповымъ, а то, что говорятъ Кратилъ, Евѳидемъ и Сократъ, походитъ на то, чему училъ Антисѳенъ [141]). Точно также въ „Гиппіи Большемъ“ мы должны видѣть Исократа потому, что міровоззрѣніе „Гиппія Большаго“ и Исократа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совпадаетъ [142]).

4. *Защитники Платона.* Среди этого стройнаго хора голосовъ отрицательной критики, который могъ бы быть увеличенъ другими подобными же, хотя и менѣе обстоятельными или послѣдовательными отзывами, напримѣръ Мейнерса [143]), Гете [144]), Велькера [145]), Бонница [146]), Бергка [147]), Бузольта [148]), Ланге [149])—чтобы не упоминать менѣе извѣстныхъ — голоса критики положительной остаются почти незамѣченными. Молчаливо или и громко, но безъ обстоятельныхъ доказательствъ [150]), авторитетъ Платона признаютъ весьма многіе; даже наилучшіе изслѣдователи—Риттеръ, Брандисъ, Целлеръ ссылаются на Платона обыкновенно безъ всякой предварительной критики, какъ на источникъ вполнѣ достовѣрный [151]); но поддержать этотъ авторитетъ общими доводами сочли умѣстнымъ только четверо—въ концѣ прошлаго вѣка Теннеманнъ и въ наши дни Наторпъ, Бенаръ и Беннъ.

Теннеманъ ставитъ на видъ соображенія преимущественно историческаго характера. „То обстоятельство (говоритъ онъ) [152]), что мы знаемъ о софистахъ не изъ ихъ собственныхъ сочиненій, а изъ

---

141) Ibid. 40—51. 55—61. См. ниже, гл. IV.

142) Akad. 56 sq.

143) Meiners, Gesch. d. Wissensch. in Griech. u. Rom., 2-r Th., 687 f., Lemgo, 1782.

144) Goethe, Plato als Mitgenosse einer christlichen Offenbarung, 1796. Sämmtliche Werke B. XXIX, Berl. 1873, 9 f.

145) Welcker, Kleine Schriften, 2-r Th. Bonn, 1845, 425.

146) Bonitz, Platonische Studien, 3-te Aufl. Berl. 1886, 52. 132 f.

147) Bergk, Griechische Literaturgeschiecte, IV, Berlin, 1887, 430. 447.

148) Busolt, Griechische Geschichte, 2-r Th. Gotha, 1888, 580, n 2.

149) Lange, Gesch. d. Materialismus, I^3, 28.

150) Ueberweg, Grundriss, I^7, 22; Fouillée, Philosophie de Platon II^2, 315. Brochard, Archiv f. Gesch. d. Phil. II, 3, 368. Harpf., Ethik d. Protagoras, Heidelb. 1884, 10. Platon's Protagoras, erkl. v. Sauppe, 3-te Aufl. 10; Münz, Zeitschr. für Philos. und philos. Kritik XCII, 1, 111.

151) Впрочемъ, Целлеръ тамъ, гдѣ по ходу доказательствъ нужно, какъ увидимъ, становится на почву отрицательной критики. См. ниже въ гл. IV анализъ свидѣтельствъ Платона объ Антисѳенѣ и Аристиппѣ.

152) Tennemann, Geschichte der Philosophie, 1-r B., Leipz. 1798, 350—354.

Ксенофонта, Платона и Аристотеля, разумѣется, не благопріятно для безпристрастія исторіи, такъ какъ по крайней мѣрѣ первые два держатъ сторону Сократа противъ софистовъ и обыкновенно изображаютъ ихъ съ слабой или темной стороны. Было бы много лучше, еслибы мы могли эти изображенія сравнить съ сочиненіями софистовъ. Однако же вовсе невѣроятно, чтобы упомянутые писатели изъ пристрастія искажали, извращали или преувеличивали факты. Частью были софисты на половину ихъ современники или во всякомъ случаѣ слишкомъ близкіе къ нимъ по времени люди, чтобы могли они отважиться оскорбить права истины и говорить неправду, которая могла быть очевидной для публики. Если собственное міровоззрѣніе и приверженность къ собственной системѣ и понуждала ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ оцѣнивать софистовъ несправедливо, то во всякомъ случаѣ они должны были по крайней мѣрѣ историческіе факты передавать правильно. Что всѣ эти писатели, изъ которыхъ ни одинъ не молился на другого, при весьма различныхъ взглядахъ и интересахъ, въ главномъ согласуются между собою, служитъ новымъ доказательствомъ истины ихъ изображеній. И чего другого можно было бы ожидать отъ ихъ благороднаго характера? Хотя Аѳинэй и разсказываетъ, будто Горгій, прочитавъ соименный діалогъ, удостовѣрилъ, что онъ никогда не говорилъ того, что̀ заставляетъ его говорить Платонъ, и ничего подобнаго отъ него не слышалъ, однако съ большимъ правомъ можно сомнѣваться, говорилъ-ли это Горгій, такъ какъ еще не извѣстно, былъ ли онъ живъ послѣ 95 Олимпіады, раньше которой Платонъ не могъ написать этого діалога. Но даже если и предположить, что фактъ этотъ вѣренъ, все же онъ не бросаетъ никакой тѣни на вѣрность Платона исторіи, такъ какъ нѣтъ необходимости, чтобы діалогъ въ дѣйствительности происходилъ между говорящими лицами, лишь бы эти лица говорили такъ, какъ они стали-бы говорить на самомъ дѣлѣ, если бы сошлись вмѣстѣ. Но въ этомъ именно и состоитъ своеобразность Платонова діалога, въ которой онъ едва-ли можетъ быть превзойденъ. Какъ сильно даже при вымыслахъ Платонъ держался истиннаго характера лицъ, можно видѣть изъ изображенія Горгія. Если послѣдній въ соименномъ діалогѣ вызываетъ всякаго предложить вопросъ по какому бы то ни было предмету и обѣщаетъ тотчасъ же дать удовлетворительный отвѣтъ, то Платонъ строго при-

держивался исторической истины, такъ какъ извѣстно, что Горгій дѣйствительно это дѣлалъ на торжественномъ собраніи Грековъ въ Олимпіи [153]). Развѣ каждый софистъ не охарактеризованъ съ точностью? У каждаго собственный языкъ, свой собственный образъ дѣйствій. Нигдѣ не видно это яснѣе, чѣмъ въ „Протагорѣ", гдѣ выступаютъ подрядъ многіе софисты. Все это свидѣтельствуетъ о стараніи и талантѣ Платона представлять людей въ ихъ своеобразности. Дѣло при этомъ не въ томъ, что софисты должны были сказать именно то, что̀ заставляетъ ихъ говорить Платонъ, а въ томъ, что они говорятъ своимъ собственнымъ, знаменующимъ ихъ индивидуальность способомъ. Впрочемъ, Платонъ не забываетъ приводить ихъ своеобразныя мнѣнія, не присоединяя чужихъ. Наконецъ Платонъ достаточно защитилъ себя отъ упрека въ пристрастіи, оказывая имъ справедливость своимъ собственнымъ сужденіемъ. Онъ признаетъ за ними обладаніе разнообразными и рѣдкими свѣдѣніями, но отказываетъ имъ въ настоящемъ пониманіи философіи и человѣчности,—сужденіе, въ которомъ къ нему присоединится всякій безпристрастный другъ истины. Но ничто не доказываетъ въ большей мѣрѣ, что Платонъ изображалъ софистовъ какими они были въ дѣйствительности, какъ согласіе съ нимъ Аристотеля. Если два человѣка различнаго образа мыслей, различныхъ точекъ зрѣнія и цѣлей, подтверждаютъ показанія одинъ другого, то эта гармонія можетъ быть объяснена исключительно изъ истины фактовъ и правильности ихъ сужденій. Одно его сочиненіе о софистическихъ умозаключеніяхъ доказываетъ, какъ правильно Платонъ изобразилъ софистовъ и софистическіе фокусы".

Наторпъ приводитъ подобныя же историческія соображенія, но главную силу полагаетъ въ требованіяхъ нравственныхъ. Слѣдуетъ припомнить (замѣчаетъ онъ) [154]), что Платонъ прежде всего писалъ для современниковъ, для аттической публики; что эта публика очень много читала и очень свободно судила; что софисты, Протагоръ въ особенности, были наиболѣе читаемые авторы, возбуждавшіе восторгъ, съ которыми поэтому Платонъ не могъ безнаказанно обращаться по

---

[153]) Cicero, De Finib. II, c. 1. Philostr. Vitae sophist praef. Прим. Теннемана.

[154]) Natorp, Forschungen zur Geschichte des Erkenntnissproblems im Alterthum, Berl. 1884, 7.

произволу.... „Пусть во всякомъ случаѣ Платону окажутъ долю уваженія, которое вообще обязательно ко всякому историческому лицу. Пусть не возбуждаютъ неосмотрительно унизительныхъ противъ него упрековъ и не выдаютъ легкомысленно извращеній его характера какъ человѣка и писателя за разоблаченную истину. Въ особенности же пусть сознаютъ, что всякое сочиненіе Платона требуетъ для правильнаго пониманія и оцѣнки довольно серьезнаго умственнаго напряженія; что его разговоры не мгновенные продукты прихоти и страсти, но разработанныя, не рѣдко черезъ край искусственныя произведенія такого эстетическаго разсчета, который только возможенъ былъ въ писателѣ, писавшемъ для аттической публики. Пусть прежде всего поймутъ композицію такого образованія и не раньше судятъ о цѣли, изъ которой оно произошло. Кто такимъ образомъ научится уважать писателя, за того я не боюсь, что онъ не научится уважать не философа только, но и человѣка; безъ этого предварительнаго условія легко допускать противъ него несправедливости, отъ невѣдѣнія, а не изъ злобы“ [155]).

Бенаръ полагаетъ въ основаніе своей критики доводы Теннемана, противъ которыхъ, на его взглядъ, „едва-ли можно что возразить“ [156]), но главное доказательство исторической добросовѣстности Платона видитъ въ томъ, что онъ изображаетъ софистовъ согласно съ идеей софистики [157]).

По Бенну, у Платона не могло быть никакой цѣли приписывать хорошо извѣстнымъ историческимъ лицамъ чуждые имъ взгляды. Если онъ и бралъ на себя безграничное право (въ образѣ Сократа) измышлять ради общественнаго блага, то его принципы несомнѣнно не позволили бы ему легкомысленно клеветать на невинныхъ современниковъ, навязывая имъ ненавистныя теоріи, за которыя они не были отвѣтственны. Если бы никто не держался тѣхъ мнѣній, которыя приписаны въ „Государствѣ“ Ѳрасимаху, то не было бы цѣли нападать на нихъ; если же ихъ кто нибудь держался, то почему скорѣе кто нибудь другой, а не Ѳрасимахъ? [158]).

---

[155]) Ibid. 46.
[156]) Bénard, La philosophie ancienne, Paris, 1885, 308.
[157]) Ibid. 310
[158]) Benn, The Greek Philosophers, Lond 1882, I, 116 n.

5. *Предварительная антикритика.* Сколь ни убѣдительными могутъ съ перваго взгляда показаться только что приведенныя соображенія защитниковъ Платона, они не могутъ устоять противъ доводовъ отрицательной критики. Указаніе на современность ослабляется взглядомъ на Платоновы діалоги, какъ на комедіи [159]). Предполагать, что Платонъ не могъ безнаказанно лжесвидѣтельствовать на выводимыхъ имъ лицъ, значитъ переносить въ аѳинскую старину нашу точку зрѣнія. Аристофанъ оклеветалъ публично не только Сократа, но и Клеона. Почему не могъ также поступить Платонъ съ софистами? Тѣмъ большая была для него возможность, что комическій поэтъ, какъ лицо общественное, подлежалъ правительственному контролю и въ случаѣ надобности могъ получить внушеніе (какъ напримѣръ Аристофанъ отъ Клеона) [160]), а философъ не зналъ въ такихъ случаяхъ надъ собою общественнаго контроля.

Авторскія возраженія на литературную клевету (насколько можно судить по совершенному отсутствію свѣдѣній о нихъ) были вообще не въ обычаѣ у древнихъ. Еще менѣе было въ обычаѣ обращаться изъ за такой клеветы къ суду. Хотя аѳинскій законъ и предоставлялъ право преслѣдовать за поруганіе добраго имени и злорѣчіе, но мы не знаемъ ни одного случая, гдѣ бы тяжба возникла изъ за литературнаго оскорбленія [161]). Правительственныя лица, если находили оскорбленія комиковъ для себя или для своей партіи неудобными, предпочитали закономъ ограничивать свободу комедіи [162]).

Согласіе между Ксенофонтомъ, Платономъ и Аристотелемъ касается только общей оцѣнки, а не частностей; въ основаніи же этой оцѣнки, какъ старается доказать Гротъ [163]), лежитъ унаслѣдованный отъ Сократа всѣми его учениками взглядъ на философію

---

159) Выше, стр 2. 4. 5. 6. 8. 9. 11. 20.

160) Aristoph. Acharn. 502. 659. Vespae 1285. Anonym. Aristoph. Vita, Bekk. I, XIII. Критическое освѣщеніе вопроса у Müller, Aristoph. Acharn., Hann. 1863, XI—XV.

161) „Uebrigens machten Klagen wegen Verbal-Injurien in Athen nach der herrschenden Ansicht dem Kläger nicht mehr Ehre als bei uns. Lys. c. Theomn. 344, b: ἀνελεύθερον καὶ λίαν φιλόδικον εἶναι νομίζω κακηγορίας διώκεσθαι". Hermann, Meier u. Schömann, Der Attische Process, neu bearbeitet v. Lipsius. Berl, 1883—1887, 2-r B, 631.

162) Keck, Quaestiones Aristophaneae historicae, Halis Sax. 1876, 2 sq. Bernhardy, Grundriss der griechischen Litteratur II b.3 582 f.

163) Выше, стр 12.

какъ на безкорыстную любовь къ мудрости, прямо противоположный взгляду софистовъ и потому естественно внушавшій къ нимъ ненависть. Во всякомъ случаѣ оцѣнка эта уполномочиваетъ признать софистическую дѣятельность безнравственной лишь поскольку софисты учили призрачной мудрости и не исполняли того, за что̀ брали деньги, но вовсе не уполномочиваетъ вѣрить Платону, что они могли проводить такіе безнравственные взгляды какъ Θрасимахъ или Полъ. Въ частности согласіе Аристотеля съ Платономъ могло бы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы мы признали авторитетъ Аристотеля выше авторитета Платона, такъ какъ тамъ, гдѣ Аристотель сообщаетъ сходныя съ Платоновыми свѣдѣнія, онъ по всей видимости черпаетъ не изъ другого источника, а изъ Платона [164]), но къ такому предпочтенію Аристотеля передъ Платономъ, какъ увидимъ, нѣтъ основаній.

Драматическаго таланта Платона никто не отрицаетъ; но талантъ можетъ одинаково служить истинѣ и лжи. Историческія справки, которыми Теннеманъ подтверждаетъ показанія Платона, свидѣтельствуютъ лишь о критической неразборчивости этого историка: Цицеронъ и Филостратъ, на которыхъ онъ ссылается, пользовались несомнѣнно однимъ только Платономъ [165]).

Соображенія Наторпа имѣютъ характеръ требованій, а не доказательствъ. Предложенный имъ анализъ діалога „Θеэтетъ“, вызвавшій эти мимоходныя соображенія, и устанавливаетъ и колеблетъ вѣру въ авторитетъ Платона: отвергая съ полнымъ, какъ убѣдимся, основаніемъ предположеніе о возможности со стороны Платона пристрастной критики, Наторпъ въ тоже время признаетъ, что Платонъ влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ то, чего они не могли говорить, и осмѣиваетъ однихъ подъ именемъ другихъ [166]). Наконецъ, ссылка на опрометчивость, легкомысліе или незнаніе критиковъ, хотя и вполнѣ справедлива для нѣкоторыхъ изъ нихъ, не можетъ относиться къ такимъ первостепеннымъ изслѣдователямъ какъ Шлейермахеръ и Гротъ.

---

164) См. отдѣлъ о свидѣтельствахъ Аристотеля

165) Цицеронъ самъ указываетъ на это De Off. II, 1. О Филостратѣ см. анализъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ писателей о софистахъ.

166) Forschungen, 9 f.

Еще слабѣе доводы Бенна. Отвѣтъ на нихъ Беннъ, если бы пожелалъ, могъ-бы найти у всѣхъ отрицательныхъ критиковъ Платона, начиная отъ Аѳинэя и кончая Диммлеромъ.

Несостоятельность предложеннаго Бенаромъ доказательства не требуетъ объясненія, такъ какъ судить о Платоновыхъ изображеніяхъ софистовъ на основаніи внушаемой тѣми же изображеніями идеѣ о софистикѣ, значитъ допускать очевидный кругъ.

Слабость доводовъ положительной критики и подавляющее большинство голосовъ отрицательной могли бы съ самаго начала вселить противъ Платона предубѣжденіе, если-бы даже бѣглый анализъ отзывовъ послѣдней не показывалъ, что къ нимъ необходимо относиться съ большою осторожностью. Отзывы Сократа, Горгія, Фэдона такъ мало засвидѣтельствованы, что если и могутъ быть приняты во вниманіе, то лишь какъ общее выраженіе существовавшаго въ извѣстное время взгляда на Платона. Къ тому же, еслибы они и были историческими, то доказывали бы, по крайней мѣрѣ относительно Горгія и Фэдона, мало, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Штейнгарта, „рѣдко кто бываетъ доволенъ своимъ изображеніемъ, если оно начерчено очень вѣрно и безъ прикрасы“ [167]). Слова Ѳеопомпа о лживости Платона можно одинаково относить и къ философскимъ теоріямъ и къ историческимъ свидѣтельствамъ; враждебный же тонъ Ѳеопомпа находитъ объясненіе какъ въ общей, вошедшей въ пословицу, рѣзкости этого историка [168]), такъ въ частности и въ томъ, что онъ былъ ученикомъ и приверженцемъ Исократа [169]), ненависть котораго къ Платону извѣстна [170]). Изъ словъ Тимона можно только видѣть, что Платонъ обладалъ богатой творческой природой; впрочемъ, Тимонъ былъ извѣстный злорѣчіемъ сатирикъ, поносившій всѣхъ вообще философовъ [171]). Обвинительный

---

167) Platon's Werke, II, 35ᵇ.

168) Plut Lysandr. c. 30. De malign. Herodot. 855, A. Dion. H. 785, 10 R. Polyb. VIII, 11—13. Nep. Alc. 11. Ath. VI, 65. Clemens Strom. 316 Pott и др.

169) О Ѳеопомпѣ Pflugk, De Theopompi Chii vita et scriptis, Berol. 1827. Mullerus, Fragmenta historicorum graecorum, I, LXV—LXXVII, Par. 1853. Также изслѣдованія Гольцапфеля, Риля, Заупе и др. См. главу VII.

170) Spengel, Isocrates u Platon, Abhandl. d philos. phil. Classe der K. Bayerisch. Akad. d. Wiss. VII, 1855, Atth. III, 731—769. Bernhardt, de Isocratis aemulis, Bonn 1873. Schroder, Quaestiones isocrateae, Traj. ad Rh. 1859.

171) О Тимонѣ C. Wachsmuth, De Timone Phlasio ceteristque sillographis graecis, Leipz. 1859.

листъ Аѳинэя дышетъ такой нелѣпой ненавистью къ Платону, что можно спорить развѣ о томъ, чѣмъ Платонъ ее къ себѣ внушилъ. Рѣчи Аристида не имѣютъ другой цѣны, кромѣ произведеній дурной риторики; безпристрастія мы можемъ ожидать отъ нихъ тѣмъ менѣе, что Аристидъ писалъ ихъ съ цѣлью отстоять честь риторовъ, къ которымъ принадлежалъ самъ [172]). Доводы, приводимые Діонисіемъ и Цицерономъ, говорятъ лишь о неглубокомысліи этихъ писателей. Дройзенъ не обосновываетъ своего взгляда, а Бартелеми, Льюисъ и Гротъ строятъ выводы не на провѣренныхъ фактахъ, а на общихъ соображеніяхъ. Къ тому же поверхносность Льюиса въ его „Исторіи философіи“ слишкомъ хорошо извѣстна; даже при небольшомъ знакомствѣ съ Платономъ нельзя изъ чтенія въ этой Исторіи главы о софистахъ не убѣдиться, что Льюисъ либо вовсе не читалъ Платона [173]), либо намѣренно говорилъ неправду изъ любви къ сроднымъ ему по духу софистамъ [174]). Гротъ безспорно основательно изучилъ Платона, но подобно Льюису стоялъ на прямо противоположной Платону точкѣ зрѣнія и вслѣдствіе своего узкаго утилитаризма не могъ въ полной мѣрѣ вникнуть въ духъ Платонова міровоззрѣнія [175]). Мнѣніе Джоуетта, какъ наиболѣе безпристрастнаго изслѣдователя Платона, весьма важно; но онъ недостаточно обосновываетъ свои взгляды; къ тому же они не всегда послѣдовательны и порою (напримѣръ въ замѣчаніяхъ объ отношеніяхъ Платона къ Лисію) говорятъ скорѣе за Платона, чѣмъ противъ него. Единственнымъ основаніемъ для разсужденій Шлейермахера служитъ предвзятое и недоказанное мнѣніе, что въ сочиненіяхъ Платона должна быть полемика. Тоже справедливо о Штальбаумѣ, который къ тому же не различаетъ никакихъ оттѣнковъ въ смѣшномъ, принимая всякую шутку за нас-

---

[172]) О немъ Baumgart, Aelius Aristides als Repräsentant der sophistischen Rhetorik des 2-n Jahrhunderts der Kaiserzeit, Leipz. 1874. Haas, quibus fontibus Aelius Aristides in comparanda declamatione quae inscribitur πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τεττάρων usus sit. Greifsw. 1884.

[173]) Достаточно указать данную Льюисомъ общую характеристику взгляда Платона на софистовъ. „учить безнравственности и открыто считать это безнравственнымъ—въ этомъ и заключалась, по мнѣнію Платона, профессія софистовъ“. Такого нелѣпаго мнѣнія Платонъ нигдѣ не высказывалъ.

[174]) На сродство новѣйшихъ защитниковъ софистовъ съ софистами указываетъ Duhring, Kritische Geschichte der Philosophie, 3-te Aufl., Leipz. 1878, 75.

[175]) Основанія своего міровоззрѣнія Гротъ излагаетъ главнымъ образомъ при анализѣ діалоговъ „Протагоръ“ и „Ѳеэтетъ“. Plato II³, 45 sq. 81 sq. 325 sq.

мѣшку. Точно также по предвзятому мнѣнію судитъ о Платонѣ и Штейнгартъ: Платонъ былъ ученикъ Сократа и потому долженъ былъ въ своихъ раннихъ діалогахъ полемически развивать Сократическія воззрѣнія. „Смѣлыя комбинаціи“ Тейхмюллера и Диммлера быть можетъ и свидѣтельствуютъ о находчивости этихъ писателей, но какъ логическія доказательства не нуждаются въ критикѣ [176]).

6. *Предлагаемый методъ.* Однако, указанные критикой анахронизмы не могутъ быть устранены никакими доводами [177]); не возможно также не согласиться, что у Платона была слишкомъ богатая поэтическая природа, не дозволявшая ему неизмѣнно оставаться въ узкихъ предѣлахъ наличной дѣйствительности; нельзя отрицать и того, что Платонъ относился къ окружающей средѣ не сочувственно; безспорно, что критика составляетъ главное содержаніе его діалоговъ и что всѣ они дышутъ смѣхомъ: несомнѣнно наконецъ и то, что въ нихъ часто слышны отклики на современную Платону литературу. Но есть (какъ увидимъ) большая разница между творческимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности и ея искаженіемъ; между созерцательнымъ несочувствіемъ и партійной ненавистью; между полемикой и діалектикой; между желаніемъ осмѣять и ненамѣреннымъ юморомъ. Признавая въ полной мѣрѣ поэтическую и вмѣстѣ критическую природу Платона, его аристократизмъ, разочарованіе современной дѣйствительностью и бьющій ключемъ юморъ, я постараюсь доказать, что при всѣхъ этихъ качествахъ его діалогами (соблюдая тотъ методъ, который будетъ выясненъ ниже) можно пользоваться какъ вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ. Для насъ важно установить эту истину только относительно софистовъ; но по характеру Платоновыхъ свидѣтельствъ о нихъ въ данномъ случаѣ (какъ уже было объяснено) [178]) возможны не прямыя, а лишь косвенныя доказательства. Прежде всего изъ анализа самыхъ основаній фи-

---

[176]) „One might almost fancy that in the subjectivity of his method Teichmuller has read himself into Plato; and that his own constant polemic has filled the fourth century B. C, „unlimited perspective“, with a good deal of the „literary feud“ he there discovers“. A. Goodwin, въ Mind, XI, 119, 1886. Тоже самое примѣнимо и къ Диммлеру.

[177]) Исчерпывающее и безпристрастное изслѣдованіе объ анахронизмахъ у Платона даетъ Zeller въ Philol. und histor. Abhandl. d. k. Akad. d. Wissensch. zu Berlin, 1874, 7ff. (Ueber den Anachronismus in den platonischen Geschprachen).

[178]) Выше, отд. 1.

лософскаго міровоззрѣнія Платона я выясню, что Платонъ по цѣлямъ и свойствамъ своей литературной дѣятельности не могъ сознательно такъ или иначе лжесвидѣтельствовать на выводимыхъ или упоминаемыхъ имъ лицъ. Затѣмъ сопоставленіемъ свидѣтельствъ Платона о тѣхъ лицахъ, о которыхъ мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ прямыя или косвенныя достовѣрныя свѣдѣнія, съ этими свѣдѣніями, я докажу, что Платоновы показанія въ основныхъ и главныхъ чертахъ вполнѣ согласны съ исторической истиной, а въ остальныхъ (за исключеніемъ лишь подробностей драматической обстановки) ею оправдываются. Краткій анализъ общихъ отзывовъ Платона о современной ему дѣйствительности покажетъ, что при всѣхъ парадоксахъ въ развитіи руководящихъ взглядовъ и построеніи доказательствъ и при несоразмѣрно широкихъ заключеніяхъ отъ данной и близко знакомой ко всей вообще дѣйствительности, въ основаніи всѣхъ этихъ отзывовъ всегда лежитъ или по крайней мѣрѣ очевидно подразумѣвается совершенно вѣрная точка зрѣнія, то есть такая, на которую неизбѣжно должны навести логическая мысль и вдумчивое отношеніе къ жизни, и съ которой поэтому дѣйствительность не должна была представляться въ извращенномъ видѣ, а правильность частныхъ предложенныхъ Платономъ характеристикъ фактически это удостовѣритъ. Наконецъ, чтобы придти къ заключенію о софистахъ, я поставлю на видъ, что свидѣтельства Платона о нихъ по общему тону не отличаются отъ его свидѣтельствъ о другихъ лицахъ и что не только нѣтъ никакого основанія предполагать у него лживыя показанія въ этомъ исключительно случаѣ, а что наоборотъ нигдѣ добросовѣстность его свидѣтельствъ не удостовѣрена имъ самимъ съ такою очевидностью, какъ именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о софистахъ.

Предварительно однако необходимо установать свой взглядъ въ вопросѣ о подлинности Платоновыхъ діалоговъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Подлинность Платоновыхъ діалоговъ.

Германская критика.—Англійская критика.—Французская критика.—Предлагаемый методъ.

1. *Германская критика* Въ основаніе всѣхъ вообще изданій полнаго собранія сочиненій Платона полагается обыкновенно перечень этихъ сочиненій, составленный (въ тетралогическомъ порядкѣ, то есть изъ группъ по четыре сочиненія въ каждой) риторомъ Θрасиломъ, приближеннымъ императоровъ Августа и Тиберія [1]). До конца прошлаго столѣтія среди издателей и толкователей Платона преобладало убѣжденіе, что Θрасиломъ внесены въ списокъ только подлинныя сочиненія Платона. Но съ первой четверти нынѣшняго вѣка вслѣдствіе критическаго толчка даннаго германской наукѣ философіей Канта [2]) вѣра въ авторитетъ Θрасила смѣняется сомнѣніемъ. Въ разработкѣ впервые намѣченныхъ, но не предрѣшенныхъ кантіанцемъ Теннеманномъ [3]) вопросовъ объ общемъ характерѣ философіи Платона, одинъ за другимъ выступаютъ критики традиціоннаго воззрѣнія на Платоновъ кодексъ—Шлейермахеръ, Астъ, Зохеръ, Зукковъ, Германнъ, Штальбаумъ, Целлеръ, Мункъ, Штейнгартъ,

---

[1]) Списокъ приведенъ у Diog. Laert. III, 56—61. О Θрасилѣ Sevin, Mémoires de l' Académie des Inscriptions, Paris, 1736, 89 sq. Hermann, De Thrasyllo, Lectionsverzeichniss d. Univ. Götting. 1852/3. Suckow, Die wissenschaftliche und künstlerische Form d. Platonischen Schriften, Berl 1855, 169 f. Grote, Plato I, [3] M. IV 132 — 168. Chaignet, La vie et les écrits de Platon, Paris, 1871, 115 sq.

[2]) Grote, Plato, I[3], 171.

[3]) Tennemann, System der Platonischen Philosophie, Leipz 1792. Geschichte der Philosophie 2-r B. Leipz. 1799.

Шааршмидтъ, Ибервегъ и другіе [4]), изъ которыхъ каждый объявляетъ подложными то или другое число діалоговъ, смотря по болѣе или менѣе осторожному характеру своей критики.

Основанія, которыми руководствуются при этомъ критики, двоякія: внѣшнія и внутреннія. Первыя состоятъ въ упоминаніи или неупоминаніи того или другого діалога Аристотелемъ и въ согласіи Өрасилова перечня съ другимъ, болѣе древнимъ, но намъ извѣстнымъ лишь изъ краткаго свидѣтельства Діогена Лаерція [5]) спискомъ Платоновыхъ сочиненій, составленнымъ (въ тріологическомъ порядкѣ) александрійскимъ библіотекаремъ и ученымъ Аристофаномъ изъ Византіи [6]). Но эти внѣшнія основанія только въ нѣкоторыхъ случаяхъ даютъ критикѣ надежную опору. Подлинность сочиненій Аристотеля вообще не лучше засвидѣтельствована, чѣмъ подлинность сочиненій Платона, а текстъ переполненъ глоссами [7]). Къ тому же, цитуя тотъ или другой діалогъ, Аристотель рѣдко называетъ Платона, а обыкновенно ссылается на слова Сократа или приводитъ заглавіе діалога безъ обозначенія автора [8]). Наконецъ, изъ молчанія Аристотеля нельзя дѣлать заключенія о неподлинности діалоговъ, такъ какъ Аристотель не ставилъ себѣ цѣлью написать исторію философіи, а говоритъ о Платонѣ точно такъ же, какъ и о другихъ философахъ обыкновенно вскользь [9]). Сви-

---

[4]) Platon's Werke von F. Schleiermacher, 1-r Th., 1-r B., 2-te Aufl., Berl. 1817 (Einleitung). Ast, Platon's Leben und Schriften, Leipz. 1816. Socher, Ueber Platon's Schriften, Münch. 1820. Suckow, Die Wissenschaftliche und Künstlerische Form etc. (см. пр. 1) Hermann, Geschichte und System d. Platonischen Philosophie, Heidelb. 1838; Munk, Die natürliche Ordnung d. Platonischen Schriften, Berl 1857. Schaarschmidt, Die Sammlung d. platonischen Schriften, Bonn, 1866. Ueberweg, Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge d. platonischen Schriften, Wien, 1861. Zeller, platonische Studien, Tüb. 1839. Philosophie d. Griechen II a[4], 440 f. 1889. Stallbaum, Disputatio de Platonis vita, ingenio et scriptis, Leipz. 1857 (ed. 4, v. I Plat. Op. omn.). Steinhart въ предисловіяхъ къ Мюллерову переводу Платона (выше, стр. 9, пр. 55). Многочисленныя монографіи, вызванныя трудами этихъ изслѣдователей, приведены у Ибервега, Grundriss I[7], 140 f. Zeller, Phil. d Gr. II a[4], 475 f.

[5]) Diog. Laert. III, 61—62.

[6]) Объ Аристофанѣ въ перечисленныхъ ниже, стр. 39, пр. 41 трудахъ Раделя, Ричля, Клиппеля и др.

[7]) Rose, Aristoteles Pseudepigraphus, Lips. 1863. De Aristotelis librorum ordine, Berol. 1854. Brandis, Aristoteles, Berl. 1853, I, 65 f. Ravaison, Essai sur la Metaphysique d'Aristote, Paris, 1837, I, 3, sq. Grote, Plato, I, ch. IV. Schute, On the history of the process by which the Aristotelian writings arrived at their present form. Oxf. 1884.

[8]) Обстоятельный обзоръ Аристотелевыхъ свидѣтельствъ даетъ Zeller, Philos. der Griech. II a[4], 447 f.

[9]) Подобныя соображенія высказаны уже Шлейермахеромъ, Einl. 33. Съ большою силою настаиваетъ на нихъ изъ новѣйшихъ Chaignet, La vie et les ecrits de Platon, 110.

дѣтельство Діогена объ Аристофановомъ спискѣ даетъ слабую опору частью потому, что авторитетъ Аристофана не стоитъ внѣ сомнѣнія [10]), частью по своей неполнотѣ и неопредѣленности: Діогенъ называетъ поименно лишь пятнадцать діалоговъ, раздѣленныхъ по трилогіямъ [11]), а объ остальныхъ ограничивается замѣчаніемъ, что они были поставлены по одиночкѣ, безъ опредѣленнаго порядка [12]).

Недостаточность доводовъ, взятыхъ изъ показаній Аристотеля и Аристофана, заставляетъ критиковъ предпочитать внѣшнимъ основаніямъ внутреннія [13]). Послѣднія состоятъ въ общемъ въ томъ, что критикъ вырабатываетъ извѣстную точку зрѣнія на Платона, и смотря по тому, оправдываетъ тотъ или другой діалогъ эту точку зрѣнія или не оправдываетъ, или вообще подходитъ подъ нее или нѣтъ, признаетъ діалогъ подлиннымъ или подложнымъ. Шлейермахеръ полагаетъ, что Платоновы діалоги стоятъ между собою въ органической связи [14]), опредѣляемой методомъ прогресса отъ перваго возбужденія первоначальныхъ и руководящихъ идей до нѣкотораго, хотя и неполнаго, изложенія отдѣльныхъ наукъ [15]), и что въ единствѣ этого метода и заключается достовѣрнѣйшій критерій подлинности діалоговъ [16]). Астъ, хотя и не признаетъ въ діалогахъ такого систематическаго единства и указываетъ на разнообразіе точекъ зрѣнія и пріемовъ у Платона [17]), не допускаетъ между его діалогами различія по достоинству: истинный критерій подлинности Платоновыхъ сочиненій дается самимъ Платонизмомъ, котораго центральная идея и возвышенная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы полное и въ себѣ гармоническое (τὸ καλὸν κἀγαθόν) представлять во всѣхъ сферахъ жизни какъ единственно цѣнный ея

---

10) Ueberweg, Untersuchungen, 190 f. Schaarschmidt, die Sammlung, 88. Suckow, die Wiss. u. Künstl. Form, 165 f. сомнѣвается въ добросовѣстности самаго свидѣтельства Діогена.

11) Государство, Тимэй, Критій; Софистъ, Политикъ, Кратилъ; Законы, Миносъ, Епиномисъ; Θеэтетъ, Евеифронъ, Апологія; Критонъ, Фэдонъ, Письма (неизвѣстно сколько и какія).

12) τὰ δ'ἄλλα καθ'ἓν καὶ ἀτάκτως

13) Такъ что, напримѣръ, „Менексенъ", „Гиппій Меньшій" и „Софистъ", не смотря на упоминаніе о нихъ Аристотеля, признаются, какъ увидимъ (ниже, стр. 36, пр. 28) нѣкоторыми за подложные.

14) l. s. c 17.

15) Ibid. 21.

16) Ibid. 40.

17) l. s c. 37, 39, 41.

принципъ [18]). Точно также думаетъ Зохеръ, что мѣру подлинности діалоговъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ „нормальныхъ сочиненіяхъ“, на которыхъ въ особенно крупныхъ и несомнѣнныхъ чертахъ лежитъ печать своеобразнаго духа [19]). Къ Зохеру примкнулъ извѣстный издатель Платона Штальбаумъ [20]). Зукковъ считаетъ „непреложнымъ знакомъ“ подлинности правило, что въ основаніи всякаго діалога помимо діалектическаго порядка мыслей долженъ лежать еще научно-логическій законъ, состоящій (по указанію діалога „Фэдръ“) въ томъ, чтобы каждая рѣчь была трехчленною, имѣла голову, остовъ и ноги, и каждая составная часть рѣчи двучленною [21]). По Германну, философское міровоззрѣніе Платона слагалось генетически, по мѣрѣ воздѣйствія обстоятельствъ жизни: критеріемъ подлинности служитъ соотвѣтствіе діалога тому или другому періоду жизни Платона; критеріемъ подложности — тѣ или другія черты сходства въ свойствахъ и цѣляхъ съ діалогами завѣдомо неподлинными [22]). На взглядъ Мунка, Платонъ желалъ изобразить въ лицѣ Сократа жизнь и дѣятельность совершеннаго философа въ послѣдовательномъ рядѣ драматическихъ произведеній, отъ юности до старости; различные моменты въ жизни Сократа, указанные въ діалогахъ, указываютъ на то мѣсто, которое они должны занимать въ системѣ. Мункъ не считаетъ возможнымъ рѣшить вопросъ о подлинности діалоговъ, пока не будетъ выяснена цѣль литературной дѣятельности Платона, и принимаетъ предварительно тѣ, которые признаны за подлинные большинствомъ критиковъ и оправдываютъ это признаніе художественнымъ внѣшнимъ строеніемъ и органическимъ расчлененіемъ цѣлаго [23]). Ибервегъ соединяетъ воззрѣнія Шлейермахера и Германна, признавая критерій саморазвитія Платона преимущественно для раннихъ произведеній, и критерій методической систематики преимущественно для позднѣйшихъ, написанныхъ по основаніи Академіи [24]). Шааршмидтъ въ основаніе своей критики

---

[18]) Ibid. 40.
[19]) l. s. c. 24.
[20]) l. s. c. XL.
[21]) l. s. c. 181—195, 416—419.
[22]) l. s. c. 344 f. 413 f. 419 f.
[23]) l. s. c. 11.
[24]) l. s. c. 107. 110. 111.

полагаетъ взглядъ, что Платоновы діалоги представляютъ образчики искусства своею собственною дѣятельностью подняться въ область идеальную и въ свѣтѣ этого искусства созерцать сущность души, лучшее государство или даже служащій выраженіемъ высшей гармоніи космосъ вселенной [25]). Целлеръ опредѣляетъ подложность по руководству „рѣшительныхъ внутренныхъ основаній“, которыхъ однако не указываетъ [26]).

Частный видъ доводовъ „на внутреннихъ основаніяхъ“ составляетъ предположеніе, что Платонъ не могъ ни повторять своихъ мыслей и выраженій, ни сходиться въ какихъ либо фактахъ или воззрѣніяхъ съ другими древними авторами и что поэтому подложными должны быть признаны всѣ тѣ діалоги, которые въ цѣломъ или частяхъ могутъ быть объяснены какъ подражаніе другимъ Платоновымъ діалогамъ или же какъ развитіе фактовъ и мыслей, встрѣчающихся у Платона или у другихъ ему современныхъ писателей [27]).

По руководству всѣхъ этихъ внѣшнихъ и внутреннихъ основаній германской критикой признаны не подлежащими сомнѣнію изъ тридцати шести извѣстныхъ подъ именемъ Платона сочиненій только семь: „Протагоръ“, „Пиръ“, „Фэдръ“, „Θеэтетъ“, „Фэдонъ“, „Тимэй“, „Государство“ [28]).

---

[25]) l. s. c. 143.

[26]) P. d. Gr. II a[4], 145 f.

[27]) Этимъ предположеніемъ особенно широко пользуются Астъ, Шааршмидтъ, Штейнгартъ, Ибервегъ.

[28]) Отвергнуты или признаны сомнительными:

Алкивіадъ II, Гиппархъ, Клитофонтъ, Миносъ, Письма, Соперники — Аст., Герм., Зох., Зукк., Иберв., Целл., Шаар., Шлейер., Штальб., Штейнг.

Епиномисъ—тѣми же, за исключеніемъ Штальб.

Θеагъ—тѣми же, за исключеніемъ Зох.

Менексенъ—тѣми же, за исключеніемъ Герм. и Зох.

Алкивіадъ I, Гиппій Б., Іонъ — тѣми же, за исключеніемъ Герм., Зох., Штальб. Штейнг

Л хесъ, Лисисъ, Хармидъ — Аст, Зох, Зукк., Иберв., Шаар.

Менонъ—Аст., Зукк, Иберв., Шаар., Шлейер.

2. *Англійская критика.* Отъ произвола нѣмецкихъ критиковъ (допускающихъ очевидное petitio principii) взялъ подъ свою защиту Ѳрасиловъ перечень Георгъ Гротъ [29]). Философія Платона (доказываетъ онъ) не представляетъ изъ себя единаго стройнаго цѣлаго [30]). Противорѣчія самыя разительныя, при томъ по вопросамъ принципіальнымъ, даже въ тѣхъ діалогахъ, которые единогласно или большинствомъ признаны за подлинные [31]), разсматриваемыя съ точки зрѣнія унаслѣдованнаго отъ Сократа метода, указываютъ на то, что положительная сторона имѣла въ глазахъ Платона значеніе не меньшее, чѣмъ отрицательная [32]), и что каждое его произведеніе выражаетъ ту точку зрѣнія, на которой онъ стоялъ, когда его писалъ [33]). Разница въ художественномъ построеніи общепризнанныхъ діалоговъ не менѣе велика, чѣмъ въ построеніи философскомъ [34]). Поэтому нельзя составить никакой общей схемы, которая могла бы служить мѣриломъ подлинности и подложности діалоговъ; а если бы и можно было на основаніи извѣстной группы діалоговъ составить опредѣленную характеристику, то эта характеристика могла бы быть примѣнима только къ этой группѣ, а для другихъ не была бы обя-

---

Гиппій М.—Аст., Зукк., Шаар., Шлейер.

Евѳифронъ, Евѳидемъ, Критонъ } Аст., Зукк., Ибер., Шаар.

Критій, Политикъ } Зукк., Зох. Иберв., Шаар.

Законы—Аст., Зукк., Целл. (Plat. Stud.).

Парменидъ, Софистъ } Зох., Иберв, Шаар.

Апологія—Аст., Шаар.

Кратилъ—Зукк., Шаар.

Филебъ—Иберв, Шаар.

Горгій—Зукк.

Какъ въ текстѣ такъ и здѣсь, я по необходимости ограничиваюсь лишь именіями первостепенныхъ изслѣдователей. Въ безчисленныхъ посвященныхъ подлинности Платоновыхъ діалоговъ монографіяхъ, авторы (на сколько я могу судить по извѣстнымъ мнѣ образцамъ) идутъ по стезѣ проложенной названными изслѣдователями. Впрочемъ, для насъ важны не подробности, а методъ.

29) Plato, I, ch. IV—VI, 132—280.

30) I, 167, 174, 208, 213, 349, 360, 559. II, 89, 125, 157. III, 165, 463.

31) I, 208 f.

32) I, 246, 269 f. 292.

33) Intr. X. I, 174, 194, 211, 515. II, 278, 387, 396 n. 500, 550 f. III, 20 f.

34) I, 167 f. См. ниже, пр. 36.

зательна [35]). Точно также несовершенство въ содержаніи или формѣ не можетъ служить доводомъ противъ подлинности, такъ какъ мы не имѣемъ никакого объективнаго указанія на то, что все что̀ писалъ Платонъ было совершенно [36]). Нѣтъ ни одного плодовитаго писателя, у котораго всѣ сочиненія были бы одинаково отдѣланы. Къ тому же немыслимо, чтобы такія разработанныя произведенія, какъ „Протагоръ“, „Горгій“, „Пиръ“, „Государство“ вылились разомъ безъ всякихъ предварительныхъ попытокъ [37]). Поэтому на недоконченные и недодѣланные діалоги слѣдуетъ смотрѣть какъ на подготовительныя работы, тѣмъ болѣе, что о старательности, съ какой Платонъ отдѣлывалъ свои сочиненія, существуютъ положительныя свидѣтельства [38]).

За шаткостью внутреннихъ основаній мы должны полагаться исключительно на основанія внѣшнія, то есть такія, которыя даются исторіей. Но эти данныя свидѣтельствуютъ въ пользу Ѳрасила.

Во первыхъ, относительно предохраненія отъ поддѣлки Платоновы сочиненія были поставлены въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ сочиненія всѣхъ другихъ греческихъ авторовъ, въ особенности же Аристотеля, на котораго при рѣшеніи вопроса о подлинности Платоновыхъ діалоговъ принято опираться. Платонъ основалъ постоянную философскую школу съ преемствомъ схоларховъ, процвѣтавшую нѣсколько столѣтій послѣ его смерти. Въ этой школѣ несомнѣнно должны были находиться и тщательно сберегаться либо подлинныя рукописи Платона, либо по крайней мѣрѣ провѣренные съ нихъ списки. Всякій, желавшій пріобрѣсти отъ книготорговца то или другое сочиненіе Платона, всегда имѣлъ возможность (которой для сочиненій другихъ авторовъ не существовало) справиться въ школѣ, подлинно оно или подложно [39]). Напротивъ, сочиненія Аристотеля, хотя онъ точно такъ же, какъ Платонъ, основалъ постоянную школу, пережили полную превратностей исторію. Изъ Аѳинъ они были перевезены въ Скепсисъ и здѣсь въ теченіе цѣлаго столѣтія гнили и поѣдались червями въ погребѣ, спрятанныя отъ жад-

---

[35]) I, ib. 212.
[36]) I, 348 f. 387 n. 427 f. 430, 453, 481 и пр.
[37]) I, 136. III, 21.
[38]) I, 197.
[39]) I, 133 f. 140.

ности собиравшихъ библіотеки Пергамскихъ царей, затѣмъ были проданы въ Аѳины Апелликону, который по собственной догадкѣ старался возобновить испорченный текстъ, и наконецъ, по взятіи Аѳинъ перевезены Суллой въ Римъ, гдѣ ихъ исправляли по личнымъ соображеніямъ римскіе грамматики [40]).

Во вторыхъ, Ѳрасиловъ перечень составленъ на основаніи каталоговъ александрійской библіотеки. Это видно какъ изъ того, что Ѳрасилъ помѣстилъ въ своемъ спискѣ между прочемъ тѣ же діалоги, что̀ и александрійскій грамматикъ Аристофанъ, такъ и изъ распредѣленія діалоговъ по тетралогіямъ, внушеннаго, какъ видно изъ составленнаго Аристофаномъ списка, существовавшимъ въ александрійской библіотекѣ обычаемъ своеобразной систематизаціи [41]). А въ александрійской библіотекѣ долженъ былъ храниться экземпляръ несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Платона. Основатель библіотеки, Птоломей Сотеръ, былъ горячимъ почитателемъ философовъ, а его (равно какъ и его преемника Птоломея II) ближайшій помощникъ по устройству библіотеки, Дмитрій Фалерейскій, родившійся въ годъ смерти Платона, былъ послѣдователемъ перипатетической школы и потому навѣрное прежде всего озаботился о пріобрѣтеніи подлинныхъ сочиненій Аристотеля и Платона. Самая организація александрійской библіотеки, устроенная по образцу Академіи и Лицея, служитъ порукой въ этомъ [42]).

Эти разсужденія Грота (какъ вѣрно замѣчаетъ Целлеръ) [43]) опираются на недостовѣрныя предположенія. Гротъ говоритъ не о томъ, что̀ на самомъ дѣлѣ было, а о томъ, что̀ по всей вѣроятности должно было быть. Все же эти предположенія внушены весьма вѣроятной фактической возможностью и потому много убѣдительнѣе приводимыхъ нѣмецкими критиками „внутреннихъ основаній“, не имѣющихъ иногда подъ собой никакой другой почвы, кромѣ чисто субъективнаго „Платоническаго чутья“ (Platonisches Gefühl). Но

---

[40]) I, 137 f.

[41]) I, 141 f. 154 f. Объ александрійской библіотекѣ и музеяхъ Petit Radel, Recherches sur le bibliothèques anciennes et modernes, Par. 1819. Ritschl, die Alexandrinische Bibliothek, Bresl. 1838 (теперь въ Kleine Schriften Klippel, Das alexandrinische Museum, Gott. 1838. Weniger, Das alexandrinische Museum, Berl 1875. Goll, Das gelehrte Alterthum, Leipz. 1870, 139 f. Всѣ эти труды въ значительной мѣрѣ внушаютъ довѣріе къ александрійскимъ ученымъ.

[42]) I, 141, 144, 146 f.

[43]) Ph. d. Gr. II a[4] 444 f.

эта большая убѣдительность единственный выводъ, къ которому уполномочиваетъ сопоставленіе мнѣнія Грота съ мнѣніями нѣмецкихъ критиковъ. Вполнѣ согласиться съ Гротомъ нельзя потому, что въ перечень Ѳрасила внесены нѣкоторыя изъ писемъ, подложность которыхъ удостовѣрена объективными данными (незнакомствомъ ихъ автора съ тѣми историческими фактами, которые должны быть хорошо знакомы Платону [44]). Поэтому вопросъ о подлинности остался и послѣ Грота открытымъ.

Среднимъ между субъективнымъ и объективнымъ методомъ пытается идти Джоуеттъ, предлагая мѣриломъ свидѣтельства Аристотеля и слѣдующія общія правила критики. Въ короткихъ произведеніяхъ скорѣе можно предположить поддѣлку или ошибочное обозначеніе имени автора, чѣмъ въ большихъ; нѣкоторые роды сочиненій, напр. письма и панигирики внушаютъ противъ себя большее подозрѣніе, чѣмъ другіе; сомнительны и тѣ, въ которыхъ замѣтна софистическая окраска, отзвукъ позднѣйшаго времени, легкій характеръ риторическаго упражненія, также тѣ, въ которыхъ можетъ быть открытъ какой нибудь мотивъ къ поддѣлкѣ или сходство съ поддѣлкой, наконецъ тѣ, которыя повидимому внушены какимъ нибудь именемъ или мнѣніемъ, встрѣчающимися въ настоящемъ классическомъ авторѣ. Напротивъ, быть можетъ не найдется ни одного примѣра доказанной подложности какого нибудь древняго произведенія, которое соединяетъ большое превосходство со значительной длиной. На основаніи этихъ критеріевъ, изъ извѣстныхъ подъ именемъ Платона сочиненій съ наибольшею достовѣрностью должны принадлежать ему тѣ, которыя 1) Аристотель приписываетъ Платону, называя его по имени, 2) имѣютъ значительную длину, 3) большое превосходство, 4) гармонируютъ съ общимъ духомъ Платоновыхъ сочиненій. Джоуеттъ однако самъ сознаетъ шаткость этихъ критеріевъ. По указанію ихъ онъ рѣшается признать подложными „Письма“, Алкивіадъ II“, „Гиппархъ“, „Гиппій Большій“, „Епиномисъ“, „Миносъ“, „Соперники“, „Ѳеагъ“, и сомнительными „Гиппій Меньшій“, „Алкивіадъ I“, „Менексенъ“ [45].

---

[44]) Karsten, Commentatio critica de Platonis quae feruntur epistolis, Traj. ad Rh. 1864, 114—150.

[45]) Jowett, IV, 483 f. Introd. X. Противъ него въ защиту Грота A. Bain въ Minor Work of G. Grote, Lond. 1873, 109 f.

3. *Французская критика.* Изъ французскихъ изслѣдователей вопросъ о подлинности подробно обсуждаетъ Шэнье [46]). Въ общемъ онъ склоняется на сторону Грота, подкрѣпляетъ историческими доводами авторитетъ Ѳрасила [47]), ставитъ на видъ неосновательность доводовъ на внутреннихъ основаніяхъ [48]) и недостаточность и неубѣдительность указаній Аристотеля [49]); но въ заключеніе самъ по руководству „внутреннихъ основаній“ отрицаетъ принадлежность Платону засвидѣтельствованнаго Ѳрасиломъ „Клитофонта“ [50]). Единственное нововведеніе, которое онъ предлагаетъ въ руководство другимъ, состоитъ въ томъ, что бы пользоваться не одними лишь цитатами Аристотеля, но и указаніемъ другихъ современниковъ Платона — Аристоксена, Дикеарха, Гераклида Понтійскаго, Полемона, Ѳеопомпа, Дуриса [51]). Это нововведеніе не имѣетъ однако никакой цѣны, такъ какъ изъ названныхъ писателей одни хотя и говорятъ о Платонѣ, на его діалоги не ссылаются, а другіе называютъ такіе діалоги, подлинность которыхъ внѣ сомнѣнія [52]).

4. *Предлагаемый методъ.* Къ сколько нибудь твердому выводу въ разсматриваемомъ вопросѣ можно, повидимому, придти лишь слѣдующимъ образомъ Взявъ за основаніе Ѳрасиловъ списокъ, провѣрить его согласными свидѣтельствами Аристотеля и Аристофана, затѣмъ изъ удостовѣренныхъ такимъ способомъ діалоговъ выдѣлить группу наиболѣе различныхъ по композиціи (напримѣръ, „Софистъ“, „Фэдонъ“, „Тимэй“, „Государство“, „Законы“ и пр.), отмѣтить въ нихъ своеобразности Платонова языка и поставить эти своеобразности мѣриломъ подлинности остальныхъ діалоговъ [53]). Слогъ писателя несомнѣнно отражаетъ на себѣ его духовную жизнь (le style c'est l'homme) и съ измѣненіемъ содержанія этой жизни въ извѣстной мѣрѣ мѣняется. Но при всѣхъ измѣненіяхъ слога, въ немъ всегда сохраняются черты неизмѣнныя, обусловленныя индивидуальностью

---

46) Chaignet, La vie et les écrits de Platon, Paris, 1871, 97.
47) Ibid. 111.
48) Ibid. 104.
49) Ibid. 110.
50) Ibid. 155
51) Ibid. 111.
52) Zeller, Phil. d. Gr. II a[4], 443, 1.
53) Первыя указанія на возможность такого метода даетъ Шлейермахеръ, Pl. W. I, Einl. 36.

умственной организаціи писателя, которыя, за исключеніемъ лишь того случая, если писатель, замѣтивъ ихъ, почему либо пожелаетъ сгладить, остаются его неотъемлемымъ достояніемъ на всю жизнь—своеобразный характеръ этимологическихъ образованій, синтаксическихъ сочетаній, риторическихъ оборотовъ. Чѣмъ меньше замѣтны эти особенности, то есть, чѣмъ больше филологическая критика должна употребить усилій для ихъ обнаруженія, тѣмъ съ большей увѣренностью можно воспользоваться ихъ указаніями, такъ какъ тѣмъ менѣе вѣроятно предположеніе о сознательномъ подражаніи имъ.

Но въ настоящее время такой филологической разработкѣ положено только начало—въ Англіи Кэмбелемъ и въ Германіи Диттенбергомъ, Гэферомъ, Фредеркингомъ, Шанцемъ, Гомперцемъ, Риттеромъ [54]). До появленія обстоятельныхъ трудовъ въ этомъ направленіи, самый безопасный путь въ истолкованіи Платона, повидимому, тотъ, чтобы, исключивъ изъ Θрасилова списка тѣ изъ „Писемъ", которыя Платону несомнѣнно не принадлежатъ, пользоваться всѣми остальными сочиненіями, не строя однако рѣшительныхъ выводовъ на основаніи тѣхъ, которыя не имѣютъ за свою подлинность никакого объективнаго ручательства помимо авторитета Θрасила, но внушаютъ противъ себя наибольшее подозрѣніе либо сильнымъ сходствомъ съ произведеніями подражательными, либо не оправдываемымъ никакими безыскусственными соображеніями (за исключеніемъ художественной изворотливости Платона) несоотвѣтствіемъ съ завѣдомо подлинными діалогами. Этимъ именно путемъ я пойду въ предстоящемъ изслѣдованіи.

---

[54]) Campbell, The Sophistes and Politicus of Plato, Oxf. 1867, XXIV—XLII. The Theaetetus of Plato, 2-nd ed. Oxf. 1883, 274—284. Dittenberger, Sprachliche Kriterien für die Chronologie der Platonischen Dialoge. Hermes, XVI, 1881, 3-r H., 321 f. Hoefer, De particulis Platonis. Bonn, 1882. Frederking, Sprachliche Kriterien fur d. Chronol. d. plat. Dial. Jahrb. f. Klass. Philol. 1882, B. CXXV. 525 f. Schanz, Zur Entweckelung des platonischen Stils. Hermes, Bd. XXI, 439—459. Gomperz, Platonische Aufsätze, Wien, 1887. Ritter, Untersuchungen über Plato. Stuttg. 1888. Отрицательная критика подобнаго метода (примѣнительно къ опредѣленію послѣдовательности діалоговъ) у Zeller'a, Ph. d. Gr. II a[4] 512 f. Sitzungsberichte d. k. preussisch. Akad. d. Wissensch. zu Berl. XIII, 1887, 215 f. Archiv. für Gesch. d. Philosoph. I, 416 f. Критика эта справедлива однако лишь относительно односторонних пріемовъ германскихъ изслѣдователей, занимающихся почти исключительно изученіемъ частицъ у Платона, при томъ для опредѣленія не подлинности, а послѣдовательности діалоговъ, но не примѣнима къ Кэмбелю, опирающемуся на разносторонній собранный имъ филологическій матеріалъ. Впрочемъ, о Кэмбелѣ Целлеръ въ данномъ случаѣ вовсе не упоминаетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цѣль и свойства литературной дѣятельности Платона.

Прямыя заявленія Платона.—Провѣрка изъ метода.—Выводы.

Цѣль и свойства литературной дѣятельности Платона опредѣляются какъ его прямыми указаніями на этотъ счетъ въ „Федрѣ", такъ и анализомъ его воззрѣній на основанія всей вообще философской дѣятельности [1]).

1. *Прямыя заявленія Платона.* Въ основаніи прямыхъ заявленій лежитъ взглядъ, что письмо и чтеніе приноситъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Письмо ослабляетъ память, такъ какъ тотъ, кто полагается на записанное, не сосредоточиваетъ вниманія на лежащемъ въ душѣ знаніи и потому не упражняетъ способности запоминать [2]). Оно не въ состояніи дать отчета въ томъ, что̀ написано,

---

[1]) Hermann, Ueber Plato's schriftstellerische Motive, въ Gesamm. Abhandl. u. Beiträge, Gött. 1849, 281—305. Zeller, Ueber d. Zusammenhang der platonischen u. aristotelischen Schriften mit der persönlichen Lehrthätigkeit ihrer Verfasser, Hermes, XI, 1876, 84—96. Joël, Zur Erkenntniss der geistigen Entwickelung und der schriftstellerischen Motive Plato's. Berl. 1887. (Критика этого труда въ Archiv für Geschichte der Philosophie, I, 413—416). Steger, Platonische Studien, I, Innsbr. 1869. Wolff, die Platonische Dialektik, Zeitschr. f. Philos. LXIV, 200—253, LXV, 12—34; LXVI, 69—85; 185—220. Oldenberg, De Platonis arte dialectica, Gött. 1873. Lukas, die Methode der Eintheilung bei Platon, Halle, 1888 (Критика въ Arch. f. Gesch. d. Philos. II, 697—699). Heyder, Kritische Darstellung und Vergleichung der Aristotelischen und Hegel'schen Dialektik, Erlang. 1845, 59—131. Janet, Etudes sur la dialectique dans Platon et dans Hegel, Paris, 1860. Козловъ, Философскіе этюды, II, Методъ и направленіе философіи Платона, Кіевъ, 1880. „Einleitungen" Шлейермахера и Штейнгарта. „Prolegomena" Штальбаума. Анализы Грота (Plato) и Джоуетта (Dialogues). Критическіе труды Аста, Зуккова, Мунка, Шааршмидта, Ибервега и пр. (см. пред. гл.) Соотвѣтствующіе отдѣлы въ Philos. d. Griech. Целлера, Handbuch der griech rom. Philos. Брандиса, Sieben Bücher zur Geschichte des Platonismus Штейна, Philosophie de Platon Фулье.

[2]) Phaedr. 275, A.

порождаетъ вслѣдствіе этого недоразумѣнія и стало быть не можетъ научить истинѣ. Сверхъ того оно безжизненно и потому безплодно [3]). Писанныя рѣчи во всемъ сходны съ картинами. Какъ произведенія живописи стоятъ точно живыя, а если ихъ спросить о чемъ нибудь, то преважно молчатъ, точно также и писанныя рѣчи на первый взглядъ какъ будто одарены разумомъ, если же для разъясненія того, что̀ ими сказано, обратиться къ нимъ съ вопросомъ, то онѣ отвѣчаютъ всегда одно и тоже [4]). Но самый важный недостатокъ письма тотъ, что оно вселяетъ не истинную, а призрачную мудрость. Нахватавшись изъ книгъ многаго, но не изучивъ какъ слѣдуетъ, люди кажутся многознающими, хотя по большей части остаются незнающими, и въ ложномъ мнѣніи о своей мудрости становятся заносчивыми и для бесѣдъ непригодными [5]). И для самого писателя письмо приноситъ вредъ: какъ скоро рѣчь написана, она, не зная того, съ кѣмъ должно говорить и съ кѣмъ не должно, обращается всюду, одинаково среди понимающихъ и среди тѣхъ, гдѣ ей вовсе не подобаетъ быть, и ложно толкуемая и не по праву оскорбляемая, но безоружная въ самозащитѣ, всегда нуждается въ помощи своего отца [6]). Истинный путь усвоенія и распространенія знаній не посредствомъ писанной рѣчи, а посредствомъ родной ея сестры, которой писанная рѣчь служитъ лишь слабымъ подобіемъ (εἴδωλον)—посредствомъ живой и одушевленной рѣчи человѣка знающаго, которая въ душу учащагося вписывается научно (μετ᾽ ἐπιστήμης), никогда не бываетъ безплодною, а наоборотъ служитъ залогомъ безсмертнаго творчества, знаетъ съ кѣмъ слѣдуетъ говорить и съ кѣмъ молчать, и способна помогать своему отцу [7]). „Кто опытенъ въ діалектикѣ, тотъ можетъ взять подходящую душу и насаждать и сѣять въ ней согласно съ наукой рѣчи, способныя помочь какъ себѣ самимъ, такъ и сѣятелю, не безплодныя, но содержащія въ себѣ сѣмя, изъ котораго въ другихъ душахъ выростаютъ другія сѣмена, и дѣлающія это сѣмя безсмертнымъ и доставляющія обладателю имъ такое счастье, какое только возможно для человѣка“ [8]). Нельзя ко-

---

[3]) Очевидно изъ сопоставленія съ нижеслѣдующимъ.
[4]) Ibid. 275, D.
[5]) Ibid 275, B.
[6]) Ibid. 275, E.
[7]) Ibid. 276, A—277, A.
[8]) Ibid. 276, E—277, A.

нечно отрицать, что приносятъ долю пользы и писанныя рѣчи: въ нихъ, какъ въ сокровищницу, человѣкъ кладетъ свои замѣтки, съ тѣмъ, что бы онѣ служили напоминаніемъ того, что онъ зналъ раньше —прежде всего для него самого, когда наступитъ старость, а за тѣмъ и для всѣхъ тѣхъ, кто идетъ по той же стезѣ; кромѣ того, онѣ доставляютъ благородную забаву: вмѣсто того, что̀ бы орошать себя пирами и проводить время въ подобныхъ этому увеселеніяхъ, гораздо лучше засѣивать чернилами сады письма, радуясь всходу нѣжныхъ, хотя и мало полезныхъ растеній [9]). Но философъ долженъ постоянно держать въ умѣ, „что во всякой писанной рѣчи, о чемъ бы она ни была, всегда необходимо должно быть много пустого, что ни одна ни размѣренная, ни неразмѣренная рѣчь, будь она написана или только сказана, не имѣетъ большой цѣны, если, подобно тому, какъ дѣлаютъ рапсоды, произносится безъ критики и изученія, лишь для того, чтобы убѣдить, что изъ этихъ рѣчей по истинѣ наилучшія тѣ, которыя служатъ напоминаніемъ для знающихъ, но что только въ тѣхъ рѣчахъ, которыя (живымъ словомъ) говорятъ о справедливомъ, прекрасномъ и благомъ съ цѣлью научить и научиться и по истинѣ вписываются въ душу, только въ нихъ однихъ есть достовѣрность, совершенство и цѣнность. Такія рѣчи философъ долженъ признавать какъ бы своими родными дочерями, прежде всего ту, которую послѣ поисковъ найдетъ въ себѣ самомъ, затѣмъ тѣхъ ея сестеръ и потомковъ, которые народились отъ нея въ душѣ другихъ людей и ея достойны, а съ остальными долженъ распрощаться“ [10]).

2. *Провѣрка изъ метода.* Если бы существовали какія нибудь доказательства того, что проведенный въ „Фэдрѣ“ взглядъ выражалъ точку зрѣнія Платона за все время его философской дѣятельности, и что Платонъ всегда былъ вѣренъ своимъ словамъ, то достаточно было бы только что приведенныхъ его заявленій, что бы, вопреки мнѣнію отрицательной критики, убѣдиться, что его сочиненія не могли быть написаны съ цѣлью обличительной проповѣди или полемики и что поэтому у него не было никакихъ сознательныхъ побужденій извращать истину. Но такъ какъ не существуетъ

---

[9]) Ibid. 276, B—277, A.
[10]) Ibid. 277, E—278, B.

ни того, ни другого доказательства и такъ какъ сверхъ того безъ освѣщенія изъ общей методологіи Платона его желаніе насаждать діалектикой сѣмена философскаго творчества въ душахъ другихъ людей можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что онъ желалъ въ своихъ сочиненіяхъ полемикой съ противоположными ученіями отстаивать и распространять свое собственное, а его взглядъ на письмо какъ на забаву можетъ дать поводъ заподозрить, что въ полемикѣ онъ не стѣснялся истиной, то для того чтобы, примѣнительно къ характеру его историческихъ свидѣтельствъ, выяснить цѣль и свойства его литературной дѣятельности, необходимо посмотрѣть, соотвѣтствуютъ-ли прямыя заявленія въ „Фэдрѣ“ общему духу Платоновой философіи, на сколько о немъ можно судить изъ разсѣянныхъ по всѣмъ вообще діалогамъ замѣчаній о цѣляхъ и методѣ философіи, и оправдываются ли этими замѣчаніями указанныя выше толкованія, или нѣтъ.

Для Платона философъ, по самому значенію слова, есть любомудрый или любознательный [11]), тотъ, кто добровольно желаетъ вкусить всѣхъ знаній, идетъ охотно къ ученію и въ немъ ненасытимъ [12]). Философія есть стяжаніе знанія [13]) и занимаетъ поэтому средину между мудростью и невѣжествомъ. Мудрецъ не можетъ стремиться къ мудрости потому, что ею обладаетъ; невѣжда не можетъ къ ней стремиться потому, что мнитъ себя въ обладаніи ею [14]). Цѣль философіи—уразумѣть то истинное, вѣчное, неизмѣнное, безусловное, непредполагаемое, благое и прекрасное, что̀ даетъ основаніе бытію и знанію, но выше бытія и прекраснѣе знанія, и объяснить изъ него все разнообразіе сущаго [15]). Философъ поэтому тотъ, кто постоянно обращаетъ мысль къ истинно сущему [16]) и радостно его привѣтствуетъ [17]), а философія—поворотъ и восходъ души на истинный путь бытія [18]). Хотя цѣль философіи для совершеннаго разума несомнѣнно

---

[11]) De Rep. 376, B.
[12]) Ibid. 475, B—C.
[13]) Euthyd. 288, D.
[14]) Sympos. 203, E—204, A. Lysis, 218, A.
[15]) Ниже, пр. 21.
[16]) Soph. 254, A.
[17]) De Rep 480, B. 484, B. 485, B.
[18]) Ibid. 521, C.

достижима, такъ какъ безусловно сущее безусловно познаваемо [19]), однако изъ самого опредѣленія философіи ясно, что философъ никогда не можетъ считать себя въ обладаніи полною и совершенною истиной. Такое обладаніе свойственно одному богу [20]). Сколь бы ни тверда была вѣра философа въ то или другое выработанное имъ положеніе, всякое положеніе, даже самое основное, есть всегда лишь предположеніе, только ступень или опора на пути къ непредполагаемому, и истина его, пусть даже и несомнѣнная, не исключаетъ возможности другого предположенія, истина котораго еще ближе къ непредполагаемому.

Съ предметомъ философской мысли (поясняетъ Платонъ свой методъ) [21]) „соприкасается самъ разумъ способностью діалектики, дѣлая предположенія не началами, а на самомъ дѣлѣ предположеніями, какъ бы какими ступенями и опорами, что бы дойти до непредполагаемаго, къ началу всѣхъ вещей, и затѣмъ, взявшись за него и касаясь того что̀ съ нимъ соприкасается, низойти къ концу, не пользуясь при этомъ ничѣмъ чувственнымъ, но самими идеями, посредствомъ идей и для идей, и окончить идеями“. Задача эта—чистый идеалъ, къ осуществленію котораго слѣдуетъ стремиться, но который никогда не можетъ быть осуществленъ вполнѣ. Непредполагаемое діалектики есть едва доступная человѣческому разумѣнію идея блага [22]), тотъ неисповѣдимый „Отецъ и Творецъ всяческихъ, котораго и обрѣсть трудно и обрѣтя невозможно объяснить всѣмъ людямъ“ [23]). Верховное благо въ мірѣ мысли тоже, что̀ въ мірѣ вещей солнце. Какъ солнце—источникъ свѣта и зрѣнія, такъ идея блага—источникъ истины и познаванія; но какъ зрѣніе и свѣтъ, хотя и отъ солнца, сами не солнце, а только солнцевидны, точно также истина и знаніе хотя и отъ блага, сами не благо, но лишь благовидны. Поэтому свойство блага надо ставить выше истины и познаванія. Тѣмъ непостижимѣе высится благо надо всѣмъ, что

---

[19]) Ibid. 477, A.

[20]) Sympos. 203, E, сл. Phaedr. 278, D. Parm. 134, C.

[21]) De Rep. 511, B—C.

[22]) De Rep. 518, C, ниже, пр. 25. 532, A.

[23]) Tim. 28, C Исчерпывающія доказательства тожества между идеей Блага и Отцомъ и Творцомъ всяческихъ, вмѣстѣ съ опроверженіемъ противоположныхъ мнѣній, даютъ Fouillée, La philosophie de Platon II [2], 121—132 и Zeller, Ph. d. Gr. II a [4], 710 f.

даетъ всему не только способность быть познаннымъ, но бытіе и сущность, такъ однако, что само оно не сущность, а за ея предѣлами и выше ея по достоинству и силѣ [24]). Стоя на самомъ краю умопостигаемаго, идея блага едва зрима [25]); предѣлъ философіи тамъ, гдѣ начинается созерцаніе идеи [26]).

Наиболѣе достовѣрно изъ всѣхъ философскихъ предположеній предположеніе о существованіи идей [27]), такъ какъ оно наиболѣе удовлетворительно объясняетъ вопросы бытія и происхожденія [28]); однако и его нельзя считать безусловнымъ. „Если тебѣ (говоритъ Сократъ въ „Фэдонѣ“) придется дать отчетъ въ самомъ предположеніи объ идеяхъ, то ты дашь точно такъ же, какъ и во всемъ остальномъ, сдѣлавъ новое высшее предположеніе, которое тебѣ покажется наилучшимъ, пока не придешь къ чему нибудь удовлетворительному“ [29]). „Даже самыя основныя предположенія (говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ), хотя бы и были въ вашихъ глазахъ достовѣрными, все же должны быть вами разслѣдованы еще съ большей ясностью; и если вы ихъ достаточно разберете, то, какъ я думаю, убѣдитесь доказательствами, на сколько вообще возможно убѣдиться человѣку, и когда вамъ станетъ ясно, то не будете дальше разслѣдовать“ [30]). Такое успокоеніе однако возможно лишь относительно частныхъ вопросовъ, но не всей вообще истины, и во всякомъ случаѣ не должно быть слѣдствіемъ легкомыслія [31]). Основныя положенія, какъ бы достовѣрны они ни были, всегда имѣютъ цѣну лишь до тѣхъ поръ, пока не будутъ опровергнуты [32]). Въ нихъ дается не

---

24) Ibid. 508, E—509, B.

25) Ibid. 505, A. 517, B: καὶ μόγις ὁρᾶσθαι. 532, B.

26) Sympos. 211, B: ὅταν δή τις... ἀνιὼν ἐκεῖνο τὸ καλὸν ἄρχηται καθορᾶν, σχεδόντι ἅπτοιτο τοῦ τέλους. „Непредполагаемое“ Платона такимъ образомъ въ гносеологическомъ отношеніи соотвѣтствуетъ Кантовымъ идеямъ, какъ регулятивнымъ принципамъ. Kritik der reinen Vernunft, 356 f. 392 f. (Hartenstein, Leipz. 1868).

27) Phaedo 100, D 101, D.

28) Ibid. 100, B, сл.

29) Ibid. 101, D—E. 100, A.

30) Ibid. 107, B.

31) De Rep. 504, C.

32) На относительный характеръ своихъ предположеній Платонъ указываетъ выраженіями въ родѣ: θεὸς δέ που οἶδεν εἰ ἀληθές (по поводу ученія о благѣ и проч.). De Rep. 517, B: ἀλλ' αὐτὸ τ' ἀληθές, ὅ γε δή μοι φαίνεται· εἰ δ' ὄντως ἢ μὴ οὐκέτ' ἄξιον τοῦτο διισχυρίζεσθαι, ἀλλ' ὅτι μὲν δὴ τοιοῦτόν τι ἰδεῖν, ἰσχυριστέον (о познаніи сущаго). Ib. 533, A. Soph. 259, A: ᾿ δὲ νῦν εἰρήκαμεν εἶναι τὸ μὴ ὄν, ἢ πεισάτω τις ὡς οὐ καλῶς λέγομεν ἐλέγξας, ἢ μέχριπερ ἂν ἀδυνατῇ, λεκ-

сама истина, но ея чаянія. Философская Муза ничего не утверждаетъ безусловно, а только догадывается [33]). Самоувѣренный тонъ къ лицу лишь мудрецамъ или тѣмъ, которые мнятъ себя мудрыми [34]). Напротивъ, вся жизнь философа въ исканіи истины [35]). Философъ тотъ, кто неутомимъ въ этихъ поискахъ [36]), кто не придаетъ цѣны разсужденіямъ, способнымъ предрасположить къ лѣни или ослабить жажду исканія, но охотно занимается тѣми, которыя побуждаютъ къ труду и исканію [37]). Философское трудолюбіе не должно хромать ни въ чемъ: философъ всегда охотно слушаетъ, учится и ищетъ [38]).

Путь къ постиженію истины не наблюденіе надъ чувственными вещами, не чтеніе книгъ и не обученіе, но, какъ уже сказано, діалектика, то есть построенная на добытыхъ психологическимъ и логическимъ анализомъ правилахъ живая бесѣда [39]). Чувственныя вещи непрестанно измѣняются, возникаютъ и преходятъ, и не только не даютъ для мысли опоры, но способны ослѣпить душу [40]). Книги безплодны потому, что не могутъ пояснить того, что̀ въ нихъ написано и допускаютъ вслѣдствіе этого различное толкованіе ихъ содержанія [41]). „Когда собираются собесѣдники хорошіе, добрые и образованные, то у нихъ не увидишь ни флейтщицъ, ни танцовщицъ, ни пѣвицъ, такъ какъ они и безъ этихъ бездѣлокъ и ребячества могутъ бесѣ-

---

τέον κἀκείνῳ, καθάπερ καὶ ἡμεῖς λέγομεν и пр. Protag. 388, E: ἕως ἄν τις ἡμᾶς ἀλλῳ πείσῃ Gorg. 527, A: καὶ οὐδέν γ' ἂν ἦν θαυμαστὸν καταφρονεῖν τούτων, εἴ πῃ ζητοῦντες εὕρομεν αὐτων βελτίω καὶ ἀληθέστερα εὑρεῖν и пр. Meno, 86, B: καὶ τὰ μὲν γ' ἄλλα οὐκ ἂν πάνυ ὑπὲρ τοῦ λόγου διισχυρισαίμην (о знаніи, какъ воспоминаніи), ὅτι δ', οἰόμενοι δεῖν ζητεῖν ἃ μή τις οἶδε, βελτίους ἂν εἶμεν καὶ ἀνδρικώτεροι καὶ ἧττον ἀργοὶ ἢ εἰ οἰοίμεθ' ἃ μὴ ἐπιστάμεθα μηδὲ δυνατὸν εἶναι εὑρεῖν μηδὲ δεῖν ζητεῖν, περὶ τουτου πάνυ ἂν διαμαχοίμην, εἰ οἷός τ' εἰην, καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ. Ibid. E: ἐξ ὑποθέσεως σκοπεῖσθαι (то есть, какъ тамъ же пояснено, за и противъ). Cratyl. 391, A. 428, A. 439, B. 440, D и пр.

33) Phileb. 67, B: τοὺς των ἐν Μούσῃ φιλοσόφῳ μεμαντευμένων ἑκάστοτε λόγων. Ibid. 64, A: τί ποτ' ἔν τ' ἀνθρώπῳ καὶ τῷ παντὶ πέφυκεν ἀγαθὸν καὶ τίν' ἰδέαν αὐτὴν εἶναι ποτε μαντευτέον. Lys. 516, D: λέγω τοίνυν ἀπομαντευόμενος и пр. Cratyl. 439, C: ὃ ἔγωγε πολλάκις ἀνειφώττω (существованіе идей).

34) Sympos. 208, C: καὶ ἥ, ὥσπερ οἱ τέλεοι σοφισταί, Εὖ ἴσθι, ἔφη. О значеніи слова софистъ „Греческіе софисты", 11, сл.

35) Apol. 28, A. 38, A и пр.

36) De Rep. 411, D. 535, C—D.

37) Meno, 81, D. 86, B.

38) De Rep. 535, C—D

39) De Rep. 511, B (выше, стр. 47). Phileb. 57, E. Phaedo 99, E сл. Soph. 230, A—E.

40) De Rep. 484, B. 485, B. 490, B. Phaedo, 99, E.

41) Theaet. 164, E. 169, D—E 171, C. 184, A. Ниже, стр 62.

довать одинъ съ другимъ сами по себѣ, собственнымъ голосомъ, то говоря, то слушая, и все это въ порядкѣ.... Точно тоже должно сказать и о философскихъ собраніяхъ, если въ нихъ находятся такіе люди, какими теперь себя считаютъ многіе изъ насъ: они не имѣютъ нужды въ чужомъ голосѣ и въ поэтахъ, которыхъ (считаютъ источникомъ всякой мудрости и всѣхъ знаній [42]), но) нельзя спросить о чемъ у нихъ говорится и которыхъ словамъ одни въ своихъ разсужденіяхъ даютъ такой смыслъ, другіе—другой, такъ какъ имѣютъ дѣло съ тѣмъ, отъ чего не могутъ потребовать отчета; они оставляютъ такія бесѣды и разговариваютъ сами отъ себя, испытывая одинъ другого и подвергаясь испытанію посредствомъ собственныхъ словъ. Такимъ людямъ, кажется мнѣ, должны подражать ты и я и, оставивъ поэтовъ, бесѣдовать самимъ отъ себя, испытывая истину и себя самихъ“ [43]).

Какъ изъ внѣшняго міра нельзя почерпнуть знанія, такъ оно не можетъ быть перелито, словно изъ сосуда, изъ одной души въ другую [44]). Истина не внѣ насъ, а въ насъ самихъ [45]). Чтобы сдѣлать ее достояніемъ сознанія, нужно лишь обратить на нее познавательную способность. „Воспитаніемъ должно считать вовсе не то, что̀ иные выдаютъ за воспитаніе, говоря, что способны вложить въ душу познаніе, котораго въ ней нѣтъ, словно въ слѣпые глаза—зрѣніе. Наше же разсужденіе показываетъ, что подобно тому какъ если бы нельзя было повернуть глаза отъ мрака къ свѣту иначе, какъ со всѣмъ тѣломъ, точно также и существующую въ каждой душѣ способность и орудіе, которымъ каждый познаетъ, слѣдуетъ со всею душой оборачивать изъ бываніе, пока она не станетъ способной выносить созерцанія бытія и того, что въ бытіи всего свѣтлѣе, а подъ этимъ мы разумѣемъ благо“ [46]). Наша душа безсмертна, пережила безконечный рядъ воплощеній и какъ въ соединеніи съ тѣломъ, такъ въ особенности передъ каждымъ воплощеніемъ обогащала себя свѣдѣніями [47]). Вслѣдствіе сродства всей природы, каж-

---

[42]) См. главу V.

[43]) Protag. 347, D 348, A. 329, A.

[44]) Sympos. 175, D. Phaedr. 236, C (иронически).

[45]) Ниже, стр. 52, пр. 57. Также Theaet. 150, D: καὶ τοῦτ' ἐναργές, ὅτι παρ' ἐμοῦ οὐδὲν πώ ποτε μαθόντες, ἀλλ' αὐτοὶ παρ αὑτῶν πολλὰ καὶ καλὰ εὑρόντες τε καὶ κατέχοντες.

[46]) De Rep. 518, C.

[47]) Meno, 81, A—86, B. Phaedo, 72, E—75, C. Phaedr. 245, C, сл.

дое знаніе указываетъ на другое; какъ скоро мы знаемъ одно, ничто не мѣшаетъ намъ найти все [48]). Поэтому душа всевѣдуща, но знанія покоятся въ ней забытыми [49]). Чтобы заставить душу вспомнить ихъ, необходимо пробудить ея дремлющія мыслительныя силы [50]). Такое пробужденіе достигается сознаніемъ противорѣчія. „Не вызываетъ на размышленіе то, что̀ не переступаетъ въ противоположное ощущеніе, тогда какъ то, что̀ переступаетъ въ противоположное ощущеніе, то есть когда ощущеніе говоритъ нисколько не меньше объ одномъ, чѣмъ о противоположномъ, я считаю вызывающимъ на размышленіе“ [51]). Поставленная противорѣчіемъ въ тягостное недоумѣніе душа, что бы выйти изъ него, напрягаетъ свои силы; вслѣдствіе этого покоящіяся въ ней знанія возникаютъ сначала смутно, какъ сонъ, а за тѣмъ пріобрѣтаютъ законченный видъ [52]). „Тѣ, которые обходятся со мной (говоритъ Сократъ въ „Θεαιτητῆ“) испытываютъ то же, что̀ родильницы: они мучатся и переполняются затрудненіями дни и ночи, даже больше чѣмъ родильницы; возбуждать и утолять эту муку умѣетъ мое искусство“ [53]). Достигается боль тѣмъ, что діалектика „разслѣдываетъ блуждающія изъ стороны въ сторону мнѣнія собесѣдника и, сопоставляя ихъ между собой, показываетъ, что они противорѣчатъ одно другому въ одно и то же время, о тѣхъ же самыхъ вещахъ, въ томъ же самомъ отношеніи, тѣмъ же самымъ образомъ“ [54]). Самая мука состоитъ въ позорномъ сознаніи собственнаго невѣжества [55]) и испытывается какъ электрическій ударъ. „Я и до знакомства съ тобой, Сократъ (говоритъ Менонъ), слышалъ о тебѣ, что ты только тѣмъ и занимаешься, что и самъ недоумѣваешь и другихъ вводишь въ недоумѣнія. Да и теперь ты меня очаровываешь, колдуешь и просто заговариваешь, такъ что я переполнился недоумѣніемъ. Ты, мнѣ кажется—если можно пошутить—и видомъ и всѣмъ остальнымъ похожъ на плоскаго морскаго ската. Вѣдь и онъ заставляетъ цѣпенѣть того, кто къ нему

---

[48]) Meno, 81, D
[49]) Meno. 81, E—D, 85, C 86, D Phaedo 72, E, сл.
[50]) Meno, 86, A. Apol. 31, A. De Rep. 534, D—E Ниже. стр. 56
[51]) De Rep 523, B—C сл. 524, Д
[52]) Meno. 85, C.
[53]) Theaet. 151, A.
[54]) Soph. 230, B Phileb 20, A. Charmid 169, C. De Rep. 487, B—C.
[55]) Soph. 230, B, сл. Sympos. 216, A, сл.

приблизится и до него дотронется. Вотъ и со мной ты теперь сдѣлалъ нѣчто подобное. Я по истинѣ цѣпенѣю душой и устами, и не знаю, что отвѣчать тебѣ. И однако же прежде не одну тысячу разъ говорилъ о добродѣтели многое и въ присутствіи многихъ, и очень хорошо, какъ по крайней мѣрѣ мнѣ самому казалось. А теперь вовсе не могу сказать даже и того, что она такое“ [56]). Освобожденіе отъ муки наступаетъ тогда, когда дремавшія въ душѣ правильныя мнѣнія отъ вопросовъ начинаютъ пробуждаться, въ особенности же тогда, когда, испытанныя неоднократнымъ обличеніемъ, онѣ связываются разсужденіемъ о причинѣ и становятся такимъ образомъ знаніями [57]). Никто не можетъ начать изслѣдованіе, не

---

[56]) Meno, 79, E—80, A. Также 80, C.

[57]) Meno, 85, C. 98, A. Въ виду центральнаго значенія, которое я придаю въ Платоновой діалектикѣ ученію о познаніи какъ о воспоминаніи и существующихъ на этотъ счетъ авторитетныхъ противоположныхъ мнѣній, считаю здѣсь не лишнимъ войти въ подробности этого ученія. Въ „Менонѣ“ на слова Сократа, что онъ только ищетъ, но не имѣетъ готоваго отвѣта на вопросъ о томъ, что такое добродѣтель, Менонъ возражаетъ: «Какимъ же образомъ, Сократъ, станешь ты изслѣдовать то, что тебѣ совершенно неизвѣстно? Что изъ неизвѣстнаго поставишь ты задачей изслѣдованія? И если ты даже найдешь то, что искалъ, то какъ ты узнаешь, что это то самое, чего ты не зналъ? *Сокр.* Знаю, что ты хочешь сказать, Менонъ. Видишь ли какой эристическій доводъ ты подводишь: выходитъ, что нельзя человѣку изслѣдовать ни того, что онъ знаетъ, ни того, чего не знаетъ Нельзя изслѣдовать того, что онъ знаетъ, такъ какъ это и безъ того извѣстно, и для знающаго нѣтъ никакой нужды въ изслѣдовании. Нельзя изслѣдовать и того, чего онъ не знаетъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ неизвѣстно, что изслѣдовать. *Мен.* Такъ что жъ, Сократъ, по твоему не хорошъ этотъ доводъ? *Сокр.* По моему нѣтъ. *Мен.* Можешь сказать почему?» *Сокр.* Могу, такъ какъ я слыхалъ отъ многихъ мудрыхъ людей и между прочимъ отъ Пиндара, что душа человѣка безсмертна и то кончается (это называется умираніемъ), то опять рождается, но никогда не погибаетъ.... «Если душа безсмертна и во время своихъ частыхъ возрожденій видѣла то, что на землѣ и что въ преисподней, и вообще всѣ вещи, то нѣтъ ничего, чего бы она не знала, и потому нисколько не удивительно, что она о добродѣтели и о другихъ вещахъ способна воспоминать то, что прежде знала. Вслѣдствіе сродства всей природы и того, что душа знаетъ все, ничего не мѣшаетъ ей при воспоминании о чемъ нибудь одномъ (это именно воспоминаніе люди называютъ пріобрѣтеніемъ знанія) найти все остальное, лишь бы человѣкъ былъ мужествемъ и неутомимъ въ изслѣдованіяхъ. Вѣдь на самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе и пріобрѣтеніе знаній есть воспоминаніе. И такъ не слѣдуетъ придавать вѣры тому эристическому доводу. Онъ можетъ сдѣлать насъ лѣнивыми и пріятенъ для слуха людей изнѣженныхъ; напротивъ, наше предположеніе побуждаетъ насъ къ трудамъ и изслѣдованіямъ. Вѣруя въ его истину, я хочу вмѣстѣ съ тобой изслѣдовать, что такое добродѣтель“. (80, E—81, E). Менонъ проситъ разъяснить, какимъ образомъ пріобрѣтеніе знанія можетъ быть воспоминаніемъ. Сократъ призываетъ мальчика, слугу Менона, и при помощи испытующаго обличенія и ряда наводящихъ вопросовъ заставляетъ опредѣлить, чему равна сторона квадрата съ площадью вдвое большею, чѣмъ у даннаго. Получивъ отъ мальчика надлежащій отвѣтъ, Сократъ спрашиваетъ Менона: „Какъ тебѣ кажется, Менонъ, сказалъ ли онъ какое нибудь мнѣніе не свое? *Мен.* Нѣтъ, всѣ его. *Сокр.* И однако же онъ не зналъ, какъ мы сказали немного раньше. *Мен.* Правда. *Сокр.* Но у него были эти мнѣнія или нѣтъ? *Мен.* Были. *Сокр.* Такъ

стало-быть у человѣка, который чего нибудь не знаетъ, существуетъ истинное мнѣніе о томъ, о чемъ онъ не знаетъ? *Мен.* Повидимому. *Сокр.* Теперь у него эти мнѣнія подымаются и колеблются какъ сновидѣнія; если же его кто нибудь станетъ спрашивать о томъ же самомъ часто и различными способами, то не думаешь-ли ты, что онъ въ концѣ будетъ знать объ этомъ не менѣе отчетливо, чѣмъ всякій другой? *Мен.* Кажется. *Сокр.* Не будетъ-ли онъ это знать не учась у другого, а только отвѣчая на вопросы, и не возьметъ-ли самъ изъ себя знанія? *Мен.* Да. *Сокр.* А брать самому изъ себя знанія не значитъ-ли воспоминать? *Мен.* Конечно. *Сокр.* Но вѣдь то знаніе, которое онъ теперь имѣетъ, онъ либо пріобрѣлъ когда нибудь, либо всегда имѣлъ. *Мен.* Да. *Сокр.* Если бы онъ его всегда имѣлъ, онъ былъ бы и всегда знающимъ; если же онъ его пріобрѣлъ когда нибудь, то ужъ конечно онъ не могъ пріобрѣсти въ настоящей жизни. Или училъ его кто нибудь геометріи? Вѣдь онъ будетъ точно также отвѣчать по всей геометріи и по всѣмъ другимъ наукамъ. Есть, значитъ, кто нибудь, кто его всему этому научилъ? Ты, конечно, долженъ это знать, такъ какъ онъ родился и воспитанъ въ твоемъ домѣ. *Мен.* Я знаю, что никто его никогда не училъ. *Сокр.* Но онъ имѣетъ эти мнѣнія или нѣтъ? *Мен.* Необходимо, повидимому, Сократъ. *Сокр.* Если же онъ не пріобрѣлъ ихъ въ настоящей жизни, то не ясно-ли, что онъ ихъ имѣлъ и узналъ въ какое нибудь иное время? *Мен.* Повидимому. *Сокр.* Не то-ли это время, когда онъ еще не былъ человѣкомъ. *Мен.* Да. *Сокр.* Если, такимъ образомъ, и теперь, когда онъ человѣкъ, и въ то время, когда онъ не былъ человѣкомъ, у него должны быть истинныя мнѣнія, которыя, пробуждаясь вопросами, становятся знаніями, то не должна-ли его душа обладать знаніемъ вѣчное время, такъ какъ вѣдь ясно, что во все время онъ либо человѣкъ, либо не человѣкъ. *Мен.* Повидимому. *Сокр.* Такъ если въ нашей душѣ вѣчно находится истина сущаго, то не безсмертна-ли наша душа? Такъ что слѣдуетъ отважно приниматься за изслѣдованіе и воспоминаніе того, чего ты теперь не знаешь, то есть, чего не помнишь“ (85, C—86, B). Метафизическимъ воспоминаніемъ полагается разница между знаніемъ и истинными мнѣніями: послѣднія становятся знаніемъ лишь тогда, когда бываютъ связаны αἰτίας λογισμῷ, то есть разсужденіемъ объ ихъ причинѣ; но причина сущаго трансцедентна и постигается лишь метафизическимъ воспоминаніемъ (98, A).

На только что приведенное доказательство Платонъ ссылается въ „Федонѣ“ (73, A), но здѣсь даетъ также другое, тѣсно связанное съ идеологіей. Всякое воспоминаніе (разсуждаетъ въ этомъ діалогѣ Сократъ) предполагаетъ предшествовавшее знаніе. Мы можемъ вспоминать какъ въ томъ случаѣ, если вспоминаемое подобно тому, по поводу чего мы воспоминаемъ, такъ и въ томъ случаѣ, если вспоминаемое не подобно тому, на основаніи чего мы вспоминаемъ. Вообще же можно сказать, что воспоминаніе есть возникновеніе одного знанія по поводу другого. Чувственныя вещи не бываютъ ни безусловно сходны, ни безусловно различны, но объ относительномъ сходствѣ или несходствѣ вещей мы судимъ примѣнительно къ безусловному сходству или сходству по себѣ, а это значитъ, что мы имѣемъ знаніе о безусловно сходномъ или о сходствѣ по себѣ. Знаніе это возникаетъ въ насъ по поводу чувственныхъ вещей, и стало-быть оно есть воспоминаніе. Это знаніе должно быть нами пріобрѣтено прежде способности воспринимать и сравнивать чувственныя вещи, потому что при относительномъ сходствѣ всегда предполагается сходство безусловное; но воспринимать и сравнивать способностью обладаемъ мы съ самаго рожденія. Отсюда слѣдуетъ, что знаніе о сходствѣ по себѣ пріобрѣтено нами до рожденія. То, что справедливо о сходствѣ по себѣ, справедливо о всѣхъ вещахъ по себѣ; стало-быть знаніе о всѣхъ вообще вещахъ по себѣ пріобрѣтается нами до рожденія. Но такъ какъ мы объ этомъ знаніи не можемъ дать отчета, то должно заключить, что оно нами забыто; только по поводу чувственныхъ вещей воспроизводимъ мы его, а это воспроизведеніе знанія и есть воспоминаніе. Такимъ образомъ, всякое знаніе указываетъ на то, что настоящей жизни предшествовала другая, когда душа обладала знаніемъ истинно сущаго (73, B—76, D).

О самомъ способѣ созерцанія душой истинно сущаго въ предвѣчной жизни Платонъ говоритъ въ „Федрѣ“ (246, A—249, D) и „Тимеѣ“ (41, E), въ миѳахъ о жизни души до соединенія съ тѣломъ. Первый изъ этихъ миѳовъ Платонъ заключаетъ знаменательными словами, что

ее ни одна душа, не видѣвшая истинно сущаго, не можетъ вселиться въ человѣческое тѣло, такъ какъ человѣкъ долженъ постигать то, что утверждается о видѣ, идеть отъ многихъ ощущеній и собирается во едино мышленіемъ (то есть соотвѣтствующее идеѣ понятіе), а это постиженіе есть воспоминаніе о томъ, что нѣкогда видѣла наша душа, сопровождая бога“ и пр.; со вторымъ приводитъ въ связь свои великолѣпныя замѣчанія о задачахъ философіи (Tim. 47, A—E. 90, A—D).

Не смотря на то, что, какъ очевидно въ особенности изъ „Менона“ и „Фэдона“, Платонъ полагаетъ ученіе о предсуществованіи души и о познаніи какъ о воспоминаніи въ основаніе своей гносеологіи (и построенной на ней идеологіи), Гегель (Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie, II², 177 f.), а вслѣдъ за нимъ Фіорентино (Saggio storico sulla Filosofia greca, Firenze 1864, 101) и Тейхмюллеръ (Studien zur Geschichte der Begriffe, Berl. 1874, 107 f., Platonische Frage, Gotha 1876) считаютъ это ученіе за чисто поэтическій ненаучный миѳъ, хотя и кроющій въ себѣ (по Гегелю, l. c. 177) ту впервые познанную Сократомъ, а затѣмъ усвоенную Платономъ, истину, что „духъ человѣка самъ содержитъ въ себѣ существенное и что для того, что бы постигать божественное, необходимо развивать его изъ себя и доводить до собственнаго сознанія“. Въ противоположность какъ этимъ изслѣдователямъ, такъ и Целлеру, видящему въ ученіи о знаніи какъ воспоминаніи не одно изъ основныхъ предположеній, но лишь слѣдствіе изъ идеологіи (Ph. d. Gr. II a⁴ 835 f.) первостепенную философскую важность этого ученія доказываетъ мимоходомъ Кіанелли въ своей талантливой монографіи Della interpretazione panteistica di Platone, Firenze, 1881, гдѣ онъ основательно ставитъ на видъ, что знаніе какъ воспоминаніе служитъ центромъ (точнѣе: однимъ изъ центровъ), откуда Платонъ отправляется въ доказательствѣ существованія идей и что безъ метафизическаго воспоминанія и предполагаемаго имъ существованія души до соединенія съ тѣломъ не возможно, съ точки зрѣнія Платона, не только познаніе идей, но и вообще познаніе. La possibilità di conoscere le idee che è l'essenziale del Platonismo (говоритъ онъ, p. 68), è distrutta senza la reminiscenza et la preesistenza, giacchè non potremmo sollevarci a qualche cosa di universale se fossimo circoscritti all' esperienza sensibile, e ciò non sarebbe possibile alla sua volta se non avessimo avuta l'intuizione delle idee in una vita anteriore, per cui solo l'anima umana è capace di poggiare all' idee essendo essa sola come dice Aristotele il τόπος εἰδῶν. Ma anche da un altro lato si raccoglie come la dottrina dell' ἀνάμνησις e della preesistenza sien di somma importanza per Platone. Esse infatti non solo sono prove dell' immortalità nel Fedone, ma quel che è più costituiscono l'unica soluzione del problema posto nel Teeteto „che cos'e la scienza“ e come essa sia possibile. La possibilità della Scienza era messa in forse dal dilemma sofistico formulato nel Menone... Platone risponde a questa obbiezione dicendo appunto che il sapere e l'apprendere non è che un ricordarsi di ciò che s'era dimenticato, e appunto perciò nel Teeteto distingue la scienza posseduta κτῆσις e quella usata ἕξις, un sapere in potenza, e un sapere in atto come dirà Aristotele. Въ какой мѣрѣ Платонъ вѣрилъ тому, что разсказываетъ въ своихъ миѳахъ, мы не знаемъ; но различать въ немъ мыслителя отъ поэта съ тѣмъ, что бы добытую этимъ различеніемъ отвлеченную мысль истолковывать въ категоріяхъ собственной системы, какъ это дѣлаютъ Гегель и Тейхмюллеръ, значитъ становиться на очень скользкій въ критическомъ отношеніи путь. Осторожнѣе относится къ вопросу Джоуеттъ, по мнѣнію котораго (The Dialogues, I, 555. III, 130, 228) Платонъ въ одно время своей жизни вполнѣ серьезно утверждалъ предсуществованіе души, а слѣдовательно и взглядъ на познаніе какъ воспоминаніе, но затѣмъ оставилъ и то и другое. Такое мнѣніе однако опровергается ученіемъ о предсуществованіи въ „Тимэѣ“ (l. c.). Правда въ „Θеэтетѣ“, гдѣ разсматривается вопросъ, о томъ, что такое знаніе, Платонъ хотя и упоминаетъ о „стоящихъ въ природѣ образцахъ“ т. е. идеяхъ (176, E), сводитъ вопросъ объ ихъ познаніи на психологическую почву, объясняя возникновеніе основныхъ понятій (о бытіи, небытіи, тожествѣ и пр.) изъ рефлексіи (185, C, сл.); но эмпирическое объясненіе идеи, какъ очевидно изъ приведеннаго выше мѣста „Фэдра“, не только не исключаетъ метафизическаго воспоминанія, а наоборотъ на него указываетъ. Во всякомъ случаѣ предполагаемая всѣми вообще діалогами и особенно „Θеэте-

испытавъ предварительно недоумѣнія [58]); удивленіе—начало философіи [59]). Безъ противоположностей невозможно знаніе [60]); тотъ, кто „оставляетъ предположенія неподвижными, (то есть не обсуждаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ), только грезитъ о сущемъ, но его не видитъ“ [61]); наоборотъ, отъ тренія различныхъ рѣчей рѣшеніе вопроса наконецъ появляется какъ огонь отъ костра [62]). Ни въ чемъ люди такъ не расходятся, какъ въ воззрѣніяхъ нравственныхъ; поэтому изслѣдованіе ихъ—главное содержаніе діалектики [63]).

Противорѣчія не только вызываютъ знаніе, но и служатъ его мѣриломъ. Только тотъ можетъ считаться знающимъ, кто умѣетъ дать и принять слово, то есть кто способенъ отстоять свой взглядъ непоколебимыми доводами отъ всѣхъ возраженій и кто сверхъ того можетъ прослѣдить его правильность во всѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ изъ него выводахъ. „Діалектикъ тотъ, кто можетъ требовать отчета отъ сущности каждой вещи; а тотъ, кто не усвоилъ этого, поскольку не способенъ дать отчета себѣ и другимъ, по-

---

томъ“ (150, D) способность души черпать знаніе изъ своихъ нѣдръ и требуемое идеологіей познаніе идей по ихъ существу (а не формально только, чрезъ рефлексію) Платонъ долженъ былъ какъ нибудь объяснить, а такое объясненіе можетъ быть лишь метафизическимъ. Поставленныя на видъ Гегелемъ и въ особенности Тейхмюллеромъ колебанія между пантеистическимъ и индивидуалистическимъ взглядомъ Платона на душу дѣлаютъ несомнѣннымъ предположеніе, что Платонъ не проводилъ рѣзкой грани между міровой душой и человѣческой въ ея трансцедентной сущности (на что̀ указываетъ особенно ясно ученіе „Тимея“), хотя съ другой стороны несомнѣнно и то, что эмпирическій индивидуализмъ былъ для него совершенно безспорнымъ фактомъ. Но если Платонъ видѣлъ въ человѣческой душѣ обособившійся абсолютный духъ, то какимъ инымъ болѣе простымъ способомъ, онъ, ничего не знавшій ни о постепенномъ развитіи (эволюціи), ни о постепенномъ откровеніи, и имѣвшій лишь смутное представленіе о потенціальности (Theat. 197, B, сл. Soph. 247, E), могъ объяснить незнаніе какъ не забвеніемъ, а пріобрѣтеніе знаній какъ не воспоминаніемъ? (При чемъ однако, разумѣется, что подобно всѣмъ остальнымъ предположеніямъ и предположеніе о метафизическомъ воспоминаніи имѣло въ его глазахъ лишь относительный характеръ (Meno 86, B, выше, стр. 48, пр. 32). Впрочемъ, къ философской сторонѣ вопроса намъ еще предстоитъ случай вернуться (см. гл. VIII).

58) Meno, 84, C. οἶει οὖν ἃ αὐτὸν πρότερον ἐπιχειρῆσαι ζητεῖν ἢ μανθάνειν τοῦτο, ὃ ᾤετο εἰδέναι οὐκ εἰδώς, πρὶν εἰς ἀπορίαν κατέπεσεν ἡγησάμενος μὴ εἰδέναι, καὶ ἐπόθησε τὸ εἰδέναι.—Οὔ μοι δοκεῖ, ὦ Σώκρατες.—Ὧντο ἄρα ναρκήσας.—Δοκεῖ μοι.—Σκέψαι δὴ ἐκ ταυτης τῆς ἀπορίας, ὅτι καὶ ἀνευρήσει ζητῶν μετ' ἐμοῦ, οὐδὲν ἀλλ' ἢ ἐρωτῶντος ἐμοῦ, καὶ οὐ διδάσκοντος.

59) Theaet. 155, D.

60) Leges, 816, D.

61) De Rep. 533, B—C.

62) Ibid. 435, A: βασανιοῦμεν καὶ τάχα ἂν παρ' ἄλλτλα σκοποῦντες καὶ τρίβοντες ὥσπερ ἐκ πυρείων ἐκλάμψαι ποιήσαιμεν τὴν δικαιοσύνην, καὶ φανερὰν γενομένην βεβαιωσαίμεθ' ἂν αὐτὴν παρ' ἡμῖν αὐτοῖς. Phileb. 44, D.

63) Phaedr. 263, A. De Rep. 538, C, сл.

стольку не имѣетъ знанія. Точно также и объ идеѣ блага: кто не способенъ въ рѣчи обособить отъ всего остальнаго идею блага и, давъ ей точное опредѣленіе, словно въ битвѣ пройти чрезъ всѣ возраженія, стараясь обличать не по мнѣнію, а по существу, и пролагая себѣ путь каждый разъ непоколебимымъ разсужденіемъ, такой человѣкъ не можетъ знать ни блага по себѣ, ни вообще ничего хорошаго, и если и постигаетъ какой призракъ, то постигаетъ мнѣніемъ, а не знаніемъ; онъ проводитъ поэтому всю жизнь во снѣ и дремотѣ и, не проснувшись ни разу здѣсь, уходитъ въ адъ, чтобы тамъ заснуть вовсе“ [64]). „Истина не ускользнетъ лишь тогда, когда будешь выходить не только изъ предположенія, что что̀ нибудь есть и разсматривать слѣдующіе отсюда выводы, но также и изъ предположенія, что что̀ нибудь не есть. Напримѣръ, если нужно изслѣдовать предположеніе, существуетъ-ли множество, то должно разсмотрѣть что̀ выйдетъ для самого множества по отношенію къ нему самому и къ единому и наоборотъ для единаго по отношенію къ нему самому и ко множеству, а затѣмъ, взявъ предположеніе о несуществованіи множества, снова разсмотрѣть, что̀ выйдетъ для единаго и для многаго какъ по отношенію каждаго изъ нихъ къ самому себѣ, такъ и по отношенію между собою. Точно также, предполагая существованіе или несуществованіе подобія, необходимо прослѣдить, что̀ выйдетъ изъ обоихъ этихъ предположеній и для самого предположеннаго и для всего остальнаго и при томъ какъ по отношенію къ каждому изъ нихъ, такъ и по отношенію между собою. То же самое о неподобномъ, о движеніи и покоѣ, о происхожденіи и разрушеніи, о самомъ бытіи и небытіи. Словомъ, относительно всего, что̀ бы ты каждый разъ ни предположилъ сущимъ или не сущимъ или претерпѣвающимъ другое какое-либо состояніе, должно разсматривать, что̀ выходитъ какъ относительно его самого, такъ и по отношенію къ каждому отдѣльному изъ другого, что̀ тобою избрано, и при томъ одинаково по отношенію ко многимъ и ко всему, а съ другой стороны и для другого какъ по отношенію къ нему самому, такъ и по отношенію къ другому, чтобы ты каждый разъ ни избралъ, предположишь-ли разсматриваемое сущимъ или не сущимъ“. Только при

---

64) De Rep. 534, D—E. Также 531, E. Theaet. 174, B. Soph. 259, D. Phaedr. 278. C.

такомъ чрезмѣрномъ трудѣ и всестороннемъ упражненіи возможно узрѣть истину и овладѣть ею [65]).

Поэтому исканіе истины сообща, въ перекрестномъ преніи съ собесѣдникомъ [66]), составляетъ главное занятіе философа. Жизнь, чуждая такимъ задачамъ, не заслуживаетъ названія жизни [67]). Истина достигается не только съ трудомъ, но въ иныхъ вопросахъ для человѣка и вовсе недостижима. „Все же не изобличать всячески того, что̀ о нихъ говорится и отставать раньше, чѣмъ послѣ всесторонняго изслѣдованія совершенно изнеможешь, свойственно лишь очень слабому человѣку. Въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ достигнуть чего нибудь изъ двухъ: либо узнать и открыть, какъ дѣло обстоитъ, либо, когда это невозможно, принять самое лучшее и неопровержимое человѣческое слово и на немъ, какъ на ладьѣ, попытаться переплыть жизнь, если только нельзя переплыть ее безопаснѣе и вѣрнѣе на твердѣйшемъ суднѣ, на какомъ либо словѣ божіемъ“ [68]). Часто споръ не приводитъ ни къ какому положительному отвѣту, но великое благо уже въ томъ, если душа освободится отъ ложнаго самомнѣнія о своихъ знаніяхъ и, введенная въ болѣзненное недоумѣніе, начнетъ размышлять [69]). Діалектическое очищеніе есть необходимая ступень передъ знаніемъ. Какъ тѣло не можетъ наслаждаться пищей, пока изъ него не будетъ устранено все, что̀ служитъ помѣхой ея воспріятію, точно также и душа не можетъ воспользоваться знаніями, пока изъ нея не будутъ устранены мѣшающія знанію ложныя мнѣнія. Поэтому діалектическое обличеніе „самое великое и главное изъ очищеній, а того, кто не испытанъ такимъ обличеніемъ, хотя бы онъ былъ великимъ царемъ, мы должны считать, какъ неочищеннаго въ самомъ главномъ, невоспитаннымъ и безобразнымъ въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ быть самымъ чистымъ и

---

[65]) Parmen 135, E—136, C.

[66]) Gorg. 498, E: συλλόγισαι κοινῇ μετ' ἐμοῦ. 506, A: ζητῶ κοινῇ μεθ' ὑμῶν. Prot. 358, A: κοινὸς γὰρ δὴ ἔστω ἡμῖν ὁ λόγος. 330, B: κοινῇ σκεψώμεθα. Theaet. 151, E: ἀλλὰ φέρε δὴ αὐτὸ κοινῇ σκιψώμεθα. Crat. 384, C: συζητεῖν μέντοι ἕτοιμός εἰμι. . κοινῇ. Lach. 197, E: τῆς κοινωνίας τοῦ λόγου. Men. 90, B. σὺ οὖν ἡμῖν συζήτησον. Charm. 165, B: ἀλλὰ ζητω γὰρ μετὰ σοῦ ἀεὶ τὸ προτιθέμενον. Rep. 583, B и пр.

[67]) Apol. вся вообще. 38, A: ὁ δ' ἀνεξέταστος βίος οὐ βιωτὸς ἀνθρώπῳ.

[68]) Phaedo 85, C—D. Говоритъ Симмій, но, какъ очевидно изъ текста, съ точки зрѣнія Сократа.

[69]) Theaet. 187, C· ἐὰν γὰρ οὕτω δρῶμεν, δυεῖν θάτερον, ἢ εὑρήσομεν ἐφ' ὃ ἐρχόμεθα, ἢ ἧττον οἰησόμεθ' εἰδέναι ὃ μηδαμῇ ἴσμεν. καίτοι οὐκ' ἂν εἴη μεμπτὸς μισθὸς ὁ τοιοῦτος. 210, C.

прекраснымъ тому, кто желаетъ быть по истинѣ счастливымъ“ [70]). Тѣ, которые основываясь на томъ что разсужденія иногда не приводятъ ни къ чему, считаютъ ихъ безполезными, судятъ односторонне: мисологія столь же неосновательна какъ и мисантропія и обличаетъ лишь неумѣнье пользоваться какъ слѣдуетъ своими способностями [71]).

Само собою разумѣется, что философскій споръ долженъ имѣть цѣлью только истину, а не удовлетвореніе честолюбія, не отстаиваніе собственнаго мнѣнія и не осмѣяніе противника. „Пусть философомъ прежде всего руководитъ истина, которую изслѣдовать онъ обязанъ во всемъ и всячески, такъ какъ человѣкъ пустой никогда не получитъ части въ истинной философіи“ [72]). „Думаешь-ли ты, Хармидъ, что если я тебя изобличаю всѣми силами, то изобличаю изъ за чего нибудь другого, а не изъ за того, ради чего я сталъ-бы изслѣдовать и собственныя слова, именно изъ опасенія, какъ бы незамѣтно для себя я не сталъ мнить себя знающимъ, хотя на самомъ дѣлѣ не знаю? И теперь я утверждаю, что разсматриваю твою рѣчь больше всего ради меня самого, а быть можетъ и для другихъ—моихъ друзей. Или ты не считаешь общимъ для всѣхъ почти людей благомъ, когда становится яснымъ какова каждая вещь“ [73])? „Я думаю (повторяетъ Сократъ ту же мысль въ „Горгіи“), что намъ всѣмъ слѣдуетъ соревновать о томъ, чтобы знать, гдѣ истина и ложь относительно того, о чемъ говоримъ, такъ какъ обнаруженіе этого—общее для всѣхъ благо. Поэтому я разслѣдываю въ своей рѣчи такъ, какъ мнѣ дѣло представляется; если же кому изъ васъ покажется, что я соглашаюсь съ собой не въ истинѣ, то должно возражать и обличать. Вѣдь то, что я говорю, я говорю не потому, что знаю, но ищу вмѣстѣ съ вами; поэтому, если будетъ ясно, что возражающій мнѣ говоритъ что нибудь дѣльное, я первый соглашусь“ [74]). „Не думай и ты, Протагоръ, что разговаривая съ тобой, я желаю чего нибудь другого, кромѣ разсмотрѣнія того, въ чемъ

---

[70]) Soph. 230, C—E. Ibid. 229, C. 249, E. Apol. 21, B сл. Alc. I, 117, B, сл. Alc. II, 147, D, Meno 84, A, сл. Gorg. 458, A. 470, C. 506, B—C.

[71]) Phaedo 90, D сл.

[72]) De Rep. 490, A. Hipp. Maj. 288, D: τοιοῦτός τις, ὦ Ἱππία, οὐ κομψός, ἀλλὰ σορφετός, οὐδὲν ἄλλο φροντίζων ἢ ταλη̣θές

[73]) Charm. 166, C—D.

[74]) Gorg. 505, E—506, A.

я каждый разъ недоумѣваю“ [75]). „Мы соревнуемъ вовсе не о томъ, чтобы взяло верхъ то, что̀ я положилъ, или то, что̀ ты положилъ, но мы оба должны помогать тому, что̀ наиболѣе истинно“ [76]). „Боюсь обличать тебя, Горгій, какъ бы тебѣ не подумалось, что я соперничаю не въ томъ, чтобы выяснить дѣло, но съ тобою“ [77]). „Мнѣ стѣснительно говорить о Горгіи, такъ какъ ему можетъ показаться, что я смѣюсь надъ его занятіемъ“ [78]). „Что̀ это, Полъ, ты смѣешься? Или это другой видъ доказательства, надсмѣхаться надъ чужими словами, а не обличать ихъ“ [79])? „Не окажешь-ли мнѣ такой милости, не смѣяться надо мною, если я съ трудомъ пойму то, что̀ говоришь, и часто буду спрашивать“ [80]).

Кто бы ни говорилъ, безразлично, лишь бы былъ знающій, откровенный, благорасположенный и говорилъ истину. Должно смотрѣть вовсе не на то, кто сказалъ, но истину-ли сказалъ“ [81]). „Ты теперь дѣлаешь то, что̀ раньше обѣщалъ не дѣлать: пытаешься обличать *меня*, оставивъ въ сторонѣ дѣло, о которомъ идетъ рѣчь“ [82]). „Почему я буду говорить не отъ своего лица, но имѣя тебя въ виду? Не ради тебя, но для разсужденія, чтобы оно шло впередъ, какъ можно болѣе выясняя то, о чемъ идетъ рѣчь“ [83]). „Люди древніе, которые, конечно, не были такъ мудры, какъ вы, молодые, довольствовались по своей глупости выслушивать даже отъ дубовъ и скалъ, если только они говорили истину; а для тебя быть можетъ не безразлично, кто говоритъ и изъ какой страны, такъ какъ ты смотришь не на то лишь правильно или нѣтъ“ [84]). „Для меня совершенно безразлично, какъ скоро будешь мнѣ отвѣчать, кажется-ли тебѣ именно такъ или не кажется; я больше всего изслѣдую самое разсужденіе, хотя быть можетъ и случается, что меня изслѣдуютъ,

---

[75]) Protag. 348, C.
[76]) Phileb. 14, B.
[77]) Gorg. 457, E. 515, C. Phaedo, 91, A.
[78]) Gorg. 462, E.
[79]) Ibid. 473, E.
[80]) Hipp. Min. 364, D.
[81]) Charm 161, C.
[82]) Ibid. 166, C.
[83]) Gorg. 453, B. 453, C. 454, C: οὐ σοῦ ἕνεκα. Phileb. 46, B: οὐ μὲν δὴ Φιλήβου γ' ἕνεκα παρεθέμην τὸν λόγον.
[84]) Phaedr. 270, C. 275, B—C

когда я спрашиваю и отвѣчаю“ [85]). „Я очень хорошо знаю, что если ты согласишься со мною въ томъ, что̀ представляется моей душѣ, то это будетъ истиной, такъ какъ думаю, что тотъ, кто имѣетъ способность разслѣдовать надлежащимъ образомъ, живетъ-ли душа правильно или нѣтъ, долженъ обладать тремя качествами, которыми ты обладаешь, знаніемъ, благорасположеніемъ, откровенностью“ [86])... „Должно почитать всякаго кто говоритъ хотя что нибудь благоразумное и мужественно и трудолюбиво изслѣдуетъ“ [87]).

Никакая угодливость ни мнѣніямъ собесѣдника, ни общественному мнѣнію, не допустима. Одно личное убѣжденіе должно мѣриться съ другимъ личнымъ убѣжденіемъ необходимыми (въ логическомъ смыслѣ) доводами. „Я стараюсь не о томъ, чтобы показалось присутствующимъ истиннымъ то, что̀ я говорю, если только не между прочимъ, но чтобы мнѣ самому казалось какъ можно болѣе, что это такъ.... Поэтому вы, если меня послушаетесь, должны заботиться о Сократѣ лишь весьма немного, но гораздо больше объ истинѣ, и если вамъ покажется, что я говорю истину, согласитесь, а если нѣтъ, то противорѣчьте всѣми способами“ [88])... „Когда для опроверженія приводятъ много свидѣтелей, то такое доказательство для истины ничего не стоитъ... Поступая такъ, не ты принуждаешь меня согласиться, но толпою многихъ лжесвидѣтелей пытаешься лишить меня имущества и истины. Я же, если не буду въ состояніи привести только тебя одного какъ согласнаго со мной свидѣтеля въ томъ, что̀ говорю, не буду считать, что нами сдѣлано что̀ либо достойное вниманія относительно того, о чемъ мы разсуждаемъ, да полагаю, что точно также и ты, если я не буду свидѣтельствовать за тебя отъ собственнаго лишь лица, и оставишь всѣхъ другихъ въ покоѣ“ [89])... „О чемъ бы я ни говорилъ, я умѣю представить только одного свидѣтеля, того, съ кѣмъ говорю, а съ остальными прощаюсь, и умѣю подавать свой голосъ только за одного, а съ толпой не разговариваю“ [90])... „Видишь, Полъ, съ то-

---

[85]) Protag. 333, C.
[86]) Gorg. 486, E—487, A.
[87]) Euthyd. 306, C.
[88]) Phaedo 91, B—C.
[89]) Gorg. 472, A—C.
[90]) Ibid. 474, A.

бой согласятся всѣ, кромѣ меня, а для меня достаточно одного твоего согласія и свидѣтельства; за тебя я подамъ голосъ, а другихъ оставлю въ покоѣ“ [91])... „Если ты со мной согласишься, то это будетъ выяснено достаточно тобою и мною и вовсе не будетъ нужды въ другой пробѣ“ [92])... „Я всегда одинъ и тотъ же и повинуюсь изъ своего ничему другому, кромѣ лишь довода, который по разсужденію окажется наилучшимъ“ [93])... „По этому намъ не очень слѣдуетъ заботиться о томъ, что̀ скажетъ о насъ толпа, но о томъ, что̀ скажетъ одинъ свѣдущій и сама истина“ [94])... „И такъ смотри, цѣлишь-ли ты своей бесѣдой въ кого нибудь или же ни въ кого, но главнымъ образомъ разговариваешь ради себя самого, хотя и не помѣшаешь другому твоими рѣчами воспользоваться“ [95]). „Я вовсе не нуждаюсь при доказательствахъ въ „если желаешь“ или „если тебѣ кажется“, а въ тебѣ и въ себѣ; говоря же „въ тебѣ“ и „въ себѣ“, я подразумѣваю, что дѣло будетъ много лучше, какъ скоро мы отнимемъ „если“ [96]).

Самый споръ долженъ идти методически, отъ болѣе общихъ положеній къ менѣе общимъ, не пропуская при расчлененіи вопроса ни одного промежуточнаго звена [97]), имѣя дѣло лишь съ логически совмѣстимыми членами [98]) и не смѣшивая положеній съ выводами [99]). Положенія всегда должны быть отвлеченны и чужды всякаго чувственнаго содержанія [100]). Мысль каждой изъ сторонъ должна быть ясно и опредѣленно поставлена [101]) продолжительными предварительными обсужденіями, блужданіемъ, обходами и поворотами [102]). Ис-

---

91) Ibid. 476, A.

92) Ibid. 487, D—E

93) Criton 46, B.

94) Ibid. 48, A. Hipp. Maj. 299, B. Lach. 184, D—E.

95) De Rep. 527, E—528, A.

96) Protag. 331, C. Gorg. 515, D. Sympos. 200, A. De Rep. 485, C. 534, C.

97) Phileb. 16, C—17, A.

98) Soph. 253, B сл. 258, A, сл.

99) Phaedo, 101, E.

100) De Rep. 511, B—C. Выше, стр. 47.

101) Gorg. 488, D: τοῦτό μοι αὐτὸ σαφῶς διόρισον и пр. Phaedr. 237, C: περὶ παντὸς μία ἀρχὴ τοῖς μέλλουσι καλῶς βουλεύεσθαι. εἰδέναι δεῖ περὶ οὗ ἂν ᾖ ἡ βουλή, ἢ τοῦ παντὸς ἁμαρτάνειν ἀνάγκη. 269, B—C; 277, B.

102) Parmen. 135, C, слѣд. 136, E: ἀγνοοῦσι γὰρ οἱ πολλοὶ ὅτι ἄνευ ταύτης τῆς διὰ πάντων διεξόδου τε καὶ πλάνης ἀδύνατον ἐντυχόντα τῷ ἀληθεῖ νοῦν ἔχειν. Cratyl. 436, D: δεῖ δὴ περὶ τῆς ἀρχῆς παντὸς πράγματος παντὶ ἀνδρὶ τὸν πολὺν λόγον εἶναι καὶ τὴν πολλὴν σκέψιν, εἴτ' ὀρθῶς εἴτε μὴ ὑπόκειται. 428, D.

кусство въ опредѣленіяхъ, дѣленіяхъ и различеніи совмѣстимыхъ и несовмѣстимыхъ понятій—необходимое свойство хорошаго діалектика [103]). Такой діалектикъ долженъ не только въ общемъ обзорѣ сводить разнообразное содержаніе къ единству идеи [104]), но долженъ также ясно „различать, какъ одна идея повсюду проникаетъ многія отдѣльныя и какъ различныя между собой идеи обнимаются одною идеей, и какъ съ другой стороны одна идея связана во едино многими и какъ многія совершенно отдѣльны одна отъ другой“ [105]), а при дѣленіяхъ долженъ кромѣ строгой постепенности заботиться о томъ, чтобы разнять каждую мысль до ея основныхъ неразложимыхъ элементовъ [106]) и при томъ въ мѣстахъ естественныхъ сочлененій, не портя, въ противоположность плохимъ поварамъ, ни одного члена [107]). Только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій споръ можетъ быть діалектикой, въ противномъ же случаѣ онъ становится пустымъ словопреніемъ, антилогикой или эристикой, если спорящіе умственно изворотливы [108]).

Съ мнѣніемъ отсутствующихъ или умершихъ діалектика должна обходиться осторожно, чтобы не давать ему произвольнаго толкованія и не оскорблять осиротѣлаго и беззащитнаго слова. „Я боюсь обсуждать ученіе Парменида, такъ какъ мы можемъ не понять его словъ и еще болѣе отстать отъ него въ мысляхъ“ [109])... „Мы сильно нападаемъ на Протагора, только неизвѣстно, попадаемъ-ли въ цѣль.... И если-бы онъ вынырнулъ головою изъ воды, то навѣрное уличилъ бы меня, что я говорю вздоръ, а ты со вздоромъ соглашаешься“ [110])... „Дѣло приняло бы другой оборотъ, если бы онъ былъ живъ; тогда бы онъ во многомъ насъ отразилъ, а теперь мы истязуемъ осиротѣвшее слово“ [111]). „Когда бы онъ здѣсь присутствовалъ самъ и самъ

---

[103]) Phaedr. 266, B. Soph. 253, D. Polit. 285, A Phileb 16, C.

[104]) Phaedr. 265, D. 272, A. De Rep 537, C.

[105]) Soph. 253, D.

[106]) Phaedr. 277, B

[107]) Phaedr. 265, E. Polit. 287, C. Meno, 79, A.

[108]) О противоположности между діалектикой и антилогикой, не соблюдающей этихъ и ниже указанныхъ правилъ, Phaedo 90, B. Theaet. 154, E. 164, C. Soph. 259, B, сл. Lys. 216, A. Lach. 196, A. Meno 75, D. De Rep. 454, A.

[109]) Theaet. 184, A

[110]) Ibid. 171, C.

[111]) Ibid. 164, E.

съ нами соглашался, а не мы ему на помощь согласились между собою, то вовсе не надо было-бы подкрѣплять наши доводы снова, но теперь насъ пожалуй кто нибудь сочтетъ не вправѣ давать за него согласіе. Поэтому лучше всего придти въ этомъ дѣлѣ къ возможно болѣе ясному соглашенію, такъ какъ не маловажная ошибка понимать это такъ или иначе“ [112])... „Такъ какъ Горгій отсутствуетъ, то оставимъ его въ покоѣ“ [113]).

Никакія придирки къ словамъ не должны быть терпимы, лишь бы слова были точны и понятны [114]); дѣло не въ словахъ, а въ мысли [115]). „Относительно именъ я тебѣ предоставляю каждый разъ полную свободу; только поясняй, къ чему относится произносимое тобою имя“ [116])... „Теперь мы согласны съ тобой относительно нашего вопроса только въ имени, а то, что̀ называемъ этимъ именемъ, быть можетъ каждый изъ насъ понимаетъ по своему, между тѣмъ во всемъ должно согласиться скорѣе относительно самаго дѣла посредствомъ разсужденій, чѣмъ относительно имени безъ разсужденія“ [117]). .. „Если-бы ты и я были люди сильные и мудрые и изслѣдовали бы до глубины всю свою душу, мы въ концѣ отъ избытка, что бы попытать другъ друга, сошлись бы по обычаю софистовъ на подобное сраженіе и стали бы крушить одинъ другого рѣчами; но такъ какъ мы люди простые, то давай разсмотримъ только наши мысли сами по себѣ, согласны ли онѣ между собою сколько нибудь или нѣтъ“ [118]). Хотя мысль и должна быть выражена по возможности опредѣленно, но неразборчивая погоня за точностью—признакъ неблагороднаго воспитанія [119]); тотъ, кто не придаетъ слишкомъ большаго значенія словамъ, обезпечиваетъ себѣ подъ старость болѣе плодовитый умъ [120]).

Еще менѣе, чѣмъ погоня за словами, допустимы какія либо уловки [121]): ложь во всѣхъ ея видахъ, какъ вольная, такъ и невольн-

---

112) Ibid. 169, D—E
113) Meno 71, D.
114) Ibid. 75, D. Crat. 430, B.
115) Theaet. 199, A. Gorg. 489, E. 490, A. De Rep 454, A. Leges 964, A
116) Charm. 163, D.
117) Soph. 218, C.
118) Theaet. 154, E. 164, C.
119) Ibid. 184, C.
120) Polit. 261, E.
121) Meno 75, D Theaet 165, D. Euthyd. pass.

ная, отвратительна для философа [122]). „Въ особенности мы должны считать ту душу дурною, которая, хотя ненавидитъ вольную ложь, тяготится ею и негодуетъ на тѣхъ, кто лжетъ, невольную ложь принимаетъ съ легкимъ сердцемъ, и когда бываетъ поймана въ невѣжествѣ, не негодуетъ, а охотно барахтается въ невѣдѣніи какъ свинья“ [123]). Всего тяжелѣе быть обманутымъ самимъ собою. Чтобы избѣжать этого, спорящій долженъ постоянно оглядываться и оборачиваться на свои слова, смотря вмѣстѣ и взадъ и впередъ [124]). Хотя философъ приступаетъ къ спору въ твердомъ убѣжденіи, что истина никогда не можетъ быть опровергнута [125]), тѣмъ не менѣе, при обсужденіи всѣхъ вообще вопросовъ, въ особенности же важнѣйшихъ, онъ соблюдаетъ величайшую осторожность, чтобы не ввести въ заблужденіе себя и близкихъ людей. „Когда знаешь истину, среди людей разумныхъ и друзей можно смѣло и безопасно говорить о предметахъ величайшихъ и дорогихъ, но когда говоришь не довѣряя себѣ и только ищешь истину, какъ это дѣлаю я, страшно и опасно— не возбудить смѣхъ, такъ какъ это опасеніе дѣтское, но какъ бы сбившись съ истины въ томъ, въ чемъ всего менѣе должно сбиваться, не пасть и своимъ паденіемъ не увлечь друзей“ [126]). Поэтому передъ началомъ разсужденія слѣдуетъ молиться богу [127]).

Возраженія противъ своихъ мнѣній философъ встрѣчаетъ не только безъ сердца, но съ радостью, и притомъ съ тѣмъ большею, чѣмъ возраженія сильнѣе. „Когда Сократъ опровергалъ Зенона, Иводоръ думалъ, что при каждомъ доводѣ Парменидъ и Зенонъ будутъ сердиться, а они слушали его съ величайшимъ вниманіемъ и, глядя другъ на друга, улыбались, такъ какъ были въ восторгѣ отъ Сократа“ [128]). Точно также, когда Сократу въ „Фэдонѣ“ возражаютъ Симмій и Кебесъ, то вопреки тому, что можно было бы ожидать отъ другихъ, Сократъ принимаетъ доводы съ „удовольствіемъ, благо-

---

[122]) De Rep. 485, C. 490, B—C: τούτῳ τι μετέσται φεῦδος ἀγαπᾷν, ἢ πᾶν τοὐναντίον μισεῖν Μισεῖν, ἔφη.

[123]) Ibid. 535, E.

[124]) Cratyl. 428, D.

[125]) Gorg. 473, B: τὸ γὰρ ἀληθὲς οὐδέποτ' ἐλέγχεται. Sympos. 201, D.

[126]) De Rep. 450, E—451, A.

[127]) Phil. 25, B. 61, B. De Rep. 432, C. Tim. 27, C. Leg. 712, B. 893, B.

[128]) Parmen. 130, A.

расположеніемъ и восторгомъ“ [129]). Въ особенности онъ радуется настойчивости Кебеса, „который всегда выискиваетъ какіе нибудь доводы и не очень скоро убѣждается въ томъ, что̀ говорятъ“ [130]). Согласно съ этимъ, Сократъ заявляетъ въ „Парменидѣ“, что онъ былъ бы въ особенномъ восторгѣ, если бы тѣ затрудненія и путаницу, которыя Парменидъ и Зенонъ прослѣдили въ чувственныхъ вещахъ, они доказали въ полной мѣрѣ въ идеяхъ [131]). А въ „Тимэѣ“ этотъ Пиѳагореецъ ставитъ на видъ, что тому, кто опровергъ бы его и доказалъ, что дѣло обстоитъ не такъ, какъ онъ думаетъ, его дружественная признательность [132]) будетъ наградой.

Обличенный, освободившись отъ ложнаго о себѣ мнѣнія, долженъ видѣть въ обличителѣ благодѣтеля, а не врага. „Если, Горгій, и ты изъ такихъ же изъ какихъ я, то я съ удовольствіемъ сталъ бы тебя разспрашивать, а если нѣтъ, то лучше оставить Изъ какихъ же я? Изъ тѣхъ. которые съ удовольствіемъ принимаютъ обличеніе, если говорятъ что̀ нибудь неистинное, и съ удовольствіемъ обличаютъ, если другой скажетъ неправду, и притомъ не съ меньшимъ удовольствіемъ принимаютъ обличеніе, чѣмъ сами обличаютъ, такъ какъ послѣднее я считаю настолько бо́льшимъ благомъ, насколько большее благо освободиться отъ величайшаго зла самому, чѣмъ освободить другого“... [133]). „Я буду тебѣ весьма благодаренъ, если меня уличишь и освободишь отъ вздора. Поэтому не уставай благодѣтельствовать своему другу, но обличай“... [134]). „Слушая меня, перебивай меня, если тебѣ покажется, что я въ чемъ нибудь говорю не хорошо. И если меня изобличишь, я не буду на тебя сердиться, какъ ты на меня, но запишу тебя въ число своихъ величайшихъ благодѣтелей“ [135]).

Только малодушные прекращаютъ искать истину отъ неудачъ въ спорѣ о ней; истинный философъ такими пораженіями нисколько не смущается. „Ты, Сократъ, дѣлаешь по моему тоже, что̀ Антэй, такъ какъ того, кто къ тебѣ подойдетъ, отпускаешь не прежде, чѣмъ заставишь раздѣться и вступить съ тобою въ борьбу“.—„Этимъ сравненіемъ,

---

129) Phaedo, 89, A.
130) Phaedo 62, E.
131) Parmen. 129, E—130, A.
132) Tim. 54, B.
133) Gorg. 458, A.
134) Ibid. 470, C.
135) Ibid. 506, B—C. Apol. 36, D. Soph. 230, C—E. Выше, стр. 57, сл.

Θеодоръ, ты прекрасно уподобилъ мой недугъ; только я здоровѣе Лакедемонянъ. Уже многія тысячи встрѣчавшихся со мной сильныхъ въ рѣчахъ Геракловъ и Θесеевъ порядкомъ меня поколотили, но я все таки не отстаю. Такая сильная вкралась въ меня любовь къ этого рода упражненіямъ“ [136]).

Самое изобличеніе должно быть благожелательнымъ, отвѣты на возраженія спокойны. „Уже многіе, почтенный, настроены противъ меня такъ, что попросту готовы меня кусать, когда извлекаю изъ нихъ вздоръ, и не думаютъ, что я дѣлаю это по благожеланію“ [137]). „Если на меня будутъ нападать, то я стану отражать нападающихъ чѣмъ могу, а могу благорасположеніемъ увѣщаніемъ, и быть можетъ я отвѣчу тебѣ поэтому болѣе складно, чѣмъ другой [138]). Спокойствіе и кротость—одно изъ главныхъ достоинствъ въ занимающемся діалектикой [139]). „Поэтому давай посмотримъ, изслѣдуя спокойно“ [140]). „Предположимъ на словахъ по крайней мѣрѣ, что и наши противники захотятъ намъ отвѣчать приличнѣе“ [141]), „болѣе діалектически и болѣе спокойно“ [142]) „и посмотримъ, нѣтъ ли какого способа, чтобы это замѣшательство отошло изъ нашихъ разсужденій благосклонно...“ [143]). „Попытайся отвѣчать мнѣ спокойно и благодушно“ [144]). Возражать не значитъ ссориться. „Хотя Діонисодоръ и думаетъ, что я на него сержусь, а я не сержусь, но возражаю противъ того, что̀, по моему мнѣнію, онъ неправильно говоритъ. Возраженій, благородный Діонисодоръ, не называй бранью, такъ какъ брань—совсѣмъ другое“ [145]). Лишь неопытные въ діалектикѣ бываютъ досадливыми, искушенные въ ней становятся болѣе кроткими [146]). Тѣ, кото́рые бранятся между

---

136) Theaet 169, B—C.

137) Ibid. 151, C.

138) De Rep. 474, A.

139) Theaet. 144, A ставится въ особое достоинство πρᾶον εἶναι διαφερόντως. Soph. 216, E: ἁλύπως καὶ εὐηνίως προσδιαλεγομένῳ. De Rep. 499, E. 536, B. Сократъ порицаетъ себя за то, что сказалъ μᾶλλον ἐντεινάμενος. 589, C. 668, D: εὐμενῶς ἀκουσόμεθα. Euthyd. 286, E.

140) Gorg. 503, D.

141) Soph. 246, D.

142) Meno, 75, C.

143) Phileb. 16, A.

144) Hipp. Min. 364, D. Gorg. 489, D. 457, C, сл.

145) Euthyd. 285, D. Cratyl. 430, D: ἵνα μὴ μαχώμεθα λόγοις φίλοι ὄντες.

146) De Rep. 539, D: взрослый отъ занятія діалектикой становится μετριώτερος. Точно также Soph. 230, B: обличенные діалектикой πρὸς τοὺς ἄλλους ἡμεροῦνται. Theaet. 210, C: διὰ τὴν ἐξέτασιν ἧττον ἔσει βαρὺς τοῖς συνοῦσι καὶ ἡμερώτερος. О злоупотребленіи діалектикой молодыми и неопытными De Rep. 536, D, слѣд. Phileb. 15, D, сл. Soph. 259, B, сл

собой и враждуютъ, затрогивая личность, хотя и присвоиваютъ себѣ названіе философовъ, на самомъ дѣлѣ люди философіи чуждые, ворвавшіеся въ неподходящее для нихъ занятіе; они поступаютъ недостойно философіи и служатъ причиной враждебнаго настроенія къ ней толпы [147]).

Эти нравственныя требованія указываются самою природою философіи. „Въ философіи мы получили такое благо, лучше котораго ничего еще не было, да и никогда не будетъ ниспослано въ даръ роду смертныхъ отъ боговъ“ [148]). Но этотъ даръ ниспосланъ намъ для того, чтобы мы чрезъ него какъ можно болѣе уподоблялись истинно сущему, божественному, небесному [149]). Какъ истинная любовь къ человѣку бываетъ лишь тогда, когда любимъ его всей душой [150]), точно также и истинное любомудріе бываетъ лишь тогда, когда къ истинно сущему обращается вся душа [151]). Источникъ всякаго бытія и разумѣнія—идея блага [152]); узрѣть ее для руководства какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни долгъ всякаго разумнаго человѣка [153]). Философская жизнь есть поэтому вмѣстѣ и нравственная; философское знаніе есть мудрость [154]). „Истинно любомудрый по самой своей природѣ ревнуетъ о сущемъ и не останавливается на представляющихся многими особяхъ, но идетъ бодро впередъ, не ослабѣвая любовью до тѣхъ поръ, пока истинной сущности каждой вещи не коснется тѣмъ, чѣмъ подобаетъ душѣ съ нею соприкасаться, а подобаетъ сроднымъ; сблизившись и соединившись съ истинно сущимъ, породивъ умъ и истину, онъ становится знающимъ, истинно живетъ и питается и только тогда перестаетъ болѣть и томиться, а не раньше“ [155]). „О

---

147) De Rep. 500, B: οὐκοῦν καὶ αὐτὸ τοῦτο ξυνοίσει, τοῦ χαλεπῶς πρὸς φιλοσοφίαν τοὺς πολλοὺς διακεῖσθαι ἐκείνους αἰτίους εἶναι τοὺς ἔξωθεν οὐ προσῆκον ἐπεισκεκωμακότας, λοιδορουμένους τε αὐτοῖς καὶ φιλαπεχθημόνως ἔχοντας καὶ ἀεὶ περὶ ἀνθρώπων τοὺς λόγους ποιουμένους, ἥκιστα φιλοσοφίᾳ πρέπον ποιοῦντας.

148) Tim. 47, A—B.

149) Кромѣ нижеслѣдующаго также Theaet. 176, C. Phaedr. 248, A. 249, C. Phaedo, 67, B. 79, D. De Rep. 486, A, (ниже, стр. 68, пр. 157). 613, A.

150) De Rep. 474, D. 485, C.

151) De Rep. 518, C: ξὺν ὅλῃ τῇ ψυχῇ ἐκ τοῦ γιγνομένου περιακτέον εἶναι. См. выше, стр. 50.

152) Выше, стр. 47, сл.

153) De Rep. 517, C. 540, A

154) Theaet. 145, E.

155) De Rep. 490, A—B. Phaedo, 79, D.

господствующемъ въ насъ видѣ души слѣдуетъ думать такъ, что Богъ каждому изъ насъ далъ въ немъ духа руководителя. Мы отводимъ ему въ обитель вершину нашего тѣла, съ полнымъ правомъ полагая, что по своему сродству съ небомъ онъ воздымаетъ насъ, какъ насажденіе не земное, а небесное, выше земли. Вознесши нашу голову, корень существа нашего, туда, откуда душа получила свое первое происхожденіе, божество прямитъ къ небу и все наше тѣло. Поэтому тотъ, кто преданъ похоти или честолюбію и ихъ усиленно укрѣпляетъ, долженъ необходимо всѣ помышленія имѣть смертными и во всемъ томъ, въ чемъ вообще можно быть смертнымъ, не имѣть никакого недостатка, такъ какъ онъ все такое возращаетъ. Напротивъ тотъ, кто ревнуетъ о любви къ ученію и разумѣніи истины и упражняетъ ихъ въ себѣ больше всего остальнаго, долженъ по всей необходимости, если достигнетъ истины, мыслить безсмертное и божественное и, насколько можетъ человѣческая природа быть причастной безсмертію, настолько имъ обладать; и такъ какъ онъ всегда радѣетъ о божественномъ, то живущій въ немъ божественный духъ всегда прекрасенъ и свѣтелъ, а потому и онъ самъ бываетъ чрезвычайно счастливъ. Радѣніе обо всемъ вообще одно—доставлять каждому надлежащее питаніе и движеніе. А движенія сродныя божественному въ насъ суть мысли и кругообращенія вселенной. Слѣдуя имъ, мы должны изученіемъ гармоніи и кругообращеній вселенной исправлять поврежденныя въ нашей головѣ при рожденіи круговороты, чтобы согласно съ изначальной природой уподобить познающее познаваемому, а уподобивъ достигнуть предположенной богами для людей цѣли—совершеннѣйшей жизни не только въ настоящемъ, но и грядущемъ вѣкѣ“ [156]). Но тому, „кто на самомъ дѣлѣ устремляетъ взоры къ сущему, не досугъ смотрѣть внизъ на человѣческія дрязги, бороться съ людьми и переполняться завистью и враждою; обращая взоры на стройное и неизмѣнное, не оскорбляющее и не оскорбляемое, гдѣ все прекрасно и разумно, онъ будетъ ему подражать и всего болѣе уподобляться“ [157]).

---

156) Tim. 90, A—D 47, A—E.

157) De Rep. 500, B—C: οὐδὲ γάρ που... σχολὴ τῷ γε ὡς ἀληθῶς πρὸς τοῖς οὖσι τὴν διάνοιαν ἔχοντι κάτω βλέπειν εἰς ἀνθρώπων πραγματείας καὶ μαχόμενον αὐτοῖς φθόνου τε καὶ δυσμενείας ἐμπίπλασθαι, ἀλλ' εἰς τεταγμένα ἄττα καὶ κατὰ ταυτὰ ἀεὶ ἔχοντα ὁρῶντας καὶ θεωμένους οὔτ' ἀδικοῦντα οὔτ' ἀδικούμενα ὑπ' ἀλλήλων, κόσμῳ δὲ πάντα καὶ κατὰ λόγον ἔχοντα, ταῦτα μιμεῖσθαί τε

Такимъ образомъ совершенная философская жизнь есть не только теорія, но также и практика, и при томъ какъ частная, такъ и общественная [158]). Внѣ государства нельзя вполнѣ осуществить въ себѣ добродѣтель [159]); но общественная дѣятельность возможна для философа только въ идеальномъ, построенномъ по небесному образцу на основаніяхъ справедливости, благочестія и всей вообще добродѣтели, государствѣ [160]). При другихъ условіяхъ философъ по необходимости долженъ воздерживаться отъ всякаго участія въ общественной жизни [161]). Такое участіе предполагало бы совершенное единомысліе съ господствующимъ настроеніемъ и угодливость господствующимъ страстямъ [162]); но то и другое не совмѣстимо съ философіей [163]). Къ тому же подъ напоромъ общаго теченія не можетъ устоять никакое противное этому теченію частное начинаніе [164]). Поэтому тотъ, „кто вкусилъ какъ сладостно и блаженно обладаніе философіей, кто ясно видитъ безуміе толпы и что никто не дѣлаетъ въ государствѣ ничего здраваго, что нѣтъ союзника, съ кѣмъ бы можно было идти на помощь правдѣ и остаться цѣлымъ, но что подобно человѣку, попавшему къ звѣрямъ и не имѣющему ни охоты безчинствовать вмѣстѣ съ ними, ни силъ одному противостоять имъ, необходимо погибнуть прежде, чѣмъ принесешь пользу государству и друзьямъ, и такимъ образомъ не сдѣлать добра ни себѣ, ни другимъ,—такой чело-

---

καὶ ὅτι μάλιστα ἀφομοιοῦσθαι. Поэтому φιλόσοφος φύσις ἥμερόν τε καὶ κόσμιον. 410, E· душа философа δικαία καὶ ἥμερος. 486, B: философы должны быть γενναῖοι καὶ βλοσυροὶ τὰ ἤθη. 535, A. Soph. 253, E· ἀλλὰ μὴν τό γε διαλεκτικὸν οὐκ ἄλλῳ δώσεις ὡς ἐγῷμαι, πλὴν τῷ καθαρῶς τε καὶ δικαίως φιλοσοφοῦντι. Имъ чужда σμικρολογία, Sympos. 210, D; De Rep. 486, A: ἐναντιώτατον γάρ που σμικρολογία ψυχῇ μελλούσῃ τοῦ ὅλου καὶ παντὸς ἀεὶ ἐπορέξεσθαι θείου τε καὶ ἀνθρωπίνου. Общая характеристика философа De Rep. 487, A. 490, C, сл. Theaet. 173, C, сл. Phaedo, 64, A, сл.

158) De Rep. 473, C. 499, B: зло не прекратится въ государствахъ до тѣхъ поръ, пока ἢ οἱ φιλόσοφοι βασιλεύσωσιν ἐν ταῖς πόλεσιν, ἢ οἱ βασιλῆς τε νῦν λεγόμενοι καὶ δυνάσται φιλοσοφήσωσι γνησίως τε καὶ ἱκανῶς, καὶ τοῦτο εἰς ταὐτὸν ξυμπέσῃ, δύναμίς τε πολιτικὴ καὶ φιλοσοφία.

159) Ibid. 497, A, сл.

160) De Rep. 592, A—B. Свое государство Платонъ разсматривалъ какъ идеалъ (ibid. 472, B. 592, A—B), но приблизительное осуществленіе его считалъ возможнымъ и на землѣ: ibid. 473, C. 499, C—D и др.

161) De Rep. 497, B. 500, E—501, A.

162) Gorg. 511, C. 513, B—C.

163) Выше, стр. 60, сл.

164) De Rep. 492, D—E: τίνα οὖν ἄλλον σοφιστὴν οἴει ἢ ποίους ἰδιωτικοὺς λόγους ἐναντία τούτοις τείνοντας κρατήσειν; Οἶμαι μὲν οὐδένα, ἦ δ' ὅς. Οὐ γάρ, ἦν δ' ἐγώ, ἀλλὰ καὶ τὸ ἐπιχειρεῖν πολλὴ ἄνοια.

вѣкъ, взвѣсивъ все это, станетъ заниматься въ тишинѣ только своими дѣлами, скрывшись гдѣ нибудь у стѣны, словно во время бури отъ крутимыхъ вѣтромъ пыли и града, и смотря, какъ другіе исполняются беззаконіемъ, останется доволенъ, если какъ нибудь самому удастся прожить здѣшнюю жизнь чистымъ отъ беззаконія и нечестивыхъ дѣлъ и удалиться въ другую съ легкимъ и покойнымъ сердцемъ и съ отрадною надеждою“ [165]).

Это отвращеніе отъ участія въ общественной жизни (какъ она дана въ наличной дѣйствительности) не означаетъ отвращенія отъ людей. Одиночество не совмѣстимо съ философской жизнью. Какъ для пріобрѣтенія знанія необходима живая рѣчь собесѣдника, такъ для философскаго творчества и нравственной жизни— взаимность любви. Безъ этой взаимности философъ можетъ только бременѣть мудростью и доблестью, но не можетъ ихъ ни родить, ни воспитать [166]). Любовь по самой природѣ своей — философъ [167]); поэтому всякій философъ необходимо долженъ быть влюбленъ [168]). Преданный всецѣло созерцанію пренебеснаго, философъ можетъ съ особою силою любить на землѣ лишь то, что̀ всего болѣе напоминаетъ пренебесное. Всего ярче изъ идей отражается въ конечныхъ вещахъ красота [169]). Поэтому философская любовь есть влеченіе къ прекрасному, сначала къ тѣлу, затѣмъ къ душѣ, наконецъ къ созданіямъ духа. Встрѣтивъ прекрасную душу, философъ изобилуетъ предъ нею рѣчами о добродѣтели и вмѣстѣ съ нею воспитываетъ и умножаетъ плоды своего творчества. Но эта любовь къ единичному существу и это ограниченное творчество есть лишь преддверіе любви ко всему морю прекраснаго и къ безграничному дающему безсмертіе прекрасному творчеству въ неисчерпаемой философіи [170]).

Прекрасное творчество точно также полагается природою философіи, какъ стремленіе къ знанію и нравственная дѣятельность [171]).

---

165) Ibid. 496, C—D. Apol. 31, E—32, A.

166) Sympos. 208, E, сл.

167) Ibid. 203, D, сл.

168) Ibid. 210, A. сл. Phaedr. 250, D, сл. 249, A.

169) Phaedr. 250. D, сл.

170) Sympos. 208, E — 210, D. καλοὺς λόγους καὶ μεγαλοπρεπεῖς τίκτῃ καὶ διανοήματα ἐν φιλοσοφίᾳ ἀφθόνῳ.

171) О связи между истиной, красотой и нравственнымъ сознаніемъ Tim. 87, C. Phileb. 64, C, сл. 66, A, сл. и Zeller, Ph d. Griech. II a⁴ 874.

Поскольку истинно сущее есть истина, оно побуждаетъ къ ея уразумѣнію [172]); поскольку оно благо, оно побуждаетъ къ нравственной жизни [173]); поскольку оно красота, оно побуждаетъ къ прекрасному творчеству [174]). Всякая философская мысль, какъ порожденіе собственной души, есть мысль творческая [175]); смотря потому, имѣетъ ли она дѣло съ доступнымъ познанію имъ непознаваемымъ, она бываетъ то отвлеченнымъ разсужденіемъ, то миѳомъ [176]), но никогда не противорѣчитъ нравственному сознанію и всегда по формѣ прекрасна. Всякій философъ есть поэтъ и всякая философія—поэзія [177]); или философія есть лучшая изъ музыкъ и совершеннѣйшая изъ симфоній [178]), а философъ подобенъ пѣвчей птицѣ [179]).

Всѣ эти методологическія замѣчанія, какъ не трудно видѣть,

---

172) Phaedr. 249, B: δεῖ γὰρ ἄνθρωπον ξυνιέναι κατ' εἶδος λεγόμενον, ἐκ πολλῶν ἰὸν αἰσθήσεων εἰς ἓν λογισμῷ ξυναιρούμενον· τοῦτο δ' ἐστὶν ἀνάμνησις ἐκείνων ἃ ποτ' εἶδεν ἡμῶν ἡ ψυχὴ συμπορευθεῖσα θεῷ и пр. De Rep. 490, A—B. 511, B—C. Phaedo 79, D. Выше, стр. 47, сл.

173) De Rep. 500, B—C. Выше, стр. 67, сл. Phaedo 69, A сл. Theaet. 176, E.

174) Sympos. 208, E—210, E.

175) Выше, стр. 50, сл.

176) О миѳѣ, какъ способѣ выраженія истины Tim. 29, D. 59, C. Phaedo 114, D. Gorg. 527, A. Deuschle, die platonischen Mythen. Hanau 1854. Fischer, de mythis platonicis, Königsb. 1865. Hirzel, über das Rhetorische u. seine Bedeutung bei Plato. Leipz. 1871.

177) Leges, 517, B: ποιηταὶ μὲν οὖν ὑμεῖς (τραγῳδίας ποιηταί), ποιηταὶ δὲ καὶ ἡμεῖς ἐσμεν и пр. Phaedo 60, E, сл. Отъ поэтовъ философовъ Платонъ отличаетъ поэтовъ подражателей, которыхъ считаетъ непричастными истинѣ. Phaedr. 248, D. De Rep. 595, C, сл. См. главу V.

178) Phaedo, 61, A: ὡς φιλοσοφίας μὲν οὔσης μεγίστης μουσικῆς, ἐμοῦ δὲ τοῦτο πράττοντος. Phaedr. 259, D: τῇ δὲ πρεσβυτάτῃ Καλλιόπῃ καὶ τῇ μετ' αὐτὴν Οὐρανίᾳ τοὺς ἐν φιλοσοφίᾳ διάγοντάς τε καὶ τιμῶντας τὴν ἐκείνων μουσικὴν ἀγγέλλουσιν, αἵ δὴ μάλιστα τῶν Μουσῶν περὶ τ' οὐρανὸν καὶ λόγους οὖσαι θείους τε καὶ ἀνθρωπίνους ἴασι καλλίστην φωνήν. Leges 689, D: ἡ καλλίστη καὶ μεγίστη τῶν ξυμφωνιῶν μεγίστη δικαιότατ' ἂν λέγοιτο σοφία. De Rep. 411, C, сл. 531, D, сл. (діалектика отожествлена съ музыкальнымъ νόμος). 548, B: διὰ τὸ τῆς ἀληθινῆς Μούσης τῆς μετὰ λόγων τε καὶ φιλοσοφίας ἠμεληκέναι. Tim. 30, D. 47, A—E. 90, A—D. См. выше, стр. 68, также, гл. IV, отд. 2. Lach. 188, C. сл.

179) Phaedo 85, B: ἐγὼ δὲ καὶ αὐτὸς ἡγοῦμαι ὁμόδουλός τ' εἶναι τῶν κύκνων καὶ ἱερὸς τοῦ αὐτοῦ θεοῦ. Въ основаніе сравненія въ данномъ случаѣ положено представленіе о мантикѣ, но этимъ сравненіе очевидно не исчерпывается. Уже древніе въ извѣстномъ разсказѣ о томъ, какъ Сократъ передъ встрѣчей съ Платономъ увидалъ во снѣ лебедя, летѣвшаго съ сладкогласной пѣснью, приравнивали Платона лебедю. Pausan. I, 30, 3. Diogen. Laert. III, 5. Olymp. 4 и др. Въ „Федрѣ" Платонъ сопоставляетъ философа съ птицей по поводу философскаго вдохновенія красотой. Едва лишь озаритъ философа своимъ яркимъ пренебеснымъ лучемъ красота, онъ окрыляется и, окрылившись, пламенно желаетъ летѣть къ небесамъ. Еще не имѣя силъ, онъ уже, подобно птицѣ, смотритъ вверхъ, а о дольнемъ не заботится. Пусть его за это называютъ „тронутымъ": философское вдохновеніе красотой для того, кто его имѣетъ или ему причастенъ, самый лучшій изъ вдохновенныхъ восторговъ (249, D, сл.). Любовь къ красотѣ, какъ уже было пояснено, служитъ преддверіемъ къ творчеству.

вполнѣ совпадаютъ съ заявленіями въ „Фэдрѣ“. И здѣсь и въ прочихъ діалогахъ 1) обладаніе готовыми свѣдѣніями считается безполезнымъ и безплоднымъ, и здѣсь и тамъ 2) методомъ пріобрѣтенія истиннаго знанія объявлена діалектика, и здѣсь и тамъ 3) діалектика предполагаетъ дружелюбное расположеніе между бесѣдующими, и здѣсь и тамъ 4) она неразрывна съ творчествомъ, и здѣсь и тамъ 5) указывается на необходимость осторожности въ обсужденіи чужихъ мнѣній, въ особенности когда нѣтъ на лицо ихъ автора, способнаго ихъ разъяснить и отстоять.

3. *Выводы*. Сопоставляя теперь все нами сказанное объ основаніяхъ философскаго міровоззрѣнія Платона, мы можемъ точно опредѣлить цѣль и основныя свойства его литературной дѣятельности и изъ этого опредѣленія посредствомъ дедукціи и сопоставленій объяснить тѣ частныя своеобразности сочиненій Платона, которыя, при неправильномъ пониманіи его метода, повели къ превратнымъ взглядамъ на значеніе его свидѣтельствъ.

1) Главная цѣль литературной дѣятельности Платона—удовлетвореніе личной потребности философскаго творчества. Для того, въ комъ живетъ потребность творчества, ближайшая цѣль творчества въ самомъ творчествѣ. Спрашивать, зачѣмъ Платонъ написалъ тотъ или другой діалогъ столь же неумѣстно, какъ—зачѣмъ поэтъ написалъ то или другое произведеніе. Все, что̀ можетъ и должна сдѣлать литературная критика—подыскать въ біографическихъ и вообще историческихъ данныхъ указанія, почему творческая дѣятельность автора въ то или другое время приняла то или другое направленіе [180]).

Однако, вслѣдствіе общежительныхъ склонностей человѣческой природы, сказывающихся особенно въ соціальномъ характерѣ произведеній искусства [181]), ни одинъ писатель не пишетъ исключительно для себя, но всегда предполагаетъ тотъ или другой кругъ читателей, тѣсный или широкій, смотря по личнымъ взглядамъ или по обстоятельствамъ. Слова Платона, что письмо служитъ сокровищницей напоминанія не для одного пишущаго, но и для другихъ идущихъ по той же стезѣ, дали

---

[180]) Въ этомъ отношеніи намѣченный Шлейермахеромъ „гевристическій“ методъ заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя, какъ убѣдимся, самое примѣненіе этого метода, какъ у Шлейермахера, такъ и его послѣдователей, опирается на ложныя предположенія.

[181]) См. гл. V.

поводъ предполагать [182]), что Платонъ писалъ для своихъ слушателей и въ діалогахъ излагалъ то, что̀ разсматривалъ съ учениками въ устной бесѣдѣ. Но при такомъ предположеніи становится непонятнымъ ни то, почему Платонъ заставляетъ разговаривать не учениковъ и не вымышленныхъ лицъ, а историческихъ дѣятелей, къ Академіи не принадлежавшихъ, ни вся вообще своеобразность драматической композиціи діалоговъ, принаровленная къ обстоятельствамъ, Академіи чуждымъ. Къ тому же трудно допустить, что Платонъ началъ свою литературную дѣтельность лишь послѣ основанія Академіи, такъ какъ нѣкоторые изъ діалоговъ (напримѣръ „Лисисъ“ и всѣ мелкіе, отвергаемые обыкновенно критиками) свидѣтельствуютъ о несомнѣнной умственной незрѣлости. Наконецъ, то, что̀ мы знаемъ о характерѣ устныхъ бесѣдъ Платона, совсѣмъ не походитъ на содержаніе діалоговъ, ни раннихъ (чисто Сократическихъ), ни позднѣйшихъ [183]). Поэтому подъ идущими по той же стезѣ слѣдуетъ подразумѣвать не однихъ только учениковъ, но вообще всѣхъ, имѣющихъ такой же взглядъ на философію, какого держался Платонъ.

2) Платонова философія, взятая въ цѣломъ, есть произведеніе всѣхъ сторонъ его духа, одинаково теоретическихъ, эстетическихъ и нравственныхъ. Поэтому его діалоги имѣютъ не только теоретическое, но также эстетическое, и, гдѣ такъ или иначе затрогиваются вопросы нравственные, нравственное значеніе. Первое состоитъ въ томъ, что діалогъ, изображая діалектическую работу мысли въ исканіи истины, побуждаетъ умственную самодѣятельность къ дальнѣйшему исканію частью не разрѣшенными противорѣчіями, частью готовыми предположеніями, дающими мысли опору, но никогда мысль окончательно не успокоивающими, а всегда такъ или иначе служащими цѣлямъ діалектики [184]). Эстетическое значеніе состоитъ въ удов-

---

182) Впервые Schleiermacher, Plat. W. II, 1, 330. По Целлеру (über d. Zusammenhang etc. 91, Ph. d. Gr. II a³ 482), Платонъ писалъ главнымъ образомъ для учениковъ съ цѣлью напоминанія о содержаніи устныхъ бесѣдъ, а затѣмъ вообще для друзей. Въ послѣднемъ (четвертомъ) изданіи Целлеръ склоняется на сторону тѣхъ, которые видятъ въ діалогахъ полемическія цѣли, и потому говоритъ вообще о читателяхъ, безъ всякаго ограниченія (р. 572).

183) Объ этихъ бесѣдахъ Brandis, Handb. d. Gr. röm. Ph II a, 180 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴ 417, 2, 3. 439. II b³, 58, 2. 64, 1, Grote, Plato I³, 274 sq.

184) То всеобъемлемостью, требующей ограниченій (напр. вся вообще идеологія, взятая въ ея отвлеченности), топлодотворностью (примѣн. идеологіи къ вопросамъ этики, эстетики, знанія и пр.), то наконецъ парадоксальностью („Горгій“, „Государство“, „Гиппій Меньшій“, „Лисисъ“ и пр.).

летворенiи эстетическаго чувства совершенствомъ художественной формы, предполагаемымъ искомой истиной, какъ безусловно прекрасной, нравственное—въ удовлетворенiи чаяній блага, предполагаемыхъ тою же истиной, какъ безусловно благой.

Мнѣніе, что Платонъ былъ догматикъ и систематикъ, желавшій воздѣйствовать на общественное сознаніе своей философіей и отстаивавшій ея истину полемикой съ противоположными направленіями, не совмѣстимо ни съ его прямыми заявленіями, ни съ общимъ духомъ его философіи, ни съ его полнымъ разочарованіемъ всякой вообще дѣйствительностью, тѣмъ болѣе аѳинской.

3) Діалогическая форма обусловлена кореннымъ, лежавшимъ въ основаніи всего міровоззрѣнія Платона взглядомъ на задачи философіи [185]). Если всякое вообще письмо мало пригодно для выраженія философской мысли, то наиболѣе пригодной должна быть та его форма, которая воспроизводитъ истинный методъ наиболѣе совершенно, а такая форма—діалогическая, то есть форма спора, возраженій, критики, разложенія сталкивающихся мнѣній.

Смотря потому, какой элементъ въ діалогѣ преобладаетъ, творческій или критическій, діалогъ долженъ носить то болѣе догматическій, то болѣе скептическій характеръ, но даже въ самыхъ догматическихъ частяхъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда по самой природѣ дѣла истина либо не изслѣдуется, либо не можетъ быть изслѣдована. („Менексенъ“, „Тимэй“ [186]), діалектика сохраняетъ свое значеніе добывающаго истину орудія [187]). Этимъ своимъ значеніемъ она рѣзко отличается отъ полемики: тогда какъ послѣдняя опровергаетъ или разлагаетъ чужія мнѣнія съ цѣлью отстоять свое заранѣе

---

185) Въ противоположность мнѣнію Германна, который считаетъ ее внѣшнимъ заимствованіемъ отъ Сократа. Über Plato's schriftstellerische Motive, 285 f.

186) „Et quum de rebus in una mentis intelligentia et ratione positis ita disputari queat ut omnia dialectices ope exquirantur, examinentur, confirmentur, tum in physicis, quae maxime observationis diligentia nituntur, plerumque referre tantum et narrare licet, quae tanquam verisimilia viris experientissimis atque sollertibus placuerint. Quocirca Timaeus non dialectice disserens inducitur, sed loquitur ut hierophanta qui mundi arcana aliunde accepta grandi ac magnifica oratione pronunciat, quin etiam quae experientiae suspicionem superant, mythorum ac symbolorum involucris obtegit eoque modo quam ea certa sint, legentibus non obscure significat“. Stallbaum, Proleg. ad Tim. 37.

187) Любопытно въ этомъ отношеніи мѣсто въ De Legibus 892, E, сл.

выработанное, діалектика въ разложеніи и опроверженіи противоположныхъ мнѣній не утверждаетъ, а лишь ищетъ истину.

4) Творческая природа философіи Платона требуетъ, чтобы діалогъ не сдерживался узкими предѣлами наличной, то есть данной для каждаго единичнаго случая, дѣйствительности. Съ другой стороны стремленіе къ истинѣ не допускаетъ, чтобы діалогъ покидалъ границы общей, лежащей въ природѣ изображаемаго явленія, дѣйствительности. Примиряются эти противоположныя требованія творческимъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, то есть такимъ, которое, не стѣсняясь условіями пространства и времени, изъ всей совокупности составляющихъ явленіе моментовъ выбираетъ знаменательные, обусловливающіе ту или другую природу явленія, а моменты сами по себѣ незначительные группируетъ для болѣе нагляднаго оттѣненія знаменательныхъ [188]).

---

188) Hermann, Geschichte und System der Platonischen Philosophie, Heidelb. 1838, 406—407· Was ihm (Plato).... von Allen als eigenthumlich zugestanden wird, ist die Meisterschaft der mimischen Behandlung und Charakterzeichnung, für die ihn gleichfalls Dionys ausdrücklich als Muster znr Nachahmung empfiehlt, und diese ist es denn auch, die uns selbst da, wo der wissenschaftliche Inhalt seiner Gespräche uns weniger befriedigt, die Gewissheit ihres künstlerischen Ursprungs aufrechthalt: nicht blos einzelne Zuge der Wirklichkeit zu copiren, sondern auch wo er geschichtliche Personen schildert, doch nur die wesentlichen Züge ihrer Individualität in verallgemeinernden Typen hervorzuheben und so Gemälde zu bilden, die mit der sprechenden Aehnlichkeit des Portraits zugleich die Idealitat einer freien Kunstschopfung verbinden, dies ist die Aufgabe, deren glückliche Losung wir in Beziehung auf Sokrates Charakter.... hervorhoben, und um so durchherrschender bei ihm voraussetzen durfen, je wesentlicher sie mit der..... Selbstthatigkeit seiner dialogischen Hervorbringungen zusammenhangt". Дѣльныя (хотя и многословныя) замѣчанія о различіи между исторической и поэтической истиной у Bénard, Philosophie ancienne, Paris, 1885, 305 sq. Относительно достоинства творческихъ воспроизведеній дѣйствительности въ родѣ Платоновыхъ не безынтересенъ взглядъ одного изъ именитѣйшихъ естествовѣдовъ нашего времени, Геккеля, который соединяетъ въ себѣ художника (кистью и въ литературѣ) и ученаго. „Die Ceylon-Bilder von Königsbrunn vereinigen in sich zwei verschiedene, gewissermassen entgegengesetzte Vorzüge, die leider nur sehr selten in derartigen Kunstwerken vereinigt gefun den werden, und die doch beide nothwendig zusammen kommen müssen, um denselben wirklich den Stempel der Vollendung aufzuprägen: einerseits die grösste Naturtreue in der gewissenhaftesten Wiedergabe der Form-Einzelheiten, andrerseits die vollkommenste künstlerische Freiheit in der einheitlichen Behandlung und wirkungsvollen Composition des ganzen Bildes. Viele Bilder unserer berühmtesten Landschafter, welche der zweiten Anforderung vollig genügen, erfüllen die erstere nicht. Andererseits lassen wieder viele sogenannte Vegetations-Ansichten, wie sie geübte kenntnissreiche Botaniker gezeichnet haben, die freie ästhetische Auffasung des Künstlers nur zu sehr vermissen. Und doch ist das Eine eben so nothwendig wie das Andere; das analytische und objective Auge des Botanikers nicht minder, als der synthetische und subjective Blick des Künstlers. Soll die Landschaft ein wahres Kunstwerk sein, so muss sie gleich dem Porträt grösste Naturtreue im Einzelnen mit charaktervoller Auffassung des Individuums als Ganzen verbinden". (Haeckel, Indische Reisebriefe, 2-te Aufl, Berl. 1884, 17). Не трудно видѣть, что этимъ требованіямъ вполнѣ отвѣчаютъ свидѣтельства Платона по характеристикѣ Германна.

Поэтическій характеръ Платоновыхъ діалоговъ [189]) сказывается и въ разработкѣ драматическаго построенія [190]) (при первыхъ императорахъ ихъ разыгрывали въ Римѣ на пирахъ [191]), и въ художественной законченности образовъ, и въ обиліи метафоръ и миѳовъ („ты, Сократъ, легко умѣешь сочинять Египетскія и какія угодно сказки“) [192]), и въ игривости „бѣгущей туда, куда влечетъ разсужденіе, мысли“ [193]), и наконецъ, всего нагляднѣе въ анахронизмахъ. Анахронизмы вмѣстѣ служатъ и показателемъ того, насколько Платонъ въ своемъ внѣшнемъ драматизмѣ держался границъ дѣйствительности. „Общій обзоръ ихъ (говоритъ въ спеціальномъ о нихъ изслѣдованіи Целлеръ) показываетъ, что хотя Платонъ нерѣдко какъ съ лѣтосчисленіемъ, такъ и съ исторіей обходится очень свободно, но вольности, которыя онъ въ этомъ отношеніи себѣ позволяетъ, ограничиваются частью пунктами второстепенной важности, частью же тамъ, гдѣ они глубже входятъ въ композицію разговора, находятъ достаточное основаніе въ болѣе высокихъ художественныхъ цѣляхъ“ [194]). На правило, котораго держался Платонъ въ творческомъ воспроизведеніи бесѣдъ, онъ самъ указываетъ мимоходнымъ замѣчаніемъ, что хорошій поэтъ какъ можно болѣе подражаетъ способу выраженія тѣхъ лицъ, о которыхъ говоритъ [195]).

---

189) Justi, die ästhetischen Elemente in der platonischen Philosophie, Marb. 1860. Schaarschmidt, die Sammlung etc. 146. Joël, geistig. Entw. u. schriftst. Motiv. Platos, pass.

190) Thiersch, uber die dramatische Natur der platonischen Dialoge. Abhandl d. Munchener Akademie, 1837. Blüml, Bemerkungen über das philosophische Drama Platon's. Waidhof. 1875. Wiliamowitz Möllend., Philol. Unters. I, 216. Polzer, Protagoreische Studien, 3 f. Joël, l. s. c. 33 f. Существуетъ извѣстіе, что Платонъ выработалъ свою драматическую технику ревностнымъ изученіемъ мимъ Софрона и комедій Аристофана (Diog. Laert. III, 18. Quint Instit. I, 10. 17 Olymp. Vita Plat., p. 2, 21 и Anon. p. 7, 4 ed Cobet).

191) Plut. quaest. symp. VII, 8, 867 Did.

192) Phaedr. 275, B.

193) De Rep. 394, D· οὐ γὰρ δὴ ἔγωγέ πω οἶδα ἀλλ' ὅπῃ ἂν ὁ λόγος ὥσπερ πνεῦμα φέρῃ, ταύτῃ ἰτέον. Stallbaum, Disputatio de Platonis ingenio (Platonis opera, I[4]) LIX: Plato.... quum egregie perspexisset colloquii naturam, eos, quos inducit colloquentes, ita disputantes facit, ut ad argumentum, de quo disseritur, videantur accessisse non praeparati atque meditati, sed ita, ut casu ad illud delati notionum nunc ipsum in animo obortarum seriem libera ingenii agitatione persequantur, incerti quasi haerentes, quem exitum habitura sit disputatio. Также замѣчанія Jowett'a, The Dialogues, I, 551 f.

194) Въ ук. выше (стр. 30, пр. 177) моногр., 98.

195) De Rep. 393, C: ἀλλ' ὅταν γέ τινα λέγῃ ῥῆσιν ὡς τις ἄλλος ὤν, ἆρ' οὐ τότε ὁμοιοῦν αὐτὸν φήσομεν ὅτι μάλιστα τὴν αὑτοῦ λέξιν ἑκάστῳ, ὃν ἂν προείπῃ ὡς ἐροῦντα.

5) По смыслу Платоновой методологіи, предпринимаемый для выясненія истины споръ долженъ быть тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ съ большею силою и оригинальностью высказываются сторонами противорѣчивыя мнѣнія. Отсюда слѣдуетъ, что Платонъ долженъ былъ сводить въ бесѣдахъ лишь особенно типичныхъ противниковъ. Съ другой стороны та же методологія требуетъ, чтобы споръ не былъ руководимъ никакими личными враждебными отношеніями. Отсюда второе правило— сводить въ діалогахъ лицъ или дружелюбно или по крайней мѣрѣ безразлично другъ къ другу расположенныхъ.

Но выборъ подсказывался и психологическимъ соображеніемъ. „Когда порядочный человѣкъ дойдетъ въ своемъ разсказѣ до изреченія или дѣйствія хорошаго человѣка, то пожелаетъ повѣствовать такъ, какъ будто онъ самъ былъ тѣмъ человѣкомъ, и не посовѣстится такого подражанія, наиболѣе тогда, когда будетъ подражать хорошему человѣку въ его безошибочныхъ и благоразумныхъ поступкахъ, рѣже и меньше—когда тотъ будетъ заблуждаться отъ болѣзни, страстей, опьяненія или другаго несчастія. Когда же дойдетъ до человѣка себя недостойнаго, то не пожелаетъ серьезно уподоблять себя худшему, за исключеніемъ развѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда тотъ поступаетъ хорошо, а въ другихъ случаяхъ устыдится, какъ потому, что у него нѣтъ сноровки подражать такимъ людямъ, такъ и потому, что ему будетъ непріятно иначе какъ для шутки вдѣлывать и вставлять себя въ типы худшихъ, которыхъ мысленно презираетъ“ [196]).

Разсматриваемое въ общемъ свѣтѣ Платоновой методологіи, это заявленіе уполномочиваетъ заключить, что по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ Платонъ не изображалъ тѣхъ лицъ, къ которымъ относился съ презрѣніемъ; исключительное же меньшинство, по прямому смыслу заявленія, должно быть отмѣчено избыткомъ въ изображеніяхъ чувства смѣха.

6) Смѣшное въ діалогахъ [197]) предполагается основною чертою Платонова міровоззрѣнія — его полнымъ жизни безкорыстнымъ иде-

---

[196]) Ibid. 396, C—D.

[197]) Въ основаніе всего дальнѣйшаго разсужденія о смѣшномъ мною положены проницательныя замѣчанія Шопенгауэра, Die Welt als Wille und Vorstellung, I⁴ 70 f II⁴ 99 f. Болѣе или менѣе цѣнныя указанія даютъ Hecker, Die Physiologie und Psychologie des Lachens und des

ализмомъ. Смѣшное всегда вызывается тѣмъ или другимъ (непосредственнымъ или сознаваемымъ чрезъ ассоціаціи) несоотвѣтствіемъ между идеальнымъ и ему противоположнымъ реальнымъ началомъ, то есть между тѣмъ, что̀ создается нашею самодѣятельностью и тѣмъ, что̀ имѣетъ независимое отъ нея бытіе—между понятіемъ о дѣйствительности и дѣйствительностью, цѣлью и средствомъ ея осуществленія, ожиданіемъ и исполненіемъ, преднамѣренностью и (кажущеюся) случайностью — если это несоотвѣтствіе не связано ни съ какимъ рѣзкимъ непріятнымъ состояніемъ [198]). Смотря потому, чѣмъ вызывается столкновеніе этихъ элементовъ, и тому побочному чувству, которое сопровождаетъ столкновеніе, смѣшное принимаетъ различные оттѣнки. Если столкновеніе вызывается простымъ желаніемъ доставить себѣ или другимъ удовольствіе смѣха, то смѣшное бываетъ комизмомъ (въ его разновидностяхъ—сценической шуткой, забавной сценой и пр., вызывающими смѣхъ преимущественно содержаніемъ, остротой, каламбуромъ и проч., вызывающими смѣхъ преимущественно формальной стороной [199]). Если столкновеніе элементовъ подсказано непріязнью, то смѣшное есть насмѣшка или издѣвательство, смотря по степени непріязни [200]); если прямо или косвенно выражается, что непріязнь лишь притворная, то смѣшное становится шуткой (въ собственномъ значеніи этого слова [201]). Если возвышенное, то есть все цѣнное, достойное, прекрасное, хорошее и пр., облекается въ низменную форму съ

Komischen, Berl. 1873. Kraepelin, Zur Psychologie d. Komischen въ Philos. Stud. herausg. v. Wundt, 2-r B, 1 H. Lipps, Psychologie der Komik въ Philos. Monatshefte, B. XXIV H. 7. 8. 9. 10. XXV, H. 1. 2. 3. 4. 5. 6. H. Spencer, Physiology of Laughter, Essays, I[4] 194—210. Bain, Mental Science, I[3], 315—317. The Emotions and the Will, 256—259, 3-d ed. 1880. Sully, Outlines of Psychology, Lond. 1884, 539 и пр. Carriere, Aesthetik, I[3] 198—247; Die Poesie, 2-te Aufl. Leipz. 1884. 511—524. Lemcke Populare Aesthetik 5-te Aufl., Leipz. 1879, 110—125. Fechner, Vorschule d. Aesthetik, Leipz. 1876, I, 221—231.

[198]) Примѣры у Шопенгауэра.

[199]) Въ указанной разницѣ не трудно убѣдиться, сравнивъ, напримѣръ, комическую сцену въ Аристофановыхъ „Ахарнянахъ“ (764—789) съ близкой по содержанію остротой у Шекспира, Romeo and Juliet Act. I, Sc. III. „Yea“, quoth my husband, „fallst upon thy face“ etc. Образцы каламбуровъ (съ нашей точки зрѣнія) у Платона въ „Кратилѣ“.

[200]) Всѣ эти ступени можно прослѣдить на отношеніи Аристофана къ Клеону и другимъ лицамъ въ различныхъ комедіяхъ: „Всадники“, „Осы“, „Миръ“ и пр.

[201]) Примѣръ у Платона въ „Протагорѣ“ 341, C—E.

прямою цѣлью его унизить, то смѣшное называется глумленіемъ [202]); если же прикрытіе низменнаго возвышеннымъ, или наоборотъ возвышеннаго низменнымъ, служитъ лишь къ оттѣненію достоинства или недостатка, причемъ все равно какимъ бы это прикрытіе чувствомъ ни сопровождалось, то смѣшное бываетъ ироніей, которая есть вообще способъ сознательно или безсознательно обострять мысль вызывающимъ смѣхъ противоположеніемъ между содержаніемъ и формой [203]). Наконецъ, если низменное облекается въ возвышенную форму ненамѣренно, то смѣшное бываетъ юморомъ. Юморъ коренится въ возвышенномъ міровоззрѣніи, которое невольно прилагаетъ ко всей дѣйствительности мѣру высокаго. Платоновы діалоги даютъ совершеннѣйшій образецъ юмора [204]). Несоотвѣтствіе идеала съ дѣйствительностью вызываетъ два разнородныхъ, сопровождающихъ одно другое, чувства: печаль и смѣхъ. Вызванная идеализаціей печаль по самой своей природѣ не можетъ найти дѣйствительнаго успокоенія; поэтому она ищетъ призрачнаго—облекаясь въ форму во всѣхъ другихъ случаяхъ пріятнаго чувства смѣха („смѣхъ сквозь незримыя

---

202) Классическій примѣръ Вольтерова „Pucelle“ и большая часть тѣхъ мѣстъ въ его „Romans“, гдѣ такъ или иначе затрогивается католичество и вообще обрядовая сторона религіи.

203) Классическіе образцы ироніи въ первомъ смыслѣ у Ксенофонта въ „Воспоминаніяхъ“, Ш, 6; IV, 2, 3 и у Платона въ „Тимэѣ“ 40, D—E (vernichtende ironie Zeller, Ph. d. Gr. II a[1], 815, 1), образецъ ироніи втораго рода у Платона въ „Федрѣ“ 275, B, „Пирѣ“ 218, D и „Политикѣ“, 299, B, сл. Древніе употребляли слово иронія обыкновенно во второмъ смыслѣ и опредѣляли ее какъ προσποίησις ἐπὶ χεῖρον πράξεων καὶ λόγων (Theophr. Char. I). Согласно съ этимъ Ѳрасимахъ укоряетъ Сократа у Платона въ томъ, ὅτι σὺ ἀποκρίνασθαι μὲν οὐκ ἐθελήσοις, εἰρωνευσοιο δὲ καὶ πάντα μᾶλλον ποιήσοις ἢ ἀποκρινοῖο εἴτίς τί σε ἔρωτᾷ (De Rep. 337, A), при чемъ подразумѣвается, что Сократъ могъ отвѣтить на вопросы (ibid 337, E. Sympos. 216, E. Xen. Mem. IV, 4, 10, 11. I, 2, 36). Отъ намѣренной ироніи, которою Сократъ пользовался въ протрептическихъ бесѣдахъ, слѣдуетъ отличать его безсознательную иронію, которая была слѣдствіемъ его юмора. Не находя въ себѣ искомаго идеала, Сократъ прилагалъ къ себѣ мѣру низкаго, надѣясь обрѣсти его осуществленіе въ другихъ, прилагалъ къ нимъ мѣру высокаго. Отсюда торжественный тонъ въ обращеніи съ другими и уничижительный относительно себя, а отсюда его безсознательная иронія, которая принимала видъ, будто онъ желалъ возвысить себя и унизить другихъ, на самомъ же дѣлѣ была слѣдствіемъ его юмора, заставлявшаго его всякую вообще мысль выражать смѣшнымъ несоотвѣтствіемъ противоположностей. Изъ новѣйшихъ писателей совершеннѣйшіе образцы ироніи даютъ Свифтъ A modest proposal to the public for preventing the children of poor people in Ireland from being a burden to their parents or country etc, Works, Lond. 1784, 335 f.), Гиббонъ (The history of the Decline and Fall of the Roman Empire, въ особ. ch. XV, p. 175 sq. 219 sq., ed. by W. Smith, Lond. 1887, v. II), Вольтеръ (въ Romans повсюду), Гейне (въ Reisebilder повсюду), Іоаннъ Грозный въ своихъ письмахъ къ Курбскому и игумену Козмѣ и пр.

204) Въ новой литературѣ совершеннѣйшіе образцы у Рабле, Карлейля, Диккенса (см. гл. IX). Отношеніе Платона къ софистамъ находитъ близкую аналогію въ отношеніи Рабле къ Панургу и брату Ивану и Диккенса къ героямъ „Пикквиккскаго клуба“.

міру слезы“ [205]). Здѣсь двоякая причина смѣха въ Платоновыхъ діалогахъ. Третья въ томъ, что постоянная привычка обращать печальное въ смѣшное порождаетъ общее предрасположеніе къ смѣху; тогда какъ у людей обыкновенныхъ (исключая лишь физіологически къ смѣху предрасположенныхъ или такъ называемыхъ веселыхъ) смѣхъ вызывается только болѣе или менѣе рѣзкими несоотвѣтствіями, у юмористовъ душа всегда полна смѣхомъ, который въ литературныхъ произведеніяхъ принимаетъ сообразно съ ихъ содержаніемъ различные оттѣнки. Но существуетъ и четвертая причина смѣшнаго въ діалогахъ—постоянное діалогическое разложеніе сталкивающихся мнѣній, „обращающее ожиданіе въ ничто“ [206]). Эта причина дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ самоувѣреннѣе и напыщеннѣе выражаются мнѣнія. Чтеніе Платоновыхъ діалоговъ производитъ поэтому тоже впечатлѣніе, что̀ чтеніе комедій и сатиръ; тѣмъ не менѣе ошибочно отожествлять ихъ съ комедіями и сатирами. Въ комедіяхъ смѣшное либо цѣль сама по себѣ, либо средство къ цѣли, которая обыкновенно полагается въ нравственномъ исправленіи другихъ [207]); въ діалогахъ Платона смѣшное не цѣль и не средство, а простое слѣдствіе его міровоззрѣнія и метода. Сатира имѣетъ цѣлью обнару-

---

[205]) „Ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха... И долго еще опредѣлено мнѣ чудною властью... озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“. Гоголь „Мертвыя души“, I, гл. 7. Юморъ Гоголя сказывается не въ отдѣльныхъ изображеніяхъ и характеристикахъ, обыкновенно вполнѣ объективныхъ, а въ равномѣрной, возможной только для юмориста, склонности къ возвышенному и смѣшному.

[206]) „Das Lachen ist ein Affect aus der plötzlichen Verwandlung einer gespannter Erwartung in nichts“. Kant, Kritik d. Urtheilkraft, 343, Hartenst. Leipz. 1867. Сколь ни односторонне это опредѣленіе въ общемъ, въ данномъ случаѣ оно вполнѣ правильно.

[207]) О назидательныхъ цѣляхъ комедіи Aristoph. Acharn. 624—625, Ranae 1053 (о всѣхъ вообще поэтахъ), Equites 1313, сл. (гдѣ комедія олицетворена въ Агораритѣ) и пр. Еще опредѣленнѣе Molière, Préface de Tartufe (p. 410, ed. Hetzel, Paris): Si l'emploi de la comédie est de corriger les vices des hommes, je ne vois pas par quelle raison il y en aura de privilégiés.... et nous avons vu que le théâtre a une grande vertu pour la correction. Les plus beaux traits d'une pièce serieuse sont moins puissants, le plus souvent, que ceux de la satyre et rien ne reprend mieux la plupart des hommes que la peinture de leurs défauts. C'est une grave atteinte aux vices que de les exposer à la risée de tout le monde etc. Точно также Lesage въ комическомъ романѣ Gil Blas заявляетъ: si tu lis mes aventures sans prendre garde aux instructions morales qu'elles renferment, tu ne tireras aucun fruit de cet ouvrage (Gil Blas au lecteur, p. 97, ed. Didot 1868).

женіе дурныхъ сторонъ и ихъ исправленіе отвращающимъ идеаломъ [208]). Платонъ, хотя и раскрываетъ въ мысли нелѣпости, но не съ цѣлью ее исправить, а въ поискахъ за истиной, и если порой и рисуетъ отвращающіе отъ порока идеалы, то не для внѣшняго дѣйствія, но исключительно потому, что діалектическій строй его философіи повсюду требуетъ противоположностей, а его нравственное чувство—удовлетворенія. Поскольку въ діалогахъ встрѣчаются возбуждающія смѣхъ изображенія дурнаго и нелѣпаго, комическій и сатирическій элементъ существуетъ въ нихъ безспорно, но безспорно также и то, что онъ не средство и не цѣль, а лишь придатокъ, хотя и необходимый.

7) Всѣ эти частные выводы уполномочиваютъ относительно характера Платона какъ историческаго свидѣтеля къ одному общему заключенію, что Платонъ *сознательно* не могъ извращать истину ни по одному изъ приписываемыхъ ему древними и новыми критиками побужденій, ни по основаніямъ своего философскаго метода, ни по взглядамъ на отношеніе философа къ современной общественной жизни, ни по усвоеннымъ имъ эстетическимъ правиламъ, но что наоборотъ какъ его теоретическія, такъ равно практическія и эстетическія воззрѣнія ручаются за вѣрность его свидѣтельствъ истинѣ въ основныхъ, главныхъ, знаменательныхъ, словомъ, существенныхъ чертахъ.

Отвѣтомъ на вопросъ, не искажалъ-ли Платонъ истину *безсознательно*, должна служить предлагаемая въ слѣдующихъ главахъ фак-

---

208) Говоря о сатирѣ, я разумѣю это слово въ его позднѣйшемъ, установившемся съ Ювенала. значеніи. О причинахъ и цѣляхъ, побуждающихъ писать сатиры, классическое свидѣтельство у Ювенала въ I сатирѣ (Римъ переполненъ всякими пороками; кто же можетъ быть къ нему на столько равнодушенъ, чтобы не писать сатирь? v. 30—31). Изъ произведеній новаго времени, наиболѣе отчетливо выражающихъ цѣль сатиры, достаточно указать на Satyre Ménippée (осмѣивающую шарлатанство членовъ Католической Лиги) и на Донъ Кихота (направленнаго противъ увлеченія рыцарскими романами). Рабле, котораго обыкновенно причисляютъ къ сатирикамъ, былъ по преимуществу юмористъ, а сатирикъ только между прочимъ.

209) Увѣщательная рѣчь Сократа въ „Горгіи“ (522, E, сл.) служитъ прямою противоположностью рѣчи Калликла въ томъ же діалогѣ (482, C, сл.), а отрицательный идеалъ тиранна въ IX книгѣ „Государства“—противовѣсомъ положительному идеалу, выставленному Ѳрасимахомъ и Главкономъ (въ I и II кн.). Отступленіе въ „Ѳеэтетѣ“ (172, D—177, A) носитъ очевидно характеръ чисто лирическаго излія нія. О цѣляхъ діалоговъ „Протагоръ“, „Горгій“, „Евеидемъ“, „Гиппій“ и пр. см. гл. VIII.

тическая провѣрка его свидѣтельствъ. Если во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такая провѣрка возможна, окажется, что у Платона теорія совпадаетъ съ практикой, насколько вообще возможно осуществленіе намѣченнаго имъ идеала по самымъ метафизическимъ допущеніямъ этого идеала, то у насъ, предполагая отсутствіе спеціальныхъ противопоказаній, не будетъ основанія заподозривать его добросовѣстность и въ тѣхъ случаяхъ, когда фактическая провѣрка невозможна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Свидѣтельства Платона о философахъ.

Сократъ.—Пиѳагорейцы.—Елейцы.—Древнѣйшіе онтологи.—Гераклитъ съ послѣдователями.—Емпедоклъ.—Анаксагоръ—Киники и Мегарики.—Аристиппъ.—Демокритъ.—Друзья идей.—Выводы.

1. Сократъ. Изъ философовъ, выведенныхъ Платономъ [1]), нельзя прежде всего не остановиться на Сократѣ, главномъ лицѣ большинства діалоговъ. Но дѣлать какія нибудь рѣшительныя заключенія о свидѣтельствахъ Платона на основаніи того, что онъ говоритъ устами Сократа, невозможно, какъ потому, что онъ проводитъ въ Сократовыхъ рѣчахъ свои собственныя воззрѣнія, такъ и потому, что его діалоги вмѣстѣ съ „Воспоминаніями“ Ксенофонта служатъ главнымъ источникомъ нашего знакомства съ Сократомъ [2]).

Въ сложномъ вопросѣ о значеніи того и другого источника [3])

---

[1]) Сводъ фактическихъ данныхъ о выводимыхъ и упоминаемыхъ Платономъ лицахъ у Groen van Prinsterer, Prosopographia Platonica, Lugd. Batav. 1823. Цѣнныя указанія даетъ также Cobet въ Prosopographia Xenophontea, Lugd. Bat. 1836.

[2]) Дополненіемъ къ „Воспоминаніямъ“ служатъ „Пиръ“ и „Экономикъ“ Ксенофонта, но оба эти сочиненія даютъ сравнительно мало.

[3]) Schleiermacher, Ueber den Werth des Sokrates als Philosophen, Werke, III b, 1838, 287 f. Meiners, Geschichte der Wissenschaften in Griechenland und Rom, II, 420 f., Lemgo 1782. Ribbing, Ueber das Verhaltniss zwischen den xenophontischen und den platonischen Berichten über die Persönlichkeit und die Lehre des Sokrates, Upsala 1870. Grote, History of Greece, a new ed. Lond. 1869, VIII, ch. LXVIII, 208 f. Fouillée, La philosophie de Socrate, Paris, 1874, V, sq. Labriola, La dottrina di Socrate secondo Senofonte, Platone ed Aristotele, Napoli, 1871, 22, sg.

намъ важно лишь выяснить, что въ общей характеристикѣ Сократа различіе между Платономъ и Ксенофонтомъ не меньше говоритъ противъ перваго, чѣмъ противъ втораго, что истинный образъ Сократа можетъ быть воспроизведенъ лишь по свидѣтельству ихъ обоихъ, и что Платонъ изъ своихъ собственныхъ воззрѣній связываетъ съ именемъ Сократа лишь тѣ, которыя ученія послѣдняго обосновываютъ или развиваютъ, или же этимъ ученіемъ какъ логическое или историческое слѣдствіе предполагаются.

Ксенофонтъ, какъ онъ самъ неоднократно заявляетъ, писалъ съ цѣлью защитить память своего учителя отъ ходившихъ противъ него клеветы и обвиненій [4]). Естественно поэтому предположить, что онъ вынужденъ былъ сгладить или обойти молчаніемъ все то, что такъ или иначе могло подтвердить эту клевету и обвиненія. Платонъ, выводя Сократа въ своихъ діалогахъ, не могъ, какъ мы уже видѣли, имѣть подобной внѣшней цѣли. Общераспространенное мнѣніе, что онъ желалъ возвеличить Сократа, представивъ въ немъ совершеннаго философа [5]), при ближайшемъ анализѣ оказывается невѣроятнымъ. Для доказательства, что Платонъ сознавалъ личную потребность въ такой идеализаціи, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Думать же, что онъ желалъ возвысить Сократа въ глазахъ современниковъ, прямо невозможно. За немногими лишь исключеніями всѣми вообще рѣчами Сократа у Платона не могло не оскорбляться аѳинское чувство. Отрицательное отношеніе къ установленному строю и виднѣйшимъ его представителямъ, постоянное сбиваніе всѣхъ и каждаго съ толку, парадоксы въ самыхъ общепризнанныхъ воззрѣніяхъ, должны были въ глазахъ большинства читателей поставить

Соотвѣтствующіе отдѣлы въ трудахъ Целлера, Ибервега, Германна (Gesch. u System d. platonischen Philosophie). Въ общій духъ Сократовой философіи лучше всего вводятъ Гротъ (въ History of Greece и Plato; оба эти труда взаимно себя пополняютъ: въ первомъ мы имѣемъ дѣло по преимуществу съ Ксенофонтовымъ Сократомъ, во второмъ—съ Платоновымъ), Köchly въ великолѣпной, но не по заслугамъ мало извѣстной монографіи Sokrates und sein Volk, Akademische Vorträge und Reden, Zurich 1859, 223—386, Labriola въ ук. соч. Слѣдуетъ также назвать небольшую, но цѣнную монографію Ѳ. Корша „Евтидемъ, діалогъ Платона", „Критическое Обозрѣніе", Москва, 1880, 27—41.

4) Memor. I, 1, 1, 20. 2, 1. 3, 1 4, 1. VI, 3, 2. 4, 25. 5, 1. 8, 11 и др.

5) Такой взглядъ раздѣляется большинствомъ изслѣдователей Платона—Шлейермахеромъ, Штальбаумомъ, Штейнгартомъ и проч., но самое опредѣленное выраженіе находитъ въ извѣстномъ уже намъ трудѣ Мунка „Ueber die naturliche Ordnung der platonischen Schriften".

Сократа на ряду съ опаснѣйшими изъ болтуновъ и худшими изъ софистовъ.

„Демократическое государство (говоритъ у Платона Сократъ) подобно глуховатому, подслѣповатому и малосмыслящему въ мореходномъ искусствѣ владѣльцу корабля, а демократическіе дѣятели—мятущимся изъ за руля матросамъ. Ихъ главная задача въ томъ, чтобы одурманить судовладѣльца, захватить власть и имущество и затѣмъ плыть среди пира и веселья, какъ подобаетъ пьянымъ людямъ. Они даже и вообразить не могутъ, что возможна наука объ управленіи государствомъ независимо отъ воли управляемыхъ, и не понимаютъ, что власть должна принадлежать тому, кто обладаетъ такой наукой...[6]). Я образецъ истиннаго государственнаго дѣятеля. Только одинъ я руководствуюсь политической наукой, только я одинъ настоящій политикъ, такъ какъ одинъ лишь я умѣю для общаго блага рѣзать, жечь, сушить и душить, чтобы приводить въ недоумѣніе, а всѣ остальные, подобно поварамъ и кухмистерамъ, полагаютъ искусство въ томъ, что бы угодить вкусными блюдами и сладкими винами, нисколько не заботясь о здоровьѣ угощаемыхъ“ [7]).

„Но скажи мнѣ, Сократъ (недоумѣваетъ Калликлъ) [8]), должны-ли мы думать, что ты смѣешься, или же, что говоришь не шутя? Вѣдь если ты не шутишь и то, что говоришь, правда, то не выходитъ-ли, что вся жизнь человѣческая идетъ на выворотъ и мы во всемъ поступаемъ противно тому, какъ должно?...“ „Хотя ты и говоришь, что изслѣдуешь истину, ты всегда ведешь къ грубымъ и площаднымъ уловкамъ“ [9])... „Скажи мнѣ, неужели тебѣ не стыдно въ такомъ возрастѣ гоняться за словами и считать за находку, если кто ошибется въ выраженіи...[10]), вертѣться въ разговорѣ туда и сюда, хитрить и плутовать...[11]), носиться со своимъ балагурствомъ, болтовней, мелочными и ничтожными вопросами и обличе-

---

[6]) De Rep. 488, A—E.

[7]) Gorg. 503, B, сл. 515, B, сл. 521, E—522, A. De Rep. 484, C. 489, C. 493, B. 557, A и др. См гл. VIII. Въ настоящемъ случаѣ я даю изложеніе, въ остальныхъ переводъ, допуская лишь формальныя измѣненія ради литературныхъ цѣлей

[8]) Gorg. 481, C.

[9]) Ibid 482, E.

[10]) Ibid 489. B—C.

[11]) Ibid. 482, E. сл 497, A. 511, 515, B и пр.

ніями"... [12]) „Послушайся меня, почтенный! Брось свои обличенія, занимайся дѣлами благопристойными, занимайся тѣмъ, откуда было-бы видно твое благоразуміе, и предоставь другимъ эту причудливую—какъ бы ее назвать—болтовню или чепуху, отъ которой придется жить „въ пустыхъ домахъ". Соревнуй не съ тѣми, кто обличаетъ эти мелочи, а съ тѣми, кто наслаждается и жизнью и славою и многими другими благами" [13]).

„Какимъ же это образомъ, Сократъ, (негодуетъ въ свою очередь Гиппій) тѣ, которые добровольно поступаютъ несправедливо, добровольно злоумышляютъ и злодѣйствуютъ, могутъ быть лучше поступающихъ такъ не по доброй волѣ? Повидимому, заслуживаетъ большаго снисхожденія тотъ, кто по невѣдѣнію допуститъ несправедливость, солжетъ или сдѣлаетъ что́ нибудь дурное. Да и законы гораздо строже къ тѣмъ, которые злодѣйствуютъ и лгутъ по доброй волѣ, чѣмъ къ тѣмъ, которые поступаютъ такъ невольно"... [14]). „Было бы ужасно, если бы добровольно несправедливые были лучше не добровольно несправедливыхъ" [15])... „Ты вѣчно занимаешься такими хитросплетеніями, выхватываешь изъ рѣчи самое трудное, держишься за него и понемногу пощипываешь, а не борешься противъ цѣлаго вопроса, о которомъ идетъ рѣчь"... „Потому то отъ тебя и отъ твоихъ всегдашнихъ собесѣдниковъ и ускользаютъ великія и цѣльныя вещи"...[16]). „Чѣмъ ты считаешь все это? Это—какъ я уже сказалъ, обрывки и обломки рѣчей раздробленные намелко. А прекрасно и весьма цѣнно то, что бы умѣть составить и произнести превосходное слово въ судѣ, или въ совѣтѣ, или въ какомъ нибудь другомъ правительственномъ собраніи, къ которому должна быть рѣчь, и убѣдивъ унести съ собою не маловажную, а самую большую награду—спасеніе самого себя, своего имущества и своихъ друзей. Вотъ къ чему надо стремиться, распрощавшись со всѣми этими мелочными тонкостями, чтобы не показаться слишкомъ глу-

---

12) Ibid. 482, C. 489, B. 490, D—E и пр. 486, C. 497, C: σμικρὰ καὶ ὀλίγου ἄξια ἀνερωτᾷ καὶ ἐξελέγχει... ἐρώτα δὴ σὺ τὰ σμικρά τε καὶ στενὰ ταυτα. Любопытныя сопоставленія между Платоновымъ Сократомъ и Аристофановымъ дѣлаетъ Фулье, Ph. d. Socrate, II, 357.

13) Ibid. 486, C. сл

14) Hipp. Min. 371, C—372, A.

15) Ibid. 375, D.

16) Ibid. 369, B—C. Hipp. Maj. 301, B.

нымъ, занимаясь такой чепухой и болтовней, какъ теперь"...[17]). Вмѣсто того ты проводишь время въ томъ, что вносишь въ разговоръ путаницу и какъ будто плутуешь[18]).

„Не знаю, Сократъ (читаетъ ему назиданіе Протагоръ[19]), слѣдуетъ ли мнѣ отвѣчать такъ же безусловно, какъ ты спрашиваешь, что все пріятное хорошо, а все непріятное дурно. Мнѣ же кажется, что не только для настоящаго отвѣта, но и для всей вообще моей жизни безопаснѣе, если скажу, что есть кое что и изъ пріятнаго нехорошее и изъ непріятнаго не дурное, что есть и пріятное хорошее и непріятное дурное и что въ третьихъ и то и другое бываетъ ни хорошимъ, ни дурнымъ"... „Конечно, справедливость кое въ чемъ подобна святости, какъ и все вообще съ чѣмъ нибудь въ какомъ нибудь отношеніи сходно: черное съ бѣлымъ въ нѣкоторомъ отношеніи сходно и черствое съ мягкимъ и все остальное, что̀ представляется самымъ противоположнымъ... Но вѣдь такимъ способомъ можно, пожалуй, если пожелаешь, доказать, что все подобно одно другому. Несправедливо однако называть подобнымъ то, что̀ имѣетъ только нѣкоторое подобіе, и не подобнымъ то, что̀ имѣетъ только нѣкоторое неподобіе, если то и другое ничтожно"...[20]) „Ты неправильно припоминаешь, что̀ я говорилъ и отвѣчалъ тебѣ. На твой вопросъ, смѣлы-ли мужественные, я отвѣчалъ „да", но о томъ, мужественны-ли смѣлые, ты меня не спрашивалъ, и если бы спросилъ, то я отвѣчалъ бы, что не всѣ. А что мужественныхъ я призналъ смѣлыми, этого ты ничѣмъ не опровергъ. Не смотря на это, ты доказываешь, что знающіе смѣлѣе самихъ себя и тѣхъ, которые не знаютъ, и отсюда выводишь, что храбрость и мудрость одно и тоже. Но идя такимъ путемъ, можно пожалуй заключить, что и сила есть мудрость"...[21]) „Говоря о свиньяхъ и обезьянахъ, ты не только самъ свинствуешь,

---

17) Hipp Maj. 304, A—B.

18) Hipp. Min. 373, B. „Im Hippias.... hat Sokrates seine Rolle mit der der Sophisten gewissermaassen vertauscht· der Sophist ist es, welcher ihm seiner Trugschlüsse halber Vorwürfe macht und das schimpfliche Resultat derselben nicht anerkennen will, während Sokrates nicht mude wird, in der leichtsinnigster Weise, eben wie ein rechter Sophist, mit den Begriffen umzuspringen". Schaarschmidt, Die Sammlung der platonischen Schriften, 387. Также Steinhart, Pl. W., I, 101.

19) Protag. 351, B—D

20) Ibid 331, D—E. См. ниже, стр. 98, пр. 68. 69

21) Ibid. 350, C—D.

но и своихъ слушателей убѣждаешь дѣлать тоже съ моими сочиненіями и поступаешь дурно...[22]). Если хочешь меня оспаривать, то оспаривай, противопоставивъ мнѣ свое разсужденіе, или же, если хочешь, посредствомъ вопросовъ, то и посредствомъ вопросовъ, такъ какъ этого не только не слѣдуетъ избѣгать, а напротивъ больше всего искать умному человѣку. Дѣлай однако же такъ, чтобы не быть несправедливымъ. А несправедливость въ подобныхъ случаяхъ бываетъ тогда, когда не различаютъ между бесѣдой ради состязанія и діалектикой: въ первой можно шутить и сбивать сколько силъ хватитъ, а въ діалектикѣ нужно быть серьезнымъ и поправлять собесѣдника, указывая ему на тѣ промахи, которыми онъ былъ побитъ самъ собою и въ прежнихъ бесѣдахъ. Если ты будешь поступать такимъ образомъ, то твои собесѣдники будутъ обвинять въ затрудненіяхъ и недоумѣніяхъ самихъ себя, а не тебя, и за тобой будутъ бѣгать и любить тебя, а самихъ себя возненавидятъ и убѣгутъ отъ себя къ философіи, чтобы стать другими и отрѣшиться отъ того, чѣмъ были прежде. Если же ты будешь поступать противно этому, подобно большинству, то и съ тобой случится противное и вмѣсто философовъ ты сдѣлаешь ихъ ненавистниками этого дѣла, когда они станутъ постарше. И такъ, если меня послушаешься, то, какъ раньше было сказано, безъ вражды и безъ задора, но съ благосклоннымъ расположеніемъ снизойдешь къ намъ и станешь какъ должно изслѣдовать“ [23]).

„Твои слушатели, Сократъ (говоритъ расположенный къ нему Адимантъ[24]), внимая тому, что̀ ты теперь говоришь, испытываютъ каждый разъ слѣдующее. Имъ думается, что по неопытности въ вопросахъ и отвѣтахъ они при каждомъ вопросѣ сбиваются съ пути, а затѣмъ, когда къ концу бесѣды накопятся такія небольшія отклоненія, то оказывается большая ошибка и противорѣчіе прежнему, и что подобно тому, какъ искусные игроки въ шашки припираютъ неопытныхъ въ концѣ такъ, что тѣ не находятъ куда ступить, точно также и они ставятся въ тупикъ и не находятъ что̀ сказать въ этой другой игрѣ—не шашками, а словами, хотя истина и на ихъ сторонѣ“.

---

[22]) Theaet, 165, C.
[23]) Ibid. 167, D—168, E.
[24]) De Rep. 487, B—C.

„Не знаю, Сократъ, (подтверждаетъ только что приведенную характеристику Евѳифронъ [25]) какъ мнѣ сказать тебѣ то, что́ думаю (о святости). Вѣчно у насъ какъ то ходитъ вокругъ все то, что́ мы ни положимъ, и не желаетъ оставаться такъ, какъ мы утверждаемъ.—Должно быть, Евѳифронъ, твои рѣчи происходятъ отъ моего предка, Дэдала. И еслибы я говорилъ и дѣлалъ предположенія, то ты могъ бы, пожалуй, надо мной пошутить, что у меня по сродству съ нимъ словесная работа бѣгаетъ и не желаетъ оставаться тамъ, гдѣ ее положатъ. Теперь же дѣло идетъ о твоихъ предположеніяхъ и потому нужна другая шутка. Не хотятъ они у тебя оставаться, какъ и самъ ты замѣчаешь.—Кажется, Сократъ, наши слова требуютъ именно такой шутки, но не я въ нихъ вложилъ способность кружиться и не стоять на одномъ мѣстѣ, а ты представляешься мнѣ Дэдаломъ, такъ какъ у меня остались бы они въ покоѣ.—Выходитъ, значитъ, другъ мой, что я настолько искуснѣе своего предка, что онъ только свои произведенія дѣлалъ движущимися, а я, кромѣ своихъ, и чужія“.

„Мнѣ кажется (говоритъ Сократъ въ другомъ мѣстѣ [26]), что конецъ нашей бесѣды подобно человѣку обвиняетъ насъ и смѣется надъ нами и, если бы получилъ способность говорить, то сказалъ бы: „Чудные вы, Сократъ и Протагоръ! Ты, Сократъ, сначала утверждалъ, что добродѣтель не изучима, а теперь ратуешь противъ себя, пытаясь доказать, что все вообще есть знаніе, и справедливость, и скромность, и храбрость, и что такимъ образомъ добродѣтель должна быть больше всего изучима; а Протагоръ, предполагавшій раньше, что добродѣтель изучима, теперь, повидимому, старается о противоположномъ, о томъ, чтобы она скорѣе оказалась всѣмъ другимъ, только не наукой“. „Теперь, Лисій и Менексенъ, стали смѣшными и вы, да и я, старикъ, съ вами. Уходя отъ насъ, слушатели наши скажутъ, что хотя мы и считали себя друзьями—я и себя къ вамъ причисляю—однако не были въ состояніи найти, что́ такое другъ“ [27]).

---

[25]) Euthyphr. 11, B—D. 15, B, ср. Также Euthyd. 291, B. 292, E. Hipp. Min. 372, D. 376, C. Ion. 541, E.

[26]) Protag. 361, A—C.

[27]) Lysis 223, B.

Въ какомъ свѣтѣ слѣдуетъ разсматривать всѣ эти и имъ подобныя порою еще болѣе рѣзкія характеристики [28]), долженъ выяснить предлагаемый во всемъ настоящемъ трудѣ анализъ. Достовѣрнымъ можно считать во всякомъ случаѣ, что влагая въ уста Сократу такія заявленія и заставляя его выслушивать такія правоученія, Платонъ не могъ не усилить непріязни къ памяти своего учителя. въ особенности если обратимъ вниманіе на то, что онъ не былъ скупъ на изображенія печальныхъ плодовъ той самой діалектики, которою занимался всю жизнь Сократъ. „Сопровождающіе меня досужіе молодые люди (говоритъ Сократъ [29]), дѣти богатѣйшихъ родителей, невольно радуются, слушая какъ я испытываю людей, часто мнѣ въ этомъ подражаютъ и принимаются испытывать сами“... „Вкусивъ въ первый разъ того, какъ въ бесѣдѣ становится все поперемѣнно то единымъ, то многимъ, юноша словно обрѣтаетъ какое сокровище мудрости, приходитъ отъ удовольствія въ восторгъ и охотно крушитъ всякое утвержденіе, то поворачивая его въ одну сторону и смѣшивая во едино, то опять развивая и раздѣляя, и такимъ образомъ вводитъ въ недоумѣніе прежде и больше всего самого себя, а потомъ и ближняго, кто бы онъ ни былъ—юноша, старецъ или сверстникъ—не щадя ни отца. ни матери и никого изъ слушателей, даже почти и другихъ животныхъ, не только людей“ [30]). „Или ты не знаешь (какъ бы обвиняетъ самого себя Сократъ въ „Государствѣ“ [31]), какое зло теперь происходитъ отъ діалектики? Тѣ. которые разрушаютъ ею общепризнанныя воззрѣнія, но не приходятъ къ истинѣ, подобны подкинутымъ дѣтямъ,

---

[28]) Phileb. 19, E—20, A. Sympos. 215, E. Meno, 80, A. сл. 94, E. Theaet. 151, A сл. 169, B, сл. Выше стр. 51, сл. 195. C. De Rep. 336, C: τίς, ἔφη (Θρασύμαχος), ὑμᾶς πάλαι φλυαρία ἔχει, ὦ Σώκρατες; καὶ τί εὐηθίζεσθε πρὸς ἀλλήλους ὑποκατακλινόμενοι ὑμῖν αὐτοῖς; 338, D: βδελυρὸς γὰρ εἶ, ἔφη, ὦ Σώκρατες, καὶ ταύτῃ ὑπολαμβάνεις, ἢ ἂν κακουργήσαις μάλιστα τὸν λόγον. 340, D: συνοφάντης γὰρ εἶ, ἔφη, ὦ Σώκρατες, ἐν τοῖς λόγοις. 343, A· εἰπέ μοι, ἔφη, ὦ Σώκρατες, τίτθη σοι ἔστι; Τί δέ, ἦν δ'ἐγώ, οὐκ ἀπορρίνεσθαι χρῆν μᾶλλον, ἢ τοιαῦτα ἐρωτᾶν; Ὅτι τοί σε, ἔφη, νοσοῦντα περιορᾷ καὶ οὐκ ἀπομύττει δεόμενον; Gorg. 467, B· σχέτλια λέγεις καὶ ὑπερφυῆ, ὦ Σώκρατες (говоритъ Полъ). Apol. 20, C, сл. 21, C, сл. 23, B, сл. 24, C, сл. 28, E, сл. 30, E, сл. и проч. Мѣткую сочувственную характеристику метода Сократа даетъ въ „Лахесѣ“ Никій 187, E—188, A, а дѣйствія этого метода—Алкивіадъ въ „Пирѣ“ 215, E.

[29]) Apol. 23, C 33, C.

[30]) Phileb. 15, D, сл. „Si Socrate ne conseillait pas aux enfants de battre leur père à coups de bâton, il leur apprenait du moins à les battre dans la discussion. Plus d'un de ses disciples dut se montrer arrogant dans sa famille“. Fouillée, Philos. de Socrate, II, 361. 382.

[31]) De Rep. 537, D—539, C. Привожу въ сокращеніи.

получающимъ воспитаніе отъ мнимыхъ родителей среди льстецовъ и богатства. Пока такія дѣти остаются въ невѣдѣніи о своемъ происхожденіи, они мнимыхъ родителей и родственниковъ слушаются и почитаютъ больше, чѣмъ льстецовъ, но когда имъ становится извѣстно, что эти родители и родственники не истинные, они склонятъ слухъ къ льстецамъ, а тѣхъ, кого прежде считали за родителей и родственниковъ, ставятъ ни во что, если только отъ природы не высоко нравственны. У насъ есть вѣрованія о справедливомъ и прекрасномъ, воспитывавшія насъ съ дѣтства словно родители въ послушаніи къ себѣ и почтеніи. Но есть и противоположныя имъ пріятныя занятія, льстящія нашей душѣ и привлекающія къ себѣ... Что же, если къ покорному отеческимъ вѣрованіямъ подойдетъ вопросъ и спроситъ, что такое прекрасное, а когда тотъ будетъ отвѣчать слышанное отъ законодателя, разсужденіе его обличитъ и частымъ и многимъ обличеніемъ повергнетъ въ мнѣніе, что прекрасное не больше прекрасно, чѣмъ дурное, и точно то же будетъ съ справедливымъ, хорошимъ и тѣмъ, что онъ особенно почиталъ и чего слушался, то что по твоему станется съ этимъ его почтеніемъ и повиновеніемъ? Если онъ и этихъ вѣрованій не будетъ больше считать почтенными и своими и не найдетъ истины, то не правдоподобно ли, что онъ скорѣе станетъ на сторону льстивой жизни, чѣмъ на сторону другой, и вмѣсто покорнаго законамъ будетъ ихъ ослушникомъ?.. Не въ томъ ли должна состоять и крайняя осторожность, чтобы молодые люди не вкушали діалектики? Я думаю и ты замѣчалъ, что дѣтишки, отвѣдовавъ впервые разсужденій, обращаютъ ихъ въ забаву, чтобы противорѣчить, и подражая тѣмъ, которые обличаютъ, сами начинаютъ обличать другихъ, и радуются подобно щенятамъ, что словами тянутъ и рвутъ всякаго, кто подойдетъ къ нимъ близко... Послѣ же того, какъ они обличатъ многихъ и сами будутъ обличены многими, они сильно и скоро приходятъ въ такое состояніе, что не признаютъ ничего изъ того, что признавали прежде, а чрезъ это и сами становятся презрѣнными въ глазахъ прочихъ людей и навлекаютъ позоръ на все, касающееся философіи".

Если несомнѣнно, что всѣми выше приведенными замѣчаніями Платонъ не разсчитывалъ возвеличить Сократа, то не менѣе достовѣрно и то, что онъ ими не желалъ унизить и Сократовыхъ собесѣдниковъ. Рекомендація Сократа о себѣ не лучше той, какую

дают о немъ разговаривающія съ нимъ лица. Изъ современниковъ Платона лишь немногіе (говоря словами Фулье [32]) могли „различать между разсужденіемъ серьезнымъ и эристикой, между добродѣтелью мнѣнія и добродѣтелью разума; между благополучіемъ и истиннымъ счастьемъ; между политикой законовъ писанныхъ и неписанныхъ“. Даже въ наше время, не смотря на критическую постановку вопроса, неоднократно отожествляли Сократа съ софистами [33]); тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы должны предполагать такое смѣшеніе у современниковъ Платона. Объ Исократѣ, напримѣръ, намъ извѣстно, что онъ разсужденія Платонова Сократа считаетъ пустой ни къ чему ненужной болтовней [34]). Для насъ, отдѣленныхъ отъ Сократа поэтической далью двадцати трехъ вѣковъ [35]), гордыя заявленія, которыми онъ оправдываетъ свою дѣятельность въ „Апологіи“ и „Горгіи“, [36]) кажутся возвышенными; въ глазахъ большинства современниковъ Платона они были тѣмъ же надменнымъ вызовомъ, какъ и въ глазахъ судей Сократа [37]). Извѣстіе о позднемъ раскаяніи Аѳинянъ [38]) неправдоподобно. Одно появленіе „Воспоминаній“ Ксенофонта служитъ его опроверженіемъ [39]). Противопоставленіе Сократомъ діалектиковъ демократическимъ политикамъ, какъ правителей истинныхъ правителямъ ложнымъ, еще долго послѣ его смерти истолковывалось какъ призывъ къ беззаконію и тиранніи [40]). Слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ спустя риторъ Эсхинъ счелъ умѣстнымъ напомнить

---

32) Fouillée, Philos. de Sokrate, II, 347, 351, 374 sq 380. 407.

33) Forchhammer, Die Athener und Sokrates, die gesetzlichen und der Revolutionär, Berl. 1837. Вмѣстѣ съ Катономъ (Plut. Cato, 23) этотъ изслѣдователь (въ motto къ своей книгѣ) Σωκράτη φησὶ λάλον καὶ βίαιον γενόμενον ἐπιχειρεῖν, ᾧ τρόπῳ δυνατὸν ἦν, τυραννεῖν τῆς πατρίδος, καταλύοντα τὰ ἤθη καὶ πρὸς ἐναντίας τοῖς νόμοις δόξας ἕλκοντα καὶ μεθιστάντα τοὺς πολίτας. Grote, History of Greece V, 260. VIII, 155. Plato, I, 534—536. II, 428—431. III, 479 и проч.

34) Isocrat. Helen. Laud. 208, A. Очевидный намекъ на Платонова „Протагора“.

35) Объ идеализирующемъ свойствѣ далекаго прошедшаго и будущаго см. гл. VII.

36) Apol. 30, E, сл. 36, B, сл. и проч. Gorg. 521, D—E.

37) Grote, History of Greece, VIII, 286 f.

38) Strabo, XIV, 37. Plut. de Invid. c. 6, 650 Did. Diog. L. II, 43. VI, 9. Themist. XX, 239, C.

39) Forchhammer, Die Athener und Sokrates, 66 f Kochly, Sokrates etc., 383. Grote, History of Greece, VIII, 302. Zeller, Ph. d. Gr. II a[4] 200. Fouillée, Philos. de Socrate, II, 433, sq.

40) Memor. I, 2, 9. Обстоятельно разсматриваетъ этотъ вопросъ Fouillée, Philos. de Socr. II, 387, sq.

Аѳинянамъ, что они убили софиста Сократа за то, что онъ воспиталъ Критія [41]).

Даже современный читатель, если не предубѣжденъ въ пользу Сократа какъ мученика за истину, и противъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ споритъ, какъ его враговъ, нерѣдко (напримѣръ, въ „Лисисѣ“, „Гиппіи Меньшемъ“ и „Большемъ“, „Протагорѣ“, отдѣльныхъ частяхъ „Горгія“ и „Государства“) вынужденъ принять сторону не Сократа, а его собесѣдниковъ.

„При первомъ чтеніи Платоновыхъ діалоговъ (ставитъ на видъ Джоуеттъ [42]) мы готовы вообразить, что истину говоритъ только Сократъ, который самъ никогда не повиненъ въ заблужденіи и всегда бываетъ великимъ разоблачителемъ ошибокъ и заблужденій другихъ. Но это естественное предубѣжденіе разрушается открытіемъ, что софисты иногда правы, а Сократъ не правъ. Подобно герою повѣсти, онъ не всегда служитъ выразителемъ чувствъ автора. Найдется не много современныхъ читателей, которые не станутъ скорѣе на сторону Протагора, чемъ на сторону Сократа, въ діалогѣ „Протагоръ“. Подобныя же затрудненія представляетъ „Кратилъ“... Никто не превосходитъ непобѣдимаго Сократа аргументами..., но онъ вовсе не предполагается въ обладаніи полной истиной... Въ „Ѳеэтетѣ“ отвѣты Протагора по большей части правильны и здравы; его замѣчанія о чисто словесной критикѣ и о важности понимать мнѣніе оппонента проникнуты истинно философскимъ духомъ. И различіе, которое онъ проводитъ между эристикой и діалектикой, есть на дѣлѣ критика Платона на самого себя и свою критику Протагора“. „Пусть вообразятъ (замѣчаетъ въ свою очередь Фулье [43]) дѣйствіе, произведенное на аудиторію разговорами въ родѣ тѣхъ, какіе изложены въ „Гиппіи Меньшемъ“ и „Протагорѣ“. Не одинъ честный Аѳинянинъ долженъ былъ усумниться въ Сократической морали. Не одинъ отецъ... могъ заключить, что Сократъ развращалъ молодыхъ людей... Если бы Сократъ (какимъ мы его знаемъ преимущественно изъ Платоновыхъ діалоговъ) жилъ среди

---

41) Aesch. c. Timarch. 173. Σωκράτην τὸν σοφιστὴν ἀπεκτείνατε, ὅτι Κριτίαν ἐφάνη πεπαιδευκὼς ἕνα τῶν τριάκοντα τῶν τὸν δῆμον καταλυσάντων.

42) Jowett, The Dialogues, III, 327—328. Подобныя же замѣчанія у Grote, Plato, II, 75 f.

43) Fouillée, Philos. de Socrate, II, 377.

насъ, если бы Французскій университетъ имѣлъ честь считать его въ числѣ своихъ профессоровъ философіи, онъ нажилъ бы себѣ безъ сомнѣнія много враговъ: его бы не казнили, но лишили бы каѳедры и закрыли бы его курсы. Самый лучшій изъ министровъ народнаго просвѣщенія сталъ бы дѣйствовать какъ Анитъ и Мелитъ, mutatis mutandis, и не смотря на это былъ бы спокоенъ совѣстью“ [44]).

Точно также и на „софистику“ Сократа указываютъ не одни только софисты у Платона, но съ различныхъ точекъ зрѣнія почти всѣ новые критики — Астъ, Зохеръ, Штальбаумъ, Штейнгартъ, Шааршмидтъ, Гротъ, Джоуеттъ, Фулье [45]). Для Аста, Зохера и Шааршмидта она служитъ доводомъ противъ подлинности діалоговъ; Штальбаумъ видитъ въ ней каррикатуру; Штейнгартъ — частью несовершенство метода, частью расчитанный методическій пріемъ; къ такому же мнѣнію склоняется и Джоуеттъ; Фулье усматриваетъ софистику въ самомъ міровоззрѣніи Сократа (въ отрицаніи свободы воли и въ отожествленіи добродѣтели съ знаніемъ); Гротъ объясняетъ ее слабой разработкой логики въ то время. Взглядъ Аста, Зохера и Шааршмидта несостоятеленъ потому, что паралогизмы встрѣчаются въ безспорно подлинныхъ діалогахъ, напримѣръ въ „Протагорѣ“ и „Горгіи“ [46]). Построенная на лжи расчитанность противорѣчитъ общему духу Платоновой методологіи; точно также противорѣчитъ ему и каррикатурность. Отожествлять софистику съ несоотвѣтствіемъ общепризнаннымъ воззрѣніямъ значитъ переносить вопросъ на некритическую почву. Единственно правильнымъ слѣдуетъ признать мнѣніе Грота. Но онъ не проводитъ никакой разницы между паралогизмами у Платона и паралогизмами у софистовъ [47]) и въ этомъ ошибается: для софистовъ паралогизмы были доводомъ противъ существованія истины, у Платона они вызваны ея исканіемъ и этому исканію способствуютъ. Въ доказательство этой разницы достаточно сослаться на Платонову методологію [48]),

---

[44]) Ibid. 380.

[45]) Ast, Platon's Leben, 424. 431. 464 Socher, Ueber Platon's Schriften, 137 f. Stallb. Proleg ad Lys. 88 и др. Steinhart, Plat. W., Einleit, I, 101. 222. 224. 227. 277. 291 и проч. Schaarschmidt, Die Sammlung d. Platonischen Schriften, 373 f. 387 (выше, стр. 87, пр. 18) и пр. Grote, Plato, I², 513, 515 f. 535 f. 549 и др. Fouillée, Ph. d. Socr. II, 375, sq.

[46]) Grote, Plato, II, 50 f. 130 f.

[47]) Ibid. II, 532 f. III, 478 f.

[48]) Выше, стр. 50, сл.

на сочиненіе Горгія „О несуществующемъ“ [49]) и на пріемы Евѳидема и Діонисодора въ Платоновомъ „Евѳидемѣ“ [50]). На вопросъ, сознавалъ ли Платонъ ложность своихъ діалектическихъ построеній, мы должны (съ точки зрѣнія его методологіи) отвѣчать отрицательно [51]). Но парадоксальность своихъ выводовъ онъ, какъ мы уже видѣли, сознавалъ такъ же отчетливо, какъ и то, что эти парадоксы должны казаться большинству нелѣпой болтовней [52]). А въ „Политикѣ„ онъ рѣзко ставитъ на видъ и враждебное отношеніе толпы своего времени къ той болтовнѣ, представителемъ которой онъ дѣлаетъ Сократа. „Подобало бы (съ ироніей говоритъ онъ [53]), установить вотъ какой законъ: Кто, изслѣдуя искусство кормчаго и корабельщика или истину о здоровьѣ или врачеваніи примѣнительно къ вѣтрамъ, жару и холоду, пойдетъ въ разрѣзъ съ писанными правилами и станетъ въ этомъ отношеніи умничать, того во первыхъ называть не врачемъ или кормчимъ, а верхоглядомъ, болтуномъ и софистомъ; затѣмъ на него, какъ на человѣка, который развращаетъ другихъ—младшихъ—побуждая ихъ заниматься искусствомъ кормчаго и врача не по обычаю, но управлять кораблями и больными самовластно, пусть всякій, кто имѣетъ право, дѣлаетъ доносъ и зоветъ его къ суду; и если окажется, что онъ убѣждаетъ юношей или стариковъ поступать вопреки обычаямъ и писаннымъ правиламъ, то подвергнуть его крайнему наказанію. Ничто не должно быть мудрѣе обычаевъ; да и невозможно, чтобы кто нибудь не зналъ врачебнаго дѣла и того, что относится къ здоровью, точно такъ же какъ искусства кормчаго и корабельщика, такъ какъ писанные законы и отечественные обычаи можетъ изучать всякій желающій. Разумѣется, тогда всѣ искусства погибли бы и жизнь, *тяжелая и теперь*, стала бы вовсе невыносимой“.

---

[49]) (Aristot.) De Xenophan. etc. 5, 979 a, 13: οὐκ εἶναί φησιν οὐδέν. εἰ δ'ἔστιν, ἄγνωστον εἶναι· εἰ δὲ καί γνωστόν, ἀλλ'οὐ δηλωτὸν ἄλλοις... 980 a, 10: εἰ δ'οὕτως οὐδεν ἂν εἶναι ψευδος и пр. Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 984 f

[50]) Euthyd. 283, E: τί δὲ... ἔφη ὁ Εὐθύδημος ἦ δοκεῖ σοι οἷόντ' εἶναι ψευδεσθαι и проч. Не ссылаюсь на изложенную въ „Θеэтетѣ“ теорію, такъ какъ ея принадлежность Протагору требуетъ спеціальныхъ доказательствъ. См. гл. VIII.

[51]) Выше, стр. 63, сл.

[52]) Выше. стр. 85, сл. Также Parmen. 136, D. De Rep. 488, E: μετεωροσκόπον τε καί ἀδολέσχην καί ἄχρηστόν σφισι καλεῖσθαι.

[53]) Polit. 299, B—D.

И нравственная характеристика Сократа у Платона, не смотря на все ея величіе въ цѣломъ, нѣкоторыми чертами не могла послужить Сократу на пользу въ глазахъ Платоновыхъ современниковъ. Въ особенности злые толки должна была возбудить непристойная рѣчь Алкивіада въ „Пирѣ“ [54]), въ которой Платонъ въ яркомъ свѣтѣ ставитъ на видъ то, что̀ усиленно старался сгладить Ксенофонтъ—близкія отношенія Алкивіада къ Сократу [55]). Точно также и изображенія дружелюбныхъ философскихъ бесѣдъ съ ненавистными Аѳинянамъ Критіемъ и Хармидомъ не могли быть расчитаны на то, чтобы увеличить сочувствіе къ памяти Сократа [56]). Не забудемъ, что отъ чуткаго вниманія древнихъ читателей не ускользали самыя ничтожныя подробности объ общеизвѣстныхъ лицахъ. Не даромъ же впослѣдствіи изъ сопоставленія пустыхъ мелочей въ свидѣтельствахъ Ксенофонта и Платона о Сократѣ вывели цѣлую исторію о враждѣ между этими писателями [57]). Не даромъ разсказывали и нелѣпый сонъ, видѣнный будто бы Сократомъ, что Платонъ „превратился въ ворону, сѣлъ къ нему на лысину и всю ее исцарапалъ, каркая и ворочая глазами“, и будто самъ Сократъ истолковалъ этотъ сонъ въ томъ смыслѣ, что Платонъ много налжетъ на его голову [58]).

Но если Платонъ очевидно не имѣлъ намѣренія представить въ Сократѣ достойный, съ точки зрѣнія своихъ современниковъ, во всѣхъ отношеніяхъ образецъ, то почему онъ выводитъ его главнымъ

---

[54]) Sympos. 216, C, сл.

[55]) Memor. I, 2, 12, сл.

[56]) Grote, History of Greece, VIII, 273 f. Fouillée, Philos. d. Socrate, II, 392. Критій и Хармидъ выведены вмѣстѣ въ „Хармидѣ“, Критій сверхъ того въ „Тимэѣ“ и „Критіи“. И Ксенофонтъ въ „Пирѣ“ въ числѣ собесѣдниковъ Сократа выводитъ Хармида, но „Пиръ“ написанъ не съ апологической цѣлью и по своему значенію художественно-философскаго произведенія можетъ быть сопоставленъ съ діалогами Платона.

[57]) Всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія и ихъ оцѣнка у Bockh, Commentatio academica de simultate quae Platoni cum Xenophonte exercuisse fertur, Berol. 1811, также въ Litterarische Fehden Тейхмюллера (II, 43. 46. 78. 82. 89 f 283. 365 и др.), который стоитъ на прямо-противоположной Бэку точкѣ зрѣнія.

[58]) Athen. XI, 116. „Перспективное“ объясненіе этого сна у Тейхмюллера, Litter Fehd. II, 87 f., въ отдѣлѣ „Platon zerkratzt als Krähe dem Sokrates das Haupt“. Тейхмюллеръ ставитъ на видъ, что Платонъ при случаѣ не щадилъ Сократа, „denn was anderes kann das Bild bedeuten, als dass Platon an seinem Meister Kritik geübt, sich über ihn erhoben und dies auch öffentlich ausgesprochen habe?“ p. 84. Едва-ли нужно доказывать, что къ такому толкованію ничто не уполномочиваетъ. Проще и естественнѣе объяснить возникновеніе нелѣпаго разсказа впечатлѣніемъ, которое выносили поверхностные читатели изъ діалоговъ Платона.

дѣйствующимъ лицомъ въ своихъ діалогахъ? Причину этого слѣдуетъ искать въ томъ же, почему дѣлали тоже и другіе друзья Сократа—Ксенофонтъ, Антисѳенъ, Аристиппъ и проч. [59]), а именно, что 1) Сократъ былъ самымъ выдающимся философскимъ дѣятелемъ того времени, что 2) подобно своимъ товарищамъ Платонъ главными основаніями своего міровоззрѣнія обязанъ Сократу и что 3) въ дѣйствительныхъ бесѣдахъ Сократъ (какъ свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ) по большей части говорилъ самъ, а собесѣдники его слушали [60]), такъ какъ никто не могъ сравниться съ нимъ силою діалектики [61]).

Творчески воспроизводя или цѣликомъ создавая бесѣды Сократа, Платонъ изображалъ его такимъ, какимъ себѣ представлялъ, и не только не ставилъ задачей оттѣнять тѣ качества, которыя ему казались цѣнными, или оставлять незамѣтными тѣ, которыя должны были казаться его современникамъ недостойными, но даже не обходилъ молчаніемъ тѣ, которымъ не могъ сочувствовать. Невозможно думать, что бы онъ могъ раздѣлять ученіе объ удовольствіяхъ въ томъ его видѣ, какъ оно изложено въ „Протагорѣ“ [62]). Хотя Платонъ и признавалъ удовольствіе необходимымъ условіемъ счастливой жизни [63]), онъ, за исключеніемъ „Протагора“, нигдѣ не отожествляетъ его съ благомъ, а въ „Горгіи“ даже ратуетъ противъ такого отожествленія всѣми силами [64]); считать же „Протагора“ раннимъ произведеніемъ препятствуетъ обиліе мысли и зрѣлая обдуманность цѣлаго [65]). Точно также ошибки, на которыя указываетъ Сократу Протагоръ [66]), если и могли быть извинены Платономъ, не могли быть имъ одобрены [67]). О злоупотребленіяхъ сходствомъ, въ которыхъ Протагоръ обвиняетъ Сократа,

---

[59]) Всѣ относящіяся сюда свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4], 232, f. 241, 4 и пр.

[60]) Memor. I, 1, 10: ἔλεγε μὲν ὡς τὸ πολύ, τοῖς δὲ βουλομένοις ἐξῆν ἀκούειν.

[61]) Ibid. I, 2, 14: τοῖς δὲ διαλεγομένοις αὐτῷ πᾶσι χρώμενον ἐν τοῖς λόγοις ὅπως βουλοιτο. IV, 6, 15: πολὺ μάλιστα ὧν ἐγὼ οἶδα, ὅτε λέγοι, τοὺς ἀκούοντας ὁμολογοῦντας παρεῖχε.

[62]) Protag. 351, B, слѣд.

[63]) De Rep. 576, C—588, A. Leges, 732, E—734, E. Phileb. 62, сл.

[64]) Gorg. 494, E, сл. Также De Rep. 509, A: οὐ γάρ δή που σύ γε ἡδονὴν αὐτὸ (τὸ ἀγαθὸν) λέγεις; Εὐφήμει, ἦν δ' ἐγώ.

[65]) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 605 f. Въ остальномъ нельзя согласиться съ Целлеромъ. При истолкованіи разсматриваемаго здѣсь ученія онъ упускаетъ изъ виду отожествленіе Сократомъ удовольствій съ благомъ, а въ этомъ все дѣло. Вѣрную оцѣнку композиціи „Протагора“ даетъ Гротъ въ своемъ анализѣ этого діалога, Plato, II, 70 f.

[66]) Protag. 331, D—E. 350, C—D. Выше, стр. 87.

[67]) Выше, стр. 63, слѣд.

Странникъ въ „Софистѣ“ говоритъ почти тоже, что́ Протагоръ. Онъ называетъ сходство „самымъ скользкимъ“ родомъ, въ которомъ необходима особая осторожность [68]), а неразборчивое пользованіе имъ—пріемомъ діалектики недостойнымъ и младенческимъ [69]). Но что́, съ точки зрѣнія Платоновой методологіи всего хуже—Сократъ въ „Горгіи“ раздражается [70]) и вмѣсто отвлеченныхъ доводовъ старается убѣдить непристойностями. За послѣднее онъ и получаетъ справедливый выговоръ отъ Калликла [71]).

Однако уступка реальности въ однихъ случаяхъ не исключаетъ ни идеализаціи въ другихъ, ни идеализаціи въ общемъ. Нашимъ высокимъ мнѣніемъ о Сократѣ мы обязаны преимущественно Платону. Великолѣпное сравненіе съ Силеномъ очарователемъ и еще болѣе великолѣпный образъ умирающаго философа запечатлѣнъ у насъ исключительно Платоновыми „Пиромъ“, „Апологіей“, „Фэдономъ“, „Критономъ“, „Горгіемъ“. Можно поэтому предположить, что Платонъ писалъ для потомства или же что онъ возвеличилъ Сократа безсознательно, по внушенію вдохновленнаго любовью своего личнаго возвышеннаго генія. Если бы и можно было доказать первое предположеніе, то оно уравновѣшивается апологическимъ характеромъ Ксенофонтовыхъ „Воспоминаній“; второе въ общемъ несомнѣнно справедливо, но не менѣе справедливо и то, что Ксенофонтъ по противоположной причинѣ долженъ былъ представлять Сократа не въ совершенно истинномъ свѣтѣ. Замѣчанія, которыми онъ поясняетъ методъ и значеніе Сократовыхъ разговоровъ, оставляютъ столь же мало сомнѣнія въ его апологической старательности, сколько въ узости его философскаго кругозора, придающей этой старательности свойственную неглубокому уму окраску. По Ксенофонту, діалектическій методъ Сократа

---

[68]) Soph. 231, A: τὸν δ'ἀσφαλῆ δεῖ πάντων μάλιστα περὶ τὰς ὁμοιότητας ἀεὶ ποιεῖσθαι τὴν φυλακήν· ὀλισθηρότατον γὰρ τὸ γένος.

[69]) Ibid. 259, C—D: εἰθ'ὥς τι χαλεπὸν κατανενοηκὼς χαίρει τοτὲ μὲν ἐπὶ θάτερα τοτὲ δ' ἐπὶ θάτερα τοὺς λόγους ἕλκων, οὐκ ἄξια πολλῆς σπουδῆς ἐσπούδακεν, ὡς οἱ νῦν λόγοι φασί. τοῦτο μὲν γὰρ οὔτε τι κομψὸν οὔτε χαλεπὸν εὑρεῖν, ἐκεῖνο δ'ἤδη καὶ χαλεπὸν ἅμα καὶ καλόν... ὃ καὶ πρόσθεν εἴρηται, τὸ ταῦτ' ἐάσαντα ὡς δυνατὰ τοῖς λεγομένοις οἴόντ' εἶναι καθ'ἕκαστον ἐλέγχοντα ἐπακολουθεῖν, ὅταν τέ τις ἕτερον ὂν πῃ ταυτὸν εἶναι φῇ καὶ ὅταν ταυτὸν ὂν ἕτερον, ἐκείνῃ καὶ κατ' ἐκεῖνο, ὅ φησι τούτων πεπονθέναι πότερον. τὸ δὲ ταυτὸν ἕτερον ἀποφαίνειν ἁμηχέπῃ καὶ τὸ θάτερον ταυτὸν καὶ τὸ μέγα σμικρόν, καὶ τὸ ὅμοιον ἀνόμοιον, καὶ χαίρειν οὕτω τἀναντία ἀεὶ προφέροντα ἐν τοῖς λόγοις, οὔτε τις ἔλεγχος οὗτος ἀληθινὸς ἄρτι τε των ὄντων τινὸς ἐφαπτομένου δῆλος νεογενὴς ὤν.

[70]) Gorg. 466, A, слѣд.

[71]) Ibid. 494, E, сл.

исчерпывается тѣмъ, чтобы раздѣлять вещи по родамъ [72]), давать опредѣленія [73]) и въ спорѣ сводить разсужденіе къ основному предположенію [74]). Объ испытующемъ обличеніи, самой душѣ этого метода, которое фактически засвидѣтельствовано самимъ Ксенофонтомъ въ краснорѣчивѣйшихъ образцахъ [75]), онъ упоминаетъ вскользь и то для того лишь, чтобы поставить на видъ, что Сократъ его примѣнялъ для наказанія самомнящихъ [76]). Исключительная цѣль всѣхъ вообще бесѣдъ Сократа по Ксенофонту въ томъ, чтобы сдѣлать людей благочестивыми, скромными, практичными, другъ другу нравственно полезными [77]). Но какъ съ немудрствующимъ благочестіемъ Сократа примирить сравненіе неразумныхъ родителей съ сумашедшими, которыхъ законъ дозволяетъ связывать [78]), и похоронъ родственниковъ съ обрѣзываніемъ ногтей, волосъ и мозолей [79])? съ его благоговѣніемъ передъ закономъ и обычаемъ порицаніе установленныхъ въ Аѳинахъ выборовъ по жребію [80]), заявленіе, что начальники и цари не тѣ, у кого жезлы, и не тѣ, которые избраны кѣмъ попало, а умѣющіе управлять [81]), его совѣты свободнымъ людямъ заниматься промысломъ, который принято было возлагать на рабовъ [82])? съ его исключительной заботливостью о добродѣтели разговоръ съ Ѳеодотой [83]), которой онъ даетъ такіе совѣты, до какихъ, по ѣдкому замѣчанію Аѳинэя, не додумались сами пуб-

---

[72]) Memor. IV, 5, 11—12: ἀλλὰ τοῖς ἐγκρατέσι μόνοις ἔξεστι σκοπεῖν τὰ κράτιστα τῶν πραγμάτων, καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ διαλέγοντας κατὰ γένη τὰ μὲν ἀγαθὰ προαιρεῖσθαι, τῶν δὲ κακῶν ἀπέχεσθαι. καὶ οὕτως ἔφη ἀρίστους τε καὶ εὐδαιμονεστάτους ἄνδρας γίγνεσθαι καὶ διαλέγεσθαι δυνατωτάτους. ἔφη δὲ καὶ τὸ διαλέγεσθαι ὀνομασθῆναι ἐκ τοῦ συνιόντας κοινῇ βουλεύεσθαι διαλέγοντας κατὰ γένη τὰ πράγματα. δεῖν οὖν πειρᾶσθαι ὅτι μάλιστα πρὸς τοῦτο ἑαυτὸν ἕτοιμον παρασκευάζειν καὶ τούτου μάλιστα ἐπιμελεῖσθαι· ἐκ τούτου γὰρ γίγνεσθαι ἄνδρας ἀρίστους τε καὶ ἡγεμονικωτάτους καὶ διαλεκτικωτάτους. Если-бы не было діалоговъ Платона, кто бы въ этихъ словахъ Ксенофонта могъ угадать безсмертное значеніе Сократовой діалектики?

[73]) Ibid. I, 1, 16. VI, 5, 1, сл.

[74]) Ibid. IV, 6. 13.

[75]) Ibid. I, 2, 32 сл. (разговоръ съ Харикломъ), III, 5 (разговоръ съ Главкономъ), IV, 2 (бесѣда съ Евѳидемомъ).

[76]) Ibid. I, 4, 1. κολαστηρίου ἕνεκα τοὺς πάντ' οἰομένους εἰδέναι ἐρωτῶν ἐλεγχεν

[77]) Ibid. I, 3, 1, 8. 4, 1, 16. 5, 1. 6, 14. 7, 1, 5. II, 1, 1. 4, 1. 7, 1 III, 10, 1. IV, 1, 1. 3, 1, 18. 4, 25. 5, 1.

[78]) Ibid. I, 2, 94. Коршъ, „Евтидемъ", стр. 37, сл

[79]) Ibid. I, 2, 53—54.

[80]) Ibid. I, 2, 9.

[81]) Ibid. III, 10, 11.

[82]) Ibid. II, 7.

[83]) Ibid. III, 11.

личныя женщины? [84]) съ его узкою практичностью разсужденіе о міровомъ Разумѣ [85]) и божественной природѣ души [86])? Всѣ эти черты, при всемъ тускломъ освѣщеніи, въ которое ставитъ ихъ Ксенофонтъ, свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что Сократъ былъ болѣе чѣмъ образецъ ходячей добродѣтели [87]). И можно ли повѣрить, что такой проницательный и преданный знанію мыслитель, „все время занимающійся изслѣдованіемъ того, что̀ такое каждая вещь“ [88]), какимъ Сократъ заявляетъ себя въ однихъ разговорахъ у Ксенофонта, могъ проводить тѣ узкіе и односторонніе до нелѣпости взгляды, съ которыми мы знакомимся изъ другихъ—будто геометрію слѣдуетъ изучать лишь на столько, чтобы умѣть въ случаѣ надобности правильно измѣрить землю, когда приходится принять или передать другому или раздѣлить участокъ земли, и намѣтить работу, астрономію на столько, чтобы быть въ состояніи при путешествіи, мореходствѣ и сторожбѣ различать времена ночи, мѣсяца и года, счисленіе точно также ради пользы, а не изъ безцѣльнаго усердія, и что легче всего научиться геометріи у землемѣровъ, астрономіи у охотниковъ да кормчихъ [89]),—въ особенности если онъ, какъ заявляетъ самъ Ксенофонтъ, не былъ не свѣдущъ въ этихъ наукахъ и даже ихъ разсматривалъ и разслѣдовалъ со своими слушателями [90]). Правдоподобно

---

[84]) Athen. V, 63: Σωκράτης.... Θεοδότην διδάσκων τὴν ἑταίραν, ὡς δεῖ τοὺς ἐραστὰς παλεύειν.... τοιαῦτα... ποιεῖ... παραγγέλματα τῇ Θεοδότῃ.. ἃ οὔτε Νικὼ ἡ Σαμία, ἡ Καλλιστράτη ἡ Λεσβία, ἡ Φιλαινὶς ἡ Λευκαδία и пр. „Mag nun immerhin ein solcher Schritt fur den Griechen nicht das anstössige gehabt haben, wie fur uns, so ist doch von moralischer Absicht auch nicht das geringste daran zu bemerken....; wie vielmehr der Philosoph c. 10 die Handwerker veranlasst, sich über die Aufgaben ihres Gewerbes und die Gründe ihres Verfahrens zu besinnen, so macht er es hier mit der Hetäre, die seiner Anweisungen ohne Zweifel so wenig bedurfte, als jene“. Zeller, Philos. d. Griech. II a[4], 103, 1.

[85]) Memor. I, 4, 17—18. IV, 3, 12, сл.

[86]) Ibid. IV, 3, 14.

[87]) „Nous sommes loin de ce Socrate qui mêne une vie tranquille, sans s'inquiéter des spéculations philosophiques; sous le paisible citoyen que Xénophon nous avait d'abord représenté, apparaît ici le raisonneur infatigable, le chercheur curieux, le dialecticien“ etc. Fouillée, La Philos. d. Socrate, I, 110.

[88]) Memor. IV, 6, 1: Σωκράτης γὰρ τοὺς μὲν εἰδότας τί ἕκαστον εἴη τῶν ὄντων ἐνόμιζε καὶ τοῖς ἄλλοις ἂν ἐξηγεῖσθαι δυνασθαί· τοὺς δὲ μὴ εἰδότας οὐδὲν ἔφη θαυμαστὸν εἶναι αὐτούς τε σφάλλεσθαι καὶ ἄλλους σφάλλειν· ὧν ἕνεκα σκοπῶν σὺν τοῖς συνοῦσι τί ἕκαστον εἴη τῶν ὄντων οὐδέποτ' ἔληγε.

[89]) Ibid. IV, 7, 2—6, 8. См. ниже, стр. 109, пр. 137.

[90]) Ibid. IV, 7, 3: οὐκ ἄπειρος (въ трудныхъ геометрическихъ построеніяхъ). Ibid. 6: οὐκ ἀνήνοος (въ астрономическихъ ученіяхъ). Ibid. 8· μέχρι δὲ τοῦ ὠφελίμου πάντα (то есть, какъ ясно изъ текста, между прочимъ и счисленіе, геометрію и астрономію) καὶ αὐτὸς συνεσκόπει καὶ συνδιεξῄει τοῖς συνοῦσι.

ли точно также, что Сократъ, начитанный (по свидѣтельству самого Ксенофонта) въ твореніяхъ греческихъ мудрецовъ [91]), хорошо знакомый со всякими космогоніями [92]) и умѣвшій разсуждать о Разумѣ во вселенной и божественной природѣ души [93]), могъ доказывать безсмысленную гордыню „механики“ [94]) Анаксагора такими поверхностными доводами, какіе приводитъ Ксенофонтъ противъ отожествленія солнца съ огнемъ,—что „на огонь люди легко смотрятъ, на солнце же не могутъ смотрѣть; что, палимые солнцемъ, они получаютъ болѣе темный цвѣтъ, отъ огня же этого не бываетъ; что безъ солнечныхъ лучей ни одно изъ произведеній земли не можетъ хорошо расти, напротивъ, отъ нагрѣванія огнемъ всѣ они погибаютъ“ и проч. [95]). Во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ безспорно есть правда, только далеко не все правда. Несообразности можно найти у всякаго философа, но такія, которыя уничтожаютъ самый характеръ міровоззрѣнія, свойственны лишь поверхностному уму, какимъ Сократъ, по своему историческому положенію, не могъ быть.

Въ оправданіе Ксенофонта Целлеръ указываетъ на различныя противорѣчія въ философіи Канта [96]). Но ни одно изъ нихъ не колеблетъ самаго устоя Кантова міровоззрѣнія—противоположности между вещью въ себѣ и явленіемъ. У Ксенофонта одинъ и тотъ же Сократъ все время проводитъ въ изслѣдованіи того, что̀ такое каждая вещь, и отрицаетъ необходимость знанія всѣхъ вещей, ставитъ мѣрою всего хорошаго знаніе и подчиняетъ знаніе мелкой пользѣ, проявляетъ въ основныхъ вопросахъ необыкновенную проницательность и чрезмѣрное легкомысліе. Впрочемъ, и Целлеръ признаетъ передачу Ксенофонтомъ Сократова ученія поверхностной. „Мы должны (говоритъ онъ [97]) быть несомнѣнно увѣрены, что̀ осязательное обоснованіе нравственныхъ предписаній внѣшнимъ успѣхомъ было

---

91) Ibid. I, 6, 14.

92) Ibid I, 1, 11—14. IV, 7, 6.

93) Выше, стр. 100.

94) Ibid. IV, 7, 6: ὅλως δὲ τῶν οὐρανίων, ἢ ἕκαστα ὁ θεὸς μηχανᾶται, φροντιστὴν γίγνεσθαι ἀπέτρεπεν.... κινδυνεῦσαι δ'ἂν ἔφη καὶ παραφρονῆσαι τὸν ταῦτα μεριμνῶντα οὐδὲν ἧττον ἢ Ἀναξαγόρας παρεφρόνησεν ὁ μέγιστον φρονήσας ἐπὶ τῷ τὰς τῶν θεῶν μηχανὰς ἐξηγεῖσθαι. I, 1, 11: τίσιν ἀνάγκαις ἕκαστα γίγνεται τῶν οὐρανίων Ibid. 15. Fouillée, Philos d. Socrate II, 121.

95) Ibid. IV, 7, 7—8.

96) Zeller, Phil. d. Gr. II a[4], 1-9 f.

97) Ibid 157.

для него яснѣе и понятнѣе, чѣмъ идущее въ глубь и полагающее существенное въ дѣйствіи на внутренее состояніе человѣка; мы поэтому отъ него едва ли можетъ ожидать чего либо другого кромѣ того, что онъ болѣе понятнымъ для него объясненіямъ долженъ отдавать предпочтеніе на счетъ другихъ и эти послѣднія оставлять позади первыхъ въ большей степени, чѣмъ какъ это соотвѣтствовало дѣйствительному отношенію обоихъ; и мы на этомъ основаніи должны тѣмъ выраженіямъ, которыя указываютъ на болѣе внутреннее пониманіе, придавать двойную цѣну". Эти замѣчанія очевидно еще болѣе справедливы о передачѣ теоретической части Сократова ученія. На свое нерасположеніе къ философскимъ тонкостямъ указываетъ и самъ Ксенофонтъ. „Я (говоритъ онъ) человѣкъ простой и не говорю умудренными словами, да этого и не желаю." Всякія вообще занятія, не приносящія непосредственной пользы, по его собственнымъ словамъ, пустая трата времени [98]).

Наконецъ, если сравнить средства, которыми располагали Ксенофонтъ и Платонъ для передачи истиннаго ученія Сократа, то и здѣсь не окажется преимущества на сторонѣ Ксенофонта. Ксенофонтъ за два года до смерти Сократа покинулъ Аѳины для военныхъ предпріятій и не прекращалъ ихъ цѣлыя восемь лѣтъ [99]); Платонъ былъ съ Сократомъ въ теченіи восьми лѣтъ до самой его смерти [100]) и послѣ нея ничѣмъ не отвлекался отъ литературной дѣятельности. Нѣкоторые разговоры (напр. особенно разработанныя и длинныя бесѣды съ Аристиппомъ, Главкономъ и Евѳидемомъ) Ксенофонтъ точно

---

[98]) Xenoph. De Venat. 13, 2—4.

[99]) Zeller, Phil. d. Gr. II a[4], 96, 2. Критическую оцѣнку біографическихъ свѣдѣній о Ксенофонтѣ даютъ Krüger, De Xenophontis vita quaestiones, Halle, 1822 и Roquette, De Xenophontis vita, Reg. 1884. Общій очеркъ жизни, характера и дѣятельности Ксенофонта у Croiset, Xenophon, son caractère et son talent, Paris, 1873. Относительно времени появленія Ксенофонтовыхъ „Воспоминаній" въ общемъ всѣ новѣйшіе изслѣдователи согласны между собой. По Рокетту „Воспоминанія" написаны между 384 и 380 (p. 71 f.). По Кристу (Geschichte der griechischen Litteratur, Nördl. 1889, 272) между 394 и 384. По Бергку (Griechische Literaturgeschichte, IV, Berl. 1887, 302) не раньше 394. Основными данными при рѣшеніи этого вопроса служатъ годъ появленія написанной софистомъ Поликратомъ κατηγορία Σωκράτους (не раньше 393), которому, какъ теперь обыкновенно думаютъ (впервые Cobet, Novae lectiones, Lugd. Bat. 1858; затѣмъ Schenkl, Xenophontische Studien, Sitzungsberichte d. Wiener Akad. hist. phil. Klasse, B. LXXX, 1875; Hartmann, Analecta Xenophontea, Lugd. Bat. 1887; Hirzel, Polykrates Anklage und Lysias Vertheidigung d. Sokrates, Rhein. Mus. XLII, 1887 2, 239 f. и проч.), Ксенофонтъ отвѣчаетъ въ „Воспоминаніяхъ" какъ обвинителю (κατήγορος) Сократа, и годъ водворенія Ксенофонта въ Скиллосѣ (послѣ 394).

[100]) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 397, 4.

такъ же, какъ быть можетъ Платонъ, воспроизвелъ вѣроятно по составленнымъ раньше запискамъ [101]), но большую часть, какъ онъ самъ заявляетъ, на память [102]). Въ этой части личный характеръ Ксенофонта долженъ былъ сказаться едва ли меньше, чѣмъ въ раннихъ діалогахъ Платона. И хотя нельзя согласиться съ современной нѣмецкой критикой, заставляющей Ксенофонта навязывать Сократу воззрѣнія Антисѳена, такъ какъ это навязываніе не можетъ быть доказано [103]), достовѣрно во всякомъ случаѣ то, что разговоры Сократа у Ксенофонта носятъ порою не ихъ дѣйствительную окраску, а ту, которая была по сердцу Ксенофонту.

Впрочемъ, если исключить изъ свидѣтельствъ Ксенофонта и Платона то, что̀ съ увѣренностью можно считать за личное достояніе каждаго изъ этихъ свидѣтелей,—изъ Ксенофонта апологическій

---

101) На обычай учениковъ Сократа освѣдомляться о томъ, что̀ было имъ сказано въ ихъ отсутствіе, указываетъ Платонъ Symp. 172, C. 173, B, на обычай записывать Theaet. 142, D—143, A: ἀτὰρ τίνες ἦσαν οἱ λόγοι; ἔχοις ἂν διηγήσασθαι; — Οὐ μὰ τὸν Δία, οὔκουν οὕτω γ' ἀπὸ στόματος ἀλλ' ἐγραφάμην μὲν τότ' εὐθὺς οἴκαδ' ἐλθὼν ὑπομνήματα, ὕστερον δὲ κατὰ σχολὴν ἀναμιμνησκόμενος ἔγραφον, καὶ ὁσάκις Ἀθήναζ' ἀφικοίμην ἐπανηρώτων τὸν Σωκράτην ὃ μὴ ἐμεμνήμην, καὶ δεῦρ' ἐλθὼν ἐπηνορθούμην. ὥστε μοι σχεδόν τι πᾶς ὁ λόγος γέγραπται. Diog. Laert. II, 122: Σίμων Ἀθηναῖος, σκυτοτόμος.... ἐρχομένου Σωκράτους ἐπὶ τὸ ἐργαστήριον καὶ διαλεγομένου τινά, ὧν ἐμνημόνευεν ὑποσημειώσεις ἐποιεῖτο· ὅθεν σκυτικοὺς αὐτοὺ τοὺς διαλόγους καλοῦσιν. Доводъ Целлера (Phil. d. Gr. II a[4] 96, 3), что „именно тѣ рѣчи, которыя въ „Ѳеэтетѣ“ удостовѣрены мнимой тщательной записью, не могутъ считаться историческими“, не опровергаетъ существованія разсматриваемаго обычая, такъ какъ невозможно доказать, чтобы Платонъ даже въ драматической обстановкѣ вносилъ черты совершенно вымышленныя. Въ существованіи Симона Целлеръ сомнѣвается, однако безъ вѣскихъ основаній (ibid. 243). Относительно передачи Ксенофонтомъ бесѣдъ съ Евеидемомъ, Главкономъ и Аристиппомъ возможно одно изъ трехъ: Ксенофонтъ либо написалъ ихъ по памяти (на основаніи личнаго наблюденія или со словъ другихъ лицъ), либо творчески воспроизвелъ, либо составилъ по запискамъ Въ первомъ случаѣ необходимо предположить выходящую изъ ряда память; второе затруднительно допустить потому, что разговоры съ Евеидемомъ и Главкономъ свидѣтельствуютъ о такой діалектической изворотливости, какую мы не въ правѣ признать въ Ксенофонтѣ, судя по общему тону его „Воспоминаній“ и по его творческимъ воспроизведеніямъ бесѣдъ Сократа въ „Пирѣ“ и „Экономикѣ“. Остается поэтому наиболѣе вѣроятнымъ третье предположеніе. Мнѣніе Дэринга (Arch. f. Gesch. d. Philos. IV, 1, 55 f.), что Евеидемъ не кто иной какъ самъ Ксенофонтъ, не заслуживаетъ критики по своей совершенной произвольности.

102) Memor. I, 3, 1: γράψω ὁπόσα ἂν διαμνημονεύσω.

103) Dümmler, Academica, 96 f. Также Natorp, Arch. f. Gesch. d. Philosophie III, 3, 348 f. Для всякой здравой критики должно быть совершенно ясно, что если между ученіемъ Сократа въ „Воспоминаніяхъ“ Ксенофонта и ученіемъ Антисѳена существуютъ совпаденія, то причину ихъ слѣдуетъ искать въ Сократѣ, а не въ Антисѳенѣ. Послѣднее было-бы допустимо тогда лишь, если бы можно было доказать, что Сократъ не могъ проводить тѣхъ воззрѣній, которыхъ представителемъ былъ Антисѳенъ. Но для такого доказательства нѣтъ никакихъ данныхъ. Подобныя же критическія замѣчанія по этому вопросу дѣлаетъ Целлеръ въ Arch. f. Gesch. d. Philos. IV, 1, 127 f.

подборъ фактовъ и ихъ узкое, поверхностное освѣщеніе, изъ Платона—его метафизическія теоріи, то разница между Сократомъ того и другого не такъ безусловна, какъ можетъ представиться съ перваго взгляда. Изъ двадцати семи извѣстныхъ подъ именемъ Платона діалоговъ, въ которыхъ Сократъ выступаетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ двадцати—въ „Евѳифронѣ", „Апологіи", „Критонѣ", „Ѳеагѣ", „Соперникахъ", „Евѳидемѣ", „Протагорѣ", „Горгіи", „Хармидѣ", „Лахесѣ", „Лисисѣ", „Гиппархѣ", „Іонѣ", „Менонѣ", обоихъ „Гиппіяхъ" и „Алкивіадахъ", „Миносѣ", „Клитофонтѣ", первыхъ двухъ книгахъ „Государства"—онъ въ общемъ тотъ же, что̀ у Ксенофонта. И у Платона онъ (говоря не совсѣмъ точными, но краснорѣчивыми словами Цицерона [104]) „отзываетъ философію отъ вещей небесныхъ и приводитъ къ повседневной жизни, разслѣдуетъ всего больше о добродѣтеляхъ и порокахъ и вообще о хорошихъ и дурныхъ вещахъ, ничего не утверждаетъ самъ, опровергаетъ другихъ, говоритъ, что ничего не знаетъ, кромѣ только этого... и вся его рѣчь сводится къ похвалѣ добродѣтели и къ увѣщанію всѣхъ людей преуспѣвать въ ней". Въ „Государствѣ", начиная съ половины второй книги, „Фэдонѣ", „Ѳеэтетѣ", „Кратилѣ", „Пирѣ", „Фэдрѣ", „Филебѣ", Сократъ разностороннѣе и поэтичнѣе, чѣмъ у Ксенофонта; но и въ этихъ діалогахъ онъ стоитъ безспорно на той же почвѣ, что̀ и въ Ксенофонтовыхъ „Воспоминаніяхъ". Исповѣдь Сократа въ „Фэдонѣ" о томъ, какъ онъ въ молодости жаждалъ найти истину въ физической философіи, какъ ознакомился съ Анаксагоромъ, но разочаровался его механизмомъ, какъ обратился къ діалектикѣ и пришелъ къ предположенію о существованіи родовъ [105]), настолько согласна съ тѣмъ, что̀ мы узнаемъ отъ Ксенофонта о занятіяхъ Сократа твореніями греческихъ мудрецовъ [106]), объ его познаніяхъ въ физической философіи, астрономіи и геометріи [107]), объ его неудовлетворенности ученіями физиковъ [108]), объ его занятіяхъ чисто „человѣческими дѣла-

---

[104]) Cic. Acad. Post. I, 4, 15—17.

[105]) Phaedo, 96, A, сл. См. отд. 7.

[106]) Выше, стр. 101.

[107]) Выше, стр. 100, пр. 90; 109, пр. 137.

[108]) Mem. I, 1, 11—15. Grote, History of Greece VIII, 221 f. Fouillée, Philos. d. Socrat. I, 3 sq.

ми“ [109]) и примыкавшей къ этимъ занятіямъ телеологіи [110]) и діалектикѣ съ ея опредѣленіями и разборомъ вещей по родамъ [111]), что не признать въ ней разсказа объ истинной исторіи умственнаго развитія Сократа едва ли можетъ быть какое нибудь основаніе. Равнымъ образомъ должны мы признать и то, что̀ Сократъ говоритъ въ „Θеэтетѣ“ о своемъ повивальномъ искусствѣ [112]), за выраженіе истиннаго философскаго убѣжденія Сократа. Въ основаніи этого искусства лежитъ взглядъ, что душа черпаетъ знаніе изъ себя самой [113]). Безъ такого предположенія испытующее обличеніе людей, которому Сократъ отдалъ всю свою жизнь, не могло бы имѣть никакого философскаго смысла. Вдобавокъ, отъ Ксенофонта мы слышимъ о коренномъ требованіи Сократа—искать въ самопознаніи средствъ къ рѣшенію основныхъ вопросовъ жизни и разумѣнія [114]). Ученіе о знаніи какъ воспоминаніи, на которомъ въ „Фэдонѣ“ и „Менонѣ“ построено доказательство возможности знанія и безсмертія души [115]), есть лишь обоснованіе этого кореннаго требованія [116]) и оправдывается засвидѣтельствованной Ксенофонтомъ вѣрой Сократа въ божественную природу человѣческой души [117]). Судя по той совершенно исключительной рѣшительности и обстоятельности, съ какой Платонъ приписываетъ Сократу это ученіе, мы, какъ впослѣдствіи убѣдимся [118]), можемъ безъ колебанія предполагать, что такое обоснованіе дано уже Сократомъ. Въ „Фэдонѣ“ Кебесъ заявляетъ, что Сократъ говорилъ о знаніи какъ воспоминаніи очень часто, и на просьбу Симмія напомнить доказательства, приводитъ тотъ доводъ, что когда людей спрашиваютъ какъ слѣдуетъ, они сами доходятъ до истины, а къ этому они не были бы способны, если-бы въ нихъ

---

109) Ibid. 15—16.

110) Исчерпывающій анализъ со всѣми доказательствами даютъ Grote, History of Greece, VIII, 244. Fouillée, Philos. d. Socrate I, 141, sq. II, 95, sq. 171, sq. 189, sq. Ziegler, Geschichte der Ethik, I, 1882, 56 f. 275 f. Sorel, Le Procès de Socrate, Paris, 1889, 317, sq.

111) Выше, стр. 99, пр. 72.

112) Theaet. 149, A, сл.

113) Ibid. 150, D. Выше, стр. 50, пр. 45.

114) Memor. IV, 2, 24—31.

115) Выше, стр. 52, пр. 57.

116) Fouillée, La philos. de Socrate II, 468, sq. Chiappelli, Della interpetratione panteistica di Platone, Firenze, 1881, 69 sg.

117) Выше, стр. 100.

118) См. весь анализъ на стр. 111 сл.

не существовало знаніе и здравое разсужденіе, и что всего яснѣе такая способность видна бываетъ тогда, когда ихъ спрашиваютъ изъ геометріи по чертежамъ [119]). Въ этихъ послѣднихъ словахъ очевидный намекъ на приведенный въ „Менонѣ“ разсказъ о томъ, какъ Сократъ испытующими вопросами довелъ слугу Менона до рѣшенія геометрической задачи [120]). Тѣсная связь этого ученія съ вѣрой въ предсуществованіе и безсмертіе души, защитникомъ которой Сократъ выступаетъ въ „Менонѣ“, „Фэдонѣ“ и „Фэдрѣ“, быть можетъ точно также была намѣчена историческимъ Сократомъ. Первоисточникомъ этой вѣры служили на греческой почвѣ Орфическія мистеріи [121]); и едва ли возможно сомнѣваться, что такой любознательный и начитанный человѣкъ, какъ Сократъ, былъ хорошо знакомъ съ этой вѣрой.

Тѣмъ же повивальнымъ искусствомъ была намѣчена и діалектика единаго и многаго, страстнымъ любителемъ которой Платонъ изображаетъ Сократа въ „Фэдрѣ“ и „Филебѣ“ [122]). „Изъ описанія того пути перекрестныхъ вопросовъ, которымъ шелъ Сократъ, (ставитъ на видъ эту связь въ проницательномъ анализѣ Георгъ Гротъ [123]) мы видимъ, какъ крѣпокъ былъ узелъ между діалектическимъ методомъ и логическимъ распредѣленіемъ вещей по родамъ и видамъ.

---

119) Phaedo, 72, E—73, B: καί μήν, ἔφη ὁ Κέβης ὑπολαβών, καί κατ' ἐκεῖνόν γε τὸν λόγον, ὦ Σώκρατες, εἰ ἀληθής ἐστιν, ὃν σὺ εἴωθας θαμὰ λέγειν, ὅτι ἡμῖν ἡ μάθησις οὐκ ἄλλο τι ἢ ἀνάμνησις τυγχάνει οὖσα, καί κατὰ τοῦτον ἀνάγκη που ἡμᾶς ἐν προτέρῳ τινί χρόνῳ μεμαθηκέναι ἃ νῦν ἀναμιμνησκόμεθα.... Ἀλλ', ὦ Κέβης, ἔφη ὁ Σιμμίας ὑπολαβών, ποῖαι τουτων αἱ ἀποδείξεις;.... Ἑνὶ μὲν λόγῳ, ἔφη ὁ Κέβης, καλλίστῳ, ὅτι ἐρωτώμενοι ὀνθρωποι, ἐάν τις καλως ἐρωτᾷ, αὐτοὶ λέγουσι πάνθ' ᾗ ἔχει· καίτοι εἰ μὴ ἐτύγχανεν αυτοῖς ἐπιστήμη ἐνοῦσα καὶ ὀρθὸς λόγος, οὐκ ἂν οἷοί τ' ἦσαν τοῦτο ποιῆσαι. ἔπειτ' ἐάν τις ἐπὶ τὰ διαγράμματα ἄγῃ ἢ ὅλλο τι των τοιούτων, ἐνταῦθα σαφέστατα κατηγορεῖ, ὅτι τοῦθ' οὕτως ἔχει.

120) Meno, 82, B, сл. Выше, стр. 52, пр. 57.

121) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 493. Kern, Empedokles und Orphiker, Arch. f. Gesch. d. Philosophie I, 499. De Orphei Epimenidis Pherecydis theogoniis Quaestiones criticae, Berl. 1888, 51. Также Lubbert, Commentatio de Pindaro dogmatis de migratione animarum cultore. Index. Schol. hib. Bonn. 1887, 13 sq. Сильное воздѣйствіе Орфическихъ мистерій на всю вообще духовную жизнь древней Греціи ставитъ на видъ въ пространномъ изслѣдованіи Girard, Le Sentiment religieux en Grèce, 3-me ed. Paris, 1887, 171, sq. Съ Орфическимъ ученіемъ о душепереселеніи мы знакомимся изъ отрывковъ Орфической рапсодіи (222—226 Abel, Orphica, Prag. 1885). Мнѣніе объ египетскомъ происхожденіи ученія о душескитаніи, прежде общепринятое на основаніи свидѣтельства Геродота (II, 123), въ настоящее время нѣкоторыми изслѣдователями египетской старины отвергается. Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch der Religionsgeschichte, Freib. 1881, I, 293.

122) Phaedr. 266, B. Phileb. 16, B.

123) Grote, History of Greece, VIII, 236—237.

Возбуждаемое Сократомъ обсужденіе прежде всего вращается около значенія какого нибудь широкаго родоваго термина; вопросы, которыми онъ это значеніе выслѣживаетъ, приводятъ даваемые отвѣты въ столкновеніе съ различными единичными вещами, которыя этотъ терминъ не долженъ обнимать, но обнимаетъ, или же съ другими, которыя онъ долженъ обнимать, но не обнимаетъ. Такимъ образомъ скрытая и неопредѣленная группа ассоціацій, выросшая вокругъ общеизвѣстнаго термина, какъ бы проникается разлагающимъ ферментомъ, заставляющимъ ее разложиться на отдѣльныя части и побуждающимъ надлежащую функцію, которую терминъ долженъ выполнять, стать предметомъ раздѣльнаго сознанія. Несообразности, въ которыя слушатель впутывается своими различными отвѣтами, указываютъ ему на то, что онъ еще не достигъ чего либо въ родѣ яснаго и полнаго понятія объ общемъ аттрибутѣ, связывающемъ вмѣстѣ различные частные факты, обнимаемые какимъ либо терминомъ, который у собесѣдника всегда на устахъ, или быть можетъ даютъ ему способность открыть противоположный фактъ, не менѣе важный, что вовсе не существуетъ такого общаго аттрибута, и что обобщеніе только номинально и ложно. Въ томъ и другомъ случаѣ мыслямъ слушателя дается такое направленіе, которое ведетъ къ поправкѣ обобщенія и открываетъ просвѣтъ въ то, что̀ Платонъ называетъ „видѣть единое во многомъ или многое въ единомъ“. Не имѣя предшественника, которому онъ могъ бы подражать, Сократъ такимъ образомъ какъ бы инстинктивно напалъ на то, что̀ Платонъ и Аристотель [124]) описываютъ какъ двойной путь діалектическаго процесса—разбивать единое на многое и соединять многое въ единое. Первую задачу, самую важную и существенную, Сократъ выполнялъ прямо аналитической цѣпью вопросовъ; вторую онъ не часто бралъ выполнять прямо, но старался вооружить и возбудить умъ слушателя такъ, чтобы послѣдній могъ сдѣлать это самъ. Это единое и многое обозначаетъ логическое распредѣленіе разнообразной матеріи по родовымъ терминамъ, при ясномъ пониманіи аттрибутовъ, подразумѣваемыхъ подъ каждымъ терминомъ или имъ сообозначаемыхъ, такъ чтобы различать тѣ частные факты, къ которымъ онъ реально примѣняется“.

---

[124]) Гротъ вѣроятно по недосмотру называетъ одного лишь Аристотеля. Формула діалектики дана Платономъ въ „Фэдрѣ“ 265, D, сл.

А сокрушительной силой этой діалектики, заставлявшей въ поискахъ за общимъ всѣ утвержденія объ единичномъ ходить вокругъ и около [125]), самъ собою подсказывался проводимый Платономъ въ „Фэдонѣ“ и „Государствѣ“ взглядъ на единичныя вещи какъ недопускающія точнаго о себѣ знанія и на общее какъ на единственный предметъ такого знанія [126]). Но тогда какъ Сократу всѣ эти ученія—и о самобытныхъ родахъ, и о душѣ, какъ хранительницѣ знаній, и объ единичныхъ вещахъ какъ бывающихъ, но не сущихъ, предносились лишь какъ во снѣ [127]), Платонъ далъ имъ опредѣленное, хотя и колеблющееся выраженіе [128]).

Впрочемъ, выступаетъ ли Сократъ у Платона искателемъ истины на почвѣ метафизики или на почвѣ опыта, онъ всегда ведетъ рѣчь о томъ, что̀ стояло въ связи съ вопросами нравственными, какъ онъ ихъ понималъ. Знакомство со свойствами души при жизни и ея судьбами до воплощенія и по смерти („Фэдонъ“, „Фэдръ“, „Менонъ“, „Государство“), проникновеніе въ природу истиннаго знанія (тѣже діалоги и „Θеэтетъ“), разработка опредѣленнаго ученія о сравнительномъ достоинствѣ удовольствій („Филебъ“), уясненіе природы любви и дружбы („Фэдръ“, „Пиръ“), построеніе идеала государства („Государство“), рѣшеніе вопроса о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи словъ вещамъ („Кратилъ“), очевидно необходимы для того, кто вѣровалъ въ божественную природу души [129]), цѣль жизни полагалъ въ заботѣ о душѣ [130]) и добродѣтели [131]), а добродѣтель отожествлялъ съ знаніемъ [132]), кто условія счастливой жизни видѣлъ въ расчетливой оцѣнкѣ удовольствій и пользы [133]) во взаимо-

---

125) Напримѣръ, въ разговорѣ съ Евθидемомъ у Ксенофонта, IV, 2, 11—19: ἀλλ', ὦ Σώκρατες, οὐκέτι μὲν ἔγωγε πιστεύω οἷς ἀποκρίνομαι· καὶ γὰρ τὰ πρόσθεν πάντα νὺν ἄλλως ἔχειν δοκεῖ μοι ἢ ὡς ἐγὼ τότε ᾤμην. 20: δοκῶ δέ μοι καὶ ταῦτα οὐκ οἶδ' ὅπως λέγειν. 31—40. Приведенныя выше (стр. 89) слова Сократа въ разговорѣ съ Евθифрономъ примѣнимы такимъ образомъ и къ Ксенофонтову Сократу.

126) Phaedo, 74, B. 78, E, сл. De Rep. 479, A, сл. 524, C.

127) Cratyl. 439, C: σκέψαι γάρ, ὦ θαυμάσιε Κρατυλε, ὃ ἔγωγε πολλάκις ὀνειρώττω. πότεραν φῶμέν τι εἶναι αὐτὸ καλὸν καὶ ἀγαθὸν καὶ ἓν ἕκαστον τῶν ὄντων ἢ μή;

128) Объ этомъ ниже.

129) Выше, стр. 100.

130) Memor. I, 2, 4.

131) Ibid. I, 6, 9. IV, 5, 6. 8, 9.

132) Ibid. III, 9, 5. Aristot. Eth. Nic. III, 11, 1116 b, 4. VI, 13, 1144 b, 17, 28 и проч.

133) Memor. I, 5, 6. 7. II, 1, 14. 3, 19. 4, 5. 6, 4. 10. III, 7, 9. 9, 12. IV, 4, 16 и проч.

общеніи государственной жизни и подъ охраной государственныхъ законовъ, [134]) кто выдавалъ себя за ревностнаго любовника всѣхъ молодыхъ людей [135]) и съ утра до вечера діалектически распредѣлялъ вещи по родамъ [136]).

Единственный вопросъ, гдѣ свидѣтельства Платона и Ксенофонта взаимно себя исключаютъ—отношеніе Сократа въ математикѣ [137]).

---

[134]) Ibid. II, 1, 12 (цѣнныя замѣчанія у Грота Plato III³, 530 f.). III, 7. 9 (о необходимости каждому участвовать въ общественной жизни). IV, 4, 12, 18. 6, 6 (νόμιμον=δίκαιον) и пр.

[135]) Ibid. IV, 1, 2. Symp. 4, 27, сл. 8, 2, 24.

[136]) Выше, стр. 99, пр. 72.

[137]) Ксенофонтъ:

Memor. IV, 7, 8: ἐνέλευε δὲ καὶ λογισμοὺς μανθάνειν· καὶ τούτων δὲ ὁμοίως τοῖς ἄλλοις ἐκέλευε φυλάττεσθαι τὴν μάταιον πραγματείαν· μέχρι δὲ τοῦ ὠφελίμου πάντα καὶ αὐτὸς συνεσκόπει καὶ συνδιεξῄει τοῖς συνοῦσι.

Ibid. 2—4· αὐτίκα γεωμετρίαν μέχρι μὲν τούτου ἔφη δεῖν μανθάνειν, ἕως ἱκανός τις γένοιτο, εἴ ποτε δεήσοις, γῆν μέτρῳ ὀρθῶς ἢ παραλαβεῖν ἢ παραδοῦναι ἢ διανεῖμαι ἢ ἔργον ἀποδείξασθαι. οὕτω δὲ τοῦτο ῥᾴδιον εἶναι μαθεῖν ὥστε τὸν προσέχοντα τὸν νοῦν τῇ μετρήσει ἅμα τήν τε γῆν ὁπόση ἐστὶν εἰδέναι καὶ ὡς μετρεῖται ἐπιστάμενον ἀπιέναι. τὸ δὲ μέχρι τῶν δυσσυνέτων διαγραμμάτων γεωμετρίαν μανθάνειν ἀπεδοκίμαζεν. ὅ τι μὲν γὰρ ὠφελοίη ταῦτα οὐκ ἔφη ὁρᾶν· καίτοι οὐκ ἄπειρός γε αὐτῶν ἦν. ἔφη δὲ ταῦτα ἱκανὰ εἶναι ἀνθρώπου βίον κατατρίβειν καὶ ἄλλων πολλῶν τε καὶ ὠφελίμων μαθημάτων ἀποκωλύειν.

Платонъ.

De Rep. 525, B — D νομοθετῆσαι καὶ πείθειν τοὺς μέλλοντας ἐν τῇ πολει τῶν μεγίστων μεθέξειν ἐπὶ λογιστικὴν ἰέναι καὶ ἅπτεσθαι αὐτῆς μὴ ἰδιωτικως.... οὐκ ωνῆς οὐδὲ πράσεως χάριν ὡς ἐμπόρους ἢ καπήλους μελετωντας, ἀλλ' ἕνεκα πολέμου τε καὶ αὐτῆς τῆς ψυχῆς ῥᾳστώνης μεταστροφῆς ἀπὸ γενέσεως ἐπ' ἀληθειάν τε καὶ ουσίαν... Καί μήν, ἦν δ'ἐγώ, νῦν καὶ ἐννοω ῥηθέντος τοῦ περὶ τοὺς λογισμοὺς μαθήματος, ὡς γομφόν ἐστι νοί πολλαχῇ χρήσιμον ἡμῖν πρὸς ὃ βουλόμεθα, ἐὰν τον γνωρίζειν ἕνεκά τις αὐτὸ ἐπιτηδευῃ, ἀλλὰ μή του καπηλεύειν.

Ibid. 526, C—527, C ἢ γεωμετρίαν, ἔφη, λέγεις, Αὐτὸ τοῦτο, ἦν δ'ἐγώ. Ὅσον μέν, ἔφη, πρὸς τὰ πολεμικὰ αυτου τείνει, δῆλον ὅτι προσῆκει πρὸς γὰρ τὰς στρατοπεδεύσεις καὶ καταλήψεις χωρίων καὶ συναγωγὰς καὶ ἐκτάσεις στρατιᾶς.... διαφέροι ἂν αυτὸς αυτου γεωμετρικὸς καὶ μὴ ων. Но для всего этого достаточно имѣть лишь небольшія свѣдѣнія изъ геометріи и счисленія (λογισμων). Главное же значеніе геометріи въ томъ, что она (точно также какъ счисленіе) способствуетъ постиженію идеи блага Οὐ τοίνυν τοῦτό γε, ἦν δ'ἐγώ, ἀμφισβητήσουσιν ἡμῖν ὅσοι καὶ σμικρὰν γεωμετρίας ἔμπειροι, ὅτι αὕτη ἡ ἐπιστήμη πᾶν τουναντίον ἔχει τοῖς ἐν αυτῇ λόγοις λεγομένοις ὑπὸ τῶν μεταχειριζομένων. Πῶς; ἔφη. Λέγουσι μέν που μάλα γελοίως τε καὶ ἀναγκαίως· ὡς γὰρ πράττοντές τε καὶ πράξεως ἕνεκα πάντας τοὺς λόγους ποιούμενοι λέγουσι· τετραγωνίζειν τε καὶ παρατείνειν καὶ προστιθέναι καὶ πάντα οὕτω φθεγγόμενοι· τὸ δ'ἔστι που πᾶν τὸ μάθημα γνώσεως ἕνεκα ἐπιτηδευόμενον.... Ὡς σφόδρα γ'ἄρα, ἦν δ'ἐγώ, μάλιστα προστακτέον, ὅπως οἱ ἐν τῇ καλλιπόλει σοι μηδενὶ τρόπῳ γεωμετρίας ἀφέξονται. καὶ γὰρ τὰ πάρεργα αυτοῦ οὐ σμικρά. Ποῖα; ἦ δ'ὅς. Ἅ τε δὴ σὺ εἶπες, ἦν δ'ἐγώ, τὰ περὶ τὸν πόλεμον.

Проводимый Ксенофонтомъ взглядъ Платонъ называетъ пошлымъ, достойнымъ лишь тѣхъ, кто ничего не смыслитъ въ математикѣ и боится нареканій толпы за пустыя занятія; приложеніе математики къ практикѣ, въ которомъ Ксенофонтъ видитъ единственную цѣль изученія математическихъ наукъ, Платонъ объявляетъ дѣломъ побочнымъ и второстепеннымъ, и наоборотъ углубленіе въ отвлеченную математику, разсматриваемое Ксенофонтомъ какъ удовлетвореніе пустому любопытству и праздное времяпрепровожденіе, Платонъ считаетъ самымъ главнымъ и важнымъ.

Однако и въ разсужденіи о математикѣ Сократъ не покидаетъ нравственной почвы, такъ какъ придаетъ этой наукѣ цѣну лишь какъ средству къ изслѣдованію прекраснаго и благого [138]). Астрономія въ общепризнанномъ въ то время значеніи интересуетъ его у Платона не больше, чѣмъ у Ксенофонта. И у Платона онъ (какъ сейчасъ увидимъ) нисколько не заботится о томъ, „какимъ образомъ (говоря словами Ксенофонта) въ каждомъ изъ небесныхъ *явленій* умудряется богъ и по какой необходимости *происходитъ* все“ [139]), и даже тѣхъ, кто полагаетъ мудрость въ изученіи небесныхъ *явленій*, сравниваетъ съ зѣваками. Изученіе звѣзднаго неба ему необходимо для „высшихъ задачъ“.

Ibid. 4—5: ἐκέλευε δὲ καὶ ἀστρολογίας ἐμπείρους γίγνεσθαι, καὶ ταύτης μέντοι μέχρι τοῦ νυκτός τε ὥραν καὶ μηνὸς καὶ ἐνιαυτοῦ δυνασθαι γιγνώσκειν ἕνεκα πορείας τε καὶ πλοῦ καὶ φυλακῆς, καὶ ὅσα ἄλλα ἢ νυκτὸς ἢ ἐνιαυτοῦ πράττεται, πρὸς ταῦτ' ἔχειν τεκμηρίοις χρῆσθαι, τὰς ὥρας τῶν εἰρημένων διαγιγνώσκοντας. καὶ ταῦτα δὲ ῥᾴδια εἶναι μαθεῖν παρά τε νυκτοθηρῶν καὶ κυβερνητῶν καὶ ἄλλων πολλῶν οἷς ἐπιμελὲς ταῦτα εἰδέναι. τὸ δὲ μέχρι τούτου ἀστρονομίαν μανθάνειν, μέχρι τοῦ καὶ τὰ μὴ ἐν τῇ αὐτῇ περιφορᾷ ὄντα καὶ τοὺς πλάνητάς τε καὶ ἀστασιάστους ἀστέρας γνῶναι, καὶ τὰς ἀποστάσεις αὐτῶν ἀπὸ τῆς γῆς καὶ τὰς περιόδους καὶ τὰς αἰτίας αὐτῶν ζητοῦντας κατατρίβεσθαι, ἰσχυρῶς ἀπέτρεπεν. ὠφέλειαν μὲν γὰρ οὐδεμίαν οὐδ' ἐν τούτοις ἔφη ὁρᾶν· καίτοι οὐδὲ τούτων γε ἀνήκοος ἦν· ἔφη δὲ καὶ ταῦτα ἱκανὰ εἶναι κατατρίβειν ἀνθρώπου βίον καὶ πολλῶν καὶ ὠφελίμων ἀποκωλύειν.

Ibid. 527, D—528, B: τρίτον θῶμεν ἀστρονομίαν, ἢ οὐ δοκεῖ; Ἔμοιγ' οὖν, ἔφη· τὸ γὰρ περὶ ὥρας εὐαισθητοτέρως ἔχειν καὶ μηνῶν καὶ ἐνιαυτῶν οὐ μόνον γεωργίᾳ οὐδὲ ναυτιλίᾳ προσήκει, ἀλλὰ καὶ στρατηγίᾳ οὐχ ἧττον. Ἡδὺς εἶ, ἦν δ' ἐγώ, ὅτι ἔοικας δεδιότι τοὺς πολλούς, μὴ δοκῇς ἄχρηστα μαθήματα προστάττειν. τὸ δ' ἔστιν οὐ πάνυ φαῦλον, ἀλλὰ χαλεπὸν πιστεῦσαι, ὅτι ἐν τούτοις τοῖς μαθήμασιν ἑκάστου ὄργανόν τι ψυχῆς ἐκκαθαίρεταί τε καὶ ἀναζωπυρεῖται ἀπολλύμενον καὶ τυφλούμενον ὑπὸ τῶν ἄλλων ἐπιτηδευμάτων, χρεῖττον ὂν σωθῆναι μυρίων ὀμμάτων· μόνῳ γὰρ αὐτῷ ἀλήθεια ὁρᾶται.... Μετὰ ἐπίπεδον, ἦν δ' ἐγώ, ἐν περιφορᾷ ὂν ἤδη στερεὸν λαβ'ντες и проч.

[138]) De Rep. 526, D. 531, C: χρήσιμον μὲν οὖν.... πρὸς τὴν τοῦ καλοῦ τε καὶ ἀγαθοῦ ζήτησιν, ἄλλως δὲ μεταδιωκόμενον ἄχρηστον.

[139]) Memor. IV, 7, 6. I, 1, 11. 15. Выше, стр. 101, пр. 94.

Обративъ вниманіе на встрѣчающіеся въ „Государствѣ“ несомнѣнно Пиѳагорейскіе элементы, могъ бы пожалуй кто нибудь предположить, что разсужденіе Сократа о математикѣ—отзвукъ увлеченія Платона Пиѳагорействомъ. Но возможность такого толкованія устранена самимъ Платономъ.

Во первыхъ, Сократъ у Платона не только прямо заявляетъ, что никто не занимается математикой такъ, какъ онъ [140]), но и рѣзко противопоставляетъ свой взглядъ Пиѳагорейскому [141]). Своеобразность Сократа въ томъ, что 1) онъ усмотрѣлъ въ числѣ способность кроющимся въ немъ противорѣчіемъ пробуждать мыслительную самодѣятельность и привелъ такимъ образомъ математику въ связь съ діалектикой [142]) и что 2) онъ отличалъ умопостигаемыя числа, движенія и гармоніи отъ чувственныхъ [143]). Напротивъ, Пиѳагорейцы, хотя, какъ увидимъ, и смотрѣли на числа какъ состоящія изъ предѣльнаго и безпредѣльнаго и учили о сущностяхъ вещей, противорѣчіямъ гносеологическаго значенія не придавали и умопостигаемаго отъ чувственнаго не отличали. Ихъ ученіе объ единомъ и многомъ съ формальной стороны почти тожественно къ діалектикой Сократа, но съ гносеологической ничего общаго съ ней не имѣетъ [144]). Занятія Пиѳагорейцевъ астрономіей и музыкой, какъ имѣющія дѣло съ чувственнымъ бываніемъ, на взглядъ Платонова Сократа не только не возвышаютъ душу, но даже ее принижаютъ. „По мо-

---

140) De Rep. 523, E—524, A: κινδυνεύει των πρὸς τὴν νόησιν ἀγόντων (τὸ φαυλον τοῦτο, τὰ ἕν τε καὶ τὰ δυο καὶ τὰ τρία διαγιγνώσκειν· λέγω δὲ αυτὸ ἐν νεφαλαίῳ ἀριθμόν τε καὶ λογισμόν)... χρῆσθαι δ'οὐδεὶς αυτῷ ὀρθως, ἑλκτικῷ ὄντι παντάπασι πρὸς ουσίαν.

141) Ibid. 530, E· ἐκείνων (των Πυθαγορείων) πευσόμεθα, πῶς λέγουσι περὶ αὐτῶν καὶ εἴ τι ἄλλο πρὸς τούτοις· ἡμεῖς δὲ παρὰ πάντα ταῦτα φυλάξομεν τὸ ἡμέτερον.

142) Ibid. 524, D—525, A: εἰ μὲν γὰρ ἱκανῶς αὐτὸ καθ'αὑτὸ δρᾶται ἢ ἄλλη τινὶ αἰσθήσει λαμβάνεται τὸ ἕν, οὐκ ἂν ὁλκὸν εἶη ἐπὶ τὴν ουσίαν.... εἰ δ'ἅ τι αὐτῷ ἅμα δρᾶται ἐναντίωμα, ὥστε μηδὲν μᾶλλον ἕν, ἢ καὶ τοὐναντίον φαίνεσθαι, τοῦ ἐπικρινοῦντος δὴ δέοι ἂν ἤδη, καὶ ἀναγκάζοιτ' ἂν ἐν αὐτῷ ψυχὴ ἀπορεῖν καὶ ζητεῖν κινοῦσα ἐν ἑαυτῇ τὴν ἔννοιαν καὶ ἀνερωτᾶν, τί ποτ' ἐστὶν αυτὸ τὸ ἕν· καὶ οὕτω τῶν ἀγωγῶν ἂν εἴη καὶ μεταστρεπτικῶν ἐπὶ τὴν του ὄντος θέαν ἡ περὶ τὸ ἓν μάθησις· Ἀλλὰ μέντοι, ἔφη, τοῦτό γ'ἔγει οὐχ ἥκιστα ἡ περὶ αὐτὸ ὄψις· ἅμα γὰρ ταυτὸν ὡς ἕν τε ὁρῶμεν καὶ ὡς ἄπειρα τὸ πλῆθος. Ουκουν εἴπερ τὸ ἕν, ἦν δ'ἐγώ, καὶ ξύμπας ἀριθμὸς ταὐτὸν πέπονθε τοῦτο; Πῶς δ'οὔ, Ἀλλὰ μὴν λογιστική τε καὶ ἀριθμητικὴ περὶ ἀριθμὸν πᾶσα. Καὶ μάλα. Ταῦτα δέ γε φαίνεται ἀγωγὰ πρὸς ἀλήθειαν. Весь вообще отдѣлъ о математикѣ 523, A—531, D.

143) Ibid. 525, D, сл. (подъ δεινοὶ ἄνδρες подразумѣваются здѣсь по всему вѣроятію Мегарики. См. отд. 8). 529, D. 531, C.

144) См. ниже, отд. 2.

ему мнѣнію, (говоритъ онъ [145]), тѣ, которые занимаются теперь астрономіей, сводя ее къ философіи, сильно заставляютъ душу смотрѣть книзу. Созерцаніе звѣздъ столь же мало способно возвысить душу, какъ и созерцаніе украшеній на потолкѣ. Ученіемъ, заставляющимъ душу смотрѣть вверхъ, я не могу считать никакого другого, помимо того, которое имѣетъ дѣло съ бытіемъ и незримымъ; если же кто, зазѣвавшись ли вверхъ или уткнувшись книзу, станетъ изучать что̀ нибудь чувственное, то я никогда не скажу, что такой человѣкъ пріобрѣтаетъ знаніе, такъ какъ объ этихъ вещахъ наука невозможна, но что его душа смотритъ не вверхъ, а внизъ, хотя бы онъ изучалъ лежа навзничь на землѣ или плывя на спинѣ по морю. Все это разнообразіе на небѣ несомнѣнно слѣдуетъ считать образцомъ великой красоты и точности; но такъ какъ оно зримо, то гораздо ниже разнообразія истиннаго относительно тѣхъ движеній, которыя сущая скорость и сущая медленность въ истинномъ числѣ и всѣхъ истинныхъ фигурахъ несутъ одно къ другому вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ въ нихъ есть и что́ постигается разумомъ и мыслью, а не зрѣніемъ. Астрономію мы должны изучать для высшихъ задачъ, а то, что́ на небѣ, должны оставить, если хотимъ занятіемъ истинной астрономіей разумную по природѣ сторону души изъ безполезной сдѣлать полезной“ [146]). Въ занятіяхъ музыкой Пиѳагорейцы допускаютъ ту-же ошибку, что́ въ астрономіи: „они ищутъ чиселъ въ слышимыхъ созвучіяхъ, а къ высшимъ задачамъ не восходятъ, что бы наблюдать, какія числа созвучны, какія нѣтъ, и отчего бываетъ то и другое“. А между тѣмъ только при такихъ условіяхъ занятія астрономіей и музыкой могутъ имѣть цѣну, а въ остальныхъ случаяхъ они безполезны и безцѣльны [147]).

Въ основаніе этихъ разсужденій несомнѣнно положена точка зрѣнія историческаго Сократа. Ко всему, что̀ говоритъ чувствамъ, онъ старался быть глухимъ. Внѣшняя красота имѣла въ его глазахъ цѣну лишь поскольку могла принести пользу — непосредственно или побуждая мысль къ самодѣятельности [148]). Онъ усердно

---

[145]) De Rep. 529, A, сл. Даю возможно близкое къ подлиннику изложеніе.
[146]) Ibid. 530, B—C.
[147]) Ibid. 531, A, слѣд.
[148]) Кромѣ приведеннаго ниже, Zeller, Ph. d. Gr. II a [4], 71.

занимался музыкой и не менѣе усердно плясалъ, но не для удовольствія, а ради пользы [149]). При взглядѣ на нагую красавицу Ѳеодоту его занимаетъ діалектическій вопросъ: „Кто кому скорѣе долженъ быть признателенъ, мы ли Ѳеодотѣ за то, что она показала намъ свою красоту, или она намъ за то, что мы на нее смотрѣли? Если для нея полезнѣе показывать себя, то не она ли намъ должна быть благодарна? А если намъ полезнѣе созерцать ее, то не мы ли должны ей быть признательны?“ [150]) Этотъ любопытный разсказъ находитъ полное соотвѣтствіе въ слѣдующемъ не менѣе характерномъ разговорѣ между Сократомъ и Фэдромъ у Платона. „Ты, Сократъ, по моему удивительнѣйшій чудакъ. Послушать тебя, ты какъ будто въ этихъ мѣстахъ чужой, а не свой. Ты, кажется, не отлучаешься изъ города не только въ чужіе предѣлы, но даже не выходишь и за стѣны. — Извини меня, мой дорогой! Я человѣкъ любознательный, а поля и деревья не желаютъ меня ничему научить, но люди въ городѣ“ [151]). „Люди въ городѣ“ нужны больше всего для того, чтобы діалектикой извлекать истину изъ ихъ души и изъ своей [152]). За отсутствіемъ собесѣдника, его можетъ замѣнить математическая задача, напрягающая мысль и способствующая такимъ образомъ возникновенію знанія [153]).

Тимэй у Платона, какъ увидимъ, смотритъ на астрономію иначе, чѣмъ Сократъ [154]).

Во вторыхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Платонъ излагаетъ устами Сократа завѣдомо исторически не имъ основанныя воззрѣнія, онъ даетъ замѣтить совершенно ясно, что Сократъ лишь ихъ проводникъ, а не виновникъ. Въ „Государствѣ“ взглядъ на связь между гармоніей и астрономіей прямо названъ Пиѳагорейскимъ [155]); Пиѳагорейское ученіе о роковыхъ перемѣнахъ въ лучшемъ государствѣ

---

149) Относительно музыки см. ниже, стр. 115. Объ упражненіяхъ Сократа въ танцахъ Xenoph. Sympos. II, 17, сл.

150) Memor. III, 11, 2.

151) Phaedr. 230, C—D

152) Выше, стр. 50, сл. 105.

153) Выше, стр. 111.

154) См. отд. 2

155) De Rep. 530, D· κινδυνεύει, ἔφην, ὡς πρὸς ἀστρονομίαν ὄμματα πέπηγεν, ὡς πρὸς ἐναρμόνιον φορὰν ὦτα παγῆναι, καὶ αὗται ἀλλήλων ἀδελφαί τινες αἱ ἐπιστῆμαι εἶναι, ὡς οἵ τε Πυθαγόρειοί φασι, καὶ ἡμεῖς.... συγχωροῦμεν.

изложено устами Музъ [156]); Пиѳагорейскій миѳъ о загробной жизни идетъ отъ Армянина Ера [157]). Аналогія между добродѣтелью, здоровьемъ и музыкой (въ четвертой книгѣ [158]) невольно напоминаетъ Пиѳагорейцевъ [159]). Но она такъ глубоко коренится въ общегреческомъ сознаніи тѣсной связи между тѣлеснымъ и душевнымъ благоустройствомъ и музыкой и такъ непосредственно этимъ сознаніемъ подсказывается, что видѣть въ ней спеціальный Пиѳагорейскій элементъ нѣтъ достаточнаго основанія. Тоже слѣдуетъ сказать и о неоднократномъ отожествленіи Сократомъ философіи съ музыкой [160]). Верховное выраженіе это общегреческое сознаніе нашло въ культѣ Аполлона, музыканта, врача и очистителя [161]); оно поэтому „появилось не нынче и не вчера, но жило всегда и никто не знаетъ откуда произошло“ [162]). За то всѣмъ извѣстно, что музыка лежала въ основаніи греческаго нравственнаго воспитанія [163]). Музыкантъ Дамонъ (о принадлежности котораго къ Пиѳагорейцамъ мы не имѣемъ въ нашихъ источникахъ никакого намека) проводилъ мысль, что перемѣна музыкальныхъ мотивовъ повсюду ведетъ къ коренной перемѣнѣ важнѣйшихъ политическихъ законовъ [164]). Съ подобнымъ же воззрѣніемъ встрѣчаемся мы въ чуждыхъ всякимъ философскимъ теченіямъ Лакедемонѣ и Критѣ, гдѣ музыкальные мотивы были опредѣлены законами [165]). „Когда я (заявляетъ у Платона съ Лакедемонской точки зрѣнія философски необразованный Лахесъ [166]) слушаю рѣчи о добродѣтели или о какой нибудь мудрости отъ такого человѣка, который заслуживаетъ этого имени и стоитъ своей рѣчи, то бываю весьма радъ говорящему и его слову, такъ какъ вижу между ними соотвѣтствіе и гармонію: такой человѣкъ кажется мнѣ настоящимъ музыкантомъ,

---

156) Ibid. 545, D, сл.
157) Ibid. 614, B, сл.
158) De Rep. 430, E, сл. 442, C. 443, C, сл.
159) См. ниже, отд. 2.
160) Выше, стр. 71, пр. 178.
161) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 295, 1. Roscher, Ausführliches Lexikon d. griech. u. römisch. Mythologie, 3 Lief., 1884, 433 f. 441.
162) Sophocl. Antig. 450—451.
163) Hermann, Lehrbuch d. griech. Antiquitäten, IV ³, 317 f.
164) De Rep. 424, C.
165) Leges, 660, B.
166) Lach. 188, C—D.

проявляющимъ прекраснѣйшую гармонію не на услаждающихъ инструментахъ, а въ томъ, что живетъ на самомъ дѣлѣ, въ своемъ образѣ жизни прилаживая слова къ поступкамъ—не іонически и не лидійски, а просто дорически, то есть единственной еллинской гармоніей". Точно также и Аристотель безъ всякаго отношенія къ Пиѳагорейцамъ придаетъ музыкѣ большой вѣсъ какъ средству нравственнаго воспитанія [167]). И музыкальная терминологія въ устахъ Сократа не можетъ служить противопоказаніемъ: законы музыкальной октавы несомнѣнно были впервые выработаны Пиѳагорейцами, но затѣмъ, при распространенности музыкальнаго воспитанія, стали достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей [168]). А для Сократа взятыя изъ музыки сравненія тѣмъ естественнѣе, что онъ не переставалъ ею заниматься и на старости: отъ Платона мы узнаемъ, что онъ бралъ уроки игры на цитрѣ у Конна и былъ друженъ съ Дамономъ [169]). Впрочемъ, свою дедукцію Сократъ основываетъ на слышанномъ имъ опредѣленіи, что добродѣтель есть порядокъ и сдержанность [170]), и если бы мы не желали стѣсняться внушеніями осторожности, то, ссылаясь на сходство этого опредѣленія съ Пиѳагорейскими воззрѣніями, могли бы всю Сократову дедукцію объяснить такъ, что онъ мнѣніе однихъ Пиѳагорейцевъ поправляетъ мнѣніемъ другихъ. Но къ подобнымъ шаткимъ сопоставленіямъ Платонъ уполномочиваетъ тѣмъ менѣе, что при изложеніи спеціальной Пиѳагорейской этики онъ не дѣлаетъ исключенія изъ указаннаго выше общаго правила. Въ „Горгіи" мы слышимъ отъ него о мудрецахъ, которые учатъ, что небо, землю, боговъ и людей объединяютъ сообщество, любовь, порядокъ, скромность и справедливость, и которые поэтому называютъ міръ космосомъ [171]). Въ томъ же діалогѣ разсказъ о душѣ какъ гробницѣ тѣла принадлежитъ „Сицилійскимъ или Италійскимъ затѣйникамъ" [172]); „изъ той же гимназіи" идетъ и

---

167) Aristot. Polit. 5, 1339 b, 42, сл.

168) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 294, 1. На Пиѳагорейцевъ какъ основателей музыкальной теоріи, передавшихъ ее позднѣйшимъ, намекаетъ очевидно Сократъ въ „Филебѣ" 17, C, слѣд.

169) Euthyd. 272, C. Menex. 235, E. Lach. 180, D. Diog. Laert. II, 32: ἀλλὰ καὶ λυρίζειν ἐμάνθανεν ἤδη γεραιός и пр.

170) De Rep. 430, E. κόσμος πού τις, ἦν δ' ἐγώ, ἡ σοφροσύνη ἐστὶ καὶ ἡδονῶν τινων καὶ ἐπιθυμιων ἐγκράτεια, ὡς φασι.

171) Gorg. 507, E—508, A.

172) Ibid. 493, A.

притча о бочкахъ и рѣшетахъ [173]). Что подъ этими мудрецами слѣдуетъ подразумѣвать Пиѳагорейцевъ, мы впослѣдствіи убѣдимся. Въ „Фэдонѣ“ Сократъ проводитъ Орфическо-пиѳагорейское воззрѣніе о грѣхѣ самоубійства по наслышкѣ [174]). Точно также въ „Менонѣ“ миѳъ о предсуществованіи душъ изложенъ по наслышкѣ отъ жрецовъ и поэтовъ [175]). Въ „Фэдрѣ“ по очевиднымъ художественнымъ соображеніямъ, требовавшимъ вдохновеннаго слова, Платонъ не могъ ясно обозначить источникъ очистительной Сократовой палинодіи. За то вся обстановка устраняетъ вмѣняемость Сократа. Мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе, „божественное“. Сократъ испытываетъ „нимфолепсію“ [176]), дѣйствуетъ по внушенію своего генія [177]) и въ своей восторженной до безумія рѣчи [178]) доказываетъ превосходство безумія надъ здравымъ смысломъ [179]). Вдобавокъ онъ заявляетъ, что не „причастенъ искусству краснорѣчія“ и отвѣтственность за свою рѣчь возлагаетъ на Нимфъ и поющихъ у него надъ головою пророковъ Музъ [180]). Въ „Филебѣ“ сказаніе объ единомъ и многомъ завѣщано древними мудрецами, близко стоявшими къ богамъ [181]), а взглядъ на благо какъ отличное отъ удовольствія и разумѣнія и лучшее ихъ обоихъ „слышалъ Сократомъ во снѣ или наяву“ [182]). Въ „Пирѣ“ Сократъ настойчивыми повтореніями заставляетъ обратить вниманіе на то, что учитъ о красотѣ со словъ Діотимы [183]). Въ „Менексенѣ“

---

173) Ibid. 493, D: ἄλλην σοι εἰκόνα λέγω ἐκ τοῦ αὐτου γυμνασίου.

174) Phaedo, 61, D: ἀλλὰ μὴν καλῶ ἐξ ἀκοῆς περὶ αὐτων λέγω· ἃ μὲν οὖν τυγχάνω ἀκηκοώς, φθόνος οὐδεὶς λέγειν.

175) Meno, 81, A—B.

176) Phaedr. 238, C: τῷ ὄντι γὰρ θεῖος ἔοικεν ὁ τόπος εἶναι, ὥστε, ἐὰν ἄρα πολλάκις νυμφόληπτος προϊόντος τοῦ λόγου γένωμαι, μὴ θαυμάσῃς· τὰ νυν γὰρ ουκέτι πόρρω διθυράμβων φθέγγομαι. 241, E: οὐκ ἤσθου, ὦ μακάριε, ὅτι ηδη ἔπη φθέγγομαι, ἀλλ' ουκέτι διθυράμβους, καὶ ταυτα ψέγων; ἐὰν δ' ἐπαινεῖν τὸν ἕτερον ἔρξωμαι, τί με οἴει ποιήσειν; ἆρ' οἶσθ' ὅτι ὑπὸ τῶν Νυμφῶν, αἷς με σὺ προὔβαλες ἐκ προνοίας, σαφῶς ἐνθουσιάσω.

177) Ibid. 242, B, сл.

178) Ibid. 249, D—E.

179) Ibid. 244, A, сл.

180) Ibid. 262, D: κἄγωγε, ὦ Φαῖδρε, αἰτιῶμαι τοὺς ἐντοπίους θεούς· ἴσως δὲ καὶ οἱ τῶν Μουσῶν προφῆται οἱ ὑπὲρ κεφαλῆς ᾠδοὶ ἐπιπεπνευκότες ἂν ἡμῖν εἶεν τοῦτο τὸ γέρας. οὐ γάρ που ἔγωγε τέχνης τινὸς τοῦ λεγειν μέτοχος.

181) Phileb. 16, C.

182) Ibid. 20, B: λόγων ποτέ τινων πάλαι ἀκούσας ὄναρ ἢ καὶ ἐγρηγορώς и пр.

183) Sympos. 201, D: τὸν δὲ λόγον τὸν περὶ τοῦ ἔρωτος, ὅν ποτ' ηκουσα γυναικὸς Μαντινικῆς Διοτίμας.... ἢ δὴ καμὲ τὰ ἐρωτικὰ ἐδίδαξεν—ὃν οὖν ἐκείνη ἔλεγε λόγον πειράσομαι ὑμῖν διελθεῖν.

„Надгробная рѣчь“ заучена отъ Аспасіи [184]). Въ „Θеэтетѣ“ Сократъ разслѣдуетъ „таинства знатныхъ мужей“ [185]) и разсказываетъ о первыхъ элементахъ „сны“, которые слышалъ [186]). Въ „Кратилѣ“ онъ вдохновляется Евθифрономъ [187]) и даетъ этимологіи то съ точки зрѣнія „затѣйливыхъ людей“, учившихъ о міровомъ значеніи гармоніи и о вселенной, какъ Гестіи [188]), то съ точки зрѣнія другихъ философовъ, и вообще больше съ чужихъ словъ, чѣмъ отъ себя [189]). Въ „Лисисѣ“ ученіе о томъ, что подобное по необходимости дружно съ подобнымъ, заимствовано изъ книгъ „мудрѣйшихъ людей“ [190]) и проч.

Гдѣ въ вопросѣ о математикѣ граница между Сократомъ и Платономъ, мы не знаемъ; но при общей совмѣстности Платоновыхъ показаній съ Ксенофонтовыми во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и при только что указанной добросовѣстности Платона, уже одинъ настойчивый тонъ, которымъ онъ устами Сократа противопоставляетъ философскій взглядъ на математику пошлому, заставляетъ усумниться, что Сократъ могъ быть представителемъ послѣдняго. Это сомнѣніе окончательно разрѣшается въ пользу Платона, какъ скоро обратимъ вниманіе на то, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ излагаетъ теоріи вовсе несовмѣстимыя съ духомъ Сократовой философіи, какъ мы знаемъ о ней изъ „Воспоминаній“ Ксенофонта и діалоговъ самого Платона, онъ влагаетъ ихъ въ уста не Сократа, а другихъ лицъ. Въ „Софистѣ“, гдѣ идетъ рѣчь объ отрѣшенной отъ этики онтологіи, бесѣдой руководитъ Елейскій странникъ; въ „Тимэѣ“ разсужденіе о природѣ вселенной излагается Пиѳагорейцемъ; въ „Законахъ“ по своему догматическому тону вовсе

---

184) Menex. 237, B, сл.

185) Theaet. 155, D: χάριν οὖν μοι εἶσει, ἐάν σοι ἀνδρός, μᾶλλον δ' ἀνδρῶν ὀνομαστῶν τῆς διανοίας τὴν ἀλήθειαν ἀποκεκρυμμένην συνεξευρήσωμαι.

186) Ibid. 201, D—E: ἄκουε δὴ ὄναρ ἀντ' ὀνείρατος. ἐγὼ γάρ αὖ ἐδάκουν ἀκούειν τινῶν и пр. 197, A.

187) Cratyl. 396, D· καί αἰτιῶμαί γε, ὦ Ἑρμόγενες, μάλιστ' αὐτὴν (τὴν σοφίαν) ἀπὸ Εὐθύφρονος τοῦ Προσπαλτίου προσπεπτωκέναι μοι· ἔωθεν γὰρ πολλὰ αὐτῷ συνῆ καὶ παρεῖχον τὰ ὦτα. 396, A. 400, A. 407, D. 409, D, 428, C.

188) Ibid. 401, D. 405, D.

189) Ibid. 413, A—D: Φαίνει μοι, ὦ Σώκρατες, ταῦτα μὲν ἀκηκοέναι του καὶ οὐκ αὐτοσχεδιάζειν.—Τί δὲ τἆλλα,—Οὐ πάνυ.—Ἄκουε δή. ἴσως γὰρ ἄν σε καὶ τὰ ἐπίλοιπα ἐξαπατήσαιμι, ὡς οὐκ ἀκηκοὼς λέγω.

190) Lys. 214, B: οὐκοῦν καὶ τοῖς τῶν σοφωτάτων συγγράμμασιν ἐντετύχηκας ταῦτ' αὐτὰ λέγουσιν, ὅτι τὸ ὅμοιον τῷ ὁμοίῳ ἀνάγκη ἀεὶ φίλον εἶναι.

чуждыхъ Сократу [191]), Платонъ о Сократѣ даже не упоминаетъ, а говоритъ устами Аѳинянина. Поверхностное освѣщеніе Сократова взгляда на математику должно быть поэтому вмѣнено въ вину Ксенофонту.

Однако же творческій характеръ всѣхъ вообще Платоновыхъ діалоговъ подлежитъ столь же малому сомнѣнію, какъ и то, что Платонъ удѣляетъ Сократу „изъ собственнаго богатства“. Съ другой стороны безспорно и то, что „Воспоминанія“ Ксенофонта въ нѣкоторыхъ частяхъ точно передаютъ бесѣды и выраженія Сократа. Поэтому правильный методъ при воспроизведеніи облика историческаго Сократа, повидимому, тотъ, чтобы при изложеніи его практическаго міровоззрѣнія положить въ основаніе тѣ мѣста изъ „Воспоминаній“, которыя носятъ наименьшую апологическую окраску и дополнить и освѣтить ихъ изъ параллельныхъ мѣстъ у Платона, а при изложеніи и въ общей характеристикѣ Сократа отдать полное преимущество Платону. Въ достовѣрности біографическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Платономъ о Сократѣ, за исключеніемъ Аѳинэя [192]) никто не сомнѣвался, а его сомнѣнія не имѣютъ вѣса по своей некритичности; къ тому же въ вопросѣ о Сократовыхъ походахъ и относительно Ксанѳиппы они опровергаются Антисѳеномъ, Ксенофонтомъ и другими писателями [193]).

Кромѣ свидѣтельствъ Ксенофонта и Платона о Сократѣ существуютъ еще свидѣтельства Аристотеля. Но изъ нихъ мы въ краткой формулировкѣ узнаемъ тоже, что̀ намъ подробно, хотя и не столь опредѣленно, извѣстно отъ Ксенофонта и Платона: что 1) Сократъ занимался исключительно нравственными вопросами, а космологическіе оставилъ въ сторонѣ [194]), и что 2) онъ былъ родоначальникомъ опредѣленій и индукціи [195]). Отличіе Сократа отъ Платона Аристотель видитъ въ томъ, что Сократъ въ противоположность Платону не отдѣлялъ содержанія опредѣленій отъ единичныхъ

---

191) Яркая характеристика разницы между „Законами“ и остальными діалогами Платона у Grote, Plato, III, 304 f.

192) Выше, стр. 4.

193) Ath. V, 55. Свидѣтельство Антисѳена о Сократовыхъ походахъ. О Ксанѳиппѣ, Xen. Memor. II, 2. Sympos. 2, 10. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4], 54, 2.

194) Metaph. I, 6, 987 b. De part. anim I, 642 a, 28 и пр.

195) Metaph. XIII, 4. 1078 b, 17. 9. 1086, 35 сл.

вещей [196]). Это указаніе правильно, но для оцѣнки отношенія между ученіемъ Сократа объ опредѣленіяхъ и Платона объ идеяхъ нуждается въ ограниченіи. Своеобразность Платона безспорно въ ученіи объ идеяхъ какъ самобытныхъ трансцедентныхъ сущностяхъ; но безспорно и то, что эта своеобразность нашла полное выраженіе лишь въ „Пирѣ“ [197]), „Государствѣ“ [198]) и „Тимэѣ“ [199]), а въ другихъ діалогахъ Платонъ, при всемъ своемъ отчужденіи отъ міра чувствъ и дробности, не могъ вполнѣ отрѣшить идей не только въ ихъ субъективномъ, но даже объективномъ значеніи, отъ опытнаго существованія. Въ „Фэдрѣ“, гдѣ трансцедентность идей поставлена на видъ въ яркомъ свѣтѣ [200]), идея съ психологической и логической стороны опредѣляется какъ то, что̀ утверждается о видѣ, идетъ отъ многихъ ощущеній и собирается во едино мышленіемъ [201]) и сообразно съ этимъ діалектику вмѣнено въ обязанность сводить въ одну идею разсѣянныя во многимъ мѣстахъ вещи и дѣлить идеи до недѣлимаго, т. е. до чувственныхъ вещей [202]); въ „Θеэтетѣ“ познаніе основныхъ идей „стоящихъ въ сущемъ образцовъ“ [203]), сущностей, къ „которымъ стремится сама душа“ [204]), объясняется изъ способности души умозаключать на основаніи возбужденныхъ вещами чувственныхъ состояніяхъ (то есть изъ рефлексіи [205]); въ „Евθифронѣ“ и „Менонѣ“ Сократъ говоритъ объ идеяхъ какъ общемъ въ вещахъ, составляющемъ ихъ сущность [206]); въ „Фэдонѣ“, не

---

196) Ibid. 1078 b, 30: ἀλλ' ὁ μὲν Σωκράτης τὰ καθόλου οὐ χωριστὰ ἐποίει οὐδὲ τοὺς ὁρισμούς· οἱ δ'ἐχώρισαν, καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν ὄντων ἰδέας προσηγόρευσαν.

197) Sympos. 210, E, сл.

198) De Rep. 509, B. Выше, стр. 47 сл.

199) Tim. 27, D. 48, E. 51, B—52, E.

200) Phaedr. 247, C, сл.

201) Phaedr. 249, B—C: οὐ γὰρ ἥ γε μήποτ' ἰδοῦσα τὴν ἀλήθειαν εἰς τόδ' ἥξει τὸ σχῆμα. δεῖ γὰρ ἄνθρωπον ξυνιέναι κατ' εἶδος λεγόμενον, ἐκ πολλῶν ἰὸν αἰσθήσεων εἰς ἓν λογισμῷ ξυναιρούμενον. τοῦτο δ'ἐστὶν ἀνάμνησις ἐκείνων, ἃ ποτ' εἶδεν ἡμῶν ἡ ψυχὴ συμπορευθεῖσα θεῷ καὶ ὑπεριδοῦσα ἃ νῦν εἶναί φαμεν καὶ ἀνακύψασα εἰς τὸ ὂν ὄντως.

202) Ibid. 265, D—E: εἰς μίαν τ'ἰδέαν συνορῶντ' ἄγειν τὰ πολλαχῇ διεσπαρμένα.... τὸ πάλιν κατ' εἴδη δύνασθαι τέμνειν. 277, B: μέχρι τοῦ ἀτμήτου. 273, D.

203) Theaet. 176, E.

204) Ibid. 186, A.

205) Theaet. 185, B—186, D: ἐν μὲν ἄρα τοῖς παθήμασιν οὐκ ἔνι ἐπιστήμη, ἐν δὲ τῷ περ ἐκείνων συλλογισμῷ· οὐσίας γὰρ καὶ ἀληθείας ἐνταῦθα μέν, ὡς ἔοικε, δυνατὸν ἅψασθαι.

206) Euthyphr. 5, C—D: ποτόν τι τὸ εὐσεβὲς φῂς εἶναι καὶ τὸ ἀσεβὲς καὶ περὶ φόνου καὶ περὶ τῶν ἄλλων, ἢ οὐ ταὐτόν ἐστιν ἐν πάσῃ πράξει τὸ ὅσιον αὐτὸ αὑτῷ· καὶ τὸ ἀνόσιον αὖ τοῦ μὲν ὁσίου παντὸς ἐναντίον, αὐτὸ δ'αὑτῷ ὅμοιον καὶ ἔχον μίαν τιν' ἰδέαν κατὰ τὴν ἀνοσιότητα πᾶν ὅ τι περ

смотря на ученіе объ идеяхъ какъ самобытныхъ сущностяхъ и цѣляхъ, къ достиженію которыхъ стремятся вещи [207]), и о непрестанной измѣняемости чувственныхъ вещей [208]), мы слышимъ о бытіи идей при вещахъ и даже въ вещахъ [209]); точно также и въ „Кратилѣ“ Сократъ говоритъ объ идеяхъ въ вещахъ [210]); въ „Софистѣ“ Странникъ ведетъ рѣчь о проникновеніи вещей идеей и связываніи идеи вещами [211]), въ „Политикѣ“ — о воспріятіи сходствъ между многими вещами и разницъ между ихъ видами, о включеніи свойствъ вещей въ предѣлы единаго сходства и объединеніи сущ-

---

ἂν μέλλῃ ἀνόσιον εἶναι. 6, D—E: οὐ τοῦτό σοι διεκελευόμην, ἔν τι ἢ δύο με διδάξαι τῶν πολλῶν ὁσίων, ἀλλ' ἐκεῖνο αὐτὸ τὸ εἶδος, ᾧ πάντα τὰ ὅσια ὅσιά ἐστιν· ἔφησθα γάρ που μιᾷ ἰδέᾳ τά τ'ἀνόσια εἶναι ἀνόσια καὶ τὰ ὅσια ὅσια. 11, A: καὶ κινδυνεύεις.... ἐρωτώμενος τ' ὅσιον, ὅ τί ποτ' ἐστί, τὴν μὲν οὐσίαν μοι αὐτοῦ οὐ βουλεσθαι δηλῶσαι, πάθος δέ τι περὶ αὐτοῦ λέγειν. Meno, 72, B—E: εἴ μου ἐρομένου μελίττης περὶ οὐσίας ὅ τί ποτ' ἐστί, πολλὰς καὶ παντοδαπὰς ἔλεγες αὐτὰς εἶναι, τί ἂν ἀπεκρίνω μοι, ει σε ἠρόμην, Ἆρα τούτῳ φῂς πολλὰς καὶ παντοδαπὰς εἶναι καὶ διαφερούσας ἀλλήλων, τῷ μελίττας εἶναι; ἢ τούτῳ μὲν οὐδὲν διαφέρουσιν, ἄλλῳ δὲ τῳ.... Εἰ οὖν εἶπον μετὰ ταῦτα, Τοῦτο τοίνυν μοι αὐτὸ εἰπέ.... ᾧ οὐδὲν διαφέρουσιν, ἀλλὰ ταὐτόν εἰσιν ἅπασαι, τί τοῦτο φῂς εἶναι;... οὕτω δὴ καὶ περὶ των ἀρετῶν· καὶ εἰ πολλαί καὶ παντοδαπαί εἰσιν, ἕν γέ τι εἶδος ταὐτὸν ἅπασαι ἔχουσι δι' ὃ εἰσὶν ἀρεταί.

207) Phaedo, 74, D, сл.

208) Ibid. 74, B. 78, D, сл.

209) Ibid. 100, D: οὐκ ἄλλο τι ποιεῖ αὐτὸ καλὸν ἢ ἡ ἐκείνου τοῦ καλοῦ εἴτε παρουσία εἴτε κοινωνία, εἴθ'ὅπῃ δὴ καὶ ὅπως, προσγίγνεται. 103, B—C: τότε μὲν γάρ, ὦ φίλε, περὶ τῶν ἐχόντων ταναντία ἐλέγομεν, ἐπονομάζοντες αὐτὰ τῇ ἐκείνων ἐπωνυμίᾳ, νῦν δὲ περὶ ἐκείνων αὐτῶν, ων ἐνόντων ἔχει τὴν ἐπωνυμίαν τὰ ὀνομαζόμενα, αὐτά δ'ἐκεῖνα οὐκ ἄν ποτέ φαμεν ἐθελῆσαι γένεσιν ἀλλήλων δέξασθαι. На имманентности идей вещамъ въ первый періодъ Платонова ученія настаиваетъ Jackson, Journal of Philology, X (1881) 253—298. XI (1882) 287—331. XIII (1884) 1—40. 242—272. XIV (1885) 173—230. Противъ него Zeller, Sitzungsberichte der K. preuss. Akad. d. Wissensch. zu Berl., 1887, XIII, 197 f. Діалогами первой группы Джэксонъ считаетъ „Федонъ“ и „Государство“. Въ послѣднемъ однако не возможно найти доказательствъ въ пользу имманентности; въ „Федонѣ“ мысль Платона колеблется между имманентностью и трансцедентностью. Въ своей монографіи Целлеръ вопросъ объ имманентости идей вещамъ затрогиваетъ вскользь и пытается лишь поставить на видъ неосновательность мнѣнія о различныхъ фазисахъ въ ученіи Платона объ идеяхъ. Въ Ph. d. Gr. II a⁴ 745 f. онъ говоритъ объ имманентности вещей идеямъ.

210) Cratyl. 432, E: ἕως ἂν ὁ τύπος ἐνῇ τοῦ πράγματος. 389, C. 390, B. 390, E. 393, D—E. 424, C—D: ἔνεστιν εἴδη и пр.

211) Soph. 253, D: μίαν ἰδέαν διὰ πολλῶν, ἑνὸς ἑκάστου κειμένου χωρίς, πάντῃ διατεταμένην ἱκανῶς διαισθάνεται, καὶ πολλὰς ἑτέρας ἀλλήλων ὑπὸ μιᾶς ἔξωθεν περιεχομένας, καὶ μίαν αὖ δι' ὅλων πολλῶν ἐν ἑνὶ ξυνημμένην, καὶ πολλὰς χωρὶς πάντῃ διωρισμένας. Въ первомъ и третьемъ случаѣ идетъ рѣчь объ отношеніи между идеями и вещами: въ первомъ съ точки зрѣнія идеи, какъ единая идея проникаетъ идеи, лежащія врозь; въ третьемъ съ точки зрѣнія единичныхъ вещей, какъ многія отдѣльныя вещи связываютъ воедино единую идею. Во второмъ и четвертомъ указывается на отношеніе между идеями: во второмъ на подчиненіе идей, въ четвертомъ—на ихъ разъединеніе. Въ примѣненіи къ идеямъ первый случай ставитъ на видъ отношеніе общей идеи къ частнымъ съ точки зрѣнія общей идеи, третій—на отношеніе общей идеи къ частнымъ съ точки зрѣнія частныхъ идей. Первые два случая имѣютъ дѣло съ содержаніемъ, послѣдніе два—съ объемомъ: отсюда и противопоставленіе.

ностью какого нибудь рода [212]); въ „Законахъ“ идея разсматривается какъ единое во многомъ, познаваемое чрезъ многое [213]); въ „Филебѣ“ и „Парменидѣ“ вопросъ объ отношеніи идей къ вещамъ представленъ какъ сопряженная съ различными затрудненіями діалектическая задача [214]).

Съ другой стороны не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Сократъ при своемъ сведеніи доказательствъ къ основнымъ положеніямъ, о которомъ говоритъ Ксенофонтъ, не могъ обходиться безъ логическихъ абстракцій, а эти абстракціи, при той тѣсной связи, въ какую Сократъ ставилъ теорію съ практикой [215]), и при тогдашнемъ состояніи логики не могли имѣть въ его глазахъ чисто формальнаго, отрѣшеннаго отъ реальности смысла [216]). „Если Сократу (поясняетъ свои слова Ксенофонтъ [217]) кто нибудь возражалъ относительно чего нибудь, не имѣя сказать ничего достовѣрнаго, но безъ доказа-

---

212) Polit. 285, B: Ὅταν μὲν τὴν τῶν πολλῶν τις πρότερον αἴσθηται κοινωνίαν, μὴ προαφίστασθαι πρὶν ἂν ἐν αὐτῇ τὰς διαφορὰς ἴδῃ πάσας, ὁπόσαι περ ἐν εἴδεσι κεῖνται, τὰς δὲ αὖ παντοδαπὰς ἀνομοιότητας, ὅταν ἐν πλήθεσιν ὀφθῶσι, μὴ δυνατὸν εἶναι δυσωπούμενον παύεσθαι, πρὶν ἂν ξύμπαντα τὰ οἰκεῖα ἐντὸς μιᾶς ὁμοιότητος ἕρξας γένους τινὸς οὐσίᾳ περιβάληται. См. отд. 2.

213) Leges 965, B—D: οὐκοῦν ἐλέγομεν τόν γε πρὸς ἕκαστα ἄκρον δημιουργόν τε καὶ φύλακα μὴ μόνον δεῖν πρὸς τὰ πολλὰ βλέπειν δυνατόν εἶναι, πρὸς δὲ τὸ ἓν ἐπείγεσθαι, γνῶναί τε καὶ γνόντα πρὸς ἐκεῖνο συντάξασθαι πάντα ξυνορῶντα.... Ἆρ' οὖν ἀκριβεστέρα σκέψις θέα τε ἂν περὶ ὁτουοῦν ὁτφοῦν γίγνοιτο, ἢ τὸ πρὸς μίαν ἰδέαν ἐκ τῶν πολλῶν καὶ ἀνομοίων δυνατὸν εἶναι βλέπειν.... ἀναγκαστέον ἄρ', ὡς ἔοικε, καὶ τοὺς τῆς θείας πολιτείας ἡμῖν φύλακας ἀκριβῶς ἰδεῖν πρῶτον, τί ποτε διὰ πάντων τῶν τεττάρων ταὐτὸν τυγχάνει, ὃ δή φαμεν ἓν τε ἀνδρείᾳ καὶ σωφροσύνῃ καὶ δικαιοσύνῃ καὶ ἐν φρονήσει ἓν ὂν ἀρετὴν ἑνὶ δικαίως ἂν ὀνόματι προσαγορεύσεθαι.

214) Philib. 15, B—C. Parmen. 131, A. См. отд. 11.

215) Memor. IV, 5, 11: καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ διαλέγοντας κατὰ γένη τὰ μὲν ἀγαθὰ προαιρεῖσθαι, τῶν δὲ κακῶν ἀπέχεσθαι. IV, 4, 11.

216) Къ подобному же взгляду приходятъ, опираясь на свидѣтельство Аристотеля въ „Метафизикѣ“ XIII, 4, 1078 b, 23, Ravaison, Métaphysique d'Aristote, Paris, 1837, I, 276, sq. и Fouillée, Philosophie de Socrate, I, ch. VII—VIII, 101—130. Но это свидѣтельство не уполномочиваетъ ни къ смѣлому выводу, что „c'etait donc l'essence qu'il (Socrate) poursuivait, et s'il s'attachait en toutes choses à l'universel, c'etait pour l'essence qu'il y croyait contenue. Il cherchait comme avant lui les Pythagoriciens, le véritable objet de la métaphysique; mais il le chercha aussi sans l'atteindre“ (Ravaison), ни къ разсужденію объ „онтологическихъ основаніяхъ“ діалектики Сократа (Fouillée). Равэзонъ безъ всякой критики навязываетъ Сократу воззрѣнія Аристотеля; точно также и Фулье толкуетъ ученіе Сократа объ опредѣленіяхъ по категоріямъ Аристотелевой системы. Глубокомысленныя разсужденія Фулье рушатся простымъ соображеніемъ, что самъ Аристотель, подобно Сократу и Платону, не отрѣшалъ опредѣленія отъ реальной почвы (Zeller, Ph. d. Gr. II b^3, 207 f.). Простое и вѣрное объясненіе разсматриваемаго свидѣтельства даетъ Heyder, Kritische Darstellung und Vergleichung der Aristotelischen und Hegelschen Dialektik, I, 125 f. и вслѣдъ за нимъ Швеглеръ въ „Комментаріи“ къ Аристотелевой „Метафизикѣ“, p. 308.

217) Memor. IV, 6, 13.

тельства называлъ того, о комъ говорилъ, болѣе мудрымъ, свѣдущимъ, въ государственномъ управленіи, или чѣмъ нибудь другимъ въ этомъ родѣ, то Сократъ сводилъ разсужденіе къ основному предположенію... и такимъ образомъ вслѣдствіе сведенія доводовъ къ основнымъ предположеніямъ и самимъ спорящимъ истина становилась очевидной". Подъ этими основными предположеніями, какъ видно изъ приведеннаго Ксенофонтомъ примѣра, слѣдуетъ подразумѣвать добытое наведеніемъ опредѣленіе [218]). Въ исконномъ значеніи реальнаго основанія доказательствъ опредѣленіе продолжаетъ существовать и у Платона подъ именемъ сущности или идеи. Въ „Фэдрѣ" Сократъ ставитъ основнымъ правиломъ предъ началомъ обсужденія выяснять сущность того вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, и отожествляетъ эту сущность съ установленнымъ по согласію опредѣленіемъ [219]). Въ „Евѳифронѣ" онъ проситъ указать идею благочестія, чтобы смотря на нее и пользуясь ею какъ образцомъ онъ могъ называть благочестивыми тѣ дѣйствія, которыя съ ней согласны, и неблагочестивыми тѣ, которыя съ ней несогласны [220]). Съ подобнымъ же требованіемъ встрѣчаемся и въ „Менонѣ" [221]). Еще яснѣе связь идеологіи съ доказательствами въ „Фэдонѣ". „Мой новый путь (заявляетъ здѣсь Сократъ [222]) состоитъ въ томъ, что каждый разъ я предлагаю основаніе, которое нахожу самымъ сильнымъ, и то, что̀ на мой взглядъ согласно съ нимъ, считаю истиннымъ, а то, что̀ не согласно, не истиннымъ... Подразумѣваю не новое, а то, о чемъ не переставалъ говорить всегда и въ другихъ случаяхъ и въ настоящей бесѣдѣ.... Возвра-

---

218) Ibid. 14: τί οὖν οὐκ ἐκεῖνο πρῶτον ἐπεσκεψάμεθα, τί ἐστιν ἔργον ἀγαθοῦ πολίτου; Ποιῶμεν τοῦτο и пр.

219) Phaedr. 237, B—D: περὶ παντός.... μία ἀρχὴ τοῖς μέλλουσι καλῶς βουλεύεσθαι· εἰδέναι δεῖ περὶ οὗ ἂν ᾖ ἡ βουλή, ἢ παντὸς ἁμαρτάνειν ἀνάγκη. τοὺς δὲ πολλοὺς λέληθεν, ὅτι οὐκ ἴσασι τὴν οὐσίαν ἑκάστου. ὡς οὖν εἰδότες οὐ διομολογοῦνται ἐν ἀρχῇ τῆς σκέψεως, προελθόντες δὲ τὸ εἰκὸς ἀποδιδόασιν· οὔτε γὰρ ἑαυτοῖς οὔτ' ἀλλήλοις ὁμολογοῦσιν. ἐγὼ οὖν καὶ σὺ μὴ πάθωμεν ὃ ἄλλοις ἐπιτιμῶμεν, ἀλλ' ἐπειδὴ σοὶ καιροί ὁ λόγος πρόκειται, πότερον ἐρῶντι ἢ μὴ μᾶλλον εἰς φιλίαν ἰτέον, περὶ ἔρωτος οἵόν τ' ἔστι καὶ ἣν ἔχει δύναμιν, ὁμολογίᾳ θέμενοι ὅρον, εἰς τοῦτ' ἀποβλέποντες καὶ ἀναφέροντες τὴν σκέψιν ποιώμεθα, εἴτ' ὠφέλειαν εἴτε βλάβην παρέχει.

220) Lach. 6, E: ταύτην τοίνυν με αὐτὴν δίδαξον τὴν ἰδέαν, τίς ποτ' ἐστίν, ἵν' εἰς ἐκείνην ἀποβλέπων καὶ χρώμενος αὐτῇ παραδείγματι, ὃ μὲν ἂν τοιοῦτον ᾖ ὢν ἂν ἢ σὺ ἢ ἄλλος τις πράττῃ, φῶ ὅσιον εἶναι, ὃ δ' ἂν μὴ τοιοῦτον, μὴ φῶ.

221) Meno, 72, C: ἓν γέ τι εἶδος ταὐτὸν ἅπασαι ἔχουσι δι' ὃ εἰσὶν ἀρεταί, εἰς ὃ καλῶς που ἔχει ἀποβλέψαντα τὸν ἀποκρινόμενον τῷ ἐρωτήσαντι ἐκεῖνο δηλῶσαι, ὃ τυγχάνει οὖσα ἀρετή.

222) Phaedo, 100, A—B. Ibid. 75, D.

щаюсь къ тому, о чемъ было много толку, и начинаю съ предположенія, что есть нѣчто само по себѣ прекрасное, доброе, великое и все прочее. Если въ этомъ ты мнѣ уступишь и согласишься со мною, то я надѣюсь отсюда найти и показать причину безсмертія души". А въ „Государствѣ" мы слышимъ объ „обычномъ методѣ" доказательства, состоящемъ въ предположеніи каждый разъ единаго для многаго, имѣющаго одинаковое наименованіе [223]).

Въ этомъ значеніи общаго, какъ реальнаго основанія доказательствъ, слѣдуетъ искать гносеологическаго соприкосновенія между Платоновой идеологіей и Сократовымъ ученіемъ объ опредѣленіяхъ. Наглядным свидѣтельствомъ того, насколько неуловима граница между тѣмъ и другимъ ученіемъ, могутъ служить упомянутыя уже мѣста въ „Евѳифронѣ" и „Менонѣ", гдѣ значеніе идеи неопредѣленно колеблется между логическимъ видомъ и сущностью. Но гносеологія у Сократа стояла въ неразрывной связи съ телеологіей [224]). Всякое опредѣленіе было для него цѣлью сложныхъ частью индуктивныхъ, частью дедуктивныхъ процессовъ [225]), при томъ не формальной только, но вслѣдствіе тѣсной связи между теоріей и практикой, и реальной. Во взглядѣ на реальный объектъ опредѣленія какъ на цѣль лежитъ вторая точка соприкосновенія между Сократовыми опредѣленіями и Платоновыми идеями [226]). У Платона со словомъ идея нераздѣльно сливаются значенія общаго или единаго въ вещахъ, ихъ вида или рода, опредѣленія, цѣли, образца, типа, идеала, закона, причины, сущности имманентной или трансцедентной, понятія [227]). По непосредственному соприкосновенію Платоновой идеологіи съ ученіемъ Сократа и по этимологическому характеру слова „идея" [228]), исконными значеніями

---

223) De Rep. 596, A: βούλει οὖν ἐνθένδε ἀρξώμεθα ἐπισκοποῦντες, ἐκ τῆς εἰωθυίας μεθόδου; εἶδος γάρ πού τι ἓν ἕκαστον εἰώθαμεν τίθεσθαι περὶ ἕκαστα τὰ πολλά, οἷς ταὐτὸν ὄνομα ἐπιφέρομεν и проч.

224) Выше, стр. 105, пр. 110

225) Fouillée, Philos. de Socrate, I, 110, sq.

226) О Платоновыхъ идеяхъ какъ цѣляхъ см. выше, стр. 119, пр. 204; 120, пр. 207, также отд 7.

227) Кромѣ приведенныхъ выше доказательствъ, см отд. 7 и 11.

228) Εἶδος, ἰδέα значитъ *видъ*, *образъ*. Платонъ усвоилъ этотъ терминъ прежде всего несомнѣнно потому, что до общаго вещей, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ Сократомъ видѣлъ единственный объектъ истиннаго знанія, мы доходимъ чрезъ сравненіе вещей, а вещи обыкновенно сравниваемъ по ихъ внѣшнему виду или образцу. De Rep. 537, C: ὁ μὲν γὰρ συνοπτικὸς διαλεκτικός, ὁ δὲ μὴ οὔ. 531. D. Phaedr. 265, D: εἰς μίαν τ' ἰδέαν συνορῶντα ἄγειν τὰ πολλαχῇ διεσπαρμένα.

мы должны считать первыя пять, а остальныя разсматривать частью какъ слѣдствіе собственной рефлексіи Платона, теоретической, эстетической, нравственной, частью какъ слѣдствіе воздѣйствія онтологическихъ, космологическихъ и гносеологическихъ ученій его предшественниковъ и современниковъ, преимущественно Елейцевъ, Empедокла, Протагора, Антисѳена [229]). Объясненіе, которое даетъ Аристотель Платонову нововведенію—невозможность опредѣленій въ усвоенномъ Платономъ отъ Гераклита потокѣ чувственныхъ вещей и необходимость отличныхъ отъ этихъ вещей объектовъ опредѣленій [230]), внушенное, какъ можно думать, Платоновымъ „Кратиломъ“ [231]), узко и справедливо лишь для идеологіи „Государства“, „Тимэя“ и отчасти „Фэдона“, а къ идеологіи другихъ діалоговъ не примѣнимо.

О свидѣтельствахъ Аристотеля здѣсь кстати замѣтить, что если ихъ и можно ставить мѣрой истины Платоновыхъ, то исключительно лишь за отсутствіемъ безспорныхъ данныхъ. Бо́льшая сравнительно съ Платономъ достовѣрность Аристотелевыхъ показаній о философскихъ ученіяхъ до сихъ поръ никѣмъ не доказана [232]). Безотносительно же всѣ вообще изслѣдователи греческой философіи согласны въ томъ, что Аристотель при передачѣ чужихъ воззрѣній не придерживается ихъ точнаго смысла и часто излагаетъ ихъ въ категоріяхъ собственной системы [233]). Въ этомъ намъ предстоитъ убѣдиться.

---

229) См. отд. 3, 6, 8 и гл. VIII.

230) Metaph. I, 6, 987 a, 32. XIII, 4, 1078 b, 12.

231) Cratyl. 439, D, сл.

232) Общій обзоръ свидѣтельствъ Аристотеля о предшествовавшихъ ему философахъ даютъ Steffens, Welcher Gewinn für die Kenntniss der Geschichte der Griechieschen Philosophie lässt sich aus den Schriften des Aristoteles schöpfen, Zeitschrift f Philosophie und philosophische Kritik, LXVII, 165—194; LXVIII, 1—29; LXIX, 1—18 (1875—1876). Emminger, Die vorsokratischen Philosophen nach den Berichten des Aristoteles, Würzb. 1878. Стеффенсъ отдаетъ полное предпочтеніе Аристотелю передъ Платономъ, укоряя послѣдняго между прочимъ за небрежное (nachlässig) отношеніе къ излагаемымъ ученіямъ; единственный недостатокъ Аристотеля въ томъ, что онъ „entfernt sich nur mitunter durch die Reduktion älterer Anschauungsweisen auf seine eigenen Kategorien von der vollen historischen Strenge“ (LXVII, 166). Относительно Платона Стеффенсъ справедливость своего мнѣнія не только не доказалъ, но и не счелъ нужнымъ доказывать. Цѣль монографіи Эммингера между прочимъ въ томъ, чтобы „den grossen Stagiriten gegen Vorwürfe in Schutz zu nehmen, die seiner historischen Glaubwürdigkeit zu nahe traten“ (p. 8). Въ сравнительную оцѣнку свидѣтельствъ Аристотеля и Платона Эммингеръ не входитъ.

233) Schleiermacher, Werke, III, 2, 49, 86. Brandis, Handbuch d. Griech. röm. Philos. II, 2, 611 f. (съ оговорками). Zeller, Philos. d. Griech I[4], 348. II a[3], 614. Tannéry, Pour l'histoire de la science Hellène, Paris, 1887, 18. Dümmler, Akademica, 147 и пр.

2. *Пиѳагорейцы.* По характеру со свидѣтельствами Платона о Сократѣ сходны его свидѣтельства о Пиѳагорейцахъ [234]). О Тимэѣ, устами котораго (въ соименномъ діалогѣ) Платонъ излагаетъ свою космогонію, мы знаемъ исключительно изъ Платона. Поэтому Целлеръ даже сомнѣвается, былъ ли Тимэй историческое лицо [235]). Такое сомнѣніе однако не основательно, такъ какъ нельзя доказать, что Платонъ гдѣ либо выводилъ вымышленныхъ лицъ. О всѣхъ вообще Пиѳагорейцахъ, взятыхъ въ отдѣльности, мы имѣемъ шаткія свѣдѣнія. Существуютъ, правда, подъ именемъ Тимэя Локрскаго книга „О міровой душѣ и природѣ“ и значительное число отрывковъ подъ именами другихъ Пиѳагорейцевъ [236]). Но эта книга очевидно не что иное, какъ изложеніе Платонова „Тимэя“; а критическій анализъ отрывковъ показываетъ, что они въ большинствѣ случаевъ передѣлка изъ Платона, Аристотеля и позднѣйшихъ философовъ [237]). За то сохранились отрывки, въ подлинности которыхъ нѣтъ достаточной причины сомнѣваться, изъ книги одного изъ древнѣйшихъ представителей Пиѳагорейскаго ученія, Филолая [238]), и болѣе или менѣе

---

234) Boeckh, Commentatio academica de Platonica corporis mundani fabrica, Heidelb. 1810. De Platonis Systemat. coelest. globorum. Heidelb. 1811. Philolaos des Pythagoreers Lehren nebst den Bruchstucken seines Werkes, Berl. 1819 Untersuchungen über das Kosmische System des Platon. Berl. 1852. Martin, Etudes sur le Timée de Platon, Paris, 1841. Fouillée, La philosophie de Platon II², 278 f. Chaignet, Pythagore et la philosophie pythagoricienne, 2-me ed. Paris, 1874. Zeller, Philos. d. Griech. I⁴, 254 f. II, a⁴, 769 f.

235) Zeller, Philos. d. Griech. I⁴, 310.

236) Наиболѣе полный обзоръ свѣдѣній о всѣхъ вообще Пиѳагорейцахъ и сводъ фрагментовъ даетъ Mullach, Fragmenta philosophorum graecorum, I, 193 sq. 383 sq. II, I—LVI, 1—117.

237) Zeller, Philos. d. Griech. I⁴, 266.

238) Подложность Филолаевыхъ фрагментовъ доказываетъ (вслѣдъ за Rose, De Aristotelis librorum ordine, Berl. 1854, 2 sq.) въ пространной монографіи Schaarschmidt, Die angebliche Schriftstellerei des Philolaus, Bonn, 1864, къ которому присоединились и другіе, между прочимъ (не названный ни Целлеромъ, ни Ибервегомъ) Bywater въ спеціальной монографіи, The Fragments of Philolaus, Journal of Philology, I, 21 f. (1868). Неубѣдительность доводовъ Шааршмидта ставитъ на видъ Целлеръ въ Hermes, X, 1875, 178—192 и Phil. d. Gr. I⁴, 261 f. Замѣчанія Целлера въ полной мѣрѣ примѣнимы и къ Bywater'y. Единственно вѣскій приводимый послѣднимъ самостоятельный доводъ—сходство Stob. Ecl. I, 360 съ Plat. Tim. 62, D и Stob Ecl. I, 454 съ Arist. De Coelo, I, 7 нач. (p. 52). Изъ этого сходства Bywater заключаетъ, что „whole sentences occasionally an echo of Aristotle or Plato“. Возможно однако противоположное, такъ какъ, говоря словами самого Bywater'a „criticism has now learnt to see continuity even in the world of thought, we assume that ideas do not spring fortuitously...., but in the intellectual soil and atmosphere prepared for them“ (p. 53). Относительно Аристотеля это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ свой трактатъ De Coelo начинаетъ съ упоминанія о Пиѳагорейцахъ (I, 1, 268 a, 10). О пользованіи Платономъ въ „Тимэѣ“ Пиѳагорейскими источниками см. ниже.

достовѣрныя, сообщаемыя Аристотелемъ и позднѣйшими писателями, свѣдѣнія объ общемъ всѣмъ Пиѳагорейцамъ ученіи [239]). Эти основанія даютъ право утверждать, что наиболѣе характерныя черты въ космогоніи „Тимэя“ либо Пиѳагорейскаго происхожденія, либо общія съ Пиѳагорейскими, либо съ ними аналогичныя. Таковы: представленіе о мірѣ, какъ огромномъ животномъ; ученіе о внутреннемъ животворящемъ началѣ закономѣрности; признаніе въ пустотѣ причины дробности и раздѣльности; различеніе между сущностями вещей и вещами; противоположеніе между благимъ, разумнымъ, мужскимъ, постояннымъ, опредѣляющимъ и злымъ, безумнымъ, женскимъ, измѣнчивымъ, неопредѣленнымъ началомъ; математическое построеніе элементовъ; взглядъ на космическое и вмѣстѣ нравственное значеніе гармоніи и на числовыя и гармоническія отношенія какъ на причину и цѣль знанія (философіи); сопоставленіе міровыхъ движеній съ движеніями нашей души; вѣра въ божественную природу душъ, ихъ переселеніе изъ горней обители въ смертныя тѣла и скитаніе и связанное съ этой вѣрой нравственное требованіе вести жизнь достойную своей небесной родины; предположительный тонъ и религіозная окраска цѣлаго.

На взглядъ Пиѳагорейцевъ, вселенная — шарообразное существо [240]), дышащее въ пустоту и ее вдыхающее [241]). Остовъ этого существа состоитъ изъ огня, воды, земли, воздуха и стягивающаго ихъ круга. Каждый изъ этихъ элементовъ—геометрическое тѣло [242]). Изъ куба произошла земля; изъ пирамиды—огонь, изъ октаедра—воздухъ, изъ икосаедра—вода, изъ додекаедра—весь шаръ вселенной [243]). Тѣла состоятъ изъ плоскостей; плоскости опредѣляются

---

239) Zeller, ibid. I⁴ 313 f. Трудъ Шэнье въ критическомъ отношеніи не можетъ идти въ сравненіе съ Целлеровымъ.

240) Stob. Ecl. I, 10. 356. 450. 468.

241) Aristot. Phys. IV, 6, 213 b, 22. См. ниже, стр. 137. Metaph. XIV, 13, 1091, 17. Stob. Ecl, I, 380. (Plut.) Plac. II, 9, 1. Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 355. 405. Chiappelli, Zu Pythagoras u. Anaximenes, Arch. f. Gesch. d. Philos., 1, 583 f. Tannery, Pour l'histoire de la science Hellène, Paris, 1887, 121 sq.

242) Stob. Ecl. I, 10: καὶ τὰ ἐν τῇ σφαίρᾳ σώματα πέντε ἐντί. τὰ ἐν τῇ σφαίρα πῦρ ὕδωρ καὶ γᾶ καὶ ἀὴρ καὶ ἁ τᾶς σφαίρας ὁλκάς. О послѣднемъ Bockh, Philol. 161. Быть можетъ, впрочемъ, названіе ὁλκάς имѣетъ отношеніе къ той притягательной силѣ, которою обладаетъ ближайшая къ неопредѣленной пустотѣ (крайняя) часть міра, влекущая къ себѣ пустоту и ее ограничивающая. Aristot. Metaph. XIV, 3. 1091 a, 13.

243) Ibid. I, 450.

линіями, а линіи — точками [244]). Плоскости, равно какъ образующія ихъ линіи и точки, сводятся къ числовымъ отношеніямъ [245]), а числовыя отношенія — къ коренной противоположности между предѣломъ и безпредѣльностью [246]). Противоположность элементовъ связывается гармоніей — единствомъ многосмѣшаннаго и сговоромъ несогласныхъ [247]). „Относительно природы и гармоніи (говоритъ Филолай [248]) обстоитъ вотъ какъ. Вѣчная сущность вещей и самая ихъ природа доступна божественному, а не человѣческому знанію. Ясно то лишь, что ничто изъ существующаго и происходящаго не могло бы быть нами познано, если-бы ея не было въ тѣхъ вещахъ, изъ которыхъ состоитъ міръ, какъ опредѣляющихъ, такъ и безпредѣльныхъ. Но такъ какъ начала по существу не подобны и не однородны, то они не могли бы быть приведены въ порядокъ, если бы не появилась въ нихъ гармонія, какимъ бы способомъ она ни появилась. Подобныя и однородныя ни сколько не нуждались въ гармоніи, а неподобныя, неоднородныя и неравноцѣнныя необходимо должны были быть приведены въ связь гармоніей, какъ скоро имъ надлежало сдерживаться въ порядкѣ“. Сущность вещей и ихъ природа есть число, вносящее въ разнообразіе единство и обусловливающее гармонію [249]). Основное выраженіе гармо-

---

244) Aristot. Metaph. III, 5, 1102 a, 4. VII, 2, 1028 b, 15. 11, 1036 b, 7. XIV, 3, 1090 a, 30. b, 5 1091 a, 13. Alex ad Metaph. I, 6, 987 b, 33 (551 a, 17 Brand). Zeller, Phil. d. Griech. I[4], 350 f. Bockh, Commentatio, XVIII, sq. Слова Платона De Rep. 528, B: περὶ τὴν τῶν κυβων αὔξην καὶ τὸ βάθους μετέχον.... δοκεῖ οὔπω εὑρῆσθαι, на которыя ссылается Ueberweg, Grundriss, I[7] 62, въ доказательство невозможности стереометрическаго построенія элементовъ Пиѳагорейцами, ставятъ на видъ лишь неразработанность законовъ стереометріи и нисколько не говорятъ противъ такой возможности, такъ какъ о существованіи кубовъ, пирамидъ и пр. Пиѳагорейцы не могли не знать, а слѣдовательно могли строить по ихъ подобію элементы, хотя, разумѣется, не научно.

245) Aristot. Metaph. VII, 11, 1036 b, 12. Asclep. Schol. in Arist. Metaph. I, 4, 985 b, 29 (541 a, 23 Brand.) Jambl. Theol. Ar. 56. Zeller, Ph. d. Gr. I[4], 374 f. Относительно многочисленныхъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ о математическомъ построеніи тѣлъ Пиѳагорейцами Целлеръ основательно замѣчаетъ: Können diese Stellen auch zunächst nur für die seit Plato gewöhnliche Ableitung des Geometrischen beweisen, so ist doch, auch abgesehen von den oben angeführten Zeugnissen, wahrscheinlich, dass sich die platonische Lehre in dieser Beziehung von der pythagoreischen nicht unterschied, da die angegebene Combination auf dem Standpunkt der Zahlenlehre unstreitig zunächst lag. (I[4], 375, 5).

246) Aristot. Metaph. I, 5, 986 a, 17.

247) Nicom. Arithm. II, 19, p. 115, 2 Hoche

248) Philol. ap. Stob. Ecl. I, 458.

249) Aristot. Metaph. I, 5, 987 a, 13. οἱ δὲ Πυθαγόρειοι δύο μὲν τας ἀρχὰς κατὰ τὸν αὐτὸν εἰρήκασι τρόπον, τοσοῦτον δὲ προσεπέθεσαν, ὃ καὶ ἴδιόν ἐστιν αὐτῶν, ὅτι τὸ πεπερασμένον καὶ τ

ніи—музыкальная октава [250]). Небо есть число и гармонія [251]), пути по которымъ небесныя тѣла водятъ хороводы, расположены концентричными кругами [252]) въ отношеніяхъ интерваловъ музыкальной октавы [253]). Въ серединѣ вселенной находится животворящій проникающій и окружающій весь міръ огонь, монада, очагъ вселеной, обитель и мѣсто стражи Зевса, мать боговъ (свѣтилъ небесныхъ), связь и мѣра природы, руль вселенной [254]). Наша душа по своему существу число и гармонія [255]); съ внѣшней стороны она часть небеснаго эѳира [256]), постоянно (συνεχῶς) кружащаяся въ воздухѣ солнечная частица [257]); движеніе души соотвѣтствуетъ движенію небесныхъ тѣлъ. „Душа безсмертна вслѣдствіе того, что подобна безсмертнымъ, а подобна она имъ потому, что постоянно движется, точно такъ же, какъ постоянно и вѣчно движутся всѣ божественныя существа—луна, солнце, звѣзды и все небо [258]).“ Мудрость направлена къ постиженію постоянныхъ движеній; добродѣтель къ соблюденію порядка среди непостоянныхъ [259]). „Мы должны (говоритъ Филолай) [260])

ἄπειρον καὶ τὸ ἓν οὐχ ἑτέρας τινὰς φήθησαν εἶναι φύσεις, οἷον πῦρ ἢ γῆν ἢ τι τοιοῦτον ἕτερον, ἀλλ' αὐτὸ τὸ ἄπειρον καὶ αὐτὸ τὸ ἓν οὐσίαν εἶναι τούτων ὧν τατηγοροῦνται, διὸ καὶ ἀριθμὸν εἶναι τὴν οὐσίαν ἁπάντων. Объ отношеніи числа къ гармоніи см. выше пр. 247 и ниже слѣд. пр.

250) Stob. Ecl. I, 462 и Zeller, Ph d. Gr. I⁴, 329.

251) Aristot. Metaph. I, 5, 986 a, 2.

252) Aristot. De Coelo, II, 13, 293 a, 20. b. 19. Simpl. ad l. 505 a, 19 Brand. (Plut.). Plac. III, 11, 3. Stob. Ecl. I, 488 и пр.

253) Aristot. De Coelo, II, 9, 290 b, 12. Alex. ad Metaph. I, 5, 986 a, 2. 542 a, 5. b, 7 Brand.

254) Stob. Ecl. I, 452: ὅπερ τρόπεως δίκην προυπεβάλλετο τῆς τοῦ παντὸς σφαίρας ὁ δημιουργός. 488: Φιλόλαος πῦρ ἐν μέσῳ περὶ τὸ κέντρον ὅπερ Ἑστίαν τοῦ παντὸς καλεῖ καὶ Διὸς οἶκον καὶ μέτρον φύσεως. Phut. Numa, c. 11. Aristot. De Coelo, II, 13, 293 b, 3. Объясненіе всѣхъ этихъ названій даетъ Целлеръ, Ph. d. Gr. I, 381: „Die Pythagoreer nennen dasselbe auch das Eins oder die Monas, weil es der erste Weltkörper ist, die Gottermutter, weil die Bildung der Himmelskoiper von ihm ausgeht, die Hestia, den Heerd oder den Altar des Weltalls, die Wache, die Burg oder den Thron des Zeus, weil es der Mittelpunkt ist, in dem die welterhaltende Kraft ihren Sitz hat“. О животворящемъ дѣйствіи центральнаго огня Simpl. ad Aristot. De Coelo, I, 13, 293 a, 20. 505 b, 32 Brand.

255) Объ этомъ ниже.

256) Alex. Polyh. ap. Diog. Laert. VIII, 27—28: καὶ ἀνθρώποις εἶναι πρὸς θεοὺς συγγένειαν, κατὰ τὸ μετέχειν ἄνθρωπον θερμοῦ.... εἶναι δὲ τὴν ψυχὴν ἀπόσμασμα αἰθέρος... ἀθάνατόν τ' εἶναι αὐτὴν ἐπειδήπερ καὶ τὸ ἀφ' οὗ ἀπέσπασται ἀθάνατόν ἐστι. Pythag Carm. aur. 70 сл. Въ древности этого ученія намъ предстоитъ убѣдиться въ гл. X.

257) Aristot. De Anima I, 2, 404 a, 17.

258) Ibid. I, 2, 405 a, 30. Diog. Laert VIII, 83. Объ отношеніи Алкмэона къ Пиѳагорейцамъ Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 453 f.

259) Stob. Ecl. I, 488 См. ниже, стр. 141, пр. 256.

260) Ibid. I, 8.

по силамъ созерцать дѣйствіе и сущность числа, заключающіяся въ десяти. Велика, совершенна, вседѣйственна сила десяти —начало и руководство божественной, небесной и человѣческой жизни. Безъ нея все безпредѣльно, неясно и темно. Природа числа—законъ, руководитель и учитель во всякой сомнительной и никому не извѣстной вещи. Не могли бы быть ни для кого ясными отношенія вещей ни самихъ къ себѣ, ни однихъ къ другимъ, если бы не было числа и его сущности. Теперь же число, прилаживая вещи къ душѣ ощущеніями на подобіе гномона [261]), дѣлаетъ все познаваемымъ и способнымъ къ взаимному общенію, даетъ вещамъ тѣла и раздѣляетъ одни отъ другихъ отношенія вещей, какъ безпредѣльныхъ, такъ и опредѣляющихъ. Можно видѣть природу и властную силу числа не только въ демоническихъ и божественныхъ дѣлахъ, но также и въ человѣческихъ занятіяхъ всѣхъ и повсюду, во всѣхъ искусствахъ, ремеслахъ и въ музыкѣ“ [262]). „Кто созерцаетъ природу вселенной, тотъ имѣетъ нѣкоторое сродство съ ней, такъ какъ по природѣ подобное познается подобнымъ“ [263]). Добродѣтель точно такъ же, какъ небо и душа, есть число и гармонія [264]), а философія—музыка [265]). Мы погибаемъ потому, что въ противоположность небеснымъ свѣтиламъ, не способны связать конца съ началомъ, то есть, по истеченіи жизненнаго пути, начать другой [266]). Тѣло служитъ какъ бы гробницей души, куда она заключена въ наказаніе за грѣхи [267]). По

---

261) Какъ гномонъ обнимаетъ квадратъ, къ которому приложенъ, такъ душа обнимаетъ вещи ощущеніями. Подробное объясненіе у Bockh, Philolaus, 142 f. Chaignet, La philos. Pythag., II, 62, sq. О гномонѣ даютъ также свѣдѣнія Simplic. ad Aristot. Categ. 15 a, 30. 91 b, 30 Brand. Waitz Aristot. Organon, Lips. 1844, I, 321. Prantl, Aristot. Physik, Leipz 1854, 489.

262) О занятіяхъ Пиѳагорейцевъ математикой, астрономіей, музыкой, Zeller., Ph. d. Gr. I⁴, 293 f.

263) Philol. ap. Sext. Emp. adv. Math. VII, 92, 388 Fabr.

264) Alex. Polyh. ap. Diog. Laert. VIII, 33: τὴν τ'ἀρετὴν ἁρμονίαν εἶναι καὶ τὴν ὑγίειαν καὶ τὸ ἀγαθὸν ἅπαν καὶ τὸν θεόν. На принадлежность этого ученія древнимъ Пиѳагорейцамъ указываетъ мимоходное замѣчаніе Платона въ „Горгіи“, 507, E—508, A: φασὶ δ'οἱ σοφοί, ὦ Καλλίκλεις, καὶ οὐρανὸν καὶ γῆν καὶ θεοὺς καὶ ἀνθρώπους τὴν κοινωνίαν συνέχειν καὶ φιλίαν καὶ κοσμιότητα καὶ σωφροσύνην καὶ δικαιότητα, καὶ τὸ ὅλον τοῦτο διὰ ταῦτα κόσμον καλοῦσιν, которое ни къ кому не можетъ быть отнесено съ большей вѣроятностью, чѣмъ къ Пиѳагорейцамъ.

265) Strabo, X, 3, 10: μουσικὴν ἐκάλεσε Πλάτων καὶ ἔτι πρότερον οἱ Πυθαγόρειοι τὴν φιλοσοφίαν и проч.

266) Alcm. ap. Aristot. Probl. XVII, 3, 916 a, 33.

267) Philol. ap. Clem. Strom. III, 518 Pott: μαρτυρέονται δὲ καὶ οἱ παλαιοὶ θεολόγοι τε καὶ μάντιες, ὡς διά τινας τιμωρίας ἁ ψυχὰ τῷ σώματι συνέζευκται καὶ καθάπερ ἐν σάματι τούτῳ τέθαπται. Подъ этими богословами и жрецами подразумѣваются несомнѣнно Орфики. См. выше, стр. 106 пр. 121.

смерти человѣка душа его вселяется въ другія существа. „Когда однажды Пиѳагоръ, проходя, увидалъ, какъ кто то бьетъ собаку, онъ сжалился и сказалъ: Перестань бить; въ этой собакѣ душа моего друга; я узналъ ее по голосу“ [268]). „Но если твой умъ благочестивъ, то по смерти не потерпишь ничего дурнаго: твой духъ отойдетъ на небо и будетъ тамъ пребывать“ [269]). „Порукой тебѣ тотъ, кто даровалъ нашей душѣ четверицу, источникъ вѣчной природы“, если одолѣешь въ себѣ все дурное, „то познаешь устройство безсмертныхъ боговъ и смертныхъ людей, какъ что́ происходитъ и чему подчинено; узнаешь, на сколько положено, подобную себѣ во всѣхъ частяхъ природу, такъ что не будешь надѣяться на безнадежное и отъ тебя ничто не укроется... [270]) Обо всемъ суди, ставя на высоту свой разумъ, своего лучшаго возничаго, и если, покинувъ тѣло, войдешь въ свободный эѳиръ, то будешь безсмертнымъ, нетлѣннымъ богомъ, а не смертнымъ“ [271]). Впрочемъ, одному богу извѣстна истинная природа вещей, а человѣкъ можетъ быть только любомудрымъ [272]).

По Платону, вселенная —шарообразное живое существо [273]). Душа этого существа, идущая отъ центра и окружающая весь міръ, составлена изъ „тожественнаго“, „иного“ и сущности, то есть высшихъ основаній бытія предѣльнаго или идеальнаго и безпредѣльнаго или вещественнаго [274]), гармонически распредѣленныхъ по законамъ музыкальной октавы въ направляющихъ хороводы небесныхъ свѣтилъ кругахъ [275]), а прикрытое со всѣхъ сторонъ ушою тѣло сложено

---

268) Xenophan. ap. Diog. Laert. VIII, 36. Porphyr. Vita Pyth. 19: πρῶτον μὲν ἀθάνατον εἶναί φησι τὴν ψυχήν, εἶτα μεταβάλλουσαν εἰς ἄλλα γένη ζῴων. Aristot. De Anima I, 3, 407 b, 22: κατὰ τοὺς Πυθαγορικοὺς μύθους τὴν τυχοῦσαν ψυχὴν εἰς τὸ τυχὸν ἐνδύεσθαι σῶμα. Если это свидѣтельство Аристотеля правильно, то оно, судя по приведенному выше отрывку изъ Филолая и вообще всему, что́ намъ извѣстно о нравственномъ мировоззрѣніи Пиѳагорейцевъ, можетъ относиться лишь къ нѣкоторымъ изъ нихъ.

269) Epicharm. ap. Clemen. Strom. IV, 640, Pott. Plut. Consol. ad. Apoll. 15, 131 Did. Объ отношеніи Епихарма къ Пиѳагорейцамъ Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 462 f.

270) Pyth. Carm. aureum v. 47—53. О древности этого памятника разсудительныя замѣчанія у Муллаха, Fragmenta, I, 411.

271) Ibid. v. 68—71.

272) Diog. Laert. I, 12. VIII, 8. Philol. ap. Stob. Ecl. I, 458. Выше, стр. 127.

273) Tim. 30, B. 33, B, сл.

274) Ниже, стр. 143, сл.

275) Tim. 34, B, сл. 40, C: χορείας δὲ τούτων αὐτῶν (то есть небесныхъ свѣтилъ) и пр. Zeller, Ph. d. Grich. II a⁴, 769 f. I⁴, 383, 4.

изъ пропорціонально соединенныхъ по законамъ чиселъ земли, воды, огня, воздуха [276]). Кругъ „тожественнаго“ есть кругъ неподвижныхъ звѣздъ, кругъ „иного“—кругъ планетъ [277]). И звѣзды и планеты—божественныя существа, одушевленныя тою же душою, какъ и весь міръ [278]). Земля, огонь, вода, воздухъ—тѣла и потому состоятъ изъ плоскостей [279]). Земля имѣетъ форму куба, огонь пирамиды, воздухъ октаедра, вода икосаедра [280]). По образцу додекаедра богъ изукрасилъ все небо [281]). Всемірная душа познаетъ и живетъ силою своихъ числовыхъ отношеній и гармоній. „Такъ какъ она смѣшана изъ природы тожественнаго, изъ природы иного и изъ сущности, изъ этихъ трехъ частей, и такъ какъ она закономѣрно раздѣлена и связана и при своихъ оборотахъ возвращается къ себѣ, то при всякомъ соприкосновеніи съ чѣмъ либо имѣющимъ сущность разсѣиваемую или недѣлимую, она, двигаясь, сказываетъ по всей себѣ о томъ, съ чѣмъ что тожественно и отъ чего отлично, относительно чего преимущественно, гдѣ, когда и какъ случается каждому происходящему быть или испытывать состояніе какъ во взаимномъ отношеніи къ другому происходящему, такъ и въ отношеніи къ тому, что всегда остается неизмѣннымъ. И такъ какъ это слово, разносящееся безъ звука и отголоска въ самодвижномъ существѣ, бываетъ одинаково истиннымъ какъ объ иномъ, такъ и о тожественномъ, то когда оно бываетъ о чувственномъ и кругъ иного, правильно совершая свое вращеніе, разноситъ это слово по всей душѣ, то происходятъ твердыя истинныя мнѣнія и вѣрованія; когда же оно имѣетъ дѣло съ разумнымъ и его (слово) возвѣщаетъ, хорошо совершая бѣгъ свой, кругъ тожественнаго, то мысль и знаніе необходимо должны быть совершенными“ [282]). Наша душа—сродна всемірной душѣ и имѣетъ подобные же обороты и гармонію [283]). Первоначально она была поселена на звѣздахъ, но по волѣ Творца заключена въ тѣло, кото-

---

276) Ibid. 32, C, сл. 53, B, сл. 55, D.

277) Tim. 36, B, сл. 40, A, сл

278) Tim. 37, D, сл.

279) Ibid. 53, C, сл.

280) Ibid. 55, D, сл.

281) Ibid. 55, C. Различныя толкованія этого мѣста у Целлера. I a[4], 800, 6 и Arch. Hind, Timaeus of Plato, Lond. 1888, 196.

282) Ibid. 36. E, сл. Zeller, Philos. d Griech, II a[4]. 788 f.

283) Tim. 41. C. сл. См также пр. 285.

рое внесло въ ея существо нестройность [284]). Цѣль нашей жизни—возстановленіе первоначальной природы изученіемъ небесныхъ круговоротовъ и гармоніи. Зрѣніе дано намъ для того, чтобы„ чрезъ созерцаніе въ небѣ круговоротовъ разума мы ими воспользовались для круговращеній нашей мысли, которыя сходны съ небесными, нестройныя со стройными, и чтобы изучивъ ихъ и ставъ причастными естественной правильности сужденій, подражали безусловно неуклоннымъ стезямъ божества и установили свои собственные сбившіеся съ пути обороты. То же самое должно сказать о голосѣ и слухѣ: и они для того же и съ тою же цѣлью даны намъ богами. Даръ слова направленъ къ той же цѣли и весьма много содѣйствуетъ ей; и насколько голосъ пригоденъ для музыкальныхъ звуковъ, онъ данъ на служеніе слуху ради гармоніи. А гармонія имѣетъ движенія родственныя съ круговоротами нашей души, и потому тотъ, кто обращается къ Музамъ со смысломъ, считаетъ ее полезной не для безразсуднаго удовольствія, какъ думаютъ теперь, но данной намъ Музами помощницей для возстановленія порядка и внутренняго согласія въ разстроенномъ круговращеніи души нашей“ [285]). Изъ человѣка душа вселяется въ другія существа по нравственному сродству съ ними. „Родъ птицъ (напримѣръ), надѣленный вмѣсто волосъ перьями, образовался перерожденіемъ тѣхъ мужчинъ, которые были не дурные, а только легкомысленные, и хотя любили заниматься небесными явленіями, въ простотѣ сердца полагали что доставляемыя зрѣніемъ доказательства въ этомъ случаѣ самыя достовѣрныя. Родъ пѣшеходныхъ животныхъ и звѣрей произошолъ изъ тѣхъ, которые совсѣмъ не занимались философіей и вовсе не созерцали природы міра, такъ какъ не дѣлали никакого употребленія изъ тѣхъ кругообращеній, которыя въ головѣ, но слѣдовали водительству частей души, расположенныхъ около груди“ и пр. [286]) (Одинъ изъ лучшихъ примѣровъ юмористическаго отношенія Платона къ собственному ученію [287]). По очищеніи душа снова возвращается на свою

---

[284]) Ibid. 41, D, сл.

[285]) Tim. 47, A—E. 90, A сл. Выше, стр. 67, сл.

[286]) Ibid. 42, B, сл. 91, D, сл.

[287]) Достаточно прочесть текстъ, чтобы убѣдиться въ юмористическомъ тонѣ. См. впрочемъ отд. 4 и гл. IX.

звѣзду [288]). Впрочемъ, такъ ли все это, или нѣтъ, извѣстно лишь богу или тому, кто близокъ къ богу [289]); мы же должны молиться о правдоподобномъ и имъ довольствоваться [290]).

Черты сходства въ изложенныхъ до сихъ поръ частяхъ на столько очевидны, что нѣтъ нужды останавливаться на ихъ разъясненіи.

Идеологія въ томъ видѣ, какъ излагаетъ ее Тимэй, — безспорное достояніе Платона. Но Платонъ имѣлъ основаніе вложить ее въ уста Пиѳагорейцу. О вѣчныхъ сущностяхъ вещей и о томъ, что эти сущности—единое во многомъ, Пиѳагорейцы учили несомнѣнно [291]). Въ „Филебѣ“ Платонъ, не называя Пиѳагорейцевъ, говоритъ о нихъ, какъ основателяхъ формальныхъ правилъ діалектики, и то, что онъ приводитъ въ поясненіе, почти буквально совпадаетъ съ однимъ изъ Филолаевыхъ отрывковъ. „Люди древніе (говоритъ Платонъ [292]), которые были лучше насъ и жили ближе къ богамъ, передали намъ сказаніе, что то, что называется вѣчно сущимъ, состоитъ изъ единаго и многаго, и имѣетъ въ себѣ сросшіеся предѣлъ и безпредѣльность. При такомъ порядкѣ, мы должны во всемъ каждый разъ предполагать и искать одну идею, такъ какъ ее тамъ найдемъ, а какъ скоро овладѣемъ ею, должны смотрѣть, нѣтъ ли кромѣ одной двухъ, а не то трехъ, или какого нибудь другого числа; точно также мы должны поступать и съ каждымъ отдѣльнымъ членомъ, пока въ изначальномъ единствѣ увидимъ не только единое, многое и безпредѣльное, но и опредѣленное количество; а идею безпредѣльнаго мы не должны примѣнять ко множеству, пока не увидимъ всего числа между безпредѣльнымъ и единымъ, и только тогда мы можемъ со всѣми оставшимися единицами проститься какъ съ безпредѣльными“. А вотъ и слова самихъ древнихъ: „Природа міра сложена изъ безпредѣльныхъ и опредѣляющихъ, какъ весь міръ, такъ и все, что въ немъ [293])... Сущее необходимо должно быть или опредѣляющимъ или

---

288) Tim. 42, A—D.

289) Ibid. 53, D

290) Ibid. 29, D. 44, C. 56, C. 57, D. 59, C. 67, D. 68, E. 90, E.

291) Выше, стр. 127.

292) Phileb. 16, C—E.

293) Phileb. ap. Stob. Ecl. I, 454. Съ приведенными словами изъ «Филеба» и изъ Филолая Целлеръ сопоставляетъ Tim. 35, A. Phil. d. Gr. I⁴, 324.

безпредѣльнымъ, а однимъ безпредѣльнымъ не можетъ быть. Такъ какъ повидимому сущее состоитъ не изъ однихъ безпредѣльныхъ и не изъ однихъ опредѣляющихъ, то явно, что міръ и то, что въ немъ, сложены изъ опредѣляющихъ и изъ безпредѣльныхъ. Ясно это и изъ вещей. Изъ опредѣляющихъ онѣ являются опредѣляющими, изъ опредѣляющихъ и безпредѣльныхъ—опредѣляющими и безпредѣльными. Все познаваемое имѣетъ число. Безъ него ничто не можетъ быть ни мыслимо, ни познаваемо. Но число имѣетъ два частные рода: оно есть четное и нечетное; сверхъ того оно бываетъ смѣшаннымъ изъ обоихъ, четно нечетнымъ. Въ каждомъ изъ этихъ родовъ много видовъ, изъ которыхъ каждый подраздѣляется точно также [294]).“ Тѣмъ знаменательнѣе это сопоставленіе, что Платонъ его повторяетъ въ „Политикѣ“ [295]), еще яснѣе указывая на Пиѳагорейцевъ, но ставя въ тоже время на видъ ихъ неумѣнье пользоваться своимъ открытіемъ. „Теперь, Сократъ, (говоритъ Странникъ) нами сказано то, что̀ иногда говорятъ многіе изъ замысловатыхъ людей, когда думаютъ сказать нѣчто мудрое, а именно, что наука измѣренія примѣнима ко всему происходящему. Измѣренію конечно причастно нѣкоторымъ образомъ все, что̀ принадлежитъ къ искусству. Но такъ какъ эти люди не привыкли изслѣдовать вещи, раздѣляя ихъ по родамъ, то тотчасъ же сводятъ въ одно и тоже такія различныя вещи (какъ измѣреніе относительнымъ количествомъ и оцѣнка опредѣленной мѣрой и цѣлью), считая ихъ подобными, а съ другой стороны поступаютъ и противно этому, раздѣляя вещи не на ихъ дѣйствительныя части, между тѣмъ какъ должно, какъ скоро замѣтишь сходство между многими вещами, не отставать до тѣхъ поръ, пока не увидишь въ этомъ сходствѣ всѣхъ тѣхъ различій, которыя лежатъ въ видахъ, и наоборотъ, при разсмотрѣніи различныхъ несходствъ во множествѣ вещей, не переставать безпокоиться до тѣхъ поръ, пока всѣ ихъ свойства не включишь въ предѣлы одного подобія и не обнимешь сущностью какого нибудь рода“.

Аналогія между Платоновыми идеями и Пиѳагорейскими числами сказывается и въ томъ, что по ихъ основному смыслу тѣ и другія имѣютъ значеніе міровыхъ законовъ и типовъ вещей. Міровой законъ

294) ὰς ἕκαστον αὐταυτὸ ἐτμαίνει Безсмысленный текстъ перевожу по поправкѣ Муллаха.
295) Polit 285. A—B.

есть необходимое объективное единство, опредѣляющее собою разнообразное безпредѣльное множество. По Платону, идея есть то единое во многомъ, которое какъ причина и цѣль даетъ этому многому общій характеръ [296]). По Пиѳагорейцамъ, число есть лежащая въ основаніи бытія причина стройности и порядка [297]), господствующая самородная связь вѣчнаго постоянства въ міровомъ строѣ [298]). На взглядъ Пиѳагорейцевъ, вещи подражанія числамъ [299]), на взглядъ Платона, онѣ подражанія идеямъ [300]). Отожествленіе самимъ Платономъ въ послѣдній періодъ его дѣятельности идей съ числами лучше всего свидѣтельствуетъ о сродствѣ между тѣми и другими [301]).

Начало идеальное Платонъ разсматриваетъ какъ опредѣляющее, благое, разумное, мужское, неизмѣнно пребывающее и недвижимое, и противопоставляетъ ему начало безпредѣльное, дурное, безумное, женское, безусловно подвижное. Точно также и Пиѳагорейцы сводили все сущее къ двумъ основнымъ противоположностямъ опредѣляющаго и безпредѣльнаго, изъ которыхъ первую отожествляли съ началомъ хорошимъ, мужскимъ, разумнымъ, неподвижнымъ, а вторую съ началомъ дурнымъ, женскимъ, неразумнымъ, подвижнымъ. „Возникновеніе этого міра, говоритъ Платонъ, произошло смѣшаннымъ изъ встрѣчи Ума съ Необходимостью. Но такъ какъ Умъ возобладалъ надъ Необходимостью, убѣдивъ ее большую часть происходящаго вести къ наилучшему, то вслѣдствіе этого и такимъ образомъ эта вселенная была составлена изначала посредствомъ подчинившейся разумному убѣжденію Необходимости. . [302]). Поэтому слѣдуетъ говорить отдѣльно о двоякаго рода причинахъ, и о тѣхъ, которыя совмѣстно съ умомъ

---

296) De Rep. 596, A. Выше, стр. 123, пр. 223. 508, E—509, B. Выше, стр. 47, сл. Phaedo, 74, E, сл. 96, A, сл. Phileb. 16, C, 23, C, сл. (о послѣднемъ Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 691 f.). Theaet. 186, A. Polit. 283, D. 284, A—C. См. ниже, отд. 7.

297) Выше, стр. 127, сл

298) Jambl. ad Nicom. Arithm. 11. Φιλόλαος δέ φησιν ἀριθμὸν εἶναι τῆς τῶν κοσμικῶν αἰωνίας διαμονῆς τὴν κρατιστεύουσαν καὶ αὐτογενῆ συνοχήν Отрывокъ этотъ очевидно передаетъ не подлинныя слова, а только мысль Филолая.

299) Aristot Metaph. I, 6. 987 b, 12 οἱ μὲν γὰρ Πυθαγόρειοι μιμήσει τὰ ὄντα φασὶν εἶναι τῶν ἀριθμῶν, Πλάτων δὲ μεθέξει, τοὔνομα μεταβαλών.

300) Tim. 48, E: μίμημα παραδείγματος. 50, C: τῶν ὄντων ἀεὶ μιμήματα. 51, B. 51, A ἀφομοιώματα Платонъ «замѣнилъ» подражаніе «участіемъ» въ Tim. 51, B (μεταλαμβάνον). Sympos. 211, B (μετέχοντα) Parmen. 129, A. 130, E. 131, A (μεταλαμβάνονται и μετέχονται). Phaedo, 100, C, сл. (μέθεξις, κοινωνία, παρουσία). De Rep. 402, C 476, D (μετέχοντα).

301) Объ идеяхъ какъ числахъ, Zeller, Phil. d. Griech. II a⁴, 679 f 749 f.

302) Tim. 48, A. 28, A, сл.

создаютъ прекрасное и хорошее, и о тѣхъ, которыя лишенныя разумѣнія всякій разъ производятъ безъ порядка то, что случится...[303]). Въ противоположность благому началу, вѣчно пребывающему безъ движенія и себѣ тожественному[304]), Необходимость есть видъ блуждающей причины[305]), безъ порядка двигающаяся и сотрясаемая[306]) подкладка и пріемница происхожденія, какъ бы его кормилица[307]), вѣчно сущій родъ пространства... доставляющій сѣдалище всему, что имѣетъ происхожденіе, по самъ постигаемый безъ посредства чувствъ какимъ то незаконнорожденнымъ разсужденіемъ и едва вѣроятный...[308]). Воспріемницу происхожденія слѣдуетъ уподобить матери, а то, на что похоже происхожденіе — отцу, среднюю между ними природу — дѣтищу“[309]).. „Пиѳагорейцы (слышимъ мы отъ Аристотеля) приравнивали дурное безпредѣльному, а хорошее — опредѣленному...[310]) и раздѣляли все сущее на десять началъ, которыя называли попарно, а именно: предѣлъ и безпредѣльное, четное и нечетное, единое и многое, правое и лѣвое, мужское и женское, покоющееся и подвижное, прямое и кривое, свѣтъ и тьму, хорошее и дурное, квадратъ (имѣющій одинъ только видъ) и прямоугольный четырехугольникъ“[311]) (имѣющій нѣсколько видовъ). „Природа числа и гармоніи (говоритъ Филолай) не принимаетъ никакой лжи, такъ какъ она имъ не свойственна. Ложь и зависть принадлежатъ безпредѣльной, безумной и безсмысленной природѣ. Ложь никогда не вдохновляетъ числа, такъ какъ враждебна и непріязненна его природѣ; напротивъ, истина свойственна и сродна происхожденію числа“[312]).

Для Пиѳагорейцевъ начало безпредѣльности сливается съ началомъ раздѣльности и пустоты; точно также и Платонъ о своемъ женскомъ началѣ учитъ какъ о полагающемъ раздѣльность пустомъ

---

303) Ibid. 46, E.
304) Ibid. 38, A.
305) Ibid. 48, A.
306) Ibid. 52. E.
307) Ibid. 49, A.
308) Ibid. 52, A—B. De Rep. 517, B: τὴν μὲν διὄψεως φαινομένην ἕδραν. О Платоновой «матеріи» какъ пространствѣ Zeller Ph. d. Gr. II a[1] 725 f 733 f. 740 f. Baumker, Das Problem der Materie in der griechischen Philosophie, Munst. 1890, 151 f.
309) Ibid. 50, D.
310) Eth. Nic. II, 5, 1106 b, 29.
311) Metaph. I, 5, 986 a, 22. Eth. Nic. I, 4, 1096 b, 5.
312) Philol. ap. Stob. I, 8. См. выше, стр. 128, сл.

пространствѣ „Пиѳагорейцы (свидѣтельствуетъ Аристотель [313]) признавали пустоту, которая привходитъ въ міръ изъ безпредѣльнаго дуновенія, вдыхаемаго вмѣстѣ съ пустотой міромъ. Пустота раздѣляетъ природу вещей какъ нѣкоторое начало раздѣленія существующаго подрядъ и распредѣленія. Это начало первое въ числахъ, такъ какъ пустота раздѣляетъ ихъ природу". Воспринимаемыя нашими чувствами подобія идей (говоритъ Платонъ) находятся въ непрестанномъ потокѣ. Поэтому они никогда не „тѣ" и не „эти", а всегда лишь „таковыя" [314]); если же мы ихъ называемъ тѣми или этими, то исключительно потому, что они представляются намъ на обособляющемъ ихъ лонѣ кормилицы происхожденія, которая одна есть „то" или „это" [315]). И по отношенію къ разнообразію сущаго кормилица происхожденія находитъ аналогію въ безпредѣльномъ Пиѳагорейцевъ. По ученію послѣднихъ, разнообразіе происходитъ вслѣдствіе того, что четное (безпредѣльное) окружается и ограничивается нечетнымъ (предѣльнымъ [316]). По Платону, разнообразіе есть слѣдствіе ограниченія и опредѣленія пустого пространства. Огонь, вода, воздухъ, разсматриваемые обыкновенно какъ буквы, изъ которыхъ сложена вселенная, на дѣлѣ столь производны, что не могутъ быть названы даже слогами [317]). Каждое изъ нихъ есть не что̀ иное, какъ ограниченное состоящими изъ треугольниковъ плоскостями пустое пространство [318]). „Этими причинами объясняется происхожденіе первыхъ и безпримѣсныхъ тѣлъ. Относительно же того, что въ каждомъ изъ этихъ родовъ произошли другіе виды, то причину слѣдуетъ полагать въ составѣ каждаго изъ двухъ основныхъ элементовъ, (то есть равнобедреннаго и неравнобедреннаго прямо-

---

313) Phys. IV, 6, 213 b, 22. О Пиѳагорейскомъ ἄπειρον подробный анализъ у Baumker'a, 37 f.

314) Tim 49, B, сл.

315) Ibid 49, E: ἐν ᾧ δὲ ἐγγιγνόμενα ἀεὶ ἕναστα αὐτῶν φαντάζεται καὶ πάλιν ἐκεῖθεν ἀπόλλυται, μόνον ἐκεῖνο αὖ προσαγορεύειν τῷ τε τουτο καὶ τῷ τόδε προσχρωμένους ὀνόματι.

316) Aristot. Phys. III, 4, 203 a, 10: οἱ μὲν τὸ ἄπειρον εἶναι τὸ ἄρτιον·τουτο γὰρ ἐναπολαμβανόμενον καὶ ὑπὸ του περιττοῦ περαινόμενον παρέχειν τοῖς οὖσι τὴν ἀπειρίαν· σημεῖον δ'εἶναι τούτου τὸ συμβαῖνον ἐπὶ τῶν ἀριθμῶν·περιτιθεμένων γὰρ τῶν γνωμόνων περὶ τὸ ἓν καὶ χωρὶς ὁτὲ μὲν ἄλλο ἀεὶ γίγνεσθαι τὸ εἶδος, ὁτὲ δὲ ἕν. Объясненіе этого темнаго σημεῖον даютъ Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 322, 4 и съ другой точки зрѣнія, но менѣе удовлетворительно, Prantl., Arist. Phys. 489

317) Tim. 48. B—C.

318) Ibid 53, C, сл. Zeller, Ph d. Gr. II a⁴, 796 f.

угольнаго треугольника [319]), потому что тотъ и другой породилъ въ самомъ началѣ не по одному и не одной величины треугольнику, но множество меньшихъ и большихъ, числомъ столько, сколько видовъ ихъ могутъ содержать въ себѣ роды ихъ. Эти виды, смѣшиваясь сами съ собою одинъ и съ другимъ, даютъ, ту безпредѣльную пестроту, которую обязанъ созерцать тотъ, кто желаетъ съ вѣроятностью разсуждать о природѣ“ [320]).

Въ силу своей природы кормилица происхожденія заставляетъ насъ представлять множество не только въ вещахъ, но и самые вѣчные роды сущаго воображать въ пространственныхъ опредѣленіяхъ [321]). Смотря на нее мы грезимъ, что всякое бытіе необходимо должно быть въ какомъ нибудь мѣстѣ и занимать какое нибудь пространство, а то, чего нѣтъ ни на землѣ ни гдѣ либо въ небѣ, вовсе не существуетъ [322]). Эта греза такъ же необходима, безначальна и вѣчна, какъ и ея нелѣпая причина [323]). Поэтому „мы и при пробужденіи становимся неспособными говорить о несонной и истинно существующей природѣ той истины, что тогда какъ образъ, не имѣя въ себѣ самомъ даже основанія своего происхожденія, но всегда предносясь какъ призракъ чего то другого, долженъ или происходить въ чемъ нибудь другомъ, чтобы хоть сколько нибудь участвовать въ бытіи, или иначе совсѣмъ не существовать,—для истинно сущаго опорою служитъ тотъ строго истинный доводъ, что доколѣ одно есть не то что другое, до тѣхъ поръ ни одно изъ нихъ ставъ въ другомъ не можетъ быть вмѣстѣ единымъ тожественнымъ и двумя“ [324]). Но истинно сущая природа вмѣстѣ едина и двояка: она во первыхъ, неизмѣнное себѣ тожественное бытіе и во вторыхъ, неразъемлемо съ этимъ бытіемъ связанное, хотя отъ него и отличное, его подобіе въ мірѣ измѣнчивыхъ вещей. Поэтому „кормилицу происхожденія“ истинно сущая природа имѣетъ въ себѣ самой. Какъ отличная отъ сущаго, эта кор-

---

319) Ibid. 53, C—D.

320) Ibid. 57, C—D.

321) De Rep. 476, A: καὶ περὶ δικαίου καὶ ἀδίκου καὶ ἀγαθοῦ καὶ καλοῦ καὶ πάντων τῶν εἰδῶν περὶ ὃ αὐτος λόγος αὐτὸ μὲν ἓν ἕκαστον εἶναι, τῇ δὲ τῶν πράξεων καὶ σωμάτων καὶ ἀλλήλων κοινωνίᾳ πανταχοῦ φανταζόμενα πολλὰ φαίνεσθαι ἕκαστον (кажутся многими вслѣдствіе того, что представляются въ пространствѣ).

322) Tim. 52, B.

323) Выше, стр. 136, пр. 138.

324) Tim. 52, B—D.

милица есть не сущее или небытіе, но какъ соприсущая бытію, она есть сущее небытіе [325]).

The One remains, the many change and pass,
Heaven's light forever shines, Earth's shadows fly,
Life, like a dome of many-coloured glass,
Stains the white radiance of Eternity [326]).

Женское начало у Платона такимъ образомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ той безумной и безсмысленной природѣ, о которой мы слышимъ отъ Филолая [327]).

Близкое сродство кормилицы происхожденія съ неопредѣленнымъ Пиѳагорейцевъ Платонъ наглядно засвидѣтельствовалъ самъ, отожествивъ ее впослѣдствіи съ неопредѣленной двойней [328]) или великимъ и малымъ, а эти послѣднія—съ небытіемъ.

„Платонъ (говоритъ его другъ Гермодоръ [329]) различаетъ вещи, существующія по себѣ, напримѣръ человѣкъ, конь, и существующія относительно другого, именно существующія относительно противоположнаго и относительно чего нибудь, а эти послѣднія, какъ опредѣленныя и неопредѣленныя... Все, о чемъ говорится какъ о великомъ по отношенію къ малому, имѣетъ въ себѣ больше и меньше и вслѣдствіе того, что бываетъ болѣе великимъ и малымъ, несется въ безпредѣльность. Тоже (справедливо) и о болѣе широкомъ, тѣсномъ, тяжеломъ или легкомъ; какъ все это, такъ и другое, о чемъ говорятъ также (то есть какъ о великомъ по отношенію къ малому),

[325]) Ниже, стр. 144 и отд. 5.

[326]) Shelley, Adonais LII. «Es ist Ein und dasselbe Sein, welches rein und ganz in der Idee, unvollständig und getrübt in der sinnlichen Erscheinung angeschaut wird, die Eine Idee erscheint im Sinnlichen als eine Vielheit, die Sinnenwelt ist nur die Abschattung der Idee, nur die vielgestaltige Brechung ihrer Strahlen in dem an sich leeren und dunkeln Raume des Unbegrenzten». Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 746. Само собою просится на сопоставленіе индійское ученіе о Брамѣ и Майѣ. Calebrooke, Miscellaneous Essays, I, 377. Lond. 1837. Wuttke, Gesch. d. Heidenthums, 2-e Th. Berl. 1853, 281 f. Jacob, A manual of Hindu Pantheism, Lond. 1881, 8. 43. Gough, The philosophy of the Upanishads, Lond. 1882, 34 f. Deussen, Das System des Vedânta, Leipz. 1883, 107. 202. 246. 274. 297. 299. 322. 372. Die Elemente der Metaphysik, 2-te Aufl. Leipz. 1890, 23. M. Williams, The Brahmanism and Hinduism, 3-d ed. Lond. 1887. 148 f. (у Gough'a и въ обоихъ трудахъ Deussen'a многочисленныя сопоставленія между философскими и религіозными воззрѣніями Востока и Запада).

[327]) Stob. I, 10 τὰς γὰρ ἀπείρω καὶ ἀνάτου καὶ ἀλόγω φυσιος τὸ ψευδὲς καὶ φθόνος ἐστίν. Сходство становится тѣмъ знаменательнѣе, что о своемъ благомъ началѣ Платонъ точно также учитъ какъ о чуждомъ всякой зависти. Tim. 29, E, сл.

[328]) Alex. ad Metaph. I, 6, 987 b, 33. 9, 990 b, 17. (551. 567 Brand.)

[329]) Simpl. in Phys. 192 a, 3, 13 (248, 2 Diels). Извѣстіе дошло до насъ изъ четвертыхъ рукъ. Симпликій выписываетъ изъ Порфирія, Порфирій изъ Деркеллида, Деркеллидъ изъ Гермодора. Ibid. 247, 30. Отсюда и порча текста.

должно нестись въ безпредѣльность. Напротивъ то, что̀ называется равнымъ, покоющимся, прилаженнымъ, не имѣетъ въ себѣ ни больше, ни меньше. Но противоположное имъ имѣетъ и то и другое, такъ какъ неравное можетъ быть болѣе неравнымъ, движущееся болѣе подвижнымъ, неприлаженное болѣе неприлаженнымъ. Поэтому, за исключеніемъ стихіи единаго, все принимаетъ большее и меньшее отъ каждаго состава этой пары. Вслѣдствіе этого такое существованіе называется нестойкимъ, безформеннымъ, безпредѣльнымъ, и по отрицанію бытія, несуществующимъ. Ему не подходитъ быть ни началомъ, ни сущностью, но оно носится въ нѣкоторомъ безразличіи". О взглядѣ Платона на неопредѣленное какъ великое и малое и небытіе мы слышимъ кромѣ Гермодора отъ Аристотеля и его комментаторовъ [330]). Со свидѣтельствомъ Гермодора вполнѣ совпадаетъ (за исключеніемъ лишь разсужденія о небытіи) анализъ неопредѣленнаго въ „Филебѣ" [331]). Неопредѣленное охарактеризовано здѣсь какъ вѣчно колеблющееся и текущее большее или меньшее, а предѣльная стихія какъ устойчивое среди этого потока бытіе [332]). Какъ неопредѣленное вѣчно колеблющееся небытіе, Платоново великое и малое соотвѣтствуетъ Пиѳагорейской подвижной неопредѣленной пустотѣ. Но въ ученіи о вѣчной подвижности великаго и малаго и пребываніи предѣла Платонъ сверхъ того слилъ съ Пиѳагорейскимъ ученіемъ Гераклитово о всеобщемъ потокѣ и свое собственное объ идеяхъ.

Аристотель, хотя и отмѣчаетъ своеобразность ученія Платона о неопредѣленномъ какъ двоякомъ [333]), по мысли прямо отожествляетъ это неопредѣленное съ Пиѳагорейскимъ [334]). Точно также и Ѳеоф-

---

330) Aristot. Phys. I, 9, 192 a, b: οἱ δὲ τὸ μὴ ὂν τὸ μέγα καὶ τὸ μικρὸν ὁμοίως, ἢ τὸ συναμφότερον ἢ τὸ χωρὶς ἑνάτερον III, 2, 201 b, 19: ἑτερότης καὶ ἀνισότης καὶ τὸ μὴ ὄν. Eudem. ap. Simpl. Phys. 431, 8, Diels Πλάτων δὲ τὸ μέγα καὶ μικρὸν καὶ τὸ μὴ ὂν καὶ τὸ ἀνώμαλον καὶ ὅσα τούτοις ἐπὶ ταυτὸ φέρει τὴν κίνησιν λέγει. Zeller, Philos. d. Griech. II a[4], 705, 6. 726, 3 f. 732 f. Всѣ остальныя свидѣтельства о Платоновыхъ μέγα καὶ μικρὸν и δυὰς ἀόριστος у Боница въ Index Aristot. 448 b, 23. 599 a, 35. 206 a, 9 и ихъ оцѣнка у Целлера, Ph. d. Gr II a[4], 679 f. 750 f. 755 f. и пр.

331) Phileb. 23, C, слѣд. Обстоятельный анализъ ученія о матеріи въ «Филебѣ» у Schneider'a, Die Platonische Metaphysik, Leipz. 1884.

332) Ibid. 24, D: προχωρεῖ γὰρ καὶ οὐ μένει τὸ τε θερμότερον αὐξὶ καὶ τὸ ψυχρότερον ὡσαὐτως, τὸ δὲ ποσὸν ἔστη καὶ προιὸν ἐπαυσατο. κατὰ δὴ τοῦτο τὸν λόγον ἄπειρον γίγνοιτ' ἂν τὸ θερμότερον καὶ τουναντίον ἅμα.

333) Metaph. I, 6, 987 b, 25. Phys. III, 4, 203 a, 10. III, 6, 206 b, 27. Zeller, Phil. d. Gr. I[4], 339, 1.

334) Phys III, 4, 203 a, 3: πάντες γὰρ οἱ δοκοῦντες ἀξιολόγως ἥφθαι τῆς τοιαύτης φιλοσοφίας πεποίηνται λόγον περὶ τοῦ ἀπείρου. καὶ πάντες ὡς ἀρχήν τινα τιθέασι τῶν ὄντων, οἱ μέν, ὥσπερ

растъ сопоставляетъ ученіе Платона объ основныхъ началахъ съ Пиѳагорейскимъ въ одной нераздѣльной характеристикѣ. „Платонъ и Пиѳагорейцы (говоритъ онъ [335])...дѣлаютъ какъ бы нѣкоторую противоположность между неопредѣленной двойней и единымъ. Въ этой противоположности все безпредѣльное, все такъ сказать самобытное безобразіе. Безъ нея совершенно невозможна была бы природа вселенной, но оба эти противоположныя начала то уравновѣшиваются, то пересиливаютъ одно другое. Поэтому даже Богъ, поскольку они считаютъ его причиной, можетъ вести все не къ наилучшему, а лишь къ возможно лучшему". Нераздѣльность этой характеристики мы должны объяснять не критической неразборчивостью Ѳеофраста, которую предполагать нѣтъ данныхъ, а тѣмъ, что Платоново ученіе въ нѣкоторыхъ частяхъ было неразличимо отъ Пиѳагорейскаго.

У Платона средою между горнимъ пребывающимъ міромъ идей и вѣчно волнующимся моремъ чувственныхъ вещей [336]) служитъ міровая душа, примиряющая въ себѣ идеальное съ вещественнымъ и кроющая начало мѣрнаго движенія [337]). Подобно этому и у Пиѳагорейцевъ мы находимъ различіе между высшимъ Олимпомъ, гдѣ стихіи пребываютъ въ ихъ чистотѣ, среднимъ Космосомъ, гдѣ господствуетъ правильное движеніе, и нижнимъ Ураномъ, гдѣ живетъ любящее перемѣны бываніе [338]). У Платона міровая душа идетъ отъ центра, даетъ жизнь свѣтиламъ небеснымъ и проникаетъ и окружаетъ весь міръ какъ начало закономѣрности и порядка [339]), точно также и у Пиѳагорейцевъ ихъ животворящій огонь идетъ отъ центра, порождаетъ свѣтила небесныя, проникаетъ и окружаетъ весь міръ

οἱ Πυθαγόρειοι καὶ Πλάτων καθ'αὐτό, οὐχ ὡς συμβεβηκός τινι ἑτέρῳ ἀλλ' οὐσίαν (самобытное существованіе). Что по Платону самобытнымъ существованіемъ можетъ быть и не бытіе, мы увидимъ ниже См. стр. 144, сл и отд. 5

[335]) Theophr Metaph., XII, 33, Wimm. (Didot).

[336]) Tim. 34, B, сл 48, A, сл. 51, C, сл.

[337]) Tim. 34, C, сл.

[338]) Stob. I. 488 τὸ μὲν οὖν ἀνωτάτω μέρος τοῦ περιέχοντος. ἐν ᾧ τὴν εἰλικρίνειαν εἶναι τῶν στοιχείων, Ὄλυμπον καλεῖ (Филолаосъ), τὰ δὲ ὑπὸ τὴν τοῦ Ὀλύμπου φοράν, ἐν ᾧ τοὺς πέντε πλανήτας μεθ'ἡλίου καὶ σελήνης τετάχθαι, Κόσμον, τὸ δ'ὑπὸ τούτοις ὑποσέληνόν τε καὶ περίγειον μέρος, ἐν ᾧ τὰ τῆς φιλομεταβόλου γενέσεως, Οὐρανόν καὶ περὶ μὲν τὰ τεταγμένα τῶν μετεώρων γίγνεσθαι τὴν σοφίαν, περὶ δὲ τὰ γενόμενα τῆς ἀταξίας τὴν ἀρετήν, τελείαν μὲν ἐκείνην, ἀτελῆ δὲ ταυτήν.

[339]) Tim. 34 B. 36, E. сл

и есть мѣра, руль и источникъ порядка вселенной [340]). Какъ сущность имѣющая въ себѣ недѣлимое и дѣлимое, обнимающая и животворящая вселенную, міровая душа соотвѣтствуетъ Пиѳагорейскому единству, которое заключаетъ въ себѣ предѣлъ и безпредѣльное [341]) и служитъ верховной связью всего сущаго [342]), проявляемой прежде всего въ первомъ слаженномъ очагѣ, на которомъ горитъ животворящій огонь Гестіи [343]).

---

[340]) Выше, стр. 128, пр. 254.

[341]) Aristot. Metaph. I, 5, 986 a, 17: τοῦ δὲ ἀριθμοῦ στοιχεῖα τό τε ἄρτιον καὶ τὸ περιττόν, τουτων δὲ τὸ μὲν πεπερασμένον τὸ δὲ ἄπειρον, τὸ δ' ἓν ἐξ ἀμφοτέρων εἶναι τουτων (καὶ γὰρ ἄρτιον εἶναι καὶ περιττόν) τὸν δ' ἀριθμὸν ἐκ τοῦ ἑνός, ἀριθμοὺς δέ, καθάπερ εἴρηται, τὸν ὅλον οὐρανόν. 987 a, 13. Выше, стр. 127, пр. 249.

[342]) Philol. ap. Iambl. in Nicom. Arithm. 109: ἓν ἀρχὰ πάντων. Philo de Mund. Opif. 24 Mang.: μαρτυρεῖ δέ που τῷ λόγῳ καὶ Φιλόλαος ἐν τουτοις. ἔστι γάρ φησιν ὁ ἡγεμὼν καὶ ἄρχων ἁπάντων θεὸς εἷς ἀεὶ ἐὼν, μόνιμος ἀκίνητος, αὐτὸς αὑτῷ ὅμοιος, ἕτερος τῶν ἄλλων. Athenag. Suppl. c. 6: καὶ Φιλόλαος δὲ ὥσπερ ἐν φρουρᾷ πάντα ὑπὸ τοῦ θεοῦ περιειλῆφθαι λέγων. Syrian ad Metaph. 1087 a, 29. 925 b, 24 Brand.: ὅλως δὲ οὐδὲ ἀπὸ τῶν ὡσανεὶ ἀντικειμένων οἱ ἄνδρες ἤρχοντο, ἀλλὰ καὶ τῶν δυο συστοιχιῶν τὰ ἐπέκεινα ἤθεσαν, ὡς μαρτυρεῖ Φιλόλαος τὸν θεὸν λέγων πέρας καὶ ἀπειρίαν ὑποστῆσαι, διὰ μὲν τοῦ πέρατος τὴν τῷ ἑνὶ συγγενεστέραν ἐνδεικνυμενος πᾶσαν συστοιχίαν, διὰ δὲ τῆς ἀπειρίας τὴν ταύτης ὑφειμένην. καὶ ἔτι πρὸ τῶν δυο ἀρχῶν τὴν ἑνιαίαν αἰτίαν καὶ πάντων ἐξῃρημένην προέταττον, ἣν Ἀρχύτας μὲν ἀἰτίαν πρὸ αἰτίας εἶναί φησι, Φιλόλαος δὲ τῶν πάντων ἀρχὰν εἶναι διισχυρίζεται, Βροτῖνος δὲ ὡς νοῦ παντὸς καὶ οὐσίας δύναμει καὶ πρεσβείᾳ ὑπερέχει. Хотя древнѣйшіе Пиѳагорейцы и не учили о верховномъ единствѣ въ томъ смыслѣ, какъ объ этомъ повѣствуютъ Евдоръ, Секстъ, Сиріанъ и другіе позднѣйшіе свидѣтели (Zeller, Ph. Gr. I a [4], 330 f.), то есть въ смыслѣ внѣмірнаго порождающаго всѣ вещи начала, однако единство высшее чѣмъ непосредственно данное ихъ ученіемъ несомнѣнно предполагалось, такъ какъ само эмпирическое единство состоитъ по этому ученію изъ предѣльнаго и безпредѣльнаго. (Выше, пр. 341). Правда, Филолай указываетъ на гармонію какъ на причину объединенія противоположностей, а относительно происхожденія гармоніи ограничивается замѣчаніемъ, что «все равно какимъ бы образомъ она ни появилась» (выше, стр. 127, пр. 248); но сама гармонія очевидно предполагаетъ единство, а замѣчаніе Филолая уполномочиваетъ къ заключенію не о томъ, что онъ не сознавалъ необходимости высшей причины объединенія, а о томъ, что онъ не входилъ въ ближайшее разсмотрѣніе ея дѣйствія. Фрагментъ изъ Аѳинагора, повидимому, правильно передастъ мысль древнѣйшихъ Пиѳагорейцевъ. Богъ окружаетъ собою весь міръ, заключаетъ въ себѣ предѣльное и безпредѣльное и служитъ такимъ образомъ той ἑνιαία αἰτία, о которой говоритъ Сиріанъ. Сознаніе тѣсной связи между міромъ и богомъ было обще всей древнѣйшей греческой философіи. Слова Сиріана πάντων ἐξῃρημένην либо навѣяны неправильнымъ пониманіемъ ученія Филолая о богѣ какъ ἕτερος τῶν ἄλλων (= отличный отъ остальныхъ боговъ), либо, что вѣроятнѣе, вызваны тѣмъ, что Сиріанъ даетъ слитную характеристику взгляда на единое какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ Пиѳагорейцевъ. Разсудительныя замѣчанія о высшемъ Пиѳагорейскомъ единствѣ у Бэка, Philolaus, 53 f. и Joel, Zur Geschichte der Zahlenprincipien in der griechischen Philosophie, Zeitschr. f. Philosophie u. philos. Kritik XC, 3, 1890, 185 f. Целлеръ проводитъ слишкомъ рѣзкую грань между философскимъ и религіознымъ сознаніемъ Пиѳагорейцевъ. Какъ бы то ни было, уже то, что изъ Пиѳагорейскаго ученія объ единомъ выросло впослѣдствіи ученіе объ абсолютномъ единствѣ и что оба ученія слились въ нераздѣльное цѣлое, свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что первымъ ясно подразумѣвалось второе.

[343]) Phil. ap. Stob. Ecl. I, 468: τὸ πρῶτον ἁρμοσθὲν τὸ ἓν ἐν τῷ μέσῳ τῆς σφαίρας Ἑστία καλεῖται 360, 452. Plut. Numa, c. 11: κόσμου οὐ μέσον οἱ Πυθαγορικοὶ τὸ πῦρ ἱδρῦσθαι νομίζουσι,

Самый процессъ образованія міровой души находитъ аналогію въ Пиѳагорейскомъ ученіи о числахъ.

„Изъ сущности недѣлимой и всегда себѣ тожественной и изъ дѣлимой, бывающей въ тѣлахъ, Зиждитель смѣшалъ третій средній между обѣими видъ сущности, имѣющій природу тожественнаго и иного, и согласно съ этимъ поставилъ его посрединѣ между тѣмъ, что̀ недѣлимо и тѣмъ, что̀ въ тѣлахъ дѣлимо. Потомъ, взявъ всѣ три, онъ ихъ смѣшалъ въ одну цѣю, приладивъ трудно смѣсимую природу иного къ тожественному сильной рукой; и смѣшавъ съ сущностью и изъ трехъ сдѣлавъ одно, онъ цѣлое раздѣлилъ на сколько слѣдовало частей. такъ что каждая состояла изъ смѣси тожественнаго, иного и сущности“ [344]).

Тожественное и иное въ этомъ миѳѣ, какъ замѣтилъ еще Никомахъ [345]), соотвѣтствуютъ предѣльному и безпредѣльному или четному и нечетному Пиѳагорейцевъ, такъ какъ предѣльное по своему понятію есть неизмѣнное и тожественное, безпредѣльное—измѣнчивое и иное [346]), а тожественно-иная сущность, которою Зиждитель объединяетъ дѣлимое и недѣлимое — Пиѳагорейской нечетно чет-

---

καὶ τοῦτο Ἑστίαν καλοῦσι καὶ μονάδα. Aristot. Metaph. XIII, 6. 1080 b. 20 XVI, 3, 1091 a, 13 Zeller, Ph. d Gr. I⁴, 343. 1 381 f. О животворящемъ дѣйствіи центральнаго огня выше, стр. 128, пр 254.

[344]) Tim 35, A—B τῆς ἀμερίστου καὶ ἀεὶ κατὰ ταὐτὰ ἐχούσης οὐσίας καὶ τῆς αὖ περὶ τὰ σώματα γιγνομένης μεριστῆς τρίτον ἐξ ἀμφοῖν ἐν μέσῳ ξυνεκεράσατο οὐσίας εἶδος τῆς τε ταυτοῦ φύσεως καὶ τῆς τοῦ ἑτέρου, καὶ κατὰ ταῦτα ξυνέστησεν ἐν μέσῳ τοῦ τε ἀμεροῦς αὐτῶν καὶ τοῦ κατὰ τὰ σώματα μεριστοῦ, καὶ τρία λαβὼν αὐτὰ ὄντα συνεκεράσατο εἰς μίαν πάντα ἰδέαν, τὴν θατέρου φύσιν δυσμικτὸν οὖσαν εἰς ταυτὸν ξυναρμόττων βίᾳ. μιγνὺς δὲ μετὰ τῆς οὐσίας καὶ ἐκ τριῶν ποιησάμενος ἓν πάλιν ὅλον τοῦτο μοίρας ὅσας προσῆκε διένειμεν, ἑκάστην δὲ ἓξ τε ταυτοῦ καὶ θατέρου καὶ τῆς οὐσίας μεμιγμένην. Различныя объясненія этого мѣста приведены у Böckh, Ueber die Bildung der Weltseele im Timäus, Studien, her. v. Daub u. Creuzer, Heid. 1807, III, 34 f. Ueberweg, Ueber die platonische Weltseele, Rhein. Mus. f. Phil., N. F., IX, 1854, 37 f. Susemihl, Ueber die Bildung der Weltseele im platonischen Timaus, Philologus, 2-r Suppl. B. 2 H, 1861, 220 f. и Zeller, Ph. d Gr. II a⁴, 709 f. Одно изъ новѣйшихъ въ Arch. f. Gesch. d Philos., III, 4. 532 f. (1890).

[345]) Nicom Arithm II, 59: καὶ κομψῶς οἱ παλαιοὶ φυσιολογεῖν ἀρχόμενοι τὴν πρώτην διαίρεσιν τῆς κοσμοποιίας ταύτῃ ποιοῦνται, Πλάτων μὲν τῆς ταυτοῦ φύσεως καὶ τῆς θατέρου ὀνομάζων καὶ πάλιν τῆς ἀμερίστου καὶ ἀεὶ κατὰ τὰ αὐτὰ ἐχούσης οὐσίας τῆς τε αὖ μεριστῆς γινομένης, Φιλόλαος δέ, Ἀναγκαῖον τὰ ἐόντα εἶμεν ἤτοι ἄπειρα ἢ περαίνοντα ἢ περαίνοντα ἅμα καὶ ἄπειρα· ὅπερ μᾶλλον συγκατατίθεται εἶναι, ἐκ περαινόντων ἅμα καὶ ἀπείρων συνεστάναι τὸν κόσμον, κατ' εἰκόνα δηλονότι τοῦ ἀριθμοῦ· καὶ γὰρ οὗτος συμπας ἐκ μονάδος καὶ δυάδος συγκειται ἀρτίου τε καὶ περιττου, ἃ δὴ ἰσότητός τε καὶ ἀνισότητος ἐμφαντικά, ταυτότητός τε καὶ ἑτερότητος, περαίνοντός τε καὶ ἀπείρου, ὡρισμένου τε καὶ ἀορίστου

[346]) Выше, стр 139 сл.

ной единицѣ, составляющей всѣ числа [347]) и примиряющей поэтому всѣ противоположности.

Въ тоже время процессъ образованія мировой души есть поэтическое изображеніе діалектическаго соединенія идей. Отъ сущности дѣлимой и недѣлимой Зиждитель беретъ лежащее въ каждой изъ нихъ высшее основаніе—отъ недѣлимой тожество, отъ дѣлимой—иное, и образуетъ такимъ способомъ двояко-единый видъ тожественно-иного: двоякій, такъ какъ выражаетъ двоякое отношеніе, единый, такъ какъ это отношеніе соединено нераздѣльной связью: каждый изъ этихъ родовъ есть тожественное по отношенію къ себѣ и иное по отношенію къ другому. Этотъ двояко-единый видъ обнимаетъ и дѣлимое и недѣлимое и своимъ единствомъ ихъ примиряетъ. Поставивъ его между дѣлимымъ и недѣлимымъ, Зиждитель достигаетъ того, что недѣлимое входитъ въ тожественное, а дѣлимое въ иное, и такимъ образомъ становится, не смотря на двоякость, единой идеей. Однако же иное, при всей неразрывности съ тожествомъ, сохраняетъ свою природу, и потому Зиждитель приводитъ его въ тожество сильной рукой. Полное единеніе достигается лишь тогда, когда Зиждитель соединяетъ тожественное и иное въ высшемъ родѣ сущности, который ихъ обнимаетъ.

Мы видимъ такимъ образомъ подчиненіе понятій въ двухъ степеняхъ: недѣлимое и дѣлимое подчинены тожественному и иному, а тожественное и иное — сущности. Тожественное есть начало идеальное (такъ какъ идея есть тожественное себѣ бытіе [348]), иное—есть вѣчно сущее пространство (такъ какъ пространство есть основаніе инобытія [349]) и потому съ точки зрѣнія Платона начало тѣлесности [350]). Какъ другое чѣмъ бытіе, иное есть небытіе; но какъ вѣчный родъ иного—оно есть истинно сущее небытіе. Сущность есть то, вслѣдствіе чего имѣетъ бытіе тожественное и другое.

Предложенное мною діалектическое объясненіе опирается на ученіе о соединеніи родовъ въ „Софистѣ“. Тамъ подобная же діа-

---

[347]) Выше, стр. 142, пр. 339. Arist. ap Theon Progymn, 30. Zeller. Ph. d. Gr. I 4, 321 f. 368, 4.

[348]) Phaedo 78, D. Tim. 35, A, 38, A и пр.

[349]) Выше, стр. 137, сл.

[350]) Тамъ же.

лектика тожественнаго и иного [351]), такой же взглядъ на самосущій родъ бытія какъ причину существованія другихъ родовъ [352]), и на самосущій родъ иного какъ вѣчную причину инобытія [353]), такое же отожествленіе инобытія съ истинно сущимъ небытіемъ [354]). Соединеніе родовъ въ „Софистѣ“ названо точно такъ же какъ въ „Тимэѣ“ ихъ смѣшеніемъ и прилаживаніемъ [355]).

Если эти сопоставленія правильны, то они представляютъ интересъ въ троякомъ отношеніи: 1) они должны пролить нѣкоторый свѣтъ на это темное мѣсто въ „Тимэѣ“, дававшее критикамъ безплодную работу въ теченіе тысячелѣтій; 2) они должны прибавить новое доказательство (для здравой критики впрочемъ и безъ того очевидной) подлинности „Софиста“, и 3) что для насъ особенно важно, они должны (вмѣстѣ съ изложеннымъ выше анализомъ ученія Платона о матеріи [356]) служить образцомъ того геніальнаго искусства, посредствомъ котораго Платонъ соединялъ свое ученіе съ чужими, неразрывно ихъ сливая и въ тоже время сохраняя индивидуальный характеръ каждаго.

„Изображеніе міроваго строя въ „Тимэѣ“ (говоритъ Целлеръ [357]) имѣетъ много своеобразнаго, которымъ не меньше отличается отъ

---

351) Soph. 254, E, сл. См отд 5.

352) Ibid 254, D. 256, A, сл.

353) Ibid. 255, E: τὴν θατέρου φύσιν λεκτέον ἐν τοῖς εἴδεσιν οὖσαν.... καὶ διὰ πάντων γε αὐτὴν .. φήσομεν εἶναι διελήλυθυῖαν· ἓν ἕκαστον γὰρ ἕτερον εἶναι τῶν ἄλλων οὐ διὰ τὴν αὑτοῦ φύσιν, ἀλλὰ διὰ τὸ μετέχειν τῆς ἰδέας τῆς θατέρου Το, что справедливо о движеніи, покоѣ, бытіи, тожественномъ, къ которымъ относится это разсужденіе, справедливо очевидно и о всѣхъ другихъ родахъ сущаго. Платонъ ограничивается діалектикой этихъ высшихъ родовъ, ἵνα μὴ ταραττώμεθα ἐν πολλοῖς (254, C).

354) Ibid. 256, D—E· ἔστιν ἄρα ἐξ ἀνάγκης τὸ μὴ ὂν.... κατὰ πάντα τὰ γένη. κατὰ πάντα γὰρ ἡ θατέρου φυσις ἕτερον ἀπεργαζομένη του ὄντος ἕκαστον οὐκ ὂν ποιεῖ, καὶ ξυμπαντα δὴ κατὰ ταὐτὰ οὕτως οὐκ ὄντα ὀρθως ἐροῦμεν, καὶ πάλιν, ὅτι μετέχει τοῦ ὄντος, εἶναί τε καὶ ὄντα ... περὶ ἕκαστον ἄρα των εἰδων πολὺ μὲν ἔστι τὸ ὄν, ἄπειρον δὲ πλήθει τὸ μὴ ὄν.... οὐκουν καὶ τὸ ὂν αὐτὸ των ἄλλων ἕτερον εἶναι λεκτέον.... καὶ τὸ ὂν ἄρ' ἡμῖν, ὅσα πέρ ἐστι τὰ ἄλλα, κατὰ τοσαυτα οὐκ ἔστιν. ἐκεῖνα γὰρ οὐκ ὂν ἓν μὲν αὐτὸ ἔστιν, ἀπέραντα δὲ τὸν ἀριθμὸν τἆλλα οὐκ ἔστιν αὖ. 258, A—B: Οὐκοῦν, ὡς ἔοικεν, ἡ τῆς θατέρου μορίου φυσεως καὶ τῆς τοῦ ὄντος πρὸς ἄλληλα ἀντικειμένων ἀντίθεσις οὐδὲν ἧττον, εἰ θέμις εἰπεῖν, αὐτου τοῦ ὄντος ουσία ἐστίν.... Τὶν' οὖν αὐτὴν προσείπωμεν;—Δῆλον ὅτι τὸ μὴ ὄν. 258 E ὄντως τὸ μὴ ὄν.

355) Ibid. 252, E· συμμίγνυσθαι. 253, B—C. 254, D и пр. 253, B соединеніе родовъ сопоставлено съ способностью звуковъ συγγεράννυσθαι 253, A· одни роды подобно τὰ γράμματα ἁναρμοστεῖ πρὸς ἄλληλα, другіе ξυναρμόττει, а иные подобно τὰ φωνήεντα такого рода, что ἄνευ τινὸς αὐτῶν ἀδυνατον ἁρμόττειν καὶ των ἄλλων ἕτερον ἑτέρῳ.

356) Выше, стр. 140.

357) Zeller, Ph. d. Gr. II a [4], 808.

воззрѣній Анаксагора и Демокрита, чѣмъ отъ Филолаевой системы; сколь ни много въ свою очередь по своему общему духу соприкасается съ послѣдней." Вопросъ однако въ томъ, не находили ли эти своеобразности соотвѣтствія въ неизвѣстныхъ намъ подробностяхъ Пиѳагорейской космогоніи. Во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что впослѣдствіи Пиѳагорейство слилось въ одно неразъѣльное цѣлое съ Платонизмомъ, въ той формѣ послѣдняго, въ какой мы знакомимся съ нимъ преимущественно изъ „Тимэя" [358]), служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ близкаго сродства обоихъ ученій.

Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія ни повторявшагося въ древности на различные лады разсказа, что Платонъ пріобрѣлъ въ Италіи сочиненіе одного изъ Пиѳагорейцевъ и на основаніи этого сочиненія написалъ „Тимэя" [359]), ни обвиненій Порфиріемъ Платона въ плагіатѣ у Пиѳагорейцевъ [360]), ни извѣстій о томъ, что Платонъ былъ ихъ ученикомъ [361]). Если мы даже и признаемъ, что первое извѣстіе такъ же вымышлено [362]), какъ завѣдомо ложное второе, то причиной вымысла едва-ли можемъ считать что̀ нибудь другое помимо очевиднаго сходства между ученіемъ Пиѳагорейцевъ и Платона и притомъ именно въ „Тимэѣ".

Вообще провести рѣзкую границу между тѣмъ, что̀ принадлежитъ Платону и что̀ предшествующимъ его философамъ, невозможно. Его ученіе есть созданный его геніальной оригинальностью синтезъ изъ всѣхъ ему извѣстныхъ ученій. Въ области философской мысли

---

358) Достаточно указать на дошедшій до насъ подъ именемъ Филолая спорный фрагментъ о міровой душѣ (Stob. Ecl. I, 418. Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 341, 4. 385, 5. Böckh, Philol. 163 f. Rose de Aristot. libr. ord., 91), на сочиненія Тимэя Локрскаго и Окелла и на общій тонъ Новопиѳагорейской философіи. Zeller, Phil. d. Gr. III b³, 110 f.

359) Satyr. ap. Diog. L. III, 9. VIII, 15. Pseudo-Plato ibid. VIII, 80. Anon. et Hermipp. ibid. 85. Schol. Ruhnk. in Plat. Tim. 20, A. Tim. Phl. ap. Aul. Gell. N. A. III, 17 (68—70 M):

καὶ σὺ Πλάτων· καὶ γάρ σε μαθητείης πόθος ἔσχε·
πολλῶν δ'ἀργυρίων ὀλίγην ἠλλάξαο βίβλον,
ἔνθεν ἀπαρχόμενος Τιμαιογραφεῖν ἐδιδάχθης.

360) Porph. Vita Pyth. 53: τὸν Πλάτωνα καὶ Ἀριστοτέλη Σπεύσιππόν τε καὶ Ἀριστόξενον καὶ Ξενοκράτη, ὡς φασὶν οἱ Πυθαγόρειοι, τὰ μὲν κάρπιμα σφετερίσασθαι διὰ βραχείας ἐπισκευῆς, τὰ δ'ἐπιπόλαια καὶ ἐλαφρὰ.... συναγαγεῖν καὶ ὡς ἴδια τῆς αἱρέσεως καταχωρίσαι. Id. ap. Euseb. Praep. Ev. 468: πολλοῖς καταχρῆται (Πλάτων) τῶν πρὸ αὐτοῦ, αἰδοῦμαι γὰρ τῷ τῆς κλοπῆς ὀνόματι ἐπὶ τούτου χρῆσθαι.

361) Tim. et Neanth. ap. Diog. L. VIII, 54—55. Hermod. ibid. III, 6. Cic. De Fin. V, 29.

362) Bywater, Journ. of Philol. I, 24 f.

законъ постепеннаго развитія нигдѣ не сказался съ такою наглядностью, какъ въ философіи Платона. Но еслибы мы желали какой либо современной аналогіей пояснить историческое преемство между космологіей „Тимэя“ и ученіемъ Пиѳагорейцевъ, то быть можетъ не ошиблись бы, что дѣйствительный Тимэй по отношенію къ Платонову былъ тѣмъ же, чѣмъ Шопенгауэръ по отношенію къ Гартманну.

Кромѣ Тимэя представителями Пиѳагорейскаго міровоззрѣнія выведены у Платона Симмій и Кебесъ въ „Фэдонѣ“. Оба они названы слушателями Филолая [363]). Симмій проводитъ взглядъ на душу какъ гармонію тѣла, которая, съ нарушеніемъ соразмѣрности въ отношеніи между его частями, должна прекратить существованіе [364]). О такомъ же взглядѣ на душу упоминаетъ Аристотель и его комментаторъ Филопонъ, первый не называя философовъ, которымъ принадлежитъ этотъ взглядъ, второй указывая на Пиѳагорейцевъ [365]). Кебесъ ставитъ на видъ возможность, что душа, переживъ рядъ воплощеній, въ каждомъ изъ которыхъ создавала тѣло, въ концѣ изнеможетъ и погибнетъ [366]). Орфическо-пиѳагорейская окраска этого разсужденія очевидна. И хотя высказанныя Симміемъ и Кебесомъ предположенія о возможной гибели души плохо вяжутся съ Пиѳагорейской вѣрой въ ея безсмертіе, однако среди Пиѳагорейцевъ могли быть различные толки [367]).

О самомъ Филолаѣ мы узнаемъ изъ „Фэдона“ то лишь, что по его ученію человѣкъ не долженъ самовольно лишать себя жизни [368]). Въ поясненіе Сократъ приводитъ „сказаніе мистерій“, что люди въ этой жизни какъ бы на стражѣ, которую непозволительно покидать по собственному желанію, что мы—достояніе боговъ и боги о насъ заботятся [369]). Эти мистеріи несомнѣнно Орфическо-пиѳаго-

---

[363]) Phaedo, 61, D.

[364]) Ibid. 86, A—D. 92, D.

[365]) De An. I, 1, 407 b, 27. Polit. VIII, 5, 1340 b. 18. Philop. De An. B, 15. Zeller I², 413, 2, 5.

[366]) Phaedo, 91, D. 95, B—E.

[367]) Zeller, ibid. 414.

[368]) Phaedo, 61, E—62, A.

[369]) Ibid. 62. B.

рейскія [370]). Только что упомянутое сказаніе и лежало вѣроятно въ основаніи доводовъ Филолая.

Пиѳагорейскіе элементы можно прослѣдить и въ другихъ діалогахъ: въ „Государствѣ“—ученіе о причинахъ государственныхъ переворотовъ [371]) и отношеніи астрономіи къ музыкѣ [372]), миѳъ о загробной жизни [373]); въ „Фэдрѣ“—миѳъ о душахъ, объѣзжающихъ небо [374]); въ „Горгіи“ — уподобленіе тѣла темницѣ духа, притча о бочкахъ и рѣшетахъ [375]), взглядъ на связующее начало скромности и правды [376]); въ „Филебѣ“—сказаніе объ единомъ и многомъ [377]); въ „Кратилѣ“—замѣчанія о Гестіи [379]) и музыкѣ и астрономіи [378]); въ „Политикѣ“—сопоставленіе діалектики съ наукой объ измѣненіи [380]) и быть можетъ миѳъ о міровыхъ кругооборотахъ [381]) и проч. Насколько эти элементы выясняютъ значеніе Платона какъ историческаго свидѣтеля, о нихъ уже было сказано [382]). Подробный же анализъ не входитъ въ нашу задачу.

Свидѣтельства Аристотеля о Пиѳагорейцахъ [383]), ни въ чемъ не противорѣча свидѣтельствамъ Платона, представляютъ однако уче-

---

370) Athen. IV, 45: Εὐξίθιος δ' Ποθαγορικὸς.... ὡς φησι Κλέαρχος ὁ περιπατητικὸς ἐν δευτέρῳ βίων, ἔλεγεν, ἐνδεδέσθαι τῷ σώματι καὶ τῷ τῇδε βίῳ τὰς ἁπάντων ψυχὰς τιμωρίας χάριν, καὶ διείπασθαι τὸν θεόν, ὡς, εἰ μὴ μενοῦσιν ἐπὶ τούτοις, ἕως ἂν ἑκὼν αὐτοὺς λύσῃ. πλέοσι καὶ μείζοσιν ἐμπεσοῦνται τότε λυμαις. διὸ πάντας, ευλαβουμένους τὴν τῶν κυρίων ἀνάτασιν, φοβεῖσθαι τοῦ ζῆν ἑκόντας ἐκβῆναι, μόνον τε τὸν ἐν τῷ γήρᾳ θάνατον ἀσπασίως προίστασθαι, πεπεισμένους τὴν ἀπόλυσιν τῆς ψυχῆς μετὰ τῆς τῶν κυρίων γίγνεσθαι γνώμης.

371) De Rep. 546, A, сл.

372) Ibid. 530, D.

373) Ibid. 614, B, сл.

374) Phaedr. 246, A, сл. Bockh, Phil. 105 f.

375) Gorg. 493, A, сл Clem. Strom. III, 433, Pott. Bockh, Philol. 180 f. 187 f. Въ „Кратилѣ“ представителями взгляда на тѣло какъ темницу духа названы Орфики 400, D.

376) Ibid. 507, E—508, A. Выше, стр. 129, пр. 264.

377) Phileb. 16, C—E. Выше, стр. 133.

378) Cratyl. 401, C—D.

379) Ibid. 405, C—D.

380) Polit. 285, A—B. Выше, стр. 134.

381) Ibid. 268, E, слѣд. Этотъ миѳъ напоминаетъ частью отмѣченное выше, (прим. 371) несомнѣнно Пиѳагорейское ученіе о переворотахъ въ наилучшемъ государствѣ, частью ученіе Пиѳагорейцевъ о міровыхъ періодахъ (Zeller Ph. d. Gr. I[4], 411). Но тогда какъ по Пиѳагорейцамъ вещи въ каждомъ періодѣ появляются въ томъ же видѣ, какъ и въ предыдущемъ, по миѳу въ „Политикѣ“—каждый разъ въ порядкѣ обратномъ предшествующему. Пиѳагорейскую окраску „Политика“ ставитъ на видъ (по большей части впрочемъ произвольными сближеніями). Campbell, The Sophistes and Politicus of Plato, Oxf. 1867, introd. to Pol., XX f.

382) Выше, стр. 113, слѣд.

383) Emminger, Die vorsokratischen Philosophen etc., 19 f.

ніе этихъ философовъ нѣсколько въ иномъ освѣщеніи: Платонъ знакомитъ насъ съ его жизненной стороной, Аристотель—съ отвлеченными основаніями. Причина этого въ различіи какъ умственнаго склада обоихъ свидѣтелей, такъ и тѣхъ цѣлей, ради которыхъ они писали. Платонъ былъ поэтъ по преимуществу, Аристотель—отвлеченный аналитикъ. Къ тому же, Аристотель зналъ о Пиѳагорейцахъ частью по наслышкѣ, частью изъ книгъ; Платонъ находился въ тѣсномъ личномъ общеніи съ Пиѳагорейцами [384]) и черпалъ свѣдѣнія о нихъ между прочимъ и изъ самой ихъ жизни.

Въ основаніе критики Пиѳагорейскаго ученія Платонъ, какъ уже намъ извѣстно [385]), полагаетъ взглядъ, что необходимо различать между умопостигаемыми и чувственными числами, и что философское значеніе имѣетъ лишь отвлеченная математика. О томъ, что Пиѳагорейцы не проводили такого различія, мы знаемъ частью прямо—изъ неоднократныхъ свидѣтельствъ Аристотеля въ этомъ смыслѣ [386]), частью можемъ заключить косвенно—изъ общей непривычки древнѣйшихъ философовъ къ абстракціямъ, вслѣдствіе которой даже въ такомъ отвлеченномъ по содержанію ученіи какъ Парменидово, мысль не могла отрѣшиться отъ вещественнаго бытія [387]). Въ настоящее время поставленная впервые на видъ Платономъ разница стала общепризнанной истиной. Точно также взглядъ на отвлеченную математику какъ могучее средство развитія мыслительной способности, вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ воззрѣніямъ. Въ школахъ всѣхъ образованныхъ народовъ отвлеченная математика поставлена въ разрядъ основныхъ предметовъ преподаванія. Замѣчанія Платона о наблюдательной астрономіи,—что созерцаніе звѣздъ не больше способно возвысить душу, чѣмъ разсмотрѣніе украшеній на потолкѣ, какъ уже было объяснено [388]), служитъ выраженіемъ взгляда Сократа и въ такомъ смыслѣ должно быть оцѣниваемо. Въ „Тимэѣ“ Платонъ относится къ наблюдательной астрономіи иначе. Хотя и здѣсь, какъ

[384]) Zeller, Ph. d. Gr. II a[1], 409 f.

[385]) Выше, стр. 111, слѣд

[386]) Приведены у Целлера, Ph. d Gr. I[4], 349 f. Stob. Ecl. I, 326 (Aet. I, 10, 2. 309 b, 3 D): Πυθαγόρας τὰ λεγόμενα ἴδεα καὶ τὰς ἰδέας ἐν τοῖς ἀριθμοῖς καὶ ταῖς ἁρμονίαις αὐτῶν καὶ τοῖς καλουμένοις γεωμετρικοῖς ἐτίθετο ἀγώριστα τῶν σωμάτων

[387]) Zeller, ibid. 516 f.

[388]) Выше, стр. 112, слѣд.

въ „Государствѣ“, онъ придаетъ главную цѣну тому, что̀ постигается умомъ [389]), однако не отрицаетъ значенія и за непосредственнымъ созерцаніемъ небесныхъ свѣтилъ. „Зрѣніе (говоритъ Тимэй [390]) служитъ для насъ причиной величайшей пользы, такъ какъ изъ всѣхъ теперешнихъ разсужденій о вселенной ни одно не было бы произнесено, если бы люди не видѣли звѣздъ, солнца и неба. Теперь же, послѣ того какъ день и ночь стали доступны зрѣнію, мѣсячные и годовые кругообороты дали число, внушили мысль о времени и потребность изслѣдовать природу вселенной. Благодаря этому, мы получили родъ философіи, такое благо, больше котораго ничего еще не было, да никогда и не будетъ ниспослано смертному роду въ даръ отъ боговъ. Вотъ въ чемъ полагаю я величайшее благо зрѣнія, а менѣе важныя стоитъ-ли восхвалять? Ихъ при утратѣ зрѣнія сталъ бы въ безсильной скорби оплакивать не философъ“. Если Тимэй отказывается отъ обстоятельныхъ разсужденій о „хороводахъ“ небесныхъ свѣтилъ, то исключительно потому, что безъ карты звѣзднаго неба это было бы безполезно [391]).

Замѣчанія Платона въ „Политикѣ“ о неумѣньи Пиѳагорейцевъ распредѣлять вещи по родамъ оправдываются какъ общимъ состояніемъ логики въ то время, такъ и приведеннымъ Платономъ примѣромъ [392]).

Аристотель даетъ подробную оцѣнку Пиѳагорейскаго ученія [393]). Здѣсь однако невозможно входить въ ея критику, такъ какъ при шаткости нашихъ свѣдѣній объ этомъ ученіи, такая критика потребовала-бы обширнаго анализа. Достаточно отмѣтить общій взглядъ Аристотеля на основной характеръ Пиѳагорейскаго міровоззрѣнія. По мнѣнію Аристотеля своеобразность этого міровоззрѣнія — чисто внѣшнее слѣдствіе занятій Пиѳагорейцевъ математикой. „Пиѳагорейцы (говоритъ онъ [394]) впервые подвинули эту науку и вслѣдствіе того, что были воспитаны въ ней, ея основанія считали за основаніе всего сущаго. Такъ какъ въ математикѣ первое по природѣ числа, а

---

389) Tim. 46, D. 91, D, сл.
390) Ibid. 47, A.
391) Ibid. 40, D: τὸ λέγειν ἄνευ διόψεως τούτων αὖ των μιμημάτων μάταιος ἂν εἴη πόνος.
392) Выше, стр. 134.
393) Zeller, Ph. d. Gr. II b 3, 290 f.
394) Metaph. I, 5. 985 b, 23.

въ числахъ они, повидимому, усматривали многія подобія вещамъ и явленіямъ, больше чѣмъ въ огнѣ, землѣ и водѣ, то пришли къ заключенію, что такое-то состояніе чиселъ—справедливость, такое то—душа и умъ, иное—время, и во всемъ можно сказать остальномъ точно также. Кромѣ того, такъ какъ они видѣли въ числахъ свойства и законы гармоніи и такъ какъ все остальное на ихъ взглядъ по всей своей природѣ подобно числамъ, а числа во всей природѣ суть первое, то они элементы чиселъ признали элементами всего сущаго и все небо — гармоніей и числомъ. И все, что могли указать въ числахъ и гармоніяхъ согласнаго съ состояніями и частями неба и всѣмъ порядкомъ вселенной, они свели вмѣстѣ и приладили. Если же у нихъ гдѣ чего не доставало, то усиленно старались о томъ, чтобы всѣ ихъ выводы были стройны".

Эти замѣчанія Аристотеля въ глазахъ тѣхъ, кто привыкъ видѣть въ немъ высшій авторитетъ, должны служить подтвержденіемъ справедливости указаній Платона на поверхностное развитіе Пиѳагорейцами ихъ основнаго взгляда. Но какъ объясненіе своеобразности этого взгляда, ихъ въ свою очередь нельзя не признать поверхностными. Въ то время, когда жили первые Пиѳагорейцы, математика не была выдѣлена изъ философіи какъ самостоятельная наука; поэтому, если они занимались математикой преимущественно передъ другими отраслями вѣдѣнія, то очевидно вслѣдствіе особенности своего философскаго міровоззрѣнія[395]). Объяснять характеръ философскихъ ученій изъ такихъ внѣшнихъ причинъ какъ въ данномъ случаѣ Аристотель, значитъ становиться на нефилософскую точку зрѣнія. Отъ всѣхъ другихъ наукъ философія отличается прежде всего тѣмъ, что объясняетъ явленія (говоря словами самого Аристотеля) „изъ причинъ истинныхъ, первыхъ и непосредственныхъ или чрезъ нихъ познаваемыхъ" [396]), по

[395]) „Je croirais plus volontiers—car il est permis d'opposer une hypothèse à une hypothèse,—que si la philosophie s'est confondue avec les mathématiques, si les pythagoriciens se sont occupés avec tant d'ardeur de cette science, qui leur doit de grands progrès, c'est qu'une observation attentive et une vue de génie leur avaient montré partout, dans la nature, dans les oeuvres et dans les pensées même de l'homme, l'influence merveilleuse du nombre, et qu'alors les mathématiques durent contenir, à leurs yeux, le secret de l'explication des choses, dont le nombre est le principe. Assurément ce n'est pas un mathématicien enfermé dans le cercle étroit de ses études, c'est un métaphysicien et un métaphysicien de génie qui est arrivé à cette conception hardie et profonde de l'univers, et à n'y voir qu'un système de rapports et de nombre". Chaignet, Pythagore etc. II, 6 sq.

[396]) Top. I, 1. 100 a, 27. Anal. post. I, 2, 71 b, 20.

отношенію къ которымъ внѣшнія причины суть слѣдствія, болѣе извѣстныя для нашего ощущенія, но менѣе извѣстныя по своей природѣ [397]). „Поэтому вообще лучше стараться позднѣйшее уразумѣвать чрезъ первое, такъ какъ этотъ пріемъ научнѣе". И лишь для неспособныхъ понимать научныя доказательства можно признать объясненіе втораго рода необходимымъ [398]).

На взглядъ Платона, вся вообще философія даръ боговъ [399]) и разнообразіе философскихъ мнѣній не слѣдствіе однихъ причинъ внѣшнихъ, служащихъ лишь средствомъ и поводомъ обнаруженія главныхъ [400]), а прежде всего—безсмертнаго и нестарѣющаго свойства нашего разума—„которое не теперь появилось и пусть никогда не прекратится"—открывать неустанно въ одномъ и томъ же не только единое, но и многое [401]). Въ Пиѳагорейскомъ ученіи это свойство нашло наиболѣе нагляцное выраженіе [402]).

3. *Елейцы*. Изъ другихъ философовъ Платонъ особенно часто имѣетъ дѣло съ Елейцами. По имени Парменида имъ названъ одинъ изъ діалоговъ. Открывающій этотъ діалогъ разсказъ о встрѣчѣ Сократа съ Парменидомъ и Зенономъ [403]) (вопреки мнѣнію Целлера [404]) едва ли можетъ быть вымысломъ, такъ какъ Платонъ упоминаетъ объ этой встрѣчѣ еще въ двухъ діалогахъ—„Ѳеэтетѣ" и „Софистѣ" [405]). Первая половина діалога содержитъ критическія замѣчанія Парменида объ идеологіи, представителемъ которой выступаетъ Сократъ [406]). О томъ, въ какой мѣрѣ Платонъ былъ въ правѣ связывать съ именемъ Сократа свои воззрѣнія, было уже сказано; здѣсь достаточно замѣтить, что, дѣлая его основателемъ идеологіи, онъ допускаетъ не бо́льшую историческую несообразность, какъ если-бы (что-бы пояснить на общеизвѣстномъ современномъ примѣрѣ) Геккель сталъ влагать въ уста

---

397) Anal. post. I, 2, 71 b, 33.

398) Top. VI, 4, 141 b, 15.

399) Tim. 47, A—B. Выше, стр. 67. Phileb. 16, C.

400) Phaedo 99, B. Pol. 281, D, сл. Tim. 46, C.

401) Phileb. 15, D: φαμὲν που ταὐτὸν ἓν καὶ πολλὰ ὑπὸ λόγων γιγνόμενα περιτρέχειν πάντῃ καθ' ἕκαστον τῶν λεγομένων ἀεὶ καὶ πάλαι καὶ νῦν. καὶ τοῦτ' οὔτε μὴ παύσηταί ποτ' οὔτ' ἤρξατο νῦν. ἀλλ' ἔστι τὸ τοιοῦτον, ὡς ἐμοὶ φαίνεται, τῶν λόγων αὐτων ἀθάνατόν τι καὶ ἀγήρων πάθος ἐν ἡμῖν.

402) Ibid. 16, C.

403) Parm. 126, C, сл.

404) Zeller, Ph. d. Gr. I4, 509 f.

405) Theaet. 183, E. Soph. 217, C.

406) Parm. 130, A—135, C.

Дарвину не только общее ученіе о происхожденіи видовъ отъ одного или немногихъ типовъ, но и свои филогеническія таблицы [407]). Критика идеологіи со стороны Парменида находитъ полное оправданіе въ томъ, что ученіе объ идеяхъ вмѣстѣ и коренится въ его ученіи и его отрицаетъ. Поскольку идея есть единое и вѣчно сущее бытіе [408]), она соотвѣтствуетъ основному положенію Парменида [409]), но поскольку идея предполагаетъ множество, котораго она есть единство [410]) и по скольку міръ идей представляетъ собою разнообразіе взаимно соединяющихся и разъединяющихся сущностей или систему идей [411]), идеологія идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ ученіемъ Парменида. Во второй половинѣ діалога Парменидъ съ цѣлью ознакомить Сократа съ подготовительнымъ къ рѣшенію философскихъ вопросовъ методомъ даетъ ему урокъ діалектики единаго и многаго [412]), и эта діалектика, то доказывающая, то опровергающая основное положеніе Парменида объ единствѣ бытія, носитъ всѣ отличительныя черты Елейской философіи; мы слышимъ отъ Парменида отвлеченныя онтологическія изслѣдованія совершенно въ духѣ тѣхъ, съ которыми знакомимся изъ его поэмы [413]). Правда, въ этой поэмѣ Парменидъ только доказываетъ, а не опровергаетъ прямо, свое ученіе; но его методъ — несомнѣнно діалектическій, то есть идущій чрезъ отысканіе и отрицаніе противорѣчій, а вторая половина поэмы относится къ первой какъ отрицаніе къ положенію.

---

407) Darwin, The Descent of Man, 2-nd ed. repr. 1889, p. 3: Haeckel.... besides his great work „Generelle Morphologie“.... has recently.... published his „Natürliche Schöpfungsgeschichte“, in which he fully discusses the genealogy of man. If this work had appeared before my essay had been written, I should probably never have completed it. Almost all the conclusions at which I have arrived I find confirmed by this naturalist etc.

408) Phileb. 15, A, сл.: ἑνάδες, μονάδες. Tim. 27, D: ἀεὶ ὄν. 37, E: ἀίδιος οὐσία. 35, A: κατὰ ταὐτὰ ἔχουσα οὐσία. 38, A: τὸ ἀεὶ κατὰ ταὐτὰ ἔχον ἀκινήτως. Phaedo, 78, D: ὡσαύτως ἀεὶ ἔχει καὶ κατὰ ταὐτά. Phaedr. 247, C: ὄντως ὄν. Rep. 597, D и пр. Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 658, 1.

409) Simpl. Phys. 31 r, 145, 3—6 Diels (59—62 M):

ἀγένητον ἐὸν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν,
οὖλον, μουνογενές τε καὶ ἀτρεμὲς ἠδ' ἀτέλεστον·
οὐ ποτ' ἔην οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ νῦν ἔστιν ὁμοῦ πᾶν,
ἓν ξυνεχές.

Ibid. 31 v, 146, 2 Diels (82. 85 M):

αὐτὰρ ἀκίνητον μεγάλων ἐν πείρασι δεσμῶν....
τωὐτόν τ' ἐν τωὐτῷ τε μένον καθ' ἑωυτό τε κεῖται.

410) De Rep. 596, A: ἓν εἶδος ἕκαστον περὶ ἕκαστα τὰ πολλά и пр. Выше, стр. 123, пр. 223.

411) Въ „Софистѣ“, 248 E, слѣд. См. отд. 5.

412) Parmen. 135, C, слѣд.

413) Дѣльныя замѣчанія у Grote, Plato, II[3], 301. Jowett, Dialogues, III, 256.

„Ты долженъ (говоритъ Парменидъ) знать все: и откровенное сердце легко убѣждающей истины и недостовѣрныя мнѣнія смертныхъ. Ты узнаешь ихъ, такъ какъ долженъ испробовать мнѣнія тотъ, кто изслѣдуетъ все всячески....[414]). Вотъ я скажу тебѣ, а ты выслушай и запомни мое слово о томъ, какіе единственные пути изслѣдованія мыслимы. Одинъ—что бытіе есть, а небытія нѣтъ. Это стезя убѣжденія, по которой сопровождаетъ истина. Другой — что бытія нѣтъ, а небытіе должно быть. Эту тропу я тебѣ отмѣчаю какъ самую неубѣдительную...[415]). Своимъ умомъ разсуди предложенное мною полное споровъ доказательство. Остается одинъ путь изслѣдованія—что существуетъ только бытіе[416]). На этомъ пути много признаковъ, что бытіе не произошло и не погибнетъ, что оно цѣлое, однородное, неподвижное, вѣчное бытіе. Его не было и оно не будетъ, такъ какъ оно сейчасъ все на лицо единое, непрерывное. И гдѣ сталъ бы ты искать его происхожденія? Почему бы могло оно возникнуть? Я непозволю тебѣ ни сказать, ни помыслить, что оно произошло изъ небытія, такъ какъ не мыслимо и неизрекаемо, что бытія нѣтъ. Да и какая причина могла бы воздвигнуть бытіе такъ, чтобы оно начало происходить изъ ничего раньше или позже? Оно вообще либо должно существовать, либо не должно существовать. Но изъ бытія сила убѣжденія не даетъ происходить ничему кромѣ бытія. Поэтому ни къ происхожденію, ни къ погибели не допускаетъ его, ослабивъ оковы, справедливость, но удерживаетъ отъ того и другого. Рѣшеніе всего этого въ томъ, существуетъ-ли бытіе, или не существуетъ. Это рѣшеніе уже дано, такъ какъ путь небытія—немыслимый, безъимянный, неистинный—необходимо оставить, а путь бытія признать истиннымъ. Можно ли про бытіе сказать: оно будетъ, или: оно было? Если оно было, то его нѣтъ; точно также его нѣтъ, если оно будетъ. Такимъ образомъ исчезло происхожденіе бытія, не слышно и объ его погибели“[417]).

Выяснять діалектическій строй этихъ доказательствъ было бы излишне.

---

414) Simpl. De Coelo, 138 Ald. (28—32 M.).

415) Procl. in Tim. 105 (33—40 M.)

416) Sext. Emp. adv. Math. VII, 111, 3—36 (56—58 M).

χρῖναι δὲ λόγῳ πολυδηριν ἔλεγχον
ἐξ ἐμέθεν ῥηθέντα· μόνος δ'ἔτι μῦθος ὁδοῖο
λείπεται, ως ἔστι.

417) Simpl. Phys. 31 r, 145, 1—21 Diels (57—77 M.).

Первую часть поэмы Парменидъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Вотъ я кончаю достовѣрныя мысли и утвержденія объ истинѣ; теперь узнай мнѣнія смертныхъ и выслушай обманчивую прикрасу моихъ словъ“ [418]). Эта обманчивая прикраса прямо противоположна истинѣ. Истина говоритъ объ единомъ, неизмѣнномъ, себѣ тожественномъ, вѣчномъ бытіи, обманчивая прикраса—о бытіи двоякомъ, измѣнчивомъ, различномъ, возникающемъ и преходящемъ. Истина развиваетъ ученіе о сущемъ съ точки зрѣнія единства бытія, обманчивая прикраса съ точки зрѣнія его множественности [419]). Поэтому, Платонъ, заставляя Парменида говорить о необходимости разсматривать всякій вопросъ за и противъ во всѣхъ послѣдствіяхъ того и другого предложенія [420]), стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія Парменидовой поэмы.

Входить въ анализъ разсужденій Платонова Парменида нѣтъ нужды, такъ какъ онъ не излагаетъ, а разлагаетъ свои предположенія. Для насъ поэтому интересенъ лишь методъ этихъ разсужденій и тѣ положенія, которыя лежатъ въ ихъ основаніи. Но то и другое, какъ уже было сказано, носитъ очевидно Елейскій характеръ.

То что̀ Платонъ говоритъ о Зенонѣ, частью ново (о цѣли и формѣ Зенонова сочиненія [421]) частью (объ единомъ и многомъ и о необходимости противорѣчивыхъ утвержденій при существованіи множества [422]) вполнѣ согласуется со свидѣтельствами другихъ писателей. За искусство антиномически развивать доказательства Платонъ называетъ въ „Фэдрѣ“ Зенона „Елейскимъ Паламедомъ“, умѣющимъ говорить такъ, чтобы одно и тоже казалось подобнымъ и неподобнымъ, единымъ и многимъ, движущимся и покоющимся [423]). Подобное же мы слышимъ отъ Исократа и Тимона Силлографа: первый находитъ нелѣпымъ, что Зенонъ пытался доказывать одно и тоже возможнымъ и невозможнымъ [424]), второй говоритъ о „нелегко одолимой великой силѣ двуязычнаго Зенона, нападавшаго на все“ [425]).

---

418) Ibid. 7 r. 30, 17—19 Diels (110—112 M.).
419) Mull. 111—153. Zeller, Ph. d. Gr. I¹, 519 f.
420) Parm. 135, E—136, C. Выше, стр. 56 сл.
421) Parm. 127, E—128, E.
422) Ibid. 127, E
423) Phaedr. 261, D.
424) Isocr. Helene, 3.
425) Tim. ap. Plut Pericl. c. 4 (22—23 M.).

Въ „Θеэтетѣ“ Платонъ болѣе обстоятельно, чѣмъ въ „Парменидѣ“, передаетъ основныя черты Елейскаго ученія: „Такъ называемая вселенная неподвижна, едина, стоитъ сама въ себѣ, не имѣетъ мѣста, въ которомъ могла бы двигаться“ [426]). На требованіе войти въ критику этого ученія Сократъ отвѣчаетъ отказомъ, и то что онъ говоритъ при этомъ, лучше всего свидѣтельствуетъ о той осторожности, съ какой онъ относится къ чужимъ мнѣніямъ. „Я совѣщусь (говоритъ онъ [427]), какъ бы не повести слишкомъ жестко изслѣдованіе противъ Мелисса и всѣхъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что все едино и недвижется. Но всѣхъ ихъ я стыжусь меньше, чемъ одного Парменида. Парменидъ представляется мнѣ, говоря словами Гомера, вмѣстѣ и почтеннымъ и страшнымъ. Я встрѣтился съ нимъ, когда былъ еще очень молодъ, а онъ уже очень старъ, и мнѣ показалась въ немъ весьма благородная глубина. Такъ я боюсь, что мы не поймемъ даже его словъ и еще болѣе отстанемъ отъ него въ томъ, что онъ мыслитъ подъ ними“.

Критику, отъ которой Сократъ отказывается въ „Θеэтетѣ“. даетъ Странникъ въ „Софистѣ“ [428]). Эта критика—образецъ діалектическаго искусства.

Елейцы должны либо различать сущее отъ единаго, либо отожествлять единое съ сущимъ. Если они отличаютъ единое отъ сущаго. то получается двоякое сущее—единое и сущее. Если же они отожествляютъ единое съ сущимъ, то не могутъ сказать ни того, что единое и сущее лишь два имени для сущаго, ни даже того, что вообще можетъ существовать какое нибудь имя, такъ какъ и то и другое было бы противорѣчіемъ основному положенію о безусловномъ единствѣ сущаго. Съ такимъ единствомъ несовмѣстима никакая двойственность, а стало быть и существованіе двухъ именъ. Но и вообще существованіе имени при безусловномъ единствѣ сущаго невозможно, такъ какъ всякое имя должно либо обозначать какую нибудь вещь—и въ этомъ случаѣ мы получимъ два сущихъ—имя и вещь,—либо ничего не обозначать и быть именемъ самого себя, то есть именемъ имени, что нелѣпо.

Елейцы признаютъ сущее не только безусловно единымъ, но также и цѣлымъ. Это цѣлое должно быть либо тожественно съ

426) Theaet. 180, E.
427) Ibid. 183, E—184, A.
428) Soph. 244, B—245, D.

единымъ сущимъ, либо отлично отъ него. Если допустимъ первое, то окажется, что единое сущее не едино, такъ какъ всякое цѣлое имѣетъ части и потому предполагаетъ множество. Изъ этого затрудненія нельзя выдти и предположеніемъ, что хотя бытіе и не есть безусловно единое, но все же ему свойственно единство, потому что и въ этомъ случаѣ мы противорѣчимъ единству бытія, допуская во первыхъ бытіе и во вторыхъ единое, котораго свойство имѣетъ цѣлое. Если же мы признаемъ цѣлое отличнымъ отъ сущаго, то тогда должны допустить, что въ сущемъ, какъ не цѣломъ, не достаетъ того, что̀ у него должно быть, то есть не достаетъ сущаго, и что потому сущее несуществуетъ. Сверхъ того, признавая цѣлое отличнымъ отъ сущаго, мы противорѣчимъ основному положенію объ единствѣ сущаго, такъ какъ на ряду съ сущимъ признаемъ цѣлое. Если, наконецъ, что бы избѣгнуть затрудненій съ цѣлымъ, мы станемъ вовсе отрицать его существованіе, то уничтожимъ не только бытіе, но и возможность его происхожденія, такъ какъ все сущее и пропсходящее всегда имѣетъ извѣстную величину, а всякая величина, какъ бы мала или велика ни была, сама по себѣ, то есть какъ величина, всегда есть цѣлое.

Едва-ли можно, не покидая требуемой Платоновой діалектикой почвы общихъ отвлеченныхъ положеній [429]), найти что̀ нибудь неумѣстнымъ въ этихъ остроумныхъ замѣчаніяхъ. Но если бы мы и не согласились съ Платономъ, то невозможно отрицать ни его отмѣннаго уваженія къ Елейцамъ, ни того, что въ своей критикѣ онъ не выходитъ изъ предположеній ихъ ученія, ни сокрушительнаго характера этой критики. Это высокое уваженіе на ряду съ безпощаднымъ анализомъ особенно характерно для Платона, такъ какъ ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что согласно своимъ словамъ [430]) онъ исканіе истины ставилъ выше личныхъ склонностей. Аристотель въ такомъ самоотреченіи во имя истины видитъ долгъ философа [431]), имъ самимъ, какъ увидимъ, менѣе выполненный, чѣмъ Платономъ.

429) Выше, стр. 61.

430) De Rep. 595, B—C· ῥητέον, ἦν δ'ἐγώ, καίτοι φιλία γέ τίς με καὶ αἰδὼς ἐκ παιδὸς ἔχουσα περὶ Ὁμήρου ἀποκωλύει λέγειν.... ἀλλ' οὐ γὰρ πού γε τῆς ἀληθείας τιμητέος ἀνήρ, ἀλλ' ὃ λέγω, ῥητέον

431) Eth. Nic. I, 4, 1096 a, 11: τὸ δὲ καθόλου βέλτιον ἴσως ἐπισκέψασθαι καὶ διαπορῆσαι πῶς λέγεται, καίπερ προσάντους τῆς τοιαύτης ζητήσεως γινομένης διὰ τὸ φίλους ἄνδρας εἰσαγαγεῖν τὰ

Свою критику Странникъ предваряетъ опасеніемъ, что разлагая діалектически ученіе своего философскаго отца Парменида, которое исповѣдуетъ самъ, онъ можетъ показаться не только отцеубійцей [432]), но и кувыркающимся на каждомъ шагу сумасшедшимъ [433]). Впослѣдствіи мы увидимъ, что критикой своей идеологіи Платонъ убиваетъ самъ себя еще болѣе жестоко, чѣмъ Странникъ—Парменида [434]), и потому для тѣхъ, кто не вникъ въ духъ его міровоззрѣнія, эта критика должна казаться безсмысленнымъ кувырканіемъ.

Отношеніе Аристотеля къ Елейцамъ прямо противоположно Платонову [435]). Онъ не только не видитъ въ ихъ ученіи „благородной глубины“, но даже находитъ слабость мысли [436]). Ксенофанъ, Мелиссъ и Зенонъ на его взглядъ грубы и неотесаны [437]). Парменидъ „смыслилъ нѣсколько болѣе“ [438]). Къ критикѣ основнаго Елейскаго положенія объ единствѣ бытія Аристотель приступаетъ съ предубѣжденіемъ, что оно имѣетъ цѣну чисто словеснаго парадокса, въ родѣ напримѣръ того, что все сущее одинъ человѣкъ [439]), а самую критику строитъ на почвѣ своего ученія о категоріяхъ [440]), и приходитъ такимъ образомъ къ выводу, что единство Парменида (которое Аристотель очевидно понимаетъ какъ сумму вещей) можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, въ какомъ едины „платье и одежда“ и что поэтому для Елейцевъ не должно быть никакой разницы между добромъ и зломъ, человѣкомъ и лошадью [441]) и проч. При этомъ Аристотель

εἶδη. δόξειε δ' ἂν ἴσως βέλτιον εἶναι καὶ ὅτιν ἐπὶ σωτηρίᾳ γε τῆς ἀληθείας καὶ τὸ οἰκεῖα ἀναιρεῖν, ἄλλως τε καὶ φιλοσόφους ὄντας· ἀμφοῖν γὰρ ὄντοιν φίλοιν ὅσιον προτιμᾶν τὴν ἀλήθειαν. Эти знаменитыя слова быть можетъ отголосокъ вышеприведенныхъ Платоновыхъ.

432) Soph. 241, D.

433) Ibid. 242, B· φοβοῦμαι δὴ τὰ εἰρημένα. μή ποτε δὲ ταὐτά σοι μανινὸς εἶναι δόξω παρὰ πόδα μεταβαλὼν ἐμαυτὸν ἄνω καὶ κάτω.

434) См. отд. 11.

435) Natorp Aristoteles und die Eleaten, Philosophische Monatshefte, XXVI, 1890, 1—16, 147—169.

436) Phys. VIII, 3, 253 a, 33 ἀῤῥωστία τῆς διανοίας.

437) Metaph. 986 b, 26: μικρὸν ἀγροικότεροι (Ксенофанъ и Мелиссъ). 1001 b, 14: θεωρεῖ φορτικῶς (Зенонъ). Phys. 186 a. 9 (о Мелиссѣ)

438) Metaph. I, 5, 986, b, 27.

439) Phys. I, 2, 185 a, 5: ὅμοιον δὴ τὸ συνοπτεῖν εἰ οὕτως ἓν καὶ πρὸς ἄλλην θέσιν ὁποιανοῦν διαλέγεσθαι τῶν λόγου ἕνεκα λεγομένων, οἷον τὴν Ἡρακλείτειον. ἢ εἴ τις φαίη ἄνθρωπον ἕνα τὸ Ν εἶναι, ἢ λύειν λόγον ἐριστικόν. 186 a, 6.

440) Ibid. 185, a, 20.

441) Ibid. 185 b, 19: ἀλλὰ μὴν εἰ τῷ λόγῳ ἓν τὰ ὄντα πάντα ὡς λώπιον καὶ ἱμάτιον, τὸν Ἡρακλείτου λόγον συμβαίνει λέγειν αὐτοῖς· ταὐτὸν γὰρ ἔσται ἀγαθῷ καὶ κακῷ εἶναι καὶ μὴ ἀγαθῷ

упускаетъ изъ виду, что сущее Елейцевъ сверхчувственно, а его категоріи (за исключеніемъ лишь первой) примѣнимы только къ чувственнымъ вещамъ.

4. *Древнѣйшіе онтологи.* Въ свѣтѣ той же діалектической критики Платонъ знакомитъ насъ и съ другими первоучителями о бытіи. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что сущее трояко и то нѣкоторымъ образомъ воюетъ между собой, то становится дружнымъ, вступаетъ въ браки, рождаетъ дѣтей и даетъ кормъ потомкамъ. Другой называлъ двоякое бытіе—влажное и сухое или теплое и холодное, заставлялъ ихъ жить вмѣстѣ и выдавалъ замужъ [442]). Подобно всѣмъ остальнымъ древнимъ мудрецамъ эти философы (говоритъ Платонъ) люди высокопрославленные. Было бы поэтому грубо и непристойно не оказывать имъ уваженія, особенно въ такихъ великихъ вопросахъ [443]). Но безобидно какъ имъ, такъ и другимъ мудрецамъ указать на то, что они, взглянувъ на насъ свысока, пренебрегли нами—людьми изъ толпы. Каждый изъ нихъ разсказываетъ намъ, словно дѣтямъ, басню, нисколько не заботясь о томъ, въ состояніи ли мы слѣдить за ними или нѣтъ [444]). Поэтому, чтобы не мнить, будто мы постигаемъ разсказываемое ими, тогда какъ на дѣлѣ совсѣмъ на оборотъ [445]), мы, какъ бы они стояли передъ нами, обратимся съ вопросомъ [446]) хотя бы къ тѣмъ изъ нихъ, которые называютъ все теплымъ и холоднымъ или какими нибудь подобными началами: какъ намъ слѣдуетъ разумѣть ихъ слова, что существуютъ оба начала вмѣстѣ и каждое въ отдѣльности? Какъ понимать то, что̀ они называютъ бытіемъ? Предлагая имъ такіе вопросы, мы конечно не поступимъ неприлично [447]). Признаютъ ли они сущее отличнымъ отъ двухъ началъ, или тожественнымъ съ тѣмъ и другимъ, или съ какимъ

καὶ ἀγαθῷ, ὥστε ταυτὸν ἔσται ἀγαθὸν καὶ οὐκ ἀγαθὸν ναὶ ἄνθρωπος ναὶ ἵππος, καὶ οὐ περὶ του ἓν εἶναι τὰ ὄντα ὁ λόγος ἔσται αὐτοῖς ἀλλὰ περὶ τοῦ μηδέν, ναὶ τὸ τοιῳδὶ εἶναι καὶ τοσῳδὶ ταυτόν. Что для Парменида такое заключеніе обязательно, Аристотель не говоритъ въ „Физикѣ“, но это очевидно изъ замѣчанія въ «Метафизикѣ» I, 5, 986 b, 18, что Παρμενίδης ἔοικε τοῦ κατὰ τὸν λόγον ἑνὸς ἅπτεσθαι.

442) Soph. 242, C—D

443) Ibid. 243, A.

444) Ibid. 242, C. 243, A.

445) Ibid. 243, B—C. 244, A: ἵνα μὴ δοξάζωμεν μανθάνειν μὲν τὰ λεγόμενα παρ' ὑμῶν, το δὲ τούτου γίγνεται πᾶν τοὐναντίον.

446) Ibid. 243, D: λέγω γὰρ δὴ ταύτῃ δεῖν ποιεῖσθαι τὴν μέθοδον ἡμᾶς, οἷον αὐτων παρόντων ἀναπυνθανομένους ὡδε и пр.

447) Ibid. 241, B

нибудь однимъ изъ нихъ? Если они признаютъ сущее отличнымъ отъ двухъ началъ, то окажется, что все сущее не двояко, а трояко. именно, все есть теплое, холодное и сущее. Если они признаютъ сущее тожественнымъ съ какимъ нибудь однимъ началомъ, то выходитъ, что все сущее едино, такъ какъ другое начало, съ которымъ сущее не тожественно, не есть сущее, то есть не существуетъ. Если наконецъ они отожествляютъ оба начала съ сущимъ, то опять получается лишь единое сущее. а не двоякое [448]). Какимъ же образомъ выйти изъ этихъ затрудненій?

Хотя намъ и неизвѣстны тѣ философы, къ ученію которыхъ относится эта критика, она (точно такъ же, какъ и приведенная выше критика Елейскаго ученія) интересна для насъ потому, что служитъ наглядным фактическимъ примѣненіемъ основныхъ требованій Платоновой методологіи. Эта критика 1) полное уразумѣніе мысли изъ книги или связной рѣчи предполагаетъ невозможнымъ, 2) путемъ постиженія истины признаетъ живой діалектическій анализъ, 3) этотъ анализъ строитъ на отвлеченныхъ чуждыхъ всякаго чувственнаго содержанія положеніяхъ и 4) изъ за несогласія во взглядахъ не исключаетъ уваженія.

Аристотель. хотя и убѣжденъ, что во всякой философской мысли кроется проблескъ истины [449]), и что первыя попытки цѣннѣе, чѣмъ ихъ развитіе [450]), и хотя считаетъ себя обязаннымъ благодарностью даже самымъ поверхностнымъ изъ своихъ предшественниковъ [451]), и желаетъ въ критикѣ ихъ ученій быть не противникомъ, а посредникомъ [452]), не можетъ удержаться отъ презрительныхъ отзывовъ объ этихъ предшественникахъ. Вся вообще древняя философія по Аристотелю не болѣе какъ дѣтскій лепетъ [453]); только одинъ Анаксагоръ явился словно трезвый среди всеобщей пустой болтовни [454]). Платонъ въ его глазахъ развѣ немногимъ лучше древнихъ болту-

448) Ibid. 243, E—244, A.

449) Metaph. I², 1, 993 a, 30.

450) Soph. El. 34, 183 b, 20.

451) Metaph. I², 1, 993 b, 11.

452) Ibid. II, 1, 995 b, 4. De Coelo I, 10, 279 b, 7.

453) Metaph. I, 10, 993 a, 15: ψελλιζομένη γαρ ἔοικεν ἡ πρώτη φιλοσοφία περὶ πάντων, ἁτε νέα οὖσα. Ibid. 4, 985 b, 8.: ψελλίζεται λέγων Ἐμπεδοκλῆς XI, 5, 1062 a, 35: οὐ συνιείς ἑαυτοῦ τί ποτε λέγει (Гераклитъ).

454) Ibid. I, 4. 985 b, 17: οἷον νήφων ἐφάνη παρ' εἰκῆ λέγοντας τοὺς πρότερον.

новъ. Хотя чувство совѣсти и удерживаетъ его при оцѣнкѣ Платоновой идеологіи отъ слишкомъ большихъ рѣзкостей, однако укоръ въ пустословіи мы слышимъ [455]), и относительно проницательности эта оцѣнка оставляетъ желать очень многаго [456]).

5. *Гераклитяне.* О Гераклитѣ Платоновы діалоги даютъ сравнительно мало свѣдѣній. Мы слышимъ, что по Гераклиту все течетъ, что въ одну и ту же рѣку не вступишь дважды [457]), что все расходящееся сходится на подобіе гармоніи лука и лиры [458]), узнаемъ о Гераклитовомъ солнцѣ, которое загорается каждый день вновь [459]), и о томъ, что на взглядъ этого мудреца самый красивый человѣкъ въ сравненіи съ богомъ не лучше обезьяны [460]). Всѣ эти свѣдѣнія мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей [461]).

За то подробно Платонъ знакомитъ съ Гераклитянами (въ „Кратилѣ“ и „Θеэтетѣ“). Ихъ представителемъ выведенъ Кратилъ. Онъ изображенъ вѣрнымъ послѣдователемъ Гераклита, усвоившимъ отъ этого философа не только убѣжденіе во всеобщемъ потокѣ [462]), но и обычай загадочно и туманно выражаться [463]). Кромѣ ученія о безусловной подвижности сущаго, Кратилъ проводитъ теорію о соотвѣтствіи именъ вещамъ, о невозможности говорить ложь и одинаковомъ достоинствѣ всѣхъ законовъ. Всякое имя по Кратилу выражаетъ истинную природу вещи [464]); слово, не соотвѣтствующее такой природѣ, только кажется именемъ вещи, а на дѣлѣ есть имя другой,

---

455) Metaph. I, 9, 991 a, 20: τὸ δὲ λέγειν παραδείγματα αὐτά (τὰ εἰδη) εἶναι... κενολογεῖν ἐστι.

456) Brandis, Aristoteles, Berl. 1857, 125: Missverstand oder gar Missdeutung der Platonischen Grundlehren kann ich daher auf Aristoteles nicht kommen lassen, gebe aber gern zu dass er in seiner Kritik Grund und Ziel derselben unberucksichtigt gelassen und die mythischen Einkleidungen oder Erganzungen nicht als solche, sondern als Lehrstücke gefasst habe. Zeller, Ph. d. Gr. II b³, 302. Diese Einwendungen gegen die platonische Lehre sind nun allerdings von ungleichem Werthe, und nicht ganz wenige von ihnen beruhen wenigstens in der Fassung, welche ihnen Aristoteles zunachst gibt, unverkennbar auf einem Missverstandniss. Обстоятельный и проницательный анализъ Аристотелевой критики у Fouilée, Philosophie de Platon, III², l. 1.

457) Theaet 152, E. 161, D. Cratyl. 401, D. 402. A.

458) Sympos. 187, A. Soph. 242, E.

459) De Rep. 498, A.

460) Hipp Maj. 289, A—B.

461) Исчерпывающія сопоставленія въ сборникахъ Mullach'a и Bywater'a.

462) Cratyl. 440, D—E.

463) Ibid. 384, A. 427, D.

464) Ibid. 383, A 429, B, слѣд. 433, B. 433, D

природу которой обозначаетъ [465]). Кто произноситъ слова, не обозначающія природы никакой вещи, тотъ не говоритъ, а безъ толку шумитъ, какъ мѣдный сосудъ, въ который ударили [466]). Вслѣдствіе соотвѣтствія именъ вещамъ, кто знаетъ имена, знаетъ и природу вещей. Поэтому изученіе именъ—вѣрный путь къ постиженію сущаго [467]). И такъ какъ всякое имя обозначаетъ что̀ нибудь существующее, а несуществующаго сказать нельзя, то ложь невозможна [468]). Доказательствомъ соотвѣтствія именъ вещамъ служитъ согласіе всѣхъ вообще именъ съ основнымъ положеніемъ о потокѣ сущаго [469]). Какъ имена, по скольку имена, всегда правильны и исключаютъ поэтому всякую оцѣнку, точно также исключаютъ ее и законы: всякій законъ, по скольку законъ, одинаково хорошъ [470]).

Въ достовѣрности свидѣтельствъ о Кратилѣ трудно сомнѣваться уже потому, что Платонъ былъ ученикомъ Кратила и съ нимъ близокъ [471]). Характерныя черты этихъ свидѣтельствъ получаютъ вслѣдствіе этого особую важность для оцѣнки всѣхъ вообще Платоновыхъ показаній.

Впрочемъ, приверженность Кратила Гераклиту засвидѣтельствована Аристотелемъ [472]), а то, что̀ Платонъ говоритъ о взглядѣ Кратила на природу именъ, находитъ подтвержденіе въ слѣдующемъ свидѣтельствѣ Аммонія, которое, повидимому, идетъ изъ самостоятельнаго источника, такъ какъ не только согласно со свидѣтельствомъ Платона, но и сообщаетъ новыя подробности. „Къ тѣмъ, которые учили, что имена существуютъ по природѣ, принадлежатъ Гераклитъ и Кратилъ. На ихъ взглядъ имена—произведенія природы, которая для каждой вещи опредѣляетъ собственное имя точно такъ же, какъ различнымъ чувственнымъ качествамъ соотвѣтствуютъ различныя ощущенія. Имена подобны не искусственнымъ, а естественнымъ изображеніямъ вещей, напримѣръ тѣнямъ и тому, что̀ обыкновенно отображается въ водѣ или зеркалѣ.

---

465) Ibid. 429, C 431, E, сл
466) Ibid. 430, A.
467) Ibid. 434, D, сл
468) Ibid. 429, C, сл.
469) Ibid. 436, B—C.
470) Ibid. 429, B.
471) Arist. Metaph. I, 6, 987 a, 32.
472) Ниже, стр. 164 и въ ук. въ пред. прим. мѣстѣ.

Тѣ, которые произносятъ такое имя,—называютъ, въ противномъ же случаѣ не называютъ. а только шумятъ. Уловлять для каждой вещи уготовленное ей отъ природы собственное имя свойственно человѣку свѣдущему, точно такъ же какъ человѣку съ хорошимъ зрѣніемъ свойственно различать принадлежащіе каждой вещи оттѣнки“ [473]).

Общая характеристика послѣдователей Гераклита въ „Θеэтетѣ“ можетъ служить лучшимъ образцомъ комизма у Платона. „Съ Гераклитянами (говоритъ Θеодоръ) не лучше можно разговаривать, чѣмъ съ изжаленными шершнемъ. Въ полномъ согласіи со своими книгами, они носятся туда и сюда, а чтобы остановиться на словѣ или какомъ нибудь вопросѣ и по очереди спокойно отвѣчать на вопросъ и спрашивать, этого у нихъ меньше, чѣмъ чего бы то ни было; даже меньше, чѣмъ ничего: у этихъ людей нѣтъ ни въ чемъ ровно никакого покоя. А если ты кого изъ нихъ спросишь о чемъ нибудь, они вытаскиваютъ словно изъ колчана загадочныя словечки и ими стрѣляютъ; когда же захочешь потребовать отчета въ сказанномъ, пораженъ будешь другимъ снова переиначеннымъ въ значеніи словомъ, и никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ ничего не доведешь до конца. Да не доводятъ до конца и они ничего между собою, но очень остерегаются, какъ бы не допустить какого нибудь постоянства въ словѣ или въ душахъ своихъ, считая его, какъ мнѣ кажется, стоячимъ, а противъ стоячаго они ведутъ сильную войну и, на сколько могутъ, отовсюду изгоняютъ. — Да ты, Θеодоръ, быть можетъ видалъ этихъ людей воюющими, а съ мирными не встрѣчался, такъ какъ они тебѣ не друзья. Но я думаю, что они нѣчто постоянное говорятъ на досугѣ своимъ ученикамъ, которыхъ желаютъ сдѣлать себѣ подобными.—Какимъ ученикамъ, чудакъ! Такіе люди не бываютъ учениками одинъ другого, но нарождаются сами собою, какъ скоро случится кому изъ нихъ придти отъ чего нибудь въ восторгъ, и каждый считаетъ другого ничего не знающимъ. Отъ этихъ людей, какъ я уже сказалъ, ты никогда не добьешься толку, ни добровольно, ни противъ ихъ воли: ихъ самихъ слѣдуетъ взять и разсматривать какъ задачу“ [474]).

---

[473]) Ammon. ad Arist. De Interpr. 24 b, Ald., Zeller, Ph. d. Gr I[4], 658 считаетъ это свидѣтельство простой перефразировкой Платона, однако безъ вполнѣ убѣдительныхъ доводовъ.

[474]) Theaet. 179. E—180, C.

Насколько правильна эта характеристика, можно судить какъ изъ того, что̀ намъ извѣстно объ ученіи и способѣ выраженія Гераклита, такъ и изъ замѣчаній Аристотеля о Кратилѣ и другихъ Гераклитянахъ.

Подъ своимъ „потокомъ“ Гераклитъ подразумѣвалъ безусловную измѣнчивость сущаго. Все движется, переиначивается, переходитъ одно въ другое, колеблется между противоположностями [475]). Въ одну и ту-же рѣку нельзя вступить дважды какъ потому, что рѣка становится всякое мгновеніе другой, такъ и потому, что становимся другими и мы сами. Мы входимъ въ рѣку и не входимъ, существуемъ и не существуемъ [476]). Противоположности непрестанно смѣняютъ одна другую. Одно и тоже мертвое и живое, бодрствующее и спящее, молодое и старое [477]), прямое и кривое, верхнее и нижнее, чистое и грязное, полезное и вредное, хорошее и дурное [478]) и т. д. Живое переходитъ въ мертвое, спящее въ бодрствующее, молодое въ старое и т. д., и наоборотъ. Потокъ происхожденія и прехожденія вѣченъ, никогда не останавливается и не остановится [479]).

Очевидно, что при буквальномъ слѣдованіи этому ученію, если и возможно отвѣчать на вопросы, то не иначе, какъ „отстрѣливаясь“. Самъ Гераклитъ примирялъ крайности своего міровоззрѣнія указаніемъ на всеобщій Логосъ [480]), объединяющій противоположности въ міровой гармоніи [481]), и сообразно съ этимъ высшую мудрость полагалъ въ сочетаніи анализа съ синтезомъ. „Соедини цѣлое и не цѣлое, сходное и не сходное, согласное и разногласное и изо всего одно, и изъ одного все“ [482]). Но его послѣдователи оставили эти важныя черты безъ вниманія и потому ихъ всеобщій потокъ смывалъ всякую возможность какихъ бы то ни было утвержденій. „Изъ того взгляда (говоритъ Аристотель) [483]),

---

[475]) Diog. L. IX, 8.

[476]) Plut. De Ei ap. D. c. 18, 478 Did. (fr. 21 M.). Alleg. Hom. 24 (fr. 83 M.). Seneca Epist. 58.

[477]) Plut. Consol. ad Apoll. c. 10, 127 Did. (fr. 46 M.).

[478]) Hippol. Haeres Ref. 282 Mill. (fr. 88. 90. 91 M.). 283 (fr. 86. 87 M.).

[479]) Plut. Cons. ad Apoll. l. c.

[480]) Ниже, стр. 173, 175 сл.

[481]) Aristot. Eth. Nic. VIII, 2, 1155 b, 4, (fr. 37 M.). Plut. De Isid. et Osir. c 45, 451 Did. (fr. 39 M.). De An. procr. c. 27, 1255 Did. (fr. 40 M.).

[482]) (Arist.) De Mundo 5, 396 b, 20. Clemens, Strom. V, 571 Pott.

[483]) Arist. Metaph. III, 5, 1010 a, 10.

что вслѣдствіе непрестанной измѣняемости сущаго ни о чемъ нельзя утверждать никакой истины, выработалось крайнее мнѣніе такъ называемыхъ Гераклитянъ, которое раздѣлялъ Кратилъ. Послѣдній въ концѣ не считалъ возможнымъ даже говорить, а только двигалъ пальцемъ, и укорялъ Гераклита за его слова, что въ одинъ и тотъ же потокъ нельзя вступить дважды; по мнѣнію Кратила, нельзя вступить и одного раза".

Указанія Платона на загадочныя словечки, восторженный и самоувѣренный тонъ Гераклитянъ точно также находятъ полное подтвержденіе въ нашихъ свѣдѣніяхъ о Гераклитѣ. Непонятность его изреченій вошла въ пословицу [484]). Про Сократа разсказывали, что по прочтеніи его книги, онъ выразился, что то, что̀ онъ понялъ, прекрасно, и что такимъ же должно быть и то, чего не понялъ, но что вообще книга нуждается въ Делійскомъ водолазѣ [485]). „Темный" и „Загадочный" стало впослѣдствіи обычнымъ названіемъ Гераклита [486]). Эта неясность слога была слѣдствіемъ не одной лишь невыработанности языка, но главнымъ образомъ того, что въ загадочныхъ изреченіяхъ оракуловъ Гераклитъ видѣлъ откровеніе высшаго Разума [487]). Его идеалъ— Дельфійскій Аполлонъ, который „не говоритъ и не скрываетъ, но намекаетъ" [488]), и безумными устами Сибиллы изрекаетъ „несмѣшныя, неукрашенныя и ненамазанныя" слова [489]). Свое ученіе Гераклитъ точно также признавалъ за высшее откровеніе. Онъ былъ поэтому настолько въ немъ увѣренъ, что готовъ былъ отстаивать его и „передъ Персефоной" [490]), а тѣхъ, кто не позналъ открытой въ немъ истины, глубоко презиралъ. „Хотя (говоритъ онъ, изложенное въ моей книгѣ) Слово вѣчно, люди всегда бываютъ неразумны, и прежде чѣмъ его услышали, и услыхавъ впервые; тогда какъ все происходитъ по этому Слову, они подобны неопытнымъ, хоть и испытываютъ такія рѣчи и дѣла, о какихъ я веду рѣчь, раздѣляя каждое по его при-

---

484) Относящіяся сюда свидѣтельства и ихъ оцѣнка у Лассаля, Philos. Herakl. d. Dunkl., Berl 1858, I, 28 f. и Целлера, Ph. d. Gr. I^4, 570.

485) Diog. Laert. II, 22. IX, 11—12.

486) Aristot. De Mondo, l. s. c. Tim. Phl. ap. Diog. L. IX, 6 (v. 26 M.).

487) Chalcid. in Tim. c. 249 и Zeller, Ph. d. Gr. I^4, 571. 663.

488) Plut. Pyth. or. c. 21, 493 Did. (fr. 11 M.): ὁ ἄναξ οὗ τὸ μαντεῖόν ἐστι τὸ ἐν Δελφοῖς, οὔτε λέγει, οὔτε κρύπτει, ἀλλὰ σήμαίνει.

489) Ibid. c. 6, 484 Did. (fr. 10 M.): Σίβυλλα δὲ μαινομένῳ στόματι, καθ' Ἡράκλειτον, ἀγέλαστα καὶ ἀκαλλώπιστα καὶ ἀμύριστα φθεγγομένη, χιλίων ἐτων ἐξικνεῖται τῇ φωνῇ διὰ τὸν θεόν.

490) Olymp. in Gorg. 87. Diog. L. IX, 16.

родѣ и говоря, каково оно. Но отъ всѣхъ остальныхъ людей ускользаетъ то, что они дѣлаютъ по пробужденіи, точно такъ же какъ забываютъ они то, что бываетъ во снѣ“ [491]). Они не понимаютъ того, на что наталкиваются [492]), слышатъ, но не смыслятъ, такъ что, по пословицѣ, присутствуя отсутствуютъ“ [493]).

Характеристика Кратила совпадаетъ какъ съ этимъ образомъ Гераклита, такъ и съ приведенной выше общей характеристикой Гераклитянъ. Онъ точно также непоколебимо увѣренъ въ истинѣ всеобщаго потока [494]), такъ же подобно оракулу изрекаетъ [495]), и если ему въ разговорѣ съ Сократомъ „не случается придти въ восторгъ“, то онъ съ полнымъ одобреніемъ принимаетъ восторженныя изреченія Сократа [496]).

Эта совмѣстность двухъ характеристикъ въ различныхъ діалогахъ съ достовѣрными свѣдѣніями о Гераклитѣ и замѣчаніями Аристотеля о Кратилѣ можетъ служить лучшимъ отвѣтомъ на предположеніе отрицательной критики, что Платонъ „быть можетъ не честно осмѣиваетъ Гераклитянъ“ а дѣйствительный Кратилъ не походилъ „на его подобіе у Платона“ [497]).

Въ критикѣ ученія о всеобщемъ потокѣ Платонъ указываетъ на противорѣчія, которыя въ этомъ ученіи заключаются, и на несообразности, къ которымъ оно приводитъ.

Ученіе о безусловной подвижности сущаго предполагаетъ не только безусловную перемѣну мѣста, но и безусловную измѣнчивость состояній [498]). При такомъ ученіи невозможно никакое опредѣленное качество, никакое воспріятіе, никакое знаніе и никакое утвержденіе.

---

491) Clemens, Strom. V, 716 Pott. Hippol. Ref. IX. 280 Mill. (fr 1 M.).

492) Clemens Strom. II, 432 Pott (fr. 5 Byw.).

493) Theodoret. therap. I, 13, 49 (fr. 4 M.). Clemens Strom. II, 442 Pott. (fr. 5 M).

494) Cratyl. 440, D. Результатъ бесѣды съ Сократомъ: εὖ μέντοι ἴσθι, ὦ Σώκρατες, ὅτι οὐδὲ νυνὶ ἀσκέπτως ἔχω, ἀλλά μοι σκοπουμένῳ καὶ πράγματα ἔχοντι πολὺ μᾶλλον ἐκείνως φαίνεται ἔχειν, ὡς Ἡράκλειτος λέγει.

495) Idid. 383, E—384, A: Κἀμοῦ ἐρωτωντος καὶ προθυμουμένου εἰδέναι, ὅ τί ποτε λέγει, οὐτ' ἀποσαφεῖ οὐδέν εἰρωνεύεταί τε πρός με προσποιούμενός τι αυτὸς ἐν ἑαυτῷ διανοεῖσθαι ὡς εἰδὼς περὶ αὐτοῦ, ὃ εἰ βουλοιτο σαφως εἰπεῖν ποιήσειεν ἂν καμὲ ὁμολογεῖν καὶ λέγειν ἅπερ αυτὸς λέγει. εἰ οὖν πῃ ἔχεις συμβαλεῖν τὴν Κρατύλου μαντείαν, ηδέως ἂν ἀκούσαιμι.

496) Ibid. 428, C: καμοί σύ, ὦ Σώκρατες, ἐπιεικως φαίνει κατὰ νουν χρησμῳδεῖν, εἴτε παρ' Εὐθύφρονος ἐπίπνους γενόμενος, εἴτε καὶ ἄλλη τις μοῦσα πάλαι σε ἐνοῦσα ἐλελήθει.

497) Выше, стр. 13.

498) Theaet. 181, C, слѣд.

Если бѣлое не только непрестанно течетъ, но непрестанно переходитъ въ другое, то его нельзя назвать ни бѣлымъ, ни вообще цвѣтомъ.

Равнымъ образомъ, если зрѣніе или слухъ непрестанно становятся иными, то ни зрѣніе нельзя назвать зрѣніемъ, ни слуха слухомъ [499]).

Знаніе всегда предполагаетъ отношеніе между познающимъ и познаваемымъ. Но если познаваемое непрестанно утекаетъ отъ познающаго и всегда становится другимъ, то никакое отношеніе между тѣмъ и другимъ невозможно [500]).

Впрочемъ, самое понятіе знанія заключаетъ въ себѣ при такомъ предположеніи противорѣчіе. Если знаніе не выходитъ изъ своего бытія, то оно пребываетъ и есть знаніе; но если самый видъ знанія переходитъ, то знаніе должно переходить въ отличный отъ знанія видъ и не быть знаніемъ, и если знаніе будетъ всегда выходить изъ своего вида, то никогда не будетъ знаніемъ [501]).

Наконецъ, ученіе о всеобщемъ потокѣ опровергаетъ само себя. При такомъ ученіи одинаково правильны и неправильны всѣ утвержденія или лучше сказать невозможны никакія утвержденія. Послѣдователи этого ученія не должны говорить, ни „такъ“ ни „не такъ“, потому что въ томъ и другомъ случаѣ предполагается нѣкоторое постоянство; единственно подходящій для нихъ способъ выраженія—„никоимъ образомъ“ [502]).

Не трудно убѣдиться въ здравости этой критики.

Если бы Гераклитяне ученіе о всеобщей подвижности ограничивали однимъ міромъ явленій (какъ Платонъ [503]), то были бы безусловно правы: въ мірѣ явленій дѣйствительно все неустанно измѣняется и даже бѣглый анализъ безъ труда открываетъ разнообразныя измѣненія и движенія тамъ, гдѣ на первый взглядъ царитъ полная косность. Одинъ изъ новѣйшихъ представителей естествовѣдѣнія высчиталъ, напримѣръ, что символъ неподвижности—камень испытываетъ одновременно шесть измѣненій помимо общихъ всей вообще

---

499) Ibid. 182, D.
500) Ibid 182, D. Cratyl. 439, C—E. 440, B.
501) Cratyl. 440, A—B.
502) Theaet. 183, A—B.
503) Phaedo 74, B. 78, E, сл. De Rep. 479, A. Tim. 49, B. сл. Выше, стр 137.

землѣ, какъ планетѣ [504]). Другой отмѣчаетъ одиннадцать этихъ послѣднихъ. „Во вселенной (слышимъ мы отъ него [505]) нѣтъ никакого постояннаго пункта. Повсюду движеніе, дѣятельность, свѣтъ и жизнь. Устройство звѣзднаго міра подобно устройству такъ называемыхъ матеріальныхъ тѣлъ. Всякое тѣло, органическое и неорганическое, большое и малое, состоитъ изъ безчисленнаго множества несоприкасающихся молекулъ, состоящихъ въ свою очередь изъ безчисленнаго множества несоприкасающихся атомовъ. Всѣ эти атомы и молекулы находятся въ непрерывномъ движеніи. Нашъ мозгъ, точно также какъ и остальная матерія, непрестанно измѣняется. Во всей его массѣ нѣтъ ни одного бугра, ни одной клѣтки, которые бы оставались неизмѣнными. Остановка движенія, круговращенія, превращенія была бы смертью“.

Гераклитъ разсуждалъ совершенно также: онъ изгонялъ изъ вселенной неподвижность и покой потому, что то и другое—достояніе мертвыхъ [506]).

Переходъ изъ одного въ другое, превращеніе, „бываніе и прехожденіе“ [507]) руководящая мысль современнаго естествознанія. Новая по обоснованію и формулировкѣ какъ ученіе о постепенномъ развитіи, она сама по себѣ стара, какъ жизнь, и многократно предносилась поэтическому, философскому, религіозному и нравственному сознанію. Изъ поэтовъ она въ древности вдохновила Овидія, предугадавшаго ученіе объ измѣнчивости видовъ [508]), въ но-

---

[504]) Ferrière, La Vie et l'Ame, Paris, 1888, 473 sq.

[505]) Flammarion, L'Uranie, Paris, 1891, 308. 313 sq. 319. 323 sq. 345 sq. Подобныя же замѣчанія у Trendelenburg'a, Logische Untersuchungen, I³, V. 142 f.

[506]) Plac. I, 23.

[507]) Sterne, Werden und Vergehen, eine Entwicklungsgeschichte des Naturganzen, 3-te Aufl. Berl. 1886.

[508]) Ovid. Metamorph. XV, 176—177. 252—257. Говоритъ Пиѳагоръ:

Nihil est, toto quod perstet in orbe.
Cuncta fluunt, omnisque vagans formatur imago...
Nec species sua cuique manet. rerumque novatrix
Ex aliis alias reparat natura figuras.
Nec perit in toto quicquam, mihi credite, mundo,
Sed variat faciemque novat. nascique vocatur
Incipere esse aliud, quam quod fuit ante, morique,
Desinere illud idem.

вое время—Гёте и Эразма Дарвина [509]). Какъ идея о развитіи, она осѣнила философскій геній Бруно, Лейбница, Шеллинга и Гегеля. Первымъ двумъ міровая жизнь представлялась эволюціей и инволюціей существъ въ общемъ потокѣ тѣлеснаго бытія [510]). Шеллингъ видѣлъ во вселенной вѣчно бывающую, но никогда не сущую, эволюцію и безконечную метаморфозу [511]), Гегель—развитіе вѣчно текущихъ, снимающихъ одно другое понятій [512]).

Гераклитъ ничего не зналъ о развитіи, но училъ о ведущемъ чрезъ противоположности пути вверхъ и внизъ [513]), то есть объ условленныхъ противоположностями прогрессѣ и регрессѣ. Гегель

---

[509]) Goethe, Eins und Alles (Gott und Welt):

Es soll sich regen, schaffend handeln,
Erst sich gestalten, dann verwandeln;
Nur scheinbar steht's Momente still.
Das Ew'ge regt sich fort in allen;
Denn alles muss in Nichts zerfallen,
Wenn es im Sein beharren will.

Поэма Эразма Дарвина, въ которой онъ развиваетъ подобную же мысль, носитъ заглавіе The Temple of Nature (Lond. 1803). Выдержки изъ нея, а равно и изъ двухъ другихъ Botanic Garden (1781) и Loves of the Plants (1789) приводитъ Butler, Evolution old und new (сравненіе теорій Бюффона, Эразма Дарвина, Ламарка и Ч. Дарвина), Lond. 1880.

[510]) Bruno, De tripl. min. Francof. 1591, 65: Quidquid oculis cernitur ad elementa eadem pertinere et aeque sub perpetuo variabilitatis atque vicissitudinis ordine substare definimus etc. De umbris idearum, XVI, 309 Gfr.: Natura dat involutas species, antequam tradat easdem explicatas. Leibniz, Monad. 71: Car tous les corps sont dans un flux perpétuel comme des rivières; et des parties y entrent et en sortent continuellement. 73: C'est ce qui fait aussi qu'il n'y a jamais ni génération entière, ni mort parfaite, prise à la rigueur, consistant dans la séparation de l'âme. Et ce que nous appelons Générations sont des développements et des accroissements; comme ce que nous appelons Morts sont des Enveloppements et Diminutions. Подробныя доказательства о Бруно у Brunnhofer'a Giordano Brunos Weltanschauung, Leipz. 1882, 174 f., G. Brunos Lehre v. Kleinstem als die Quelle der Prästabilirten Harmonie v. Leibniz, Leipz. 1890, 28 f. 48 f., о Лейбницѣ у Zeller'a Gesch. d. deutsch. Philos., 2 te Aufl. Münch. 1875, 107. Ученіе Бруно Брунгоферъ характеризуетъ „als durch den Platonismus gemässigten Heraklitismus“ (Weltansch., 178). Лейбницъ въ данномъ случаѣ очевидно лишь развиваетъ мысль Бруно. О значеніи Бруно для Лейбница и всей вообще послѣдующей исторіи философіи Carrière, Die Weltanschauung d. Reformationszeit, 2-te Aufl., Leipz. 1887, I, 165 f. и упомянутая уже монографія Brunnhofer'a, G. Bruno's Lehre v. Kleinstem etc.

[511]) Schelling, Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie, Einleitung zu dem Entwurf eines Systems der Naturphilosophie, Sämmtl. Werke, 1 Abth., 3-r Th. 16. 290. 300: Die Natur existirt als Produkt nirgends, alle einzelnen Produkte in der Natur sind nur Scheinprodukte, nicht das absolute Produkt, in welchem die absolute Thätigkeit sich erschöpft, und das immer wird und nie ist.... Wir erblicken in dem was man Natur nennt.... nicht das Urprodukt selbst, sondern seine Evolution.... Das Produkt wird erscheinen als in unendlicher Metamorphose begriffen.

[512]) Hegel, Wissenschaft der Logik, I², 104 f.

[513]) Diog. Laert. IX, 8. Zeller, Ph. d. Griech. I⁴, 613 f.

поэтому счелъ возможнымъ сказать, что у Гераклита нѣтъ ни одного положенія, котораго онъ не принялъ въ свою Логику [514]). Въ вѣнчающей эту Логику Абсолютной идеѣ „все течетъ и все прозрачно“ [515]). „Что абсолютное начало есть бываніе, вотъ (поясняетъ одинъ изъ Гегелевыхъ послѣдователей [516]) положительное пріобрѣтеніе, которое мы должны вывести изъ нашего діалектическаго изслѣдованія. Не покоющееся мертвое бытіе и не простое уничтоженіе, но вѣчный потокъ, прогрессъ, словомъ, бываніе есть истина всѣхъ вещей, каждая изъ которыхъ есть и не есть“.

По Гераклиту, вселенная есть вѣчно живой божественный огонь [517]), непрестанно расходящійся во враждѣ и раздорѣ и сходящійся въ гармоніи и согласіи [518]), такъ что изъ всего одно и изъ одного все [519]). Вѣчность—играющее въ кости дитя, то ихъ разбрасывающее, то смѣшивающее, и жизнь вселенной—царство этого дитяти [520]). По Гегелю, „живая субстанція есть бытіе, которое по истинѣ есть субъектъ или, что̀ тоже, которое по истинѣ дѣйствительно существуетъ лишь поскольку оно есть движеніе самоположенія или опосредствованіе становленія себя инымъ съ самимъ собою. Она какъ субъектъ есть чистая простая отрицательность, именно чрезъ это—раздвоеніе простаго, или полагающее противоположности удвоеніе, которое опять есть отрицаніе этого равнодушнаго различія и его противоположности: только это себя возстановляющее равенство или отраженіе въ инобытіи въ себѣ самомъ—не первоначальное единство какъ такое, или непосредственное какъ такое, есть истина. Она—бываніе самой собою, кругъ, который свой конецъ предпола-

---

514) Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, her. v. Michelet, I², 301: Hier sehen wir Land, es ist kein Satz des Heraklit, den ich nicht in meine Logik aufgenommen.

515) Hegel, Encyklopädie, § 237: Für sich ist die absolute Idee, weil kein Uebergehen noch Voraussetzen und überhaupt keine Bestimmtheit, welche nicht flüssig und durchsichtig wäre, in ihr ist, die reine Form des Begriffs etc.

516) Michelet, Das System der Philosophie als exacter Wissenschaft, Berl. 1876, I, 54.

517) Clemens Strom. V, 711, Pott. (fr. 27 M.). Остальныя свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. I⁴, 585 f.

518) Arist. Eth. Nic. VIII, 2, 1155 b, 4. Plato Symp. 187, A. Soph. 242, E. Plut. De Isid. et Osir. c. 45. 48. De An. procr. c. 27. 451. 452. 1255. Did. Simpl. Phys. 11 r—v, 50, 14 Diels. Schol. Ven. in Iliad. IV, 4. Orig. c. Cels. VII, 663 (fr. 30. 37. 38. 39 M.).

519) (Arist.) De Mundo 5, 396 b, 19 (fr. 45 M.) Выше, стр. 164.

520) Hippol. Haer Ref. 281 Mill. Clemens Paed. I, 5, 111 Pott. Lucian. Vit. auct. 14. 147 Did. и пр. (fr. 44 M.).

гаетъ какъ свою цѣль и имѣетъ своимъ началомъ, и лишь чрезъ свое выполненіе и свой конецъ существуетъ въ дѣйствительности. Жизнь божества и божественное познаніе могутъ быть выражены какъ игра любви съ самою собой; но эта идея унижается до смѣшнаго и даже пошлаго, если въ ней недостаетъ серьезности, страданія, терпѣнія и работы отрицательнаго“ [521]). Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ почти буквальное сходство между взглядами обоихъ мыслителей.

Въ религіозномъ сознаніи истина о міровомъ круговоротѣ говоритъ о себѣ вѣрой въ переселеніе душъ [522]), нашедшей философское выраженіе въ ученіи Орфиковъ о колесѣ или кругѣ происхожденія [523]), а обоснованіе въ глубокомысленномъ Буддизмѣ. „Переселеніе душъ у Буддистовъ сводится къ постоянному превращенію и возрожденію. Ни одинъ истый Буддистъ не вѣруетъ въ переходъ души изъ одного тѣла въ другое, но скорѣе въ переходъ того, что̀ можетъ быть названо силой дѣйствія,... и что̀ причиняетъ непрерывную послѣдовательность превращеній, подобную катанію колеса черезъ различныя сцены и по самой разнообразной почвѣ, или горящему день и ночь огню, который то вдругъ умираетъ, то снова возгорается, такъ что такой огонь, хотя и не одинъ и тотъ же, но и не различный“ [524]). „Для такого міровоззрѣнія во̀ всемъ, что̀ подчинено порядку причинности, нѣтъ ничего, что̀ не разрѣшалось бы въ самопревращеніе и происхожденіе. Лишь въ непрерывномъ подчиненномъ закону причинности колебаніи между бытіемъ и небытіемъ лежитъ истина вещей, составляющихъ содержаніе этого міра“ [525]).

Подобное же слышимъ мы и отъ Гераклита. Все подчинено той судьбѣ или необходимости, [526]) по которой смерть есть происхожде-

---

[521]) Hegel, Phänomenologie des Geistes, 2-te Aufl. Berl. 1841, 14 f. Взглядъ на жизнь божества какъ игру съ собою встрѣчается также у Эккарта, Carrière, Die Weltanschauung etc, I², 257, и Я. Бэма, Myst. Magn. c. 5, § 3. c. 8, § 25. De Signat. rer. c. 16, § 2, V, 22. 38. IV, 453 Schiebl.

[522]) Дѣльныя замѣчанія по этому вопросу у Johnson, Oriental Religions etc., Lond. 1879, II, 108 f. Изъ философовъ на подобной же точкѣ зрѣнія стоитъ Бруно, De la causa, etc. 238 De Lag.

[523]) Olymp. ad Plat. Phaed. 70, C. Procl. in Plat. Tim. V, 330 A—B. Simpl. in Aristot. De Coelo, II, 168 Karst (fr. 225—226 Abel).

[524]) M Williams, Buddhism, 2-nd ed., Lond. 1890. 110.

[525]) Oldenberg, Buddha, Berl. 1881, 254. 264.

[526]) (Plut.) Plac. I, 27—28. Diog. Laert. IX, 7. Stob Ecl I, 58.

ніе [527]). „Смерть огня—происхожденіе воздуха, смерть воздуха—происхожденіе воды [528])“ или „смерть души—происхожденіе воды, смерть воды — происхожденіе земли, и на оборотъ, изъ земли происходитъ вода, изъ воды душа“ [529]). „Безсмертные живутъ смертью смертныхъ, а смертные—смертью безсмертныхъ, первые умираютъ жизнью вторыхъ, а вторые—жизнью первыхъ“ [530]). „Одно и то-же въ насъ живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. То переходитъ въ это, а это въ то. Какъ изъ одной и той же глины можно лѣпить животныхъ и ихъ смѣшивать и затѣмъ опять лѣпить и смѣшивать, и такимъ образомъ одно за другимъ дѣлать непрерывно, точно такъ же природа изъ одного и того же вещества первоначально вывела нашихъ предковъ, затѣмъ слѣдомъ за ними родила отцовъ, затѣмъ насъ, затѣмъ дальше поведетъ въ круговоротѣ однихъ за другими. И текущій съ такой непрерывностью, потокъ происхожденія никогда не остановится, точно такъ же какъ противоположный ему потокъ погибели.... Та же самая причина, которая показала намъ свѣтъ солнца, ведетъ насъ и въ темный адъ [531])“. И какъ у Буддистовъ излюбленнымъ символомъ міроваго круговорота служитъ огонь и потокъ [532]), точно такъ же и Гераклитъ училъ о вселенной какъ объ огнѣ и потокѣ [533]).

На почвѣ нравственнаго сознанія мысль о круговомъ міровомъ потокѣ плачетъ надъ собою въ извѣстномъ словѣ староеврейской мудрости, что „все суета суетъ и томленіе духа, такъ какъ что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего но-

---

527) Clemens Strom. III, 434 Pott. οὐχὶ καὶ Ἡράκλειτος θάνατον τὴν γένεσιν καλεῖ;

528) Plut. De Ei ap. D. 18, 478. Did. (fr. 31 M.).

529) Clemens Strom. VI, 2 Pott. (fr. 59 M.).

530) Hippol. Haer. Ref. 282 Mill. (fr. 62 M.).

531) Plut. Consol. ad Apoll. 10, 127 Did. (fr. 46 M.). Плутархъ очевидно передаетъ лишь мысль Гераклита.

532) Oldenberg, Buddha, 265: Die Phantasie, welche im Dienst des forschenden Gedankens Abbilder und Symbole gestaltloser Ideen in der Gestaltenwelt der Natur aufsucht, hat zu allen Zeiten da wo es galt, ein Sein vorstellig zu machen, dessen Wesen Bewegung ist, nach zwei Bildern mit besonderer Vorliebe gegriffen, den stromenden Fluthen des Wassers und der sich selbst verzehrenden Flamme. Beide Anschauungen treten in den dunklen Sprüchen des grossen Zeitgenossen Buddha's, der in seiner Auffassung vom Sein der Dinge ihm naher als irgend ein andrer unter den griechischen Denkern verwandt ist, des Herakleitos, immer wieder in den Vordergrund: „Alles fliesst“; das All ist „ein ewig lebendes Feuer“. Auch die Bildersprache des Buddhismus hat Beides, den Strom und die Flamme, als Symbole der ruhelosen Bewegung in allem Dasein ergriffen.

533) Выше, стр. 164. 170.

ваго подъ солнцемъ“ [534]), и въ безчисленныхъ сѣтованіяхъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ на старый, но вѣчно юный мотивъ, что

In this life
Of error, ignorance, and strife,
Where nothing is, but all things seem,
And we the shadows of the dream,
It is a modest creed, and yet
Pleasant if one considers it,
To own that death itself must be,
Like all the rest, a mockery [535]).

„Плачущій“ Гераклитъ [536]) былъ поэтому правъ, разсматривая свое ученіе какъ обращенное ко всѣмъ людямъ Слово истины [537]), а его послѣдователи не даромъ стойко держались этого ученія. Въ немъ философскимъ языкомъ впервые возвѣстилъ себя тотъ Логосъ, который „во тьмѣ свѣтитъ, но котораго тьма не поняла“ [538]). Гераклитяне были объяты этой тьмой. Хотя Гераклитъ настойчиво указывалъ на открывающее себя во всеобщемъ міровомъ законѣ разумѣніе [539]), они не вняли этимъ указаніямъ. А между тѣмъ безъ опоры въ умопостигаемомъ неизмѣнномъ мірѣ ученіе о всеобщемъ потокѣ возможно не болѣе, чѣмъ всякое другое. Если взглядъ, что все измѣняется—истина, то неизмѣнной среди общаго измѣненія должна быть эта самая истина; и невозможность, не отрицая ее, мыслить противоположное, указываетъ на существованіе въ мыслительной дѣятельности нѣкотораго постояннаго свойства, которое въ свою очередь не возможно безъ постояннаго носителя этого свойства. Поэтому пребываніе, среди текучихъ явленій, неизмѣннаго субъекта

---

534) Екклес. I, 2, 9, 14 и проч

535) Shelley, The Sensitive Plant.

536) Theophr. ap. Diog. L. IX, 6. Hippol. Haeres Ref 10 Mill. Lucian Vit. auct. c. 13, 147, Did. Senec De ira, II, 10.

537) Clem. Strom. V, 14, 716 Pott. (fr. 1 M.). Του λόγου τοῦδε ἐόντος αἰεὶ ἀξύνετοι γίνονται ἄνθρωποι, καὶ πρόσθεν ἢ ἀκοῦσαι, καὶ ἀκούσαντες τὸ πρῶτον. γινομένων γὰρ πάντων κατὰ τὸν λόγον τονδε, ἀπείροισι ἐοίκασι, πειρωμενοι καὶ ἐργων τοιουτέων, ὁκοῖα ἐγὼ διηγεομαι, διαιρέων κατὰ φυσιν καὶ φράζων ὅκως ἔχει.

538) Ioann. I, 5 Justin. Apol. I, 46. Heinze, die Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie, Oldenb. 1872, 9 f.

539) Stob. Flor. III, 84 (fr. 111 Byw.). Sext. Emp. adv. Math. VII, 133 (fr. 58 M.). Ниже. стр. 175, сл. Diog. Laert. XI, 5 (fr. 35 M.): ἓν τὸ σοφόν· ἐπίστασθαι γνώμην ὅτε οἱ ἐκυβερνήσει πάντα διὰ πάντων (Есть одна только мудрость—познать разумѣніе, которое для этой мудрости и будетъ управлять всѣмъ чрезъ все).

познанія есть необходимое предположеніе ученія о всеобщемъ потокѣ. Гераклитяне утверждали всеобщій потокъ не о духовныхъ только состояніяхъ, но и реальныхъ вещахъ. Поэтому ихъ ученіе предполагаетъ, кромѣ пребывающаго субъекта, существованіе соотвѣтствующаго ихъ истинѣ объективнаго пребывающаго закона. Оба эти предположенія объединяются предположеніемъ субстанціи, то есть пребывающаго неизмѣннымъ среди измѣненій бытія.

Эти же замѣчанія справедливы и о новѣйшихъ почитателяхъ Гераклита—Гегелѣ и его сторонникахъ. Относительно общаго истолкованія міровой жизни, Гегель былъ правъ въ своемъ гордомъ словѣ, что „хотя его методъ допускаетъ усовершенствованіе и разработку, онъ единственно истинный“ [540]). Жизнь есть развитіе, а развитіе не мыслимо безъ указанныхъ Гегелемъ моментовъ [541]). Но этотъ методъ былъ лишь намѣченъ Гераклитомъ. а разработанъ, какъ увидимъ, на почвѣ Платонизма, съумѣвшаго въ себѣ совмѣстить „движеніе съ постоянствомъ“. Тамъ, гдѣ Гегель не идетъ въ разрѣзъ съ Платонизмомъ, онъ заблуждается обыкновенно лишь въ чрезмѣрномъ увлеченіи своимъ методомъ, но тамъ, гдѣ оттѣняетъ Гераклитическій элементъ своей философіи, порою выходитъ за предѣлы здраваго разсужденія [542]). Говоритъ, что въ Абсолютной Идеѣ „нѣтъ никакого ни предположенія ни вообще никакой опредѣленности, которая бы не была текучей и прозрачной“ [543]), значитъ рушить всю Логику. При такомъ опредѣленіи Абсолютнаго возможность какой либо системы понятна не болѣе, чѣмъ то, какимъ образомъ разумъ можетъ быть вмѣстѣ и „текучей общей субстанціей“ и „неизмѣнной простой вещественностью“ [544]). Въ такихъ разсужденіяхъ мы очевидно имѣемъ дѣло не съ „общею субстанціею разума“, но съ разумомъ совершенно частнымъ, усматривающимъ возможность синтеза тамъ, гдѣ такъ называемый здравый смыслъ видитъ лишь непримиримыя про-

---

[540]) Hegel, Wissenschaft der Logik, I², 39 Wie würde ich meinen konnen, dass nicht die Methode, die ich in diesem System der Logik befolgt,—noch vieler Vervollkommnung, vieler Durchbildung im Einzelnen fahig sey, aber ich weiss zugleich, dass sie die einzige wahrhafte ist.

[541]) Отд. 7.

[542]) Проницательная критика Гегелевой діалектики у Trendelenburg'a, Logische Untersuchungen, I, Кар. III, Stirling'a The Secret of Hegel, Lond. 1865, Seth'a Hegelianism and personality, Lond 1887, Schmitt'a, Das Geheimniss der Hegelschen Dialektik, Halle, 1888.

[543]) Hegel, Encyklopädie, § 237. Выше, стр. 170.

[544]) Hegel, Phänomenologie des Geistes, 256.

тиворѣчія и несообразности. Гегель придаетъ своимъ самодвижущимся понятіямъ значеніе онтологическихъ категорій [545]). Ясно однако, что они прежде всего выраженіе его собственной мыслительной дѣятельности. Но такая дѣятельность (какъ впервые поставилъ на видъ Платонъ) возможна лишь при совмѣстномъ „бытіи движенія и покоя“ [546]). Содержаніе сознанія всегда обусловлено измѣнчивостью состояній [547]), а мыслительная дѣятельность есть частью творческая, частью мимовольная координація этихъ состояній [548]). Если бы не было измѣненія, то не было бы и содержанія въ сознаніи, а при безусловной измѣнчивости сознанія не возможна была бы координація его состояній. Философскія построенія Бруно, Лейбница и Шеллинга имѣютъ передъ Гегелевымъ то преимущество, что указывая на непрестанную измѣнчивость въ бытіи, они въ тоже время признаютъ и начало постоянства: Бруно въ божественной субстанціи [549]), Лейбницъ сверхъ того въ предустановленной этой субстанціей гармоніи [550]), Шеллингъ въ основныхъ типахъ [551]). Религія вѣчнаго потока, Буддизмъ, если не находитъ никакого постоянства въ наличной дѣйствительности, по крайней мѣрѣ грезитъ о немъ въ своихъ высшихъ чаяніяхъ. Символъ совершенства—Нирваны—„въ полномъ цвѣтѣ лотосъ на гладкомъ и спокойномъ зеркалѣ воды“ [552]). Но Нирвана—мысль угасшая и потому не нуждается ни въ какой опорѣ, мысль живая ее неизмѣнно предполагаетъ.

Гераклитъ искалъ гносеологической опоры въ общемъ сознаніи, а это сознаніе отожествлялъ съ міровымъ огненнымъ разумомъ. „Общее всѣмъ (слышимъ мы отъ него) есть разумѣніе. Тому, кто говоритъ со смысломъ, слѣдуетъ основываться на томъ, что̀ обще всѣмъ, точно такъ же, какъ городъ основывается на законахъ. и даже еще

---

545) Hegel, Encyklopadie, I, §§ 24. 194. III, § 465.

546) Ниже, стр. 178, сл.

547) Вопросъ объ условіяхъ познавательной дѣятельности обстоятельно разсматриваетъ Спенсеръ, Principles of Psychology, I, P. II, ch. 1, § 59.

548) Ту и другую сторону умственной дѣятельности ставитъ на видъ въ критическомъ анализѣ Ferri, La psychologie de l'association. Paris, 1883.

549) Bruno, De la causa, II, 50. 238 sg. III, 74. 253 sg. 87. 261 sg. V, 116. 277 sg. De Lag

550) Свидѣтельства у Целлера, Gesch. d deutsch Philos 96.

551) Schelling's Sämmtl. Werke I. 3, 63 300.

552) M. Williams, Buddhism, 141.

крѣпче. Всѣ человѣческіе законы питаются отъ одного божественнаго. Надо всѣми онъ властвуетъ, сколько желаетъ, для всего достаточенъ и все превосходитъ.... [553]). Поэтому должно слѣдовать общему. И хотя разумъ для всѣхъ одинъ и тотъ же, толпа живетъ такъ, какъ будто имѣетъ собственное разумѣніе....[554]). Подобно тому какъ уголья приближенные къ огню измѣняются и становятся огненными, а удаленные отъ огня потухаютъ, точно такъ же пришедшая въ наши тѣла изъ окружающаго воздуха часть, по отдѣленіи отъ него становится почти безсмысленной, а по соединеніи чрезъ множество поръ становится одновидной со вселенной“ [555]).

Очевидно, однако, что возможность для толпы жить такъ, какъ будто бы она имѣла собственное разумѣніе, уполномочиваетъ насъ считать свой разумъ божественнымъ не по совокупности его содержанія, а лишь со стороны его способности познать истину. Верховное условіе возможности познаванія должно быть вмѣстѣ и верховнымъ (въ гносеологической области) выраженіемъ божественнаго въ насъ. Такое верховное условіе есть сознаніе нашего неизмѣнно пребывающаго среди потока состояній *я*. Истину эту впервые намѣтилъ Платонъ въ „Фэдонѣ“ ученіемъ о постиженіи сущаго какъ неизмѣнномъ себѣ тожественномъ разумѣніи [556]), но критически обосновалъ Кантъ. „Первое, что̀ намъ должно быть дано a priori для познанія всѣхъ предметовъ, есть разнообразіе чистаго воззрѣнія; синтезъ этого разнообразія посредствомъ воображенія есть второе, но не даетъ еще познанія. Понятія, которыя даютъ единство этому чистому синтезу и состоятъ исключительно въ представленіи этого необходимаго синтетическаго единства, дѣлаютъ третье для познанія даннаго предмета и опираются на разсудокъ“ [557]). Безъ данныхъ, изъ ко-

---

553) Stob. Flor. III, 84 (fr. 111 Byw.).

554) Sext. Emp. adv. Math. VIII, 133 (fr. 58 M).

555) Ibid. VII, 127.

556) Phaedo, 79, C: ὅταν δέ γ' αὐτὴ καθ' αὑτὴν σκοπῇ, ἐκεῖσε οἴχεται εἰς τὸ καθαρόν τε καὶ ἀεὶ ὂν καὶ ἀθάνατον καὶ ὡσαύτως ἔχον, καὶ ὡς συγγενὴς οὖσα αὐτοῦ ἀεὶ μετ' ἐκείνου τε γίγνεται, ὅταν περ αὐτὴ καθ' αὑτὴν γένηται καὶ ἐξῇ αὐτῇ, καὶ πέπαυταί τε τοῦ πλάνου καὶ περὶ ἐκεῖνα ἀεὶ κατὰ ταὐτὰ καὶ ὡσαύτως ἔχει, ἅτε τοιούτων ἐφαπτομένη; καὶ τοῦτ αὐτῆς τὸ πάθημα φρόνησις κέκληται;

557) Kant, Kritik der reinen Vernunft, Elementarlehre, II. Th. § 10, 99 (Hart.). Въ дальнѣйшемъ я ссылаюсь одинаково на первое и второе изданіе, такъ какъ по мысли дедукція въ томъ и другомъ одинакова, но полагаю въ основаніе текстъ перваго какъ болѣе убѣдительный и понятный. Блестящее (въ литературномъ и критическомъ отношеніи) изложеніе разсматриваемаго

торыхъ слагается познаніе, очевидно невозможно познаніе. Но содержаніе познанія воспринимается во времени, моменты котораго всегда слѣдуютъ одинъ за другимъ, и потому построеніе содержанія возможно лишь при воспроизведеніи въ каждый изъ послѣдующихъ моментовъ того, что̀ нами воспринималось въ предыдущихъ. Такое воспроизведеніе предполагаетъ признаніе тожества между воспроизводимымъ и воспроизведеннымъ, а признаніе тожества не возможно безъ понятія о пребывающемъ и тожественномъ субъектѣ состояній [559]). „Это первоначальное условіе есть не что̀ иное, какъ трансцендентальная апперцепція. Сознаніе самого себя по опредѣленіямъ нашего состоянія при внутреннемъ воспріятіи есть чисто эмпирическое и всегда измѣнчивое, такъ какъ никакое постоянное и пребывающее я не можетъ быть въ этомъ потокѣ внутреннихъ явленій, и обыкновенно называется внутреннимъ чувствомъ или эмпирической апперцепціей. То, что̀ должно быть необходимо представлено численно тожественнымъ, не можетъ быть мыслимо какъ таковое посредствомъ эмпирическихъ данныхъ. Должно существовать условіе, предшествующее всякому опыту и его дѣлающее возможнымъ, которое придавало бы значеніе такому трансцендентальному предположенію“ [552]). „Поэтому устойчивое и пребывающее я (чистой апперцепціи) составляетъ коррелатъ всѣхъ нашихъ представленій, поскольку вообще возможно ихъ сознавать, а всякое сознаніе принадлежитъ точно также къ всеобъемлющей чистой апперцепціи, какъ всякое чувственное воззрѣніе въ качествѣ представленія къ чистому внутреннему воззрѣнію—именно времени“ [560]) И хотя Кантъ отрицаетъ примѣнимость къ трансцедентному *я* категорій [561]) (вслѣдствіе чего онъ во второй обработкѣ своей „Критики“ не говоритъ объ устойчивомъ и пребывающемъ *я*), ясно однако, что безъ категоріи субстанціальности не мыслимо единство самосознанія, такъ какъ это самосознаніе совпадаетъ съ сознаніемъ собственнаго существованія,

---

мой дедукціи даетъ въ послѣдней обработкѣ третьяго тома своей „Исторіи философіи“ Куно Фишеръ (Berl. 1882, новое изданіе безъ перемѣнъ 1889), 360 f. Заслуживаетъ также вниманіе анализъ у Caird, The Critical Philosophy of Immanuel Kant, Glasg. 1889, I, 321—430.

[558]) Ibid. 567 f. (1-е изд.), 114 f. (2-е изд).

[559]) Ibid. 572 (1-е изд.).

[560]) Ibid. 580 (1-е изд.).

[561]) Ibid. 273 f. (2-е изд.), 586 f. (1-е изд.). Von den Paralogismen der reinen Vernunft etc.

а сознавать собственное существованіе значитъ сознавать пребываніе своей особи [562]).

Платоново ученіе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ гносеологіи и онтологіи. Оно предполагаетъ пребывающій субъектъ разумѣнія [563]), пребывающее бытіе [564]), и въ идеяхъ признаетъ пребывающіе объективные законы [565]).

Отвергая на гносеологическихъ основаніяхъ безусловную подвижность сущаго, Платонъ на тѣхъ же основаніяхъ отвергаетъ и его безусловную неподвижность. Познавать—значитъ дѣйствовать, быть познаваемымъ—значитъ испытывать дѣйствіе. То и другое предполагаетъ измѣненіе и слѣдовательно движеніе. Сверхъ того, разумъ мыслимъ только въ душѣ; душа неразрывна съ жизнью, а все живое движется [566]). „Поэтому для философа и всякаго, кто особенно цѣнитъ знаніе, повидимому, совершенно необходимо не принимать стоящей вселенной..., а тѣхъ, которые двигаютъ сущее всѣми способами, даже вовсе не слушать, но подобно тому, какъ желаютъ дѣти, чтобы все было неподвижнымъ и двигалось, признавать бытіе и вселенную вмѣстѣ и недвижимой и подвижной“ [567]).

Однако принять такое примиряющее Гераклитянъ и Елейцевъ воззрѣніе значитъ впутаться въ затрудненія. Говоря, что движеніе и покой одинаково существуютъ, мы либо должны признать ихъ тожественными съ бытіемъ и потому между собой, при чемъ движеніе должно остановиться, и покой двигаться, или такъ какъ это нелѣпо, должны предположить, что бытіе есть нѣчто отличное отъ

---

562) Ibid. 130: Dagegen bin ich mir meiner selbst in der transscendentalen Synthesis des Mannigfaltigen der Vorstellungen überhaupt, mithin in der synthetischen ursprünglichen Einheit der Apperception, bewusst, nicht wie ich mir erscheine, noch wie ich an mir selbst bin, sondern nur dass ich bin (2-е изд.). Дѣльныя замѣчанія о смыслѣ понятія существованія у Спенсера, Princ. of Psych. P. II, Ch. 1, § 59 P. VII, Ch. 3, § 394. Какъ попытка вывести категоріи изъ движенія обращаютъ на себя вниманіе „Логическія изслѣдованія“ Тренделенбурга (3-е изд. Leipz. 1870). Относительно субстанціи несостоятельность такой попытки очевидна сама собой; Тренделенбургъ вынужденъ поэтому произвольно опредѣлять субстанцію als ein in sich geschlossenes Ganzes.... und zwar durch die Nachbildung des eigenthümlichen Entstehungsgesetzes, das ihm zum Grunde liegt. (II, 124). Впрочемъ, и Тренделенбургъ признаетъ „Das Unbedingte und die Idee“, ib 424 f.

563) Выше, стр. 176, пр. 556.

564) Всего яснѣе въ извѣстномъ мѣстѣ „Тимэя“, 27, D, сл.

565) Выше, стр. 134, сл.

566) Soph. 248, D, слѣд. О душѣ какъ началѣ жизни и движенія Phaedr. 245, C, слѣд. Phaedo, 105, C, сл. Leges, 892, A, сл Tim. 34, B, сл. Выше, стр. 130 сл

567) Ibid. 249, C—D.

движенія и покоя, но ихъ собою обнимающее. Въ такомъ случаѣ бытіе, какъ отличное по своей природѣ отъ движенія и покоя, не должно ни двигаться, ни покоиться. Но что̀ не движется, какъ можетъ не покоиться, а то что̀ не покоится, какъ можетъ не двигаться? [568])

Это противорѣчіе Платонъ пытается примирить на почвѣ ученія о соединеніи родовъ діалектикой бытія, движенія и покоя [569]), бросающей яркій свѣтъ на пріемы, значеніе и цѣль его критики.

Движеніе (Гераклитянъ) и покой (Елейцевъ) несовмѣстимы между собою, а бытіе совмѣстимо и съ тѣмъ и съ другимъ, такъ какъ движеніе и покой существуютъ. Каждый изъ этихъ трехъ родовъ есть тожественное по отношенію къ себѣ и иное по отношенію къ остальнымъ. Что̀ однако мы называемъ этими словами: тожественное и иное? Означаютъ-ли они покой и движеніе, или покой и движеніе отличны отъ тожественнаго и иного? Про покой и движеніе мы одинаково говоримъ, что они тожественное по отношенію къ себѣ и иное по отношенію другъ къ другу. Но то, что̀ утверждается о двухъ противоположностяхъ, не можетъ быть ни каждою изъ нихъ въ отдѣльности, ни той и другой вмѣстѣ. Поэтому покой и движеніе различны отъ тожественнаго и иного. Иначе вмѣсто того, чтобы сказать, что покой и движеніе тожественное по отношенію къ самимъ себѣ и иное по отношенію другъ къ другу, мы могли бы сказать, что покой по отношенію къ себѣ движеніе, а движеніе по отношенію къ себѣ покой, и что покой по отношенію къ движенію движеніе, а движеніе по отношенію къ покою покой [570]).

---

[568]) Ibid. 249, E—250, D.

[569]) Ibid. 254, D—258, B.

[570]) Про движеніе и покой мы говоримъ, что

I. Движеніе / Покой } тоже самое (по отношенію къ себѣ).

Предположимъ a) что тоже самое = покою; тогда окажется, что

Движеніе / Покой } покой (по отношенію къ себѣ),

то есть, что движеніе по отношенію къ себѣ покой.

Предположимъ b), что тоже самое=движенію; тогда окажется, что

Движеніе / Покой } движеніе (по отношенію къ себѣ),

то есть, что покои по отношенію къ себѣ движеніе.

II. Движеніе / Покой } иное (по отношенію другъ къ другу).

Предположимъ a), что иное=покою, тогда окажется, что

Движеніе / Покой } покой (по отношенію другъ къ другу).

то есть, что движеніе по отношенію къ покою покой.

Предположимъ b), что иное = движенію, тогда окажется, что

Движеніе / Покой } движеніе (по отношенію другъ къ другу).

то есть, что покой по отношенію къ движенію движеніе.

Точно также мы должны признать тожественное отличнымъ и отъ бытія, такъ какъ еслибы тожественное не отличалось отъ бытія, то утверждая, что покой и движеніе существуютъ, мы вынуждены были бы признать покой тожественнымъ съ движеніемъ. Такимъ образомъ, тожественное отлично какъ отъ бытія, такъ и отъ движенія и покоя, и есть поэтому четвертый самостоятельный родъ, на ряду съ бытіемъ, движеніемъ и покоемъ. Но и иное отлично отъ бытія, такъ какъ въ бытіи мы различаемъ безусловное и относительное, а иное всегда относительно. Поэтому иное мы должны признать пятымъ главнымъ родомъ. Этотъ пятый родъ проходитъ чрезъ всѣ остальные. Каждый изъ нихъ есть по отношенію къ остальнымъ иное не самъ по себѣ, а вслѣдствіе того, что имѣетъ часть въ идеѣ иного. Какъ иное по отношенію къ остальнымъ, каждый изъ нихъ не есть остальные роды. Движеніе есть иное чѣмъ покой, или не есть покой; тѣмъ не менѣе оно есть или существуетъ, такъ какъ имѣетъ часть въ бытіи. Оно есть иное чѣмъ тожественное или не есть тожественное; однако оно есть тожественное, такъ какъ имѣетъ часть въ тожественномъ. Оно такимъ образомъ есть и не есть тожественное, такъ какъ имѣетъ одинаково часть и въ тожественномъ и въ иномъ. Иное по отношенію къ покою и тожественному, движеніе есть иное по отношенію къ самому иному, такъ что въ одно и тоже время есть и не есть иное. Наконецъ, оно есть иное и по отношенію къ бытію. Другими словами, движеніе не есть бытіе или есть небытіе. Оно есть какъ бытіе, такъ и не бытіе: бытіе въ томъ смыслѣ, что имѣетъ часть въ бытіи, и небытіе въ томъ смыслѣ, что имѣетъ часть въ иномъ и есть поэтому иное чѣмъ бытіе. Точно тоже мы должны утверждать и про остальные роды — покой, тожественное, иное: каждый изъ нихъ есть и бытіе, такъ какъ имѣетъ часть въ бытіи, и небытіе, то есть иное чѣмъ бытіе, такъ какъ имѣетъ часть въ иномъ. Наконецъ, тоже въ полной мѣрѣ относится и къ бытію: бытіе есть иное чѣмъ покой, движеніе, тожественное и иное и вообще всѣ существующіе роды, или оно не есть эти роды и потому бытіе есть въ тоже время и небытіе.

„Бытіе и иное проходятъ чрезъ всѣ роды и другъ чрезъ друга, такъ что иное, какъ имѣющее часть въ бытіи, вслѣдствіе этого участія есть, однако же не то, въ чемъ получило часть, а иное. Какъ иное, чѣмъ бытіе, оно по всей очевидности необходимо есть не-

бытіе. Съ другой стороны, бытіе, захвативъ иного, должно быть инымъ, чѣмъ остальные роды. Какъ иное, чѣмъ всѣ они, оно не есть ни каждый изъ нихъ, ни всѣ вмѣстѣ, но исключительно лишь оно само. Поэтому и бытіе въ свою очередь, въ безчисленныхъ случаяхъ и отношеніяхъ не есть. Точно также и все въ отдѣльности во многихъ отношеніяхъ есть, а во многихъ не есть“ [571]).

Необходимо однако замѣтить, что когда мы во всѣхъ этихъ случаяхъ говоримъ о небытіи, мы не подразумѣваемъ нѣчто противоположное бытію, но только нѣчто иное чѣмъ бытіе. Напримѣръ, когда говоримъ, что нѣчто не есть великое, мы этимъ не утверждаемъ, что это невеликое противоположно великому или что оно мало, такъ какъ оно можетъ быть и равно; мы просто подразумѣваемъ, что оно есть нѣчто иное чѣмъ великое. Вообще въ отрицательномъ сужденіи *не* вмѣстѣ съ слѣдующими за нимъ словами обозначаетъ не противоположное предыдущему, а лишь нѣчто иное чѣмъ предыдущее. Это иное, хотя и сохраняетъ повсюду одну и ту же природу, разбито на части совершенно такъ же, какъ и знаніе, которое, хотя и едино, имѣетъ различныя части и названія, смотря по тѣмъ вещамъ, къ которымъ относится. Такимъ образомъ, некрасивое есть особый видъ иного, противопоставленный красивому. Говоря о некрасивомъ, мы противопоставляемъ одно существующее другому существующему: некрасивое, невеликое, несправедливое существуютъ совершенно такъ же, какъ красивое, великое, справедливое. Такъ какъ иное есть существующій родъ, то должны быть существующими и всѣ его разновидности. Поэтому иное чѣмъ бытіе есть совершенно такой же существующій родъ какъ само бытіе, но иное чѣмъ бытіе есть небытіе, слѣдовательно небытіе существуетъ совершенно такъ же, какъ и бытіе [572]).

Такимъ образомъ движеніе и покой, хотя и принадлежатъ къ небытію, существуютъ также необходимо какъ и бытіе. На крайней ступени отвлеченія бытіе не болѣе мыслимо, чѣмъ небытіе [573]), и

---

571) Ibid 259, A—B

572) Ibid. 256, D—258, E Выше, стр. 145, пр. 354. Замѣчанія въ „Тимэѣ“ 38, B не противорѣчатъ этому ученію, такъ какъ указываютъ лишь на недостаточность языка. Arch. Hind, ad l.

573) Soph. 250, D—E· Τόδε τοίνυν μνησθῆναι δίκαιον ἐπὶ τουτοις.—Τὸ ποῖον;—Ὅτι τοῦ μὴ ὄντος ἐρωτηθέντες τοὔνομα ἐφ' ὅ τί ποτε δεῖ φέρειν, πάσῃ συνεσχόμεθ' ἀπορίᾳ. μέμνησαι,—Πως γὰρ οὔ;—Μων οὖν ἐν ἐλάττονί τινι νῦν ἐσμὲν ἀπορίᾳ περὶ τὸ ὄν;—Ἔμοιγε μέν, ὦ ξένε, εἰ δυνατὸν εἰπεῖν, ἐν πλείονι φαινόμεθα ... ἐξ ἴσου τὸ τ' ὂν καὶ τὸ μὴ ὂν ἀπορίας μετεληφατον.

такъ какъ все существуетъ поскольку мыслится [574]), то чуждое содержанія бытіе совпадаетъ съ небытіемъ. Но всякое опредѣленіе бытія есть утвержденіе иного, чѣмъ бытіе. Истинно сущее поэтому самой своей природой предполагаетъ свое иное. Отрицая себя въ безразличіи самобытія, оно полагаетъ безграничность своего инобытія [575]). Само въ себѣ оно едино, вѣчно, тожественно, неизмѣнно, недвижимо, не дѣйствуетъ и не страдаетъ; въ своемъ иномъ оно много, происходитъ, имѣетъ различія, измѣняется, движется и страдаетъ. Бытіе поэтому едино и много, вѣчно и не вѣчно, неизмѣнно и измѣнчиво, покоится и не покоится, движется и не движется, дѣйствуетъ и не дѣйствуетъ, страдаетъ и не страдаетъ [576]). Противорѣчіе лежитъ въ его природѣ [577]), имъ оно познается и живетъ [578]). Въ своей законченной совокупности сущее есть мощь [579]), сила или способность быть и тожественнымъ и инымъ.

Въ этомъ взглядѣ на сущее какъ необходимо полагающее свое иное, и на форму постиженія сущаго, а слѣдовательно, по соотвѣтствію между формами бытія и формами мысли, и на самую его жизнь какъ опосредствованный этимъ инымъ діалектическій процессъ, мысль Платона достигла предѣловъ возможной для человѣческаго разумѣнія глубины и отвлеченности. Обоснованная элементами другихъ діалоговъ—„Парменида“, „Государства“, „Тимэя“ и „Филеба“,—она нашла (чрезъ посредство Плотина) далекій отзвукъ въ діалектикѣ Прокла, въ примкнувшей къ ученію послѣдняго мистикѣ, въ діалектикѣ Гегеля и его сторонниковъ и въ формальныхъ основаніяхъ системы Спенсера.

---

574) De Rep. 476, E, сл. 511, E. Tim. 51, B, сл. 29, B, сл. Подробный анализъ у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4], 643 f.

575) Soph., 257, A: καὶ τὸ ὂν ἄρ' ἡμῖν, ὅσα πέρ ἐστι τὰ ἄλλα, κατὰ τοσαῦτα οὐκ ἔστιν. ἔκεῖνα γὰρ οὐκ ὂν ἓν μὲν αὐτὸ ἔστιν, ἀπέραντα δὲ τὸν ἀριθμὸν τἆλλα οὐκ ἔστιν αὖ.

576) Эта мысль развита въ антиноміяхъ, составляющихъ вторую часть „Парменида“ 137, C, сл. Конечный выводъ изъ нихъ 166, C: εἰρήσθω τοίνυν τοῦτό τε καὶ ὅτι, ὡς ἔοικεν, ἓν εἴτ' ἔστιν εἴτε μὴ ἔστιν, αὐτό τε καὶ τἆλλα καὶ πρὸς αὐτὰ καὶ πρὸς ἄλληλα πάντα πάντως ἐστί τε καὶ οὐκ ἔστι καὶ φαίνεταί τε καὶ οὐ φαίνεται.

577) Soph. 259, A: καὶ τὸ τε ὂν καὶ θάτερον διὰ πάντων καὶ δὶ ἀλλήλων ὂ ιεληλυθότα и пр. Выше, стр. 180, сл. Утверждать иное, чѣмъ данное, значитъ очевидно противорѣчить.

578) Не забудемъ, что по Платону формы мысли соотвѣтствуютъ формамъ бытія. Поэтому противорѣчіе имѣетъ въ его діалектикѣ не только гносеологическое, но и онтологическое значеніе. О первомъ выше, стр. 51, сл.

579) Soph. 247, D—E: λέγω δὴ τὸ καὶ ὁποιανοῦν κεκτημένον δύναμιν εἴτ' εἰς τὸ ποιεῖν ἕτερον ὁτιοῦν πεφυκὸς εἴτ' εἰς τὸ παθεῖν καὶ σμικρότατον ὑπὸ τοῦ φαυλοτάτου, κἂν εἰ μόνον εἰσάπαξ, πᾶν τοῦτ' ὄντως εἶναι· τίθεμαι γὰρ ὅρον ὁρίζων τὰ ὄντα, ὡς ἔστιν οὐκ ἄλλο τι πλὴν δύναμις.

Плотинъ и Проклъ желали быть лишь истолкователями Платона и всѣ элементы своего ученія находили въ его діалогахъ [580]). Мистика заявляетъ свой Платонизмъ ученіемъ объ изволеніи Богомъ міра какъ своего необходимаго иного, о неразрывной связи между міромъ и Богомъ и естественномъ стремленіи всѣхъ вещей къ Богу [581]). Гегелю „Платонъ далъ образецъ соединенія и разъединенія мыслей“ [582]) и „былъ однимъ изъ вліятельныхъ его предшественниковъ [583])“. А „діалектика Прокла очень близка къ Гегелевой и несомнѣнно на нее воздѣйствовала. Три момента тріадической конструкціи у Прокла: пребываніе, исхожденіе и возвращеніе точно соотвѣтствуютъ тремъ Гегелевымъ ступенямъ бытія по себѣ, инобытія и бытія по себѣ и для себя, какъ единства, раздвоенія и примиренія“ [584]). Но діа-

---

580) Плотинъ называетъ себя истолкователемъ Платона Enn. V, 1, 8: τοὺς δὲ νῦν λόγους ἐξηγητὰς ἐκείνων γεγονέναι μαρτυρίοις πιστωσαμένοις τὰς δόξας ταύτας παλαιὰς εἶναι τοῖς αὐτοῦ τοῦ Πλάτωνος γράμμασιν. Точно также называетъ его, а равно Амелія, Порфирія, Ямблиха, Θеодора, Проклъ, Plat. Theol. c. I, Πλατωνικῆς ἐποπτείας ἐξηγητάς, который разсматриваетъ себя какъ ихъ продолжателя. „Quant au Platonisme, l'école d'Alexandrie fait plus que de lui emprunter ses théories; elle s'inspire de sa pensée générale. Tout en adoptant les doctrines de certaines écoles, elle annonce un esprit contraire, et s'en sépare avec éclat sur la plupart des points importants. Mais quand elle emprunte à Platon, ce n'est point à une source étrangère qu'elle prétend puiser; c'est à la source même de la vérité. Elle ne distingue point sa philosophie de celle de Platon; elle la présente sans cesse comme un simple développement, une pure interprétation de la pensée du maître. Toujours, en abordant un problème, les Alexandrins déclarent vouloir suivre l'opinion de Platon, comme la vérité absolue. Plotin cite rarement Platon; mais il a constamment sous les yeux cette souveraine autorité. Presque tous les grands ouvrages de Proclus ne sont que des commentaires des dialogues. Sans doute il leur arrive de dépasser ou même de détruire la pensée platonicienne dans leurs interprétations; mais il n'en est pas moins vrai qu'ils prennent le Platonisme pour principe et pour mesure de toutes leurs théories. C'est à bien juste titre que la philosophie des Alexandrins a reçu le nom de Néoplatonisme. Elle puise à toutes les sources; mais tout ce travail éclectique se fait au profit d'une seule doctrine, la philosophie de Platon. Le Stoïcisme et le Péripatétisme n'entrent dans la synthèse alexandrine que comme des éléments; la pensée de Platon remplit et anime cette grande oeuvre; toutes les autres traditions y prennent la forme et la couleur du Platonisme“. Vacherot, Histoire critique de l'Ecole d'Alexandrie, Paris, 1846, III, 432 sq.

581) Ниже, пр. 584 и отд. 7.

582) Michelet u. Haring, Historisch-kritische Darstellung der dialektischen Methode Hegels, Leipz. 1888, 39 (Michel.).

583) Ibid. 46 (Michel.).

584) Ibid. 17, 50: Nunmehr gelangen wir an einen Dialektiker, an den letzten der Griechischen Philosophen, in welchem die Strahlen der Dialektik in so mächtiger Fülle die Hegel'sche Methode durchzucken, dass die innigste Verwandtschaft beider Methoden Niemanden, der sie ernsthaft mit einander vergleicht, entgehen kann. Въ этомъ взглядѣ Мишлэ стоитъ однако особнякомъ. По мнѣнію Ибервега (Grundriss, III⁸, 252), зерно Гегелевой діалектики лежитъ въ замѣчаніяхъ Канта объ образованіи каждой третьей категоріи даннаго класса изъ двухъ первыхъ того же класса (первое—понятіе положительное и обусловливающее, второе—понятіе по отноше-

лектическіе моменты Прокла коренятся въ ученіи Платона—первый и третій во взглядѣ на сущее какъ себѣ тожественное, неизмѣнно въ себѣ пребывающее и благое, къ которому все стремится, второй—во взглядѣ на благо какъ необходимо себя полагающее въ своемъ

нію къ первому отрицательное и обусловленное, третье — синтентическое изъ обоихъ Kritik d. rein. Vern. 103. Kritik d. Urtheilskr. 203 u. Hart), по мнѣнію Куно Фишера (Gesch. d. neuern. Phil. V, 509 f.) въ примыкающихъ къ этимъ замѣчаніямъ Канта тезисѣ, антитезисѣ и синтезѣ въ „Наукословіи“ Фихте. Къ такому объясненію не уполномочиваютъ однако ни собственныя заявленія Гегеля, ни общій характеръ его системы. Въ замѣчаніяхъ Канта онъ видитъ лишь „великій инстинктъ понятія“, сказавшійся еще раньше въ ученіи Пиѳагорейцевъ, Неоплатониковъ и Христіанской религіи, но у Канта принявшій видъ „совершенно внѣшней схемы“ (Vorles. üb. d. Gesch. d. Philos. III², 514). Заслугу Фихте, Гегель полагаетъ въ его попыткѣ съ научною послѣдовательностью развить все содержаніе сознанія или построить весь міръ изъ единаго принципа (ibid. 557). Тѣмъ не менѣе Фихтева философія по Гегелю не содержитъ ничего спекулятивнаго, хотя его и требуетъ, и составляетъ важный отдѣлъ лишь „во внѣшнемъ явленіи философіи“ (ibid. 577). Напротивъ, Прокла онъ превозноситъ похвалами. Его философія есть „интелектуальная система“ (ibid. 64); замѣчанія объ отрицательномъ моментѣ въ діалектикѣ Платонова „Парменида“ „глубокомыслены“ (ibid. 66), опредѣленіе идеи какъ троицы „отмѣнно хорошо“ (ausgezeichnet, ibid. 68), рядъ тріадъ „красивъ“ (ist. hübsch, ibid. 72) и пр. Въ этой оцѣнкѣ Гегель со своей точки зрѣнія безусловно правъ. Таблица категорій у Канта, какъ признаютъ даже самые горячіе его поклонники, „повсюду больше служитъ систематикѣ, чѣмъ критикѣ“ (K. Fischer, Gesch. d. neuer. Phil. III³, 381) и „становится даже порою страшной Прокрустовой постелью, на которую онъ распяливаетъ всѣ вещи міра и все, что происходитъ въ человѣкѣ, не опасаясь никакого насилія и не презирая никакого софизма, чтобы повсюду имѣть возможность повторить симметрію своей таблицы“ (Schopenhauer, Die Welt als Wille und Vorstellung, Kritik der Kantisch. Philos. I⁴, 509). Тезисъ, антитезисъ и синтезъ, хотя и лежатъ въ основаніи „Наукословія“ Фихте, служатъ лишь руководительной схемой, а не живымъ органическимъ принципомъ системы. Наоборотъ, схематизмъ Прокла живой и при томъ тожественный съ Гегелевымъ. Разница между Прокломъ и Гегелемъ та лишь, что тогда какъ у послѣдняго въ каждомъ новомъ моментѣ діалектическаго процесса является болѣе совершенное бытіе, у Прокла—менѣе совершенное. Но эта разница въ исходной точкѣ діалектики, а не въ ея принципѣ. Значеніе упомянутыхъ элементовъ у Канта и Фихте (къ которымъ слѣдуетъ прибавить ученіе о полярности Шеллинга, K. Fisch. Gesch. d. neuer. Phil. VI, 485 f.) для системы Гегеля повидимому въ томъ, что они заставили его при изученіи болѣе совершенныхъ образцовъ діалектическаго построенія у Платона и Прокла глубже вникнуть въ значеніе отрицательнаго момента въ діалектикѣ и точнѣе формулировать ея законъ. Къ Платону и Неоплатоникамъ могло привести Гегеля и ученіе Якова Бэма, во многомъ съ Гегелевымъ сходное (напр. разсужденіе Бэма въ Ueber die wahre Gelassenheit, II, §§ 9—10, I. 88, Schiebler, Leipz. 1831) и заслуживающее поэтому отъ Гегеля похвалы какъ „по своей основной идеѣ глубокое и основательное“ (Vorles. üb. d. Geschichte d. Philos. III², 273), проявляющее порой „величайшую глубину мысли“ (ibid. 287. 296. Сопоставленія между ученіемъ Гегеля и Бэма дѣлаетъ Baader, Sämmtliche Werke, XIII, 1855, 170 f.). Ученіе Бэма въ частностяхъ имѣетъ безспорно много оригинальнаго. Но въ общемъ воздѣйствіе на него мистическихъ ученій, въ особенности Эккарта, столь же очевидно, какъ и воздѣйствіе Парацельса. А средневѣковая мистика—прямое наслѣдіе Платонизма (См. талантливыя монографіи Jundt'a Histoire du panthéisme populaire au moyen âge etc., Paris, 1875 и Essai sur le mysticisme spéculatif de maître Eckhart, Strassb. 1871, также труды Лассона, Прегера и пр.). Знаменитое Contrarium въ Богѣ у Якова Бэма находитъ полную аналогію въ ученіи Платона о проникновеніи бытія инымъ (выше, стр. 182, пр. 577). Кромѣ Платоническихъ элементовъ систем а Гегеля приняла въ себя элементы изъ ученій Аристотеля и Гераклита. Отъ

иномъ [585]). У Спенсера Платонову недвижущемуся и непокоющемуся бытію соотвѣтствуетъ Непознаваемое, „въ которомъ нѣтъ ничего, что̀ бы опредѣляло измѣненіе и ничего, что предупреждало бы измѣненіе“ [586]), Платоновымъ покою и движенію—постоянство (persistence) и движеніе, Платонову тожественному и иному—интеграція и дифференціація [587]). Въ его ученіи о категоріяхъ и развитіи „мы какъ бы читаемъ Логику Гегеля“ [588]). Логика Гегеля въ свою очередь

Аристотеля, который „столь же глубокъ, какъ Платонъ, но развитѣе его и созрательнѣе“ (Vorles. etc. II, 280), Гегель унаслѣдовалъ взглядъ на Абсолютное какъ чистую дѣятельность или мыслящую о себѣ мысль—и на выраженіе этой дѣятельности какъ на раздѣленіе (ibid. II, 285 f,). Объ отношеніи Гегеля къ Гераклиту уже было сказано (выше, стр. 169, сл.). Хотя Гегель Гераклитову элементу въ своей системѣ придастъ первенствующее значеніе, очевидно однако, что какъ діалектика онтологическихъ понятій она прежде всего примыкаетъ къ положеннымъ Платономъ началамъ, а всѣми остальными элементами пользуется лишь поскольку они эти начала обосновываютъ или развиваютъ. Карлъ Розенкранцъ характеризуетъ поэтому Гегелеву діалектику, не упоминая о Гераклитѣ, какъ „die Platonische Methode vertieft durch die Methode der Aristotelischen Metaphysik und genauer bestimmt durch die Formen der Kantischen Vernunftkritik“. (Hegel als deutscher National-philosoph, Leipz. 1870, 135).

[585]) См. отд. 7. Въ доказательство сродства Прокловой діалектики съ Платоновой кромѣ уже сказаннаго достаточно сослаться на собственную дедукцію Прокла въ комментаріи къ „Пармениду“, VI, 161 sq. Cousin. Имя Платона у Прокла можно встрѣтить почти на каждой страницѣ за исключеніемъ лишь Στοιχείωσις θεολογική, которой основную мысль (тріадическій законъ) онъ однако, связывая съ воззрѣніями Платона, несчетное число разъ воспроизводитъ во всѣхъ остальныхъ сочиненіяхъ. Сжатое изложеніе ученія Прокла, основанное на самостоятельномъ изученіи подлинника, у Berger, Proclus, Exposition de sa doctrine, Paris, 1840. Характеристику отношенія Прокла къ Платону кромѣ Вашро даетъ также Fouillée, Philos. d. Platon, III², 250 sq.

[586]) Spencer, First Principles, 5-th ed. 1884, 38: there can be nothing in it (the First Cause) which determines change and yet nothing which prevents change.

[587]) Аналогіи между κίνησις и motion, ταὐτὸν и integration, ἕτερον и differentiation очевидны сами собой (на нихъ указываетъ между прочимъ Paul Janet, Les Causes Finales, 2-me ed. Paris, 1882, 376) Относительно persistence и στάσις слѣдуетъ замѣтить, что подъ persistence Спенсеръ подразумѣваемъ между прочимъ то, что̀ остается неизмѣннымъ среди общаго измѣненія, а Платоново στάσις можетъ быть понимаемо и въ смыслѣ пребыванія и постоянства. Theaet. 180, B. Стр. 163.

[588]) „Die Data oder Kategorien der Philosophie lassen sich (nach Spencer) nicht isoliren, weil jeder Gedanke ein System von Gedanken enthält.... Es ist, als ob wir in Hegels Logik lasen (См. пр. 597).... Das homogene Aggregat muss nothwendig in Heterogeneität übergehen ... mithin die Homogeneität überhaupt nicht Absolutes ist. So ist im Ansichsein schon ein ursprüngliches Anderssein enthalten, und in jenem Satze könnten wir die absolute Negativität der Hegel'schen Philosophie entdecken, ohne dass wir darum Spencer in Verdacht hätten, dies Princip Hegeln entnommen zu haben.... Damit kommen wir auf den zweiten Punkt, den Einfluss der Deutschen, und auch der frühern Philosophien auf das Spencer'sche System. Hier tritt am Meisten in den Vordergrund dieses Systems der Gedanke der Neuplatonischen Emanationslehre, so wie der ewige Process der Welt, wie ihn Hegel fasst ... Denn was Spencer Evolution nennt, ist der πρόοδος des Proklus, und die Hegel'sche Entwickelung aus dem Ansichsein, das schon den Unterschied einhullt, den das Fursichsein dann enthüllt.“ etc. Michelet, Herbert Spencer's System der Philosophie und sein Verhaltniss zur deutschen Philosophie. Philosoph. Vortrage, her. v. d. Phi-

невольно переноситъ въ Платонова „Софиста“ и „Парменида“. Довольно указать на ученіе о Sein und Nichts, Etwas und Anderes, Eins und Viele [589]).

„Въ діалектическомъ искусствѣ (говоритъ проникнувшій въ „тайну Гегеля“ Стерлингъ [590]) Гегель, повидимому, взялъ урокъ у Платона, такъ какъ ταὐτὸν и θάτερον, или тожество и иное, служащія инструментами или моментами обобщенія у послѣдняго, повидимому исполняютъ подобную же функцію въ діалектикѣ перваго. Сократическая эволюція идеи—чрезъ исключеніе случайнаго изъ конкретнаго примѣра—представляетъ аналогію... съ Гераклитическимъ и Елейскимъ образомъ мысли. Случайное, которое исключается, аналогично текучему и измѣнчивому Гераклита; между тѣмъ какъ идея, которая остается, аналогична пребывающему и постоянному единому Елейцевъ. Какъ бы то, *что̀ есть*, было абсолютнымъ бытіемъ, но также и относительнымъ, однако реально существующимъ небытіемъ. Въ отношеніяхъ между идеями принципъ тожества—Елейскій, принципъ различія—Гераклитическій. Идеи суть всеобщее и необходимое въ частномъ и случайномъ: послѣднее *есть* лишь въ силу *ихъ*; тѣмъ не менѣе первыя выходятъ или *появляются* только въ *немъ*. Какъ по истинѣ аналогичны со всѣмъ этимъ категоріи, діалектика и проч. и проч. у Гегеля.“

Въ основаніи только что изложеннаго діалектическаго построенія Платона (а также построеній Прокла, Гегеля и Спенсера) лежатъ три гносеологическія предположенія: что 1) всякая мыслительная дѣятельность обусловлена сознаніемъ различія и сходства, что 2) всѣ мысли взаимно себя предполагаютъ и ограничиваютъ, и что 3) сознаніе есть развивающійся внутреннею жизнью организмъ.

Первое и второе изъ этихъ положеній Платонъ ясно намѣчаетъ въ „Софистѣ“ (кромѣ діалектики тожественнаго и иного) діалектикой бытія и небытія [591]) (которой въ „Парменидѣ“ соотвѣтствуетъ

---

los. Gesellsch. zu Berl. N. F, 2 H., Halle, 1882, 9 15. 21. Съ Гегелемъ сопоставляетъ Спенсера также Höffding, Einleitung in die englische Philosophie unserer Zeit Leipz. 1889. 186 f. Мысль объ эволюціи внушена была Спенсеру физіологическими трудами Вольфа, Гете, Фонъ-Бэра (Spencer's Essays, I[4], 2 и ссылки въ „Основанныхъ началахъ, P II, ch. XV, § 119 и „Основаніяхъ Психологіи и Біологіи“), но истолкована имъ на почвѣ завѣщанныхъ Платономъ формальныхъ основаній.

589) Hegel, Encyclopadie, §§ 86—99.

590) Stirling, The Secret of Hegel, I, 43.

591) Soph. 237, C, сл. 243, D, сл. Выше, стр. 156.

діалектика единаго,[592]) и ученіемъ о соединеніи родовъ въ предложеніяхъ[593]). Взглядъ на мысль какъ живой организмъ засвидѣтельствованъ самымъ построеніемъ Платоновой дедукціи. Еще яснѣе Платонъ намѣчаетъ его въ „Фэдрѣ“, гдѣ сравниваетъ рѣчь съ живымъ существомъ, а необходимымъ условіемъ его порожденія разсматриваетъ діалектику[594]). По Проклу „всѣ мыслимые виды существуютъ и другъ въ другѣ и каждый самъ по себѣ. Если всякій умъ нераздѣленъ и множество въ немъ объединено его умственной нераздѣльностью, то все существуетъ въ одномъ и нераздѣльно объединяется другъ съ другомъ и все проходитъ чрезъ все“[595]). „Умъ и знаніе состоятъ въ развертываніи множества мыслей и созерцаніи различныхъ взаимоотношеній между идеями“[596]). Гегель ставитъ на видъ живую органическую діалектику сознанія въ „Феноменологіи духа“[597]), и на этомъ органическомъ характерѣ строитъ „Логику“[598]) и всю вообще свою систему. Спенсеръ указываетъ на органическій характеръ духа въ анализахъ „Основныхъ Началъ“ и „Основаній Психологіи“[599]). Соотносительность элементовъ сознанія можно считать общепризнанной

---

[592]) Parmen. 137, C, сл.

[593]) Soph. 251, A, сл. 259, D, сл.

[594]) Phaedr. 264, C: ἀλλὰ τόδε γε οἶμαι σε φάναι ἄν, δεῖν πάντα λόγον ὥσπερ ζῷον συνεστάναι σωμά τι ἔχοντα αὐτόν αὐτοῦ, ὡστε μήτε ἀλέφαλον εἶναι μήτε ἄπουν ἀλλὰ μέσα τε ἔχειν καὶ ἄκρα πρέποντ' ἀλλήλοις καὶ τῷ ὅλῳ γεγραμμένα. О діалектикѣ 265, C, слѣд.

[595]) Procl. Institut. Theolog. CLXXVI: πάντα τὰ νοερὰ εἴδη καὶ ἐν ἀλλήλοις εἰσὶ καὶ καθ' αὑτὸ ἕκαστον. εἰ γὰρ ἀμέριστος πᾶς νοῦς καὶ ἡνωμένον διὰ τὴν νοερὰν ἀμέρειαν τὸ ἐν αὐτῷ πλῆθος, ἐν ἑνὶ πάντα, καὶ ἀμερῆ ἥνωται ἀλλήλοις καὶ φοιτᾷ πάντα διὰ πάντων.

[596]) Procl. in Remp. 399 m.: ψυχὴ.... νοῦν.... καὶ ἐπιστήμην προστησαμένη τῆς ἐνεργείας ἀρχὴν ἀνελίττει μὲν τὰ πλήθη των λόγων, θεᾶται δὲ τὰς παντοίας των εἰδων ἐξαλλαγάς и пр.

[597]) Hegel, Phanomenologie des Geistes, 2-te Aufl. 1841, 14 f. (выше, стр. 171). 89: Diese verschiedenen Seiten, welche das Bewusstsein auf sich nimmt, sind aber, jede so fur sich, als in dem allgemeinen Medium sich befindend betrachtet, bestimmt, das Weisse ist nur in Entgegensetzung gegen das Schwarze, und so fort, und das Ding Eins gerade dadurch, dass es andern sich entgegensetzt.

[598]) Hegel, Encyclopadie, I, § 14: Der freie und wahrhafte Gedanke ist in sich konkret, und so ist er Idee, und in seiner ganzen Allgemeinheit die Idee oder das Absolute. Die Wissenschaft desselben ist wesentlich System, weil das Wahre als konkret nur als sich in sich entfaltend und in Einheit zusammennehmend und haltend, d. i a's Totalität ist, und nur durch Unterscheidung und Bestimmung seiner Unterschiede die Nothwendigkeit derselben und die Freiheit des Ganzen sein kann. §§ 15 19. 237 f

[599]) Spencer, First Principles, Pars II, Chap. II, § 39. Every thought involves a whole system of thoughts; and ceases to exist if severed from its various correlatives. As we cannot isolate a single organ of a living body, and deal with it as though it had a life independent of the rest, so, from the organized structure of our cognitions, we cannot cut out one, and proceed as though it had survived the separation. Анализъ въ этой главѣ одинъ изъ лучшихъ у Спенсера. Principles of Psychology, P. II, Ch. I и слѣд., вся вообще „Психологія“.

истиной. Молчаливо или громко на нее одинаково указываютъ представители скептицизма, мистики, метафизики, позитивизма, (Кантовой) „критической философіи“, ученія о развитіи [600]). Взаимное предположеніе и ограниченіе элементовъ сознанія есть лишь иное выраженіе соотносительности. Все шире распространяющійся и глубже себя обосновывающій взглядъ на всю вообще жизнь какъ постепенный и связный органическій процессъ утверждаетъ себя и въ анализѣ фактовъ сознанія. „Единственная задача, которая можетъ быть поставлена въ настоящее время психологической теоріи съ нѣкоторымъ видомъ на успѣхъ, состоитъ въ представленной по синтетической методѣ исторіи психическаго развитія.... Сознаніе со своими разнообразными и однако стоящими въ общей связи состояніями есть для нашего внутренняго воспріятія такое же единство, какъ для внѣшняго—тѣлесный организмъ, и общее взаимоотношеніе между физическимъ и психическимъ приводитъ къ взгляду, что то, что̀ мы называемъ душою, есть внутреннее бытіе того же самаго единства, которое мы съ внѣшней стороны разсматриваемъ какъ принадлежащее ему тѣло. Такое пониманіе задачи взаимоотношенія ведетъ далѣе неизбѣжно къ предположенію, что духовное бытіе есть дѣйствительность всѣхъ и что существенное свойство его—развитіе“ [601]).

Впрочемъ, Платонова діалектика движенія и покоя важна для насъ не по своему гносеологическому основанію, но какъ образецъ того, какъ и для чего Платонъ пользуется результатами своей критики про-

---

[600]) Самое раннее указаніе на соотносительность элементовъ сознанія встрѣчается въ ученіи Протагора, Theaet. 153, E, слѣд., затѣмъ въ болѣе ясной формулировкѣ въ тропахъ Энесидема, Sext. Emp. Pyrrh. 135—140 (8 тр.), Diog. L. IX, 87 (10 тр.). Изъ мистиковъ эту истину полагаетъ въ основаніе своего міровоззрѣнія Яковъ Бэмъ. Von göttlicher Beschaulichkeit, I, §§ 8—9: Kein Ding ohne Widerwärtigkeit mag ihm selber offenbar werden.... Auch so keine Widerwärtigkeit im Leben wäre, so ware auch keine Empfindlichkeit, noch Wollen, noch Wirken, auch weder Verstand, noch Wissenschaft darinnen; denn ein Ding, das nur Einen Willen hat, das hat keine Schiedlichkeit. So es nicht einen Widerwillen empfident, der es zum Treiben der Bewegniss ursachet, so stehet's stille: denn ein Einig Ding weiss nichts mehr als Eines; und ob es gleich in sich gut ist, so kennet's doch weder Böses noch Gutes, denn es hat in sich nichts, das es empfindlich mache. 177 Fragen, III, 6. VI, 454 f. 598 Schiebl. Изъ метафизиковъ кромѣ Гегеля слѣдуетъ отмѣтить Фихте, у котораго вся дедукція въ „Наукословіи“ построена на предположеніи каждымъ понятіемъ другого. Изъ позитивистовъ обстоятельное развитіе ученіе о соотносительности находимъ у Bain'a Mental and Moral Science, Lond. 1879, 82 f. Logik, I, Lond. 1879, 2 f; изъ послѣдователей Канта у Hamilton'a, Philosophy of the Conditioned (Philosophy of S. W. Hamilton arrang. by Wight, New-York, 1873, 441 f.), Mansel, The Limits of the Religious Thought, 3 d ed. Lond. 1859, 70 f., изъ представителей ученія о развитіи—у Спенсера First Principles, 5-th ed. Lond. 1884, Pars I, Chap. IV, § 22 f. и пр. См. пр. 599.

[601]) Wundt, Grundzuge der physiologischen Psychologie, I², 546. 553.

тивоположныхъ воззрѣній. Сокрушительный анализъ, которому онъ ихъ подвергаетъ, нуженъ ему не для того. чтобы ихъ унизить или осмѣять (какъ думаютъ всѣ вообще критики), но чтобы, отдѣливъ яркою чертою ничтожное отъ цѣннаго, побудить скрытыми въ нихъ противорѣчіями творческую самодѣятельность къ объединенію этого цѣннаго въ плодотворномъ, способномъ къ „безсмертной и нестарѣющей жизни“ синтезѣ. Въ ученіи Неоплатониковъ, Мистиковъ, Гегеля и его сторонниковъ діалектика Платона нашла тѣхъ „достойныхъ ея родныхъ сестеръ и потомковъ“, о которыхъ Платонъ говоритъ въ „Фэдрѣ“ [602]), въ ученіи Спенсера—потомка не роднаго, но по гибкости мысли ея „достойнаго“.

Въ исторіи умственнаго развитія, точно такъ же какъ въ исторіи развитія внѣшняго, ничто цѣнное не пропадаетъ. Какъ скоро знаменательная мысль возникла, она постепенно входитъ въ общее сознаніе и опредѣляетъ содержаніе его частныхъ обнаруженій. Видимъ лишь цвѣтъ мысли, ея плоды, молодые отъ нея побѣги. Во мглѣ теряются ея первоисточники и не всѣ пути ея распространенія намъ вѣдомы. Одно и то же растеніе можно встрѣтить въ обработанномъ саду, на лѣсной полянѣ, на морскомъ берегу. Но кто можетъ сказать, кѣмъ занесено сѣмя, слѣпымъ ли порывомъ вѣтра, нечаяннымъ полетомъ птицы, полусознательной или сознательной волей человѣка? Точно также одна и та же мысль можетъ быть заложена въ единичномъ умѣ безсознательнымъ вѣяніемъ окружающей умственной среды, нечаяннымъ намекомъ, полусознательнымъ или сознательнымъ съ нею знакомствомъ. Не изучалъ Спенсеръ Платона, но говоритъ его терминами. Если два мыслителя приходятъ къ одному и тому же взгляду одновременно или въ разное время, но на разной умственной почвѣ, мы можемъ такое совпаденіе объяснять совпаденіемъ условій. Но если мысль имѣетъ позади себя вѣковую широкую и обильную исторію, то о совпаденіи на той же умственной почвѣ можетъ быть рѣчь лишь при отрицающихъ преемство противопоказаніяхъ [603]).

---

[602]) Phaedr. 278, A—B Выше, стр. 45.

[603]) Примѣромъ способности мысли незамѣтно перекочевывать съ одной почвы на другую можетъ служить исторія возникновенія Спенсерова ученія объ искусствѣ. Many years ago (говоритъ онъ въ Principles of Psychology, P. IX, ch. IX, § 533) I met with a quotation from a German author to the effect that the aesthetic sentiments originate from the play-impulse. I do not remember the name of the author, and if any reasons were given for this statement, or any infe-

Философскія системы древняго и новаго времени полны отзвуками Платоновой мысли [604]). Исторія такимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что эта мысль на самомъ дѣлѣ „имѣла въ себѣ сѣмя, изъ котораго въ душахъ другихъ людей выростаютъ другія мысли и способы сдѣлать это сѣмя на вѣки безсмертнымъ“ [605]). Но самоувѣренный и самодовольный догматизмъ убиваетъ жизненность мысли и способенъ лишь къ ограниченному творчеству; безсмертіе „въ вѣчно нарождающемъ новое“ творчествѣ удѣлъ лишь той „безграничной философіи“ [606]), которая, подобно самой безсмертной жизни, свободно развивается, свободно движется и ставитъ на своемъ пути все новые и новые тревожащіе мысль вопросы. Это хорошо сознавалъ Платонъ, но упускаютъ изъ виду его критики.

Согласно съ основнымъ взглядомъ на философію, Платонъ и въ ученіи о бытіи какъ мощи и небытіи какъ иномъ видѣлъ лишь мимоходныя ступени [607]), на которыхъ мысль должна стоять до тѣхъ только поръ, пока не убѣдится въ лучшемъ [608]). Намѣченную въ „Софистѣ“ апорію о движеніи и покоѣ онъ въ „Парменидѣ“ рѣшаетъ иначе—предположеніемъ „нѣкоторой странной природы мгновенія“ или внезапнаго перерыва во времени, который снимаетъ съ бытія (или единаго) всѣ положительныя опредѣленія [609]) и, подобно

---

rence drawn from it, I cannot recall them. But the statement itself has remained with me, as being one which, if not literally true, is yet the adumbration of a truth. Неизвѣстный Спенсеру авторъ—Шиллеръ, Briefe über die ästhetische Erziehung, XIV Brief u. f. Теорію Спенсера развилъ Grant Allen, Physiological Aesthetics, Lond 1876.

[604]) О значеніи Платона въ исторіи философіи—Fouillée, Philosophie de Platon, III—IV, 2 ed. 1889. Laas, Idealismus und Positivismus, Berlin, 1879—1884, H Stein, Sieben Bücher zur Geschichte des Platonismus, Gott. 1862—1875 и мои брошюры „Платонизмъ какъ основаніе современнаго міровоззрѣнія въ связи съ вопросомъ о задачахъ и судьбѣ философіи“, М. 1887 и „Значеніе философіи“, К. 1888. Этотъ плодотворный вопросъ въ названныхъ трудахъ только намѣченъ, но до сихъ поръ еще никѣмъ не разработанъ и ждетъ своего историка.

[605]) Phaedr. 277, A. Выше, стр. 44.

[606]) Sympos. 207, D—212, B.

[607]) Выше, стр. 47.

[608]) Soph. 247, E· Ἀλλ' ἐπείπερ αὐτοί γ'οὐκ ἔχουσιν ἐν τῷ παρόντι τούτου βέλτιον λέγειν, δέχονται τοῦτο (ὡς ἔστιν τὰ ὄντα οὐκ ἄλλο τι πλὴν δυναμις).—Καλως· ἴσως γὰρ ἂν εἰσύστερον ἡμῖν τε καὶ τούτοις ἕτερον ἂν φανείη. 259, A: ὃ δὲ νὺν εἰρήκαμεν εἶναι τὸ μὴ ὄν, ἢ πεισάτω τις ὡς οὐ καλως λέγομεν ἐλέγξας, ἢ μέχριπερ ἂν ἀδυνατῇ, λεκτέον κἀκείνῳ, καθάπερ καὶ ἡμεῖς λέγομεν и проч.

[609]) Parmen 156, D—E: ἀλλ' ἡ ἐξαίφνης αὕτη φυσις ἄτοπός τις ἐγκάθηται μεταξὺ τῆς κινήσεώς τε καὶ στάσεως, ἐν χρόνῳ οὐδενὶ οὖσα, καὶ εἰς ταύτην δὴ καὶ ἐκ ταύτης τό τε κινούμενον μεταβάλλει ἐπὶ τὸ ἑστάναι καὶ τὸ ἑστὸς ἐπὶ τὸ κινεῖσθαι... Καὶ τὸ ἓν δή, εἴπερ ἑστηκέ τε καὶ κινεῖται, μεταβάλλοι ἂν ἐφ' ἑκάτερα· μόνως γὰρ ἂν οὕτως ἀμφότερα ποιοίη. μεταβάλλον δ'ἐξαίφνης μεταβάλλει, καὶ ὅτε μεταβάλλει, ἐν οὐδενὶ χρόνῳ ἂν εἴη, οὐδὲ κινοῖτ' ἂν τότε, οὐδ' ἂν σταίη и пр.

безконечно малой величинѣ, устанавливаетъ соотвѣтствіе между самимъ по себѣ непримиримымъ [610]). Это рѣшеніе осталось однако для дальнѣйшаго движенія философіи безплоднымъ [611]).

Аристотель въ своемъ анализѣ ученія о всеобщемъ потокѣ почти буквально воспроизводитъ замѣчанія Платона [612]). „Neque enim aliud fere est tertius Metaphysicorum liber ac Theaetetus in sermonem Aristotelis philosophicum translatus“ [613]). Разница между Платономъ и Аристотелемъ въ данномъ случаѣ лишь та, что Аристотель не различаетъ между Гераклитомъ и его послѣдователями и не стѣсняется заявить, что „Гераклитъ не смыслитъ, что̀ говоритъ“ [614]).

Нельзя не замѣтить, что ни Платонъ, ни Аристотель ничего не говорятъ объ упомянутыхъ выше гносеологическихъ требованіяхъ Гераклита [615]). Объясненіе этого слѣдуетъ искать въ томъ, что Гераклитъ на объективный всеобщій законъ и открывающее его общее сознаніе ссылался лишь въ доказательство правильности своего ученія о всеобщемъ потокѣ. Мы уже видѣли, что въ началѣ своей книги онъ говоритъ объ ея содержаніи какъ о вѣчномъ Словѣ, по которому все происходитъ, но котораго люди не понимаютъ [616]). Гносеологическія требованія были такимъ образомъ для него не основаніемъ, но лишь придаткомъ. Впрочемъ, критика Платона относится не къ Гераклиту, а къ его послѣдователямъ.

Въ критикѣ ученія Кратила объ именахъ Платонъ ставитъ на видъ, что соотвѣтствіе именъ природѣ вещей предполагаетъ соотвѣтствіе элементовъ именъ элементамъ вещей, а между тѣмъ у разныхъ народовъ и даже у различныхъ народностей одного и того же племени элементы именъ не одинаковы [617]). Отсюда слѣдуетъ, что въ образованіи именъ участвуетъ не одна природа, но и обычай [618]). О человѣческомъ элементѣ въ образованіи именъ свидѣтельствуетъ также и противорѣчіе во взглядахъ на природу вещей, которое мож-

---

610) Grote, Plato, II, 309. Comte. Cours de la Philosophie positive I^{4}, 178 sq.

611) Grote, ibid. 312.

612) Metaph. III, 3. 1005 b, 25. 6, 1010 a, 6, слѣд. VII, 1012 a, 24 сл.

613) Rose, De Aristotelis librorum ordine, Berl. 1854, 195.

614) Metaph. XI, 5, 1062 a, 35. Выше, стр. 160, пр. 453. Въ XI книгѣ, частями буквально совпадающей съ III, Аристотель развиваетъ о Гераклитѣ тѣ же мысли, что̀ въ III.

615) Стр. 164. 175.

616) Clem. Strom. V, 14, 716 (fr. I M.) Выше, стр. 173, пр. 537.

617) Cratyl 434, A, сл.

618) Ibid. 434, E, сл.

но прослѣдить въ именахъ, такъ какъ одни изъ нихъ указываютъ на текучесть бытія, другія на его стойкость [619]). Поэтому правильнымъ методомъ постиженія вещей слѣдуетъ скорѣе считать ознакомленіе съ самими вещами, чѣмъ съ ихъ именами, тѣмъ болѣе, что имена во всякомъ случаѣ лишь подобія истины, а не сама истина, знаніе же самой истины всегда достовѣрнѣе знанія ея подобія [620]). Впрочемъ, если бы даже въ основаніи именъ лежало единое, вполнѣ согласное съ собой міровоззрѣніе (какъ думаетъ Кратилъ) то эта стройность нисколько не доказывала бы истины самаго міровоззрѣнія, такъ какъ и изъ ложнаго основанія можно дѣлать согласные съ нимъ и между собою выводы [621]). Быть можетъ тѣ, которые впервые обозначили вещи именами, были увѣрены, что все течетъ въ круговомъ потокѣ; но развѣ эта увѣренность не могла быть слѣдствіемъ того, что у нихъ самихъ голова ходила кругомъ? [622])

Хотя Платонъ и не соглашается съ Кратиломъ, что всякое имя правильно, однако признаетъ, что имена могутъ и даже должны быть правильными [623]). Всѣ вещи и дѣйствія имѣютъ свою самобытную независимую отъ насъ природу, которая есть ихъ идея [624]). Поэтому имѣютъ ее и слова и обозначенія [625]). Идея имени и обозначенія въ томъ, чтобы звуками и слогами выражать природу вещей и дѣйствій [626]). Какъ скоро мы постигнемъ такую идею, мы можемъ выразить ее въ соотвѣтствующихъ природѣ вещей звукахъ. Для этого слѣдуетъ раздѣлить вещи и звуки по разрядамъ и замѣчать какіе звуки какимъ вещамъ сродни [627]). Сужденіе о томъ, правильно или нѣтъ воплощено въ звукахъ идеальное имя, принадлежитъ тому, кто опытенъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, то есть діалектику [628]).

Соотвѣтствіе словъ вещамъ Платонъ поясняетъ рядомъ этимологій именъ боговъ, героевъ, добродѣтелей и пр. [629]). Этимологіи эти

---

619) Ibid. 437, A, сл.
620) Ibid. 438, D, сл.
621) Ibid. 437, D, сл.
622) Ibid. 411, B. 439, B, сл.
623) Ibid. 390, D. 391, B и пр.
624) Ibid 386, D, сл.
625) Ibid. 387, C.
626) Ibid. 389, D. 390, D. 393, E, сл. 423, D. 431, D. 432, E, сл.
627) Ibid. 424, A, сл
628) Ibid. 390, C, сл.
629) Ibid. 395, B, сл.

древнимъ, вообще любившимъ заниматься словоистолкованіемъ [630]), казались образцовыми. Діонисій Галликарнасскій объявляетъ ихъ самымъ лучшимъ, что было до его времени сдѣлано въ этой области [631]), Плутархъ ссылается на нихъ какъ на вполнѣ авторитетныя [632]), Проклъ находитъ, что тому, кто желаетъ сдѣлаться діалектикомъ, слѣдуетъ начинать съ изученія теоріи въ „Кратилѣ“, такъ какъ этотъ діалогъ „дѣлаетъ насъ свѣдущими относительно правильности именъ“ [633]). Но на нашъ взглядъ Платоновы этимологіи по большей части нелѣпы и смѣшны. Руководствуясь этимъ, почти вся новая критика пришла къ заключенію, что въ „Кратилѣ“ Платонъ желалъ осмѣять ихъ предполагаемыхъ авторовъ, то есть софистовъ [634]).

Неосновательность этого заключенія съ полнымъ проникновеніемъ въ задачи и цѣли „Кратила“ доказалъ Георгъ Гротъ.

„Такое заключеніе (говоритъ онъ [635]) опирается на предвзятые взгляды, по меньшей мѣрѣ произвольные и частью неправильные, и скорѣе вноситъ затрудненія, чѣмъ ихъ устраняетъ.... Насмѣшка, если бы имѣлась въ виду, говорила бы больше противъ Платона, чѣмъ противъ другихъ. Вопервыхъ, Платонъ начинаетъ съ изложенія общей теоріи относительно именъ, теоріи, которая безспорно выставлена какъ серьезная и считается такою и критиками, и заключаетъ сверхъ того нѣкоторыя изъ его собственныхъ излюбленныхъ доктринъ. Частныя этимологіи, по его заявленію, имѣютъ цѣлью оправдать именно эту теорію путемъ иллюстраціи или примѣровъ. Сверхъ того, Платонъ предпринимаетъ доказательство этой теоріи противъ Гермогена, который объявляетъ себя сильнымъ ея противникомъ; онъ доказываетъ ее рядомъ примѣровъ, которые (осно-

---

630) Leisch, Sprachphilosophie d. Alten, III, 1—112. Gräfenhahn, Geschichte d. Klassischen Philologie im Alterthum, Bonn 1843, I, 151 f. Grote, Plato, II, 560 f.

631) Dionys. Hallic. De Compos. verbor. 16, 95 R: τὰ γράτιστα δὲ νέμω, ὡς πρώτῳ τὸν ὑπὲρ ἐτυμολογίας εἰσάγοντι λόγον, Πλάτωνι τῷ Σωκρατικῷ, πολλαχῇ μὲν καὶ ἄλλοθι, μάλιστα δὲ ἐν τῷ Κρατύλῳ.

632) Procl. Schol. ad Cratyl. p. 3. Boiss.

633) Plut. De Isid. et Osyr., c. 60, 458 Did.

634) Schleiermacher, Einl zu Cratyl. IV, 6 f. Ast Platon's Leben 264 f. Stallbaum, Proleg ad Cratyl. 4 sq. и пр.

635) Grote, Plato, II, 521 f. На подобной же точкѣ зрѣнія стоитъ Штейнталь, Gesch. d. Sprach-Wissenschaft, I², 79 f. (1890).

вательно или нѣтъ) очевидно даны съ серьезной и искренней цѣлью установить заключеніе. Непосредственно вслѣдъ за признаніемъ, что *существуетъ реальная* правильность именъ, и заявленіемъ, что онъ желаетъ приступить къ изслѣдованію того, въ чемъ состоитъ такая правильность, какой смыслъ или какая сообразность могла бы быть въ изобрѣтеніи имъ ряда намѣренныхъ каррикатуръ, выдаваемыхъ за реальныя этимологіи? Поступая такъ, онъ долженъ былъ бы дискредитовать и унизить эту самую теорію, на привитіе которой Гермогену онъ потратилъ столько труда. Вмѣсто осмѣянія Протагора, онъ осмѣялъ бы самого себя..... и свою собственную теорію на пользу всѣхъ вообще своихъ оппонентовъ, между прочимъ и Протагора: который (если бы мы вообразили его еще живымъ) почувствовалъ бы удовлетвореніе, видя, какъ та самая теоріи, которая образована въ прямую противоположность съ его доктриной, дискредитована самимъ ея авторомъ. Точно также и Гермогенъ (тоже оппонентъ теоріи, хотя и несогласный съ Протагоромъ), если бы эти этимологіи были выставлены какъ каррикатуры, долженъ былъ бы принять ихъ за такія, и присоединиться на счетъ осмѣиваемыхъ Платономъ лицъ. Но Гермогенъ не обнаруживаетъ никакого сознанія такой ихъ цѣли: онъ всѣ ихъ принимаетъ за серьезныя, хотя иныя за новыя и удивительныя.... Далѣе, нѣкоторыя изъ этихъ этимологій довольно ясны, правильны и приняты за серьезныя всѣми критиками. Однако онѣ представлены безъ всякаго раздѣленія, на ряду съ тѣми, на которыя насъ приглашаютъ смотрѣть, какъ на разсчитанные образцы насмѣшливой этимологіи. Съ другой стороны, есть и такія, которыя, если смотрѣть на ихъ этимологическій характеръ, кажутся столь же странными и удивительными какъ и остальныя во всемъ вообще діалогѣ, но которыя, судя по мѣсту, ими занимаемому въ аргументѣ, и по ясности, съ которой изложены, почти исключаютъ взглядъ, что могли имѣть цѣлью насмѣшку или каррикатуру. Наконецъ, Кратилъ, котораго теорію эти каррикатуры, по предположенію, имѣютъ цѣлью осмѣять, не только не замѣчаетъ этого, но даже сердечно одобряетъ все, что̀ сказано Сократомъ.... Платонъ выставилъ эти этимологіи.... какъ настоящія поясненія своей собственной теоріи относительно именъ. Нельзя, впрочемъ, сказать, что онъ выставилъ ихъ какъ доказательство своей теоріи, такъ какъ Платонъ..., когда ему нужно установить теорію, вообще не при-

знаетъ необходимымъ доказывать или провѣрять ее примѣненіемъ къ частнымъ случаямъ. Его доводы обыкновенно дедуктивны или выведены изъ какого нибудь внутренняго чувства, провозглашеннаго какъ оправдывающее себя правило. Частные примѣры служатъ къ поясненію принципа, но отъ нихъ не требуется, чтобы они установили его достовѣрность,... На свои частныя этимологіи Платонъ смотритъ какъ на *bona fide* догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя (подобно тому какъ на свои построенія въ „Тимэѣ“ неоднократно имъ охарактеризованныя какъ εἰκότα и ничего болѣе): изъ которыхъ однѣ достовѣрны, другія сомнительны, иныя только новы и остроумны; всѣ вообще такія, какія естественно должны произойти отъ оригинальнаго *afflatus* жрецовъ (подобныхъ Евѳифрону, на котораго онъ намекаетъ не одинъ разъ), выходящаго за обычные предѣлы человѣческаго утвержденія. При случаѣ онъ предлагаетъ на выборъ тѣ или другія этимологіи, твердо сознавая, что есть нѣкоторый способъ придти къ заключенію, но не чувствуя одинаковой увѣренности въ своемъ умѣньи его вывести. Чувство вѣры связывается въ умѣ Платона съ общими взглядами и теоремами, а когда онъ даетъ частныя слѣдствія, какъ вытекающія изъ нихъ, его вѣра нисходитъ чрезъ всѣ ступени между полной увѣренностью и самымъ нисшимъ вѣроятіемъ, пока въ нѣкоторыхъ случаяхъ не становится немного больше чѣмъ воображаемымъ поясненіемъ—подобно миѳамъ, которые онъ такъ часто изображаетъ для разширенія и оживленія этихъ самыхъ общихъ взглядовъ“.

Но самое главное внѣшнее основаніе, не дозволяющее считать „Кратила“ сатирой, то, что этимологіи совершенно подобныя приведеннымъ въ этомъ діалогѣ встрѣчаются и въ другихъ—въ „Фэдрѣ“, „Софистѣ“, „Тимэѣ“, „Законахъ“ [636])—и при томъ въ связи, исключающей возможность насмѣшки [637]).

---

[636]) Phaedr. 238, C: ἔρως отъ ἐρρωμένος ῥωσθεῖσα. 244, B—C: μαντική отъ μανική. οἰωνιστική отъ οἴησις νοῦς ἱστορία Soph. 228, D: παραφροσύνη отъ παράφορος и σύνεσις. Tim. 43, C: αἴσθησις отъ αἴσσω. 62, A: θερμὸς отъ κερματίζειν. Leg. 714, A: νόμος отъ νοῦ διανομή.

[637]) Spengel, Συναγωγὴ τεχνων, Stuttg. 1828, 52, n. 71: Platonem quidem liberare gestiunt falsa nomina, non ex animi sententia, omnia in Cratylo prolata esse dicentes, sed praeter alia multa et hoc neglexerunt viri docti easdem verborum originationes quas in Cratylo, in ceteris quoque dialogis, ubi nullus est facetiis locus et seria omnia aguntur, recurrere.

Этимологіи у Аристотеля ничѣмъ не лучше Платоновыхъ [638]). Изъ новѣйшихъ философовъ образцы причудливыхъ этимологій встрѣчаются у Шеллинга [639]). „И если пѣнію сиренъ словоистолкованія не могли противостоять ни Аристотель, ни позднѣйшіе философы... то почему не могъ, хотя бы мимоходомъ, почувствовать его прелесть и Платонъ, видѣвшій что все кругомъ него плѣнено имъ“? [640]).

Однако же отрицать (какъ молчаливо дѣлаетъ Гротъ) смѣшное въ „Кратилѣ“ значитъ идти противъ очевидности. Смѣхомъ дышитъ въ этомъ діалогѣ каждая строка. Но этотъ смѣхъ не насмѣшка и не сатира, а тотъ самый юморъ, котораго психологическая природа мною была выяснена при изложеніи Платоновой методологіи [641]) и образцы намъ уже встрѣчались [642]). Смѣшными кажутся Платону чужія этимологіи, смѣшными его собственныя [643]), смѣшной и дерзкой та теорія, на которой онъ строитъ свое ученіе объ именахъ [644]).

Входить въ критику этой теорія было бы возможно лишь въ спеціальномъ филологическомъ изслѣдованіи, такъ какъ для точнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи словъ современное языковѣдѣніе не даетъ твердыхъ данныхъ [645]). Достаточно лишь замѣтить, что съ

---

638) Histor. Anim. I, 13, 413 a, 22: ὀσφύς отъ ἰσοφυές. Eth. Nic. V, 7, 1132 a, 31: δίκαιον отъ δίχα.

639) Steinthal, Gesch. d. Sprachwischenschaft, I², 84.

640) Daher der Dinge Quallität,
Weil er drin quallen und treiben thät.
Schelling's Werke, 1 Abth. 4-r B, 517. Въ этомъ случаѣ Шеллингъ, повидимому, повторяетъ Як. Бэма, Von d. drei Principien göttl. Wesens, c. 10, § 42, Ш, 92 Schiebl. Другіе образцы причудливыхъ этимологій у Шеллинга въ „Философіи Откровенія“, Werke, 2 Abth. B. 2, 334 f. 353 f. и пр.

641) Стр. 77, сл.

642) Отд. 2, стр. Также Steinthal, l. c. 98 f. 101: Und so musste es Platon mit seinen Etymologien Ernst sein und nicht Ernst sein, und so gab er seinen Ernst dem Scherze preis.... Indessen das alles kann unmöglich ausschliesslich Scherz gewesen sein! Ernst eben so wenig: also wehmüthiger Scherz und Selbstverspöttung.

643) Какія этимологіи принадлежатъ Платону и какія другимъ, рѣшить невозможно, такъ какъ Платонъ не дѣлаетъ между тѣми и другими никакого различія. Достовѣрно то лишь, что не всѣ принадлежатъ ему. Cratyl. 413, D. См. выше, стр. 117.

644) Cratyl. 425, D: γελοῖα μὲν οἶμαι φανεῖσθαι, ὦ Ἑρμόγενες, γράμμασι καὶ συλλαβαῖς τὰ πράγματα μεμιμημένα κατάδηλα γιγνόμενα· ὅμως δ'ἀνάγκη. 426, B: ἃ μὲν τοίνυν ἐγὼ ᾠήθημαι περὶ τῶν πρώτων ὀνομάτων, πάνυ μοι δοκεῖ ὑβριστικὰ εἶναι καὶ γελοῖα· τούτων οὖν σοι μεταδώσω, ἂν βούλῃ· σὺ δ'ἄν τι ἔχῃς βέλτιόν ποθεν λαβεῖν, πειρᾶσθαι κἀμοὶ μεταδιδόναι.

645) Сводъ различныхъ мнѣній у Steinthal, Der Ursprung der Sprache, 4-te Aufl. Berl. 1888. Farrar, Chapters on Language, 2-d ed. Lond. 1873, 228 f. Sayce, Introd. to the Science of Language, Lnd. 1890, I, 1—89. Параллели у Grote, Plato, II, 531. 541.

основными чертами Платонова предположенія (о совмѣстномъ дѣйствіи природы и обычая) въ общемъ согласны такіе изслѣдователи какъ Гриммъ, В. Гумбольдтъ, Ренанъ, Штейнталь [646]). Изъ философовъ къ Платону примыкаетъ Лейбницъ [647]). Мнѣніе о соотвѣтствіи именъ вещамъ настолько распространено, что Фарраръ на основаніи широкаго анализа называетъ его „общимъ какъ самымъ глубокимъ философамъ, такъ и самымъ невѣжественнымъ дикарямъ“ [648]). Впрочемъ Платонъ неоднократно ставитъ на видъ, что его теорія не выработанный взглядъ, а открытое для спора предположеніе, быть можетъ и невѣрное [649]),

---

[646]) Grimm, Ueber d. Ursprung d. Sprache. 4-te Aufl., Berl. 1858, 41. Nichts in der Sprache.... geschieht umsonst ... Kein Buchstab ursprünglich steht bedeutungslos oder überflüssig. Jeder Laut hat seinen natürlichen, im Organ das ihn hervorbringt gegründeten und zur Anwendung kommenden Gehalt etc. W. Humboldt, Ueber das vergleichende Sprachwissenschaft, n. Aufl. Berl. 1884, § 20. Zwischen den ewig wechselnden Geschlechtern der Menschen und der Welt der darzustellenden Objecte stehen daher eine unendliche Anzahl von Wörtern, die man, wenn sie auch ursprünglich nach Gesetzen der Freiheit erzeugt sind, und immer fort auf diese Weise gebraucht werden, ebensowol als die Menschen und Objecte, als selbstandige, nur geschichtlich erklarbare nach und nach durch die vereinte Kraft der Natur, der Menschen und Ereignisse entstandne Wesen ansehen kann. Renan, De l'Origine du langage, 4-me ed., Paris, 1864, 136. 147 On peut affirmer que de tous les mots actuellement usités, il n'en est pas un seul qui n'ait eu sa raison suffisante, et ne se rattache, à travers mille transformations, à une élection primitive. Or, le motif déterminant pour le choix des mots a dû être, dans la plupart des cas, le désir d'imiter l'objet qu'on voulait exprimer.... Les appellations n'ont point uniquement leur cause dans l'objet appelé (sans quoi elles seraient les mêmes dans toutes les langues), mais dans l'objet appelé vu à travers les dispositions personnelles du sujet appelant. Steinthal, Geschichte der Sprachwissenschaft I², 99, 100· Diese Principien (im Kratylos) sind prophetische Ahnungen und wahrlich des tiefsten Geistes fähig.. .. Kann die Wissenschaft der Etymologie heute anders sagen, als Plato? Diese Erkenntniss Platon zutrauen muss ihn ehren, und so dürfen wir ihn auch ehren.... Plato sagt dasselbe, was unsere neueste Etymologie etc.

[647]) Leibniz, Nouveaux Essais, III, 2, 1. 298. 300 Erdm: Je sais qu'on a coutume de dire dans les écoles et par tout ailleurs que les significations des mots sont arbitraires (ex instituto) et il est vrai qu'elles ne sont point déterminées par une nécessité naturelle, mais elles ne laissent pas de l'être par des raisons tantôt naturelles, où le hazard a quelque part, tantôt morales, où il y entre du choix ... Si nous avions la langue primitive dans sa pureté, ou assez conservée pour être reconnaissable, il faudrait qu'il y parussent les raisons des connexions soit physiques, soit d'une institution arbitraire, sage et digne du premier auteur. Mais supposé que nos langues soient dérivatives, quant au fond elles ont néanmoins quelque chose de primitif en elles mêmes, qui leur est survenu par rapport à des mots radicaux et nouveaux radicaux, formés depuis chez elles par hasard, mais sur des raisons physiques.

[648]) Farrar, Chapters on Language, 257.

[649]) Cratyl. 391, A: ἐγὼ μέν, ὦ μακάριε Ἑρμόγενες, οὐδεμίαν λέγω, ἀλλ' ἐπελάθου γ'ων ὀλίγον πρότερον ἔλεγον, ὅτι οὐκ εἰδείην, ἀλλὰ συνεφοίμην μετὰ σοῦ. 425, B—C. τί οὖν; σὺ πιστεύεις σαυτῷ οἷος τ'ἂν εἶναι ταῦθ' οὕτω διελέσθαι; ἐγὼ μὲν γὰρ οὔ.... Ἐάσωμεν οὖν, ἢ βούλει οὕτως, ὅπως ἂν δυνώμεθα, κἂν σμικρόν τι αὐτῶν οἷοί τ' ὦμεν κατιδεῖν, ἐπιχειρῶμεν, προειπόντες ὥσπερ ὀλίγον πρότερον τοῖς θεοῖς, ὅτι οὐδὲν εἰδότες τῆς ἀληθείας τὰ τῶν ἀνθρώπων δόγματα περὶ αὐτῶν εἰκάζομεν, οὕτω δὲ καὶ νῦν αὖ εἰπόντες ἡμῖν αὐτοῖς ἴωμεν, ὅτι εἰ μέν τι χρηστὸν ἔδει αὐτὰ διελέσθαι εἴτ' ἄλλον

но только болѣе діалектическое, чѣмъ другія ходившія въ его время,— что первыя имена положены богами или же приняты отъ варваровъ, или же по своей древности не могутъ быть изслѣдованы,—такъ какъ всѣ эти предположенія не что̀ иное какъ затѣйливыя увертки для не желающихъ входить въ разсужденіе о томъ, правильно или нѣтъ положены первыя имена [650]). Эту характеристику собственной теоріи нельзя не признать умѣренной. Точно также нельзя не признать здравымъ и конечный результатъ Платоновой критики, что хотя и трудно рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли видѣть истину въ ученіи о самобытныхъ сущностяхъ или въ ученіи о всеобщемъ потокѣ, однако не подобаетъ умному человѣку отдать себя и свою душу на служеніе именамъ и въ довѣріи къ нимъ и тѣмъ, кто ихъ положили, считать себя знающимъ и произносить какъ противъ себя, такъ и противъ всего сущаго приговоръ, что нѣтъ ни въ чемъ ничего здраваго, но что все течетъ словно скудель и что всѣ вещи, подобно страдающимъ желудкомъ людямъ, одержимы теченіями и изліяніями. Быть можетъ это такъ, а быть можетъ и не такъ. Одно лишь ясно, что должно изслѣдовать усердно и мужественно и не принимать легкомысленно то или другое предположеніе [651]).

6. *Емпедоклъ*. Ученіе Гераклита Платонъ сопоставляетъ съ Емпедокловымъ. „Іонійскія и Сицилійскія Музы (говоритъ онъ [652]), въ противоположность какъ древнѣйшимъ іонійскимъ философамъ, признававшимъ сущее многимъ, такъ и Елейцамъ, учившимъ, что сущее едино, нашли болѣе безопаснымъ сплетать то и другое и говорить, что сущее едино и много, но сдерживается любовью и разнимается враждой. Расходящееся всегда сходится, говорятъ болѣе строгія Музы (Гераклитъ); а болѣе нѣжныя (Емпедоклъ) сдѣлали въ этомъ „всегда“ уступку и говорятъ, что все поочередно бываетъ то единымъ и любимымъ Афродитой, то многимъ и враждебнымъ вслѣдствіе нѣкотораго раздора“.

ὄντινοῦν εἴθ' ἡμῶς, οὕτως ἔδει αὐτὰ διαιρεῖσθαι, νῦν δέ, τὸ λεγόμενον, κατὰ δύναμιν δεήσει ἡμᾶς περὶ αὐτῶν πραγματευσθαι; δοκεῖ ταῦτα; ἢ πως λέγεις. 428, A: καὶ μὲν δὴ ἔγωγε καὶ αὐτός, ὦ Κρατυλε, οὐδὲν ἂν ἰσχυρισαίμην ὧν εἴρηκα· ἄλλ δέ μοι ἐφαίνετο, μεθ' Ἑρμογένους ἐπεσκεψάμην. 440, B.

650) Ibid. 425, D—426, A.

651) Ibid. 440, C, слѣд.

652) Soph. 242, D—E.

Эта характеристика одинаково свидѣтельствуетъ и о широтѣ взгляда, съ которой Платонъ сопоставляетъ философски сродныя ученія, и о томъ, что ни эта широта взгляда, ни поэтическая окраска не препятствуетъ вѣрности передачи.

Ученіе Емпедокла о любви и ненависти настолько извѣстно, что нѣтъ нужды доказывать правильность Платонова свидѣтельства [653]). У Гераклита связующимъ началомъ служитъ гармонія и согласіе, разъединяющимъ—война и раздоръ [654]). Аналогію между любовью и Гераклитовой гармоніей Платонъ ставитъ на видъ еще разъ въ „Пирѣ“ устами Евриксимаха [655]).

Кромѣ „Софиста“ Платонъ говоритъ объ Емпедоклѣ въ „Менонѣ“, точно также вскользь. Въ этомъ діалогѣ онъ излагаетъ (извѣстную намъ какъ отъ самого Емпедокла, такъ и отъ Аристотеля, его комментаторовъ и Θеофраста [656]) теорію чувственнаго воспріятія. Вещи имѣютъ изліянія и поры, чрезъ которыя эти изліянія проникаютъ. Одни изъ изліяній прилажены къ порамъ, а другія несоотвѣтствуютъ имъ по величинѣ или малости. Воспріятіе возможно лишь при соразмѣрности изліяній порамъ [657]). Сообразно съ этой теоріей, цвѣтъ въ „Менонѣ“ опредѣляется какъ „чувственное соразмѣрное зрѣнію истеченіе фигуръ“ [658]). Эту теорію Платонъ усвоилъ въ „Тимэѣ“ при объясненіи воспріятія зрѣнія [659]). Сверхъ

---

653) Zeller, Ph. d. Gr. I[4], 696 f.

654 Выше, стр. 170, пр. 518. Сопоставленія между Гераклитомъ и Емпедокломъ у Schuster'a, Heraklit v. Ephesos, Leipz. 1873, 224 f.

655) Sympos. 187, A, слѣд

656) Emped. ap. Plut. Quaest. nat. c. 19, 1121 Did (337 Mull.):

γνοὺς ὅτι πάντων εἰσὶν ἀπορροαί, ὅσα' ἐγένοντο

Theophr. De Sensu, 7: Ἐμπεδοκλῆς φησι τῷ ἐναρμόττειν (τὰς ἀπορρόας) εἰς τοὺς πόρους τοὺς ἑκάστης (αἰσθήσεως) αἰσθάνεσθαι. Aristot. De Gener. et Corr. 8, нач. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. I[4], 693 f.

657) Meno, 76, C: Οὐκοῦν λέγετε ἀπορρόας τινας τῶν ὄντων κατ' Ἐμπεδοκλέα,—Σφόδρα γε.—Καὶ πόρους, εἰς οὓς καὶ δι' ων αἱ ἀπορρόαι πορεύονται; —Πάνυ γε.—Καὶ των ἀπορρόων τὰς μὲν ἁρμόττειν ἐνίοις τῶν πόρων, τὰς δ'ἐλάττους ἢ μείζους εἶναι;—Ἔστι ταῦτα.

658) Ibid. 76, D· ἔστι γὰρ χρόα ἀπορροὴ σχημάτων ὄψει σύμμετρος καὶ αἰσθητός

659) Tim. 45, B—D: τὸ γὰρ ἐντὸς ἡμων ἀδελφὸν ὂν τούτου πῦρ εἰλικρινὲς ἐποίησαν διὰ τῶν ὀμματων ῥεῖν λεῖον καὶ πυκνόν, ὅλον μὲν, μάλιστα δὲ τὸ μέσον ξυμπιλήσαντες τῶν ὀμμάτων, ὥστε τὸ μὲν ἄλλο ὅσον παχύτερον στέγειν πᾶν, τὸ τοιοῦτον δὲ μόνον αὐτὸ καθαρὸν διηθεῖν ὅταν οὖν μεθημερινὸν ᾖ φως περὶ τὸ τῆς ὄψεως ῥεῦμα, τότε ἐκπῖπτον ὅμοιον πρὸς ὅμοιον, ξυμπαγὲς γενόμενον, ἓν σῶμα οἰκειωθὲν συνέστη κατὰ τὴν των ὀμμάτων εὐθυωρίαν, ὅπηπερ ἂν ἀντερείδῃ τὸ προσπῖπτον ἐνδοθεν πρὸς ὁ των ἔξω συνέπεσεν ὁμοιοπαθὲς δὴ δι' ὁμοιότητα πᾶν γενόμενον, ὅτου τε ἂν αὐτό ποτε ἅψηται καὶ ὃ ἂν ἄλλο ἐκείνου, τούτων τὰς κινήσεις διαδιδὸν εἰς ἅπαν τὸ σῶμα μέχρι τῆς ψυχῆς αἴσθησιν παρέσχετο

того мы съ нею встрѣчаемся въ „Государствѣ“ и „Софистѣ“ [660]). Подробно ее развиваетъ Платонъ въ „Θеэтетѣ“ при истолкованіи формулы Протагора „Человѣкъ—мѣра“ [661]). Слѣдуетъ ли въ этомъ истолкованіи, какъ ясно ставитъ на видъ самъ Платонъ [662]), видѣть ученіе Протагора, или вмѣстѣ съ новыми критиками—ученіе Аристиппа или наконецъ построеніе самого Платона, будетъ выяснено въ своемъ мѣстѣ [663]). Здѣсь достаточно отмѣтить несомнѣнное воздѣйствіе ученія Empедокла на Платонову гносеологію. Если объясненіе процесса чувственныхъ воспріятій въ ученіи самого Платона совпадаетъ съ проводимой въ „Θеэтетѣ“ теоріей, то нѣтъ разумнаго основанія предполагать, что Платонъ при ея изложеніи и критикѣ могъ руководствоваться какими либо сатирическими или каррикатурными цѣлями [664]).

Въ критику ученія Empедокла Платонъ не входитъ. Онъ ограничивается лишь замѣчаніемъ, что приведенное выше опредѣленіе цвѣта „трагическое“ и ему не нравится [665]). Трагическимъ оно названо несомѣнно за свой слогъ [666]), а неудовлетворительность его состоитъ, какъ ясно изъ связи, въ томъ, что оно, въ противополож-

---

ταύτην, ἣ δὴ ὁρᾶν φαμέν. Аристотель сопоставляетъ съ этимъ объясненіемъ извѣстное уподобленіе Empедокломъ глаза фонарю, но добавляетъ, что ὁτὲ μὲν οὖν οὕτως ὁρᾶν φησιν, ὁτὲ δὲ τοῖς ἀπορροαῖς ταῖς ἀπὸ τῶν ὀμμάτων (De Sensu, 437 b, 25 слѣд.). Θеофрастъ, объединяетъ то и другое объясненіе, De Sensu, 8. πειρᾶται δὲ καὶ τὴν ὄψιν λέγειν, ποία τίς ἐστι· καὶ φησι τὸ μὲν ἐντὸς αὐτῆς εἶναι πῦρ, τὸ δὲ περὶ αὐτὸ γῆν καὶ ἀέρα, δι' ὧν διιέναι λεπτὸν ὂν καθάπερ τὸ ἐν τοῖς λαμπτῆρσι φῶς. τοὺς δὲ πόρους ἐπαλλὰξ κεῖσθαι τοῦ τε πυρὸς καὶ τοῦ ὕδατος, ὧν τοῖς μὲν τοῦ πυρὸς τὰ λευκά, τοῖς δὲ τοῦ ὕδατος τὰ μέλανα γνωρίζειν· ἐναρμόττειν γὰρ ἑκατέροις ἑκάτερα. φέρεσθαι δὲ τὰ χρώματα πρὸς τὴν ὄψιν διὰ τὴν ἀπορρόην. Платоново объясненіе въ общемъ совпадаетъ съ Θеофрастовымъ.

660) De Rep. 508, A. Soph. 266, C: διπλοῦν δ' ἡνίκ' ἂν φῶς οἰκεῖόν τε καὶ ἀλλότριον περὶ τὰ λαμπρὰ καὶ λεῖα εἰς ἓν ξυνελθόν τῆς ἔμπροσθεν εἰωθυίας ὄψεως ἐναντίαν αἴσθησιν παρέχον εἶδος ἀπεργάζηται.

661) Theaet. 156, C: ἐπειδὰν οὖν ὄμμα καὶ ἄλλο τι τῶν τούτῳ ξυμμέτρων πλησιάσαν γεννήσῃ τὴν λευκότητά τε καὶ αἴσθησιν αὐτῇ ξύμφυτον, ἃ οὐκ ἂν ποτ' ἐγένετο ἑκατέρου ἐκείνων πρὸς ἄλλο ἐλθόντος, τότε δὴ μεταξὺ φερομένων τῆς μὲν ὄψεως πρὸς τῶν ὀφθαλμῶν, τῆς δὲ λευκότητος πρὸς τοῦ συναποτίκτοντος τὸ χρῶμα, ὁ μὲν ὀφθαλμὸς ἄρ' ὄψεως ἔμπλεως ἐγένετο καὶ ὁρᾷ δὴ τότε. Сходство этого ученія съ ученіемъ въ „Тимэѣ“ и „Софистѣ“ очевидно.

662) Theaet. 155, D—E. 168, B. 179, D. 180. D.

663) Гл. VIII.

664) Выше, стр. 8. 16. 20.

665) Meno, 76, C: Τραγικὴ γάρ ἐστιν, ὦ Μένων, ἡ ἀπόκρισις ὥστ' ἀρέσκει σοι μᾶλλον ἢ ἡ περὶ τοῦ σχήματος.—Ἔμοιγε.—Ἀλλ' οὐκ ἔστιν.... ὡς ἐγὼ ἐμαυτὸν πείθω, ἀλλ' ἐκείνη βελτίων.

666) Опредѣленіе Платонъ предваряетъ словами: ἐκ τούτων δὴ ξύνες ὅ τοι λέγω, ἔφη Πίνδαρος, которыми намѣчаетъ торжественный тонъ послѣдующаго. Для насъ, впрочемъ, не вполнѣ понятно, въ чемъ состоитъ эта торжественность.

ность приведенному Сократомъ опредѣленію фигуры какъ предѣла тѣла, правильно не безусловно, но лишь съ точки зрѣнія извѣстной теоріи [667]).

На взглядъ Аристотеля, ученіе Емпедокла—дѣтскій лепетъ [668]). Основываясь на его словахъ, что у людей знаніе измѣняется сообразно съ обстоятельствами и что какъ скоро они становятся другими, имъ всегда представляются и другія мысли [669]), Аристотель дѣлаетъ выводъ, что Емпедоклъ подъ разумѣніемъ понимаетъ ощущеніе, а подъ ощущеніемъ измѣненіе и что поэтому онъ вынужденъ утверждать истиннымъ являемое въ ощущеніи [670]). А между тѣмъ Емпедоклъ прямо и рѣзко призываетъ не вѣрить чувствамъ и слѣдовать лишь доводамъ ума [671]). Ученіе объ относительности знанія онъ поэтому долженъ былъ ограничивать лишь чувственнымъ опытомъ. Въ другомъ мѣстѣ Аристотель дѣлаетъ изъ „лепета“ Емпедокла выводъ, что любовь—благо [672]), и не смотря на то, что этотъ выводъ принадлежитъ лично ему, укоряетъ Емпедокла за отожест-

---

667) Meno, 76, A—E.

668) Выше, стр. 160, пр. 453. 672.

669) Emp. ap. Arist. de An. III, 3, 42 7. Metaph. III, 5, 1009 b, 18 (375—378 M.)

πρὸς παρεὸν γὰρ μῆτις ἀέξεται ἀνθρώποισιν....
ὅσσον τ' ἀλλοῖοι μετέφυν, τόσον ἄρ σφισιν αἰεὶ
καὶ τὸ φρονεῖν ἀλλοῖα παρίστατο.

670) Metaph. IV, 5, 1009 b, 12: ὅλως δὲ διὰ τὸ ὑπολαμβάνειν φρόνησιν μὲν τὴν αἴσθησιν, ταύτην δ' εἶναι ἀλλοίωσιν, τὸ φαινόμενον κατὰ τὴν αἴσθησιν ἐξ ἀνάγκης ἀληθὲς εἶναί φασιν (Емпедоклъ и Демокритъ).

671) Emped. ap. Sext. Emp. adv. Math. 125 (52—57 M.):

ἀλλ' ἀγ' ἄθρει πάσῃ παλάμῃ πῇ δῆλον ἕκαστον,
μήτε τιν' ὄψιν ἔχων πίστει πλέον ἢ κατ' ἀκουήν,
ἢ ἀκοὴν ἐρίδουπον ὑπὲρ τρανώματα γλώσσης,
μήτε τι τῶν ἄλλων ὁπόσῃ πέρος ἐστὶ νοῆσαι,
γυίων πίστιν ἔρυκε νέει θ' ᾗ δῆλον ἕκαστον.

Текстъ очевидно искаженъ и потому точное истолкованіе первыхъ стиховъ невозможно, но послѣдніе не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно общей мысли Емпедокла. Поправки Муллаха ничего не объясняютъ. Точно тоже слѣдуетъ сказать и о переводѣ Таннери, Science Hellene, 329. Въ другомъ мѣстѣ Емпедоклъ выражаетъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ (Simpl. Phys. 34 r, 158, 18—19 Diels, 81—82 M.)·

καὶ Φιλότης μετὰ τοῖσιν, ἴση μῆκός τε πλάτος τε·
τὴν σὺ νόῳ δέρκευ μηδ' ὄμμασιν ἧσο τετηπώς.

672) Metaph. I, 4, 985, 5: εἰ γάρ τις ἀκολουθοίη καὶ λαμβάνοι πρὸς τὴν διάνοιαν καὶ μὴ πρὸς ἃ ψελλίζεται λέγων Ἐμπεδοκλῆς, εὑρήσει τὴν μὲν φιλίαν αἰτίαν οὖσαν τῶν ἀγαθῶν, τὸ δὲ νεῖκος τῶν κακῶν. ὥστ' εἴ τις φαίη τρίπον τινὰ καὶ λέγειν πρῶτον λέγειν τὸ κακὸν καὶ τὸ ἀγαθὸν ἀρχὰς Ἐμπεδοκλέα, τάχ' ἂν λέγοι καλῶς.

вленіе блага съ веществомъ [673]). У Платона мы напрасно стали бы искать образцовъ подобной критической неосторожности.

7. *Анаксагоръ*. Объ Анаксагорѣ [674]) Платонъ говоритъ въ „Апологіи", „Горгіи", „Фэдрѣ", „Алкивіадѣ I", „Гиппіи Большемъ", „Кратилѣ", „Фэдонѣ". Мы слышимъ въ этихъ діалогахъ о его жизни и ученіи тоже, что̀ знаемъ изъ другихъ источниковъ—что онъ происходилъ изъ Клазоменъ [675]), что былъ безкорыстный философъ, ставившій цѣлью жизни знаніе [676]), что руководилъ Периклом̀ъ [677]), что по его ученію всѣ вещи находились первоначально вмѣстѣ [678]), но изъ хаоса были выведены Умомъ [679]), что солнце камень, а луна—земля [680]) и получаетъ свѣтъ отъ солнца [681]).

Критику Анаксагорова ученія Платонъ даетъ въ „Фэдонѣ". Вполнѣ сочувствуя ему за то, что онъ ввелъ Умъ какъ мірообразующую силу, Платонъ укоряетъ его за непослѣдовательность, такъ какъ въ его космологіи Умъ имѣетъ значеніе внѣшней причины.

„Услыхавъ однажды (разсказываетъ Сократъ [682]), какъ кто то читалъ изъ книги—Анаксагоровой, какъ тотъ пояснилъ,—что Умъ распорядитель и причина всего, я обрадовался этой причинѣ: мнѣ казалось какъ то хорошо, что причина всего—Умъ. Если это такъ, думалъ я, если Умъ распредѣляетъ все, то онъ полагаетъ каждую вещь такъ, какъ ей быть всего лучше. Поэтому, кто пожелаетъ найти причину всякой вещи, почему она возникаетъ, разрушается или существуетъ, тотъ долженъ найти то, какъ всего лучше ей быть, страдать или дѣйствовать. Слѣдовательно, и человѣкъ, какъ

---

673) Ibid. XII, 10, 1075 b, 1: ἀτόπως δὲ καὶ Ἐμπεδοκλῆς· τὴν γὰρ φιλίαν ποιεῖ τὸ ἀγαθόν. αὕτη δ' ἀρχὴ καὶ ὡς κινοῦσα (συνάγει γάρ) καὶ ὡς ὕλη· μόριον γάρ τοῦ μίγματος. εἰ δὴ καὶ τῷ αὐτῷ συμβέβηκεν ὡς ὕλῃ καὶ ἀρχῇ εἶναι καὶ ὡς κινοῦντι, ἀλλὰ τό γ' εἶναι οὐ ταὐτό. κατὰ πότερον οὖν φιλία; ἄτοπον δὲ καὶ τὸ ἄφθαρτον εἶναι τὸ νεῖκος.

674) Новѣйшая монографія Heinze, Ueber den Νοῦς des Anaxagoras, Berichte üb. d. Abh. d. k. sächs. Ges. d. Wiss., 1890, I, 1—45 не даетъ ничего замѣчательнаго.

675) Apol. 26, D.

676) Hipp. Maj. 281, C. 283, A. Eud. Eth. I, 5, 1216 a, 10. Diog. L. II, 7.

677) Alc. I, 118, C. Phaedr. 270, A. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. I⁴, 872, 1.

678) Gorg. 465, D. Phaedo, 72, C. Ниже, стр. 205.

679) Phaedo 97, B, сл. Cratyl. 413, C. Leg. 967, B. Ниже, стр. 205, сл.

680) Apol. 26, D. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. I⁴, 898, 3. 902, 6 f.

681) Cratyl. 409, B. Остальныя свидѣтельства у Целлера, l. c. 903, 3.

682) Phaedo, 97, B, сл.

относительно себя самого, такъ и относительно всего другого, долженъ разсматривать лишь то, что̀ всего лучше и превосходнѣе, хотя онъ по необходимости узнаетъ тогда и худшее, такъ какъ о томъ и другомъ одна и таже наука. Разсуждая такъ, я обрадовался надеждѣ найти въ Анаксагорѣ себѣ по сердцу учителя о причинѣ сущаго. Я думалъ, что онъ сперва скажетъ о землѣ, плоска она или кругла, а сказавъ это, изложитъ причину, то есть выяснитъ, въ чемъ состоитъ наилучшее и что землѣ лучше быть такою, а если скажетъ, что она въ срединѣ, то выяснитъ, что для нея лучшее быть въ срединѣ. Если онъ объяснитъ мнѣ все это, я рѣшилъ болѣе не искать другого рода причины. Намѣренъ былъ я такимъ же образомъ узнать отъ него о солнцѣ, лунѣ и прочихъ свѣтилахъ, объ ихъ относительной скорости, поворотахъ и другихъ состояніяхъ, почему для каждаго изъ нихъ всего лучше такъ именно дѣйствовать и испытывать дѣйствіе. Конечно, я и думать не могъ, что называя Умъ распорядителемъ всего, онъ приведетъ какую либо другую причину помимо той, что для всѣхъ вещей лучше всего быть такъ, какъ онѣ существуютъ, но полагалъ, что нашедши причину для каждой вещи порознь и для всѣхъ вмѣстѣ, онъ выяснитъ какъ то, что̀ всего лучше для каждой изъ нихъ, такъ и общее благо для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И я не хотѣлъ дешево отдать своихъ надеждъ, но съ жаромъ ухватился за книги и перечиталъ ихъ какъ только могъ скорѣе, что бы какъ можно скорѣе узнать, что́ всего лучше и всего хуже. Но восхитительная надежда быстро покинула меня когда, продолжая чтеніе, я увидалъ, что человѣкъ этотъ при распредѣленіи вещей Умомъ вовсе не пользуется, а называетъ причинами воздухъ, эѳиръ, воду и много другихъ странностей. И мнѣ показалось, что онъ поступаетъ точно такъ же, такъ если бы кто сталъ утверждать, что Сократъ все, что̀ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ умомъ, а за тѣмъ, взявшись излагать причины всѣхъ моихъ поступковъ, сталъ бы говорить, напримѣръ, что я сижу здѣсь потому, что мое тѣло составлено изъ костей и жилъ и что кости мои тверды и отдѣлены одна отъ другой суставами, а жилы способны стягиваться и растягиваться и лежатъ вмѣстѣ съ тѣломъ и кожей, которая ихъ обхватываетъ, и когда кости подымаются въ суставахъ, то растягивающіяся и ослабляющіяся жилы дѣлаютъ меня способнымъ сгибать члены и что по этой причинѣ я, согнувшись, теперь сижу здѣсь.

Пожалуй, и теперешній разговоръ нашъ онъ произвелъ бы изъ подобныхъ причинъ, напримѣръ, изъ голоса, воздуха, слуха и множества другихъ того же рода, и не обратилъ бы вниманія на причины истинныя, что такъ какъ Аѳиняне сочли за лучшее осудить меня, то поэтому и я счелъ за лучшее сидѣть здѣсь и за болѣе справедливое подвергнуться наказанію, котораго они требуютъ. Иначе, клянусь собакой, и эти жилы мои и эти кости, увлекаясь мнѣніемъ лучшаго, давно были бы въ Мегарѣ или Бэотіи, если бы я считалъ болѣе справедливымъ и прекраснымъ убѣжать и скрыться, чѣмъ подвергнуться назначенному городомъ наказанію. Но называть все подобное причинами очень странно. Если же кто скажетъ, что не имѣя всего этого, костей, жилъ и прочаго, что̀ я имѣю, я не былъ бы въ состояніи дѣлать то, что̀ намѣренъ, то сказалъ бы истину. Говорить же, что я вслѣдствіе ихъ дѣлаю то, что̀ дѣлаю, когда къ тому же поступаю разумно, а не вслѣдствіе выбора того, что̀ всего лучше, было бы крайнимъ легкомысліемъ. Это значило бы не быть въ состояніи различить истинной причины отъ того, безъ чего причина не могла бы быть причиной, но что̀ толпа, блуждая по моему мнѣнію ощупью словно во мракѣ, называетъ причиной, пользуясь при этомъ не надлежащимъ именемъ. Поэтому одинъ, окруживъ землю вихремъ, заставляетъ ее пребывать подъ небомъ, а другой подпираетъ ее, словно плоское корыто, столбомъ воздуха. А той причины, вслѣдствіе которой вещи теперь расположены такъ, какъ имъ быть расположенными всего лучше, такой причины они не ищутъ и не думаютъ, что-бы она обладала божественной силой, но полагаютъ, что найдутъ въ сравненіи съ нею Атланта болѣе сильнаго, болѣе безсмертнаго и болѣе все сдерживающаго, даже и не помышляя, что сдерживающее и связывающее начало есть истинное благо и долгъ".

Подобныя же замѣчанія слышимъ мы отъ Платона въ „Законахъ". Здѣсь онъ точно также указываетъ на непослѣдовательность Анаксагора, обвиняя его въ томъ, что, хотя онъ и говоритъ объ Умѣ какъ образующей вселенную силѣ, міровой строй объясняетъ изъ причинъ внѣшнихъ. „Нѣкоторые (говоритъ онъ [683]) дерзнули на отважное утвержденіе, что распорядитель всего въ мірѣ — Умъ. Но эти люди ошиблись относительно природы души, предполагая,

[683]) Leges, 967, B.

что душа моложе тѣла, тогда какъ она старѣе, и такимъ образомъ все снова опрокинули, а больше всего самихъ себя. То, что было у нихъ передъ глазами, всѣ движущіяся по небу свѣтила, казались имъ переполненными землей, каменьями и многими другими неодушевленными тѣлами, распредѣляющими причины всего міроваго порядка. Эти разсужденія повели къ частому безбожію и къ раздраженію противъ тѣхъ, кто ими занимается, а поэты стали хулить философовъ, приравнивая ихъ попусту лающимъ собакамъ и говоря другія глупости".

Фактическая правильность Платонова свидѣтельства вполнѣ подтверждается собственными словами Анаксагора. Хотя у Анаксагора Умъ, какъ сейчасъ увидимъ, зналъ и распредѣлилъ все, что есть, было, будетъ и должно быть, однако мірозданіе слагается дѣйствіемъ не Ума, а внѣшняго движенія, которому Умъ даетъ лишь первый толчекъ.

„Всѣ вещи были (говоритъ Анаксагоръ) вмѣстѣ, безпредѣльныя по множеству и малости, такъ какъ и малое было безпредѣльнымъ. И когда было все вмѣстѣ, ничего не было ясно вслѣдствіе малости... [684]). Если же это такъ, то слѣдуетъ думать, что во всемъ сложномъ заключается много всяческаго и сѣмена всѣхъ вещей, имѣющія всякія фигуры, цвѣта и вкусы... [685]). Тогда какъ все имѣетъ часть во всемъ, одинъ лишь Умъ безпредѣленъ и самовластенъ и ни съ чѣмъ не смѣшанъ, но одиноко существуетъ самъ по себѣ. Если бы онъ существовалъ не самъ по себѣ, но былъ бы смѣшанъ съ чѣмъ нибудь, то вслѣдствіе такого смѣшенія имѣлъ бы часть во всѣхъ вещахъ... и смѣшанное съ нимъ было бы ему помѣхой, такъ что онъ не сталъ бы надо всѣмъ властвовать такъ же, какъ когда существуетъ одиноко и самъ по себѣ. Онъ самая тонкая и чистая изъ всѣхъ вещей и обладаетъ всѣмъ знаніемъ обо всемъ и имѣетъ величайшую силу. Надо всѣмъ, имѣющимъ душу, большимъ и меньшимъ, властвуетъ Умъ. Умъ возобладалъ и надо всѣмъ круговоротомъ, такъ что съ изначала былъ круговоротъ. Первый круговоротъ начался съ малаго, затѣмъ сталъ шире и будетъ еще шире. Все соединяемое, отдѣляемое и раздѣляемое позналъ Умъ; и

---

[684]) Simpl. Phys. 33 v. 155, 26 Diels (fr. 1 M.).
[685]) Ibid. 156, 2 Diels (fr. 3 M.).

все, что должно быть, что было, что теперь есть и что будетъ, упорядочилъ Умъ, также и тотъ круговоротъ, которымъ теперь движутся звѣзды, солнце, луна, воздухъ и эѳиръ въ ихъ продолжающемся отдѣленіи. Этотъ круговоротъ произвелъ отдѣленіе, и отдѣляется отъ рѣдкаго плотное, отъ холоднаго теплое, отъ темнаго свѣтлое, отъ влажнаго сухое...[686]). Когда Умъ началъ движеніе, то ото всего движимаго происходило отдѣленіе и раздѣлилось все, что двинулъ Умъ, а въ томъ, что двигалось и раздѣлялось, круговоротъ производилъ еще большее раздѣленіе...[687]). Плотное и влажное, холодное и темное сошлись туда, гдѣ теперь земля, а рѣдкое, теплое, сухое и свѣтлое выступило въ передніе части эѳира...[688]). Изъ отдѣленія этихъ веществъ сплотилась земля. Изъ облаковъ отдѣляется вода, изъ воды земля, изъ земли вслѣдствіе холода сплочиваются камни...[689]). (На другихъ небесныхъ тѣлахъ, такъ же какъ на землѣ) сплотились люди и другія одушевленныя животныя. У людей существуютъ населенные города и устроенныя работы, такъ же какъ у насъ, есть у нихъ солнце, луна и все остальное, какъ у насъ, и земля имъ приноситъ много всяческаго, изъ чего они самое полезное приносятъ въ домъ и употребляютъ...[690]). Человѣкъ самое разумное животное потому, что имѣетъ руки....[691]). Эти кругвращеніе и раздѣленіе происходятъ вслѣдствіе силы и скорости. Силу производитъ скорость, но первоначальная скорость круговращенія и раздѣленія не подобна скорости ни одной изъ существующихъ теперь у людей вещей, но во всемъ много разъ скорѣе....[692]). Умъ же, какъ прежде былъ, такъ и теперь въ полной силѣ существуетъ тамъ, гдѣ и все остальное, въ томъ, что обнимаетъ многое, въ присоединенныхъ по распредѣленіи и въ отдѣленныхъ“[693]).

Эти подлинныя слова Анаксагора не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что (говоря терминами Аристотеля, который въ данномъ

---

686) Ibid. 156, 13 Diels (fr. 6 M.).
687) Ibid. 67 r. 300, 31 Diels (fr. 7 M.).
688) Ibid. 38 v. 179, 3 Diels (fr. 8 M.).
689) Ibid. 179, 8 Diels (fr. 9 M.).
690) Ibid. 8 r. 35, 14. 33 v. 157, 12 Diels (fr. 10 M.).
691) Aristot. De part. anim. IV, 10, 687 a, 7.
692) Simpl. Phys. 8 r. 35, 14 Diels (fr. 11 M.).
693) Ibid. 33 v. 157, 7 Diels (fr. 12 M.).

случаѣ вполнѣ согласенъ съ Платономъ и воспроизводитъ его критику), Умъ въ его ученіи есть то, *отъ* чего, а не то *для* чего происходитъ движеніе [694]), что Анаксагоръ пользуется имъ въ мірозданіи словно машиной, и когда бываетъ въ недоумѣніи, по какой причинѣ существуетъ что̀ нибудь необходимо, тогда его привлекаетъ, а въ остальномъ причиной явленій считаетъ болѣе все другое, чѣмъ Умъ [695]).

Точно также не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что Анаксагоровы разсужденія повели къ безбожію (въ греческомъ смыслѣ) и къ раздраженію противъ философовъ. Достаточно вспомнить, что Анаксагоръ поплатился за свое ученіе изгнаніемъ [696]) и что безбожіе Сократа доказывали отожествляя его ученіе съ Анаксагоровымъ [697]). На какого поэта Платонъ намекаетъ въ „Законахъ“, мы не знаемъ, но тотъ же самый намекъ встрѣчается и въ „Государствѣ“ [698]). Каррикатура на Анаксагора въ Аристофановыхъ „Облакахъ“ общеизвѣстна [699]).

Но если съ внѣшней стороны замѣчанія Платона объ Анаксагорѣ правильны, то правъ ли онъ въ основномъ предположеніи своей критики, что существуетъ направляющій все ко благу міровой Разумъ? Не вѣрнѣе ли было бы ему стать на почву той самой механической теоріи, которую онъ осуждаетъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ дать сравнительную критическую оцѣнку телеологическаго и механическаго міровозрѣній.

Сколь ни далекой на первый взглядъ можетъ показаться такая оцѣнка отъ задачъ нашего изслѣдованія, на дѣлѣ она имѣетъ для насъ значеніе первой важности. Своеобразность Платонова міровоз-

---

694) Metaph. I, 7, 988 b, 6.

695) Ibid. I, 4, 985 a, 18.

696) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 872, 2

697) Apol. 26, C—D. Также Аристофанъ въ „Облакахъ“. См. пр. 699.

698) De Rep. 607, B

699) Arist. Nubes, 224 слѣд. 380, сл. 828. 1471. 1503. 1507. Послѣдними двумя стихами Аристофанъ несомнѣнно мѣтитъ въ Анаксагора. Остальные можно относить и къ другимъ (къ Демокриту, напримѣръ), но такъ какъ процессъ Анаксагора въ то время, когда были поставлены впервые на сцену „Облака“ (424), былъ у всѣхъ на памяти и именно поэтому философія Анаксагора была всѣмъ извѣстна (Apol. 26, D слѣд.), чего нельзя предполагать объ ученіи другихъ философовъ, то едва-ли можно думать, что Аристофанъ имѣлъ въ виду кого нибудь кромѣ Анаксагора.

зрѣнія— одинъ изъ главныхъ доводовъ отрицательной критики противъ достовѣрности свидѣтельскихъ показаній Платона [700]). Но воззрѣнія Платона по однимъ и тѣмъ же вопросамъ въ различныхъ діалогахъ настолько различны [701]), что подъ своеобразностью можно подразумѣвать лишь то единство, которое опредѣляетъ характеръ этого разнообразія. А такое основное единство у Платона есть именно повсюду предполагаемая объективная цѣлесообразность [702]). Руководящія воззрѣнія его философіи, какъ не трудно убѣдиться изъ предложеннаго выше анализа его методологіи [703]), сводятся къ тремъ выраженіямъ одного и того же предположенія: 1) Есть безусловный идеалъ истины, которымъ философъ долженъ руководствоваться въ познавательной дѣятельности. 2) Есть безусловный идеалъ красоты, который онъ долженъ воплощать въ созданіяхъ своего творчества. 3) Есть безусловный идеалъ блага, съ которымъ онъ долженъ сообразовать всю свою жизнь. Безъ твердой увѣренности въ существованіи этихъ идеаловъ и возможности къ нимъ приблизиться (на сколько вообще способна человѣческая природа къ такому приближенію), Платоновы діалоги, не ставящіе себѣ никакой внѣшней цѣли [704]) и обыкновенно не дающіе отвѣтовъ на разсматриваемые въ нихъ вопросы, были бы пустой ни къ чему не нужной болтовней, такъ что самое существованіе ихъ было бы неразрѣшимой загадкой.

Идеалъ (съ точки зрѣнія Платона) есть идея, разсматриваемая какъ цѣль. Идеи для совершеннаго разума совершенно познаваемы и потому (вслѣдствіе соотвѣтствія между формами мысли и формами бытія [705]) имѣютъ совершенное бытіе [706]). Но надъ бытіемъ и знаніемъ высится благо, причина и основаніе какъ бытія, такъ и знанія [707]). Всякое бываніе имѣетъ цѣлью бытіе по себѣ, которое, какъ цѣль,

---

[700]) Выше, стр. 3. 9. 10. слѣд.

[701]) Выше, стр. 37.

[702]) Ученіе Платона о цѣляхъ разсматриваютъ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія P. Janet, Les Causes Finales, 2-me ed. Paris, 1882, Appendix, p. 730, sq и Fouillée, Philosophie de Platon, II², 142 sq. III, 71 sq.

[703]) Выше, стр. 58. 67. 70 сл.

[704]) Выше, стр. 72 сл.

[705]) Выше, стр. 182, пр. 574.

[706]) De Rep. 477, A.

[707]) Выше, стр. 47 сл.

есть благо [708]). Это бытіе по себѣ есть необходимая сущность происходящихъ вещей [709]), ихъ идея или образецъ [710]), къ достиженію котораго онѣ стремятся, хотя и не могутъ достигнуть [711]). Всѣ идеи такимъ образомъ обоснованы въ идеѣ блага. Кто постигъ идею вещи, тотъ постигъ и ея благо, и наоборотъ.

Высшая цѣль живыхъ существъ—счастье. Стремленіе къ нему изначально и необходимо. Счастье состоитъ въ обладаніи благомъ [712]). Поэтому къ благу влечется всякая душа и дѣлаетъ все ради него. Что̀ такое благо, она недоумѣваетъ и не можетъ постичь какъ слѣдуетъ, и лишь догадывается, что оно есть нѣчто. Однако же по отношенію къ нему она не желаетъ, какъ въ остальныхъ случаяхъ, руководствоваться твердой вѣрой. Тогда какъ въ прекрасномъ, справедливомъ и во всемъ остальномъ многіе предпочитаютъ видимость дѣйствительности, никто не довольствуется пріобрѣтеніемъ кажущихся благъ, но всѣ ищутъ благъ сущихъ, презирая мнимыя [713]). Знаніе блага есть такимъ образомъ необходимое условіе счастія. Стремясь къ обладанію благомъ, душа стремится и къ знанію о немъ. „О благѣ намъ всего необходимѣе утверждать то, что все познающее охотится за нимъ и къ нему стремится, желая его захватить и имѣть какъ свое достояніе вокругъ себя, а изъ остального заботится лишь о томъ, исполненіе чего даетъ вмѣстѣ и благо“ [714]).

---

708) Phileb. 53, E—54, D. τὸ μὲν ἕνεκά του τῶν ὄντων ἐστ' ἀεί, τὸ δ' οὗ χάριν ἑκάστοτε τὸ τινὸς ἕνεκα γιγνόμενον ἀεὶ γίγνεται... Ἓν μέν τι γένεσιν πάντων, τὴν δ' ουσίαν ἕτερον ἓν... Πότερον οὖν τούτων ἕνεκα ποτέρου, τὴν γένεσιν ουσίας ἕνεκα φῶμεν ἢ τὴν ουσίαν εἶναι γενέσεως ἕνεκα.... Φημί... ἑκάστην... γένεσιν ἄλλην ἄλλης ουσίας τινὸς ἑκάστης ἕνεκα γίγνεσθαι, ξύμπασαν δὲ γένεσιν ουσίας ἕνεκα γίγνεσθαι ξυμπάσης.. Τό γε μὴν οὗ ἕνεκα τὸ ἕνεκά του γιγνόμενον ἀεὶ γίγνοιτ' ἄν, ἐν τῇ τοῦ ἀγαθοῦ μοίρᾳ ἐκεῖνό ἐστι· τὸ δὲ τινὸς ἕνεκα γιγνόμενον εἰς ἄλλην, ὦ ἄριστε, μοῖραν θετέον.

709) Polit. 283, D: τὸ μὲν κατὰ τὴν πρὸς ἄλληλα μεγέθους καὶ σμικρότητος κοινωνίαν, τὸ δὲ κατὰ τὴν τῆς γενέσεως ἀναγκαίαν οὐσίαν.

710) Theaet. 176, E.

711) Phaedo, 74, D—E· οὐκοῦν ὁμολογοῦμεν, ὅταν τίς τι ἰδὼν ἐννοήσῃ οτι βούλεται μὲν τουτο, ὃ νῦν ἐγὼ ὁρῶ, εἶναι οἷον ἄλλο τι τῶν ὄντων, ἐνδεῖ δὲ καὶ οὐ δύναται τοιοῦτον εἶναι, οἷον ἐκεῖνο, ἀλλ' ἐστὶ φαυλότερον, ἀναγκαῖόν που τὸν τοῦτ' ἐννοοῦντα τυχεῖν προειδότα ἐκεῖνο, ᾧ φησιν αυτὸ προσεοικέναι μέν, ἐνδεεστέρως δ' ἔχειν;... ἀναγκαῖον ἄρ' ἡμᾶς προειδέναι τὸ ἴσον πρὸ ἐκείνου τοῦ χρόνου, ὅτε τὸ πρῶτον ἰδόντες τὰ ἴσα ἐνενοήσαμεν, ὅτι ὀρέγεται μὲν πάντα ταῦτ' εἶναι οἷον τὸ ἴσον, ἔχει δ' ἐνδεεστέρως

712) Sympos 204, C—205, A. Meno, 77 C. Gorg. 468, A. сл 499, E 506, C. Phil. 54, A сл. De Rep. 358, B, сл

713) De Rep. 505, D—E.

714) Phileb. 20. D.

Но всякое относительное благо имѣетъ мѣру въ безусловномъ. Поэтому ученіе объ идеѣ блага высшее ученіе. Только при пользованіи этой идеей справедливое и все остальное становится полезнымъ и пригоднымъ, а безъ нея всѣ наши знанія, даже и самыя полныя, были бы совершенно безполезны, все равно какъ нехорошія пріобрѣтенія [715]).

Не вполнѣ для насъ постижимыя идеи безусловно постижимы для божественнаго Разума [716]). Божественный Разумъ предполагаетъ существованіе божественнаго Духа, а божественный Духъ—божественной Жизни [717]). Богъ есть Существо живое. Онъ совершенно благъ [718]) или, вѣрнѣе, Онъ есть само благо [719]). Чуждый всякой зависти, онъ проявляетъ благость въ устроеніи міра; чтобы все было какъ можно лучше, Онъ создаетъ міръ по собственному подобію—по идеѣ совершеннѣйшаго живаго существа [720]). Имъ все устроено и распредѣлено такъ, чтобы была „счастливою сущность міровой жизни“ [721]). Эта сущность—самъ Богъ, но Онъ можетъ быть счастливымъ лишь счастьемъ данной Имъ жизни. Благость не мыслима безъ обнаруженія; безъ полнаго обнаруженія она не была бы „безъ зависти“. „Величайшій, лучшій, прекраснѣйшій и совершеннѣйшій изъ чувственныхъ міровъ“ [722]) точно такъ же предполагается „прекраснѣйшимъ изъ умопостигаемыхъ существъ“ [723]), какъ и на оборотъ, величайшимъ, лучшимъ, прекраснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ изъ чувственныхъ міровъ предполагается прекраснѣйшее изъ умопости-

---

715) De Rep. 504, A—B.

716) Sympos. 203, E слѣд. Phaedr. 278, D. Parm. 134, C.

717) Soph. 248, E, сл.

718) Tim. 29, E. De Rep. 379, A—C.

719) Stumpf, Verhaltniss d. platonischen Gottes zur Idee d. Guten, Zeitschr. f. Philos. u. Philos. Kritik LIV, 1879, 83—128. 198—261. Arch. Hind. Timaeus of Plato, Lond. 1888, 39 f. Также указаные уже (стр. 47, пр. 23) анализы Фулье и Целлера.

720) Tim. 29, E, сл. Тожество между Богомъ и идеей живого существа, по образцу котораго Богъ создаетъ міръ, очевидно изъ сопоставленій между Tim. 30, D: τῷ γὰρ τῶν νοουμένων καλλίστῳ καὶ κατὰ πάντα τελέῳ μάλιστα αὐτὸν (τὸν κόσμον) ὁ θεὸς ὁμοιῶσαι βουληθείς и пр. 39, E: ἵνα τὸ δὲ ὡς ὁμοιότατον ᾖ τῷ τελέῳ καὶ νοητῷ ζῴῳ. 37, A: τῶν νοητῶν ἀεί τε ὄντων ὑπὸ τοῦ ἀρίστου (то есть того θεοῦ) и 92, C: ζῷον ὁρατὸν τὰ ὁρατὰ περιέχον εἰκὼν του ποιητοῦ, θεὸς αἰσθητός и пр.

721) Leg. 903, C· γένεσις ἔνεστα ἐκείνου γίγνεται πᾶσα, ὅπως ᾖ ἡ τῷ τοῦ παντὸς βίῳ ὑπάρχουσα εὐδαίμων οὐσία.

722) Tim 92, C.

723) Ibid. 37, A. Выше, прим. 720.

гаемыхъ существъ. Богъ бытіе вѣчное и неизмѣнное [724]); міръ бываніе измѣнчивое, возникающее и преходящее [725]). Но истинное бытіе необходимо полагаетъ себя въ инобытіи, которое не есть истинное бытіе, [726]) а инобытіе, какъ положенное самобытіемъ не истинное бытіе, необходимо стремится утвердить себя въ самобытіи [727]). Поэтому въ стремленіи къ счастью мы исполняемъ вѣчную волю вѣчнаго Отца. Желая познать благо, желаемъ познать Божество; желая обладать благами, желаемъ пріобщиться божественной Сущности. Богъ — начало, середина и конецъ всѣхъ вещей [728]): начало, такъ какъ отъ него все происходитъ, средина — такъ какъ онъ сущность всякаго происхожденія, конецъ — такъ какъ къ нему все стремится [729]).

Во взглядѣ на Бога какъ Зодчаго вселенной Платонъ перенесъ на высшее Существо унаслѣдованный отъ Сократа философскій идеалъ. Для него, какъ и для Сократа, теорія неотдѣлима отъ прак-

---

724) Ibid. 38, A. Выше, стр. 153, пр. 408.

725) Ibid. 27, D: τί τὸ ὂν ἀεὶ γένεσιν δ' οὐκ ἔχον, καὶ τί τὸ γιγνόμενον μὲν ἀεί, ὂν δὲ οὐδέποτε. 49, B, сл. Выше, стр. 137.

726) Выше, стр. 183 сл.

727) Выше, стр. 208—209, пр. 708—711.

728) Leges, 715, E—716, A: ὁ μὲν δὴ θεός, ὥσπερ καὶ ὁ παλαιὸς λόγος, ἀρχήν τε καὶ τελευτὴν καὶ μέσα τῶν ὄντων ἁπάντων ἔχων εὐθείᾳ περαίνει κατὰ φύσιν περιπορευόμενος и замѣчанія Stumpf'a, Verhältniss d. platonischen Gottes etc. 247 f.

729) Это ученіе развилъ впослѣдствіи Проклъ (выше, стр. 183, сл.), а отъ него (чрезъ посредство Діонисія Ареопагита и Скотуса Эригены) въ терминахъ христіанскаго ученія усвоили мистики, особенно Эккартъ и Як. Бэмъ. Привожу параллели, такъ какъ на нихъ ссылался (стр. 183). Eckhart, Da send gar hoch fragen und materien (у Jundt'a, Histoire du pantheisme etc., App. 244): Geordnete lute (Dionysius) die von goetlichem geiste erlaeuchtet sind, die habent funden ein sache aller dinge und einen ursprung einvaltig und unteilig und gemeine, das habent si einichait genannt und habent doch die drivaltichait nit in einer sunderlichait; mer, in einer sunderlicher manigvaltichait der geschaffen dingen hant si genomen ein einichait die ungeborn ist und geborn ist und vorgende ist; und den gefuog den das ungeborn wesen hatte zuo dem gebornen wesen nannten si den vater, und den gefuog den das geborne wesen hatte zuo dem gebornen wesende nannten si den sun, und den gefuog den das vorgande wesen hatte zuo dem ungebornen wesende nannten si den hailigen gaist. Böhme, Myst. magn. c. 7, §§ 6—11, V, 32 f. Schiebl.: Der Vater ist erstlich der Wille des Ungrundes, er ist ausser aller Natur oder Anfänge der Wille zum Ichts, der fasset sich in eine Lust zu seiner Selbstoffenbarung. Und die Lust ist des Willens oder Vaters gefasste Kraft, und ist sein Sohn, Herz und Sitz, der erste ewige Anfang im Willen; und wird darum ein Sohn genannt, dass er im Willen einen ewigen Anfang nimmt, mit des Willens Selbstfassung. So spricht sich nun der Wille durch das Fassen aus sich aus, als ein Aushauchen oder Offenbarung: und dasselbe Ausgehen vom Willen im Sprechen oder Hauchen ist der Geist der Gottheit, oder die dritte Person, wie es die Alten gegeben haben.... Er gebäret sich in Dreifaltigkeit, und ist in dieser ewigen Gebärung doch nur ein einig Wesen und Gebärung zu verstehen, weder Vater, Sohn noch Geist, sondern das einige, ewige Leben oder Gut.

тики. Тотъ совершенъ, у кого знаніе блага совпадаетъ съ осуществленіемъ, кто мудрость проявляетъ въ дѣятельности, а дѣятельность основываетъ на мудрости [730]). Но такое совершенство свойственно лишь Богу. Изъ людей наиболѣе близокъ къ совершенству тотъ, кто, подобно искусному въ своемъ дѣлѣ мастеру, имѣетъ всякій разъ отчетливое знаніе о томъ 1) что̀ дѣлаетъ, 2) для чего дѣлаетъ, 3) почему дѣлаетъ, 4) откуда и какимъ путемъ пріобрѣлъ необходимыя для дѣла свѣдѣнія [731]). И какъ въ искусствѣ теорія и практика подчинены внутренней, лежащей въ немъ самомъ цѣли [732]), точно также внутренняя цѣль философіи—приближеніе къ идеаламъ истины, красоты, блага, должна быть руководительной во всей философской жизни [733]).

Телеологія лежитъ такимъ образомъ въ самомъ основаніи Платонова міровоззрѣнія и служитъ центромъ, вокругъ котораго оно образовалось.

Къ указаніямъ на противорѣчивость, шаткость, неотчетливость, отсутствіе идеаловъ сводятся всѣ основные доводы Платоновой критики.

При оцѣнкѣ философскихъ воззрѣній Платонъ, какъ мы видѣли и еще увидимъ, подвергаетъ анализу ихъ основанія и изъ состоятельности или несостоятельности этихъ основаній заключаетъ о состоятельности или несостоятельности философскаго идеала [734]). Въ критикѣ всякой вообще дѣятельности — поэтической, риторической, политической, софистической, онъ начинаетъ съ оцѣнки идеала и по качеству идеала судитъ о качествѣ дѣятельности. Главный недостатокъ софистовъ тотъ, что ихъ теоретическій идеалъ— темныя и скользскія страны небытія [735]), а практическій такъ же непо-

---

730) Достаточно указать на все содержаніе „Государства“ (выше, стр 69) и „Законовъ“ и на замѣчанія въ „Пирѣ“ 209, A, сл. Аскетическая струна, звенящая въ отдѣльныхъ частяхъ „Государства“, „Законовъ“, „Θеэтетѣ“, „Горгіи“ и всего слышнѣе въ „Фэдонѣ“, есть слѣдствіе разочарованія дѣйствительностью, недопускающей осуществленія указаннаго идеала.

731) Alcib. I, 108, A, сл. Lach. 185, A, сл. Protag. 319, A. 329, A, сл. Meno, 89, B, сл. Gorg. 463, B. 465, A. 501, A. 503, D, сл. 521, D. Phaedo, 89, E. Phaedr. 260, E. Soph. 232, A. Polit. 292, D, сл. 300, E. 302, A—E. Относящіяся до Сократа свидѣтельства: Xenoph. Memor. III, 5, 21—22. IV, 2, 20—23. 4, 5. 6, 1. Оттого ремесленники—кузнецы, плотники, валяльщики и пр. непрестанно въ устахъ Сократа. Memor. I, 2, 37. IV, 55. Gorg. 491, A. Sympos. 221, E.

732) De Rep. 341, C, сл. 342, C. 601, D, сл.

733) Выше, стр. 58, сл. 67, сл.

734) Выше, стр. 111 сл. 149. 156 сл. 159 сл. 166 сл. 191 сл.

735) Soph. 254, A.

стояненъ, какъ ихъ кочевая жизнь [736]). Поэты несутъ укоръ за то, что подражаютъ не истинно сущему, то есть идеальному неизмѣнному бытію [737]), но его подобію, то есть измѣнчивымъ преходящимъ вещамъ [738]), риторы и политики—за то, что не имѣютъ въ своей душѣ идеала и образца, съ которымъ могли бы сообразовать свою жизнь [739]), но плывутъ по теченію [740]).

Въ противоположность софистамъ, философъ пребываетъ мыслью въ свѣтлыхъ областяхъ бытія [741]). Въ противоположность поэтамъ подражателямъ, онъ воплощаетъ въ своихъ твореніяхъ вѣчныя идеи [742]). Въ противоположность риторамъ, политикамъ, софистамъ и поэтамъ подражателямъ, онъ имѣетъ въ душѣ твердые и неизмѣнные руководительные идеалы [743]). Смотря на земное съ высоты небеснаго, онъ хорошо видитъ и понимаетъ человѣческія слабости и потому требуетъ примирительнаго отношенія къ представителямъ наличной дѣйствительности [744]). Но онъ непоколебимо увѣренъ, что истинное счастье дается лишь жизнью въ идеалѣ. И этотъ идеалъ онъ строитъ какъ истинный художникъ: сначала дѣлаетъ чистой ту доску, на которой желаетъ рисовать, затѣмъ намѣчаетъ общій очеркъ, а нанося краски непрестанно смотритъ то на божественный образецъ,

---

736) Tim. 19, E. De Rep. 492, B, сл. есть иное выраженіе той же мысли.

737) De Rep. 597, B, слѣд.

738) Выше, стр. 137. 211.

739) Gorg. 503, D—E: φέρε γάρ, ὁ ἀγαθὸς ἀνὴρ καὶ ἐπὶ τὸ βέλτιστον λέγων ἂν λέγῃ ἄλλο τι οὐκ εἰκῇ ἐρεῖ, ἀλλ' ἀποβλέπων πρός τι; ὥσπερ καὶ οἱ ἄλλοι πάντες δημιουργοὶ βλέποντες πρὸς τὸ αὑτῶν ἔργον ἕκαστος οὐκ εἰκῇ ἐκλεγόμενος προσφέρει ἃ προσφέρει πρὸς τοῦργον τὸ αὑτοῦ, ἀλλ' ὅπως ἂν εἰδός τι αὐτῷ σχῇ τοῦτο, ὃ ἐργάζεται. De Rep. 484, C—D: ἢ οὖν δοκοῦσί τι τυφλῶν διαφέρειν οἱ τῷ ὄντι τοῦ ὄντος ἑκάστου ἐστερημένοι τῆς γνώσεως καὶ μηδὲν ἐναργὲς ἐν τῇ ψυχῇ ἔχοντες παράδειγμα μηδὲ δυνάμενοι ὥσπερ γραφῆς εἰς τὸ ἀληθέστατον ἀποβλέποντες κἀκεῖσε ἀεὶ ἀναφέροντές τε καὶ θεώμενοι ὡς οἷόν τε ἀκριβέστατα, οὕτω δὴ καὶ τὰ ἐνθάδε νόμιμα καλῶν τε πέρι καὶ δικαίων καὶ ἀγαθῶν τίθεσθαί τε, ἐὰν δέῃ τίθεσθαι, καὶ τὰ κείμενα φυλάττοντες σώζειν;

740) De Rep. 488, A, сл. Выше, стр. 85.

741) Soph. 254, A.

742) Sympos. 210, A, сл. Выше, стр. 70, слѣд.

743) De Rep. 484, C—D. 500, B—C. 517, C. 540, A: ἀνακλίναντας τὴν τῆς ψυχῆς αὐγὴν εἰς αὐτὸ ἀποβλέψαι τὸ πᾶσι φῶς παρέχον, καὶ ἰδόντας τὸ ἀγαθὸν αὐτό, παραδείγματι χρωμένους ἐκείνῳ, καὶ πόλιν καὶ ἰδιώτας καὶ ἑαυτοὺς κοσμεῖν τὸν ἐπίλοιπον βίον. Выше, стр. 67, сл. Theaet. 176, E.

744) De Rep. 426, D: τί δ'αῦ, τοὺς θέλοντας θεραπεύειν τὰς τοιαύτας πόλεις καὶ προθυμουμένους οὐκ ἄγασαι τῆς ἀνδρείας τε καὶ εὐχερείας; Ἔγωγε, ἔφη, πλὴν γ'ὅσοι ἐξηπάτηνται ὑπ' αὐτῶν καὶ οἴονται τῇ ἀληθείᾳ πολιτικοὶ εἶναι, ὅτι ἐπαινοῦνται ὑπὸ τῶν πολλῶν. Πῶς λέγεις; οὐ συγγινώσκεις, ἢν δ'ἐγώ, τοῖς ἀνδράσιν; и пр.

то на человѣческіе нравы, и старается объединить то и другое [745]). Пусть такой идеалъ не осуществленъ нигдѣ, за исключеніемъ развѣ неба; важно лишь то, что бы онъ былъ въ душѣ и руководилъ ею [746]).

„Если мы (говоритъ Платонъ въ „Государствѣ“ [747]) найдемъ, какова сама по себѣ справедливость, то не будемъ желать, что бы справедливый человѣкъ былъ съ нею сходенъ во всемъ вполнѣ, но удовольствуемся если онъ будетъ подходить къ ней какъ можно ближе и имѣть въ ней возможно бо́льшую часть. Стало быть, мы ради образца изслѣдовали какъ то, что̀ такое сама по себѣ справедливость, такъ и то, можетъ ли быть человѣкъ совершенно справедливымъ, и если можетъ, то какимъ долженъ быть, и точно также относительно несправедливости и несправедливаго человѣка,—что бы смотря на то, какими они намъ покажутся относительно счастливой и противоположной жизни, мы вынуждены были признавать и о насъ самихъ, что кто имъ будетъ наиболѣе подобенъ, тотъ будетъ имѣть и наиболѣе подобную съ ними участь, а не для того, чтобы доказать возможность этого“.

Каковы тѣ идеалы, съ которыхъ Платонъ разсматриваетъ современную ему дѣйствительность, заключаютъ ли они элементы необходимые или произвольные или тѣ и другіе вмѣстѣ, и если послѣднее, то какіе полагаетъ въ основаніе своей критики, покажетъ дальнѣйшій анализъ. Въ настоящемъ случаѣ наша задача выяснить принципіально, правъ ли Платонъ повсюду предполагая существованіе объективныхъ руководительныхъ идеаловъ? Такое предположеніе и есть телеологія.

Телеологія такъ твердо коренится въ человѣческомъ сознаніи, что антропоморфизмъ въ устахъ представителей механической теоріи обычный укоръ противъ тѣхъ, кто признаетъ объективную цѣлесооб-

---

[745]) De Rep. 500, E—501, B: ὡς οὐκ ἄν ποτε ἄλλως εὐδαιμονήσειε πόλις, εἰ μὴ αὐτὴν διαγράψειαν οἱ τῷ θείῳ παραδείγματι χρώμενοι ζωγράφοι;

[746]) Ibid. 592, A—B: Μανθάνω, ἔφη· ἐν ᾗ νῦν διήλθομεν οἰκίζοντες πόλει λέγεις, τῇ ἐν λόγοις κειμένῃ· ἐπεὶ γῆς γε οὐδαμοῦ οἶμαι αὐτὴν εἶναι. Ἀλλ' ἦν δ' ἐγώ, ἐν οὐρανῷ ἴσως παράδειγμα ἀνάκειται τῷ βουλομένῳ ὁρᾶν καὶ ὁρῶντι ἑαυτὸν κατοικίζειν. διαφέρει δὲ οὐδέν, εἴτε που ἔστιν· τὰ γὰρ ταύτης μόνης ἂν πράξειεν, ἄλλης δὲ οὐδεμιᾶς.

[747]) Ibid. 472, B—D. 409, C—D.

разность [748]). „Телеологическій инстинктъ въ человѣкѣ (говоритъ одинъ изъ поборниковъ этой теоріи, „вынужденный однако силою самой истины“ быть не вѣрнымъ ея принципамъ [749]) не можетъ быть ни подавленъ, ни не признанъ. Человѣческая душа содрогается при мысли, что во всей этой широкой вселенной нѣтъ ни союза, ни родства. Нашъ разумъ требуетъ, чтобы въ устройствѣ вещей была разумность. Это требованіе столь же положительный и неизгладимый фактъ нашей психической природы, какъ наше принятіе геометрическихъ аксіомъ и отверженіе того, что̀ противорѣчитъ такимъ аксіомамъ. Никакое остроумное доказательство не можетъ заставить насъ повѣрить, что безконечный Вседержитель вселенной желаетъ „обречь насъ на постоянную умственную смуту“. Въ каждомъ серьезномъ мыслителѣ есть сильное влеченіе къ конечной причинѣ; и это сильное влеченіе можетъ быть устранено не болѣе, чѣмъ наша вѣра въ объективную реальность. Ничто не можетъ убѣдить насъ, что эта вселенная—сбродъ безсмыслицы. Наша увѣренность въ томъ, что̀ мы называемъ очевидностью нашихъ чувствъ, менѣе сильна, чѣмъ вѣра, что въ упорядоченной послѣдовательности событій есть смыслъ, который нашъ умъ могъ бы измѣрить, если бы только былъ достаточно обширенъ. Несомнѣнно, въ нашъ вѣкъ, самый здравый симптомъ котораго—подвергать все вопросу, есть люди, которые вслѣдствіе неспособности указать основанія для этой вѣры, убѣдили себя, что она пустой предразсудокъ, которому не слѣдуетъ потакать; однако не похоже, чтобы кто нибудь изъ нихъ когда нибудь на самомъ дѣлѣ успѣлъ освободиться отъ нея“. Если такъ, то не телеологическому міровоззрѣнію слѣдуетъ оправдываться предъ механическимъ, а механическому предъ телеологическимъ. Оправданіе это должно состоять въ доказательствѣ, что принципы механическаго міропониманія удовлетворительнѣе принциповъ телеологическаго.

Мы увидимъ ниже, что телеологія не исключаетъ механизма, но механическая теорія исключаетъ объективныя цѣли. Бэконъ, напримѣръ, считаетъ телеологію обреченной на безплодіе весталкой, а Гэксли даже

---

748) Объ этомъ ниже.

749) Fiske, the Idea of god, 4-th ed. Boston, 1886, 137 f. О Файскѣ пр. 752. Любопытный, очень характерный для механическаго міровоззрѣнія, разсказъ о немъ у Martineau, A Study of Religion, Oxf. 1888, I, Preface.

философской гетерой [750]). Объяснять явленія телеологически значитъ предполагать въ нихъ нѣчто предустановленное, ихъ опредѣляющее и образующее. Объяснять ихъ механически значитъ разсматривать каждое какъ внѣшнее слѣдствіе другого. Всякій внѣшній порядокъ можетъ (или вѣрнѣе необходимо долженъ) быть слѣдствіемъ предопредѣленія, но никакое предопредѣленіе не можетъ быть слѣдствіемъ внѣшняго порядка. Поэтому, хотя въ примѣненіи къ истолкованію міра телеологія и механическая теорія противоположны, въ принципѣ онѣ противорѣчивы. Всякое философское ученіе принципіально *либо* телеологія, *либо* механическая теорія. Единственное кажущееся исключеніе—такъ называемая (Кантова) критическая философія, разсматривающая механизмъ какъ принципъ составляющій явленія (конститутивный), а телеологію какъ принципъ ихъ обсужденія (регулятивный). Но въ шаткости такого разграниченія въ нашемъ вопросѣ мы убѣдимся.

Въ основаніе дальнѣйшаго анализа [751]) я положу съ одной стороны точку зрѣнія Платона, съ другой—доводы наиболѣе разработанныхъ современныхъ механическихъ теорій—Спенсера, Файска, Геккеля, Винера, Бюхнера и Ланге [752]). Такое сопоставленіе, если механическая теорія права, не должно быть выгоднымъ для Платона и не можетъ быть невыгоднымъ для этой теоріи.

---

[750]) Baco, De Dignitate etc. l. 3, c. 5, I, 252, ed. Wirceb. 1779: Causarum finalium inquisitio sterilis est et tanquam virgo Deo consecrata nihil parit. Huxley, Lay Sermons Lond. 1871, 225: Final Causes might be more fitly termed the hetairae of philosophy, so constantly have they led men astray.

[751]) Важнѣйшіе труды, которыми я пользовался при разработкѣ основныхъ положеній предлагаемаго анализа, приведены ниже; перечислять всѣ нахожу излишнимъ.

[752]) Spencer, First Principles, Principles of Biology, of Psychology, of Sociology. H. Collins, An Epitome of the Synthetic Philosophy, Lond. 1889 Въ предисловіи самъ Спенсеръ въ 16 положеніяхъ формулируетъ свое міровоззрѣніе. Fiske, Outlines of Cosmic Philosophy, Lond. 1874. (Талантливое развитіе Спенсерова ученія объ эволюціи. Отъ Спенсера Файскъ отличается большею чуткостью къ бьющей повсюду жизни и болѣе открытымъ сердцемъ для высокаго и прекраснаго. Поэтому въ поступательномъ ходѣ его міровоззрѣнія Спенсеровъ сухой механизмъ у него все болѣе и болѣе просвѣтляется идеализмомъ. Въ Cosmic Philosophy Файскъ, однако, почти не сходитъ съ почвы Спенсеровой системы. Его ученіе о телеологіи двусмысленно, II, 381 f. Лишь замѣчаніе о томъ, что we need not shrink from.... anthropomorphism involved in speaking of the unknown Cause as a Spirit manifested in phenomena, II, 450, указываетъ на характеръ дальнѣйшей эволюціи его мысли. Считаю необходимыми эти поясненія въ виду тѣхъ свойственныхъ всякому вообще механическому міровоззрѣнію колебаній, вслѣдствіе которыхъ, какъ будетъ пояснено ниже, дать критику механическаго міровоззрѣнія во всей его чистотѣ нѣтъ возможности). Haeckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 8-te Aufl. 1889. Остальные труды Геккеля приведены ниже. Büchner, Stoff und Kraft, 14-te Aufl. Leipz. 1876. Wiener, die Grundzüge der Weltordnung, 2-te Aufl. Leipz. 1863. Lange, Geschichte des Materialismus, 3-te Aufl. 1877. О „точкѣ зрѣнія идеала“, на которой, примыкая къ Канту, стоитъ Ланге, будетъ рѣчь ниже. На доводы Фохта и Малешотта, какъ наиболѣе слабыхъ, не ссылаюсь.

Подъ механикой подразумѣвается наука о законахъ движенія. Изучая эти законы, механика не входитъ въ разсмотрѣніе ни природы того, что̀ движется, ни природы того, что́ движетъ, по скольку та и другая не даетъ основанія для дедукціи искомыхъ законовъ. На высотѣ своихъ абстракцій она разсматриваетъ матерію (движимое) какъ „матеріальную точку“, а силу (движущее) какъ перемѣщеніе этой точки [753]). Идеалъ механическаго міровоззрѣнія—представить всю міровую жизнь въ математической формулѣ. „Если бы какой нибудь умъ (поясняетъ Лаплась [754]) зналъ всѣ силы, которыми въ данное мгновеніе оживлена природа, и относительное положеніе составляющихъ ее тѣлъ и былъ бы довольно обширенъ, чтобы подвергнуть эти данныя анализу, то въ одной и той же формулѣ обнялъ бы движенія какъ самыхъ большихъ тѣлъ вселенной, такъ и самаго легкаго атома. Ничто не было бы неизвѣстнымъ ему, и прошедшее точно такъ же какъ настоящее было бы у него передъ глазами“. Но такъ какъ живая дѣйствительность не укладывается въ узкіе предѣлы математическихъ отношеній, то механическая теорія вынуждена прибѣгать къ содѣйствію другихъ наукъ: физики (въ собственномъ смыслѣ и химіи) и метафизики. Отъ первой она беретъ ученіе о свойствахъ веществъ и силъ, отъ второй—ученіе объ ихъ сущности и вообще обо всѣхъ основныхъ категоріяхъ бытія и знанія. Вслѣдствіе того, что метафизическія понятія различными мыслителями опредѣляются различно, подвести міровоззрѣніе всѣхъ механическихъ системъ подъ одно точное опредѣленіе нѣтъ возможности. Это міровоззрѣніе колеблется между чистымъ механизмомъ (въ указанномъ выше смыслѣ) и динамизмомъ [755]), пантеиз-

---

[753]) Давая эту характеристику, я руководствуюсь статьею Tait Mechanics въ Encyclopaedia Britannica (9-th ed.), монографіей Erhardta, Mechanismus und Teleologie, Leipz. 1890 (Кар. I, Die Mechanik) и указаннымъ ниже трудомъ Stallo.

[754]) Laplace, Essai philosophique sur les Probabilités, 2-e ed., Paris, 1814, p. 2 et suiv. Эту цитату я заимствую у Du Bois Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerkennens, 6-te Aufl., Leipz. 1884, который въ свою очередь добавляетъ: Ja es lässt eine Stufe der Naturerkenntniss sich denken, auf welcher der ganze Weltvorgang durch Eine mathematische Formel vorgestellt würde, durch Ein unermessliches System simultaner Differentialgleichungen, aus dem sich Ort, Bewegungsrichtung und Geschwindigkeit jedes Atoms im Weltall zu jeder Zeit ergäbe, p. 13.

[755]) Критику отвлеченныхъ основаній механической теоріи даетъ г. Введенскій въ обстоятельномъ анализѣ „Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи“. Спб. 1888. Въ гл. X этого труда поставлена на видъ невозможность чистаго механизма (въ противоположность динамизму). См. особ. стр. 242 слѣд. На колебанія во всѣхъ вообще

момъ и атеистическимъ матеріализмомъ [756]). Вообще же можно сказать, что оно стремится по руководству закона причинности „постичь всѣ феноменальныя различія въ матеріальномъ мірѣ какъ различія сочетаній матеріальныхъ единицъ массы, признать всѣ феноменальныя перемѣны какъ движенія неизмѣнныхъ элементовъ и такимъ образомъ представить всю кажущуюся качественную разнородность какъ простое количественное различіе“, [757]) а основныя посылки этого міровоззрѣнія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: [758]) „1) Первичные элементы всѣхъ естественныхъ явленій—конечныя данныя научнаго анализа—суть масса и движеніе. 2) Масса и движеніе диспаратны. Масса индифферентна къ движенію, такъ какъ оно можетъ ей быть сообщено и съ нея снято чрезъ перенесеніе движенія съ одной массы на другую. Масса остается тою же самою какъ при покоѣ, такъ и при движеніи. 3) Масса и движеніе постоянны. Корольларіемъ къ первому и второму изъ этихъ предложеній служатъ инертность и однородность массы. Такъ какъ масса и движеніе радикально диспаратны, то очевидно, что масса не можетъ быть ни движеніемъ, ни причиной движенія, то есть она инертна. Точно также взятая сама въ себѣ масса не можетъ быть и разнородной, такъ какъ разнородность есть различіе, а различіе имѣетъ причину въ движеніи. Въ придачу къ этимъ предложеніямъ (лежащимъ въ основаніи всей механической теоріи, какъ ея фундаментальныя аксіомы и вызывающимъ всеобщее согласіе физиковъ настоящаго времени) существуетъ господствующая среди физиковъ и химиковъ гипотеза о молекулярномъ или атомическомъ составѣ тѣлъ, по которой масса не сплошна, а раздѣльна, представляя аггрегатъ неизмѣнныхъ простыхъ единицъ. Эта гипотеза приводимъ къ четыремъ другимъ, которыя, въ связи съ принципомъ сохраненія массы и движенія, составляютъ основанія атомическо механической теоріи: 1) Элементарныя единицы массы, какъ простыя, во всѣхъ отношеніяхъ равны. Это—очевидно не болѣе какъ

системахъ механическаго міровоззрѣнія между различными точками зрѣнія указываетъ также въ упомянутомъ (пр. 753) трудѣ Erhardt, Mechanismus und Teleologie, 32 f.

[756]) Объ этомъ ниже, стр. 225.

[757]) Stallo, The Concepts and Theories of Modern Physics (Intern. scient. series) 2-d ed. Lond. 1885, p. 23. „The criticisms of this book have been warmly praised by some of the first physical experts“. Mivart, On Truth, Lond. 1889, 397 n.

утвержденіе однородности массы согласно съ гипотезой о молекулярномъ или атомическомъ составѣ. 2) Элементарныя единицы массы абсолютно тверды и неэластичны — необходимое слѣдствіе ихъ простоты, исключающей всякое движеніе частей и поэтому всякое измѣненіе фигуры. 3) Элементарныя единицы массы абсолютно инертны и потому чисто пассивны, откуда слѣдуетъ, что между ними не можетъ быть никакого взаимодѣйствія помимо взаимнаго перемѣщенія причиненнаго внѣшнимъ толчкомъ. 4) Вся такъ называемая потенціальная энергія—на дѣлѣ кинетическая. Такъ какъ масса и движеніе фундаментально диспаратны и не превратимы и такъ какъ масса абсолютно инертна, то каково бы ни было ея положеніе, движеніе не можетъ быть причинено ничѣмъ другимъ кромѣ движенія".

Достоинство всякой гипотезы измѣряется прежде всего ея способностью объяснить то, для чего она выставлена. Механическая теорія считаетъ свои принципы достаточными для всѣхъ вопросовъ (феноменальнаго) бытія и знанія. Мы въ правѣ поэтому спросить у нея: какъ изъ этихъ принциповъ она объясняетъ закономѣрность, существованіе формъ, жизнь и сознаніе? Всѣ эти вопросы для Платоновой телеологіи, какъ мы уже знаемъ, неразрывны, такъ какъ она цѣли отожествляетъ съ идеями, образцами или законами вещей, а носителемъ этихъ идей, образцовъ или законовъ считаетъ Умъ живого Божественнаго Существа [759]).

„Необходимость и случайность" единственные отвѣты древней философіи [760]). Для новой отвѣтомъ на первый служитъ постоянство въ соотношеніи силъ [761]); отвѣтомъ на второй—законъ эволюціи какъ „интеграціи матеріи сопровождаемой диссипаціей движенія, во время которыхъ матерія переходитъ отъ неопредѣленной несвязной однородности къ опредѣленной связной разнородности и во время которыхъ удерживаемое движеніе подлежитъ подобному же превращенію" [762]); на третій—постепенность въ природѣ и возможность само-

758) Ibid. 27 sq. Привожу съ небольшими сокращеніями.
759) Выше, стр. 208 сл.
760) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 788 f. III 3 a, 398 f.
761) Spencer, First Principles P. II, Ch. VII. §§ 63—65.
762) Ibid. Ch. XVII, § 145.

зарожденія при отличныхъ отъ теперешнихъ условіяхъ первобытной эпохи, подтверждаемая искусственнымъ изготовленіемъ органическихъ углеводородовъ и въ особенности открытіемъ монеръ или организмовъ безъ органовъ [763]). Возникновеніе сознанія объясняется точно также изъ постепенности въ природѣ, изъ превратимости физическихъ силъ въ духовныя и наоборотъ [764]) и изъ связи между духовной организаціей и тѣлесной [765]). Главнымъ основаніемъ для всѣхъ этихъ объясненій служитъ предположеніе объ единствѣ или постоянствѣ силы или энергіи [766]).

Оставляя пока въ сторонѣ ничего не объясняющія необходимость и случайность, съ которыми вскорѣ встрѣтимся, мы безъ труда можетъ убѣдиться, что современная механическая теорія при всей широтѣ своихъ свѣдѣній и гибкости терминологіи не идетъ дальше древней въ истолкованіи міроваго порядка. Постоянство въ отношеніяхъ силъ — несомнѣнное обнаруженіе закономѣрности. Но оно не можетъ быть выведено изъ постоянства силы ни въ одномъ изъ значеній, которыя придаетъ слову сила механическая теорія. Если подъ силой подразумѣвать (вмѣстѣ съ Спенсеромъ) „Непознаваемое“ основаніе бытія [767]), то изъ этого непознаваемаго очевидно нельзя вывести никакого заключенія. Если подъ ней подразумѣвать энергію [768]), то подъ постоянствомъ мы можемъ мыслить лишь постоянство суммы. Если смотрѣть на нее какъ на движеніе [769]),

---

763) Spencer, Principles of Psychology, I, P. I, Ch. VII, § 52. Fiske, Outlines of Cosmic Philosophy I, 430 f. Haeckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 352 f. Buchner, Kraft u. Stoff, 90 f. Подробности ниже.

764) Spencer, First Principles, P. II, Ch. VIII, §§ 71—73. Объ оговоркахъ Спенсера по этому вопросу см. ниже, стр. 241, сл.

765) Spencer, Principles of Psychology, II, P. V, Ch. I—IX. Buchner, l. c. 164 f. 201 f. Wiener, Die Grundzuge d. Weltordnung, 242 f.

766) Spencer First Principles, P. II, Ch. VI, § 60—62, Ch. XVIII—XXI, §§ 146—169. Haeckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 347. Buchner, l. c. 20 f.

767) Spencer, First Principles, ibid § 62. Hence the force of which we assert persistence is that Absolute Force of which we are indefinitely conscious as the necessary correlate of the force we know. By the Persistence of Force, we really mean the persistence of some Cause which transcends our knowledge and conception. § 63.

768) Ibid. Ch. V, §§ 55—59. Ch. VI, § 60.

769) Всѣ вообще формы „Непознаваемаго“ —пространство, время, матерію, движеніе, Спенсеръ разсматриваетъ какъ выраженіе силы и при томъ не только въ психологическомъ анализѣ (First Principles, § 50), но и въ реальной дѣйствительности. Во всякой вообще дѣйствительности сила опредѣляется какъ матерія и движеніе. „All Phenomena (говоритъ онъ въ краткомъ изложеніи своей

то постоянство должно означать непрерывность движенія. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, механическая теорія вынуждена опираться на паралогизмы [770]). Говоря о постоянствѣ въ отношеніи силъ, она отрѣшается отъ своихъ принциповъ и подъ силой подразумѣваетъ дѣйствующую силу въ обыкновенномъ смыслѣ. Если такъ, то положеніе, что однѣ и тѣ же силы при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ должны имѣть одно и то же дѣйствіе, есть тавтологія, такъ какъ въ понятіи дѣйствующей силы лежитъ мысль объ опредѣленномъ дѣйствіи, которое она должна производить, или объ единообразной функціональной связи между предыдущимъ и послѣдующимъ [771]). Формула эволюціи—индуктивное обобщеніе [727]) изъ гипотезъ и фактовъ и потому въ извѣстной мѣрѣ объясняетъ тѣ и другіе. Но она подразумѣваетъ больше, чѣмъ на сколько уполномочиваютъ основанія механическаго міровоззрѣнія, и объясняетъ меньше, чѣмъ сколько должна. Спенсеръ считаетъ ее необходимымъ выводомъ изъ неустойчивости однороднаго и множественности слѣдствій, а эту неустойчивость и множественность—необходимымъ выводомъ изъ постоянства силы [773]). Но мы уже видѣли, къ какимъ выводамъ уполномочиваетъ понятіе о постоянствѣ силы. Спенсерова дедукція неустойчивости однороднаго и разнообразія дѣйствій получаетъ кажущуюся убѣдительность исключительно

философіи Epit. XI, § 15), from their great features down to their minutest details, are necessary results of the persistence of force, under its forms of matter and motion. Given these as distributed through space, and their quantities being unchangeable, either by increase or decrease there inevitably result the continuous redistributions distinguishable as evolution and dissolution, as well as all those special traits above enumerated". Матерія и движеніе какъ основныя формы дѣйствительности подразумѣваются и (приведенной уже) общей формулой эволюціи.

[770]) „Die Erorterungen Spencer's leiden nun von vornherein an dem Fehler, dass der Kraftbegriff in einer ganz verschwommenen und unklaren Bedeutung eingefuhrt wird, sodass es kein Wunder ist, wenn der Philosoph schliesslich zu einer, seinen spekulativen Intentionen entsprechenden Bestimmung desselben gelangt; es ist keine Kunst, aus einem Begriffsnebel das Gebaude heraustreten zu lassen, welches Einem beliebt. Freilich verräth das Erzeugniss der Taschenspielerkunst seinen Ursprung selbst dadurch, dass es sich bei naherem Zusehen als ungreifbar und unverwendbar erweist". Konig, Die Entwickelung des Causalsproblems etc., II, Leipz. 1890, 319. Логическую несостоятельность аргументовъ Спенсера ставятъ на видъ (кромѣ многихъ другихъ) Ulrici, Zeitschr. f. Philos. u. Philos. Kritik, B XLVIII, 121 f. B LXXI, 181 f. Funck-Brentano, Les Sophistes grècs et les Sophistes contemporains, Paris, 1819, 209 sq. Ground, An Examination of the Structural Principles of H. Spencers Philosophy, Lond. 1883.

[771]) Konig, l. c. 326.

[772]) Spencer, First Principles, P. II, Ch. XXIV, § 189.

[773]) Ibid. Ch. XVIII—XX, §§ 146—162.

вслѣдствіе очевиднаго petitio principii — предположенія разнообразныхъ, закономѣрно дѣйствующихъ силъ, существованіе которыхъ есть у Спенсера вмѣстѣ причина и слѣдствіе эволюціи.

Впрочемъ, если бы дедукція Спенсера и была правильна, то, по собственному его заявленію, указанныхъ имъ двухъ началъ было бы недостаточно для объясненія того, почему „получилась бы не смутная и хаотическая разнородность, а разнородность гармоническая, какую мы наблюдаемъ въ развитіи". Такую причину онъ усматриваетъ въ побочномъ „корольраріи" къ постоянству силы [774])—въ механической „сегрегаціи", смыслъ которой лучше всего можетъ быть поясненъ слѣдующими характерными словами самого Спенсера: „Нерѣдко случается, что въ концѣ сентября, когда деревья только что окрашиваются въ осенніе цвѣта и мы надѣемся, что скоро наступитъ перемѣна, которая еще болѣе увеличитъ красоту ландшафта, наши ожиданія разрушаются рѣзкимъ порывомъ равноденственнаго вѣтра. Сильное воздушное теченіе вырываетъ изъ смѣшанной массы листьевъ на каждой вѣткѣ уже начинающіе увядать, именно тѣ, которые окрашены въ яркіе цвѣта, и оставляетъ на мѣстѣ еще зеленые. И тогда какъ эти послѣдніе, высыхая и истрепываясь отъ постояннаго тренія о другіе листья или окружающія ихъ вѣтви, придаютъ деревьямъ мрачный видъ, листья красные, желтые и оранжевые собираются во рвахъ, позади заборовъ и въ закоулкахъ, гдѣ дозволяетъ имъ располагаться вихрь. Это значитъ, что однородное дѣйствіе вѣтра, направленное на листья двухъ родовъ, оторвало окрашенные и умирающіе отъ живыхъ товарищей и сложило ихъ отдѣльно. Точно также можетъ быть произведено раздѣленіе почвенныхъ частицъ разной величины, пыли, песку и булыжника, какъ мы наблюдаемъ въ мартѣ на каждой дорогѣ" [775])... Нѣтъ нужды доказывать призрачность этого „корольрія". Совершенно очевидно и то, что если бы надъ міровой жизнью господствовала такая „сегрегація", то она должна была бы быть причиной не порядка, а хаоса, при которомъ самая жизнь стала бы невозможной. При такомъ господствѣ складываться вмѣстѣ, то есть въ кучи (такъ какъ понятіе сложенія и отдѣленія не подразумѣваетъ стройности) должны были бы не одни только

---

774) Ibid. Ch. XXIV, § 189.

775) Ibid. Ch. XXII, § 163. Переводъ г. Алексѣева, мною совершенно передѣланный.

листья, пыль, песокъ, булыжникъ и проч., но и всѣ вообще механически однородныя тѣла — напримѣръ люди, животныя, деревья, камни и проч., а однородныя кучи должны были бы сложиться въ одну общую кучу, гдѣ все подобное тѣснило бы и жало другъ друга. „Неустойчивость однороднаго и множественность слѣдствій“ были бы „сегрегаціей“ уничтожены. Спенсеръ избѣгаетъ этихъ заключеній лишь благодаря неопредѣленной терминологіи, дающей ему возможность отожествлять не только различныя, но противоположныя понятія. Въ примѣръ достаточно указать на отожествленіе механической „сегрегаціи“ съ „естественнымъ отборомъ“ [776]). На дѣлѣ этотъ послѣдній не только не имѣетъ ничего общаго съ такой сегрегаціей, но даже идетъ въ разрѣзъ съ принципами механической теоріи, такъ какъ основные его факторы—борьба за существованіе, половой выборъ, укрѣпленіе наслѣдственностью полезныхъ качествъ, переживаніе способнѣйшаго к проч. ясно и нссомнѣнно предполагаютъ цѣлесообразность. Истина эта съ такой убѣдительностью поставлена на видъ англійской, американской и нѣмецкой критикой [777]), что всякій доводъ въ пользу Дарвинизма можно считать доводомъ въ пользу телеологіи [778]). Въ другомъ мѣстѣ Спенсеръ отожествляетъ этотъ отборъ съ дѣйствіемъ силы по линіи малѣйшаго сопротивленія [779]). Если такъ, то къ чему „сегрегація“?

Какъ бы то ни было, развитая Спенсеромъ гипотеза „не даетъ ключа къ разъясненію подробностей органическаго развитія. Она не достаточна для объясненія родовыхъ и индувидуальныхъ особенностей; она оставляетъ насъ во мракѣ даже по отношенію къ важнымъ различіямъ, характеризующимъ семейства и порядки. Она не поможетъ уяснить намъ, почему изъ двухъ яицъ, опущенныхъ въ одинъ и тотъ же прудъ, изъ одного выйдетъ рыба, а изъ другого—пресмыкающееся, или почему изъ двухъ различныхъ яицъ, высиженныхъ

---

776) Ibid. § 166.

777) Напримѣръ, Martineau, A Study of Religion, Oxf. 1888, I, 274 f. Fiske, the Idea of God. 159. The Destiny of Man, Bost. 1884, 113. Le Conte, Evolution and its relations to Religious Thought, Lond. 1888, 322 f. Wigand, Der Darwinismus und die Naturforschung Newtons. 2-r B Braunschw. 1876, Kap. V. Wundt, Logik, II, 436 f.

778) Liebmann, Gedanken und Thatsachen, Strassb. 1882: Einer der grossten Teleologen der Gegenwart ist Ch. Darwin. Въ Zur Analysis d. Wirklichkeit, 2-te Aufl. Braunschw. 1880 Либманнъ сопоставляетъ принципы Дарвинизма съ Платонизмомъ. 313 f.

779) Spencer, First Principles, P. II, Ch. IX, § 78.

одной и той же курицей, изъ одного вылупится утенокъ, изъ другого цыпленокъ". Въ этомъ случаѣ „мы волей не волей должны возвратиться къ необъясненному еще началу наслѣдственной передачи. Способность неорганическаго зародыша развиваться въ совершенное существо, повторяющее до малѣйшихъ подробностей черты своихъ предковъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они находится въ условіяхъ отличныхъ отъ условій жизни предковъ, эта способность до сихъ поръ еще является для насъ вполнѣ необъясненной. Что микроскопическая частица вещества, повидимому лишенная всякаго строенія, воплощаетъ въ себѣ свойство, въ силу котораго человѣкъ, выросшій изъ этой частицы, на пятидесятомъ году своей жизни сдѣлается подагрикомъ или сумасшедшимъ—подобная вещь казалась бы невѣроятной, если бы ежедневный опытъ не подтверждалъ ее". Замѣчанія эти сдѣланы Спенсеромъ по поводу его принципа неустойчивости однороднаго [780]), но по своему общему характеру и потому, что наслѣдственность не объясняется ни изъ множественности слѣдствій, ни изъ сегрегаціи, очевидно относятся и къ этимъ послѣднимъ.

Не такъ смотрятъ на дѣло другіе представители механическаго міровоззрѣнія. Геккель, напримѣръ, не только не отчаявается механически объяснить происхожденіе видовъ и родовъ, но даже запальчиво ратуетъ противъ тѣхъ, кто утверждаетъ противное [781]). При тѣхъ широкихъ свѣдѣніяхъ, какими онъ обладаетъ въ сравнительной анатоміи, эмбріологіи, морфологіи и проч., безъ сомнѣнія

---

[780]) Ibid. Ch. XIX, § 152. Въ опубликованной Спенсеромъ въ 1887 году монографіи The Factors of the Organic Evolution онъ различаетъ три прогрессивные фактора: 1) непосредственное дѣйствіе окружающей среды, 2) естественный отборъ и 3) функціональное приспособленіе. Послѣдніе два онъ сводитъ къ первому, который и разсматриваетъ какъ изначальный. Хотя Спенсеръ придаетъ этой монографіи важное значеніе, вопросъ о происхожденіи органическихъ формъ ею очевидно не подвинутъ ни на шагъ.

[781]) Haeckel, Anthropogenie, 3-te Aufl. Leipz. 1877, XV f. (противъ Du Bois Reymond) „Dieses Ignorabimus ist dasselbe, welches die Berliner Biologie dem fortschreitenden Entwickelungsgange der Wissenschaft als Riegel vorschieben will. Dieses scheinabr demüthige, in der That aber vermessene, Ignorabimus ist das Ignoratis des unfehlbaren Vaticans und der von ihm angeführten schwarzen Internationale', jener unheilbrütenden Schaar, mit welcher der moderne Culturstaat jetzt endlich, endlich den ernsten Culturkampf begonnen hat. In diesem Geisteskampfe.... stehen auf der einen Seite unter dem lichten Banner der Wissenschaft: Geistesfreiheit und Wahrheit... auf der anderen Seite unter der schwarzen Fahne der Hierarchie: Geistesknechtschaft und Lüge..." Геккелю вторитъ Carus Sterne, въ The Monist, I, 2, 245 f. (1890).

не трудно составлять филогеническія таблицы отъ амэбы до человѣка включительно [782]), еще легче бездоказательно предполагать, что первоначальные органы первичной органической слизи (ядро и оболочка) дифференцировались по механическимъ и химическимъ законамъ [783]); но никакимъ усиліемъ мысли невозможно безъ телеологіи постигнуть устойчивость взаимоотношенія между этими первичными органами и еще менѣе ихъ способность къ саморазвитію до такихъ сложныхъ и совершенныхъ формъ, какія мы наблюдаемъ въ человѣкѣ [784]). Лежащая въ основаніи міровоззрѣнія Геккеля аналогія между генесисомъ индивида (онтогенесисъ) и генесисомъ вида (филогенесисъ [785]) очевидно можетъ служить лишь руководящимъ, а не объясняющимъ принципомъ, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію самого Геккеля, онтогенесисъ еще таинственнѣе филогенесиса [786]). Вылупленіе растенія изъ зерна или цыпленка изъ яйца, быть можетъ, самое удивительное изъ всего, что̀ мы знаемъ дивнаго, и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо объективная телеологія находитъ непоколебимую опору.

Впрочемъ, у Спенсера и Геккеля (какъ и вообще большинства представителей механической теоріи [787]) борьба противъ цѣлесообразности вызвана неяснымъ пониманіемъ самого вопроса. Спенсеръ телеологію отожествляетъ съ ученіемъ о спеціальномъ твореніи и думаетъ ее побить доводами противъ послѣдней [788]). Точно также и для Геккеля она неразличима съ ученіемъ о созданіи міра изъ ничего личнымъ Творцомъ и произвольнымъ вмѣшательствомъ этого Творца въ жизнь міра [789]). Едва ли однако нужно доказывать, что цѣлесообразность вовсе не предполагаетъ такого Творца, хотя такой Творецъ и предполагаетъ цѣлесообразность. Свое міровоззрѣніе Геккель называетъ монизмомъ или пантеизмомъ [790]). Но никакой логически состоятельный пантеизмъ не мыслимъ безъ цѣлесообразности, такъ какъ Богъ ли-

---

[782]) Haeckel, Natürliche Schopfungsgeschichte, 695 f. Anthropogenie, 522 f.
[783]) Haeckel, Naturliche Schopfungsgeschichte. 365 f.
[784]) Ниже, стр. 234, сл.
[785]) Haeckel, Naturliche Schöpfungsgeschichte, 9. 290. 308 f. и проч.
[786]) Ibid. 308.
[787]) Цѣнныя замѣчанія по этому вопросу у Erhardt'a Mechanismus und Teleologie, 34 f.
[788]) Spencer, Principles of Biology. P. III, Ch. II. § 114.
[789]) Haeckel, Natürliche Sshöpfungsgeschichte 17. 30. 58. 759 и пр.
[790]) Ibid. 31. 64. 795.

шенный мысли и дѣятельности не былъ бы Богомъ, а гдѣ мысль и дѣятельность, тамъ и цѣль. Противоположность между признаніемъ телеологіи и ея отрицаніемъ есть противоположность не между теизмомъ и пантеизмомъ, но между признаніемъ Бога и атеизмомъ. Спенсеръ избѣгаетъ этого непріятнаго *или* лишь тѣмъ, что укрывается въ темныя страны своего „Непознаваемаго“ [791]).

При невозможности изъ принциповъ механической теоріи объяснить происхожденіе формъ, ея представители вынуждены либо ограничиваться авторитетнымъ заявленіемъ о необходимости формъ, либо идти прямо или косвенно, въ грубомъ противорѣчіи съ собою, по стезѣ идеализма, либо наконецъ ссылаться на естественную необходимость и удачную случайность. „Какъ сила не мыслима безъ матеріи, такъ матерія не мыслима безъ формы“ голословно поучаетъ Бюхнеръ [792]). Столь же авторитетно и столь же мало заботясь о логической послѣдовательности своего міровоззрѣнія самый неумолимый изъ матеріалистовъ, Фохтъ, признаетъ форму основнымъ принципомъ организмовъ [793]). Геккель, ратующій въ своей „Natürliche Schöpfungsgeschichte“ противъ всякихъ конечныхъ причинъ, [794]) въ своемъ „Das Protisten Reich“ приходитъ въ восторгъ отъ Acinetae и Ciliata, „которыя показываютъ ясно, какъ много органическая клѣточка способна сдѣлать сама по себѣ въ идеальномъ стремленіи къ животному совершенству“, и отъ Radiolaria „на самомъ дѣлѣ воплощающихъ въ себѣ всевозможныя основныя формы, какія могутъ быть выставлены въ проморфологической системѣ“ [795]), а въ „Perigenesis der Plastidule“ мы даже слышимъ о томъ, что всѣ атомы одушевлены, ощущаютъ, радуются и страдаютъ, одарены волей и памятью [796]). Спенсеръ не дозволяетъ себѣ такихъ увлеченій. Но

---

791) Spencer, First Principles, P. I, „Unknowable“. Обстоятельный анализъ этого ученія у Grosse, H. Spencer's Lehre v. Unerkennbaren, Leipz. 1891.

792) Büchner, Kraft und Stoff, 132.

793) K. Vogt, Bilder aus dem Thierleben, Frankf. 1852, 233.

794) Выше, пр. 789.

795) Haeckel, Das Protistenreich, eine populäre Uebersicht uber d. Formengebiet der niedersten Lebewesen. Leipz. 1878, 31, 38. Первое изданіе Natürliche Schopfungsgeschichte появилось въ 1868 г., послѣднее (восьмое) 1889. На „конечныя причины“ во всѣхъ изданіяхъ одинъ и тотъ же взглядъ.

796) Haeckel, Die Perigenesis der Plastidule oder die Wellenzeugung der Lebenstheilchen, ein Versuch zur mechanischen Erklarung der elementaren Lebensvorgänge, Berl. 1876, 38 f.

онѣ, хотя и заявляетъ, что какимъ бы способомъ ни былъ формулированъ (телеологическій принципъ vis formativa) и какимъ бы способомъ выраженія ни былъ прикрытъ, если бы гипотеза стала приписывать органическую эволюцію какой нибудь естественной способности, которою организмъ обладаетъ или которая въ него вложена, то была бы не философской, [797]) тѣмъ не менѣе „множествомъ разнородныхъ фактовъ вынужденъ признать, что составляющія организмъ живыя частицы имѣютъ врожденную склонность располагаться въ форму организма, отъ котораго происходятъ, и заключить, что растеніе или животное всякаго вида составлено изъ спеціальныхъ единицъ, имѣющихъ присущую имъ способность аггрегироваться въ форму этого вида, точно такъ же какъ атомы соли имѣютъ способность кристализоваться извѣстнымъ образомъ“ [798]).

Сравненіе организма съ образующимся „по механическимъ законамъ“ кристалломъ—общее мѣсто всѣхъ механическихъ теорій [799]). Какъ будто образующія организмы формы, стремленіе къ идеальному совершенству, воплощеніе типовъ, сознательная воля, склонность располагаться въ опредѣленныя формы кристалла или организма мыслимы безъ цѣлесообразности [800]).

По теоріи естественной необходимости и удачной случайности, природа дѣйствуетъ хотя и по законамъ, но съ точки зрѣнія нашего понятія о цѣли, какъ попало; изъ безчисленнаго множества кажущихся намъ неудачными, а на дѣлѣ неустойчивыхъ образованій, сохраняется незначительное количество такихъ, которыя мы считаемъ цѣлесообразными, но которыя въ дѣйствительности обладаютъ болѣе устойчивымъ равновѣсіемъ и вслѣдствіе этого равновѣсія живутъ и развиваются на счетъ другихъ, менѣе уравновѣшенныхъ. „Если бы человѣкъ съ цѣлью застрѣлить зайца, сталъ на большой степи

---

797) Spencer, Principles of Biology, P. III, Ch. VIII, § 144. То что̀ справедливо объ общемъ развитіи, должно быть справедливо и о развитіи единичномъ. А между тѣмъ гипотеза о „полярныхъ единицахъ“ какъ разъ такого рода, какой осуждаетъ Спенсеръ.

798) Ibid. P. II Ch. IV, § 65. Ch. VIII, § 84. Ch. X, § 97. P. IV, Ch. I, § 178. Appendix къ I тому.

799) Haeckel, Naturliche Schöpfungsgeschichte, 364 f. Büchner, Kraft u. Stoff, 311 f. Wiener, die Grundzuge der Weltordnung, 226.

800) Невозможность механическаго объясненія формъ ставятъ на видъ Bruno, Summa termin. metaph. 496 Gfr. и въ обстоятельномъ анализѣ P. Janet, Les Causes Finales, 2-me ed. Paris, 1882, Ch. VI (Le Mécanisme et la Finalité); заслуживаютъ также вниманія замѣчанія Lasson'a, Zeitliches und Zeitloses, Leipz 1890, 52 f.

давать милліоны ружейныхъ залповъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ; если бы, чтобы войти въ запертую комнату, онъ купилъ десять тысячъ всевозможныхъ ключей и сталъ пробывать ихъ всѣ; если бы, что-бы имѣть домъ, онъ построилъ городъ и лишніе дома предоставилъ вѣтру и непогодѣ, то никто не назвалъ бы это цѣлесообразнымъ и тѣмъ меньше сталъ бы подозрѣвать въ такомъ образѣ дѣйствій какую нибудь высшую мудрость, скрытыя основанія и выдающуюся сообразительность. Но кто захочетъ познакомиться изъ современнаго естествовѣдѣнія съ законами сохраненія и распространенія видовъ,.... тотъ повсюду найдетъ чудовищную расточительность жизненныхъ сѣмянъ.... Погибель жизненныхъ сѣмянъ, неудача начатого—здѣсь правило, „сообразное съ природой“ развитіе—лишь спеціальный случай изъ тысячъ, лишь исключеніе, и это то исключеніе создаетъ ту природу, которой цѣлесообразному самосохраненію близоруко удивляется телеологъ... То, что въ сохраненіи видовъ мы называемъ случайностью, разумѣется не есть случайность въ смыслѣ общихъ законовъ природы, которыхъ великая работа производитъ всѣ эти дѣйствія, но случайность въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, какъ скоро мы это выраженіе станемъ разсматривать по противоположности слѣдствіямъ человѣкоподобнаго разсчитывающаго ума. Гдѣ въ органахъ животныхъ и растеній мы находимъ цѣлесообразное, тамъ мы должны предполагать, что въ вѣчномъ убійствѣ слабаго уничтожены менѣе цѣлесообразныя формы, такъ что и здѣсь то, что сохраняется, есть лишь благопріятный спеціальный случай въ океанѣ рожденій и гибели. Это на самомъ дѣлѣ—часть многопоносимаго міровоззрѣнія Емпедокла, которое подтверждается безконечнымъ матеріаломъ, поставленнымъ на видъ точными изслѣдованіями лишь десяти послѣднихъ лѣтъ“ [801]). А Емпедоклово міровоззрѣніе говоритъ, что первоначально появлялись отдѣльные члены, что эти члены скрѣплялись между собою какъ попало любовью (притяженіемъ), но что происходившія такимъ образомъ чудища погибали, пока не произошли гармонически сложенныя и способныя къ жизни существа [802]). „Много выросло головъ безъ шей, слонялись голыя руки, лишенныя плечъ, скитались

---

[801]) Lange, Gesch. d. Materialismus, II³, 246 f.

[802]) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 718 f. Это ученіе коренится, повидимому, въ ученіи Орфиковъ. Arist, De gener. anim. II, 734 a, 16. Prantl, Aristot Phys. 484. Kern, Emped. u. Orphiker, Arch. f. d. Gesch. d. Philos. I, 4, 500 f.

глаза, не имѣвшіе лица...“ [803]). Все это соединялось между собою по мѣрѣ встрѣчъ...[804]). Такимъ образомъ народились двояколикіе и двоякогрудые, бычачья порода съ человѣческими лицами и наоборотъ наростала человѣческая порода съ бычачьими головами, сложенная частью изъ мужской, частью изъ женской природы и снабженная подвижными членами“ [805]).

Ясно однако, что если чудовища вымираютъ, а не чудовища остаются въ живыхъ и совершенствуются, то въ природѣ существуетъ цѣль, хотя бы и „не человѣческая“, существуетъ нѣкоторый принципъ, не только созидающій формы, но и избирающій и сохраняющій однѣ передъ другими и на счетъ другихъ Допустивъ даже, что этотъ принципъ—равновѣсіе и устойчивость [806]), самая устойчивость этого принципа требовала бы объясненія. На дѣлѣ однако механическое равновѣсіе и устойчивость не примѣнимы ни къ жизни особи, ни тѣмъ болѣе къ жизни вида. „Даже самое поверхностное разсмотрѣніе совокупности процессовъ въ живомъ существѣ (говоритъ Пфлюгеръ [807]) показываетъ тотчасъ же, что они никогда не представляютъ динамическаго равновѣсія въ строгомъ смыслѣ. Такъ въ каждый моментъ измѣняетъ ударъ волнъ и теченіе стремительный горный потокъ, увлекающій за собою камни и взрывающій свое русло. Въ вѣчной перемѣнѣ работы порождающихъ жизнь силъ до сихъ поръ возможно найти лишь одну общую точку зрѣнія, которая господствуетъ надъ закономъ ихъ дѣйствій, если не безусловно, то по крайней мѣрѣ согласно съ правиломъ. Съ этой точки зрѣнія получаютъ дѣйствительность только такія сочетанія причинъ, которыя возможно болѣе поощряютъ благоденствіе животныхъ“. Жизнь вида съ внѣшней стороны не что иное, какъ чередованіе жизни порождающихъ одна другую особей. Но изъ механическихъ принциповъ невозможно понять, какимъ образомъ неустойчивое равновѣсіе можетъ повторять себя въ безконечномъ чередованіи. Отъ Спенсера мы уже слышали, что только одна гипотеза о

---

803) Simpl. De Coelo, 144 v, 512 Brand. (v. 307—309 M.).

804) Ibid. (v. 311 M.).

805) Ael. Hist. an XVI, 29 (v. 313—316 M.).

806) Spencer. First Princ. P. II, Ch. XXII, § 173. Princ. of Biology, P. II, Ch. V. P. III, Ch. XI—XII, Lange Gesch. d. Mat, II³, 254 f.

807) Pflüger, Die teleologische Mechanik der lebendigen Natur, 2-te Aufl. Bonn, 1877, 7.

„полярныхъ единицахъ“ [808]) способна дать отвѣтъ на вопросъ, почему изъ опредѣленнаго зерна всегда выходитъ опредѣленнаго типа растеніе и изъ опредѣленнаго яйца опредѣленнаго типа животное, а не всѣ вообще мыслимыя растенія и животныя. Эта гипотеза совершенно ясно подразумѣваетъ предопредѣленіе, а потому и телеологію. [809]) Еще очевиднѣе подразумѣваетъ ее принципъ благоденствія особей.

Точно также механическая теорія не можетъ объяснить и того, почему, если такъ называемыя цѣлесообразныя формы, лишь счастливыя исключенія, а такъ называемыя уродливыя общее правило. мы не только теперь не видимъ Емпедокловыхъ чудищъ, но не имѣемъ никакого фактическаго основанія предполагать, что они существовали когда либо. „Возьмемъ какую нибудь цѣль, достигнутую наконецъ природой, напримѣръ, установленіе человѣческаго рода. Гдѣ тѣ милліоны неудачъ, изъ среды которыхъ вышелъ этотъ успѣхъ? Съ какими фактами, дѣйствительными или предполагаемыми, земной исторіи они тожественны? Должны-ли реальныя ступени эволюціи, доведшія до человѣка и занимающія средину между Плащеносками и Шекспиромъ, быть разсматриваемы какъ неудачные выстрѣлы? Едва-ли, такъ какъ онѣ тѣ самыя средства, которыя привели къ цѣли и не пропали даромъ. Должны-ли мы въ такомъ случаѣ обратиться къ другимъ линіямъ родословной, къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя завершились семгою, фазаномъ, слономъ, собакой, обезьяной, и считать ихъ за неудачи, такъ какъ они привели къ другому, чѣмъ человѣкъ? Это значило бы предполагать, что живыя существа не имѣютъ никакой цѣли кромѣ лишь средствъ для дальнѣйшаго произведенія человѣка; между тѣмъ на дѣлѣ всякая переживающая раса содержитъ и реализуетъ свою собственную цѣль, участвуетъ она или нѣтъ въ послѣдующемъ пріобрѣтеніи насъ. Быть можетъ. наконецъ, мы должны на кладбищахъ природы искать слѣдовъ ея неудачъ и отнести всѣ погибшіе роды къ неудачнымъ просто потому, что они не удержались въ мірѣ. Такой приговоръ однако осудилъ бы многихъ изъ вѣроятныхъ прародителей существующихъ родовъ, самое присутствіе которыхъ оправдываетъ занятое ихъ предками мѣсто въ природѣ. Сверхъ того, нѣтъ ника-

---

[808]) Выше, стр. 227.
[809]) Выше, стр. 216.

кого основанія ставить способность выживанія въ настоящемъ мѣрою успѣха сравнительно съ прошедшимъ, такъ какъ всѣ вообще не болѣе какъ временные обитатели на этой планетѣ, и кроющія ископаемыхъ скалы отводятъ для исчезнувшихъ поколѣній такую же часть въ геологическомъ времени, какую могутъ основательно требовать теперешнія животныя. И такъ, мы повидимому должны идти за предѣлы лѣтописей всей вообще естественной исторіи, прошедшей и настоящей, что бы найти предполагаемыхъ недоносковъ производительной силы, и должны искать ихъ въ нѣкоторой гипотетической области, приткнутой къ извѣстной флорѣ и фаунѣ земли, и извинить отсутствіе этихъ ошибочныхъ формъ частью „несовершенствомъ геологической лѣтописи, частью ихъ склоннымъ къ погибели характеромъ“. При такихъ условіяхъ они становятся совершенно мнимыми существами, требуемыми теоріей, но не засвидѣтельствованными ни однимъ фактомъ. Въ этой мнимой области мы ихъ и можемъ оставить“ [810]).

Такимъ образомъ притча о запахъ и ключахъ вовсе не такъ убѣдительна, какъ думаетъ ея именитый авторъ. Во всѣхъ отношеніяхъ противоположна ей та, которой ограждаетъ себя телеологія. „Вообразимъ (говоритъ эта притча), что существуютъ въ безчисленномъ количествѣ всѣ буквы алфавита — золотыя и вообще какія угодно, двигающіяся непрестанно, но какъ попало. Возможно ли думать, что, ударяясь о землю, онѣ способны напечатлѣть на ней какую нибудь поэму или даже одинъ стихъ поэмы? На этотъ вопросъ никто не отвѣтитъ утвердительно. Во сколько же разъ нелѣпѣе думать, что благоустроенный міръ или вѣрнѣе безчисленное множество благоустроенныхъ міровъ могутъ быть слѣдствіемъ случайнаго столкновенія атомовъ, лишенныхъ къ тому же всякихъ качествъ? Если такимъ путемъ образуются міры, отчего также не воздвигаются портики, храмы, дома, города, построеніе которыхъ много легче?“ [811]) Несостоятельность этой притчи до сихъ поръ еще никѣмъ не была доказана.

---

[810]) Martineau, A Study of Religion, Oxf. 1888, I, 379. Заслуживаетъ также вниманія Аристотелева критика Емпедокловой теоріи. Phys. II, 8, 198 b, 31, сл.

[811]) Cicero, De Deor. nat. II, 37, 93—94. Привожу въ изложеніи. Целлеръ указываетъ на Стоическое происхожденіе этой притчи. Ph. d. Gr. III a [3], 135, 5. Vorträge u. Abhandl. III, 50, 1.

Впрочемъ, невозможность объяснить формы какими бы то ни было причинами очевидна сама собой. О чемъ бы мы ни мыслили, каждая наша мысль всегда предполагаетъ форму. Всякое состояніе духа есть форма духа, всякое состояніе матеріи есть форма матеріи, а духъ и матерія формы бытія. Понятіе формы такимъ образомъ подразумѣвается всѣми нашими понятіями и не можетъ быть выведено ни изъ одного. Кантъ съ полной убѣдительностью показалъ тщетность всякихъ попытокъ объяснить эмпирически пространство, время и категоріи. Съ еще большимъ правомъ мы должны утверждать тоже о формѣ, такъ какъ пространство, время и категоріи уже суть формы [812]). Единственно возможная точка зрѣнія при истолкованіи формъ — идеализмъ, предполагающій формы какъ данныя и ищущій лишь наиболѣе соотвѣтствующаго этимъ даннымъ принципа. Такихъ принциповъ до сихъ поръ было выставлено четыре: міръ идей и міровая душа у Платона, Бруно и Шеллинга, чистая умственная энергія у Аристотеля, чистое понятіе у Гегеля и міровая фантазія у Фрошаммера [813]). Разумѣется, ни одинъ изъ этихъ философовъ не снимаетъ „покрова Изиды“, и всѣ вмѣстѣ едва его приподнимаютъ. Но дѣло не въ результатахъ, а въ принципѣ.

Посмотримъ теперь, какъ механическая теорія пытается объяснить жизнь и сознаніе.

„Біологія и геологія (говоритъ Спенсеръ [814]) казались когда то раздѣленными непроходимою бездною; а для многихъ такое разстояніе между ними кажется существующимъ и до сихъ поръ. Но каждый день приноситъ намъ новыя причины думать, что одна группа явленій выросла здѣсь изъ другой. Организмы суть высоко-дифференцированныя части того вещества, которое образуетъ земную кору и газообразную оболочку земли, и ихъ дифференціація отъ остальнаго вещества произошла, подобно всѣмъ другимъ дифференціаціямъ, лишь постепенно. Пропасть между неорганическимъ и органическимъ міромъ мало по малу заполняется. Съ одной стороны тысячи четыре или

---

812) Kant, Kritik d. rein. Vernunft, Die transc. Aesth. § 1, 56, Hart. Кантъ разсматриваетъ лишь общія формы отношенія духа къ объектамъ: формы чувственности (пространство и время), формы разсудка (категоріи), формы разума (идеи), но обходитъ вопросъ объ условіяхъ сознанія частныхъ формъ.

813) Froschammer, Die Phantasie als Grundprincip des Weltprocesses, Münch. 1877.

814) Spencer, Principles of Psychology, P. II, Ch. VII, § 55.

пять сложныхъ соединеній, разсматривавшихся когда то какъ исключительно органическія, произведены теперь искусственно изъ неорганическаго вещества, и химики не сомнѣваются въ возможности произвести такимъ образомъ самыя высшія формы органическаго вещества. Съ другой стороны, при помощи микроскопа мы спускались по лѣстницѣ организмовъ къ все болѣе и болѣе простымъ формамъ, пока въ Protogenes профессора Геккеля не достигли такого типа, который можетъ быть отличенъ отъ кусочка альбумина только своимъ тонко-зернистымъ характеромъ".

„Невозможность самозарожденія (добавляетъ Геккель [815]) вообще никогда не можетъ быть доказана. Откуда можемъ мы знать, что въ древнія незапамятныя времена не существовали совершенно другія въ сравненіи съ настоящими условія, и что они не дѣлали возможнымъ автогонію? Мы даже можемъ съ полною достовѣрностью утверждать положительно, что общія жизненныя условія первобытнаго времени должны были совершенно отличаться отъ теперешнихъ. Подумайте только о томъ фактѣ, что чудовищныя массы углерода, которыя мы теперь находимъ отложенными въ первичныхъ каменноугольныхъ горахъ, были приведены въ твердую форму лишь дѣйствіемъ жизни растеній.... Но въ то время, когда на охладившейся земной корѣ.... впервые образовались самозарожденіемъ организмы, это неизмѣримое количество углерода существовало въ совершенно иной формѣ, было вѣроятно распредѣлено въ атмосферѣ въ формѣ углекислоты. Такимъ образомъ весь составъ атмосферы былъ чрезвычайно различенъ отъ настоящаго. Далѣе, какъ можно заключить изъ химическихъ, физическихъ и геологическихъ основаній, были совсѣмъ иныя плотность и электрическія свойства атмосферы. Точно также были тогда совершенно особыя химическія и физическія качества первобытнаго моря, покрывавшаго тогда непрерывнымъ водянымъ пологомъ всю землю. Температура, плотность, содержаніе соли и т. д. должны были быть другими, чѣмъ въ теперешнихъ моряхъ. Поэтому во всякомъ случаѣ для насъ остается, хотя бы мы и не знали больше ничего, по крайней мѣрѣ неоспоримымъ предположеніе, что въ то время при совершенно иныхъ условіяхъ было возможно самозарожденіе, въ настоящее время пожалуй и невозможное".

---

[815]) Haeckel, Natürliche Schopfungsgeschichte, 362 f.

Не трудно видѣть полную несостоятельность всѣхъ этихъ доводовъ. Первый и главный изъ нихъ—постепенность въ природѣ, есть фактъ, требующій объясненія, но самъ ничего не объясняющій [816]). Онъ можетъ быть поэтому лишь регулятивнымъ принципомъ при истолкованіи явленій, а не конститутивнымъ.

Не больше доказываетъ и второй доводъ—добываемые въ лабораторіяхъ углеводороды. Эти углеводороды не живыя существа, а безжизненныя произведенія живыхъ существъ. Заключать изъ возможности ихъ искусственнаго изготовленія къ возможности химическаго созиданія организмовъ не болѣе логично, чѣмъ изъ того, что люди строютъ дома, заключать объ ихъ способности созидать строющихъ дома каменщиковъ, плотниковъ и проч.

Третій доводъ—неизвѣстныя намъ условія первичной эпохи—очевидное asylum ignorantiae. Впрочемъ, если бы и были извѣстны эти условія, все таки никакая химія не способна объяснить характеризующаго жизнь „непрерывнаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ отношеніямъ“. Химическая коррелація (поясняетъ самъ Спенсеръ [817]) „не отличается абстрактно отъ той, какая существуетъ между движеніемъ соломы и движеніемъ вѣтра, который ее поднимаетъ. Въ томъ и другомъ случаѣ измѣненіе производитъ измѣненіе и этимъ все кончается: перемѣна, происшедшая въ объектѣ, не стремится произвести вторичную перемѣну въ предвидѣніи вторичной перемѣны въ окружающей средѣ. Но во всякомъ живомъ тѣлѣ существуютъ перемѣны этого рода, и именно въ ихъ произведеніи и состоитъ соотвѣтствіе. Что-бы выразить эту разницу знаками, пусть A есть измѣненіе въ окружающей средѣ и B нѣкоторое измѣненіе, которое происходитъ вслѣдствіе него въ неорганической массѣ. Когда A произвело B, дѣйствіе прекращается. Пусть за измѣненіемъ A въ средѣ слѣдуетъ другое измѣненіе a, эта параллельная послѣдовательность не порождаетъ въ неорганической массѣ одновременно измѣненія b, имѣющаго отношеніе къ измѣненію a. Но если мы возьмемъ живой организмъ и A произведетъ въ немъ нѣкоторое измѣненіе C, то между тѣмъ какъ въ окружающей средѣ A

816) Фактъ этотъ впервые отмѣченъ Аристотелемъ Hist. an. VIII, 1, 588 b, 4 сл. De part. an. IV, 5. 681 a, 12.

817) Spencer, Principles of. Biology, P. I, Ch. V, § 29. Обстоятельный анализъ этой Спенсеровой формулы у Janet, Les Causes Finales l. I, Ch. IX, 366 (2 ed.).

служитъ причиною *a*, въ организмѣ C будетъ служить причиною *c*, откуда слѣдуетъ что *a* и *c* показываютъ извѣстное соотвѣтствіе по отношенію ко времени, положенію и интенсивности". Именно въ этомъ двоякомъ отношеніи и лежитъ тайна жизни.

Допустивъ даже возможность (которую отстаиваютъ Геккель и его послѣдователи и единомышленники [818]) объяснить первичныя жизненныя отправленія (питаніе и размноженіе) простѣйшихъ живыхъ существъ изъ законовъ механики и химіи (эндосмозой, экзосмозой, распаденіемъ и проч.), во всякомъ случаѣ ни та ни другая наука не въ силахъ сказать, почему внутреннія отношенія въ живомъ существѣ не только отвѣчаютъ внѣшнимъ, но и къ нимъ приспособляются, и при томъ такъ, что въ ходѣ развитія это приспособленіе съ каждымъ шагомъ совершенствуется все болѣе и болѣе. Къ тому же существованіе безусловно простыхъ существъ, вполнѣ подходящихъ подъ понятіе бѣлковины, до сихъ поръ не поставлено внѣ сомнѣнія [819]). Надѣлавшій столько шуму „Баѳибій" Геккеля оказался миѳомъ [820]). А тѣ „монеры" (Protomyxa aurantiaca), на которыхъ Геккель поясняетъ свою теорію [821]), своими при сравнительной простотѣ строенія сложными эволюціями прямо и рѣшительно указываютъ на телеологію. Во всякомъ случаѣ, монеры уже живыя существа и слѣдовательно въ вопросѣ о происхожденіи жизни ничего не объясняютъ, хотя и очень интересны въ исторіи ея развитія.

Отожествлять жизнь съ химическими процессами значитъ очевидно (говоря словами Платона [822]) смѣшивать дѣйствующія причины съ содѣйствующими. „Дѣятели химическихъ явленій въ живыхъ тѣлахъ (слышимъ мы отъ одного изъ именитѣйшихъ физіологовъ [823])

---

818) Haeckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 165 f. Verworn, Psycho-physiologische Protisten Studien, Jena, 1889 Soury, La Psychologie physiologique des Protozoaires, Rév. Philos. 1891, I, 1 sq. Здѣсь указана и остальная литература.

819) По Спенсеру, монеры отличаются отъ альбумина „только" своимъ тонко зернистымъ характеромъ. (Выше, стр. 233). Но въ этомъ „только" все дѣло. Полемика по этому вопросу съ Геккелемъ у Гартманна, Phil. d. Unbew. II[10], 146 f. 479 f.

820) Исторія Баѳибія подробно изложена Геккелемъ въ Das Protistenreich, 68 f.

821) Haeckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte, 168 f.

822) Phaedo 99, A. Tim. 46, C, сл. Polit. 281, D, сл. Милль, опираясь на свое ученіе о причинности, исключающее понятіе дѣятельной причины, называетъ различеніе между причиной и условіемъ (αἴτιον и συναίτιον Платона) ненаучнымъ, System of Logic, I[10], Book III, Ch. V, § 3, 378 f. Объ этомъ ученіи рѣчь будетъ ниже, стр. 253, сл.

823) Claude Bernard, La Science expérimentale, Paris, 1878, Définition de la vie, 208 sq. „Ce n'est donc pas assez de regarder la vie comme le jeu des forces enfermées dans l' être;

не ограничиваются произведеніемъ химическихъ синтезовъ изъ крайне разнообразныхъ матерій, но ихъ организуютъ и приспособляютъ къ морфологическому созиданію новаго существа. Среди этихъ дѣятелей живой химіи самый могущественный и самый удивительный безспорно яйцо, первичная клѣточка, заключающая въ себѣ зерно, организующій принципъ всего тѣла... Посредствомъ зерна и вслѣдствіе той способности къ развитію, которою оно обладаетъ, устанавливается непрерывность видовъ и происхожденіе существъ одного отъ другого; чрезъ него мы понимаемъ необходимыя отношенія, существующія между явленіями питанія и явленіями развитія. Оно намъ объясняетъ ограниченную продолжительность живаго существа, такъ какъ смерть наступаетъ по прекращеніи питанія не потому что не достаетъ пищи, но потому что рядъ эволюцій существа достигъ своего предѣла и организующій импульсъ клѣточки исчерпалъ свою силу. Зерно управляетъ и организаціей существа, образуя, при помощи окружающихъ матерій, живую субстанцію и давая ей характеръ химической неустойчивости, которая служитъ причиной происходящихъ въ ней непрестанныхъ жизненныхъ движеній... Совершенно очевидно, что все это—дѣйствія чисто химическія, но не менѣе ясно и то, что эти химическія дѣйствія, посредствомъ которыхъ созидается организмъ, сцѣпляются и слѣдуютъ одно за другимъ въ виду результата—организаціи и роста животнаго или растительнаго индивида. Существуетъ какъ бы жизненный рисунокъ, начерчивающій планъ каждаго существа и каждаго органа, такъ что если разсматриваемыя въ отдѣльности всѣ явленія организма суть данники общихъ силъ природы, то взятыя въ ихъ послѣдовательности и совокупности они очевидно открываютъ спеціальную связь; они повидимому направляются нѣкоторымъ незримымъ условіемъ въ пути, по которому идутъ, въ порядкѣ, который ихъ сцѣпляетъ. Такимъ образомъ химическія синтетическія дѣйствія организаціи и питанія обна-

---

cette notion toute dynamique a besoin d'être complétée par une notion esthétique, en ce sens que le mécanisme des forces vitales s'asservit à une idée directrice, à la conservation de formes ou de types organiques La force créatrice y retourne et y tend comme à un pôle constant, à travers des métamorphoses plus ou moins rapides et par une série plus ou moins complexe de genèses enchaînées les unes aux autres. Une finalité obstinée se cache dans la nuit hideuse du monde embryonnaire, dans les larves, dans l'enveloppe des chrysalides, rideau derrière lequel l'insecte construit ses organes définitifs". Laugel, Les Problèmes, 2-e ed. Paris, 1873, Les Problèmes de la Vie, 318, sq.

руживаютъ себя такъ, какъ будто надъ ними господствуетъ импульсивная сила, управляющая матеріей, занимающаяся химіей приноровленной къ извѣстной цѣли и пользующаяся слѣпыми реактивами лабораторій на подобіе самого химика".

Сознаніе не мыслимо безъ жизни. Поэтому невозможность объяснить механически жизнь подразумѣваетъ невозможность механически объяснить и сознаніе. Но механическая теорія, отвергая первую невозможность, вынуждена отрицать и вторую.

„Различные порядки фактовъ согласно доказываютъ (говоритъ Спенсеръ [824]), что законъ превращенія одинаково обязателенъ какъ для физическихъ силъ, такъ и для душевныхъ. Формы Непознаваемаго, которыя мы называемъ движеніемъ, теплотой, свѣтомъ, химическимъ сродствомъ и проч.—преобразимы однѣ въ другія, а также въ тѣ формы Непознаваемаго, которыя мы различаемъ какъ эмоціи, чувствованія, мысли; эти послѣднія могутъ въ свою очередь, черезъ обратное преобразованіе, принять свои первоначальныя формы. Никакая мысль, никакое чувствованіе не могутъ проявиться иначе, какъ ставъ результатомъ физической силы, израсходовавшейся на произведеніе ихъ... Но какъ происходитъ превращеніе? Какимъ способомъ сила, существующая въ формѣ движенія, теплоты, свѣта, можетъ стать формой сознанія? Какимъ способомъ могутъ воздушныя вибраціи порождать ощущеніе, называемое звукомъ? Какимъ образомъ освобожденныя химическимъ процессомъ силы, дѣйствуя на мозгъ, могутъ производить эмоціи? Это непостижимыя тайны. Но онѣ не таинственнѣе тайны превращенія физическихъ силъ однѣхъ въ другія.... Всякое проявленіе силы можетъ быть истолковано лишь какъ слѣдствіе предсуществовавшей силы: все равно—идетъ-ли дѣло о неорганическомъ явленіи, движеніи животнаго, понятіи или ощущеніи. Неизбѣжно либо согласиться съ этими заключеніями, либо признать самопроизвольность каждаго изъ состояній нашего сознанія. Неизбѣжно—либо признать что умственныя силы, такъ же какъ и тѣлесныя, находятся въ количественномъ соотношеніи съ извѣстными силами, потраченными на ихъ произведеніе и съ другими извѣстными силами, происходящими отъ нихъ,—или же допустить, что ничто можетъ стать чѣмъ нибудь и нѣчто превратиться въ ничто. Неиз-

---

[824]) Spencer, First Principles, P. II, Ch. VII, § 71.

бѣжно выбрать что̀ нибудь одно: либо отрицать постоянство силы, либо признать, что всякое физическое или психическое дѣйствіе произведено предсуществовавшими силами и что изъ даннаго количества этихъ силъ не можетъ произойти ни больше, ни меньше извѣстнаго количества физическихъ или психическихъ дѣйствій. Такъ какъ постоянство силы, въ качествѣ даннаго въ сознаніи, не можетъ быть отрицаемо, то долженъ быть принятъ и необходимый выводъ его“ [825]).

„Я думаю (говоритъ поэтому Гэксли), что мы придемъ къ механическому эквивалекту сознанія совершенно такъ же, какъ пришли къ механическому эквиваленту теплоты“ [826]).

Къ этимъ общимъ доводамъ примыкаетъ спеціальный—тѣсная зависимость между тѣлесной и духовной организаціей.

„Въ „Біологіи“ было показано, что, начиная съ низшей жизни растеній и зачаточныхъ животныхъ, прогрессъ жизни, на ея все болѣе и болѣе высокихъ ступеняхъ, состоитъ существеннѣйшимъ образомъ въ постоянномъ улучшеніи приспособленія органическихъ процессовъ къ процессамъ окружающимъ организмъ. Мы видѣли тамъ, какимъ образомъ, рядомъ съ увеличеніемъ сложности организаціи, идетъ и возрастаніе числа, объема, спеціальности и сложности приспособленій внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ. Мы видѣли также тамъ, что, слѣдя за такимъ возрастаніемъ шагъ за шагомъ, мы переходили нечувствительно безъ всякаго замѣтнаго перерыва, отъ явленій тѣлесной жизни къ явленіямъ жизни духовной... [827]). Во всемъ животномъ царствѣ вообще дѣйствія находятся въ зависимости отъ нервнаго строенія. Физіологія учитъ насъ, что каждое рефлексивное движеніе предполагаетъ дѣятельное участіе извѣстныхъ нервовъ и узловъ; что развитіе сложныхъ инстинктовъ сопровождается усложненіемъ нервныхъ центровъ и ихъ коммиссуральныхъ

---

825) Ibid. § 72.

826) Macmillian's Magazine, XXII, 78. Также Soury, Rév. Philos. 1891, I, 6: Dans l'état actuel des sciences il est possible de relier directement la psychologie aux sciences physico-chimiques: les fonctions du système nerveux, c'est-à-dire des éléments cellulaires chez lesquels les propriétés psychiques (sensibilité et mouvement) du protoplasma ont subi la plus haute spécialisation, ne sont, comme la chaleur et l'électricité, qu'une forme de l'énergie; bref, les phénoménes psychiques ont un équivalent chimique, thermique, mécanique.

827) Spencer, Principles of Psychology, P. III, Ch. I, § 131.

связей; что то же самое существо, на различныхъ ступеняхъ своего развитія. .. представляетъ различные инстинкты, паралелльно съ различнымъ нервнымъ строеніемъ, и что по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ къ существамъ съ болѣе высоко развитой психической дѣятельностью, мы замѣчаемъ сильное возрастаніе размѣра и сложности нервной системы. Какой же выводъ слѣдуетъ изъ всего этого? Тотъ выводъ, что способность къ координаціи впечатлѣній и къ выполненію соотвѣтственныхъ дѣйствій всегда предполагаетъ предсуществованіе извѣстныхъ нервовъ, расположенныхъ извѣстнымъ образомъ [828])..... Слѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ число внѣшнихъ явленій, вызывающихъ себѣ отвѣтъ въ организмѣ, становится значительнѣе, и по мѣрѣ того, какъ увеличивается сложность этихъ явленій, должны увеличиваться также разнообразіе и быстрота тѣхъ нервныхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ... общемъ центрѣ сообщенія, т. е. тутъ долженъ возникнуть непрерывный рядъ нервныхъ перемѣнъ, субъективная сторона котораго явится для насъ какъ связное сознаніе“ [829]).

Стоитъ однако немного вникнуть въ ученіе физики объ единствѣ силъ [830]), чтобы понять, что предположеніе о превратимости физическихъ силъ въ духовныя и наоборотъ не только не можетъ служить основаніемъ для какихъ-бы то ни было выводовъ, но что даже самый вопросъ о такомъ превращеніи нелѣпъ. Теорія единства физическихъ силъ построена на предположеніи эквивалентности ихъ энергіи, а это послѣднее—на предполагаемой возможности выразить всякую энергію въ однихъ и тѣхъ же терминахъ массы и движенія. Но сознаніе очевидно не имѣетъ ничего общаго ни съ движеніемъ, ни съ массой. Вслѣдствіе того, что я сознаю, во внѣшней мнѣ дѣйствительности не происходитъ никакого движенія, а производимыя въ моемъ сознаніи воспріятіемъ внѣшняго движенія перемѣны не могутъ быть выражены никакой соразмѣрной этому движенію единицей. Молекулярныя движенія, которыя происходятъ въ моемъ мозгу при воспріятіи, все равно будемъ-ли мы ихъ считать причиною или слѣд-

---

828) Ibid. P. IV, Ch. VII, § 208.

829) Ibid. P. IV, Ch. I, § 179.

830) Сжатое и ясное изложеніе у Bain'a, Logic, I, Lond. 1873, II², 20 f. Helmholz, Ueber die Erhaltung der Kraft Berl. 1847. Stewart, Conservation of Energy, 7-th ed. Lond. 1887, Planck, Das Princip d. Erhaltung d. Energie, Gott. 1887.

ствіемъ сознанія, принадлежатъ внѣшнему міру; поэтому, если бы и можно было ихъ измѣрить единицами массы и движенія, то эта мѣра выражала бы отношеніе лишь между двумя событіями во внѣшней дѣйствительности, а не между этой дѣйствительностью и сознаніемъ [831]).

Точно также нисколько не проливаетъ свѣта на природу сознанія и связь между нервной организаціей и духовной дѣятельностью. Эта связь уполномочиваетъ лишь къ выводу, что нервная организація тамъ, гдѣ существуетъ, есть необходимое орудіе сознанія, но нисколько не свидѣтельствуетъ о томъ, что она его причина. „Все, что́ встрѣчается матеріальнымъ составнымъ частямъ внѣшней природы или же нашего собственнаго тѣла (говоритъ талантливѣйшій представитель телеологической механики — Лотце [832]), все, что́ можетъ столкнуться съ ними какъ въ ихъ отдѣльности, такъ и въ ихъ разнообразной связи, совокупность всѣхъ тѣхъ опредѣленій протяженія, смѣшенія, плотности и движенія, все это совершенно несравнимо съ своеобразной природой духовныхъ состояній, съ ощущеніями, чувствами, стремленіями, которыя фактически за ними слѣдуютъ, но ошибочно нами считаются ихъ произведеніемъ. Никакое сравнительное расчлененіе не могло бы въ химическомъ составѣ нерва, въ напряженіи, способѣ положенія и движенія его мельчайшихъ частицъ открыть основаніе, почему звуковая волна, достигающая его своими воздѣйствіями, должна вызвать въ немъ больше, чѣмъ измѣненіе его физическихъ состояній. Какъ бы далеко по нерву мы ни прослѣживали врывающееся чувственное раздраженіе, сколь бы часто мы ни заставляли его мѣнять свою форму и преобразовывать свои движенія все въ болѣе тонкія и нѣжныя, никогда бы мы не могли доказать, что само собою лежитъ въ природѣ какого нибудь порожденнаго такимъ образомъ движенія перестать быть движеніемъ и возродиться какъ блестящій свѣтъ, какъ звукъ, какъ сладость вкуса. Всегда остается одинаково большимъ скачекъ между послѣднимъ состояніемъ

---

831) Непримѣнимость къ духовнымъ явленіямъ физическаго закона о сохраненіи силъ доказываютъ между прочимъ Mühry, Kritik etc. d. exacten Natur-Philosophie, 5-te Aufl. Gött. 1882, 67 f. Wundt, Logik, II, 507. Mc Cosh, Energy, efficient and final Cause, Edinb. 1884. Höffding Psychologie in Umrissen, Leipz. 1887, 68 f. Martineau, A Study of Religion, Oxf. 1888, II, 332 f. J. Caird, Mind and Matter, Glasg. 1888, 17 f и мн. др.

832) Lotze, Mikrokosmus I³, 165.

матеріальныхъ элементовъ, которое могло быть нами достигнуто, и между первымъ возникновеніемъ ощущенія, и едва-ли кто нибудь будетъ питать тщетную надежду, что болѣе выработанная наука найдетъ таинственный переходъ тамъ, гдѣ съ самою простою ясностью навязывается невозможность всякаго постепеннаго перехода".

Утверждать на основаніи зависимости духовной жизни отъ тѣлесной, что первая—причина второй, значитъ не различать между причиной и условіемъ [833]). Ходъ паровой машины обусловленъ строеніемъ ея механизма; слѣдуетъ-ли изъ этого, что механизмъ—причина хода? Душа по своей природѣ нисколько не похожа на паръ, но отношеніе между дѣятельностью пара и машины находитъ близкую аналогію въ отношеніи между духовной и тѣлесной дѣятельностью. Когда въ парораспредѣлительномъ аппаратѣ нѣтъ пару, машина бездѣйствуетъ; точно также, когда тѣло не оживлено душой, оно становится коснымъ трупомъ; и какъ съ разстройствомъ той или другой части механизма разстраивается или прекращается его ходъ, точно также съ разстройствомъ тѣлеснаго организма разстраивается или прекращается духовная дѣятельность. Но какъ механизмъ не только не служитъ причиной существованія пара, а скорѣе наоборотъ—дѣйствіе пара служитъ причиной существованія механизма, точно также, какъ увидимъ ниже, духовная дѣятельность не только не слѣдствіе тѣлесной организаціи, а скорѣе ея причина.

Невозможность объяснить духовную дѣятельность изъ матеріальныхъ процессовъ настолько очевидна, что вынуждаетъ даже самыхъ грубыхъ матеріалистовъ къ смягчающимъ оговоркамъ. Бюхнеръ, напримѣръ, сѣтуетъ на Фохта за его извѣстное изреченіе, что „мысли стоятъ въ такомъ же отношеніи къ мозгу, въ какомъ — желчь къ печени или моча къ почкамъ." На взглядъ Бюхнера мысль не матерія, но „сросшійся въ единство комплексъ разнообразныхъ силъ, результатъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ одаренныхъ силами или свойствами веществъ, находящихся въ опредѣленномъ чрезвычайно сложномъ видѣ движенія" [834]). Винеръ уподобляетъ мысль жару. „Какъ жаръ горящаго тѣла есть процессъ химическаго соединенія этого тѣла съ кислородомъ воздуха, точно также мысль есть процессъ дви-

---

833) Выше, стр. 235, пр. 822.

834) Buchner, Kraft und Stoff, 200 f.

женія, и именно химическаго разложенія части мозга. Жаръ не есть ни горящее тѣло, ни производящій горѣніе кислородъ, ни произведеніе горѣнія; онъ вообще не есть какое либо тѣло, но лишь состояніе движенія тѣла; точно также мысль не есть ни мозгъ.... ни вообще вещество, но именно самое состояніе движенія“ [835]). Спенсеръ, хотя, согласно съ своей теоріей о превратимости всѣхъ вообще силъ, выводитъ духовную энергію изъ энергіи солнечнаго луча [836]) и отожествляетъ единицу сознанія съ нервнымъ толчкомъ [837]), на нѣсколькихъ страницахъ доказываетъ, что не только никакое усиліе не даетъ возможности ассимилировать духъ съ движеніемъ [838]), но что даже. если бы нужно было избрать между постиженіемъ духовныхъ явленій изъ физическихъ или физическихъ изъ духовныхъ, онъ предпочелъ бы послѣдній путь [839]). А на взглядъ его истолкователя, Файска, матеріализмъ Бюхнера, Фохта и Молешотта служитъ признакомъ ихъ философской необразованности [840]).

Но всѣ эти оговорки обличаютъ лишь слабость механическаго міровоззрѣнія. Постичь сознаніе изъ движенія точно такъ же невозможно, какъ и изъ вещества. Замѣчанія Спенсера вызваны уступкой здравому смыслу, но отвергаются принципомъ его системы. Этотъ принципъ не дуализмъ, а матеріалистическій монизмъ. Непосредственнымъ обнаруженіемъ своего Непознаваемаго Спенсеръ считаетъ матерію и движеніе, а не матерію и духъ, который у него есть слѣдствіе распредѣленія матеріи и движенія. Правда, онъ заявляетъ, что матерія можетъ быть истолкована лишь въ терминахъ духа, а духъ въ терминахъ вещества [841]), однако онъ и духъ и матерію одинаково истолковываетъ въ терминахъ матеріи. Файскъ только обостряетъ непослѣдовательность Спенсерова міровоззрѣнія.

---

[835]) Wiener, Die Grundzüge d. Weltordnung, 727 f.

[836]) Spencer, First Principles, P. II, Ch. VIII, §§ 72—73.

[837]) Spencer, Principles of Psychology P. II, Ch. I, § 60.

[838]) Ibid. P. II, Ch. I, §§ 62—63. P. V, Ch. X, §§ 269—273.

[839]) Ibid. § 63: Nevertheless, it may be as well to say here, once for all, that were we compelled to choose between the alternatives of translating mental phenomena into physical phenomena or of translating physical phenomena into mental phenomena, the latter alternative would seem the more acceptable of the two.

[840]) Fiske, Outlines of the Cosmic Philosophy, II, 435.

[841]) Spencer, Principles of Psychology, P. V, Ch. X, § 272: We can think of Matter only in terms of Mind. We can think of Mind only in terms of Matter.

А между тѣмъ противоположный путь, какъ признаетъ и самъ Спенсеръ, болѣе логиченъ. Объяснить духъ изъ матеріи нельзя безусловно, объяснить матерію изъ духа можно по крайней мѣрѣ формально. Ученіе Григорія Нисскаго и впослѣдствіи Беркли о матеріи какъ совокупности чувственныхъ качествъ монадологія Лейбница, сводящая основныя свойства бытія къ апперцепціи и аппетиту, анализъ въ „Философіи Безсознательнаго“ Гартманна, опредѣляющій понятіе матеріи какъ совокупность притягательныхъ и отталкивающихъ силъ, служащихъ обнаруженіемъ изначальной воли [842])—съ формальной стороны оставляютъ желать весьма немногаго. Если поэтому монизмъ и возможенъ, то лишь какъ спиритуализмъ. Однако наше сознаніе никакъ не можетъ примириться съ выраженіемъ всей вообще дѣйствительности въ терминахъ духа и вопреки всякимъ доводамъ упорно утверждаетъ нѣкоторую недуховную реальность. Но то, что́ сознается съ полною ясностью и не можетъ быть отмыслено, мы по критерію истины какъ отчетливаго сознанія, не допускающаго возможности противорѣчія [843]), должны признать за истину. Поэтому единственный правильный путь въ истолкованіи жизни вселенной, тотъ, чтобы (подобно тому какъ Платонъ въ „Тимэѣ“ и вслѣдъ за нимъ цѣлый рядъ мыслителей — Спиноза, Мистики, Шеллингъ, какъ учитъ въ настоящее время, примыкая къ „Психологіи“ Аристотеля, Вундтъ, и какъ иногда склоненъ думать Спенсеръ [844]), признать духъ и вещество двумя нераздѣльными и одинаково изначальными сторонами одного и того же существа.

---

842) Greg. N. De an. et resurr. 240. In hexaëm. 7. De hom. opif. 107 Mor. Berkley, Of th Principles of human knowledge, § 3 f., Fraser, Selections from Berkley, 3-d ed. Oxf. 1884, 37 f. Подробный анализъ у А. И. Смирнова, Философія Беркли, Варш. 1873, 41, сл. Leibniz, Monad. 14. 15. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Gesch. d deutsch. Phil. 86 f. Hartmann, Philos. d. Unbewussten, II[10], с. 5, 96 f. О построеніяхъ Фихте, Шеллинга, Гегеля не говорю, какъ менѣе послѣдовательныхъ.

843) Объ этомъ критеріи Spencer, Principles of Psychology, P. VII, Ch. XI. Mill, Science of Logic, I[10], Book II, Ch. VII, § 1. М. М. Троицкій, Объ очевидности какъ предметѣ Логики, Учебн. Логики, М. 1885, I, 3 сл. Grung, das Problem d. Gewissheit, Heid. 1886.

844) О Платонѣ и мистикахъ выше, стр. 183. Spinoza, Ethica, II, Prop. VII, Schol. Schelling, Darstell. m. Syst. d. Philos. § 44 f. (Werke 1-te Abth., 4-r B., 135 f.). Съ ученіемъ Вундта сейчасъ встрѣтимся. Spencer, First Principles, P. II. Ch. XXIV, § 194 (въ концѣ): though the relation of subject and object renders necessary to us these antithetical conceptions of Spirit and Matter: the one is no less than the other to be regarded as but a sign of the Unknown Reality which underlies both. Principles of Psychology, P. V, Ch. X, § 272.

Но ставъ на эту точку зрѣнія, мы неизбѣжно должны, вопреки господствующему физіологическому предразсудку, заключить, что не тѣло создаетъ духъ, а наоборотъ духъ образуетъ тѣло. Какъ бы мы ни объясняли возникновеніе первоначальныхъ движеній въ животномъ мірѣ, изъ сознательной-ли воли, [845]) или безсознательныхъ рефлексовъ [846]), безспорно то, что въ дальнѣйшемъ развитіи живыхъ существъ большая часть движеній направляется волей. А такъ какъ движеніе главный внѣшній факторъ въ дифференціаціи тканей и образованіи органовъ, то главную причину всей вообще животной организаціи мы должны искать въ духовной жизни.

„Психическая исторія развитія (поясняетъ только что указанную истину Вундтъ [847]) не только соприкасается съ физической, но даже сильно въ нее входитъ.... Стремленіе какъ основной психическій феноменъ заключаетъ движеніе прежде всего какъ ощущеніе движенія, а за тѣмъ... какъ представленіе движенія. Но это различеніе между дѣйствительнымъ движеніемъ и представленіемъ о немъ есть лишь поздно совершаемый сознаніемъ актъ различенія: сила воли надъ движеніями тѣла образуетъ поэтому съ самаго начала интегрирующую составную часть внутренняго опыта. Вслѣдствіе того, что даже поверхностное разсмотрѣніе явленія развитія легко приходитъ къ результату, что съ усовершенствованіемъ физической организаціи возвышаются также и психическія отправленія, возникаетъ то еще и теперь обычное воззрѣніе, которое въ первомъ видитъ причину втораго. Глубже проникающее разсмотрѣніе психической исторіи развитія должно придти къ противоположному пониманію: черезъ движеніе, которое стремленіе производитъ, оно дѣйствуетъ на физическую организацію и оставляетъ въ ней тѣ пребывающіе слѣды, которые прежде всего облегчаютъ возобновленіе вызваннаго стремленіемъ движенія, а за тѣмъ вслѣдствіе присоединенія отвѣтныхъ дѣйствій другихъ стремленій, допускаютъ возникновеніе болѣе сложныхъ выраженій стремленія.... Такимъ образомъ мы принуждены къ

---

845) Wundt, Grundzuge d. physiol. Psychologie, II³, 488 f.

846) Spencer, Principles of Psychology, P. IV, Ch. IV. Bain, The Emotions and the Will, 3-d ed. Lond. 1880. 304 f. The Senses and the Intellect, 3-d ed. Lond. 1868, 296 f.

847) Wundt, Grundzüge, II³, 546 f. Logik II, 471. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ Bunge, Vitalismus u. Mechanismus, Leipz. 1886. Cope Theology of Evolution, Philad. 1887, 23 f. The Origin of the Fittest, Lond. 1888.

тому взгляду, что физическое развитіе не причина, а скорѣе слѣдствіе психическаго развитія. Тѣлесная организація доставляетъ предрасположеніе, пріобрѣтенное психическимъ развитіемъ прежнихъ поколѣній, и въ незначительной части индивидуальнымъ развитіемъ сознанія. Тотъ старинный анимистическій взглядъ, который впервые выразилъ Аристотель въ знаменитомъ научномъ опредѣленіи души какъ первой энтелехіи живаго тѣла, оказывается (конечно въ измѣненномъ видѣ) единственнымъ, который обѣщаетъ одновременно освѣтить проблему духовнаго и тѣлеснаго развитія. Только предположеніе, что психическое развитіе создало тѣло, дѣлаетъ понятнымъ неотразимый, не смотря на антителеологическія склонности современной біологіи, фактъ цѣлесообразности жизненныхъ явленій. Эта цѣлесообразность имѣетъ свое основаніе именно въ томъ, что одна часть жизненныхъ явленій, сознательныя дѣйствія воли, непосредственно происходитъ изъ цѣлей какъ мотивовъ, а другая—... состоитъ какъ бы изъ окаменѣлыхъ остатковъ прежнихъ дѣйствій по цѣлямъ".

Такимъ образомъ мы видимъ полную несостоятельность механической теоріи рѣшить поставленные выше вопросы. На всѣ нихъ она должна отвѣчать однимъ общимъ безусловнымъ „Ignorabimus" [848]). Неразрѣшимы они и для телеологіи. Но великое преимущество послѣдней передъ первой въ томъ, что тогда какъ послѣдняя, признавая жизнь, духъ, формы и законы изначальными свойствами зиждущаго міръ Бога, находитъ въ этихъ свойствахъ непоколебимую опору для всѣхъ своихъ выводовъ, первая, не признавая ихъ изначальными, но и не имѣя возможности объяснить ихъ происхожденіе, въ самомъ принципѣ рушитъ всякую опору.

Поэтому логическая непослѣдовательность—единственное спасеніе механической теоріи. Отрицая телеологію прямо, она вынуждена признавать ее косвенно. Тѣ самые матеріи, силы и законы, на которые она при объясненіи міра ссылается, совершенно ясно подразумѣваютъ цѣлесообразность. Законъ въ его реальномъ значеніи есть необходимое единство, дающее опредѣленный характеръ безконечному ряду явленій; всякая реальная сила есть способность производить

---

848) Du Bois Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerkennens. Die sieben Welträthsel. 6te u. 2-te Aufl. Leipz. 1884.

дѣйствія опредѣленнаго порядка; всякая реальная матерія—способность обнаруживать опредѣленныя свойства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подразумѣвается нѣкоторый предопредѣленный и опредѣляющій порядокъ, нѣчто, что̀ должно быть осуществлено, то есть именно цѣль. „Напротивъ, лишите природу, ея силы и законы всякаго яснаго или темнаго предусмотрѣнія будущаго, всякаго инстинкта, всякаго интереса; сведите эти слова къ чуждымъ телеологіи понятіямъ, именно—природу къ совокупности вещей, то есть тѣлъ, силу природы къ свойствамъ этихъ тѣлъ, законы природы къ производимымъ изъ этихъ свойствъ отношеніямъ; въ такомъ случаѣ міръ могъ образоваться не иначе, какъ вслѣдствіе случайныхъ встрѣчъ и внѣшнихъ отношеній. Словомъ, либо міровой порядокъ есть лишь производная сила, то есть явленіе побочное, и тогда онъ есть дѣло случая, или онъ существенъ, и тогда въ природѣ существуетъ нѣкоторый принципъ порядка, то есть принципъ, сводящій множество къ единству, направляющій настоящее къ будущему и слѣдовательно повинующійся сознательно или безсознательно закону цѣлесообразности“ [849]). Но какъ скоро мы признаемъ законы, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ первую возможность. Законъ причинности по отношенію къ телеологіи не отличается отъ всѣхъ прочихъ. „Если міровой порядокъ не нарушимъ, то всякое конечное дѣйствіе въ ряду причинности есть необходимое слѣдствіе, относительно котораго предыдущее опредѣлено точно такъ же твердо, какъ само это слѣдствіе опредѣлено относительно этого предыдущаго. Причина и цѣль становятся такимъ образомъ коррелативными понятіями въ объективномъ смыслѣ. Послѣдовательно проведенное понятіе о причинѣ требуетъ поэтому понятія о цѣли какъ своего дополненія точно такъ же, какъ второе—перваго“ [850]).

При отрицаніи телеологіи механическая теорія слѣпо повинуется присущей нашему разуму склонности сводить разнообразіе явленій къ единству заранѣе установленнаго излюбленнаго принципа [851]). Извѣстное правило „Non est ponenda pluralitas sine necessi-

---

849) Janet, Les Causes finales, 2 ed. Paris 1882. 285.

850) Wundt, Logik, I, 584.

851) На эту склонность въ яркихъ чертахъ указываетъ Бэконъ, Novum Organum, I, 104: itaque hominum intellectui non plumae addendae, sed plumbum potius et pondera etc.

tate“ [852]) оправдываетъ себя и психологически и логически. Всякое наше духовное состояніе, на первый взглядъ даже самое простое, въ дѣйствительности всегда сложно и объединяется умственною дѣятельностью [853]), которая въ логическомъ теченіи идетъ поступательно все къ большему единству: отъ разнообразія ощущеній къ единству представленій, отъ разнообразія представленій къ единству понятій, отъ разнообразія понятій къ единству сужденій, отъ разнообразія сужденій къ единству умозаключеній, отъ разнообразія умозаключеній къ единству метода и системы. Но на ряду съ этимъ принципомъ знанія существуетъ еще высшій—„сводить происходящее къ тѣмъ условіямъ, отъ которыхъ оно по истинѣ зависитъ, и томительное чаяніе единства подчинять признанію множества различныхъ основаній тамъ, гдѣ факты опыта не даютъ никакого права выводить различное изъ одинаковаго источника“ [854]).

По руководству этого принципа, безусловную необходимость существованія міроваго Разума признаютъ не только профессіональные философы, но и мыслящіе естествовѣды. „Три различныя ступени прогресса отъ неорганическаго міра матеріи и движенія до человѣка (говоритъ одинъ изъ наиболѣе именитыхъ представителей современнаго естествовѣдѣнія [855]) указываютъ ясно на незримую вселенную, на міръ Духа, которому міръ матеріи совершенно подчиненъ. Къ этому духовному міру мы можемъ отнести чудесный комплексъ силъ, извѣстныхъ намъ какъ тяготѣніе, притяженіе, химическая сила, лучеиспусканіе, электричество, безъ которыхъ матеріальная природа не можетъ существовать ни одного мгновенія въ ея настоящей формѣ, а быть можетъ и вовсе, такъ какъ безъ этихъ силъ, и быть можетъ другихъ, которыя могутъ быть названы атомическими, сомнительно, чтобы сама матерія могла имѣть какое либо существованіе. И еще съ большею достовѣрностью мы можемъ отнести къ нему тѣ прогрессивныя проявленія жизни въ растеніяхъ, животныхъ и человѣкѣ, которыя мы можемъ классифицировать какъ безсознательную, сознательную и умственную жизнь и которыя вѣроятно зависятъ отъ различныхъ степеней духовнаго вліянія.“

---

[852]) Occam, Sup. libr. sent. 2, qu. 17, D.

[853]) Истину эту, съ различныхъ точекъ зрѣнія, выясняютъ Спенсеръ, Princ. of Psych. P. II, Ch. 1, § 60 f. и Вундтъ, Grundz. d. phys. Psych. I[3], 289 f.

[854]) Lotze, Mikrokosmus, I[3], 165.

[855]) Wallace, The Darwinism, 2-d ed. Lond. 1889, 476.

„Съ точки зрѣнія разумнаго міропониманія (говоритъ другой именитый естествовѣдъ [856]) явленія природы не что̀ иное, какъ объективированные модусы божественной мысли, силы природы не что̀ иное, какъ различныя формы вездѣсущей божественной энергіи или воли, законы природы не что̀ иное, какъ правильные модусы дѣйствія божественной воли, неизмѣнные вслѣдствіе того, что Богъ неизмѣненъ. Съ этой точки зрѣнія законъ тяготѣнія не что̀ иное, какъ способъ дѣйствія божественной энергіи въ поддержаніи міра—божественный методъ поддержанія; законъ эволюціи не что̀ иное, какъ способъ дѣйствія той же самой божественной энергіи въ произведеніи и развитіи міра—божественный методъ творенія; и наука есть систематическое познаніе этихъ божественныхъ мыслей и путей—раціональная система естественнаго богословія. Однимъ словомъ, съ этой точки зрѣнія не существуетъ никакой реальной дѣйствующей силы помимо духа и никакого независимаго существованія кромѣ Бога."

Proinde non duo a se ipsis distantia debemus intelligere Dominum et creaturam, sed unum, et id ipsum. Nam et creatura in Deo est subsistens, et Deus in creatura mirabili et ineffabili modo creatur, se ipsum manifestans, invisibilis visibilem se faciens et incomprehensibilis comprehensibilem et occultus apertum et incognitus cognitum et forma et specie carens formosum et speciosum et superessentialis essentialem et supernaturalis naturalem,—et omnia creans in omnibus creatum et omnium fastor fastum in omnibus [857]).

Остается теперь обсудить тѣ (теоретическія) возраженія, которыя обыкновенно выставляютъ противъ телеологіи [858]). Возраженія эти сводятся къ двумъ: 1) антропоморфности телеологіи и 2) ея

---

[856]) Le Conte, Evolution and its Relation to Religious Thought, Lond. 1888, 283. Подобныя заявленія можно встрѣтить у очень многихъ „людей науки", но я ограничиваюсь лишь мнѣніями передовыхъ представителей ученія объ эволюціи, которая, на взглядъ приверженцевъ механической теоріи (Спенсера, Гексли, Геккеля), служитъ прямымъ опроверженіемъ телеологіи.

[857]) Scotus Erigena. De divis. nat, III, 17, 678 b, Mign.

[858]) Возраженія эти формулированы Кантомъ Kritik d. rein. Vernunft, V. d. Unmogl. d. phys. theol. Bew. 423 f. Hart. Spinoza Eth. P. I, Append Spencer, Princ. of Biology, P. III, Ch. II, § 114. Comte, la Philosophie positive, II[4], 22 sq, Buchner, Kraft u. Stoff, 138 f. Schultze, Philosophie der Naturwissenschaft. Leipz. 1881—1882, I, 70 f., 276 f. II, 328. Самыя ранніе возраженія у Лукреція, De natura rerum, IV, 822 сл. Всѣ вообще возраженія, какъ теоретическія, такъ и практическія, обстоятельно разсмотрѣны у Janet, Les Causes Finales, 2-d ed. 648 sq. Martineau, A Study of Religion, I. 321 f.

неспособности объяснить существованіе зла. Отвѣтъ на второе возраженіе долженъ вмѣстѣ служить и критикой ученія Платона о всенаправляющемъ Благѣ.

Цѣлесообразность (говорятъ ея противники)—чисто человѣческое понятіе. Въ сознательной дѣятельности мы руководимся цѣлями. Отсюда мы заключаемъ, что и природа дѣйствуетъ по цѣлямъ. Какъ при взглядѣ на произведенія искусства мы необходимо предполагаемъ разумнаго ихъ виновника, точно также думаемъ, что и произведенія природы—слѣдствіе разумной дѣятельности. Мы однако не имѣемъ права переносить на природу понятія нашего духа. Быть можетъ, все, что́ намъ представляется цѣлесообразнымъ, создано дѣйствіемъ „механическихъ законовъ“. Заключеніе о цѣлесообразности выведено по аналогіи, а аналогія не имѣетъ логической убѣдительности.

Указаніе на антропоморфность понятія о цѣли безусловно справедливо. Но тоже самое справедливо и обо всѣхъ нашихъ понятіяхъ. Всѣ они получаютъ смыслъ и значеніе исключительно въ свѣтѣ нашего внутренняго опыта. Требовать, что бы человѣкъ мыслилъ не человѣческими понятіями, значитъ требовать безсмыслицы. [859]) Понятіе о причинности, на которомъ механизмъ строитъ свои доводы, относительно антропоморфности ничѣмъ отъ понятія о цѣли не отличается.

Противъ того, что заключеніе о цѣлесообразности основано на аналогіи, можно во всякомъ случаѣ спорить. Милль, напримѣръ, доказываетъ, что оно—индуктивное обобщеніе, выведенное по методу согласія, и имѣетъ высшую свойственную этому (правда, несовершенному) методу убѣдительность [860]). Впрочемъ, если бы мы и признали его за выводъ по аналогіи, то во всякомъ случаѣ требовалось бы доказать, что эта аналогія не убѣдительна. При оцѣнкѣ заключеній по аналогіи слѣдуетъ различать между аналогіями необходимыми и ненеобходимыми. Необходимы тѣ, которыя обусловливаютъ возможность міропониманія. Но наше міропониманіе, какъ только что объяснено, не можетъ быть никакимъ инымъ кромѣ основаннаго на аналогіяхъ между нашимъ существомъ и внѣшнимъ міромъ.

---

859) Права (критическаго) антропоморфизма талантливо отстаиваетъ Seth, Hegelianism and Personality, Lond. 1887. Изъ представителей механической теоріи ихъ признаетъ (съ ограниченіями) Fiske, Outlines of Cosmical Philosophy, II, 381 f. и болѣе рѣшительно въ Idea of God, 119 f. См. выше, стр. 215.

860) J. S. Mill, Nature, the Utility of Religion and Theism, 2-d ed. Lond. 1874, 167 f.

Ученіе о причинности признается всѣми какъ логически убѣдительное. Съ равнымъ правомъ мы должны признать логически убѣдительнымъ и ученіе о цѣлесообразности, такъ какъ первое, какъ уже было объяснено, не мыслимо безъ послѣдняго.

Кантъ въ своихъ „Критикахъ“ противопоставилъ причинность цѣли какъ категорію разсудка понятію разума, образующую явленія функцію (принципъ конститутивный) вещи въ себѣ (принципу регулятивному), безусловно познаваемое безусловно непознаваемому [861]). Такое различіе вызвано произвольнымъ выводомъ и истолкованіемъ категорій [862]) и неправильнымъ взглядомъ на душу какъ состоящую изъ обособленныхъ способностей [863]), а на сознаніе какъ на формальное синтетическое тожество *я* = совокупности моихъ состояній [864]). Понятіе о причинности Кантъ выводитъ изъ понятія объ отношеніи; но этимъ понятіемъ понятіе цѣли предполагается точно такъ же, какъ понятіе причины. Наша душа едина и нераздѣльна; и наше сознаніе не есть лишь сознаніе синтетическаго единства, но живой организмъ, гдѣ трансцедентное единство опредѣляется эмпирическимъ множествомъ, а эмпирическое множество трансцедентнымъ единствомъ—не только въ настоящемъ, въ актахъ познаванія, но и въ будущемъ, какъ цѣль дѣйствій этого единства въ мірѣ явленій. Всѣ мои дѣйствія безспорно обусловлены эмпирическими мотивами, но самые эти мотивы избраны моимъ трансцедентнымъ *я*, способнымъ въ мірѣ явленій не только становиться въ тотъ или другой рядъ причинъ и слѣдствій, но и начинать новые ряды. На эту истину впервые указалъ Платонъ своимъ требованіемъ выникать для истиннаго знанія и нравственной дѣятельности изъ бываніе въ бытіе [865]),

---

861) На противоположности между категоріями какъ конститутивными и идеями какъ регулятивными принципами основана вся трансцендентальная діалектика Каата. Частныя доказательства поэтому излишнія. О цѣли какъ идеѣ Кантъ говоритъ всего яснѣе въ Kritik d. Urtheilskraft, § 71. 77. p. 401. 417 f Hart.

862) Сокрушительная критика ученія Канта о категоріяхъ у Шопенгауэра. Die Welt als Wille etc. I⁴, 509 f. Заслуживаетъ также вниманія анализъ у Caird, The Critical Philosophy of I. Kant, II, Ch. III—V.

863) Kant, Kritik d. rein. Vernunft, Elementarl. II, Th., 1 Abth., 1 B. 2 Hauptabsch, § 16, 115 f. Hart.

864) На возможность единства духовныхъ способностей указываетъ самъ Кантъ, Kritik d. reinen Vernunft, Einl. 52 Har.

865) De Rep. 525, B: φιλοσόφῳ δὲ διὰ τὸ τῆς οὐσίας ἅπτεον εἶναι (των μαθημάτων) γενέσεως ἐξαναζύντι. Мы уже знаемъ, что математика нужна Платону какъ средство постиженія идеи

затѣмъ ее усвоили и развили Климентъ и Эккартъ, [866]) но обосновалъ на критической почвѣ Кантъ [867]). Нравственное ученіе Канта безспорно одно изъ самыхъ глубокомысленныхъ и цѣнныхъ въ философіи. Только съ точки зрѣнія этого ученія возможно примирить эмпирическую необходимость съ сознаніемъ нашей способности дѣйствовать по цѣлямъ или сознаніемъ свободы воли. А это сознаніе коренное, неизгладимое, безусловно достовѣрное сознаніе. Оно не только безусловное, но и верховное, такъ какъ (по вѣрному замѣчанію Канта) теоретическій разумъ подчиненъ практическому [868]). Всякое теоретическое сознаніе есть прежде всего сознаніе дѣятельное; но всякое дѣятельное сознаніе необходимо предваряется и направляется понятіемъ цѣли. Поэтому не въ теоретическомъ разумѣ коренится практическій, а теоретическій въ практическомъ, и не понятіе цѣли въ понятіи причинности, а понятіе причинности въ понятіи цѣли.

Понятіе цѣли лежитъ такимъ образомъ въ самомъ основаніи духовнаго существа нашего. Именно по своей безусловной внутренности оно и не предносится нашему сознанію во внѣшнемъ опытѣ съ такою настойчивостью, съ какою болѣе внѣшнее намъ понятіе о причинѣ. Какъ о сознаніи мы мыслимъ лишь въ спеціальномъ анализѣ, ставящемъ сознаніе своимъ собственнымъ объектомъ, такъ и о цѣли говоримъ лишь тогда, когда внѣшняя природа слишкомъ ярко раскрываетъ свою аналогію съ нашей внутренней организаціей.

Непреложное сознаніе даетъ и непреложную мѣру истины. Поэтому всякая теорія, которая идетъ съ нимъ въ разрѣзъ, должна быть отвергнута какъ ложная или по крайней мѣрѣ односторонняя [869]).

блага, а постиженіе идеи блага—для руководства въ частной и общественной жизни (стр. 67. 110. 209 сл.). Въ чемъ состоитъ „выниканіе изъ бываніа въ бытіе“, видно изъ Phaedo, 79, D. De Rep. 490, A—B. 500, B—C. 611, C—612, A. Tim. 47, A—E. 90, A—D. Выше, стр. 69, сл.

[866]) Clemens, Strom. VII, 16, 281. 286 Pott. Объ Эккартѣ Preger, Gesch. d. deutsch. Mystik, Leipz. 1874, I, 439 f. О Филонѣ и Неоплатоникахъ не говорю, такъ какъ погруженіе въ Божество имѣло у нихъ чисто созерцательный, исключающій дѣятельность, характеръ.

[867]) Kant, Kritik d. reinen Vernunft, Moglichkeit der Causalitat durch Freiheit, 374 f. Kritik d Praktischen Vernunft, Kritische Beleuchtung d. Analytik, 98 f.

[868]) Kant, Kritik d. praktischen Vernunft, Von dem Primat der reinen praktischen Vernunft etc. 125 f. Hart.

[869]) Дѣльныя замѣчанія у Lasson'a, Zeitliches und Zeitloses, Leipz 1890, 53 f.

Спрашивается однако, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ субъективная необходимость объективной? [870]) Если подъ объективнымъ міромъ подразумѣвать вмѣстѣ съ послѣдовательнымъ идеализмомъ (какъ онъ проведенъ, напримѣръ, въ первомъ изданіи „Критики чистаго разума“ Канта и въ „Наукословіи“ Фихте) созданіе нашего *я*, то разница между субъективной и объективной необходимостью очевидно уничтожается. Если подъ объективнымъ міромъ подразумѣвать міръ непознаваемыхъ вещей въ себѣ, то по отношенію къ этому міру поставленный выше вопросъ не имѣетъ смысла. Наконецъ, если подъ объективнымъ міромъ подразумѣвать то, что̀ обыкновенно подразумѣвается— внѣшнія вещи, способныя на насъ дѣйствовать и отъ насъ принимать дѣйствіе, то при обсужденіи вопроса о соотвѣтствіи субъективной необходимости объективной необходимости слѣдуетъ различать безусловныя доказательства отъ условныхъ. Безусловно такое соотвѣтствіе не можетъ быть доказано точно такъ же, какъ не можетъ быть доказано и самое бытіе объективнаго міра [871]). Это бытіе мы признаемъ по субъективному критерію совершенной ясности и невозможности мыслить противоположное [872]). Но этотъ критерій имѣетъ безусловную цѣну лишь для нашего субъективнаго міра, а по отношенію къ внѣшнему міру послѣдовательнымъ идеализмомъ можетъ быть оспариваемъ. Не даромъ Декартъ, строившій всѣ свои дедукціи на доводахъ яснаго и отчетливаго сознанія, въ вопросѣ о бытіи внѣшняго міра вынужденъ былъ признать единственно убѣдительнымъ основаніемъ правдивость Божію [873]). Если же мы примемъ указанный выше критерій и для разсужденій о внѣшней намъ дѣйствительности, то соотвѣтствіе между субъективной и объективной необходимостью можетъ быть доказано съ такою же достовѣрностью, какъ и бытіе объективнаго міра. Безусловно достовѣрно то, что изъ ничего не можетъ быть что̀ нибудь. А изъ этой аксіомы непосредственно слѣ-

---

[870]) Изъ многочисленныхъ изслѣдованій, посвященныхъ теоріи познанія, достаточно отмѣтить два, точка зрѣнія которыхъ близка къ проводимой мною: Lorenz Fischer, Die Grundfragen der Erkenntnisstheorie, Mainz, 1887. A. Mühry, Kritik u. kurze Darlegung der exacten Natur-Philosophie, Gött. 1882.

[871]) Анализъ этого вопроса у Zeller'a, Ueber die Grunde unseres Glaubens an die Realität der Aussenwelt. Vortiage und Abhandlungen, III, 1884, 225 f. Hodgson, Consciousness of the External Reality, Mind, X (1885), 321 f.

[872]) Выше, стр. 243.

[873]) R. Cartesii Meditationes, III, VI.

дуетъ, что все то, что̀ дано въ слѣдствіи, необходимо должно заключаться въ изначальномъ основаніи, изъ котораго произошло это слѣдствіе. Всѣ мы—часть вселенной; поэтому все, что̀ въ насъ—должно быть въ общей нашей матери. Какъ наше тѣло сложено изъ тѣхъ же веществъ, изъ какихъ все остальное въ мірѣ, точно также и наша душа со всѣмъ ея содержаніемъ должна находить соотвѣтствіе въ духовномъ началѣ вселенной. Такъ доказывали существованіе мірового Разума Сократъ, Платонъ и впослѣдствіи Локкъ [874]). Съ логической стороны этого доказательства нельзя не признать убѣдительнымъ.

Милль причисляетъ подобныя разсужденія къ „заблужденіямъ простаго усмотрѣнія“ [875]). Въ доказательство онъ однако не приводитъ ничего кромѣ своего собственнаго ученія о причинности какъ неизмѣнномъ и безусловномъ преемствѣ явленій [876]). Но это ученіе, хотя и вполнѣ пригодно въ практическомъ отношеніи, теоретически не можетъ быть оправдано. Милль основываетъ его на данныхъ наблюденія и опыта. Но никакой внѣшній опытъ не уполномочиваетъ къ безусловнымъ выводамъ, такъ какъ изъ того, что явленіе при извѣстныхъ обстоятельствахъ встрѣчалось нѣсколько разъ, не слѣдуетъ, что оно всегда и неизмѣнно будетъ наступать при тѣхъ же обстоятельствахъ. Напротивъ, опытъ внутренній свидѣтельствуетъ безусловно, что причина не есть лишь то, за чѣмъ что̀ нибудь слѣдуетъ, но прежде всего то, въ силу чего явленіе происходитъ. Такъ какъ о внѣшнемъ опытѣ мы судимъ по аналогіямъ съ опытомъ внутреннимъ, то Бэнъ не безъ основанія отожествилъ законъ причинности съ закономъ сохраненія энергіи [877]).

Торжествомъ современнаго міровоззрѣнія съ полнымъ правомъ считается гипотеза о развитіи. Она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ разума и не противорѣчитъ ни одному. Но она совершенно ясно подразумѣваетъ только что отмѣченное слѣдствіе. Эта гипотеза построена на (указанной впервые Орфической ѳеогоніей [878]) аналогіи между развитіемъ живаго существа изъ яйца и развитіемъ міра изъ

---

[874]) Xenoph Memorab. I, 4, 8, сл. Phileb. 28, D, сл. Locke, Essay conc. hum. Understanding, Book IV, Ch. X, 2 f.

[875]) Mill, System of Logic, II[10], Book V, Ch. III, § 7, 333 f.

[876]) Ibid. I, Book III, Ch. V.

[877]) Bain, Logic, II[2], 20 f.

[878]) Damasc. 381 K. Athenag. Supplic. c. 15, 84 Otto. Aristoph. Aves, 694 sq. Zeller, Ph. d. Gr. I[4], 81 f. Kern, De Orphei Epimenidis etc. cosmogonius, Berol. 1888, 22 sq.

первоосновы. Яйцо содержитъ въ себѣ идеально всю исторію будущаго существа, а управляющая ходомъ развитія этого существа идея—идеи всѣхъ его свойствъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Относительно вселенной истина эта тѣмъ очевиднѣе, что вселенная есть полнота всякаго бытія. Правильно понятая гипотеза о развитіи служитъ поэтому самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ механической теоріи.

„Находить единство, систему, связь, постепенность во всѣхъ вещахъ—несомнѣнно истинная и собственная цѣль науки. Но мы понапрасну пытались бы реализовать ее, если бы стали искать объясненія высоко-сложной системы въ ея самомъ низкомъ и тощемъ факторѣ. Истинное объясненіе должно быть найдено при обратномъ порядкѣ, при исканіи ключа къ началу въ концѣ, не къ концу въ началѣ. Можно согласиться, что въ „матеріи у насъ есть обѣщаніе и мощь всей земной жизни“; но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ истинно то, что въ первой нотѣ прелюдіи есть обѣщаніе и мощь всей спмфоніи, въ первомъ слабомъ прикосновеніи руки генія къ полотну обѣщаніе и мощь великолѣпнаго и совершеннаго произведенія искусства. Въ каждомъ великомъ произведеніи мысли идеалъ во всей его полнотѣ управляетъ цѣлымъ процессомъ; не существуетъ съ самаго начала ни одного произвольнаго удара, ни одного прикосновенія, которое не было бы проникнуто силою цѣлаго и пророчествомъ его исполненія. Точно также, если мы когда нибудь придемъ къ истинному истолкованію міра, то оно несомнѣнно будетъ такимъ, согласно съ которымъ не будетъ никакого неразумнаго промежутка или перерыва въ систематической непрерывности между однимъ порядкомъ существованія или однимъ классомъ силъ и другимъ, но переходъ отъ неорганическаго къ органическому, отъ нисшихъ къ высшимъ формамъ жизни, и въ концѣ всего отъ всѣхъ нисшихъ порядковъ бытія къ самостоятельному ихъ мыслящему духу—другими словами, послѣдовательность такъ сильно сцѣпленныхъ элементовъ, что самый нисшій и меньшій долженъ быть въ опредѣленномъ отношеніи къ послѣднему и высшему и заключать въ себѣ пророчество о немъ и его предзнаменованіе, а высшее должно содержать въ себѣ нисшее какъ свое необходимое предположеніе. Но если такъ, если мы въ извѣстномъ смыслѣ должны въ нисшемъ найти объясненіе высшаго, то не въ нисшемъ какъ нисшемъ или въ какихъ либо качествахъ ему спеціально принадлежащихъ, но потому что

сила высшаго уже въ немъ дѣйствуетъ. Если можно когда нибудь показать, что растительная и животная жизнь развилась изъ неорганической матеріи, то лишь потому что неорганическая матерія содержитъ въ себѣ нѣчто большее чѣмъ то, что̀ мы называемъ неорганическимъ—то есть нѣкоторую скрытую способность къ саморазвитію, которая становится ясной въ растеніи или животномъ. Если о мысли можно въ какомъ нибудь смыслѣ сказать какъ о развившейся изъ организаціи, то лишь потому, что животная организація содержитъ и подразумѣваетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ животное, и высшее, чѣмъ органическія отношенія—зерно того оборота къ себѣ, который впервые ясно раскрываетъ духъ въ своемъ самосознаніи; и слѣдовательно, если настаиваютъ на томъ, чтобы видѣть въ матеріи причину духа, то потому что смотрятъ на матерію какъ на большее, чѣмъ матерія, какъ на содержащую въ себѣ въ возможности все, что̀ есть духъ. Но матеріализмъ, исходящій отъ матеріи, которая въ возможности одушевлена или духовна, перестаетъ, за исключеніемъ лишь имени, быть матеріализмомъ. Что̀ онъ дѣйствительно подразумѣваетъ—не то, что матерія, разсматриваемая какъ нѣчто независимое, есть причина духа или что мысль есть лишь преобразованная матеріальная сила, но что духъ въ зернѣ есть то, изъ чего выходитъ духъ, что разумъ имѣетъ свое начало въ томъ, что̀ подразумѣваетъ въ себѣ разумѣніе. Такое міровоззрѣніе скорѣе одухотворяетъ матерію, чѣмъ овеществляетъ духъ, такъ какъ во всемъ царствѣ существъ до самаго нисшаго существованія во внѣшней природѣ оно не оставляетъ ничего абсолютно чуждымъ и не однороднымъ мысли, ничего, что̀ въ дѣйствительности или возможности мысль не можетъ считать своей собственностью“ [879]).

„Ученіе объ эволюціи (говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ его представителей [880]) во всѣхъ главахъ имѣетъ извѣстный телеологическій видъ, хотя и не употребляетъ тѣхъ методовъ, которые въ рукахъ поборниковъ конечныхъ причинъ оказались столь сбивчивыми. Это ученіе не только неизмѣнно ставитъ на видъ цѣли, которымъ служитъ устройство природы, но по всему широкому отдѣлу того поля, которое покрываетъ, указываетъ на различимую

---

[879]) J. Caird, An Introduction to the Philosophy of Religion, new ed. Glasg. 1889, 108 f.
[880]) Fiske, The Idea of God, 159 f.

драматическую тенденцію, ясно намѣченный прогрессъ къ могучей цѣли.... Блестящее завершеніе, къ которому органическая эволюція стремится, есть произведеніе высшей и совершеннѣйшей духовной жизни". Объ этой цѣли мы судимъ по ея осуществленію, но очевидно цѣль предшествуетъ осуществленію. Аристотель своимъ различеніемъ между тѣмъ, что̀ первѣе для насъ, но позднѣе по природѣ, и тѣмъ, что первѣе по природѣ но позднѣе для насъ [881]), внесъ важный элементъ въ гносеологію. Наши жизнь и разумъ для насъ первѣе, чѣмъ жизнь и разумъ вселенной, но они возможны лишь при существованіи жизни и разума вселенной и потому по природѣ позднѣе.

Ставъ на эту точку зрѣнія, мы необходимо должны признать соотвѣтствіе между субъективной и объективной необходимостью, такъ какъ та и другая дѣло одного и того же Разума. Предполагать отсутствіе такого соотвѣтствія значило бы предполагать въ Разумѣ неразумность [882]). Поэтому предустановленная Божественнымъ Разумомъ гармонія между явленіями субъективнаго и объективнаго порядка навсегда останется лучшей гносеологической гипотезой. Каждая душа—живое зеркало вселенной, но отражаетъ ее по своему [883]). Эта разница примиряется однако общей природой всѣхъ душъ, какъ излученій одной и той же все опредѣляющей и животворящей субстанціи [884]).

Въ противоположность этой гипотезѣ, Спенсеръ [885]) выставилъ взглядъ принципіально отожествляющій душу съ изогнутымъ зеркаломъ, отображающимъ дѣйствительность такъ, что ни одна черта объективнаго міра не похожа ни на одну черту субъективнаго [886]). Основаніемъ для такого взгляда служитъ Спенсеру то, что при попыткѣ уразумѣть изначальныя опредѣленія абсолютной Первоосновы его

---

881) Anal. II, 2, 71 b, 33. 72 a, 1, 3. 3, 72 b, 26. I, 23, 68 b, 35.

882) „Si la pensée n'est pas un miroir où se reflète l'univers, où ses phénomènes dépouillent en quelque sorte la matérialité pour ne garder que cette beauté épurée qui jaillit de l'ordr et de la vérité, elle n'est qu'un gouffre sans fond, un abîme où croissent les fleurs amères du doute ou les poisons de la folie." A. Laugel, Les Problèmes, Paris, 1873, 47.

883) Leibniz, Extr. d'une lettre à Remond, 725 a Erdm. Extr. d'une lettre à Dangicourt 746 a Erdm. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Gesch. d. deutsch. Philos. 93 f. Объ источникахъ ученія Лейбница Brunhoffer, 9. Bruno's Lehre v. Kleinsten etc. Leipz. 1890, 32 f. 45 f.

884) Leibniz, Monadol. 47, 708 b Erdm.

885) О ней Спенсеръ говоритъ въ Principles of Psychology, P. IV, Ch. III, § 189.

886) Ibid. P. VII, Ch. XIX, §§ 472—473.

мысль впутывается въ неразрѣшимыя (на его взглядъ) антиномiи [887]). Но логическая состоятельность этихъ антиномій (какъ съ полною очевидностью доказываютъ критики Спенсера [888]), во всякомъ случаѣ подлежитъ сомнѣнію, а если бы она и была несомнѣнной, то уполномочивала бы къ заключенію не о томъ, что дѣйствительность представляется намъ въ извращенномъ видѣ, но только о томъ, что мы не знаемъ, какова она.

Этотъ взглядъ Спенсера очевидно лишь своеобразное выраженіе того общаго довода, которымъ издревле отстаивалъ себя скептицизмъ—что различнымъ живымъ существамъ въ различныхъ состоянiяхъ дѣйствительность представляется различно, что чувства обманчивы, умозаключенія недостовѣрны и проч. и что поэтому ни о чемъ нельзя утверждать ничего достовѣрнаго [889]). Намъ придется впослѣдствiи имѣть дѣло съ этимъ доводомъ [890]). Въ настоящемъ случаѣ достаточно поставить на видъ, что онъ безсиленъ доказать отсутствіе утверждаемаго нами соотвѣтствія между субъективной и объективной необходимостью. Если придавать ему безусловное значеніе, то онъ рушитъ возможность всякаго вообще знанія и потому уничтожаетъ самъ себя. Какъ скоро я говорю о недостовѣрности всякаго вообще знанія, я тѣмъ самымъ отрицаю и достовѣрность знанія о томъ, что нѣтъ достовѣрнаго знанія. Если же придавать скептическому доводу условное значеніе, то онъ можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что познавательной дѣятельности свойственны колебанія. Но колебанія неразрывны съ жизнью и нисколько не нарушаютъ закономѣрности. Какъ свѣтила небесныя, при всѣхъ своихъ возмущеніяхъ, періодическихъ и вѣковыхъ, закономѣрно совершаютъ бѣгъ свой [891]); какъ органическіе законы, не смотря на частныя исключенія, въ общемъ воплощаютъ растительные и животные типы: такъ и разумъ нашъ, не взирая на всѣ отступленія отъ истины, долженъ выполнять предположенную для него цѣль—постиженіе истины.

Неисчислимые міры разсѣяны въ пространствѣ и неисчислимыя солнца озаряютъ ихъ; но у всѣхъ этихъ солнцъ въ осно-

---

887) Ibid. P. II, Ch. I, § 63. First Princ. P. I, ch. III, § 17.

888) Выше, стр. 221, пр. 770.

889) Всѣ эти доводы изложены и разсмотрѣны у Brochard, Les Sceptiques grecs, Paris, 1887.

890) Гл. VIII.

891) Madler, Der Wunderbau des Weltalls, (Populäre Astronomie) 8-te Aufl. Strassb. 1885, 367 f.

ваніи одинъ и тотъ же свѣтъ [892]). Безчисленное множество живыхъ существъ обитаютъ эти безчисленные міры [893]); но для всѣхъ нихъ одна и таже истина. И ничто въ зримой вселенной не стоитъ, а все движется: движутся планеты вокругъ осей и вокругъ солнцъ, движутся солнца вокругъ осей и вмѣстѣ съ планетами и живущими на нихъ существами движутся изъ безконечнаго чрезъ безконечное въ безконечное, чтобы на предѣлѣ своего бытія найти полноту бытія въ лонѣ безконечнаго и затѣмъ опять обособиться въ никогда не скончаемой игрѣ жизни [894]). Всякое существо — всплескъ одного и того же міроваго потока; одна и таже сила заставляетъ биться мое сердце, руководитъ моими мыслями, закономѣрно распредѣляетъ зримыя и незримыя физическія и химическія силы.

Are not the mountains, waves, and skies, a part
Of me and of my soul, as I of them? [895]).

---

[892]) „Una lux illuminat omnia, una vita vivificat omnia, certis gradibus a superioribus ad inferna descendens, et ab infernis ad suprema condenscendens et sicut est in universo, ita est et in universi simulacris. Atque altius condescentibus non solum conspicua erit una omnium vita, unum in omnibus lumen, una bonitas, et quod omnes sensus sunt unus sensus, omnes notitiae sunt una notitia, sed et quod omnia tandem, utpote notitia, sensus, lumen, vita, sunt una essentia, una virtus et una operatio. Essentia, potentia, actio, esse, posse et agere, ens, potens et agens, est unum, ita ut omnia sint unum, ut bene novit Parmenides, unum omne et ens". Bruno, Sigill. Sigill. 568 Gfr.

[893]) Объ этомъ Kant, Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels (1755), 329 f. Hart. Flammarion, La Pluralité des Mondes habités etc. 34-e éd. 1890. Proctor, Our Place among Infinities, new ed. Lond 1886, 45 f. „Si l'on me posait simplement cette question, le Soleil est il habité? je repondrais que je n'en sais rien. Mais qu'on me demande si le Soleil peut être habité par des êtres organisées d'une manière analogue à ceux qui peuplent notre globe, et je n'hésiterai pas à faire une réponse affirmative. L'existence dans le Soleil d'un noyau central obscur enveloppé d'une atmosphère lumineuse ne s'oppose nullement, en effet, à une telle conception. Herschel croyait que le Soleil est habité". Arago, Astron. populaire, nouv. ed, Paris 1872, v. II, 181.

[894]) „Unzählige Thiere und Pflanzen werden täglich zerstört und sind ein Opfer der Vergänglichkeit, aber nicht weniger bringt die Natur, durch ein unerschöpftes Zeugungsvermögen, an anderen Orten wiederum hervor und füllt das Leere aus. Beträchtliche Stucke des Erdbodens, den wir bewohnen, werden wiederum in dem Meere begraben, aus dem sie ein gunstiger Periodus hervorgezogen hatte; aber an anderen Orten erganzt die Natur den Mangel und bringt andere Gegenden hervor, die in der Tiefe des Wassers verborgen waren, um neue Reichthümer ihrer Fruchtbarkeit über dieselben auszubreiten. Auf die gleiche Art vergehen Welten und Weltordnungen und werden von dem Abgrunde der Ewigkeiten verschlungen; dagegen ist die Schöpfung immerfort geschäftig, in anderen Himmelsgegenden neue Bildungen zu verrichten und den Abgang mit Vortheil zu ergänzen". Kant, Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, 299. Hart. Подобныя же замѣчанія у Бруно, De Immenso, V, 26—36. Различныя современныя научныя гипотезы о конечныхъ судьбахъ міра у Спенсера, First Principles, P. II, Ch. XXIII. Stewart and Tait, The Unseen Universe, a new ed. Lond. 1884, 128. 196 f. Fiske, The Unseen World, Boston, 1876 (критика предыдущаго). The Destiny of Man, Lond 1887, 112 f. Faye, Sur l'Origine du Monde, Paris, 1885, 306 sq. Wolff, Les Hypotheses cosmogoniques, Paris, 1886, 92 sq.

[895]) Byron, Childe Harold, Pilgr. III, C. LXXV.

Выдѣленіе своего я изъ міровой жизни — слѣдствіе узкаго, тяготѣющаго къ наличной дѣйствительности, кругозора. „Но какъ скоро мое сердце замкнулось для всякаго стремленія къ земному, послѣ того какъ у меня для преходящаго на самомъ дѣлѣ не стало сердца, представляется моимъ очамъ вселенная въ просвѣтленномъ видѣ. Мертвая, громоздкая масса, которая наполняла собою пространство, исчезла, и на ея мѣстѣ течетъ и волнуется и шумитъ вѣчный потокъ жизни, силы и дѣла—первоначальной жизни, Твоей жизни, Безконечный: ибо всякая жизнь есть Твоя жизнь, и только религіозныя очи проникаютъ въ царство истинной красоты.

Я Тебѣ сродни, и все, что̀ я вижу вокругъ и около меня, мнѣ сродни; все оживлено и одушевлено и смотритъ на меня изъ ясныхъ очей духа и говоритъ звуками духа моему сердцу. Многообразно разъединеннымъ и раздѣленнымъ вижу я себя во всѣхъ внѣшнихъ мнѣ образахъ и блещу изъ нихъ себѣ на встрѣчу, какъ утреннее солнце, многообразно разбитое въ тысячахъ капель росы, блеститъ себѣ навстрѣчу.

Твоя жизнь, насколько ее можетъ постичь конечный, есть саму себя лишь чрезъ себя образующая и представляющая воля; эта жизнь течетъ,—въ очахъ смертныхъ многоразлично претворенная въ чувство—черезъ меня во всю неизмѣримую природу. Здѣсь проходитъ она какъ сама себя творящая и образующая матерія, черезъ мои жилы и мускулы и отлагаетъ внѣ меня свою полноту въ деревѣ, въ растеніи, въ травѣ. Однимъ связнымъ потокомъ, капля за каплей, течетъ образующая жизнь во всѣхъ образахъ и повсюду, куда я только могу прослѣдить ее своимъ глазомъ; она смотритъ на меня—изъ каждой точки вселенной иначе—какъ таже самая сила, которою она въ сокровенной тьмѣ образуетъ мое собственное тѣло. Тамъ волнуется она свободно и прыгаетъ и пляшетъ какъ само себя образующее движеніе въ животномъ, и представляетъ себя въ каждомъ новомъ тѣлѣ какъ другой, собственный, для себя существующій міръ—та же самая сила, которая для меня незримо въ моихъ собственныхъ членахъ шевелится и движется.

Но чистою и святою и къ моему собственному существу столь близкою, сколь что нибудь можетъ быть для смертнаго въ его глазахъ, течетъ эта Твоя жизнь какъ нить, связующая духъ съ духомъ воедино, какъ воздухъ и эѳиръ единаго разумнаго

міра... Влекомая въ этомъ потокѣ свѣта движется мысль, неудержимо и оставаясь тою же самой, отъ души къ душѣ, и возвращается чистою и просвѣтленною изъ родственной груди. Черезъ эту тайну находитъ каждый самого себя, понимаетъ и любитъ самого себя только въ другомъ, и каждый духъ отвивается отъ другихъ духовъ, и не существуетъ никакого человѣка, но только человѣчество, никакой отдѣльной мысли, любви и ненависти, но лишь мысль, любовь и ненависть одна черезъ другую" [896]).

Ich bin
Der Geist, der sich in allem bewegt,
Vom frühsten Ringen dunkler Kräfte
Bis zum Erguss der ersten Lebenssäfte,
Wo Kraft in Kraft und Stoff in Stoff verquillt,
Die erste Blüth'die erste Knospe schwillt,
Zum ersten Strahl von neugebornem Licht,
Das durch die Nacht wie zweite Schöpfung bricht,
Und aus den tausend Augen der Welt
Den Himmel so Tag wie Nacht erhellt,
Herauf zu des Gedankens Jugendkraft,
Wodurch Natur verjüngt sich wieder schafft,
Ist Eine Kraft, Ein Wechselspiel und Weben,
Ein Trieb und Drang nach immer höherm Leben [897]).

Изъ этой живой связи не можетъ вырвать меня никакая сила. Я могу сосредоточить свою мысль на своемъ существѣ и мыслить о себѣ какъ объ особи. Но „изъ чего произошли существующія вещи, въ то же должны онѣ и разрушиться, такъ какъ несутъ одна передъ другой воздаяніе и наказаніе за несправедливость по порядку времени" [898]). Въ непреходящей чредѣ рожденія и погибели все единичное есть лишь временное выниканіе изъ общаго океана жизни и смерти. Чѣмъ сильнѣе порывъ жизни, тѣмъ выше несетъ свой гребень волна, но она падаетъ наконецъ—чтобы начать игру въ другомъ мѣстѣ. Еще не успѣла принять мое тѣло на свое лоно вѣчно подвижная „кормилица происхожденія", а мой духъ уже стоитъ „у шумнаго станка времени и работаетъ надъ живой ризой божества въ волнахъ жизни, въ бурѣ дѣйствій" [899]).

---

[896]) Fichte, Ueber die Bestimmung des Menschen, Sammtliche Werke, Berl. 1845, 1-te Abth. 2-r B., 345 f.

[897]) Schelling, Noch etwas über das Verhaltniss der Naturphilosophie zum Idealismus, Sämmtliche Werke, 1-te Abth. 4-r B., 547 f.

[898]) Anaximander ap. Simpl. Phys. 6 r, 24, 20 Diels.

[899]) Извѣстныя слова Духа въ „Фаустѣ" Гёте.

He is made one with Nature· there is heard
His voice in all her music, from the moan
Of thunder to the song of night's sweet bird;
He is a presence to be felt and known
In darkness and in light, from herb and stone,
Spreading itself where'er that Power may move
Which has withdrawn his being to its own;
Which wields the world with never-wearied love,
Sustains it from beneath, and kindles it above.
He is a portion of the loveliness
Which once he made more lovely: he doth bear
His part, while the one Spirit's plastic stress
Sweeps through the dull dense world, compelling there
All new successions to the forms they wear;
Torturing the unwilling dross, that checks its flight
To its own likeness, as each mass may bear;
And bursting in its beauty and its might
From trees and beasts and men into the Heaven's light.
The splendours of the firmament of time
May be eclipsed, but are extinguished not;
Like stars to their appointed height they climb,
And death is a low mist which cannot blot
The brightness it may veil. When lofty thought
Lifts a young heart above its mortal lair,
And love and life contend in it, for what
Shall be its earthly doom, the dead live there,
And move like winds of light on dark and stormy air [900]).

„Я—Брама [901])... Какъ пчелы, мой сынъ, дѣлаютъ медъ, собирая сокъ далекихъ деревьевъ и сводятъ сокъ въ одну форму и какъ эти соки не имѣютъ никакого различія, чтобы могли сказать, „я сокъ этого или того дерева“, точно также, мой сынъ, всѣ эти твари, когда бываютъ погружены въ Истинное..., не знаютъ, что погружены въ Истинное. Кѣмъ бы ни были здѣсь эти твари, львомъ, волкомъ, боровомъ, червемъ, мухой, толкачемъ, комаромъ, тѣмъ же бываютъ онѣ опять и опять. Но то, чьего существа все сущее, оно есть Истинное, оно есть Духъ, оно ты, о Шветакетусъ!... Эти потоки, мой сынъ, текутъ восточный на востокъ, западный на западъ. Они идутъ отъ моря (вышедшихъ изъ моря тучъ) къ морю (воды). Они становятся на самомъ дѣлѣ моремъ. И какъ эти потоки, когда они въ морѣ, не знаютъ, что „я тотъ или другой потокъ“, точно также, мой сынъ, всѣ эти твари, когда

---

900) Shelley, Adonais, XLII—XLIV.

901) Brihadâra*n*yaka Upanishad, I, 4, 10. Sacred Books of the East, ed. by M. Müller, XV, Oxf. 1884, 88.

возвратились изъ Истиннаго, не знаютъ, что возвратились изъ Истиннаго. Чѣмъ бы ни были здѣсь эти твари, львомъ, волкомъ, боровомъ, червемъ, толкачемъ, комаромъ, онѣ тѣмъ же бываютъ опять и опять. Но то, чьего существа все сущее, оно есть Истинное, оно есть Духъ, оно ты, о Шветакетусъ [902])... Отъ него нѣтъ ничего отличнаго, чтобы оно могло видѣть, обонять, ощущать, говорить, слышать, мыслить, трогать, знать. Это — единый зрящій Океанъ, безъ всякой двойственности, это—міръ Брама“ [903]).

„Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ либо нужду, Самъ дая всему жизнь и дыханіе и все. Отъ одной крови онъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленныя времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутятъ-ли Его и не найдутъ-ли; хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы въ Немъ живемъ, и движемся, и существуемъ“ [904]).

Was wär ein Gott, der nur von aussen stiesse,
Im Kreis das All am Finger laufen liesse?
Ihm ziemt's, die Welt im innern zu bewegen,
Natur in Sich, Sich in Natur zu hegen,
So dass, was in Ihm lebt und webt und ist,
Nie Seine Kraft, nie Seinen Geist vermisst [905]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что неразрывная связь между міровою и единичною жизнью одинаково сознается высшими чаяніями философіи, поэзіи, религіи. Но она находитъ безусловное подтвержденіе и въ нравственномъ сознаніи, такъ какъ на почвѣ всеединства примиряются всѣ нравственныя воззрѣнія. Какъ скоро я признаю свое *я* по существу тожественнымъ съ *я* другихъ живыхъ существъ и съ міровой сущностью, такъ исчезаетъ всякая разница между этикой себялюбія, дружелюбія, долга, слѣдованія законамъ природы. Любя себя, я люблю и весь міръ; любя весь міръ, я люблю и себя. Слѣдуя велѣніямъ долга, я повинуюсь велѣніямъ того Я, которое даетъ

---

902) Khândogya-Upanishad, VI, 9, 1—4. 10, 1—3. Sacred Books etc. I, Oxf. 1879, 101 f.

903) Brihadâranyaka-Upanishad, IV, 3, 21—32. Sacred Books etc. XV 168 f.

904) Дѣян. XVII, 24—28. Еф. IV, 6.

905) Goethe, Gott und Welt.

законы не только мнѣ, но и всему міру. „Интельлектуальная любовь духа къ Богу есть любовь, которою Богъ любитъ самъ себя, не поскольку безконеченъ, но поскольку можетъ быть объясненъ сущностью человѣческаго духа, разсматриваемой съ точки зрѣнія вѣчности, то есть, интельлектуальная любовь Бога есть часть безконечной любви, которою Богъ любитъ себя“ [906]). Но не на одни лишь человѣческія существа распространяется такая любовь, а на все живое:

Qui videt, ut cunctis animantibus insidet idem
Rex et, dum pereunt, haud perit—ille videt!
Nolet enim, sese dum cernit in omnibus ipsum,
Ipse nocere sibi· quo via summa patet [907]).

„Подобно тому какъ человѣкъ въ объятіяхъ любимой жены не знаетъ ничего, что̀ внѣ, ничего что̀ внутри, такъ тотъ, кто объятъ разумнымъ Духомъ, не знаетъ ничего что̀ внѣ, ничего, что̀ внутри. Такова въ дѣйствительности его (истинная) форма, въ которой его желанія исполнены, въ которой (только) Духъ его желаніе, въ которой не остается никакого желанія, свободная отъ всякой скорби [908])... То, что̀ ближе всего къ намъ, эта Сущность, дороже сына, дороже богатства, дороже всего другого. И если бы кто сказалъ другому, считающему дорогимъ иное чѣмъ Сущность, что онъ потеряетъ то, что̀ ему дорого, то очень похоже, что такъ бы и было. Пусть онъ лишь Сущность чтитъ какъ дорогую. У того, кто лишь Сущность чтитъ какъ дорогую, любимое никогда не погибнетъ“ [909]).

Не трудно доказать связь между субъективной и объективной необходимостью и теоретически. Подъ субъективнымъ подразумѣвается личное и потому единичное, подъ объективнымъ внѣшнее и потому общее. Но всякое личное предполагаетъ общее, всякое внѣшнее—внутреннее. Особь не отдѣлима отъ вида, видъ отъ рода, родъ отъ другихъ родовъ, а вся совокупность родовъ есть вселен-

---

906) Spinoza, Eth. P. V, Prop XXXVI.

907) Çrî-Bhagavad-Gîtâsu, 27—28. Переводъ принадлежитъ Deussen'y, Die Elemente d. Metaphysik, 2-te Aufl. Leipz. 1890, 2. J. Davies, The Bhagavad-Gîtâ, Lond. 1882, 139, переводитъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: He who sees the Supreme Lord dwelling alike in all beings, the Imperishable in things that perish, sees indeed, for seeing the Lord as the same, every where present, he destroys not himself by himself, and thus he goes to the supreme seat.

908) Bṛihadâraṇyaka-Upanishad, IV, 3, 21. Sacred Books, XV, 168.

909) Ibid. I, 4, 8. Sacred Books, XV, 88.

ная. Всякій субъективизмъ есть поэтому въ извѣстной мѣрѣ объективизмъ и всякій объективизмъ есть въ извѣстной мѣрѣ субъективизмъ. На низшихъ ступеняхъ жизни особь сливается съ видомъ и родомъ и съ внутренней и съ внѣшней стороны [910]). На высшей ступени—въ человѣческомъ общежитіи—физическія связи между особями ослабляются, но тѣмъ тѣснѣе и обильнѣе становятся связи внутреннія. Ни одинъ членъ общества не можетъ выдѣлить себя изъ историческаго теченія; сколь бы ни была велика его самостоятельность и обособленность, она, хотя и своеобразная, все же волна на общемъ потокѣ [911]). Но особи такъ же реальны, какъ виды и роды: роды и виды обнаруживаютъ себя лишь въ особяхъ, а особи имѣютъ бытіе лишь чрезъ виды и роды. Въ вѣчномъ взаимодѣйствіи между общимъ и частнымъ, при торжествѣ общаго, состоитъ весь міровой процессъ [912]). Истинно сущая природа не только тожественная, но и иная [913]), или какъ говоритъ Яковъ Бэмъ—въ Богѣ вѣчная противоположность: все свѣтъ и тьма, любовь и гнѣвъ, и да и нѣтъ [914]). Въ силу своего иного тожественная сущность дробитъ себя; но въ силу тожественнаго стягиваетъ это дробное въ себя [915]). Человѣческое сознаніе отображаетъ въ себѣ міровое: въ немъ тожественные принципы, но разнообразное содержаніе; истина наряду съ ложью; положительные идеалы наряду съ отрицательными. Оно открываетъ себя въ частныхъ обнаруженіяхъ, но за тѣмъ эти обнаруженія снова къ себя принимаетъ. Сомнѣніе и отрицаніе имѣетъ такимъ образомъ метафизическое основаніе. Критическое направленіе, какъ синтезъ положительнаго и отрицательнаго начала, выс-

---

910) Новѣйшая по этому вопросу монографія Girod, Les Sociétés chez les Animaux, Paris, 1891. Также Espinas, Sociétés animales, Paris, 1877. Spencer, Principles of Biology, I[4], P. II, Ch. VI, § 72, 201 f. Hartmann, Philosophie des Unbewussten, II[10], 121 f. 252 f.

911) Dilthey, Einleitung in die Geisteswissenschaften, I, Leipz. 1883, 47. Всеобщность человѣческаго сознанія ставитъ на видъ кн. С. Трубецкой въ рядѣ статей „О природѣ человѣческаго сознанія" въ „Вопросахъ Психологіи и Философіи", М. 1889—1891. Для выясненія этого вопроса не безынтересна монографія Kappes'a Der Common Sense, als Princip d. Gewissheit in der Philosophie Th. Reid. Leipz. 1890.

912) Истину эту впервые выяснилъ, примыкая къ Платону, Проклъ. Выше, стр. 183 сл.

913) Выше, стр. 138. 179. 210 сл. 243.

914) Böhme, Von wahr. Gelass. II, § 10. Von drei Princ. I, § 4. 5. De Incarn. Verbi I, c. 1, §§ 9. 11. II, c. 3. § 3. 177 Frag. III, §§ 2—5. 10—16. I, 88. III, 10. VI, 154. 155. 250. 597 f. Schiebl.

915) Выше, стр. 183, сл. 211.

шее орудіе познанія истины. Но всякій критицизмъ долженъ неизмѣнно помнить, что онъ опирается въ концѣ на тотъ Логосъ, чрезъ который произошелъ какъ онъ, такъ и все остальное, „въ которомъ жизнь и истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, приходящаго въ міръ“ [916]). Отрывать человѣческій разумъ отъ этого свѣта и обрекать такимъ образомъ людей на тьму, у насъ безусловно нѣтъ основанія. Правда, „божественный свѣтъ выносятъ не всѣ человѣческія очи. Оттого такъ и трудно увидать истиннаго философа, что онъ вѣчно пребываетъ своею мыслью въ свѣтлыхъ областяхъ бытія“ [917]). Но если не всѣмъ дано смотрѣть въ Божественный ликъ, то всѣ могутъ видѣть его отображеніе и по отображенію судить о ликѣ [918]). Природа солнца недоступна нашему непосредственному наблюденію, но мы знаемъ о ней изъ солнечнаго луча. Безусловное можемъ познать изъ условнаго, Богъ познается изъ міра. То, что̀ недостижимо для одного человѣка, можетъ быть выполнено всей исторіей человѣческаго духа, прошедшей, настоящей и будущей [919]).

Вслѣдствіе органическаго строя нашей духовной жизни всякое міровоззрѣніе обусловлено не только умственной дѣятельностью, но и чувствомъ. Кто не воспріимчивъ къ бьющей вокругъ него жизни и смотритъ на міръ помертвѣлыми глазами, для того мертвое и громоздкое первоначальное, а живое и подвижное—производное. Но объяснить безусловно живое изъ безусловно мертваго нѣтъ возможности. Оттого міровая первооснова, которая въ такомъ случаѣ должна совмѣщать несовмѣстимое, необходимо должна казаться непознаваемой. И такъ какъ объективной безконечно живой дѣйствительности такое міровоззрѣніе противопоставляетъ мертвящую ее субъективную дѣйствительность, то очевидно между той и другой не можетъ быть

---

916) Ioann. I, 3—4 9.

917) Soph. 254, A: ὁ δέ γε φιλόσοφος, τῇ τοῦ ὄντος ἀεὶ διὰ λογισμῶν προσκείμενος ἰδέᾳ, διὰ τὸ λαμπρὸν αὖ τῆς χώρας οὐδαμῶς εὐπετὴς ὀφθῆναι· τὰ γὰρ τῆς τῶν πολλῶν ψυχῆς ὄμματα καρτερεῖν πρὸς τὸ θεῖον ἀφορῶντα ἀδύνατα.

918) „Quà la moltitudine di strali, che hanno ferito e feriscono il core, significa gl'innumerabili individui e specie di cose, ne le quali riluce il splendor de la divina beltade, secondo li gradi di quelle, et onde ne scalda l'affetto del proposto et appresso bene“. Bruno, Degli eroici Furori, 713 Delag.

919) „Non omnia possumus omnes sigillatim, sed bene omnia possumus omnes summatim. Intelligentiae ergo perfectio non est in uno, in altero, vel in pluribus, sed in omnibus, non etiam in omnibus suppositaliter, sed sub formali conditione quae perficit omnia“. Bruno, Summa term. 500 Gfr.

ни одной сходной черты. Философамъ, утверждающимъ такое несоотвѣтствіе, можно съ полнымъ правомъ отвѣтить извѣстными словами поэта:

Die Geisterwelt ist nicht verschlossen;
Dein Sinn ist zu, dein Herz ist todt!
Auf, bade, Zweifler, unverdrossen
Die ird'sche Brust im Morgenroth! [920]).

Но ни одно изъ нашихъ основныхъ понятій не заявляетъ о своей объективной реальности такъ убѣдительно, какъ понятіе о цѣли. „Никто не сомнѣвается, что по крайней мѣрѣ разумное существо способно дѣйствовать по цѣлямъ, предлагать себѣ цѣль и стало быть опредѣлять себя конечной причиной. Вопросъ поэтому въ томъ: какъ въ лишенной цѣли природѣ вдругъ можетъ появиться существо, способное преслѣдовать цѣль? Эта способность, говорятъ, есть произведеніе его организаціи. Но какимъ образомъ организація, которая, по предположенію, есть лишь результатъ физическихъ силъ, счастливо перепутавшихся, можетъ произвести такое существо, которое способно догадываться, предусматривать, разсчитывать, приготовлять средства для цѣлей? До сихъ поръ рядъ явленій слѣдовалъ порядку нисходящему, идущему отъ причины къ слѣдствію: все, что̀ производилось, производилось прошедшимъ и никакимъ образомъ не опредѣлялось, не измѣнялось и не направлялось необходимостями будущаго. И вотъ въ этомъ механическомъ рядѣ происходитъ существо, которое все измѣняетъ, которое переноситъ въ будущее причины настоящаго... Можно-ли вообразить, что дѣятель, одаренный такимъ образомъ способностью располагать природой согласно со своими цѣлями, можетъ быть самъ простымъ результатомъ, осуществленнымъ природой безъ всякой предположенной цѣли? Не есть ли это въ нѣкоторомъ родѣ чудо, допускать въ механическомъ рядѣ явленій такое звено, которое вдругъ должно получить способность оборачивать въ нѣкоторомъ родѣ порядокъ и которое, будучи само лишь послѣдующимъ результатомъ безконечнаго множества предшествовавшихъ, должно въ будущемъ налагать на этотъ продолжающійся рядъ, новый, непредвидѣнный законъ, который дѣлаетъ изъ послѣдующаго законъ и правило для предыдущаго?“ [921]).

---

[920]) Goethe, Faust, I сц.

[921]) P. Janet, Les Causes finales, 254 sq.

Механическое міровоззрѣніе пытается выдти изъ этого затрудненія ученіемъ о рефлексивныхъ движеніяхъ, законѣ самосохраненія и ассоціаціяхъ. Первоначально всѣ наши движенія происходятъ случайно вслѣдствіе заключающейся въ нервахъ энергіи. Случайно эти движенія сопровождаются чувствомъ удовольствія или страданія. Удовольствія стремятся къ продолженію и усиленію вызвавшихъ ихъ дѣйствій; страданія, напротивъ, къ ослабленію или прекращенію дѣйствій, которыми вызваны. Вслѣдствіе случайнаго повторенія встрѣчи движенія съ удовольствіемъ или страданіемъ, между чувствомъ и движеніемъ устанавливается связь, такъ что когда впослѣдствіи появляется чувство удовольствія (реальное или идеальное), за нимъ слѣдуетъ и связанное съ нимъ движеніе, а чувство страданія (реальное или идеальное) служитъ причиной отсутствія связаннаго съ нимъ движенія, если это движеніе случайно не облегчаетъ страданія [922]). Желанія и отвращенія суть задержанныя дѣйствія, которыми удовольствія себя кормятъ, а страданія себя прекращаютъ [923]).

Сколь ни остроумной эта теорія можетъ показаться съ перваго взгляда, свою шаткость она обличаетъ уже тѣмъ, что для объясненія воли вынуждена прибѣгать одновременно къ закономѣрности и случайности. Связь между удовольствіями, страданіями и дѣйствіями закономѣрна, но обнаруженіе ея зависитъ отъ случая. Мы уже видѣли, что закономѣрность не мыслима безъ цѣлесообразности [924]). Предполагая цѣлесообразность изначальной въ объективномъ мірѣ, мы еще съ большимъ основаніемъ должны признать ее изначальной въ мірѣ субъективномъ, такъ какъ духъ, дѣйствующій не по цѣлямъ, есть не духъ, а призракъ. Главную опору эта теорія видитъ въ

---

[922]) Bain, The Emotions and the Will, 3-d ed. Lond. 1880. 303 f. 315. We suppose movements spontaneously begun, and accidentally causing pleasure; we then assume that with the pleasure there will be an increase of vital energy, in which increase the fortunate movements will share, and thereby increase the pleasure. Or, on the other hand, we suppose the spontaneous movements to give pain, and assume that, with the pain, there will be a decrease of energy extending to the movements that cause the evil, and thereby providing a remedy. (Въ этомъ состоитъ законъ самосохраненія) A few repetitions of the fortuitous concurrence of pleasure and certain movement will lead to the forging of an acquired connection under the law of Retentiveness or Contiguity, so that, at an after time, the pleasure or its idea shall evoke the proper movement at once etc. The Senses and the Intellect, 3-d ed. Lond. 1863, 296 f. 301.

[923]) Bain, The Emotions and the Will, 425 f. The Senses and the Intellect, 303.

[924]) Стр. 245, сл.

томъ, что у дѣтей первоначально движенія повидимому не имѣютъ никакой цѣли, но потомъ мало по малу становятся цѣлесообразными [925]). Вундтъ однако вполнѣ основательно замѣчаетъ, что при такомъ объясненіи объемъ рефлексивныхъ (то есть необусловленныхъ видимою цѣлью) движеній произвольно расширяютъ [926]). У дѣтей рефлексивно двигаются лишь руки и ноги, а остальныя движенія—сосаніе, глотаніе, крикъ, поворотъ глазъ къ свѣту—инстиктивны (то есть выполняютъ видимую цѣль). Такъ какъ и движенія рукъ и ногъ впослѣдствіи становятся неизмѣнно цѣлесообразными, то первоначальную неприспособленность этихъ движеній мы должны объяснять не тѣмъ, что цѣль для нихъ нѣчто внѣшнее, но тѣмъ, что она себя реализируетъ постепенно. Свободная неприспособленность движеній нужна для укрѣпленія мускуловъ въ слабомъ еще для подчиненія цѣлесообразно дѣйствующей волѣ существѣ. Наблюденія надъ животными низшаго порядка не только не оправдываютъ, какъ можно было бы ожидать по сравнительно малой разумности этихъ существъ, доводовъ излагаемой теоріи, но ихъ рѣшительно опровергаютъ. Какими, напримѣръ, рефлексивными движеніями и ассоціаціями можно объяснить то, что цыпленокъ почти тотчасъ же по вылупленіи изъ яйца начинаетъ бѣгать за матерью, клевать пищу и пить воду? Впрочемъ, несостоятельность разсматриваемаго объясненія очевидна уже изъ того, что идетъ въ разрѣзъ съ безусловно достовѣрнымъ сознаніемъ свободы воли. Указанное выше затрудненіе остается такимъ образомъ для механической теоріи въ полной силѣ.

Вопросъ о происхожденіи и существованіи зла неразрѣшимъ лишь для той телеологіи, которая стоитъ на зооцентрической или антропоцентрической точкѣ зрѣнія [927]). Но затрудненіе устранится, какъ скоро убѣдимся въ неосновательности этой точки зрѣнія. При оцѣнкѣ мірозданія мы не можемъ выдти изъ категорій нашего духа, но ничто насъ не уполномочиваетъ разсматривать себя или другихъ

---

925) Bain, The Senses and the Intellect, 302 f.

926) Wundt, Physiologische Psychologie, II³, 488 f.

927) Несостоятельность такой телеологіи изъ представителей телеологическаго міровоззрѣнія съ особою силою оттѣняетъ Mühry, Kritik u. kurze Darlegung d. Exacten Natur-Philosophie, 5-te Aufl. Gött. 1882, 19 f. Подъ цѣлесообразностью онъ подразумѣваетъ die in einem Gegenstande der Untersuchung bestehende Proportionalität, quantitative oder qualitative, der Theile eines Ganzen, besonders in Bewegung befindlicher Theile, welche immer den Beweis enthalt, dass in dem Gegenstande immanent auch logische Gesetze wirksam sind. p. 21.

животныхъ центромъ всемірной жизни. Эта жизнь безконечна и предполагаетъ безконечное разнообразіе обнаруженій, каждое изъ которыхъ имѣетъ одинаковое право на существованіе. О значеніи явленія мы должны судить не по отношенію лишь къ нему самому или обособленнымъ группамъ, но по отношенію ко всей міровой жизни въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ. „Юношу (который сталъ бы отрицать Провидѣніе, ссылаясь на личныя несчастія), мы убѣдимъ тѣмъ доводомъ, что у того, кто заботится о вселенной, все устроено для спасенія и доблести цѣлаго, такъ что и каждая часть по силамъ терпитъ и дѣлаетъ должное. Къ каждой изъ нихъ даже въ самыхъ малыхъ дѣйствіяхъ и страданіяхъ постоянно приставлены правителями тѣ, которые внесли совершенство даже въ мельчайшихъ частяхъ. Одна изъ этихъ частей, злополучный, и твоя, и она вѣчно смотритъ на вселенную и ей способствуетъ, хотя и очень мала. Ты же не замѣчаешь именно того, что всякое происхожденіе происходитъ съ тою цѣлью, чтобы была счастливою пребывающая въ міровой жизни сущность, происходитъ не ради тебя, но ты ради этой цѣли. Всякій врачъ и всякій искусный художникъ все дѣлаетъ ради всего дѣла, способствуя тому, что̀ всего лучше для общаго, и дѣлаетъ часть ради цѣлаго, а не цѣлое ради части. Ты негодуешь, такъ какъ не знаешь того, на сколько то, что̀ происходитъ съ тобою на высшее благо вселенной, становится благомъ и для тебя по силамъ общаго происхожденія. Такъ какъ душа всегда соединена то съ тѣмъ, то съ другимъ тѣломъ и испытываетъ различныя перемѣны сама собою или вслѣдствіе другой души, то (для міроустроителя, какъ) для игрока въ кости не остается ничего другого кромѣ лишь того, чтобы перелагать ставшій лучшимъ нравъ въ лучшее мѣсто, а худшій—въ худшее, сообразно съ тѣмъ, какъ каждому изъ нихъ подобаетъ для полученія подходящей участи“ [928]).

Отрицать, что все идетъ впередъ къ бо́льшему совершенству, значило бы говорить противъ очевидности. Поэтому прогрессъ одинаково признаютъ какъ представители телеологіи, такъ и представители механической теоріи. Но всякій прогрессъ, какъ выяснилъ

---

[928]) Leges, 903, B—E.

Гегель, [929]) предполагаетъ три момента: положеніе даннаго состоянія, его отрицаніе (или снятіе) въ переходѣ къ высшему и примиреніе положенія съ отрицаніемъ въ высшемъ моментѣ. Если бы не было отрицанія, то все было бы въ состояніи косности; но отрицаніе само по себѣ не даетъ ничего и потому очевидно есть лишь ферментъ, разлагающій данное положительное по руководству высшаго положительнаго. Положительное начало есть то, что̀ мы называемъ благомъ; отрицательное—то, что̀ мы называемъ зломъ. Добро и зло поэтому одинаково необходимы въ міровой жизни. Кажущееся безсмысленнымъ въ „міровой статикѣ“ необходимо должно имѣть смыслъ въ „міровой динамикѣ“.

Но и съ иной точки зрѣнія необходимость зла можетъ быть доказана. Добро и зло понятія соотносительныя: добро предполагается зломъ, а зломъ—добро. Не было бы сознанія зла, не было бы и сознанія добра, и на оборотъ. Точно тоже о красотѣ и безобразіи. По своему отвлеченному опредѣленію, красота есть единство въ разнообразіи или разнообразіе въ единствѣ [930]), а всякое разнообразіе предполагаетъ противоположеніе. Августинъ прекрасно уподобилъ зло темному пятну, поставленному на картинѣ гдѣ слѣдуетъ, а міровую жизнь—гармонически сложенной изъ противоположностей пѣсни [931]). „Во вселенной (говоритъ примыкая къ Августину Бруно [932]) нѣтъ ничего столь ничтожнаго, что̀ не способствовало бы цѣльности и совершенству самаго великаго. Точно также нѣтъ нигдѣ и ни у кого такого зла, которое въ другомъ мѣстѣ и для другихъ не было бы хорошимъ и наилучшимъ. Поэтому для того, кто смотритъ на всю вселенную, ничего не встрѣчается постыднаго, дурнаго, несовмѣстнаго. Разнообразіе и противоположность нисколько не препятствуютъ тому, чтобы все было наилучшимъ, какъ скоро ими управляетъ природа, которая, подобно регенту хора, направляетъ и сводитъ противоположные крайніе и средніе голоса въ одну наилучшую, какую только можемъ вообразить, симфонію“. Самое наслажденіе жизнью мыслимо лишь при возможности страданія. И не для

---

929) Выше, стр. 174.

930) Ниже, стр. 278 и подробнѣе въ моемъ „Платонизмѣ“, 70, сл.

931) Augustin. De Civ. Dei XI, 13. 22. XII, 3.

932) Bruno, De tripl. Minimo, Francof. 1591, 133.

глубокаго психологическаго наблюденія ясно, что „хотя удовольствіе и страданіе не желаютъ вмѣстѣ присутствовать въ человѣкѣ, но какъ скоро кто стремится къ одному и его достигаетъ, тому почти что необходимо получить и другое, какъ будто бы они были связаны верхушками“ [933]). Если бы, какъ говоритъ въ „Горгіи“ Сократъ, счастье состояло въ томъ, чтобы имѣть въ своей душѣ переполненныя всякими сладостями бочки и не чувствовать поэтому ни въ чемъ недостатка, то, по вѣрному замѣчанію Калликла въ томъ же діалогѣ, въ камнѣ мы должны были бы видѣть верхъ счастливаго существованія [934]). Къ тому же всякая красота можетъ приглядѣться и все цѣнное надоѣсть; при полномъ удовлетвореніи всѣхъ чувствъ жизнь становится тошной [935]). Даже столь оплаканныя слезы людскія, „которыя льются ранней и поздней порой, льются незримыя, неисчислимыя, льются какъ льются струи дождевыя въ осень глухую ночною порой“ [936])— находятъ телеологическое оправданіе въ томъ облегченіи, которое приносятъ [937]), и могутъ быть истолкованы эстетически:

Les moissons, pour mûrir, ont besoin de rosée;
Pour vivre et pour sentir, l'homme a besoin de pleurs;
La joie a pour symbole une plante brisée,
Humide encore de pluie et couverte de fleurs 938).

А служащія причиной этихъ слезъ такъ называемыя несчастныя случайности, для ходячей телеологіи не объяснимыя, [939]) съ точки зрѣнія ученія объ эволюціи истолковываются просто и естественно какъ указанія для будущаго, способствующія развитію умственной дѣятельности въ цѣляхъ прогрессирующаго приспособленія.

Все хорошее, прекрасное, пріятное, полезное и проч. имѣетъ

---

933) Phaedo, 60, B—C.

934) Gorg. 493, D, сл.

935) „Sensibus omnibus uniformitas nauseam parit.“ Bruno, Ars Memoriae, 341, Gfr.

936) Тютчевъ.

937) На это свойство неоднократно указывали поэты, напр. Goethe, Trost in Thränen, Кн. Вяземскій „Слезы“ и пр. Тонкое психологическое наблюденіе у Heine въ Ruhelechzend:

Lass bluten deine Wunden, lass
Die Thranen fliessen unaufhaltsam—
Geheime Wollust schwelgt im Schmerz,
Und Weinen ist ein süsser Balsam.

938) A. Musset, La nuit d'Octobre.

939) Между прочимъ и для Parker'a, Theism, Atheism and the popular Theology, Lond. (безъ года) въ его широкихъ анализахъ of the Economy of Pain and Misery etc. 190 f.

постепенности, между которыми возможны противоположность и различіе. Но всякая низшая ступень по отношенію къ высшей недостаточна: omnis determinatio est negatio [940]). Если мы отъ блага пойдемъ нисходящимъ путемъ, то дойдемъ до зла; а если отъ зла пойдемъ восходящимъ путемъ, то дойдемъ до блага. Смотря по тому, какая противоположность въ нашемъ сознаніи перевѣшиваетъ, оно бываетъ оптимистическимъ или пессимистическимъ. Логически состоятельно лишь оптимистическое міровоззрѣніе, такъ какъ безъ преобладанія блага несомнѣнно существующій прогрессъ невозможенъ; но большинство сторонниковъ долженъ необходимо имѣть пессимизмъ. Причина въ томъ, что лишь сильно тяготѣющая къ безконечному душа способна обнять мыслью всю вселенную; обыкновенно же кругозоръ ограничивается землей и центромъ міросданія считается человѣческая жизнь [941]), при томъ не во всей ея исторіи, а лишь въ предѣлахъ наличной дѣйствительности. Но наличная дѣйствительность для поверхностнаго взгляда не можетъ быть утѣшительной. Всѣ единичныя существа, какъ необходимыя проявленія Безконечнаго, стремятся къ сохраненію собственнаго бытія [942]). Отсюда преобладающая сила эгоизма, раздоръ, борьба наполняющая всю исторію. „Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше“ [943]). Но сердце наше бьется прежде всего для насъ самихъ. Оттого „отъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, любодѣянія, развратъ, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія“ [944]). Не нужно быть пессимистомъ, чтобы оправдать древняго философа, зажегшаго днемъ фонарь съ цѣлью искать человѣка [945]). Найти въ каждомъ встрѣчномъ звѣря не трудно, найти человѣка не легко. Нравственное зло убиваетъ антропоцентрическую телеологію [946]); и лишь для возвышеннаго взгляда на Божество, какъ ведущій вселенную къ

---

940) Spinoza, Epist. L. ad Jarich Jelles, II, 185 Vlot.

941) Даже всеобъемлющіе умы не всегда способны выдти изъ этихъ узкихъ предѣловъ. Гегель, напр. въ своей „Философіи Исторіи“ моменты развитія Абсолютнаго отожествляетъ, безъ всякаго ограниченія, съ моментами земной исторіи.

942) „Potentia, qua res singulares, et consequenter homo suum esse conservat, est ipsa Dei sive naturae potentia, non quatenus infinita est, sed quatenus per humanam actualem essentiam explicari potest“. Spinoza, Eth. P. IV, Prop. IV. P. III, Prop. VI, IX. Schol.

943) Матѳ. VI, 21.

944) Ibid. XV, 19.

945) Diog. Laert. VI, 41: λύχνον μεθ'ἡμέραν ἅφας περιῆει λέγων ἄνθρωπον ζητῶ.

946) Анализы у Martineau, A Study of Religion, II, 105 f. и Parker'a, Theism etc. 219 f. скорѣе выясняютъ затрудненія, чѣмъ устраняютъ.

безконечному прогрессу Разумъ и жертвующій единичнымъ для общаго это зло находитъ телеологическое оправданіе [947]). Но человѣкъ, хотя и первенствуетъ на землѣ, не центръ міра, и по ограниченной дѣйствительности человѣческой жизни мы не въ правѣ судить о безконечной жизни вселенной. Стоитъ только отвратить глаза отъ повседневныхъ дрязгъ, и мірозданіе своимъ великолѣпіемъ не можетъ не поразить непредубѣжденнаго взора. Однако и человѣческая природа искупаетъ дурныя стороны хорошими. Источникъ всякаго зла, сердце, есть вмѣстѣ и источникъ добра: раздувая огонь ненависти, оно способно нашептывать и тихія слова любви. На своемъ тревожномъ станкѣ оно не перестаетъ ткать для всего, что̀ есть, поэтическій покровъ. Искони вѣковъ надъ Брамой строитъ царство грезъ волшебница Майя. Въ этомъ царствѣ много свѣтлыхъ обителей для всѣхъ желающихъ. А для немногихъ избранныхъ высшее наслажденіе доставляетъ та дѣятельность, которая подъ этимъ покровомъ прозираетъ вѣчно шумный океанъ жизни, бороздимый безконечными грядами причинъ и слѣдствій. Кто умѣетъ смотрѣть съ точки зрѣнія вѣчности [948]), тотъ „заботливо старается о томъ, чтобы не смѣяться надъ человѣческими дѣйствіями, не оплакивать ихъ и не проклинать, но понимать, и разсматриваетъ человѣческія страсти—любовь, ненависть, гнѣвъ, зависть, тщеславіе, милосердіе и другія душевныя движенія—не какъ пороки человѣческой природы, но какъ свойства, принадлежащія ей точно такъ же, какъ природѣ воздуха жаръ, холодъ, буря, громъ и проч., хотя и неудобныя, однако необходимыя и имѣющія извѣстныя причины, изъ которыхъ мы стараемся понять ихъ природу и которыхъ истиннымъ созерцаніемъ умъ радуется такъ же, какъ познаніемъ пріятныхъ чувствамъ вещей“ [949]).

---

947) Hartmann, Philos. d. Unbewussten, I, K. X.

948) Spinoza, Eth. P. II, Prop. XLIV Coroll. II. P. V, Propos. XXIX sq.

949) Spinoza, Tract. Pol. I, 4. Eth. P. IV, Prop. L, Schol. „Dal la qual contemplazione, se vi saremo attenti, avverrà, che nullo strano accidente ne dismetta per dogla o timore, e nessuna fortuna per piacere o speranza n'estogla; onde haremo la via vera a la vera moralità, saremo magnanimi, spreggiatori di quel che fanciulleschi pensieri stimano, e verremo certamente più grandi che que'dei, che il cieco volgo adora, per che diverremo veri contemplatori de l'istoria de la natura, la qual è scritta in noi medesimi, e regolati exequitori de la divini leggi, che nel centro del nostro core son inscolpite.... Questa è quella filosofia, che apregli sensi contenta il spirto, magnifica l'intelletto, e riduce l'uomo a la vera beatitudine, che può aver come uomo, et consistente in questa e tale compositione; perche lo libere da la sollecita cura di piaceri e cieco sentimento di dolori: lo fa godere de l'essere presente, e non più temere che sperare del futuro“. Bruno, De l'infinito, 302 sg. Delag.

Такой человѣкъ, хотя по необходимости и утверждаетъ свое бытіе, однако не нападая, но отражая и уклоняясь, [950]) и не для того, чтобы стѣснять своимъ существованіемъ другихъ, но чтобы расширять общее всѣмъ поле знанія [951]). Это поле необозримо. Но правъ былъ Кантъ, что чѣмъ болѣе углубляется философская мысль, тѣмъ все болѣе возрастающимъ благоговѣніемъ наполняютъ ее двѣ вещи: звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ [952]). Въ чистотѣ собственнаго нравственнаго сознанія лежитъ лучшій залогъ лучшаго счастья. Чтобы хранить эту чистоту, необходимъ міръ и покой души. И это успокоеніе найти всякому не трудно: какъ бы ни шумѣла вокругъ меня задорная жизнь, звѣздное небо не перестаетъ спокойно сіять надо мною. Безконечное разнообразіе чувствъ пробуждается созерцаніемъ безконечнаго, но самое сильное—сознаніе самаго безконечнаго. Оно само собою возвышаетъ духъ, порождая въ немъ желаніе слиться во едино съ Единымъ и Вѣчнымъ, само собою открываетъ передъ взоромъ чистѣйшій идеалъ красоты, созданный не изъ земныхъ красокъ, а изъ цвѣтовъ радуги и лучей звѣздъ, само собою подсказываетъ пѣснь высокой любви.

There is a pleasure in the pathless woods,
There is a rapture on the lonely shore,
There is society, where none intrudes,
By the deep Sea, and music in its roar:
I love not Man the less, but Nature more,
From these our interviews, in which I steal
From all I may be, or have been before,
To mingle with the Universe, and feel
What I can ne'er express, yet can not all conceal. [953]).

---

[950]) „Hominis liberi virtus aeque magna cernitur in declinandis, quam in superandis periculis.... Homini igitur libero aeque magnae animositati fuga in tempore, ac pugna ducitur; sive homo liber eadem animositate seu animi praesentia, qua certamen, fugam eligit". Spinoza, Eth. P. IV, Prop. LXIX, Coroll.

[951]) „Nihil certo scimus bonum aut malum esse, nisi id quod ad intelligendum revera conducit, vel quod impedire potest quo minus intelligamus. Summum bonum eorum, qui virtutem sectantur, omnibus commune est, eoque omnes aeque gaudere possunt". Spinoza, Eth. P. IV, Prop. XXVII, XXXVI.

[952]) Kant, Kritik d. praktischen Vernunft, Beschluss, 167. Hart.

[953]) Byron Childe Harold's Pilgr. IV, C. CLXXVIII. III, C. LXXII—LXXIII. „Bientôt de la surface de la terre j'élevois mes idées à tous les êtres de la nature, au système universel des choses, à l'être incompréhensible qui embrasse tout. Alors, l'esprit perdu dans cette immensité, je ne pensois pas, je ne raisonnois pas, je ne philosophois pas, je me sentois, avec une sorte de volupté, accablé du poids de cet univers, je me livrois avec ravissement á la confusion de ces

Не одними лишь возвышенными идеалами, но и стремленіемъ каждаго къ личному счастью и вызваннымъ этою общею сутолкою и духотою желаніемъ найти примиреніе и успокоеніе въ единой для всѣхъ безобидной области [954]), впередъ и впередъ къ Царству Духа движется исторія. Сколь ни велика ненависть, разъединяющая народы, сквозь густую щетину штыковъ, стоящихъ на стражѣ себялюбивой исключительности, все ярче и ярче пробиваются духовныя узы, связующія народы. Объединяются народы общей религіей любви въ Духѣ и Истинѣ, общими для всѣхъ созданіями научнаго, философскаго и художественнаго творчества. Въ одно мгновеніе облетаетъ теперь мысль всю землю. Учреждаются для обмѣна духовнаго богатства всемірные союзы, для обмѣна богатства вещественнаго сходятся народы на всемірныя торжища. Даже въ темныхъ волнующихъ государства силахъ, отрицающихъ единичное во имя общаго, сказывается духъ единенія [955]). „Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всѣми, и чрезъ

---

grandes idées, j'aimois à me perdre en imagination dans l'espace, mon coeur resserré dans les bornes des êtres s'y trouvoit trop à l'étroit, j'étouffois dans l'univers; j'aurois voulu m'élancer dans l'infini" Rousseau, Lettre (117) à Malesherbes 21 janv. 1762, v. X, 306 éd. Hachette. Еще опредѣленіе Гете (Eins und Alles):

Im Gränzenlosen sich zu finden,
Wird gern der Einzelne verschwinden,
Da lost sich aller Ueberdruss;
Statt heissem Wünschen, wildem Wollen,
Statt läst'gem Fordern, strengem Sollen
Sich aufzugeben, ist Genuss.

954) Nur der Körper eignet jenen Mächten,
Die das dunkle Schicksal flechten;
Aber frei von jeder Zeitgewalt,
Die Gespielin seliger Naturen,
Wandelt oben in des Lichtes Fluren,
Gottlich unter Göttern die Gestalt.
Wollt ihr hoch auf ihren Flugeln schweben,
Werft die Angst des Irdischen von euch!
Fliehet aus dem engen, dumpfen Leben
In des Ideales Reich!

Schiller, Das Ideal und das Leben.

955) Не лишены философскаго значенія „Schlussbetrachtungen" въ Weber's „Allgemeine Weltgeschichte", XV, 1277 f. (1880).

всѣхъ, и во всѣхъ" [956]). „И будетъ въ концѣ Богъ все во всемъ, такъ что вся тѣлесная природа будетъ принята въ ту Сущность, которая лучше всего, то есть къ Божественную... [957]). Богъ будетъ въ отдѣльныхъ вещахъ такъ, что чтобы ни стала разумная душа, очищенная отъ грязи всѣхъ пороковъ и освобожденная въ конецъ отъ мглы зла, чувствовать, мыслить, понимать, она не будетъ видѣть ничего кромѣ Бога, не будетъ держать ничего кромѣ Бога. Богъ будетъ образъ и мѣра всѣхъ ея движеній; и такимъ образомъ Богъ будетъ все, и не будетъ болѣе различія между добромъ и зломъ, такъ какъ вовсе не будетъ зла... [958]). Тогда будетъ одна дѣятельность влекущихся къ Богу чрезъ обращенное къ нему Слово—познавать Бога, чтобы въ познаніи Отца всѣ приняли ликъ и стали истиннымъ Сыномъ, какъ теперь лишь Единый Сынъ позналъ Отца" [959]).

Одна и та же Сущность полагаетъ дробное бытіе и объединяетъ его узами общаго съ самой собою. Но смотря на дробное, мы не въ правѣ при его оцѣнкѣ забывать объ общемъ. Надо всѣми нами одинъ и тотъ же сводъ небесъ и одна и та же земля подъ всѣми нами. Солнце свѣтитъ одинаково для добрыхъ и злыхъ. На всѣхъ одинаково смотрятъ вершины горъ, для всѣхъ шумятъ лѣса и пѣнятся волны. Въ этомъ общемъ выраженіе единой творческой мысли, и въ ней единый для всѣхъ источникъ вдохновенія религіознаго, философскаго, поэтическаго, научнаго [960]). Чредой проходятъ

---

956) Ефес. IV, 6.

957) Origen. in Iohann. X, 14.

958) Origen. Princ. III, 6, 3. „The history of the world is but the manifestation of the eternal purpose which He purposed in Himself, the consummation to which it advances is that God may be „all in all", and the most exalted of religious natures finds its consolation in passing away from the contradictions of the finite, from the enigmas which human life and history present, and in rising to that loftier point of view where they vanish away in the thought of Him, of whom and through whom and to whom are all things". Caird, Introd. to the Philosophy of Religion, new. ed. Lond. 1889, 245 f.

959) Origen. in Johann. I, 16.

960) „There was a time when our thought was not, and the world and all that is therein, the round ocean and the living air, the blue sky, the fair and wondrous order of nature, would be as real and as fair, though we and myriads such as we, were not here to perceive and know it. In far away solitudes, which no foot has trodden, nature is not less fair and glorious than when it fills the eye and sense of man with its wonder and beauty. And there, though unseen and unnoticed by human observation, through uncounted ages and millenniums, the sweet light of each returning dawn, the golden rain of noontide, the fading splendours of evening, have shed their exhaustless munificence over land and sea, over field and forest and stream. And in the illimitable depths of space there may be worlds and suns and systems, though human science

поколѣнія, смѣняютъ другъ друга народы, рушатся и возникаютъ царства, но

все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣнитъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя.
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣруйте свѣтлой звѣздѣ вдохновенія! [961])

Только предубѣжденная мысль можетъ считать телескопомъ истины меланхолію [962]). Для мысли не предубѣжденной вѣрное зеркало вселенной „чистый субъектъ познанія“ [963]). Но такимъ зеркаломъ можетъ быть лишь вся душа, во всей ея нераздѣльной цѣльности [964]). Смотрѣть на вселенную нѣкоторыми сторонами души все равно что смотрѣть на свое лицо въ разбитое зеркало. Но въ общемъ теченіи жизни душа не можетъ хранить необходимаго для познанія истины равновѣсія. Различными воздѣйствіями она рвется и терзается, живетъ больше то одной, то другой стороной своего существа [965]). Только созерцаніе красоты устанавливаетъ въ ней строй

---

has never observed their phenomena or grasped the laws that govern them. But though nature lives not in our life.... the impossibility of ony existence that is not existence for thought, is not the less true. Nay, just because it is not true of your thought or mine, this principle contains in it the strongest, the deepest, the one irrefragable proof of the existence of a thought, a mind which is before and beyond all finite intelligence ... the one eternal thought in which all things live and move and have their being, of which all nature, all beauty, all order, all finite thought and life are the ever accumulating expression“. Caird, Mind and Matter, Glasg. 1888, 24 f

961) А. Толстой „Противъ Теченія“.

962) The glance
Of melancholy is a fearful gift;
What is it but the telescope of the truth?
Which strips the distance of its fantasies,
And brings life near in utter nackedness!
Byron, The Dream, VII.

963) Shopenhauer. Die Welt als Wille und Vorstellung, I, 207 f. II, 419 f. (4-te Aufl.).

964) De Rep 518, C: σὺν ὅλῃ τῇ ψυχῇ περιακτέον и пр. Выше, стр. 50.

965) Живыми красками душевная «смута» изображена у Платона Phaedo, 65, A, сл. 79 C, сл. De Rep. 611, C, сл. Tim. 42, C. 43, A, сл.

And thus the heart will break, yet brokenly live on:
Even as a broken mirror, which the glass
In every fragment multiplies, and makes
A thousand images of one that was,
The same, and still the more, the more it breaks;
And thus the heart will do which not forsakes,
Living in shatter'd guise, and still, and cold,
And bloodless, with its sleepless sorrow aches

и порядокъ. Красота есть то, что̀ равномѣрно, непосредственно или посредствомъ ассоціацій, удовлетворяетъ умъ и чувство. Нашъ умъ (точнѣе: наша воля, руководимая удовольствіями ума) всегда стремится къ единству [966]); чувство (точнѣе: наша воля, руководимая удовольствіями чувства), къ разнообразію [967]); умъ удовлетворяется при переходѣ отъ разнообразія къ единству, чувство напротивъ—при переходѣ отъ единства къ разнообразію (пріятныхъ состояній). Нѣтъ ни ума безъ отношенія къ чувствамъ, ни чувствъ безъ отношенія къ уму. Совершенная красота возможна лишь въ томъ случаѣ, когда умъ и чувства удовлетворены вполнѣ и одинаково, то есть когда между ними существуетъ полная гармонія, или когда при сознаніи явленія мы испытываемъ чистое и полное, охватывающее все наше духовное существо, удовольствіе. Такое удовольствіе предполагаетъ сознаніе единства въ разнообразіи или идеи въ явленіи. Поэтому только въ сознаніи красоты душа способна постичь цѣльную и полную истину; только въ немъ она „выникаетъ изъ бываніе въ бытіе“ [969]). Это сознаніе очевидно должно служить и высшей мѣрой истины. Удовлетвореніе есть субъективная сторона того, что̀ объективно называется благомъ. (Созерцаніе красоты даетъ намъ „блаженство“). Мы цѣнимъ наши знанія лишь тогда, „когда признаемъ ихъ хорошими, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ разсматриваемъ какъ негодныя пріобрѣтенія“ [970]). Истина такимъ образомъ постигается чрезъ красоту и измѣряется

Byron, Childe Harold's Pilgr. III, C. XXXII—XXXIII. Въ этомъ поэтическомъ образѣ причина и ростъ меланхоліи и пессимизма намѣчены съ глубокимъ психологическимъ проникновеніемъ.

966) Выше, стр. 247.

967) Выше, стр. 270, сл.

968) Подробнѣе въ моемъ „Платонизмѣ“. М. 1887, 70, сл.

969) De Rep. 525, B. Выше, стр. 250, пр 865. Въ этомъ состояніи душа συνηδροισμένη, Phaedo, 80, E. „On warm June mornings in green country lanes, with sweet pine-odours wafted in the breeze which sighs through the branches, and cloud-shadows flitting over far-off blue mountains, while little birds sing their love-songs, and golden-haired children weave garlands of wild roses, or when in the solemn twilight we listen to wondrous harmonies of Beethoven and Chopin that stir the heart like voices from an unseen world; at such times one feels that the profoundest answer which science can give to our questionings is but a superficial answer after all. At these moments, when the world seems fullest of beauty, one feels most strongly that it is but the harbinger of something else,—that the ceaseless play of phenomena is no mere sport of Titans, but an orderly scene, with its reason for existing, its „one divine far-off event to which the whole creation moves“. Fiske, The Unseen World, Boston, 1876, 56 f. На чувство какъ принципъ постиженія безусловнаго и идеальнаго указываетъ Якоби, Werke, II, Leipz. 1815, 60 f. Общее значеніе чувства въ познаніи ставитъ на видъ рѣчь П. Я Грота „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“. М. 1889.

970) De Rep. 504, A—B. Выше, стр. 210

благомъ. Истина, красота, благо—три обозначенія одной и той же объективной сущности, сообразно съ тремя точками зрѣнія на нее—теоретической, эстетической, нравственной. Но всѣ эти стороны нашего сознанія въ основаніи едины, какъ и ихъ объекты. Гдѣ истина, тамъ красота и благо; гдѣ благо и красота, тамъ и истина; и гдѣ истина и благо, тамъ и красота. Знаніе для насъ истинно лишь тогда, когда насъ вполнѣ удовлетворяетъ; точно также и нравственное сознаніе бываетъ истиннымъ лишь тогда, когда мы чувствуемъ полное удовлетвореніе. Безнравственная красота внушаетъ омерзѣніе и поэтому не есть истинная красота.

Въ свѣтѣ этихъ замѣчаній должно быть понятно, почему Платонъ отъ Анаксагоровой космологіи желалъ узнать, въ чемъ благо каждой отдѣльной вещи и всѣхъ вещей вмѣстѣ [971]). Мы уже знаемъ, что на его взглядъ необходимыя формы постиженія сущаго совпадаютъ съ формами бытія [972]). Поэтому необходимая субъективная оцѣнка должна съ его точки зрѣнія выражать объективную цѣну вещей. Но что такое благо? На этотъ вопросъ Платонъ не могъ дать законченнаго отвѣта, такъ какъ видѣлъ въ благѣ верховный идеалъ, опредѣляющій всякое бытіе и знаніе и стоящій выше бытія и (человѣческаго) разумѣнія, о которомъ поэтому душа можетъ только гадать [973]). Тѣмъ не менѣе общая мысль Платона вполнѣ ясна. Благо онъ отожествляетъ съ Отцомъ и Творцомъ всяческихъ, а Отца и Творца всяческихъ съ Разумомъ [974]). Поэтому благо то, что̀ разумно. Разумная дѣятельность проявляетъ себя въ цѣлесообразности. Поэтому благо то, что̀ цѣлесообразно. Но цѣлесообразность есть соотвѣтствіе вещи идеѣ или закономѣрность. Отсюда слѣдуетъ, что постигнуть благо вещи значитъ постигнуть ея идею или законъ [975]). Идеи постигаются чрезъ сведеніе разнообразія къ единству [976]). Постигнуть общее благо вещей значитъ постигнуть опредѣляющую ихъ идеи общую идею. Отвѣтить на вопросъ, почему для земли быть лучше круглой или плоской, лежать или не лежать посрединѣ міра, значитъ

---

971) Выше, стр. 202, сл.
972) Выше, стр. 182.
973) Выше, стр. 47, сл. 209.
974) Тамъ же.
975) Выше, стр. 208, сл.
976) Phaedr. 249, B—C. 265, D—E. Выше, стр 119.

по Платону указать разумное основаніе или законъ этого явленія. Задача міроистолкованія въ томъ, чтобы свести всѣ законы къ одному общему и изъ этого общаго истолковать всѣ частные [977]). Общій законъ вещей есть общее ихъ благо, частные законы—ихъ частное благо.

Въ „Филебѣ“ Платонъ исчисляетъ элементы высшаго человѣческаго блага. Эти элементы слѣдующіе: 1) участіе въ вѣчной природѣ мѣры или идеи, 2) воплощеніе этой идеи въ дѣйствительности, т. е. созиданіе гармоническаго, прекраснаго, совершеннаго, 3) разумъ и знаніе, 4) отдѣльныя науки, искусства и правильныя мнѣнія и 5) чистое безпечальное чувственное удовольствіе [978]). Перенеся эти черты на безусловное благо, мы можемъ его опредѣлить какъ идею, дающую всему законъ или мѣру, воплощающую себя въ прекрасномъ, гармоническомъ и совершенномъ, служащую источникомъ истины и знанія и доставляющую чистое наслажденіе. Это опредѣленіе соотвѣтствуетъ общему духу Платоновой философіи, отличительный характеръ которой—неразъемлемое единство научнаго, эстетическаго и нравственнаго сознанія [979]).

Ученіе Платона, что все разумное—благо, невольно напоминаетъ ученіе Гегеля, что все дѣйствительное разумно [980]). Оба эти ученія одинаково правильны и взаимно себя пополняютъ. Неразумное необходимо въ ходѣ развитія, какъ его отрицательный моментъ, безъ котораго самое развитіе невозможно. Но само по себѣ отрицаніе ничтожно и потому недѣйствительно. Напротивъ, положительное или разумное самобытно и потому дѣйствительно. Понятіе дѣйствующаго разума и понятіе блага въ конечномъ отвлеченномъ опредѣленіи совпадаютъ: разумная дѣятельность есть дѣятельность по обусловленнымъ цѣлями средствамъ, а благо не что̀ иное, какъ соотвѣтствіе между цѣлями и средствами. Безъ понятія о цѣли понятіе о положительномъ въ развитіи утрачиваетъ смыслъ. Но гдѣ цѣль, тамъ и благо. Все благое неизмѣнно разумно, все разумное неизмѣнно благо. Все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно. Но не все въ наличномъ опытѣ благо и разумно. Наличное неразум-

---

977) De Rep. 511, B—C. Выше, стр. 47.

978) Phileb. 64, C, сл. 66, A, сл. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 874 f.

979) Выше, стр. 67, сл.

980) Hegel, Philosophie des Rechtes, Werke, VIII, Einl. 17 Encycl I, 10 Henn (Werke, VI).

ное и неблагое служитъ средствомъ осуществленія дѣйствительнаго разумнаго и благого.

Чтобы закончить сравнительный анализъ телеологическаго и механическаго міровоззрѣній, необходимо поставить на видъ, что правильно понимаемая телеологія не только не исключаетъ объясненія явленій изъ внѣшнихъ причинъ, а наоборотъ такого объясненія требуетъ. Всякая цѣль подразумѣваетъ средство, которое по отношенію къ ней есть внѣшнее орудіе ея исполненія. Мірозданіе лежитъ передъ нами какъ безконечное цѣлое. Его цѣли намъ неизвѣстны и открываются лишь въ органической природѣ. Поэтому единственно возможный для науки путь не отъ цѣли къ средствамъ, а отъ слѣдствій къ причинамъ. Въ изученіи причинной связи во всѣхъ ея видахъ—сила науки. Но истолковывая явленія изъ причинъ внѣшнихъ, мы должны твердо помнить, что эти причины обоснованы телеологически и что лишь поэтому онѣ могутъ дѣйствовать закономѣрно [981]). Понятіе причины и цѣли взаимно себя предполагаютъ [982]). Понятіе о цѣли въ природѣ не различимо отъ понятія о законѣ природы. Поэтому изучивъ всѣ причины, мы постигнемъ и всѣ цѣли и всѣ законы [983]). Въ постиженіи міровыхъ цѣлей или законовъ высшая задача знанія.

„Необходимо однако различать два вида причинъ, однѣ необходимыя, другія божественныя, и божественныя искать во всемъ ради пріобрѣтенія блаженной жизни, насколько допускаетъ наша природа, а необходимыя ради божественныхъ, соображая, что безъ необходимыхъ и самыя тѣ причины, которыхъ мы добиваемся, не могутъ быть однѣ ни познаны, ни постигнуты, ни вообще какъ нибудь намъ доступны“ [984]). „Но тогда какъ внѣшнія причины лишь содѣйствовали божеству при выполненіи по мѣрѣ силъ идеи наилуч-

---

[981]) Примѣры совмѣстнаго истолкованія изъ причины и цѣли у Шопенгауэра. Die Welt als Wille und Vorstellung, II[4], 372 f.

[982]) Выше, стр. 246.

[983]) „In the story of the evolution of life upon the surface of our earth, where alone we are able to compass the phenomena, we see all things working together, through countless ages of toil and trouble, toward one glorious consummation. It is therefore a fair inference, though a bold one, that if our means of exploration were such that we could compass the story of all the systems of worlds that shine in the spacious firmament, we should be able to detect a similar meaning“ Fiske, The Idea of God, 159 f.

[984]) Tim. 68, E—69, A.

шаго, онѣ считаются большинствомъ не вспомогательными, а дѣйствующими, такъ какъ производятъ холодъ и жаръ, сплоченіе и разряженіе. Подобный взглядъ не достоинъ любителя ума и знаній. Такой любитель необходимо прежде всего станетъ радѣть о первыхъ причинахъ разумной природы, а за тѣмъ уже о тѣхъ, которыя приводятся въ движеніе другими и сами по необходимости становятся двигающими. Однако и объ этихъ причинахъ онъ долженъ говорить“ [985]).

Значеніе Анаксагора въ томъ, что онъ впервые при истолкованіи строя вселенной постигъ цѣлесообразность и потому необходимость міроваго Ума. Но Умъ и міръ въ его сознаніи два совершенно различныя существа, не имѣющія между собою никакой связи. Умъ только предусматриваетъ порядокъ и начинаетъ цѣлесообразное движеніе, а самъ существуетъ одиноко и обособленно. Какимъ образомъ вслѣдствіе одного лишь предусмотрѣнія и цѣлесообразнаго начала можетъ произойти цѣлесообразный строй, Анаксагоръ не объяснилъ и не могъ объяснить, такъ какъ цѣлесообразное происхожденіе и завершеніе точно такъ же предполагаютъ направляющее дѣйствіе разума, какъ и цѣлесообразное начало. Правда, Анаксагоръ говоритъ, что „Умъ возобладалъ надъ движеніемъ“ [986]); но эти слова при совершенно обособленномъ и одинокомъ существованіи Ума утрачиваютъ смыслъ. Ссылаться въ оправданіе Анаксагора на такъ называемые „механическіе законы“ нельзя какъ потому, что Анаксагоръ объ нихъ ничего не зналъ, такъ и потому, что законъ безъ дѣйствія—„мертвая буква“, а дѣйствіе закона предполагаетъ живую связь между разумомъ, въ которомъ обоснованъ, и тою средою въ которой выполняется. Анаксагоръ очевидно сознавалъ необходимость живой связи между Умомъ и міромъ, но не зналъ, гдѣ ее найти.

Эту связь выяснилъ Платонъ. Богъ—живое Существо, обнимающее своимъ Разумомъ идеи, цѣли или законы всего того, что происходитъ въ изначальномъ иномъ его природы—вѣчно подвижной „матери или кормилицѣ происхожденія“ [987]). Въ божественныхъ идеяхъ мы живемъ и движемся и существуемъ. Этимъ ученіемъ была намѣчена цѣльная и полная истина. Безъ признанія двухъ объединенныхъ

---

[985]) Ibid. 46, D.

[986]) Выше, стр. 205, сл.

[987]) Выше, стр. 138, сл. 210, сл.

въ высшемъ основаніи началъ, какъ уже было объяснено, невозможно логически-состоятельнос міропониманіе [988]). Л разумное начало въ Платоновой космогоніи удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ нашей духовной природы. Какъ единое во многомъ, идеи отвѣчаютъ необходимому стремленію нашего разума къ единству [989]), какъ безусловно прекрасныя и благія, онѣ соотвѣтствуютъ нашимъ эстетическому и нравственному чувствамъ [990]). Платонова идеологія такимъ образомъ охватываетъ душу со всѣхъ сторонъ и вполнѣ [991]).

Оттого духъ Платона царитъ надъ всей послѣдующей исторіей умственнаго развитія [992]). Отживавшее язычество отстаивало себя передъ побѣдоносной силой Христіанства доводами Платоновой философіи. Въ свою очередь и христіанскіе вѣроучители основывали свои доказательства на почвѣ этой философіи. На нее же опирались Гностики, старавшіеся объединить язычество съ Христіанствомъ. Наполнявшая средніе вѣка борьба между реализмомъ и номинализмомъ возникла на почвѣ Платонизма. Въ новой философіи нѣтъ ни одной глубокомысленной системы, которая бы не примыкала къ Платону прямо или косвенно. Самое глубокое изъ нравственныхъ ученій—Кантово—отзвукъ Платоновой этики. Господствующая въ настоящее время эстетика—Платоническая. Даже грезы любви, которыми туманятся дни юности, связаны съ именемъ Платона.

Существовали великіе философы до и послѣ Платона и философское творчество никогда не прекратится. Каждый мыслитель вноситъ свою долю въ исторію духовнаго развитія; но большую часть философскихъ воззрѣній спасаетъ отъ забвенія лишь философская лѣтопись. Только немногимъ геніямъ суждено утверждать себя въ живомъ сознаніи людей. Платонъ стоитъ во главѣ этихъ немногихъ. Безконечный прогрессъ выработаетъ безконечный рядъ истинъ и всѣ онѣ рано или поздно станутъ достояніемъ общаго сознанія. Но надъ всѣми ними вѣчно и неизмѣнно будетъ сіять одна,—что за предѣлами настоящаго міра есть иной болѣе совершенный, безъ котораго не могъ бы существовать и нашъ міръ. Вырвать эту вѣру изъ сердца ничто не

---

988) Выше, стр. 243.

989) Выше, стр. 247.

990) Выше, стр. 69, сл.

991) Выше, стр. 50, 277.

992) Подробнѣе въ моихъ „Платонизмѣ“, „Значеніи философіи“, и указанныхъ на стр. 190, пр. 604 трудахъ Фулье, Штейна и Лааса.

въ силахъ. Вѣра (какъ поставилъ на видъ еще Аквинатъ [993]) всегда дѣло воли; а воля неизмѣнно руководствуется тѣмъ, что̀ приноситъ высшее удовлетвореніе. Сколь бы ревностно мы ни стали искать полнаго удовлетворенія въ наличной дѣйствительности, мы въ ней никогда его не найдемъ. Хотя на землѣ и много благъ, изъ нихъ лишь немногія могутъ быть нашими, да и эти немногія не вполнѣ въ нашей власти. Не болѣе возможно и полное нравственное довольство. Жизнь безъ дѣятельности неспосна и невозможна, а всякая дѣятельность предполагаетъ борьбу. Если мы не пойдемъ ни противъ кого, то другіе могутъ идти противъ насъ. Созерцаніемъ безпредѣльнаго, высокаго и прекраснаго безъ труда можно возстановить нарушенное равновѣсіе [994]). Но небо, хотя и всегда надъ нами, не всегда свободно отъ тучъ. Необъятныя выси горъ и равнины водъ, степей и лѣсовъ, хотя существуютъ для всѣхъ, зримы не отовсюду. Какъ метеоръ мелькаетъ красота. Omnia praeclara tam difficilia, quam rara sunt [995]); а то что̀ у насъ всегда передъ глазами и намъ всегда доступно, даже и вполнѣ прекрасное, въ концѣ утрачиваетъ цѣну. За то міръ идеальный всецѣло въ нашей власти и никогда не снимаетъ своего радужнаго убора. Перенестись въ него мечтой останется навсегда лучшей отрадой для истомленнаго земною борьбою духа. Безсмысленное отрицаніе этотъ міръ не омрачитъ; отрицать во имя лучшаго значитъ имѣть вѣру въ идеалъ. Безъ идеала наука столь же мало возможна, какъ и жизнь.

Можно не соглашаться съ Платоновымъ міровоззрѣніемъ; но не можетъ подлежать спору его возвышенный строй. Казалось бы, эта черта должна быть принята во вниманіе при оцѣнкѣ историческихъ свидѣтельствъ Платона. Но ее, хотя признаютъ на словахъ [996]), отрицаютъ на дѣлѣ. Ни къ какому другому философу не приступаютъ съ такою мѣрою ничтожества, какъ къ Платону. Тогда какъ самъ онъ смотрѣлъ на пошлое, мелочное, мерзостное, съ точки зрѣнія высокаго, глубокаго, прекраснаго, его критики пытаются объяснить высокое, глубокое и прекрасное въ его діалогахъ съ точки

---

993) Aqu. Summ Theol. 2, 2, qu. 1, art. 4. De Veritate art. 1. In Lomb. Sent. 3, dist 23, qu. 2, art 2. Остроумный психологическій анализъ вѣры въ связи съ ученіемъ о волѣ у Бэна въ The Emotions and the Will, 3-d. ed. Lond. 1880, 505 f. Mental Science, Lond. 1879, 371 f.

994) Выше, стр. 273, сл.

995) Spinoza, Ethic. въ концѣ.

996) Выше, стр. 10, сл.

зрѣнія пошлаго, мелочнаго, мерзостнаго. Величіе Платона отъ такого отношенія къ нему не умаляется, но не возвышается и значеніе его критиковъ. Кто не способенъ проникнуть въ душу другого, тотъ по необходимости судитъ о ней по аналогіи съ своей собственной. Говоря словами одного шутника, обитатели лѣсовъ на головѣ нищаго не могутъ не думать, что подобныя имъ существа обитаютъ и головы богатыхъ [997]). Мелочное и ничтожное съ повседневной точки зрѣнія, съ вершины Платонова міровоззрѣнія должно представляться еще болѣе мелкимъ и ничтожнымъ. „Не люди, а человѣчки, могъ бы поэтому сказать Платонъ не одному изъ своихъ хулителей; не философы, а маленькіе лысые кузнецы, ворвавшіеся изъ кузницы въ неподходящее для васъ дѣло [998]). Къ вамъ больше чѣмъ къ кому либо примѣнимы слова Гиппія: „На цѣлое вы не смотрите, а отхватываете, да пощипываете понемножку. Отъ того то отъ васъ и ускользаютъ такія прекрасныя и цѣльныя вещи“ [999]). Насколько былъ бы такой упрекъ справедливъ, сейчасъ увидимъ.

8. *Циники и Мегарики.* Для насъ особенно интересны свидѣтельства Платона о тѣхъ философахъ, къ которымъ можно предполагать его непріязнь—объ Антисѳенѣ съ послѣдователями и объ Аристиппѣ и Демокритѣ. Всѣ эти свидѣтельства тѣсно примыкаютъ одно къ другому; вопросъ объ Антисѳенѣ сверхъ того стоитъ въ неразрывной связи съ вопросомъ о Мегарикахъ.

О непріязни Антисѳена къ Платону [1000]) существуетъ цѣлый рядъ разсказовъ. Однажды Антисѳенъ пригласилъ будто бы Платона присутствовать при чтеніи написаннаго имъ сочиненія о невозможности

---

997) Этой шуткой, принадлежащей одному «остряку изъ Гааги», пользуется между прочимъ Кантъ въ Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, 331 Hart., по поводу вопроса о свойствахъ обитателей планетъ.

998) De Rep. 495, C—E: καθορωντες γὰρ ἄλλοι ἀνθρωπίσκοι κενὴν τὴν χώραν ταύτην (τῆς φιλοσοφίας) γιγνομένην, καλῶν δὲ ὀνομάτων καὶ προσχημάτων μεστήν, ὥσπερ οἱ ἐκ των εἱργμῶν εἰς τὸ ἱερὸ ἀποδιδράσκοντες, ἄσμενοι καὶ οὗτοι ἐκ τῶν τεχνῶν ἐκπηδῶσιν εἰς τὴν φιλοσοφίαν, οἳ ἂν κομψότατοι ὄντες τυγχανωσι περὶ τὸ αυτῶν τέχνιον.... Δοκεῖς οὖν τι, ἦν δ'ἐγώ, διαφέρειν αυτοὺς ἰδεῖν ἀργύριον κτησαμένου χαλκέως φαλακροῦ καὶ σμικροῦ и проч.

999) Hipp. Maj 301, B. Mm. 369, B—C. Выше, стр. 86.

1000) Schleiermacher, Pl. W., Einleit zu Cratyl., Soph., Theaet., Euthyd. Teichmüller, Litterarische Fehden, I, 11 f 39. 42 и пр. II, 20 f. 51 f. 78 f. Stein, Sieben Bucher zur Geschichte des Platonismus, Gott. 1864, II, 64 f. Urban, Ueber die Erwähnungen der Philosophie des Antisthenes in den platonischen Schriften, Progr. Königsb. 1882. Dümmler, Antisthenica, Berol. 1882. Academica, Giess. 1889.

спорить. Платонъ, выслушавъ одно только заглавіе, сталъ доказывать Антисѳену, что такая тема противорѣчитъ сама себѣ. Раздраженный этимъ Антисѳенъ написалъ діалогъ, въ которомъ вывелъ Платона подъ непристойнымъ именемъ Σάθων (membrum virile [1001]). Съ этихъ поръ будто бы и началась между ними вражда. Со стороны Антисѳена она выражалась не только въ философской полемикѣ, но и въ грубыхъ личныхъ нападкахъ. Полемика сводилась къ вопросу о природѣ идей, за которыми Антисѳенъ не желалъ признать самобытнаго существованія. „Я вижу (говорилъ онъ Платону) коня, но не вижу конятины".—„Это вполнѣ естественно (отвѣчалъ ему Платонъ), такъ какъ у тебя есть глаза, чтобы видѣть коня, но нѣтъ глазъ, чтобы видѣть конятину" [1002]). Личныя нападки Антисѳена были направлены противъ Платонова чванства. Однажды на празднествѣ онъ услыхалъ, какъ Платонъ похвалилъ заржавшаго коня. „Мнѣ кажется (придрался онъ къ Платону) и ты могъ бы быть парадным конемъ". Другой случай къ придиркѣ дала болѣзнь Платона. Антисѳенъ увидалъ въ тазу желчь, которою тошнило Платона, и сказалъ: „Желчь я вижу здѣсь, а чванства не вижу" [1003]).

Обстоятельства, къ которымъ отнесены эти разсказы, по всему вѣроятію, вымышлены. Но въ основныхъ чертахъ они, какъ будетъ изложено ниже, повидимому засвидѣтельствованы самимъ Платономъ. Общій тонъ полемики Антисѳена, судя по всему, что мы знаемъ объ этомъ Циникѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Достовѣрнымъ можно считать также выводъ, что нападающей стороной

[1001]) Diog. Laert. III, 35. VI 16. Athen V, 63. XI, 115.

[1002]) Simp. in Categ. 66 b, 45 Brand: τῶν δὲ παλαιῶν οἱ μὲν ἀνήρουν τὰς ποιότητας τελέως, ὥσπερ Ἀντισθένης, ὃς ποτε Πλάτωνι διαμφισβητῶν, ὦ Πλάτων, ἔφη, ἵππον μὲν ὁρῶ, ἱππότητα δὲ οὐχ ὁρῶ ἡ μν. David. 68 b, 26. Ammon. in Isagog. 22 b. Tzetz. Chiliad. VII, 606. „Wahrscheinlich las man in den Schriften des Antisthenes die Ausdrücke: ἱππότης, ἀνθρωπότης u. s. w., mit denen er die Ideenlehre des Plato dem Spotte Preis geben und namentlich auch sich uber die neuen Wortbildungen im Platonischen Theaetet ποιότης (182 A), διαφορότης (209 D) oder καινότης (208 D) lustig machen wollte. Dass jenes in der späteren philosophischen Sprache so gewöhnliche Wort ποιότης von Plato geschaffen ist, geht aus dem Zusammenhang hervor—entschuldigt sich doch Plato wegen des seltsamen Klanges (ἀλλόκοτον) des Wortes—und ist auch von Simplicius und dem Scholiasten zum Plato erkannt worden (Vergl. Schol. in Categ. Aristot. p. 66 b, 44 und Schol. in Plat. Theaet.: ἐκ τούτων δῆλον ὅτι τὸ τῆς ποιότητος ὄνομα Πλάτων ἐστὶ ὁ πρῶτος θεὶς ἐν τῇ Ἑλλήνων. Ebenso Anonym. vit. Platonis". Urban, l. c. 3.

[1003]) Diog. Laert. VI, 7.

былъ Антисѳенъ [1004]). О порицаніи Платономъ Антисѳена мы слышимъ только одинъ разъ. „Когда Антисѳенъ услышалъ (разсказываетъ Діогенъ Лаерцій [1005]), что Платонъ его хулитъ, то сказалъ: „дѣло царственное, творя добро слышать о себѣ зло". Этотъ разсказъ несомнѣнно вымышленъ, такъ какъ только что приведенныя слова заимствованы изъ Антисѳенова діалога „Киръ", гдѣ ихъ обращаетъ къ этому государю одно изъ дѣйствующихъ лицъ [1006]).

Платонъ называетъ Антисѳена по имени всего одинъ разъ, въ числѣ присутствовавшихъ въ темницѣ при послѣднихъ часахъ Сократа [1007]), но говоритъ о немъ неоднократно—въ „Софистѣ", „Ѳеэтетѣ", „Филебѣ", „Государствѣ", „Фэдрѣ". При такихъ условіяхъ для насъ не столь интересна точность Платоновыхъ свидѣтельствъ, въ которой однако убѣдимся, сколько самый ихъ тонъ.

Въ „Софистѣ" [1008]) Платонъ говоритъ о „гигантомахіи" между двумя противоположными направленіями:

„Одни все влекутъ съ неба и невидимаго на землю, просто обнимая руками скалы и дубы.. Хватаясь за все подобное, они утверждаютъ, что существуетъ только то, къ чему можно приткнуться и притронуться, такъ какъ даютъ одно и тоже опредѣленіе тѣлу и сущности, а всѣхъ тѣхъ, кто говоритъ о существованіи чего либо безтѣлеснаго, въ концѣ презираютъ, не желая слушать ничего другого.—Ты назвалъ ужасныхъ людей; со многими изъ нихъ и я встрѣчался.—Поэтому тѣ, которые съ ними спорятъ, отражаютъ ихъ очень осторожно откуда то сверху, настаивая на томъ, что истинная сущность—нѣкія постигаемыя умомъ безтѣлесныя идеи. А ихъ тѣла и такъ называемую ими истину они раздробляютъ въ своихъ рѣчахъ

1004) Ниже, стр. 304, пр. 1107.

1005) Diog. Laert. VI, 3.

1006) Epict. Diss. IV, 5. M. Ant. VII, 36 (fr. 11 M.)· τί οὖν λέγει Ἀντισθένης; σὺδέποτ' ἤκουσας; Βασιλικόν, ὦ Κῦρε, πράττειν μὲν εὖ, κακῶς δ' ἀκούειν.

1007) Phaedo, 59, B.

1008) Soph. 246, A—C: οἱ μεν εἰς γῆν ἐξ οὐρανοῦ καὶ τοῦ ἀοράτου πάνθ' ἕλκουσι, ταῖς χερσὶν ἀτεχνῶς πέτρας καὶ δρῦς περιλαμβάνοντες. τῶν γὰρ τοιούτων ἐφαπτόμενοι πάντων διισχυρίζονται τοῦτ' εἶναι μόνον, ὃ παρέχει προσβολὴν καὶ ἁπαφήν τινα, ταυτὸν σῶμα καὶ οὐσίαν ὁριζόμενοι, τῶν δ' ἄλλων εἴ τίς τί φησι μὴ σῶμα ἔχον εἶναι, καταφρονοῦντες τὸ παράπαν καὶ οὐδὲν ἐθέλοντες ἄλλο ἀκούειν—Ἦ δεινοὺς εἴρηκας ἄνδρας· ἤδη γὰρ κἀγὼ τούτων συχνοῖς περιέτυχον.—Τοιγαροῦν οἱ πρὸς αὐτοὺς ἀμφισβητοῦντες μάλ' εὐλαβῶς ἄνωθεν ἐξ ἀοράτου ποθὲν ἀμύνονται, νοητὰ ἄττα καὶ ἀσώματα εἴδη βιαζομενοι τὴν ἀληθινὴν οὐσίαν εἶναι· τὰ δ' ἐκείνων σώματα καὶ τὴν λεγομένην ὑπ' αὐτῶν ἀλήθειαν κατὰ σμικρὰ διαθραύοντες ἐν τοῖς λόγοις γένεσιν ἀντ' οὐσίας φερομένην τινὰ προσαγορεύουσιν. ἐν μέσῳ δὲ περὶ ταυτ' ἄπιστος ἀμφοτέρων μαχη τις, ὦ Θεαίτητε, ἀεὶ ξυνέστηκεν.

на мелкія части и вмѣсто сущности называютъ какимъ то несущимся бываніемъ. Между обѣими сторонами всегда была нескончаемая борьба".

Тѣхъ же „ужасныхъ людей" Платонъ очевидно подразумѣваетъ въ „Θеэтетѣ" [1009]) подъ „непосвященными, непризнающими бытія ни за чѣмъ кромѣ лишь того, за что̀ можно крѣпко схватиться руками, не принимающими въ разрядъ сущности дѣйствій, происхожденій и всего незримаго, черствыми и упрямыми (σκληροὶ καὶ ἀντίτυποι), весьма необразованными" (ἄμουσοι).

Въ этихъ грубыхъ людяхъ прежніе изслѣдователи видѣли обыкновенно Демокрита и его сторонниковъ, основываясь какъ на общемъ грубымъ людямъ и атомистамъ матеріализмѣ, такъ и на томъ, что слова σκληροὶ καὶ ἀντίτυποι какъ нельзя лучше подходятъ къ природѣ атомовъ, черствыхъ и сталкивающихся [1010]). Болѣе внимательный анализъ показываетъ однако, что Платонъ въ приведенныхъ отрывкахъ не могъ намекать на Демокрита. На взглядъ Демокрита, атомы незримы и носятся въ пустомъ пространствѣ [1011]). а Платоновы матеріалисты не допускаютъ ничего незримаго и неощутимаго. О своихъ атомахъ Демокритъ училъ между прочимъ какъ объ идеяхъ [1012]) и потому противопоставленіе сму друзей идей было бы въ данномъ случаѣ неумѣстно. Изъ всѣхъ современниковъ Платона Демокритъ отличался самымъ широкимъ образованіемъ [1013]) и изяществомъ поэтическаго слога [1014]). Поэтому слова μάλ' εὖ ἄμουσοι не могутъ быть отнесены къ нему. Наконецъ, о борьбѣ Демокрита съ какими бы то ни было друзьями идей мы ровно ничего не слышимъ [1015]).

Вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ Платоно-

1009) Theaet. 155, E—156, A: εἰσὶ δ' οὗτοι οἱ οὐδὲν ἄλλο οἰόμενοι εἶναι ἢ οὗ ἂν ξυνῶνται ἀπρὶξ τοῖν χεροῖν λαβέσθαι, πράξεις δὲ καὶ γενέσεις καὶ πᾶν τὸ ἀόρατον οὐκ ἀποδεχόμενοι ὡς ἐν οὐσίας μέρει.—Καὶ μὲν δή, ὦ Σώκρατες, σκληρούς γε λέγεις καὶ ἀντιτύπους ἀνθρώπους.—Εἰσὶ γάρ, ὦ παῖ, μάλ' εὖ ἄμουσοι.

1010) Указанія у Целлера, Ph. d. Gr. IIa^4, 297, 1.

1011) Aristot. De Generat et Corr. I, 8, 324 b, 35 сл.

1012) Plut. adv. Col. VIII, 4 (чтеніе не вполнѣ установлено). Placit. (Aet.), IV, 3, 5. 388 a 4, b 7 D Sext. Emp. adv. Mathem. VII, 137. Hesych. ἰδέα. Остальныя свидѣтельства у Zeller'a, Ph. d. Gr. I^4, 773, 3. 776, 2.

1013) Zeller, Ph. d. Gr. I^4, 761, 1 и Mullach, Fragm. I, 330, сл.

1014) По литературнымъ качествамъ Цицеронъ сопоставляетъ Демокрита съ Платономъ. Orat. 20, 67. De Orat. I, 11, 49.

1015) Dümmler Antisth. 51 f. Natorp, Forsch. 196 f.

выми матеріалистами можетъ быть рѣшенъ лишь тогда, когда будетъ выяснено, кто были друзья идей.

Объ этомъ существуютъ три опредѣленныя мнѣнія [1016]). Маллэ (который имѣетъ предшественника уже въ Проклѣ) думаетъ о Пиѳагорейцахъ [1017]); Шлейермахеръ и Целлеръ со сторонниками [1018]) подразумѣваютъ подъ идеалистами Мегариковъ; Зохеръ, Шаршмидтъ, Пбервегъ, Гроттъ, Кэмбель, Джэксонъ, Гирцель, Диттенбергеръ и другіе [1019])—Платона и его послѣдователей.

Мнѣніе Прокла и Маллэ падаетъ само собою, такъ какъ, хотя Пиѳагорейцы и говорили о видахъ или идеяхъ чиселъ [1020]), о безтѣлесныхъ видахъ они безспорно ничего не знали [1021]). Сверхъ того о борьбѣ Пиѳагорейцевъ съ матеріалистами намъ извѣстно не больше, чѣмъ о борьбѣ Демокрита съ идеалистами. Вмѣстѣ съ Прокломъ Маллэ правъ, причисляя Пиѳагорейцевъ къ друзьямъ идей, но обл не правы, отожествляя эти идеи съ тѣми, о которыхъ говоритъ Платонъ въ „Софистѣ“.

Шлейермахеръ не приводитъ въ доказательство никакихъ положительныхъ соображеній кромѣ лишь того, что какъ Мегарское ученіе исторически примыкаетъ къ Елейскому, точно также и излагаемая Платономъ идеалистическая теорія заключаетъ несомнѣнные элементы этой

1016) Къ неопредѣленнымъ слѣдуетъ отнести мнѣнія Риттера, Rhein. Mus. 1828, II, 305 f. и Дейссена, De Plat. Sophista, Marb. 18 9, 44 f. Длинное разсужденіе перваго сводится къ тому, что кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ „друзьями идей“, неизвѣстно, только не Мегариковъ. По Дейссену, Платонъ разсматриваетъ общій вопросъ безъ отношенія къ тому или другому историческому ученію, хотя и приближается къ Елейцамъ.

1017) Procl. in Parm. 149, Cous.. ἦν μὲν γὰρ καὶ παρὰ τοῖς Πυθαγορείοις ἡ περὶ τῶν εἰδῶν θεωρία καὶ δῆλοῖ καὶ αὐτὸς ἐν Σοφιστῇ τῶν εἰδῶν φίλους προσαγορεύων τοὺς ἐν Ἰταλίᾳ σοφούς. Mallet, Histoire de l'école de Mégare etc., Par. 1845, LIII, sq.

1018) Schleiermacher, Plat. W. II², 2, 140 f Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 252, 2. О сторонникахъ ниже, стр 295, пр 1053.

1019) Socher, Ueber Platon's Schriften, 258 f.; Ueberweg, Philos Monatshefte 1869, 473 f. Schaarschmidt, Sammlung etc. 210 f. и другіе отрицаютъ на этомъ основаніи принадлежность „Софиста“ Платону. Противъ нихъ Grote II, 458 f. Ш, 482 доказываетъ, ссылаясь на сходство ученія объ идеяхъ въ „Софистѣ“ съ идеологіей другихъ діаловоръ, что Платонъ говоритъ о своемъ собственномъ ученіи, приближающемся въ „Софистѣ“ къ Аристотелеву. По Campbell'y, The Sophistes and Politicus of Plato, LXXV, Платонъ въ поздній періодъ своего ученія направляетъ аргументъ противъ тѣхъ изъ своихъ учениковъ въ Академіи, которые, оставаясь при несовершенной реализаціи прежней фазы его ученія и возвращаясь къ Пиѳагорейскимъ и Елейскимъ элементамъ, придерживаются ученія объ идеяхъ въ той формѣ, въ какой его опровергаетъ Аристотель Подобнымъ же образомъ смотрятъ Hirzel, Hermes, VIII, 1874, 128. Dittenberger, ibid. XVI, 1881, 343 f. и Jakson, Journ. of Philology, XIV, 197 f. Указанныхъ Целлеромъ (253) монографій Пильгера и Риббека не имѣлъ подъ руками.

1020) Выше, стр. 134.

1021) Выше, стр. 149, пр 386.

философіи. Слабое само по себѣ, это соображеніе утрачиваетъ всякую силу, какъ скоро обратимъ вниманіе на то, что объ идеологіи Мегариковъ мы не только ничего ни отъ одного изъ древнихъ свидѣтелей не слышимъ, но даже знаемъ, что одинъ изъ виднѣйшихъ представителей Мегарскаго ученія, Стильпонъ, опровергалъ существованіе идей. [1022]) Свидѣтельство Цицерона, что Мегарики многое заимствовали отъ Платона [1023]) и замѣчаніе Аристотеля [1024]), что „нѣкоторые изъ учившихъ о неподвижныхъ сущностяхъ называютъ единое благомъ по себѣ, такъ какъ считаютъ единое его главной сущностью", на которыя ссылаются послѣдователи Шлейермахера [1025]), нисколько дѣлу не помогаютъ. Свидѣтельство Цицерона не даетъ основанія ни къ какому опредѣленному выводу; замѣчаніе Аристотеля относится очевидно къ Платону, а не къ Мегарикамъ. Мегарики учили о благѣ, какъ единомъ, или же о единомъ, какъ благѣ, но это единое было единымъ не Пиѳагорейцевъ, съ которыми Аристотель сопоставляетъ Платона, а Елейцевъ [1026]); на то, что они разсматривали единое сущностью блага, нѣтъ никакихъ указаній. Напротивъ, о Платонѣ это достовѣрно извѣстно [1027]).

1022) Diog. Laert. II, 119: δεινὸς δ' ἄγαν ὢν ἐν τοῖς ἐριστικοῖς ἀνῄρει καὶ τὰ εἴδη. καὶ ἔλεγε τὸν λέγοντα ἄνθρωπον εἶναι μηδένα· οὔτε γὰρ τόνδε εἶναι οὔτε τόνδε· τί γὰρ μᾶλλον τόνδε ἢ τόνδε, οὐδ' ἄρα τόνδε. καὶ πάλιν· τὸ λάχανον οὐκ ἔστι τὸ δεικνύμενον· λάχανον μὲν γὰρ ἦν πρὸ μυρίων ετων· οὐκ ἄρα ἐστὶ τοῦτο λάχανον. Целлеръ Ph. d. Gr. II a[4], 256, 2 предполагаетъ (вмѣстѣ съ Гегелемъ Gesch. d. Ph. II, 123 и Штальб. Parm. 65) со стороны Діогена или его источника недоразумѣніе и объясняетъ слова Стильпона слѣдующимъ образомъ: „Стильпонъ отрицаетъ, что единичное лицо—человѣкъ, такъ какъ выраженіе „человѣкъ" обозначаетъ общее, отличное отъ всѣхъ единичныхъ людей, онъ отрицаетъ, что то, что ему показываютъ, есть капуста, такъ какъ капуста существовала искони, такъ какъ иными словами мы общимъ понятіемъ капуста обозначаемъ не нѣчто происшедшее, но нѣчто неизмѣнное". Можно однако дать объясненіе, не предполагая у Діогена ошибки и болѣе согласное съ текстомъ. Стильпонъ доказывалъ, что слову „человѣкъ" ничто не соотвѣтствуетъ, даже тотъ, кто его говоритъ. Это слово не относится ни къ какому отдѣльному человѣку (οὔτε γὰρ τόνδε εἶναι οὔτε τόνδε· τί γὰρ μᾶλλον τόνδε ἢ τόνδε), а стало быть и къ самому говорящему (οὐδ' ἄρα τόνδε). Если вамъ вѣрить (говорилъ онъ идеалистамъ), то капуста существовала отъ вѣка; но въ такомъ случаѣ то, что я вижу,—не капуста, такъ какъ она не отъ вѣка". Впрочемъ, самъ Целлеръ допускаетъ, „dass Stilpo mit anderem auch den Streit gegen die platonischen Ideen aus der Cynischen Schule mit herübernahm".

1023) Cic. Acad. II, 42, 129: Megaricorum fuit nobilis disciplina, cujus, ut scriptum video, princeps Xenophanes, quem modo nominavi, deinde eum secuti Parmenides et Zeno; itaque ab his Eleatici philosophi nominabantur. Post, Euclides Socratis discipulus, Megareus, a quo idem illi Megarici dicti, qui id bonum solum esse dicebant quod esset unum et simile et idem semper. Hi quoque multa a Platone. (Смыслъ послѣдней фразы ясенъ изъ контекста).

1024) Metaph. XIV, 4, 1091 b, 13.

1025) Ниже, стр. 295, пр. 1053.

1026) Diog. Laert. II, 106.

1027) Metaph. I, 6, 987 b, 21, сл.

Точно также неубѣдительны и тѣ доводы, которыми Целлеръ старается сблизить то и другое ученіе,—что Евклидъ могъ въ началѣ, въ противоположность всякому (философскому и нефилософскому) матеріализму, настаивать на томъ, что въ каждой вещи какъ дѣйствительность слѣдуетъ разсматривать лишь ея безтѣлесную форму, хотя онъ въ дальнѣйшемъ развитіи всѣ эти формы свелъ къ единой субстанціи—благу, и что слова о „раздробленіи тѣлъ и истины въ рѣчахъ“ какъ нельзя болѣе подходятъ къ способу Мегариковъ доказывать, уничтожая тѣло дробленіемъ на мельчайшія части, легучее явленіе тѣлеснаго существованія [1028]). Первое предположеніе не имѣетъ за себя ничего, кромѣ лишь поставленнаго Целлеромъ вопроса, „какимъ именно путемъ могъ вообще Евклидъ отъ Сократовой философіи понятій дойти до своего ученія объ единствѣ?“ Такой вопросъ однако излишенъ, такъ какъ вовсе неизвѣстно, что Евклидъ усвоилъ отъ Сократа не только нравственное ученіе, но и его философію понятій. Замѣчаніе о „раздробленіи“ можетъ быть отнесено скорѣе къ методу всѣхъ остальныхъ послѣдователей Сократа, чѣмъ къ Мегарикамъ. Какимъ образомъ могли бы они дробить тѣла и доказывать летучую подвижность явленія, когда они вовсе не признавали ни множества, ни движенія? [1029]). Правда, одному изъ Мегариковъ, Евбулиду, преданіе приписываетъ софизмъ „Соритъ“, на который въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается Целлеръ; но этотъ софизмъ раздробляетъ не тѣло, а множество, и съ цѣлью доказать не летучее явленіе тѣлеснаго существованія, а невозможность множества [1030]). Къ тому же въ „Государствѣ“ мы слышимъ отъ Платона „о сильныхъ въ діалектикѣ, которые того, кто пытается дробить въ рѣчи единое по себѣ, подымаютъ на смѣхъ и не допускаютъ, а какъ скоро ты единое раздробишь, они его увеличиваютъ, опасаясь, какъ бы единое показалось не единымъ, а многими частями“. Подъ этими сильными въ діалектикѣ мы несомнѣнно должны подразумѣвать Мегариковъ, такъ какъ 1) объ единомъ по себѣ изъ современныхъ Платону философовъ учили только Мегарики

[1028]) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 253. n. f. 263.

[1029]) Очевидно изъ сопоставленія Cic. Acad. II, 42, 129 (выше, стр. 290, пр. 1023) съ Diog. Laert. II, 106: τὰ δ' ἀντικείμενα τῷ ἀγαθῷ ἀνῃρει (Εὐκλείδης) μὴ εἶναι φάσγων. Доказательства Мегарика Діодора противъ движенія у Zell. II a[4], 266 f.

[1030]) Приведенъ у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4], 265.

и такъ какъ 2) признаки, которыми дальше Платонъ опредѣляетъ это единое—какъ себѣ во всемъ равное, ни чѣмъ неразличное, не имѣющее въ себѣ никакихъ частей, постигаемое умомъ—тожественны съ признаками Парменидова бытія, усвоеннаго Мегариками подъ именемъ единаго [1031]). И хотя непонятно, въ чемъ именно состояло доказательство Мегариковъ, достовѣрно во всякомъ случаѣ, что оно было направлено противъ множества.

Напротивъ, Платонъ училъ объ идеяхъ, доказывалъ летучую подвижность тѣлеснаго существованія [1032]), изображалъ въ своихъ діалогахъ именно ту діалектику, о которой идетъ рѣчь въ „Софистѣ“: „Ты и твои друзья (говоритъ Гиппій Сократу [1033]), съ которыми ты привыкъ разговаривать, вещей въ цѣломъ не разсматриваете, но отхватываете и толчете и прекрасное, и всѣ остальныя вещи, раздробляя ихъ въ рѣчахъ. Оттого то отъ васъ и ускользаютъ такія прекрасныя и сплошныя тѣла сущности“.

Не больше доказываетъ и ссылка Целлера на свидѣтельство Аристокла [1034]) о томъ, что по ученію Стильпона и Мегариковъ, „бытіе есть, а не бытіе иное, чѣмъ бытіе, что ничто не происходитъ, не разрушается и вообще не движется“, такъ какъ это свидѣтельство несомнѣнная передѣлка словъ Платона въ „Софистѣ“ [1035]): ученіе о небытіи, какъ иномъ, чѣмъ бытіе, есть именно то основное предположеніе, которымъ онъ исправляетъ разсматриваемую имъ теорію идеалистовъ [1036]). Тѣмъ менѣе въ правѣ придавать значеніе этому свидѣтельству Целлеръ, что по извѣстнымъ уже намъ словамъ

1031) De Rep. 525, E—526 A: οἶσθα γάρ που τοὺς περὶ ταῦτα δεινούς, ὡς ἐάν τις αὐτὸ τὸ ἓν ἐπιχειρῇ τῷ λόγῳ τέμνειν, καταγελῶσί τε καὶ οὐκ ἀποδέχονται, ἀλλ' ἐὰν σὺ κερματίζῃς αὐτό, ἐκεῖνοι πολλαπλασιοῦσιν, εὐλαβούμενοι, μή ποτε φανῇ τὸ ἓν μὴ ἕν, ἀλλὰ πολλὰ μόρια. Ἀληθέστατα ἔφη, λέγεις. Τί οὖν οἴει, ὦ Γλαύκων, εἴ τις ἔροιτο αὐτούς· ὦ θαυμάσιοι, περὶ ποίων ἀριθμῶν διαλέγεσθε, ἐν οἷς τὸ ἓν οἷον ὁμεῖς ἀξιοῦτέ ἐστιν, ἴσον τε ἕκαστον πᾶν παντὶ καὶ οὐδὲ σμικρὸν διαφέρον μόριόν τε ἔχον ἐν ἑαυτῷ οὐδέν; τί ἂν οἴει αὐτοὺς ἀποκρίνασθαι; Τοῦτο ἔγωγε, ὅτι περὶ τούτων λέγουσιν, ὧν διανοηθῆναι μόνον ἐγχωρεῖ, ἄλλως δ' οὐδαμῶς μεταχειρίζεσθαι δυνατόν. Ὁρᾷς οὖν, ἦν δ' ἐγώ, ὦ φίλε, ὅτι τῷ ὄντι ἀναγκαῖον ἡμῖν κινδυνεύει εἶναι τὸ μάθημα, ἐπειδὴ φαίνεταί γε προσαναγκάζον αὐτῇ τῇ νοήσει χρῆσθαι τὴν ψυχὴν ἐπ' αὐτὴν τὴν ἀλήθειαν. Насколько мнѣ извѣстно, это мѣсто ни однимъ изъ комментаторовъ не объяснено и не отнесено къ Мегарикамъ.

1032) Phaedo 74, B. 78, E, сл. De Rep. 484, B, сл. Tim. 49, B, сл. Выше, стр. 137.

1033) Hipp. Maj. 301, B. Minor. 369, B—C.

1034) Euseb. Praep. Ev. XIV, 17, 1. Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 261, 2.

1035) Предположительно въ этомъ смыслѣ высказался уже Brandis, Hand. d. Gesch. d. Gr. r. Philos. I a, 115.

1036) Выше, стр. 179 сл.

Цицерона „Мегарики многое заимствовали отъ Платона“ [1037]). На слабость своихъ доводовъ указываетъ самъ Целлеръ оговоркой, что „Платонъ, при изображеніи взглядовъ, которые имѣетъ въ виду, обращается съ ними какъ съ представителями общихъ направленій и поэтому не придерживается буквально исторической истины, излагаетъ ихъ своимъ собственныхъ языкомъ и сводитъ къ категоріямъ собственной системы (какъ это дѣлаетъ Аристотель въ аналогичныхъ случаяхъ) и что поэтому быть можетъ воззрѣнія Мегариковъ оказываются нѣсколько болѣе похожими на его теорію, чѣмъ были сами по себѣ“ [1038]). Но такое свойство Платоновыхъ свидѣтельствъ еще никѣмъ не было и (какъ увидимъ) не можетъ быть доказано.

Нельзя признать вѣскими соображеній Целлера и въ пользу того, что изложенная въ „Софистѣ“ теорія идей не принадлежитъ Платону: друзья идей въ „Софистѣ“ признаютъ совершенное бытіе неподвижнымъ; Платонъ въ „Тимэѣ“ учитъ о вселенной какъ живомъ существѣ; друзья идей способность дѣйствовать и страдать приписываютъ лишь бываніе и отрицаютъ за сущимъ, Платонъ разсматриваетъ свои идеи какъ причины.

На дѣлѣ указанныя черты легче примирить съ ученіемъ Платона, чѣмъ признать достояніемъ Мегариковъ. Замѣчанія о совершенномъ бытіи въ „Софистѣ“, какъ поясняетъ самъ Платонъ, имѣютъ значеніе не выработанной истины, а чисто діалектическаго, сопряженнаго съ затрудненіями, предположенія [1039]). Возможно, что онъ здѣсь намѣтилъ тѣ основанія, которыя впослѣдствіи пытался развить въ „Тимэѣ“. Однако и въ „Тимэѣ“ онъ не учитъ объ истинно сущемъ какъ подвижномъ. Вселенная какъ идея неподвижна и неизмѣнна, вселенная какъ подобіе идеи—самодвижущееся существо [1040]). Необходимость для друзей идей признать въ истинно сущемъ движеніе Платонъ доказываетъ тѣмъ, что они считаютъ истинно

1037) Выше, стр. 290, пр. 1023.

1038) Zell. Ph. d. Gr. II a[4], 254 n. Совершенно также Fouillée, Phil. de Platon, II[2], 332: ces formes (des Mégariques) Platon les appelle des Idées, parce que son habitude est de prêter à autrui son propre langage afin d'être plus clair. Dans la pluralité des noms, il aperçoit quelque chose d'analogue aux Idées; cela lui suffit, et ce que les Megariques appellaient—peut être *les noms divers* du Bien, il l'appelle d'un terme plus propre, quoique vague encore, les genres ou les Idées.

1039) Soph. 249, E. 250, E: τοῦτο μὲν τοίνυν ἐνταῦθα κείσθω διηπορημένον. См. отд. 11.

1040) Tim. 35, A. 38, A. 52, A.

сущее познаваемымъ, а познаваемое страдаетъ и потому движется [1041]). Такое доказательство примѣнительно къ ученію Мегариковъ было бы страннымъ. Изъ немногаго, что̀ намъ достовѣрно извѣстно объ ихъ ученіи, на первомъ мѣстѣ стоитъ извѣстіе, что свое „единое“ они разсматривали то какъ благо, то какъ разумѣніе, то какъ умъ [1042]). Если бы Платонъ имѣлъ въ виду Мегариковъ, то ему было бы естественнѣе основывать свое доказательство не на сущемъ, какъ разумѣваемомъ, а на сущемъ, какъ разумѣющемъ, такъ какъ разумѣніе въ большей мѣрѣ предполагаетъ движеніе, чѣмъ уразумѣваемое. И могъ ли немного ниже Платонъ ставить на видъ Мегарикамъ разумность сущаго [1043]), когда они и безъ того ее признавали?

Ученіе Платона объ идеяхъ какъ причинахъ настолько неопредѣленно, что строить на немъ какіе нибудь доводы едва ли возможно. Достовѣрно во всякомъ случаѣ, что при всѣхъ колебаніяхъ въ вопросѣ объ отношеніи идей къ вещамъ [1044]), Платонъ не только нигдѣ не признаетъ измѣняемости идей, но повсюду ставитъ на видъ противоположное [1045]). Причинность идей онъ разсматриваетъ то какъ участіе вещей въ идеяхъ (какъ бытіе идей при вещахъ или въ вещахъ [1046]), то какъ стремленіе вещей къ идеямъ [1047]). Послѣднее предполагаетъ первое, такъ какъ стремленіе обусловлено участіемъ стремящагося въ природѣ того, къ чему направлено. Взглядъ на идею какъ цѣль, какъ уже было объяснено [1048]), лежитъ въ самомъ основаніи Платонова міровоззрѣнія. Аристотель въ своемъ

1041) Soph. 248, D—E· Μανθάνω τόδε γε, ὡς τὸ γιγνώσκειν εἶπερ ἔσται ποιεῖν τι, τὸ γιγνωσκόμενον ἀναγκαῖον αὖ ξυμβαίνειν πάσχειν. τὴν οὐσίαν δὴ κατὰ τὸν λόγον τοῦτον γιγνωσκομένην ὑπὸ τῆς γνώσεως, καθ' ὅσον γιγνώσκεται, κατὰ τοσοῦτον κινεῖσθαι διὰ τὸ πάσχειν, ὃ δὴ φαμεν οὐκ ἂν γενέσθαι περὶ τὸ ἠρεμοῦν.

1042) Diog. Laert. II, 106. οὗτος (ὁ Εὐκλείδης) ἓν τὸ ἀγαθὸν ἀπεφαίνετο πολλοῖς ὀνόμασι καλούμενον ὁτὲ μὲν γὰρ φρόνησιν, ὁτὲ δὲ θεόν, καὶ ἄλλοτε νοῦν καὶ τὰ λοιπά.

1043) Soph. 248, E—249, A: τί δὲ πρὸς Διός; ὡς ἀληθῶς κίνησιν καὶ ζωὴν καὶ ψυχὴν καὶ φρόνησιν ἢ ῥᾳδίως πεισθησόμεθα τῷ παντελῶς ὄντι μὴ παρεῖναι, μηδὲ ζῆν αὐτὸ μηδὲ φρονεῖν, ἀλλὰ σεμνὸν καὶ ἅγιον, νοῦν οὐκ ἔχον, ἀλίνητον ἑστὸς εἶναι;

1044) Выше, стр. 118 сл.

1045) Phaedo 78, D. Cratyl. 439, C, сл. Phaedr. 247, D. Sympos. 211, B. De Rep. 479, A. Tim. 35, A. 38, A. 52, A.

1046) Phaedo, 74, D сл. и пр. Выше, стр. 120.

1047) Phaedo, 74, B. 78, D, сл., на слѣд. стр. Theaet. 176, E. Phileb. 53, E сл. и пр. Выше, стр. 119. 120. 208 сл.

1048) Выше, стр. 202, сл.

ученіи о Первомъ Движителѣ далъ мысли Платона болѣе яркое выраженіе: что̀ для Аристотеля Богъ, двигающій вселенную не двигаясь, но лишь возбуждая въ ней къ себѣ любовное влеченіе, то для Платона—идея блага съ совокупностью заключающихся въ ней идей [1049]). Поэтому ученіе объ идеяхъ какъ причинахъ не подразумѣваетъ подвижности идей.

Другой доводъ, приводимый Целлеромъ, тотъ, что Платонъ не могъ критиковать и при томъ иронически своего собственнаго ученія. Неосновательность этого довода очевидна изъ Платонова метода [1050]) и въ ней мы убѣдимся еще разъ ниже [1051]). Здѣсь достаточно лишь отмѣтить, что отношеніе Странника къ друзьямъ идей ничуть не болѣе ироническое, чѣмъ отношеніе Парменида къ идеологіи въ „Парменидѣ“, и однакоже Целлеръ нисколько не колеблется признать идеологію въ „Парменидѣ“ за Платонову [1052]).

Сторонники Шлейермахера и Целлера ограничиваются ссылками на приведенныя выше мѣста изъ Цицерона и Аристотеля и другъ на друга и нисколько вопроса не выясняютъ [1053]).

1049) Met. XII, 7, 1072 a, 25. κινεῖ δὲ ὡς τὸ ὀρεκτόν, καὶ τὸ νοητὸν κινεῖ οὐ κινούμενον... ἐπιθυμητὸν μὲν γὰρ τὸ φαινόμενον καλόν, βουλητὸν δὲ πρῶτον τὸ ὂν καλόν. ὀρεγόμεθα δὲ διότι δοκεῖ μᾶλλον ἢ δοκεῖ διότι ὀρεγόμεθα... ὅτι δ' ἔστι τὸ οὗ ἕνεκα ἐν τοῖς ἀκινήτοις, ἡ διαίρεσις δηλοῖ.... κινεῖ δὲ ὡς ἐρώμενον καὶ πρ. Plato, Phaedo. 74, E—75, A: οὐκοῦν ὁμολογοῦμεν, ὅταν τίς τι ἰδὼν ἐννοήσῃ, ὅτι βούλεται μὲν τοῦτο, ὃ νυν ἐγὼ ὁρῶ, εἶναι οἷον ἄλλο τι τῶν ὄντων, ἐνδεῖ δὲ καὶ οὐ δύναται τοιοῦτον εἶναι, οἷον ἐκεῖνο, ἀλλ' ἐστὶ φαυλότερον ἀναγκαῖον που τὸν τοῦτ' ἐννοοῦντα τυχεῖν προειδότα ἐκεῖνο, ᾧ φησιν αὐτὸ προσοικέναι μέν, ἐνδεεστέρως δ' ἔχειν;... ἀναγκαῖον ἄρ' ἡμᾶς προειδέναι τὸ ἴσον πρὸ ἐκείνου τοῦ χρόνου, ὅτε τὸ πρῶτον ἰδόντες τὰ ἴσα ἐνενοήσαμεν, ὅτι ὀρέγεται μὲν πάντα ταῦτ' εἶναι οἷον τὸ ἴσον, ἔχει δ' ἐνδεεστέρως.

1050) Выше, стр. 48, сл. 56 сл.

1051) См. отд 12.

1052) Zeller, Ph d. Gr. II a[4], 649 f.

1053) Изъ сторонниковъ Шлейермахера Deycks, De Megaricorum doctrina, Bonn, 1827, 39, единственнымъ доводомъ ставитъ мнѣніе самого Шлейермахера: haec fere sunt summi philosophi rationes, quas ego, quum certissimae et ab omni parte munitae esse videantur, confirmatione egere non arbitror. Отъ себя Деикс не прибавляетъ ничего. Ast, Platon's Leben, 201, 2 ссылается на Теннеманна, Gesch. d. Phil. II, 138, который однако ни слова не говоритъ объ идеологіи Мегариковъ. Brandis, Handbuch d. gr. r. Philos. II a, 114 f. ссылается на Шлейермахера и Деикса. Henne, Ecole de Mégare, Paris, 1843, 85—158, въ жидкомъ разсужденіи излагаетъ доводы Шлейермахера, поправляетъ во второстепенныхъ подробностяхъ Деикса, опровергаетъ неопредѣленное мнѣніе Риттера и какъ на самые вѣскіе доводы указываетъ на Cic. Acad. II, 42, 129 и Aristot. Met. XIV, 4. 1091 b, 13 (выше, стр 290, пр. 1023. 1024). Stallbaum, Praef. ad Soph. 9, sq. ad Polit. 62 sq ссылается на Шлейермахера, Деикса и на только что приведенное мѣсто изъ Аристотеля. Heindorf ad Soph. 246, B, ссылается на Шлейермахера. Hermann, Gesammelte Abhandlungen, Gött. 1849, 246, ссылается на Шлейермахера, Деикса, Целлера и Генна; въ Gesch. u. System d. Pl. Ph. 339 f. ограничивается указаніемъ на Деикса. Prantl, Gesch. d. Logik, 37, 31, авторитетно заявляетъ, что мнѣніе Шлей-

Къ Мегарикамъ съ достовѣрностью можно отнести въ Платоновыхъ діалогахъ лишь три мѣста: 1) имѣющій значеніе внѣшней драматической подробности разсказъ Евклида о разговорѣ съ Сократомъ въ „Θеэтетѣ“ [1054]), 2) упоминаніе объ „Евклидѣ изъ Мегары“ въ „Фэдонѣ“ въ числѣ присутствовавшихъ при послѣднихъ часахъ Сократа [1055]) и 3) приведенное уже свидѣтельство въ „Государствѣ“ [1056]). Быть можетъ также, Платонъ въ „Государствѣ“ подразумѣваетъ ихъ и подъ затѣйливыми людьми, полагающими благо въ разумѣніи [1057]), хотя эта характеристика одинаково примѣнима и къ Циникамъ [1058]). Мнѣніе Фулье [1059]), что Платонъ въ критикѣ Елейцевъ мѣтитъ въ Мегариковъ замѣчаніемъ о невозможности при единствѣ сущаго обозначать бытіе какимъ либо именемъ [1060]), могло бы быть принято во вниманіе лишь въ томъ случаѣ, если бы эта критика не оправдывалась ученіемъ Елейцевъ; но такъ какъ она одинаково справедлива для того и другого ученія, то нѣтъ нужды въ данномъ случаѣ думать о Мегарикахъ.

Но если подъ друзьями идей слѣдуетъ подразумѣвать Платона и его послѣдователей, то подъ матеріалистами нельзя подразумѣвать никого другого кромѣ Антисѳена и его сторонниковъ. Весь разсказъ о гигантомахіи оставляетъ (по вѣрному замѣчанію Целлера [1061]) впе-

---

ермахера совершенно вѣрно und vergeblicher Scharfsinn würde darauf verschwendet, diess zu widerlegen. Steinhart, Pl. W. III, 204. 423. 554. Allg. Enc Ersch. u. Grub. I, 29, 53, ссылается на Шлейермахера, Штальбаума и извѣстное уже мѣсто изъ Аристотеля. Susemihl, Genetische Entwickelung etc. I, 298, n. 453, Jahresbericht über die Fortschritte d. clas. Alterthumswiss. 1875 (1877) 293 ссылается на Целлера. Bonitz, Platonische Studien, 3-te Aufl. 192, 42 ссылается на Целлера. Изъ этого обзора очевидно, что приводимый Целлеромъ перечень согласныхъ съ Шлейермахеромъ и съ нимъ изслѣдователей не такъ внушителенъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Кромѣ приведенныхъ Целлеромъ изслѣдователей можно отмѣтить Fouillée, Philosophie de Platon, II², 323, sq. (руководствуется мнѣніемъ Шлейермахера и Целлера). Urban, Ueber die Erwahnungen, 17 f. Jowett, The Dialogues, III, 460 (оба безъ всякихъ доказательствъ).

1054) Theaet. 142, A, сл.

1055) Phaedo, 59, C.

1056) Выше, стр. 292, пр. 1031.

1057) De Rep. 505, B: ἀλλὰ μὴν καὶ τόδε γε οἶσθα, ὅτι τοῖς μὲν πολλοῖς ἡδονὴ δοκεῖ εἶναι τὸ ἀγαθόν, τοῖς δὲ κομψοτέροις φρόνησις.

1058) Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 304, 2.

1059) Fouillée, Philosophie de Platon, II², 331.

1060) Выше, стр. 156.

1061) Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 297, 1.

чатлѣніе, что Платонъ говоритъ по личному опыту, а между тѣмъ намъ неизвѣстно, чтобы онъ находился въ борьбѣ съ кѣмъ либо кромѣ Циниковъ. На матеріалистическое ученіе Циниковъ указываютъ (какъ выяснили Диммлеръ, Наторпъ и Целлеръ [1062]) и ихъ номинализмъ, допускающій существованіе только единичныхъ вещей, и полное согласіе изложеннаго Платономъ ученія съ матеріализмомъ Стоиковъ, построившихъ свое міровоззрѣніе на почвѣ Цинизма. Какъ Стоики, такъ и матеріалисты у Платона, даютъ одно и тоже опредѣленіе тѣлу и сущности; и какъ Платоновы матеріалисты вынуждены признать безтѣлесное существованіе нѣкоторыхъ душевныхъ качествъ, точно также учили о безтѣлесности качествъ и Стоики [1063]). Къ этимъ доводамъ Диммлера и Целлера можно прибавить два другіе. Основатель Стоицизма, Зенонъ, кромѣ Кратеса слушалъ Мегариковъ Стильпона и Діодора и Академиковъ Ксенократа и Полемона [1064]). Но подобнаго изложенному ученію мы не встрѣчаемъ ни у Мегариковъ, ни у Академиковъ. Объяснять же совпаденіе простою случайностью при его полномъ соотвѣтствіи едва-ли возможно. Наконецъ, въ словахъ Платона „размельчаютъ въ словахъ истину“ [1065]) можно съ полнымъ правомъ видѣть намекъ на Антисѳенову „Истину“ [1066]).

Принадлежность изложеннаго ученія Циникамъ подтверждается и тѣми замѣчаніями, которыми Платонъ предваряетъ критику этого ученія и ученія друзей идей. „Намъ слѣдуетъ (говоритъ онъ [1067]) потребовать по очереди у тѣхъ и другихъ отчета о предполагаемой ими сущности. Отъ тѣхъ, которые полагаютъ ее въ идеяхъ, это легче, такъ какъ они кротче; отъ тѣхъ же, которые силою все тащатъ къ тѣлу, труднѣе, даже быть можетъ и невозможно. Но вотъ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ съ ними поступать... Прежде всего, сдѣлать ихъ если только будетъ какая нибудь возможность, на самомъ

1062) Dummler, Antisth. 51 f. Natorp, Forschungen, 195 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 297, 2. Приведенное выше мѣсто изъ „Ѳеэтета“ относили къ Антисѳену раньше этихъ изслѣдователей Winckelmann, Antisth Fragm. 36 и Blass, Att. Beredsamkeit, II, 307.

1063) Доказательства у Целлера, Ph. d. Gr. въ ук. м. и III a³, 117 f. 120 f.

1064) Zeller, III a³, 28 f.

1065) Soph. 246, C. См. выше, 287, сл.

1066) Съ Антисѳеновой „Истинѣ“, Diog. Laert. VI, 16.

1067) Soph. 246, C—D.

дѣлѣ лучшими, а если это не удастся, то предположить на словахъ, что они быть можетъ пожелаютъ намъ отвѣчать болѣе пристойно. Въ чемъ согласны лучшіе, сильнѣе того, въ чемъ согласны худшіе; впрочемъ, мы заботимся не объ этомъ, но ищемъ истину". Эти замѣчанія ни къ кому не могутъ быть отнесены съ большею правдоподобностью, чѣмъ къ Антисѳену съ послѣдователями.

Самая критика сводится къ слѣдующему [1068]). Антисѳенъ и его послѣдователи признаютъ существованіе души и различаютъ справедливыя души отъ несправедливыхъ, разумныя отъ неразумныхъ. Всѣ эти различія душа имѣетъ вслѣдствіе присутствія въ ней справедливости и несправедливости, разумности и неразумности. Но то, что̀ способно присутствовать и отсутствовать, они должны во всякомъ случаѣ признать существующимъ. Если же существуютъ справедливость, разумность и всѣ другія добродѣтели и противоположные имъ пороки, если существуетъ душа, въ которой эти добродѣтели и пороки бываютъ, то скажутъ ли они, что изъ этого что̀ нибудь зримо и тѣлесно, или же что ничто незримо? На этотъ вопросъ (поясняетъ Θеэтетъ), они отвѣчаютъ не совсѣмъ одинаково, но душа по ихъ мнѣнію имѣетъ нѣкоторое тѣло, а относительно разумѣнія и всего прочаго, о чемъ только что шла рѣчь, имъ одинаково совѣстно рѣшиться какъ признать ихъ несуществованіе, такъ и утверждать ихъ тѣлесность. „Очевидно (говоритъ Странникъ) эти люди стали лучшими, такъ какъ самосѣянные и самородные изъ нихъ (самъ Антисѳенъ) не постыдились бы ничего такого, но стали бы настаивать, что вовсе не существуетъ того, чего они не могутъ сжать руками".

Входить въ оцѣнку этой критики нѣтъ нужды. Единственная черта, которая въ ней обращаетъ на себя вниманіе—терминъ присутствія (παρουσία) въ смыслѣ причинности. Но о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ считать его спеціальнымъ достояніемъ Платона, рѣчь будетъ ниже.

Нѣсколько дальше въ томъ же діалогѣ изслѣдованіе приводитъ Платона къ вопросу о томъ, какимъ образомъ одну и ту же вещь мы называемъ многими именами. Напримѣръ, говоря о человѣкѣ, мы относимъ къ нему и цвѣта, и формы, и величины, и пороки и добродѣтели; мы говоримъ не только, что онъ человѣкъ, но что онъ

[1068]) Ibid. 247, A—C.

человѣкъ такой то и такой то, и такъ до безконечности; точно также и во всемъ другомъ, мы полагаемъ всегда что̀ нибудь единое, но въ то же время многое и называемъ многими именами. „Этимъ, думаю, изготовили мы пиръ и юношамъ и запоздалымъ въ наукѣ старикамъ, такъ какъ для всякаго легко тотчасъ же возразить, что ни многое не можетъ быть единымъ, ни единое многимъ. Они рады, не позволяя человѣка называть добрымъ, но только доброе—добромъ, а человѣка—человѣкомъ. Ты, Θеэтетъ, часто, я думаю, встрѣчаешься съ людьми, занимающимися такими важными дѣлами, иногда и съ пожилыми, которые по скудости мысли не только восхищаются такими диковинами, но даже видятъ въ этомъ изобрѣтеніи нѣкоторый верхъ мудрости“ [1069]).

Выразителемъ ученія о тожественныхъ предложеніяхъ Аристотель называетъ Антисѳена. „Антисѳенъ глупо думалъ, что ни о чемъ нельзя утверждать ничего, кромѣ лишь собственнаго имени каждой вещи; изъ чего и выходило, что нельзя противорѣчить, а почти что и лгать“ [1070]). Поэтому обыкновенно думаютъ, что въ только что приведенномъ мѣстѣ Платонъ подразумѣваетъ этого Циника [1071]); но нѣкоторые критики полагаютъ, что Платонъ говоритъ здѣсь о Діонисодорѣ и Евѳидемѣ [1072]), такъ какъ характеристика этихъ лицъ точно совпадаетъ съ характеристикой неизвѣстныхъ спорщиковъ въ нашемъ мѣстѣ. Не трудно убѣдиться, что послѣднее мнѣніе единственно возможное.

1069) Soph. 251, A—D: Λέγομεν ἄνθρωπον δήπου πόλλ' ἅττ' ἐπονομάζοντες, τά τε γρώματα ἐπιφέροντες αὐτῷ καὶ τὰ σχήματα καὶ μεγέθη καὶ κακίας καὶ ἀρετάς, ἐν οἷς πᾶσι καὶ ἑτέροις μυρίοις οὐ μόνον ἄνθρωπον αὐτὸν εἶναι φαμέν, ἀλλὰ καὶ ἀγαθὸν καὶ ἕτερα ἄπειρα, καὶ ταῦλλα δὴ κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον οὕτως ἓν ἕκαστον ὑποθέμενοι πάλιν αὐτὸ πολλὰ καὶ πολλοῖς ὀνόμασι λέγομεν.—Ἀληθῆ λέγεις.—Ὅθεν γε, οἶμαι, τοῖς τε νέοις καὶ τῶν γερόντων τοῖς ὀψιμαθέσι θοίνην παρεσκευάκαμεν. εὐθὺς γὰρ ἀντιλαβέσθαι παντὶ πρόχειρον ὡς ἀδύνατον τά τε πολλὰ ἓν καὶ τὸ ἓν πολλὰ εἶναι. καὶ δήπου χαίρουσιν οὐκ ἐῶντες ἀγαθὸν λέγειν ἄνθρωπον, ἀλλὰ τὸ μὲν ἀγαθὸν ἀγαθόν, τὸν δ' ἄνθρωπον ἄνθρωπον. ἐντυγχάνεις γάρ, ὦ Θεαίτητε, ὡς ἐγῷμαι, πολλάκις τὰ τοιαῦτ' ἐσπουδακόσιν, ἐνίοτε πρεσβυτέροις ἀνθρώποις, καὶ ὑπὸ πενίας τῆς περὶ φρόνησιν κτήσεως τὰ τοιαῦτα τεθαυμακόσι, καὶ δή τι καὶ πάσσοφον οἰομένοις ταῦτ' αὐτὸ ἀνευρηκέναι.

1070) Metaph. V, 29. 1024 b, 33· Ἀντισθένης ὤετο εὐήθως μηθὲν ἀξιῶν λέγεσθαι πλὴν τῷ οἰκείῳ λόγῳ ἓν ἑφ' ἑνός· ἐξ ων συνέβαινε μὴ εἶναι ἀντιλέγειν, σχεδὸν δὲ μηδὲ ψεύδεσθαι. Alex. Aphr. ad h. l. Schol. 732 a, 30 Brand. Ниже, стр. 308, пр. 1129.

1071) Tennemann, Gesch. d. Philos. II, 97. Schleiermacher, Pl. W. II, 2, 143. Brandis, Handb. d. gr. rom. Ph. II a, 81 f. Ritter, Gesch. d. Phil. II, 133. Zeller, Ph d. Gr. II a⁴, 293, 1. Dummler Antisth. 49. Urban, 18; Bonitz, Plat. Unt. 170, 14. и пр. Campbell, Theaet XXIV.

1072) Stallb. ad Soph. 178, B (подразумѣвается Антисѳенъ и преимущественно Евѳидемъ и Діонисодоръ), Wagner, Plato's Soph., Lpz., 1857, Engelm. 187 f. Stein, Sieben Bücher, etc. 65, полагаетъ, что Платонъ не имѣетъ въ виду никакого опредѣленнаго лица.

Во первыхъ, Платонъ ясно различаетъ еристиковъ, о которыхъ говоритъ здѣсь, отъ матеріалистовъ, о которыхъ говорилъ раньше [1073]), а подъ этими матеріалистами, какъ мы уже видѣли, нельзя подразумѣвать никого кромѣ послѣдователей Антисѳена.

Во вторыхъ, эпитетъ ὀψιμαθεῖς не подходитъ къ Антисѳену ни въ одномъ изъ значеній, которое имѣетъ это слово—ни въ смыслѣ начавшихъ поздно учиться, ни въ смыслѣ поздно пришедшихъ къ истинному взгляду [1074]), ни въ смыслѣ тупоумныхъ.

Если бы мы даже не знали, что Антисѳенъ до знакомства съ Сократомъ слушалъ Горгія и былъ въ общеніи съ другими софистами, и даже самъ занимался преподаваніемъ [1075]), то одинъ обзоръ его обильныхъ сочиненій [1076]) долженъ былъ бы насъ убѣдить, что онъ не могъ начать свое образованіе поздно. Диммлеръ [1077]), правда, ссылается на одно мѣсто въ рѣчи Діона Хрисостома [1078]), котораго въ настоящее время считаютъ ревностнымъ послѣдователемъ Цинизма [1079]), гдѣ этотъ риторъ, изложивъ аллегорію въ Циническомъ духѣ, заявляетъ, что „такъ сказалъ человѣкъ разочарованный (δυσάρεστος), какъ мнѣ кажется, испытавшій въ жизни много скорбей и получившій поздно истинное воспитаніе“. Вопросъ однако въ томъ, мѣтитъ ли Діонъ въ Антисѳена, и если мѣтитъ, то не есть-ли эта характеристика плодъ комбинацій самого Діона изъ нашего и другихъ мѣстъ у Платона, которыя обыкновенно относятъ къ Антисѳену. Впрочемъ, отожествлять то лицо, на которое намекаетъ Діонъ, съ неизвѣстными еристиками у Платона, мы имѣемъ тѣмъ меньше права, что Діоновъ разочарованный начинаетъ поздно истинное воспитаніе, а Платонъ просто говоритъ о позднемъ образованіи своихъ еристиковъ. Съ точки зрѣнія Платона такая разница очень немаловажна, такъ какъ истинное знаніе и воспитаніе для него всегда оставались подъ

1073) Soph. 251, D: ἵνα τοίνυν πρὸς ἅπαντας ἡμῖν ὁ λόγος ᾖ τοὺς πώποτε περὶ οὐσίας καὶ ὁτιοῦν διαλεχθέντας, ἔστω καὶ πρὸς τούτους ναὶ πρὸς τοὺς ἄλλους, ὅσοις ἔμπροσθεν διειλέγμεθα, τὰ νῦν ὡς ἐν ἐρωτήσει λεχθησόμενα.

1074) Theaet. 202, C—D. ἆρα.... νὸν οὕτω τῇδε τῇ ἡμέρᾳ εἰλήφαμεν ὃ πάλαι καὶ πολλοὶ τῶν σοφῶν ζητοῦντες πρὶν εὑρεῖν κατεγήρασαν;

1075) Diog. L. VI, 1—2. Hieron. c. Jovin. II, 14.

1076) Приведенъ у Diog. Laert. VI, 15—18.

1077) Dümmler, Akad. 90 f.

1078) Charidemus (XXX), 353 Emper.

1079) Weber, De Dione Chrysostomo Cynicorum sectatore, Leipziger Studien, X, 1887, 79 f. Эту (построенную по гевристическому методу) монографію я имѣлъ въ рукахъ лишь когда настоящій листъ былъ набранъ. Поэтому не могу здѣсь входить въ ея критику.

вопросомъ [1080]). Поэтому онъ не могъ подразумѣвать намѣченной Діономъ разницы. По той же причинѣ къ Антисѳену не можетъ относиться эпитетъ ὀφιμαθής и во второмъ изъ указанныхъ значеній.

Тупость Антисѳена ничѣмъ не доказана, да и было бы странно предполагать тупоумнымъ мыслителя, который положилъ основаніе такому обильному по своимъ послѣдствіямъ ученію, какимъ былъ Цинизмъ. Не забудемъ, что Стоицизмъ своей метафизикой и этикой на это ученіе опирается [1081]), а на великое историческое значеніе Стоицизма нѣтъ нужды указывать [1082]). Мнѣніе о тупости Антисѳена основано исключительно на замѣчаніи Аристотеля, что ученіе этого Циника о тожественныхъ предложеніяхъ глупо, а самъ онъ вмѣстѣ съ его послѣдователями невоспитанъ [1083]). Но намъ уже извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ Аристотель отзывается обо всѣхъ вообще бывшихъ до него философахъ [1084]). Во всякомъ случаѣ было бы неосмотрительно заключать, что глупые на взглядъ Аристотеля должны были казаться такими и Платону. Достаточно напомнить о разницѣ во взглядахъ того и другого философа на Елейцевъ [1085]).

Въ третьихъ, Платонъ говоритъ о жадныхъ до словопреній еристикахъ, а Антисѳенъ не только такимъ не былъ, но даже, какъ будетъ пояснено ниже, относился повидимому къ словопреніямъ несочувственно. Къ словамъ собесѣдниковъ онъ придирался несомнѣнно, но не изъ пустой любви къ спору, а въ подражаніе Сократову испытующему обличенію [1086]). Точно также и слово χαίρουσι, которое Платонъ повторяетъ неоднократно, плохо вяжется съ извѣстной поговоркой Антисѳена: „Я скорѣй сошелъ бы съ ума, чѣмъ сталъ бы радоваться“ [1087]).

Въ четвертыхъ, если допустить, что Платонъ говоритъ въ разсматриваемомъ отрывкѣ объ Антисѳенѣ, то совершенно непонятно,

---

1080) Достаточно указать на діалоги „Лахесъ“, „Протагоръ“, „Менонъ“, на всю вообще методологію. Въ „Государствѣ“ Платонъ высказывается о воспитаніи болѣе положительно, однако и здѣсь не выдаетъ своего ученія за безусловную истину. De Rep. 450, E—451, A. Выше, стр. 64.

1081) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 28C. III a[3], 124 f. 349.

1082) Winckler, Der Stoicismus eine Wurzel des Christenthums. Leipz. 1878. Если авторъ и не правъ, считая Стоическую философію однимъ изъ корней Христіанства, то безспорно во всякомъ случаѣ, что она подготовила умы къ его воспріятію.

1083) Выше, стр. 299, пр. 1070 и стр. 305, пр. 1114.

1084) Выше, стр. 158. 160. 191. 201.

1085) Выше, стр. 158.

1086) Xen. Symp. 2, 10. 3, 4, 6. 4, 2, сл. 6. 6, 5.

1087) Diog. Laert. VI, 3: ἔλεγέ τε συνεχὲς· μανείην μᾶλλον ἢ ἡσθείην.

почему онъ нѣсколько ниже навязываетъ ему несовмѣстимый съ ученіемъ о тожественныхъ предложеніяхъ пріемъ „тащить въ рѣчи слова туда и сюда“, то есть утверждать все обо всемъ [1088]).

Наконецъ въ пятыхъ, свидѣтельство Аристотеля, какъ увидимъ не согласно съ безспорно принадлежащимъ Антисѳену ученіемъ объ основныхъ элементахъ и потому внушаетъ противъ себя подозрѣніе [1089]). Руководительное значеніе оно не можетъ имѣть уже потому, что изъ современниковъ Платона о тожественныхъ предложеніяхъ училъ не одинъ только Антисѳенъ, но и Стильпонъ [1090]), который „измышленіемъ доводовъ и софистикой настолько превзошелъ остальныхъ, что чуть не вся Еллада смотрѣла на него и стала мегарствовать“ [1091]). Впослѣдствіи это ученіе было усвоено и Еретрійцами [1092]). Оно было издавна вполнѣ подготовлено Елейскимъ ученіемъ и подсказывалось имъ само собою. Единство бытія исключаетъ множество, а слѣдовательно и всякое сказуемое о подлежащемъ отличное отъ самого подлежащаго [1093]). Вопросъ объ отношеніи единства къ множеству Платонъ называетъ древнимъ [1094]). Подобное же слышимъ мы и отъ Аристотеля. „Позднѣйшіе изъ древнихъ (говоритъ онъ [1095]) поднимали шумъ, какъ бы у нихъ не вышло одно и тоже единымъ и многимъ. Поэтому одни отнимали связь есть, а другіе измѣняли выраженіе и не говорили человѣкъ есть бѣлъ, а человѣкъ обѣленъ, и не человѣкъ есть ходящее, а человѣкъ ходитъ, чтобы прибавляя есть не дѣлать единаго многимъ, такъ какъ о бытіи и единомъ можно говорить лишь единичное“. Подъ позднѣйшими изъ древнихъ Аристотель очевидно не могъ под-

---

1088) Soph. 259, B—D. Выше, стр. 98, пр. 69.

1089) Стр. 306.

1090) Plut. adv. Colotth. 22, 1: τὸν βίον ἀναιρεῖσθαι ὑπ' αὐτοῦ (Στίλπωνος), λέγοντος ἕτερον ἑτέρου μὴ κατηγορεῖσθαι· πως γὰρ βιωσόμεθα μὴ λέγοντες ἄνθρωπον ἀγαθόν. . ἀλλ' ἄνθρωπον ἄνθρωπον καὶ χωρὶς ἀγαθὸν ἀγαθόν. Ibid. 23. Simpl. Phys. 120, 12. Diels. Hartenstein, Ueber die Bedeutung d. Megarischen Schule für die Geschichte der metaphysischen Probleme, Hist. philos. Abh., Leipz. 1870, 149 f. Zeller, Ph d. Gr. II a[4], 272, 3

1091) Diog. Laert. II, 113.

1092) Simpl. in Phys. 185 b, 25. 220 v. 93, 20. Diels: οἱ δὲ ἐκ τῆς Ἐρετρίας μηδὲν κατὰ μηδενὸς κατηγορεῖσθαι λέγουσιν, ἀλλὰ μόνον αὐτὸ καθ' αὑτοῦ, οἷον ὁ ἄνθρωπος ἄνθρωπος.

1093) На эту связь указываютъ между прочимъ Аристотель въ „Физикѣ“, I кн. 2 гл. и Симплицій въ соотвѣтствующемъ комментаріи.

1094) Phileb. 16, C—E. Выше, стр. 133.

1095) Phys I, 2, 185 b, 25.

разумѣвать своихъ современниковъ; а выразительныя слова „поднимали шумъ“ свидѣтельствуютъ о томъ, что это ученіе волновало многихъ.

Напротивъ, начерченный въ разсматриваемомъ мѣстѣ образъ тожественъ съ характеристикой Евѳидема и Діонисодора. Оба они γέροντες и при томъ ὀψιμαθεῖς [1096]); оба скудоумные; оба—ревностные еристики, радующіеся всякой возможности поспорить и еще болѣе всякой побѣдѣ въ спорѣ, какъ бы она ни была достигнута [1097]); оба доказываютъ, что для всего существуетъ только свое слово [1098]) и тѣмъ не менѣе говорятъ, что обо всемъ можно утверждать все [1099]). Принадлежность послѣдняго ученія Евѳидему Платонъ подтверждаетъ въ „Кратилѣ“ [1100]). Точно также и Аристотель говоритъ о софизмахъ Евѳидема [1101]). Изъ приведенныхъ имъ въ „Софистическихъ обличеніяхъ“ образцахъ нѣкоторые почти буквально совпадаютъ съ тѣми, на которыхъ показываютъ свою мудрость Діонисодоръ и Евѳидемъ [1102]). Даже смѣшныя рѣчи, въ которыхъ такіе мастера эти два софиста [1103]), отмѣчаетъ Аристотель мимоходомъ [1104]).

Поэтому, если критика всѣхъ вообще свидѣтельствъ Платона покажетъ, что онъ никогда не выводилъ лицъ подъ чужими именами, то подъ еристиками въ нашемъ мѣстѣ нельзя будетъ подразумѣвать никого другого кромѣ Евѳидема и Діонисодора.

Впрочемъ, если бы и оказались всѣ приведенные выше доводы несостоятельными и мы были бы принуждены въ этомъ вопросѣ стать на точку зрѣнія большинства критиковъ, то авторитетъ Платона,

---

1096) Euthyd. 272, B.

1097) Ibid. 272, A. Весь вообще діалогъ.

1098) Ibid. 283, E. 285, E. Ниже, стр. 311, пр. 1140.

1099) Ibid. 303, D: καὶ τόδ' αὖ ἕτερον δημοτικόν τι καὶ πρᾷον ἐν τοῖς λόγοις ὅτι ὅταν φῇτε μήτε καλὸν εἶναι μηδὲν μήτ' ἀγαθὸν πρᾶγμα μήτε λευκὸν μηδ' ἄλλο των τοιούτων μηδέν; μηδὲ τὸ παράπαν ἕτερόν ἕτερον.

1100) Cratyl. 386, D: ἀλλὰ μὴν οὐδὲ νατ' Εὐθυδήμόν γε, οἶμαι, σοὶ δοκεῖ πᾶσι πάνθ' ὁμοίως εἶναι ἅμα καὶ ἀεί.

1101) Rhetor. II, 24, 1401 a, 27. Soph. Elench. 20, 177 b, 12.

1102) Soph. Elench. 4, 165 b, 32 сл. 166 a, 12, 19. 166 b, 9. 22. 177 a, 22. 178 b, 29 сл. Euthyd. 300, A—D. 301, C, сл. Soph. Elench. 17, 176 b, 1. Euthyd. 301, E. Soph. Elench. 24, 180 a, 8. Euthyd. 295, A, сл. Soph. Elench. 24, 179 a, 34. Euthyd. 298, D, сл. Bonitz, Platonische Studien, 3-te Aufl. Berl. 1888, 135, 27. Zeller, Ph. d. Gr. I^4, 998 1, 2, 3.

1103) Euthyd. 276, D. 303, B. Весь діалогъ.

1104) Soph. Elench. 33, 182 b, 15: λόγοι γελοῖοι.

какъ историческаго свидѣтеля, въ глазахъ по крайней мѣрѣ тѣхъ, кто привыкъ ставить Аристотеля выше Платона, не поколебался бы. Принадлежность ученія о тожественныхъ предложеніяхъ Антисѳену засвидѣтельствована Аристотелемъ; имъ же удостовѣрено и Антисѳеново скудомысліе [1105]); а рѣзкій тонъ Платона нашелъ бы полное оправданіе какъ въ непристойныхъ выходкахъ Антисѳена, въ особенности въ его Σάθων'ѣ [1106]), такъ и въ томъ, что Антисѳенъ былъ нападающей стороной [1107]).

Какъ бы то ни было, предлагаемая Платономъ критика, по самой своей цѣли, разсуждать со всѣми, кто хотя что̀ нибудь говоритъ о сущемъ [1108]), чужда всякаго желанія представить кого либо въ смѣшномъ видѣ. Платонъ доказываетъ, что тѣ, кто выставляютъ такую теорію, опровергаютъ себя на каждомъ шагу, такъ какъ не могутъ обойтись безъ соединенія словъ, и такимъ образомъ „не нуждаются ни въ какихъ посторонникъ обличителяхъ, но по пословицѣ, врага и противника имѣютъ въ собственномъ домѣ, такъ какъ ходятъ какъ бы нося въ себѣ всюду страннаго (чревовѣщателя) Евриклея“ [1109]).

Упомянутое выше ученіе объ основныхъ элементахъ вещей, „великое и почтенное слово“ [1110]), Платонъ излагаетъ въ „Ѳеэтетѣ“ [1111]).

Разложивъ діалектически опредѣленіе знанія какъ правильнаго мнѣнія, Сократъ приводитъ другое. „Я (говоритъ онъ) слышалъ, какъ кто то сказалъ—прежде я позабылъ, а теперь вспомнилъ—что знаніе есть истинное мнѣніе съ объясненіемъ, а мнѣніе безъ объясненія—внѣ знанія. Чего нельзя объяснить, то непознаваемо (такъ и назвалъ „непознаваемо“), а что̀ можетъ быть объяснено, то познаваемо... [1112]). Выслушай же одинъ сонъ вмѣсто другого. Я ка-

---

1105) Выше, стр. 299, пр. 1030.

1106) Выше, стр. 286.

1107) Soph. 246, B: τοιγαροῦν οἱ πρὸς αὐτοὺς (Цинковъ) ἀμφισβητοῦντες (друзья идей) μάλ' εὐλαβῶς.... ἀμύνονται. „Antisthenes.... war.... allem nach der angreifende jedenfalls der derbere und leidenschaftlichere Theil.“ Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 428, 1.

1108) Ibid. 251, D. Выше, стр. 300, пр. 1073.

1109) Ibid. 252, C.

1110) Theaet. 203, E.

1111) Ibid. 201, D—202, C.

1112) Ibid. 201, D: ἔφη δὲ τὴν μὲν μετὰ λόγου ἀληθῆ δόξαν ἐπιστήμην εἶναι, τὴν δ' ἄλογον ἐκτὸς ἐπιστήμης· καὶ ὧν μὲν μή ἐστι λόγος οὐκ ἐπιστητὰ εἶναι, οὑτωσὶ καὶ ὀνομάζων, ἃ δ' ἔχει ἐπιστητά.

жется слышалъ отъ нѣкоторыхъ, что первые какъ бы элементы, изъ которыхъ сложены и мы и все остальное, не допускаютъ объясненія. Можно только наименовать каждый элементъ въ отдѣльности самъ по себѣ, но сказать о немъ что̀ нибудь другое нельзя, ни того, что онъ есть, ни того, что онъ не есть, такъ какъ въ этихъ случаяхъ мы прилагали бы ему существованіе или несуществованіе, тогда какъ не слѣдуетъ относить къ нему ничего, если только мы должны говорить лишь о немъ одномъ. Къ элементамъ не должно относить даже такія слова, какъ „само“ или „это“ или „каждое“ или „одно“ или „то“, которыя, хотя какъ бы и бѣгаютъ вокругъ всѣхъ и ко всѣмъ относятся, однако другое, а не то, къ чему присоединяются, между тѣмъ какъ, если бы объ элементахъ можно было говорить и они имѣли бы свое собственное объясненіе, то о нихъ должно было бы говорить безъ всякихъ другихъ словъ. На самомъ же дѣлѣ невозможно ни объ одномъ изъ элементовъ сказать слова, такъ какъ у нихъ нѣтъ ничего другого кромѣ возможности обозначенія. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое имя, и лишь когда они сложены, то сообразно ихъ сплетенію происходитъ и сплетеніе именъ, которое и есть рѣчь, такъ какъ сущность рѣчи—въ сплетеніи именъ. Поэтому элементы не объяснимы и не познаваемы, хотя и воспринимаются чувствами; напротивъ, сложеніе ихъ познаваемо, объяснимо и сознаваемо истиннымъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ, у того, кто получитъ истинное мнѣніе о чемъ нибудь, душа хотя и мыслитъ истину, однако не познаетъ, такъ какъ тотъ, кто не можетъ дать и принять слова о чемъ нибудь, въ этомъ не свѣдущъ; а тотъ, кто присоединяетъ объясненіе, не только способенъ на все это, но имѣетъ и совершенное знаніе“.

Точность передачи этого ученія Платонъ ставитъ на видъ съ особою силою [1113]), Аристотель называетъ его Антисѳеновскимъ, и его свидѣтельство почти буквально совпадаетъ съ Платоновымъ [1114]). Въ виду этого нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе тѣхъ мнѣній, которыя относятъ

1113) Кромѣ предыдущаго, ibid. 202, C: οὕτω σὺ τοὐνύπνιον ἢ ἄλλως ἀκήκοας;—Οὕτω μὲν οὖν παντάπασιν.

1114) Metaph. VIII, 3, 1043 b, 23: ὥστε ἡ ἀπορία, ἣν οἱ Ἀντισθένειοι καὶ οἱ οὕτως ἀπαίδευτοι ἠπόρουν, ἔχει τινὰ καιρόν, ὅτι οὐκ ἔστι τὸ τί ἐστιν ὁρίσασθαι, ἀλλὰ ποῖον μέν τί ἐστιν ἐνδέχεται καὶ διδάξαι, ὥσπερ ἄργυρον τί μέν ἐστιν, οὗ, ὅτι δ' οἷον κασσίτερος. ὥστ' οὐσίας ἔστι μὲν ἧς ἐνδέχεται εἶναι ὅρον καὶ λόγον, οἷον τῆς συνθέτου, ἐάν τε αἰσθητὴ ἐάν τε νοητὴ ᾖ· ἐξ ὧν δ' αὕτη πρώτων οὐκ ἔστιν.

его къ Пиѳагорейцамъ [1115]). Важнѣе для насъ поставить на видъ неосновательность пріема тѣхъ критиковъ, которые связываютъ его съ изложеннымъ выше ученіемъ еристиковъ въ „Софистѣ“ [1116]). На самомъ дѣлѣ между этими двумя ученіями не только нѣтъ никакой связи, но они прямо исключаютъ одно другое. По Антисѳену, непознаваемы лишь основные элементы вещей, самыя же вещи, какъ сложенныя изъ элементовъ, допускаютъ опредѣленіе, а слѣдовательно и сужденія; нельзя напримѣръ, говорить о томъ, изъ чего состоитъ человѣкъ, но можно говорить о самомъ человѣкѣ. По еристикамъ, о человѣкѣ нельзя говорить ничего кромѣ лишь того, что онъ человѣкъ; сложная вещь для нихъ имѣетъ поэтому тоже значеніе, ~~какое для~~ Антисѳена элементъ [1117]).

Зная, съ какой свободой Аристотель обходился съ ученіями предшествовавшихъ ему философовъ, можно думать, что ученіе о тожественныхъ предложеніяхъ въ томъ видѣ, какъ онъ его излагаетъ, Антисѳену не принадлежало, а было навязано ему самимъ Аристотелемъ по сближенію еристическаго ученія съ Антисѳеновымъ.

Платонова критика только что изложеннаго ученія распадается на двѣ части: критику принципа ученія и критику построеннаго на этомъ принципѣ опредѣленія знанія, какъ правильнаго мнѣнія съ объясненіемъ.

Первая сводится къ тому, что если непознаваемы элементы, то должны быть непознаваемы и сочетанія ихъ, какъ въ томъ случаѣ, когда сочетаніе есть лишь простая сумма, такъ и въ томъ, когда чрезъ него получается новое образованіе. Не зная, что̀ такое С и О, мы не можемъ знать и того, что̀ такое СО; новое неразложимое образованіе съ логической точки зрѣнія не отличается отъ элемента [1118]).

Во второй части Платонъ, „что бы не обвинять легкомысленно въ пустословіи того, кто далъ изслѣдуемое опредѣленіе“ [1119]), раз-

---

[1115]) Ниже, пр. 1117.

[1116]) Brandis, Handb. d. gr. r. Ph. II a, 202 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 294, 1.

[1117]) На невозможность отожествлять то и другое ученіе указываетъ также Campbell, Theaetetos of Plato, 2-nd. ed. Oxf. 1883, XXXV, который однако думаетъ, что въ ученіи объ элементахъ Платонъ „цитуетъ какого нибудь Пиѳагорейца“.

[1118]) Theaet. 202, D—206, B.

[1119]) Ibid, 206, E: μὴ τοίνυν ῥᾳδίως καταγιγνώσκωμεν τὸ μηδὲν εἰρηνέναι τὸν ἀπορηγάμενον ἐπιστήμην, ὃ νῦν σκοποῦμεν. 208, C.

сматриваетъ всѣ значенія, которыя можетъ имѣть въ этомъ опредѣленіи слово „объясненіе“, и доказываетъ, что при всѣхъ нихъ опредѣленіе неудовлетворительно. Такихъ значеній Платонъ указываетъ три: 1) выраженіе мысли посредствомъ голоса именами и глаголами—„напечатлѣніе мнѣнія въ потокѣ голоса какъ бы въ зеркалѣ или водѣ“, 2) перечисленіе по руководству правильнаго мнѣнія всѣхъ элементовъ, составляющихъ вещь, и 3) указаніе признака, отличающаго данную вещь отъ другихъ.

Въ первомъ случаѣ уничтожается внутреннее различіе между истиннымъ мнѣніемъ и знаніемъ, такъ какъ всякій, кто не глухъ и не нѣмъ, можетъ выразить свое мнѣніе посредствомъ голоса именами и глаголами [1120]). Во второмъ случаѣ не всякое правильное мнѣніе съ объясненіемъ есть знаніе, такъ какъ можно знать части, но не знать цѣлаго: напримѣръ, можно знать буквы, изъ которыхъ сложено имя, но не умѣть правильно его написать [1121]). Въ третьемъ случаѣ получается тожесловіе, такъ какъ имѣть правильное мнѣніе о вещи значитъ умѣть отличить ее отъ всѣхъ другихъ. Поэтому понятіе о различіи подразумѣвается понятіемъ правильнаго мнѣнія [1122]).

Во всей этой критикѣ мы напрасно стали бы искать непріязненнаго или задорнаго тона. Но быть можетъ ученіе Антисѳена допускаетъ иное толкованіе, чѣмъ какое даетъ Платонъ. Подъ „сплетеніемъ“ элементовъ [1123]) Антисѳенъ могъ понимать не только ихъ сумму, но и отношеніе. Въ такомъ случаѣ его ученіе близко сходно съ Локковымъ. По Локку, первичные элементы непознаваемы, но производятъ въ насъ ощущенія [1124]) (αἰσθητά), простыя идеи неопредѣлимы, а сложныя опредѣлимы [1125]), опредѣленіе состоитъ въ разложеніи сложной идеи на простыя [1126]), а истина—въ соединеніи и разъединеніе знаковъ (то есть словъ) [1127]) сообразно съ согласіемъ

1120) Ibid. 206, D—E.

1121) Ibid. 207, E—208, B.

1122) Ibid. 208, C—210, B.

1123) Ibid. 202, B: τὰ δ' ἐκ τούτων ἤδη συγκείμενα, ὥσπερ αὐτὰ πέπλεκται, οὕτω καὶ τὰ ὀνόματα αὐτων συμπλανέντα λόγον γεγονέναι· ὀνομάτων γὰρ συμπλοκὴν εἶναι λόγου οὐσίαν.

1124) Locke, An Essay concern. human Understanding, Book IV, Ch III, 11 f.

1125) Ibid. Book III, Ch. IV, 14 f.

1126) Ibid. Book III, Ch. XIII, 10.

1127) Ibid. Book IV, Ch. V, 2.

или несогласіемъ между обозначаемыми имп вещами, то есть съ ихъ тожествомъ или различіемъ, отношеніемъ, сосуществованіемъ или необходимою связью, дѣйствительнымъ существованіемъ [1128]). Если Антисѳеново ученіе можно истолковать въ такомъ смыслѣ, то оно не такъ безсильно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Впрочемъ, объясненіе Платона проще и потому. естественнѣе.

Аристотелевъ комментаторъ Александръ толкуетъ ученіе Антисѳена объ основныхъ элементахъ въ томъ же смыслѣ, какъ и Аристотель, то есть что для каждой вещи существуетъ только ея собственное имя, и съ точки зрѣнія этого толкованія объясняетъ слова Аристотеля о томъ, что по ученію Антисѳена невозможно спорить и лгать. Если каждая вещь имѣетъ одно только исключительно ей принадлежащее имя, то ясно, что споръ не возможенъ ни тогда, когда люди говорятъ объ одномъ и томъ же, такъ какъ въ этомъ случаѣ они говорятъ одно и тоже, ни тогда, когда говорятъ различное, такъ какъ въ этомъ случаѣ они говорятъ о различныхъ вещахъ. Невозможность лжи при такомъ взглядѣ на имена очевидна сама собой [1129]). Давая такое объясненіе, Александръ вмѣстѣ съ Аристотелемъ, повидимому, произвольно обобщаетъ ученіе Антисѳена. По точному смыслу Платонова свидѣтельства, Антисѳенъ могъ учить о тожественныхъ предложеніяхъ и невозможности спорить и лгать лишь относительно первыхъ элементовъ сущаго, а не всего сущаго. Элементы непознаваемы, имѣютъ каждый только свое собственное имя и не допускаютъ о себѣ кромѣ своего имени никакихъ другихъ утвержденій. Напротивъ, сложныя вещи познаваемы, о нихъ возможны различныя сужденія, сообразно

[1128]) Ibid. Ch. I, 2—3.

[1129]) Alex. Schol. in Arist. 732 a, 30 Brand.: ᾤετο δὲ ὁ Ἀντ. ἕκαστον τῶν ὄντων λέγεσθαι τῷ οἰκείῳ λόγῳ μόνῳ καὶ ἕνα ἑκάστου λόγον εἶναι· τὸν γὰρ οἰκεῖον τόδε τι σημαίνοντα καὶ μὴ ὄντα τούτου περὶ οὗ λέγεται εἶναι, ἀλλότριόν γε ὄντα αὐτοῦ. ἐξ ὧν καὶ συνάγειν ἐπειρᾶτο ὅτι μὴ ἔστιν ἀντιλέγειν. τοὺς μὲν γὰρ ἀντιλέγοντας περί τινος διάφορα λέγειν ὀφείλειν, μὴ δύνασθαι δὲ περὶ αὐτοῦ διαφόρους λόγους φέρεσθαι τῷ ἕνα τὸν οἰκεῖον ἑκάστου εἶναι. ἕνα γὰρ ἑνὸς εἶναι καὶ τὸν λέγοντα περὶ αὐτοῦ λέγειν μόνον, ὥστε εἰ μὲν περὶ τοῦ πράγματος τοῦ αὐτοῦ λέγοιεν, τὰ αὐτὰ ἂν λέγοιεν ἀλλήλοις (εἷς γὰρ ὁ περὶ ἑνὸς λόγος), λέγοντες δὲ ταὐτὰ οὐκ ἂν ἀντιλέγοιεν ἀλλήλοις. εἰ δὲ διαφέροντα λέγοιεν, συνέπεσθαι λέξειν αὐτοὺς περὶ αὐτοῦ τῷ εἶναι ἕνα τὸν λόγον τὸν περὶ αὐτου του πράγματος, τοὺς δὲ ἀντιλέγοντας ὀφείλειν περὶ τοῦ αὐτοῦ λέγειν. καὶ οὕτως συνῆγε τὸ μὴ εἶναι ἀντιλέγειν, σχεδὸν δὲ μηδὲ ψεύδεσθαι διὰ τὸ μὴ οἷόν τε εἶναι περί τινος ἄλλον πλὴν τὸν ἴδιόν τε καὶ οἰκεῖον εἰπεῖν λόγον.

съ сплетеніемъ ихъ элементовъ. Гдѣ невозможно ни знаніе, ни колебаніе мнѣній, тамъ невозможенъ и споръ; но гдѣ допускается разнообразіе мнѣній, тамъ очевидно возможно и разногласіе.

Какъ Антисѳенъ смотрѣлъ на ложь, неизвѣстно, но утверждать, что онъ училъ о безусловной ея невозможности препятствуетъ неопредѣленный тонъ самого свидѣтельства Аристотеля. По этому свидѣтельству, изъ ученія Антисѳена „выходило, что нельзя противорѣчить, а почти что и лгать“ [1130]). Но въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова „изъ этого и выходило“, въ смыслѣ-ли сдѣланнаго самимъ Антисѳеномъ вывода, или же въ смыслѣ заключенія Аристотеля, текстъ не даетъ средствъ рѣшить. Уже отсюда очевидна невозможность въ данномъ случаѣ пользоваться свидѣтельствомъ Аристотеля какъ руководящей нитью.

Единственный способъ примирить свидѣтельство Платона со свидѣтельствомъ Аристотеля—предположить, что Антисѳенъ въ различные періоды дѣятельности училъ о знаніи различно, или же что его ученіе отличалось отъ ученія его послѣдователей („Антисѳенцевъ“, какъ ихъ называетъ Аристотель [1131]). Но объ измѣненіяхъ въ ученіи Антисѳена мы не слышимъ ничего кромѣ развѣ того, что сначала онъ былъ ученикомъ Горгія, а затѣмъ сталъ ревностнымъ послѣдователемъ Сократа [1132]). На этихъ шаткихъ данныхъ нельзя однако ничего строить. Точно также ничто не уполномочиваетъ и ко второму предположенію.

Если же мы признаемъ, что ученіе Антисѳена о невозможности противорѣчить въ томъ видѣ, какъ его излагаетъ Александръ, есть слѣдствіе ложнаго толкованія Аристотелемъ и Александромъ ученія Антисѳена, то не должны будемъ придавать значенія и позднѣйшимъ свидѣтельствамъ въ этомъ смыслѣ. Этихъ свидѣтельствъ три: 1) замѣчаніе Діогена Лаерція въ главѣ о Протагорѣ, что этотъ софистъ впервые „высказалъ слово Антисѳена, пытавшагося доказать, что невозможно противорѣчить“ [1133]), 2) свидѣтельство у Стобэя о томъ, что по Антисѳену противорѣчащаго должно успокоивать не противо-

---

1130) Текстъ приведенъ на стр. 299, пр. 1070

1131) Metaph. VIII, 3, 1043 b, 23. Выше, стр. 305, пр. 1114

1132) Объ этомъ Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 281.

1133) Diog. L. IX, 53.

рѣчіемъ, а поученіемъ, такъ какъ и бѣшенаго нельзя исцѣлить бѣшенствуя передъ нимъ [1134]), и 3) слова Прокла въ комментаріи къ „Кратилу", что по Антисѳену не должно противорѣчить, такъ какъ всякое слово истинно: говорящій говоритъ что̀ нибудь, говорящій что̀ нибудь говоритъ существующее, а говорящій существующее говоритъ истину [1135]). Каждое изъ этихъ свидѣтельствъ, взятое само по себѣ, имѣетъ слабый вѣсъ. Изложеніе у Діогена вообще анекдотическое, почерпнутое по большей части изъ вторыхъ рукъ [1136]), и тамъ, гдѣ онъ не указываетъ источника (какъ въ данномъ случаѣ), не имѣетъ большой цѣны. Точно также и свидѣтельства Стобэя могутъ быть признаны вѣскими лишь въ томъ случаѣ, если не имѣютъ противопоказанія [1137]). Весьма возможно, что оба эти свидѣтельства—отголосокъ толкованій Аристотеля и Александра. Наконецъ, Проклъ обосновываетъ ученіе Антисѳена совсѣмъ иначе, чѣмъ Аристотель и Александръ. При его обычаѣ перетолковывать чужія воззрѣнія по своему, довѣрять ему больше, чѣмъ этимъ двумъ писателямъ, нѣтъ основанія. Во всякомъ случаѣ уже самая шаткость въ показаніяхъ, помимо ихъ несогласія съ несомнѣнно достовѣрнымъ свидѣтельствомъ Платона, заставляетъ смотрѣть на нихъ съ недовѣріемъ.

Впрочемъ, предразсудокъ, что Антисѳенъ училъ о невозможности лгать и спорить, быть можетъ вызванъ ложнымъ толкованіемъ не одного только разсматриваем.го мѣста, но и всей его гносеологіи. Среди его трудовъ Діогенъ упоминаетъ цѣлый рядъ посвященныхъ вопросамъ діалектики—объ „Истинѣ", „Антилогическій о діалектикѣ", „Сафонъ или о противорѣчіи", „О разговорѣ", „Эристическій о пользованіи именами", „О вопросѣ и отвѣтѣ", „О мнѣніи и знаніи", „Мнѣнія или эристическій" [1138]). Зная приверженность Антисѳена Сократу [1139]), едва-ли можно сомнѣваться, что всѣ эти вопросы онъ

1134) Stob. Flor. LXXIII, 8.

1135) Procl. in Crat. 37 Boiss.

1136) Klippel, Diogenis Laertii vita, scripta atque in histor. philos. graecae scribenda auctoritas. Nordh. 1831.

1137) Попытка опредѣлить источники Стобэя у Дильса въ предисловіи къ Doxographi Graeci, Berol. 1879, 66, sq.

1138) Diog. Laert. VI, 16—17.

1139) Свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4], 281, 3.

разсматривалъ діалектически—строя апоріи, но не давая рѣшенія. Въ такомъ случаѣ эти апоріи легко могли быть приняты за положительное мнѣніе Антисѳена. Исторія критики Платона служитъ наглядньмъ примѣромъ, къ какимъ недоразумѣніямъ можетъ повести такой методъ.

Доказательства Антисѳена въ свидѣтельствѣ Александра сходны съ тѣми, которыми Діонисодоръ у Платона доказываетъ невозможность противорѣчить. „Для всего существующаго (разсуждаетъ этотъ софистъ) есть слово о томъ, какъ оно существуетъ, такъ какъ того, что̀ не существуетъ, никто сказать не можетъ. Если же такъ, то нельзя противорѣчить ни въ томъ случаѣ, когда мы говоримъ слово одной и той же вещи, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы говоримъ одно и то-же, ни въ томъ, когда ни одинъ изъ насъ не говоритъ слово извѣстной вещи, такъ какъ въ этомъ случаѣ тотъ и другой можетъ даже и не вспомнить объ этой вещи, ни въ томъ, когда одинъ говоритъ слово одной, а другой слово другой вещи, ни наконецъ въ томъ, когда одинъ говоритъ, а другой ничего не говоритъ“ [1140]). Изъ этого сходства Целлеръ, Боницъ, Диммлеръ, Урбанъ и другіе [1141]) заключаютъ, что „Евѳидемомъ“ Платонъ мѣтитъ въ Антисѳена. Выводъ этотъ Целлеръ, Боницъ и Диммлеръ [1142]) подкрѣпляютъ указаніемъ на отголосокъ борьбы изъ за идей въ „Евѳидемѣ“, Урбанъ сверхъ того—параллелями между „Евѳидемомъ“ и написанными по предположенію противъ Антисѳена рѣчами Исократа „Противъ софистовъ“ и „Похвала Елены“ [1143]).

Отголосокъ борьбы изъ за идей усматриваютъ въ слѣдующемъ разговорѣ между Сократомъ и Діонисодоромъ. „Видѣлъ-ли ты, Сок-

---

1140) Euthyd. 285, E—286, B: εἰσὶν ἑκάστῳ τῶν ὄντων λόγοι; Πάνυ γε. Οὐκοῦν ὡς ἔστιν ἕκαστον ἢ ὡς οὐκ ἔστιν; Ὡς ἔστιν. εἰ γὰρ μέμνησαι, ἔφη.... καὶ ἄρτι ἐπεδείξαμεν μηδένα λέγοντα ὡς οὐκ ἔστι· τὸ γὰρ μὴ ὂν οὐδεὶς ἐφάνη λέγων.... Πότερον οὖν, ἢ δ' ὅς, ἀντιλέγοιμεν ἂν τοῦ αὐτοῦ πράγματος λόγον ἀμφότεροι λέγοντες, ἢ οὕτω μὲν ἂν δήπου ταυτὰ λέγοιμεν; Συνεχώρει. Ἀλλ' ὅταν μηδέτερος, ἔφη, τὸν τοῦ πράγματος λόγον λέγῃ, τότ' ἀντιλέγοιμεν ἄν, ἢ οὕτω γε τὸ παράπαν οὐδ' ἂν μεμνημένος εἴη τοῦ πράγματος οὐδέτερος ἡμῶν; Καὶ τοῦτο συνωμολόγει. Ἀλλ' ἆρα, ἔφη, ὅταν ἐγὼ μὲν τὸν του πράγματος λόγον λέγω, σὺ δὲ ἄλλου τινὸς ἄλλον, τότ' ἀντιλέγομεν, ἢ ἐγὼ λέγω μὲν τὸ πρᾶγμα, σὺ δ' οὐδὲ λέγεις τὸ παράπαν, ὁ δὲ μὴ λέγων τῷ λέγοντι πῶς ἂν ἀντιλέγοι;

1141) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 302, 3. Bonitz, Platon. Stud., 3-te Aufl. 137. Urban, Ueber die Erwähnungen etc. 9. Dummler, Antisthenica, 59 и пр.

1142) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 296, 2. Bonitz, Plat. Stud. 133, 26. Dümmler, Akad. 189.

1143) Urban, Ueber die Erwähnungen, 5 f.

ратъ, когда либо (спрашиваетъ Діонисодоръ) какую нибудь красивую вещь?—Даже многія (отвѣчаетъ Сократъ).—Иныя, чѣмъ прекрасное или тожественныя съ прекраснымъ?—Я очутился въ крайнемъ затрудненіи и думалъ, что потерпѣлъ по заслугамъ за свое бормотанье; однако же отвѣтилъ, что иныя, чѣмъ прекрасное, но что въ каждой изъ нихъ присутствуетъ (πάρεστι) нѣкая красота.—Такъ значитъ, если очутится около тебя быкъ, ты будешь быкомъ, и если я теперь около тебя присутствую, ты—Діонисодоръ?“ [1144]).

Намекъ на Платонову терминологію въ словѣ πάρεστι открылъ впервые Целлеръ [1145]), и это открытіе признано всѣми критиками до Диммлера включительно. „Платонова месть (объясняетъ послѣдній [1146]) состоитъ здѣсь въ сомнительномъ сближеніи парусіи Діонисодора съ парусіей быка. Такой отвѣтъ не былъ бы колкимъ, если бы нападки (Антисѳена) не были направлены спеціально противъ terminus παρουσία“.

На взглядъ Урбана, эти намеки тѣмъ несомнѣннѣе, что возникновеніе „Евѳидема“ для него (точно такъ же какъ для Узенера и Рейнгардта [1147]), на изысканія которыхъ онъ опирается) становятся понятнымъ лишь изъ исторіи отношеній между Платономъ, Исократомъ, Лисіемъ и Антисѳеномъ. Платонъ былъ сначала друженъ съ Исократомъ и потому похвалилъ его въ „Фэдрѣ“, унизивъ въ то-же время Исократова, соперника Лисія. Этимъ былъ затронутъ враждебной Платону и дружный съ Лисіемъ Антисѳенъ. Что-бы отомстить Платону, онъ воспользовался неудачнымъ для Исократа исходомъ процесса противъ Евѳина, въ которомъ Лисій и Исократъ составили рѣчи для спорящихъ сторонъ, и въ своемъ сочиненіи „Лисій и Исократъ“ такъ опозорилъ Исократа, что тотъ бѣжалъ въ Хіосъ. Возвратившись оттуда, Исократъ отомстилъ Антисѳену рѣчью „Противъ софистовъ“ и „Еленой“. Здѣсь онъ затрогиваетъ также Платона, съ которымъ успѣлъ разсориться. Платонъ не остался въ долгу ни передъ Антисѳеномъ, ни передъ Исократомъ, и отвѣчалъ имъ „Евѳидемомъ“, направленнымъ преимущественно противъ Антисѳена.

1144) Euthyd. 300, C.

1145) Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 296, 2. Быть можетъ впрочемъ уже Schleiermacher, Einl. z. Euthyd, Pl. W. II, 1, 406.

1146) Dümmler, Akad. 189.

1147) Usener, über die Abfassungszeit d. plat. Phädrus, Rhein. Mus. 1880, 131 f. Reinhardt, De Isocratis aemulis, Bonn. 1873, 2 f. 27 f.

„Малоизвѣстный софистъ Евѳидемъ былъ слишкомъ незначительное лицо, что бы Платонъ могъ обращать на него большое вниманіе ... Между тѣмъ индивидуальныя черты, встрѣчающіяся въ „Евѳидемѣ", съ одной стороны точно совпадаютъ со словами Исократа, а съ другой подходятъ кромѣ Діонисодора и Евѳидема къ одному лишь Антисѳену" [1148]). Отсюда слѣдуетъ, что подъ Евѳидемомъ и Діонисодоромъ подразумѣвается Антисѳенъ. Въ Исократа Платонъ мѣтитъ эпизодомъ о логографѣ въ концѣ „Евѳидема". Въ этомъ эпизодѣ онъ беретъ назадъ высказанную въ „Фэдрѣ" похвалу и такимъ образомъ раздѣлывается съ Исократомъ [1149]).

Не трудно убѣдиться въ полной шаткости всѣхъ этихъ соображеній. Сближенія со свидѣтельствомъ Александра не имѣютъ силы уже потому, что самое это свидѣтельство не стоитъ внѣ сомнѣнія [1150]). Сверхъ того доказательства у Александра не вполнѣ тожественны съ доказательствами въ „Евѳидемѣ": первый полагаетъ главную силу въ томъ, что для всякой вещи существуетъ одно лишь ея собственное имя, Діонисодоръ у Платона въ томъ, что каждое имя обозначаетъ нѣчто сущее. Вдобавокъ, родоначальникомъ этого послѣдняго доказательства Платонъ въ томъ же „Евѳидемѣ" называетъ Протагора и ставитъ на видъ, что имъ пользовались очень многіе [1151]). Поэтому нѣтъ основанія относить его къ Антисѳену.

Видѣть въ отвѣтѣ Діонисодора намекъ на идеологію можно только по внушенію предвзятой мысли. Вопросъ о томъ, имѣлъ-ли терминъ παρουσία какое либо спеціальное отношеніе къ идеологіи, какъ въ особенности старается доказать Тейхмюллеръ [1152]), долженъ быть рѣшенъ безусловно въ отрицательномъ смыслѣ. Примѣнительно къ ученію объ идеяхъ онъ встрѣчается у Платона всего одинъ разъ на ряду съ другими равнозначительными [1153]). При этомъ Платонъ не

1148) Urban, l. c. 8—9.

1149) Ibid. 6.

1150) Выше, стр. 308, сл.

1151) Euthyd 286, C: οὐ γάρ τοι ἀλλὰ τουτόν γε τὸν λόγον πολλῶν δή ναί πολλάκις ἀκηκοὼς ἀεὶ θαυμάζω. καὶ γάρ οἱ ἀμφὶ Πρωταγόραν σφόδρ' ἐγρωντο αὐτῷ ναί οἱ ἔτι παλαιότεροι.

1152) Teichmuller, Gesch. d. Begriffs Parusie, Halle, 1873. Studien zur Gesch. d. Begriffe, Berl. 1874, 623 f.

1153) Phaedo, 100, D. τοῦ καλοῦ εἴτε παρουσία εἴτε κοινωνία, εἴτ' ὅπῃ δὴ καὶ ὅπως προσγίγνεται· (текстъ не установленъ) οὐ γάρ ἔτι τουτο διισχυρίζομαι, ἀλλ' ὅτι τῷ καλῷ πάντα τὰ καλὰ γίγνεται καλά.

вводитъ ни новаго слова, ни новаго понятія, но пользуется существующимъ уже словоупотребленіемъ, которое можно прослѣдить у Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Ѳукидида. Что бы убѣдиться въ этомъ, достаточно справиться въ подробныхъ словаряхъ, напримѣръ, Стефана или Папе. Въ общераспростаненномъ смыслѣ Платонъ употребляетъ это слово въ „Горгіи", „Лисисѣ", „Софистѣ" [1154]). Можно только пожалѣть, что Целлеръ, Боницъ, Диммлеръ и въ особенности Тейхмюллеръ положили столько труда и остроумія на выясненіе вопроса, который рѣшается такимъ простымъ способомъ. Впрочемъ, для Тейхмюллера главной опорой служитъ доводъ, что этотъ терминъ приводятъ Целлеръ и Ибервегъ [1155]); но этотъ доводъ едва-ли для кого убѣдителенъ кромѣ развѣ Целлера и Ибервега. Нельзя не согласиться, что отвѣтъ Діонисодора былъ бы къ лицу Антисѳену, но это единственное заключеніе, къ которому уполномочиваетъ разсматриваемое нами мѣсто.

Еще болѣе шатки тѣ данныя, на которыхъ строитъ свои соображенія Урбанъ. Отъ сочиненія Антисѳена сохранилось только заглавіе [1156]), а содержаніе его „Usenerus ingeniose expedivit" [1157]). Изобрѣтательности этого же изслѣдователя мы обязаны и извѣстіемъ, что Исократъ потерпѣлъ неудачу въ процессѣ Евѳина. Блассъ даже думаетъ, что дошедшая до насъ рѣчь Исократа противъ Евѳина имѣетъ значеніе чисто риторическаго упражненія и не могла быть назначена для процесса [1158]). Основывать доказательства на такихъ данныхъ значитъ переносить критику изъ области фактовъ въ область фантазіи. Намекъ въ „Евѳидемѣ" на Исократа въ лицѣ презирающаго еристиковъ логографа [1159]), хотя многими и признается [1160]), никѣмъ не поставленъ внѣ сомнѣнія и при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается невѣроятнымъ. Во первыхъ, та фраза, которую Пла-

---

1154) Gorg. 497, E. Lys. 217, B, сл. Soph. 247, B.

1155) Teichmüller, Stud. z. Gesch. d. Begr. 624.

1156) Diog. Laert. VI, 15.

1157) Reinhardt, de Isocr. aem., 3.

1158) Blass, Die attische Beredsamkeit, 2-te Abth., Leipz. 1874, 204: eine wirkliche Gerichtsrede kann sie nicht sein, sondern eine sophistische Studie etc.

1159) Euthyd. 304, D, сл.

1160) Объ этомъ Blass, l. c. 31 f. Urban, 6 f

тонъ съ особымъ удареніемъ влагаетъ въ уста логографу, очевидно съ цѣлью ясно обозначить, кого онъ подразумѣваетъ, вовсе не въ стилѣ Исократа [1161]). Во вторыхъ, Платоновъ логографъ названъ особенно сильнымъ въ изготовленіи судебныхъ рѣчей, а Исократъ во второй періодъ своей дѣятельности (т. е. послѣ размоловки съ Платономъ) не только не писалъ судебныхъ рѣчей, но даже презиралъ тѣхъ, кто занимается ихъ составленіемъ [1162]). Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ, правда, заявляетъ, будто нѣкоторые софисты клевещутъ на него въ этомъ смыслѣ [1163]); но чтобы видѣть въ этомъ заявленіи намекъ на Платона, необходимы спеціальныя доказательства. А такія доказательства тѣмъ менѣе возможны, что по словамъ самого Исократа у него было много враговъ изъ числа „стадныхъ софистовъ, все знающихъ и повсюду быстро поспѣвающихъ“, которые занимались искрашиваніемъ и искалѣчиваніемъ его рѣчей [1164]). Поэтому клеветы на него скорѣе можно ожидать отъ этихъ софистовъ, къ которымъ онъ очевидно не могъ причислять Платона, чѣмъ отъ Платона. Впрочемъ, если бы и было удостовѣрено, что Платонъ своимъ логографомъ мѣтитъ въ Исократа, то самъ по себѣ этотъ намекъ ничуть не уполномочилъ бы къ заключенію, что презираемые этимъ логографомъ еристики—Антисѳенъ съ послѣдователями. Приводимые Урбаномъ [1165]) изъ „Евѳидема“ слова Сократа, въ которыхъ будто бы кроется намекъ на пораженіе Исократа Антисѳеномъ, что хотя подобные этому писателю рѣчей люди смотрятъ съ презрѣніемъ на философовъ, „однако ἐν ἰδίοις λόγοις бываютъ общипаны даже такими спорщиками какъ послѣдователи Евѳидема“ [1166]), не только не подтверждаютъ соображеній Урбана, но прямо ихъ рушатъ. Они кажутся ему доказательными лишь потому, что онъ оставляетъ безъ вниманія слово ἰδίοις. Важность этого слова станетъ очевидной, какъ скоро обратимъ вниманіе на то, что рѣчь противъ Евѳина не была ἴδιος

1161) Euthyd. 304, E: τί οὖν ἐφαίνοντό σοι; Τί δ' ἄλλο, ἢ δ' ὅς, ἢ οἷάπερ ἀεί ἂν τις τῶν τοιούτων ἀκούσαι λῃρούντων καὶ περὶ οὐδενὸς ἀξίων ἀναξίαν σπουδὴν ποιουμένων; —Οὕτωσί γάρ πως καὶ εἶπε τοῖς ὀνόμασι. „Diese gorgianische Redeweise ist gar nicht in Isokrates Art.“ Blass, l. c. 32.

1162) Доказательства у Бласса, l. c. 23 f.

1163) De Permut. (XV), 2.

1164) Panath. (XII), 17—20.

1165) Urban, l. c. 5.

1166) Euthyd. 305, D.

λόγος Исократа и что Платонъ мѣру философской прозорливости видѣлъ не въ писанныхъ рѣчахъ, которымъ философскаго значенія не придавалъ [1167]), а въ способности отстаивать свое мнѣніе въ частныхъ бесѣдахъ [1168]). Такія бесѣды онъ очевидно подразумѣваетъ подъ ἴδιοι λόγοι [1169]).

Но важнѣе всего то, что въ названныхъ двухъ произведеніяхъ Исократа намекъ на Антисѳена можно видѣть лишь въ замѣчаніи о тѣхъ, которые осмѣливаются писать, что жизнь нищихъ самая счастливая [1170]), а все остальное относить къ Антисѳену либо невозможно, либо нѣтъ основанія. Невозможно относить всѣ замѣчанія о вознагражденіи съ учениковъ и о денежныхъ разсчетахъ съ ними [1171]), а эти замѣчанія составляютъ главное содержаніе тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ критики видятъ намекъ на Антисѳена [1172]). Нѣтъ основанія подразумѣвать его подъ тѣми „которые дожили до старости, утверждая, что нѣтъ лжи“ и пр. [1173]), такъ какъ образъ Антисѳена возникаетъ въ нашемъ умѣ при чтеніи этого мѣста исключительно вслѣдствіи неправильнаго толкованія разсмотрѣнныхъ выше словъ Платона въ „Софистѣ“ о запоздалыхъ въ наукѣ старикахъ [1174]).

Въ „Панигирикѣ“ мы узнаемъ отъ Исократа, что нѣкоторые софисты пишутъ и болтаютъ объ его рѣчи „О сохранномъ имуществѣ“, то есть противъ Евѳина [1175]). Быть можетъ, онъ мѣтитъ этими словами и въ Антисѳена, хотя о той же рѣчи писалъ и Спевсиппъ [1176]). Достовѣрно во всякомъ случаѣ, что ни Антисѳенъ, ни Исократъ въ Платоновомъ „Евѳидемѣ“ не затронуты.

Черты сходства между „Евѳидемомъ“ и Исократовыми „Еленой“ и рѣчью „Противъ софистовъ“ должны быть объяснены не тѣмъ, что Платонъ отвѣчаетъ „Евѳидемомъ“ Исократу, а тѣмъ что

1167) Выше, стр. 43, сл.

1168) Выше, стр. 55, сл.

1169) Soph. 225, B τὸ δ' ἐν ἰδίοις αὖ καὶ καταπεπερματισμένον ἐρωτήσεσι πρὸς ἀποκρίσεις μῶν εἰθίσμεθα καλεῖν ἄλλο πλὴν ἀντιλογικόν. Остальныя свидѣтельства приведены въ „Греч. Соф.“ 26.

1170) Подобныя же замѣчанія у Блясса, l. c. 22, 1. 31, 2.

1171) Hel. (X), 8.

1172) Contra Soph. (XIII), 3, слѣд.

1173) Hel. (X). 1.

1174) Стр. 299, сл.

1175) Paneg. (IV), 188.

1176) Diog. Laert. IV, 5.

Исократъ писалъ свои рѣчи подъ воздѣйствіемъ діалоговъ Платона. Очевидный намекъ на „Протагора“ въ „Еленѣ“ [1177]) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Исократъ былъ знакомъ съ сочиненіями Платона, а почти буквальныя совпаденія отдѣльныхъ мѣстъ не только въ названныхъ двухъ рѣчахъ, но и другихъ, напримѣръ „О перемѣнѣ имущества“, „Ареопагитикъ“ „Письмо къ Діонисію“ съ отрывками изъ „Горгія“, „Софиста“, „Фэдра“, „Законовъ [1178]), не могутъ быть объяснены ничѣмъ другимъ кромѣ заимствованія у Платона. Предполагать обратное невозможно въ виду одинаково извѣстной творческой скудости Исократа и поэтическаго богатства Платона [1179]). Думать о случайности препятствуетъ обиліе совпаденій. Нельзя указать и общаго источника, изъ котораго могли бы черпать Платонъ и Исократъ. Зауппе, правда, ставитъ на видъ извѣстіе, что Исократъ подобно Платону былъ ученикомъ Сократа [1180]). Но если даже и признать это извѣстіе достовѣрнымъ, съ чѣмъ однако согласны не всѣ изслѣдователи [1181]), то подлежитъ во всякомъ случаѣ вопросу воздѣйствіе Сократа на Исократа. Ихъ міровоззрѣнія относятся какъ положеніе къ отрицанію. Сократъ проводилъ все время въ діалектикѣ, гнушался брать за свои бесѣды деньги и жилъ какъ нищій, считая нуждаться какъ можно въ меньшемъ состояніемъ близкимъ къ божественному [1182]). Исократъ смотрѣлъ на діалектику съ презрѣніемъ [1183]), вознагражденіемъ съ учениковъ нажилъ состоя-

---

1177) Hel. (X), 1: οἱ δὲ διεξιόντες ὡς ἀνδρεία καὶ σοφία καὶ δυναισσύνη ταὐτόν ἐστι, καὶ φύσει μὲν οὐδὲν αὐτῶν ἔχομεν, μία δ' ἐπιστήμη καθ' ἁπάντων ἐστίν· Protag., 329, C, сл.

1178) Contra Soph. (XIII), 6. Gorg. 519, C—D.
Ibid. 3. Soph. 233, E—234, A.
Ibid. 16—17. Phaedr 27, D—272, B. Gorg. 463, A.
De Permut. (XV) 181—182. Gorg. 464, B.
Areopag. (VII), 21. Ibid. 508, A. Leg. 756, E.
Epist. (I), ad Dionys., 2—3. Phaedr. 275, C, сл. Выше, стр. 43, сл.
Выписка текстовъ заняла бы слишкомъ много мѣста.

1179) „Jeden speculativen Gedanken dankt er andern, und besonders dem Platon.... Die Verwunderung uber so viele Philosophie in Isokrates wird aufhoren, wenn wir annehmen, es sei eine Nachahmung aus Platon....“ Orelli, Ἰσοκρ. περὶ τῆς ἀντιδόσεως, Zürich, 1814, 268. 307.

1180) Anon. Vita Isocr. 481 Did. Sauppe, Zeitschrift f. Alterthumswissenschaft, 1835, 406 f.

1181) Объ этомъ Schroder, Quaestiones Isocrateae, Traj. ad Rh. 1859, 1 f.

1182) Свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4] 57, 155.

1183) Contra Soph. (XIII), 7. 20. Helene (X), 1—7. Менѣе рѣзко въ De Permut. (XV), 258, сл. Panath. (XII), 26 сл.

ніе [1184]), а похвалу нищенства считалъ „дерзостью [1185])“. О своемъ отношеніи къ Сократу онъ засвидѣтельствовалъ самъ заявленіемъ въ „Бусирисѣ“, что софистъ Поликратъ въ извѣстномъ обвиненіи противъ Сократа, на которое, какъ теперь обыкновенно думаютъ [1186]), отвѣчаетъ въ „Воспоминаніяхъ“ Ксенофонтъ, скорѣе его хвалилъ, чѣмъ хулилъ, такъ что Сократъ долженъ былъ бы быть ему благодарнымъ [1187]). При такихъ условіяхъ трудно предполагать, чтобы ученіе Сократа могло запасть въ душу Исократа такъ же глубоко, какъ въ душу Платона. Даже исчерпывающій анализъ Шрэдера, предпринятый противъ отрицательной критики съ спеціальною цѣлью выяснить, Socrates sitne in Isocratis praeceptoribus numerandus, едва уполномочиваетъ къ выводу, alterum alterius osorem non fuisse [1188]). Впрочемъ, если бы мы признали, что Платонъ и Исократъ всѣми сходными чертами обязаны Сократу, то въ данномъ случаѣ доказали бы слишкомъ много, такъ какъ тоже самое доказательство было бы примѣнимо и къ сходству между „Евѳидемомъ“, „Еленой“ и рѣчью „Противъ софистовъ“.

Въ первой главѣ настоящаго труда мы видѣли, что подобными только что приведеннымъ комбинаціями Тейхмюллеръ старается доказать тожество между Діонисодоромъ и Лисіемъ [1189]). Уже одна эта возможность перетолковывать по методу „смѣлыхъ комбинацій“ свидѣтельства Платона на различные лады, должна внушить недовѣріе къ этому методу, въ особенности если вспомнимъ, что главной посылкой для всѣхъ его заключеній служитъ недоказуемое предположеніе о необходимости полемики въ Платоновыхъ діалогахъ.

По ученію всякой здравой логики гипотеза тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ 1) меньше требуетъ для своего обоснованія вспомогательныхъ гипотезъ, чѣмъ 2) болѣе согласна съ другими вѣроятными гипотезами и чѣмъ 3) при равныхъ остальныхъ условіяхъ проще [1190]). Предлагаемый мною взглядъ на Діонисодора и Евѳидема

[1184]) Schröder, Quaestiones Isocrateae, 56 sq. Blass, Attische Beredsamkeit, II, 20 f.
[1185]) Helene (X), 8.
[1186]) Выше, стр. 102, пр. 99.
[1187]) Busiris (XI), 4—5.
[1188]) Schröder, Quaestiones Isocrateae, 41.
[1189]) Стр. 18, сл.
[1190]) Ueberweg, System der Logik 5-te Aufl. Bonn, 1882, 446.

какъ реально существовавшихъ лицъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ, комбинаціи германскихъ критиковъ—ни одному.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ мѣстъ къ Антисѳену относятъ въ „Θεαιτητῆ“ еще пять: разсказъ о томъ, какъ Ѳалесъ, наблюдая надъ звѣздами, упалъ въ колодезь, а рабыня Ѳракіянка надъ нимъ посмѣялась [1191]), критику Протагоровой теоріи съ эристической точки зрѣнія [1192]), упоминаніе Сократомъ о Гераклахъ и Ѳесеяхъ, которые съ нимъ вступили въ борьбу и его побили [1193]), апорію о невозможности лжи [1194]) и уподобленіе души восковой доскѣ [1195]).

Намекъ на Антисѳена въ разговорѣ о Ѳалесѣ видятъ [1196]) въ томъ, что Антисѳенъ будто бы неодобрительно относился къ занятію науками (объ этомъ ниже) и въ томъ, что у него была мать ѳракіянка [1197]). Стоитъ однако немного всмотрѣться въ текстъ, чтобы, помимо всякихъ другихъ соображеній, признать намекъ призрачнымъ. Въ томъ же самомъ эпизодѣ, въ которомъ помѣщенъ этотъ разсказъ, и всего за нѣсколько строкъ, Платонъ, рисуя образъ истиннаго философа, говоритъ между прочимъ, что такой философъ знаетъ о томъ, кто отъ кого происходитъ, отъ благородныхъ или неблагородныхъ мущинъ или женщинъ, не больше, чѣмъ сколько ведеръ въ морѣ, и даже не знаетъ того, что этого не знаетъ [1198]). И вдругъ тотъ же Платонъ будто бы опровергаетъ эту характеристику своимъ собственнымъ примѣромъ.

Второе мѣсто относятъ къ Антисѳену [1199]) потому, что начерченный тамъ образъ какъ нельзя лучше подходитъ къ Діонисодору и Евѳидему, а подъ этими братьями обыкновенно подразумѣваютъ Антисѳена. Но именно это сходство и говоритъ противъ предположенія. Платонъ возражаетъ Протагору съ точки зрѣнія алчнаго до

1191) Theaet. 174, A. 175, D.

1192) Ibid. 161, C—168, E.

1193) Ibid. 169, B - C. Выше, стр. 65.

1194) Ibid. 187, C, сл.

1195) Ibid, 191, C, сл.

1196) Winckelm. Anth. Fr., p. 36 n. Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 289, 2. Dümml. Antisth. 13. Teichmull. Litt. Fehd. II, 343 и друг.

1197) Свидѣтельства у Муллаха, Fragmenta, II, 261.

1198) Theaet. 173, D: εὖ δ' ἡ καλῶς τις γέγονεν ἐν πόλει, ἢ τί τῳ καλὸν ἐστιν ἐν προγόνων γεγονὸς ἢ πρὸς ἀνδρων ἢ γυναικων, μᾶλλον αὐτὸν λέληθεν ἢ οἱ τῆς θαλάττης λεγόμενοι χόες καὶ ταῦτα πάντ' οὐδ' ὅτι οὐκ οἶδεν, οἶδεν.

1199) Bonitz, Plat. Stud. 49, 4. Dümml. Antisth. 58—60. Akad. 174. Natorp, Forschungen, 10 f. Къ нимъ отчасти примыкаетъ Целлеръ, II a[4], 301, 1.

денегъ эристика и пелтаста [1200]), а Антисѳенъ не былъ ни жаднымъ до денегъ эристикомъ, ни пелтастомъ. Правда, у Діогена Лаерція онъ называетъ себя борцомъ (παλαιστικός [1201]), но судя по всему, что намъ извѣстно объ Антисѳенѣ, это выраженіе слѣдуетъ скорѣе толковать въ переносномъ, чѣмъ въ буквальномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ оно на столько неопредѣленно, что не даетъ основанія ни къ какому положительному выводу. Если и возможно въ разсматриваемомъ мѣстѣ видѣть намекъ на историческое лицо, то всего правдоподобнѣе думать о названныхъ двухъ братьяхъ.

Третье сближеніе (основанное на томъ, что Антисѳенъ былъ почитателемъ Геракла и назвалъ его именемъ нѣкоторые изъ своихъ діалоговъ, [1202]) правдоподобно, но говоритъ не во вредъ, а въ пользу Платона, такъ какъ сравнивать своихъ противниковъ съ побѣдоносными Гераклами и Ѳесеями, а себя съ побитымъ ими любителемъ діалектики, значитъ оказывать противникамъ почетъ.

Апорію о невозможности ложнаго мнѣнія Диммлеръ относитъ къ Антисѳену на основаніи вышеупомянутаго свидѣтельства Аристотеля. Но намъ уже извѣстно, какъ шатко это свидѣтельство [1203]). Къ тому же изъ „Кратила“ мы узнаемъ, что возможность лжи отрицали очень многіе [1204]). Поэтому нѣтъ данныхъ считать авторомъ этой апоріи именно Антисѳена.

Болѣе вѣски доводы Диммлера [1205]) въ пользу предположенія, что сравненіе души съ восковой доской принадлежитъ Антисѳену. Такое же сравненіе встрѣчается у древнихъ Стоиковъ [1206]). Сверхъ того на Антисѳена указываетъ, по мнѣнію Диммлера, истолкованіе Платономъ слова κήρ примѣнительно къ этому уподобленію и съ ссылкой на авторитетъ Гомера [1207]). Антисѳенъ, какъ подробно до-

---

1200) Theaet. 165, D—E. ἃ ἐλλοχῶν ἂν πελταστικὸς ἀνὴρ μισθοφόρος ἐν λόγοις ἐρόμενος . ηλεγχεν ἂν ἐπέχων καὶ οὐκ ἀνιείς, πρὶν θαυμασας την πολυάρατον σοφίαν ξυνεποδίσθης ὑπ' αὐτοῦ, οὗ δή σε χειρωσαμενός τε καὶ ξυνδήσας ἤδη ἂν τότ' ἐλυτρου χρημάτων, ὅσων σοί τε γαζίνῳ ἐδέκει.

1201) Diog. Laert. VI, 4

1202) Dümml. Akad. 153. 192.

1203) Стр. 308, сл.

1204) Cratyl. 429, C—D: ἆρ' ὅτι ψευδῆ λέγειν τὸ παράπαν οὐκ ἔστιν. ἆρα τοῦτό σοι δύναται ὁ λόγος, συχνοί γάρ τινες οἱ λέγοντες, ὦ φίλε Κρατυλε, καὶ νῦν καὶ πάλαι.

1205) Dummler, Antist. 47 f. Natorp, Forschungen, 198, 1.

1206) Свидѣтельства у Диммлера въ ук. м.

1207) Theaet. 194, C—E.

казываетъ Диммлеръ, занимался этимологіями и истолкованіемъ Гомера [1208]). Целлеръ однако справедливо замѣчаетъ, что эти догадки лишь „подкупаютъ“, но не убѣждаютъ [1209]).

Сами по себѣ всѣ эти сближенія изъ „Θеэтета“ способны пролить не много свѣта въ разсматриваемый нами вопросъ. Но они любопытны по той общей характеристикѣ показаній въ этомъ діалогѣ, которою Диммлеръ, „вынуждаемый самою истиной“, ихъ сопровождаетъ. „Easdem difficultates, quibus Antisthenes adductus est, ut omnem errorem tolleret a Platone lectori proponi et minima tantum modo ex parte solvi perspicuum est. Platonem melius, quam in Theaeteto fit, potuisse refellere hoc paradoxon ex aliis dialogis apparet. Sed noluit in Theaeteto tanquam privatis uti argumentis ex ipsius philosophia petitis, cognitionis definitiones ita refellit ut ab ipsis illis, qui invenerunt, oporteat eas falsas esse concedi. Quare in nullo dialogo adversariorum sententias aut tam copiose exposuit aut tam iuste aestimavit quam in Theaeteto. Exposuit igitur difficultates, quibus illi offensi essent etiamsi neque idem inde colligeret neque eas posset extricare... Gratias certe ei habere debemus, quod per omnem hanc digressionem quam diximus satis probus fuit, ut multo plures adversari nobis dubitationes servaret quam posset refutare“ [1210]). За исключеніемъ фактическихъ сопоставленій, противъ этой характеристики не могъ бы ничего возразить самъ Платонъ.

Съ приведеннымъ въ „Θеэтетѣ“ ученіемъ о знаніи какъ правильномъ мнѣніи съ объясненіемъ [1211]) Диммлеръ, слѣдуя внушенію Шлейермахера и его сторонниковъ [1212]), приводитъ въ связь изложенную Сократомъ въ „Кратилѣ“ съ Гераклитовой точки зрѣнія теорію о происхожденіи и значеніи именъ [1213]) и такимъ образомъ

1208) Dümmler, Antisth. 16 sq.

1209) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 300, 2.

1210) Dümmler, ibid. 47. 49.

1211) Выше, стр. 304, сл.

1212) Dummler, Exercitationes grammaticae specimina, Festschrift d. Bonner Seminar etc. 1881, 51 f. Akad. 148 f. Schleiermacher Pl. W. II[2], 2, 15. Hermann, Gesch. u. System. d. Plat. Ph., 496. 657. Winckelmann, Antisth. fr. 48. Usener, Quaest. Anaximeneae, 13. Reinhardt, De Isocratis aemulis, 27.

1213) Выше, стр 161, сл.

заключаетъ, что эта теорія принадлежитъ Антисѳену [1214]). Главной опорой при этомъ служитъ извѣстіе, что Антисѳенъ написалъ книгу „О воспитаніи или именахъ", въ которой заявлялъ, что „основаніе воспитанія—разсмотрѣніе именъ". „Философія языка въ Кратилѣ (разсуждаетъ Диммлеръ) есть лишь примѣненіе опровергнутой въ „Θεαιτητѣ" теоріи познанія. Если ὀρθὴ δόξα μετὰ λόγου есть ἐπιστήμη, то напримѣръ имя Зевса—οἷον λόγος, изъ Δία и Ζῆνα дѣлается выводъ, что Зевсъ то, δι' οὗ ζῶμεν, и поэтому ὀνομάτων ἐπίσκηψις есть ἀρχὴ παιδεύσεως, такъ какъ правильное разложеніе словъ на ихъ στοιχεῖα открываетъ сущность вещей".

Однако Антисѳенъ училъ объ элементахъ вещей, а не именъ, и соотвѣтствіе этимъ элементамъ видѣлъ не въ частяхъ словъ, а въ частяхъ предложенія. По ученію въ „Кратилѣ", вещи познаются изъ разсмотрѣнія именъ, по ученію Антисѳена—сочетаніе именъ познается изъ разсмотрѣнія вещей. Поэтому по исходной точкѣ обѣ теоріи не только не тожественны, но прямо противоположны.

Не лучше и другой доводъ, приводимый Диммлеромъ,—что какъ по Кратилу, такъ и по Антисѳену, сущность вещей „еклектическая остіоническая сложенная изъ мнѣній Гераклита, Анаксагора и Діогена физика и обусловленный ею гилозоистическій монотеизмъ [1215])". Можно или нѣтъ прослѣдить въ „Кратилѣ" такую пеструю физику,—безспорно то, что о принадлежности ея Антисѳену мы знаемъ отъ одного только Диммлера.

Нельзя признать вѣскимъ и соображеніе, что такъ какъ Сократъ въ „Кратилѣ" занимается аллегорическимъ истолкованіемъ именъ боговъ подобнымъ тому, какимъ занимались Антисѳенъ и впослѣдствіи Стоики, унаслѣдовавшіе отъ Антисѳена матеріализмъ и нравственное ученіе, то излагаемая Сократомъ теорія именъ—достояніе Антисѳена. Доводъ этотъ, по мнѣнію Диммлера, подкрѣпляется еще и тѣмъ, что какъ Стоики соединили съ Циническимъ матеріализмомъ Гераклитово ученіе объ огнѣ, точно также и Сократъ разсматриваетъ происхожденіе именъ съ точки зрѣнія Гераклитовой

[1214]) Противъ такого мнѣнія Brandis, Handbuch d. gr. r. Philos. II a, 285. Susemihl, Genetische Entwickelung, I, 164. Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 294, 1. Urban, Ueber die Erwähnungen etc., 21.

[1215]) Dümmler, Akad. 151.

философіи [1216]). Но изъ того, что Стоики заимствовали отъ Циниковъ нѣкоторыя (пусть даже и основныя) стороны своего ученія, еще не слѣдуетъ, что это ученіе во всѣхъ его подробностяхъ заложено Антисѳеномъ. Аллегорическимъ толкованіемъ миѳовъ занимались и предшествующіе Антисѳену философы, Анаксагоръ съ послѣдователями и Демокритъ [1217]). Къ тому же объ Антисѳенѣ мы слышимъ, что онъ ограничивался при этомъ лишь общими вопросами и не входилъ въ частности [1218]). Мы знаемъ сверхъ того, что кромѣ Циника Кратеса основатель Стоицизма, Зенонъ, слушалъ между прочимъ Академиковъ Ксенократа и Полемона [1219]), и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что основаніемъ для сближенія Цинизма съ Гераклитовымъ ученіемъ послужилъ либо діалогъ „Кратилъ“, либо та теорія, которая въ немъ разсматривается. О томъ, что Циникъ Антисѳенъ былъ послѣдователемъ Гераклита, нѣтъ никакихъ извѣстій. Діогенъ Лаерцій, правда, въ числѣ истолкователей Гераклита называетъ нѣкоего Антисѳена [1220]), но этотъ истолкователь, по объясненію самого Діогена, [1221]) не Циникъ, но, какъ доказываетъ Брандисъ, александрійскій ученый [1222]).

Платонъ говоритъ совершенно ясно, что излагаемыя имъ этимологіи вдохновлены по преимуществу софистомъ Евѳифрономъ, [1223]) и сомнѣваться въ этомъ нѣтъ основанія. Быть можетъ, нѣкоторыя изъ этимологій и принадлежатъ Антисѳену, но приписывать ему всѣ безспорно ничто не уполномочиваетъ.

1216) Ibid. 148 f. О Гераклитическомъ элементѣ Цинической философіи еще раньше говорили, ссылаясь на упомянутое ниже свидѣтельство Діог. Л., Schleiermacher, Einl. zu Kratyl. 16 и Ritter, Gesch. d. Ph. II, 134, 3.

1217) Zeller, Ph. d. Gr. III a³, 27 f.

1218) Dio Chrys. LIII, (De Homero), 635 Emper: ὁ δὲ λόγος οὗτος Ἀντισθένους ἐστι πρότερον. ὅτι τὰ μὲν δόξῃ τὰ δὲ ἀληθείᾳ εἴρηται τῷ ποιητῇ· ἀλλ' ὁ μὲν οὐκ ἐξειργάσατο αὐτόν, ὁ δὲ (Ζήνων ὁ Στωικὸς) καθ' ἕκαστον τῶν ἐπὶ μέρους ἐδήλωσεν.

1219) Zeller, Ph. d. Gr. III a³, 27 f.

1220) Diog. L. IX, 15.

1221) Ibid. VI, 19.

1222) Brandis, Handb. d. gr. rom. Ph. I, 154. Также Krische, Forschungen, 238. Zeller, Ph. d. Gr. I³, 571, 1 II a⁴, 291, 2. Произвольность поправокъ Лассаля Ph. d. Herakleitos d. Dunklen, Berl. 1858, I, 3 и затѣмъ Муллаха, Fragmenta philos. graec. II, 286, fr. 65, въ словахъ Евсевія Praep. Ev. XV, 13, 6. Ἡρακλειτικός τις ἀνὴρ τὸ φρόνιμα на Ἡρακλείτειός и пр. тѣмъ очевиднѣе, что Антисѳенъ, какъ правильно ставятъ на видъ Диммлеръ (выше, стр. 320) и Целлеръ, Ph. d. Gr. II a⁴, 307, 4, считалъ Гераклита своимъ идеаломъ.

1223) Выше, стр 117, пр. 187.

Послѣ этихъ замѣчаній только для характеристики метода новѣйшихъ толкователей Платона слѣдуетъ остановиться на двухъ приводимыхъ Диммлеромъ, по его собственнымъ словамъ, „тонкостяхъ“ [1224]), придающихъ еще большій вѣсъ мнѣнію, что подъ Кратиломъ скрывается Антисѳенъ.

„Почему (спрашиваетъ онъ) излагаетъ воззрѣнія Кратила Сократъ, а не самъ присутствующій ихъ виновникъ? Потому (отвѣчаетъ самъ Диммлеръ), что Антисѳенъ во всякомъ случаѣ навязалъ свою мудрость Сократу; Платоновъ Сократъ осмѣиваетъ Антисѳена въ формѣ иронiи надъ собою. Если Сократъ (396, C) заявляетъ, что для него нужно очищеніе, то подъ этимъ очищеніемъ слѣдуетъ подразумѣвать приписанное ему Платономъ опроверженіе этимологической мудрости. Наконецъ жреческое одушевленіе Евѳифрона, которое будтобы перешло на занимающагося этимологіей Сократа, получаетъ особое саркастическое остріе, если вспомнимъ, съ какимъ презрѣніемъ Антисѳенъ и его ученики смотрѣли на обыкновенныхъ жрецовъ и гіерофантовъ; это сравненіе точно соотвѣтствуетъ тактикѣ, которой Платонъ слѣдуетъ въ „Іонѣ“, гдѣ презиравшій рапсодовъ самъ выступаетъ рапсодомъ“.

Но на вопросъ Диммлера существуетъ указанный уже выше простой и естественный отвѣтъ,—что излагаемая Сократомъ теорія принадлежитъ Евѳифрону и другимъ, а не Кратилу, и потому не вложена въ уста послѣднему. Замѣчаніе о презрѣніи Антисѳена къ жрецамъ доказываетъ лишь произвольность доводовъ „гевристическаго метода“. Если Стоики заимствовали отъ Антисѳена всѣ подробности своего міровоззрѣнія, то какъ объяснить то, что они, въ противоположность Циникамъ, придавали мантикѣ огромное значеніе? [1225])

Вторая тонкость состоитъ въ томъ, что слова Сократа: „Ты подымаешь не худой родъ именъ, однакоже, такъ какъ я надѣлъ львиную шкуру, то мнѣ слѣдуетъ не трусить, но разсмотрѣть, какъ подобаетъ, разумность, смѣтливость, знаніе и всѣ другія названныя тобою имена“ [1226]) получаютъ свѣтъ и соль лишь тогда, когда отнесемъ ихъ къ сочиненію Антисѳена „Геркулесъ или разумѣніе“. Доказывать, какъ легко рвется эта тонкость, нѣтъ нужды.

[1224]) Dümmler, Akad. 152 f.

[1225]) Zeller, Ph. d. Gr. III a³, 336 f.

[1226]) Cratyl 411, A.

За то нельзя не принять предложеннаго Тейхмюллеромъ [1227]) сближенія, построеннаго точно также на аллегорическомъ толкованіи миѳовъ. Въ „Фэдрѣ“ на вопросъ Фэдра, считаетъ-ли Сократъ справедливымъ преданіе о похищеніи Бореемъ Ориѳіи, Сократъ отвѣчаетъ [1228]): „Не было бы страннымъ, если бы я, подобно людямъ мудрымъ, и не вѣрилъ ему. Умствуя, какъ они, я сказалъ бы, что Борей былъ вѣтеръ, который, когда Ориѳія рѣзвилась съ Фармакіей на ближнихъ скалахъ, низвергъ ее оттуда. Эта то ея смерть и дала поводъ говорить, что она похищена Бореемъ.... Такія толкованія, Фэдръ, я вообще считаю дѣломъ пріятнымъ, но думаю, что они къ лицу человѣку очень сильному, трудолюбивому и не слишкомъ избалованному счастьемъ, не по какой другой причинѣ, но по той, что ему надо еще трудиться надъ исправленіемъ вида Гиппокентавровъ, потомъ Химэръ, за которыми нахлынетъ цѣлая стая Горгонъ, Пегасовъ и множество другихъ необыкновенныхъ природъ, странныхъ и уродливыхъ. Еслибы баснѣ о каждомъ изъ этихъ чудовищъ невѣрующій захотѣлъ придать нѣкоторое правдоподобіе, то при грубой мудрости ему понадобилось бы много досуга, а у меня для этого вовсе нѣтъ его. Причина та, другъ мой, что я еще не могу, по Дельфійской надписи, познать самого себя; а вѣдь смѣшнымъ представляется, не зная этого, изслѣдовать чужое. И такъ, оставляя такія преданія въ покоѣ и вѣря тому, что̀ о нихъ думаютъ, я, какъ сейчасъ сказалъ, разсматриваю не ихъ, а себя, звѣрь-ли я, сложнѣе и напыщеннѣе (ἐπιτεθυμμένον) Тифона, или животное кротчайшее, носящее въ своей природѣ нѣкоторую долю божественности и незлобія“. Въ этомъ отрывкѣ аллегорическое толкованіе миѳовъ, намекъ на трудолюбіе и не очень большое счастье, взятые вмѣстѣ, ни къ кому другому не подходятъ, кромѣ Антисѳена, а въ словахъ Сократа о Тифонѣ, гдѣ понятіе τῦφος повторяется три раза, естественно видѣть воспоминаніе Платона объ Антисѳеновыхъ укорахъ въ напыщенности (τῦφος [1229]).

1227) Teichmuller, Litt. Fehd II, 21.

1228) Phaedr. 229, B—230, A.

1229) Ibid. 230, A: σκοπω ου ταυτα ἀλλ' ἐμαυτόν, εἴτε τι θηρίον τυγχάνω Τυφωνος πολυπλοκώτερον καὶ μᾶλλον ἐπιτεθυμμένον, εἴτε ἡμερώτερόν τε καὶ ἁπλουστερον ζῷον, θειας τινός καὶ ἀτυφου μοίρας φύσει μετέχον. Diog. Laert. VI, 7· ἔσκωπτέ τε Πλάτωνα ως τετυφωμένον.... χολὴν μὲν ὁρω

Точно также нельзя не согласиться съ Целлеромъ [1230]), что обсужденіе Платономъ въ „Тимэѣ“ и „Парменидѣ“ вопроса о томъ. не суть-ли идеи простыя слова или мысли — отголосокъ борьбы съ Антисѳеномъ.

Въ первомъ изъ этихъ діалоговъ Платонъ, обсуждая природу матеріи, говоритъ: „Существуетъ-ли какой нибудь огонь самъ по себѣ и все то, относительно чего мы говоримъ каждый разъ какъ о сущемъ самомъ по себѣ и для себя, или одно лишь то имѣетъ такую (самобытную) истину, что̀ мы воспринимаемъ зрѣніемъ и вообще ощущаемъ тѣломъ, другого же помимо этого не существуетъ никоимъ образомъ нигдѣ, но мы попусту всякій разъ говоримъ объ умопостигаемомъ видѣ каждой вещи, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ слово. Не годилось бы, ни оставивъ настоящій вопросъ безъ рѣшенія и обсужденія, утверждать, что это такъ., ни къ длинному изслѣдованію прибавлять другое побочное длинное. Но если бы у насъ важное опредѣленіе оказалось выраженнымъ въ короткихъ словахъ, то это было бы какъ нельзя болѣе кстати. Я съ своей стороны вотъ какъ подаю рѣшеніе. Если умъ и истинное мнѣніе два рода, то во всякомъ случаѣ существуютъ и эти самобытныя, нами не ощущаемыя, но только мыслимыя идеи. Если же, какъ нѣкоторымъ кажется, истинное мнѣніе ничѣмъ не отличается отъ ума, то все, что̀ мы воспринимаемъ посредствомъ тѣла, слѣдуетъ полагать самымъ достовѣрнымъ. Тотъ и другой родъ слѣдуетъ признать за два, такъ какъ они произошли отдѣльно и не подобны... Если это такъ, то должно согласиться, что существуетъ одинъ видъ—тожественный, не происшедшій и не подлежащій разрушенію, ни въ себя не принимающій ни откуда иного, ни самъ не входящій гдѣ нибудь въ иное, не зримый и вообще неощущаемый,—тотъ который разсматривать получила въ удѣлъ мысль; что соименный и подобный ему второй видъ — чувственный, происшедшій, вѣчно подвижный, возникающій въ извѣстномъ мѣстѣ и снова изъ него исчезающій, воспринимаемый мнѣніемъ съ ощущеніемъ“ [1231]) и пр.

ἐνταῦθα, τοῦτον δὲ οὐχ ὁρῶ. Напротивъ, слова ἀγροίνῳ σοφίᾳ и пр. относятся очевидно къ Сократу. а не къ Антисѳену.

[1230]) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 295, 2. 668, 3.

[1231]) Tim. 51, C – 52, A.

Это, по словамъ самого Платона, „побочное разсужденіе“ не стоитъ въ органической связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Объ идеяхъ онъ говорилъ раньше [1232]), и однако не видѣлъ необходимости обстоятельно доказывать ихъ существованіе. Если же онъ счелъ себя вынужденнымъ къ такому доказательству говоря о матеріи, то естественно искать причины этого въ воспоминаніи о возраженіяхъ противъ идей съ матеріалистической точки зрѣнія. А что подъ противниками идеологіи мы должны въ данномъ случаѣ подразумѣвать Антисѳена, ясно помимо матеріализма изъ отожествленія идей съ словомъ и истиннаго мнѣнія съ знаніемъ.

Апорія въ „Парменидѣ“, ставящая на видъ возможность, что идеи суть мысли, лишь иное выраженіе только что приведенной [1233]).

Подобно остальнымъ вѣроятнымъ сближеніямъ, и эти два нисколько не оправдываютъ мнѣнія о пристрастной полемикѣ Платона.

Напротивъ, нѣтъ достаточнаго основанія видѣть вмѣстѣ съ Диммлеромъ и Веберомъ [1234]) отголосокъ борьбы съ Антисѳеномъ въ томъ мѣстѣ „Государства“ [1235]), гдѣ Платонъ, точно такъ же какъ въ „Тимэѣ“, изъ различія между знаніемъ и мнѣніемъ отстаиваетъ бытіе идей противъ общераспространеннаго взгляда, что существуютъ только единичныя вещи.

На взглядъ Диммлера, Платонъ продолжаетъ здѣсь начатую въ „Ѳеэтетѣ“ полемику. Указаніе на Антисѳена кроется въ томъ, что онъ отожествлялъ мнѣніе съ знаніемъ и не признавалъ существованія идей. Сверхъ того Диммлеръ ставитъ на видъ, что приводимая Платономъ въ этомъ мѣстѣ загадка о евнухѣ и летучей мыши [1236]) встрѣчается и у Стоиковъ.

Веберъ частью распространяетъ, частью добавляетъ доводы Диммлера: 1) Слова Платона, что философъ можетъ созерцать идеи, а не философъ не можетъ, напоминаютъ разсказъ о спорѣ Платона съ Антисѳеномъ объ идеяхъ. 2) Платонъ доказываетъ различіе между знаніемъ и мнѣніемъ тѣмъ же доводомъ, какимъ, по свидѣтельству Прокла въ комментаріи къ „Кратилу“, Антисѳенъ доказывалъ

1232) Ibid. 27, E, сл.
1233) Parm 132, B.
1234) Dummler, Antisth. 40 sq. Weber, De Dione Chrysostomo etc. 193, sq.
1235) De Rep. 475, C, сл.
1236) Ibid. 479, B—C.

невозможность лжи [1237]), и такимъ образомъ сражается съ Антисѳеномъ его собственнымъ оружіемъ. 3) Ученіе Платона о чувственныхъ вещахъ, какъ допускающихъ о себѣ противоположныя опредѣленія, направлено противъ Антисѳена, отрицавшаго возможность διττοὶ λόγοι. Наконецъ, 4) разсматриваемое мѣсто при такомъ толкованіи подходитъ къ комбинаціямъ Вебера, по которымъ Платонъ въ „Гиппіи Большемъ“ „manifestius quam digito“ указываетъ на Антисѳена [1238]).

Всѣ эти соображенія рушатся при легкомъ прикосновеніи анализа.

Платонъ говоритъ ясно и опредѣленно, что имѣетъ въ виду не единичное лицо, а толпу [1239]); если же онъ тѣмъ не менѣе какъ бы разговариваетъ съ собесѣдникомъ [1240]), то по привычкѣ къ діалектикѣ, всегда предполагающей личный споръ [1241]).

Къ тому же предлагаемая имъ характеристика подходитъ скорѣе ко всякому другому, чѣмъ къ Циникамъ. Циники, какъ очевидно изъ ихъ ученія и образа жизни [1242]), были къ эстетическимъ удовольствіямъ равнодушны, а Платонъ говоритъ объ охотникахъ до зрѣлищъ, жадно сбѣгающихся на театральныя представленія, любителяхъ искусствъ, привѣтствующихъ прекрасные голоса, цвѣта и фигуры, людяхъ практическихъ, несогласныхъ съ философомъ не въ своемъ презрѣніи къ красотѣ, но лишь въ томъ, что тогда какъ философъ признаетъ идею прекраснаго и участвующія въ ней прекрасныя вещи, они признаютъ только прекрасныя вещи [1243]).

Точно также нисколько не подтверждаютъ предположеній Вебера и слова о созерцаніи идей, такъ какъ противопоставленіе между способными созерцать идеи философами и не способною къ такому созерцанію толпой встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ невозможно предполагать никакого намека: довольно напомнить знамени-

---

1237) Ibid. 476, E, сл. Procl. in Cratyl. 37. Boiss. Выше, стр. 310.

1238) Weber, l. c. 192.

1239) De Rep. 493, E.

1240) Ibid. 476, D, сл. 479, A.

1241) Выше, стр. 57, сл. 60. Любопытный образецъ діалектики съ толпой, какъ единичнымъ человѣкомъ, въ „Протагорѣ“, 353, A, сл.

1242) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 305. 316 f.

1243) De Rep. 475, E, сл. 476, B. 479, A. 480, A.

тое уподобленіе въ „Государствѣ“ людей узникамъ въ пещерѣ [1244]) и характеристику философа въ „Софистѣ“ [1245]).

Третій доводъ безсиленъ потому, что тѣмъ самымъ доказательствомъ, которое Проклъ приписываетъ Антисѳену, пользовались, какъ намъ уже извѣстно, очень многіе и прежде всѣхъ Протагоръ [1246]). Поэтому, если бы и можно было въ данномъ случаѣ дѣлать сближеніе, то съ ученіемъ Протагора, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Аристоксена и Фаборина [1247]), Платонъ списалъ свое „Государство“ изъ Протагоровыхъ „Антилогиковъ“. Въ основаніи этого обвиненія лежитъ несомнѣнная истина, что между тѣмъ и другимъ сочиненіемъ существуютъ черты сходства. Но такъ какъ содержаніе „Антилогиковъ“ намъ неизвѣстно, то осторожность требуетъ воздержаться отъ всякихъ выводовъ.

Въ доказательство того, что Антисѳенъ не допускалъ διπλοῖ λόγοι, Веберъ не приводитъ ничего, кромѣ разсказа о передѣлкѣ Антисѳеномъ стиха Еврипида: „Что̀ можетъ быть позорнымъ, если такимъ не кажется“ въ слѣдующій: „Позорное позорно, кажется такимъ или не кажется“ [1248]). Пояснять слабость этого довода нѣтъ нужды. Существуютъ, правда, свидѣтельства, что Антисѳенъ отрицалъ возможность спора, но мы уже знаемъ, что они не стоятъ внѣ сомнѣнія [1249]). Какъ бы то ни было, видѣть въ ученіи Платона о чувственныхъ вещахъ намекъ на кого либо нельзя уже потому, что это ученіе лежитъ въ основаніи Платонова міровоззрѣнія.

Бо́льшаго вниманія заслуживаетъ указаніе Диммлера на загадку о летучей мыши и евнухѣ. Но и это указаніе не уполномочиваетъ ни къ какому заключенію, такъ какъ о томъ, что этой загадкой пользовались Циники, нѣтъ извѣстій, а Стоики могли заимствовать ее изъ того же источника, изъ какого Платонъ, или даже у Платона.

О томъ, указываетъ ли Платонъ въ „Гиппіи Большемъ“ „яснѣе чѣмъ пальцемъ на Антисѳена“, будетъ рѣчь въ главѣ о софистахъ.

1244) Ibid. 514, A, сл.
1245) Soph. 254, A. Выше, стр. 265, пр. 917.
1246) Выше, стр. 313, пр. 1151.
1247) Diog. Laert III, 37. 57.
1248) Plut. De aud. poet. 40 Did. (fr. 72 M).
1249) Выше, стр. 308, сл.

Впрочемъ, если бы Диммлеръ и Веберъ и были правы, то разсматриваемое мѣсто не дало бы основанія ни къ какимъ невыгоднымъ для Платона заключеніямъ, такъ какъ, говоря словами Диммлера, „Plato... quae in rei publicae quinto profert scripsit amicis qui cum ipso de ideis consentirent; non demonstratur ideas esse, sed ipsae demonstrant. Quare adversarius lenissime perstringitur: consulto Plato cavere videtur, ne eum irritet“ [1250]).

Въ „Фэдонѣ“ Диммлеръ [1251]), ссылаясь на приверженность Антисѳена Гераклитовой философіи, относитъ къ нему замѣчанія Сократа [1252]) о „занимающихся антилогикой, которые въ концѣ возомнили, будто они мудрѣе всѣхъ и будто только они одни пришли къ мысли, что нѣтъ ни въ вещахъ, ни въ словахъ, ничего прочнаго, но что все сущее вертится какъ въ Еврипѣ вверхъ и внизъ и не пребываетъ ни одного мгновенія нигдѣ“. „Чрезъ отнесеніе этого мѣста становится (Диммлеру) возможнымъ понять столь же мастерской, сколько злобный эпизодъ въ „Фэдонѣ“. Послѣ того какъ (103, A) было окончено главное доказательство безсмертія души (повѣствуетъ разсказчикъ) одинъ изъ присутствующихъ—кто онъ былъ, разсказчикъ не помнитъ—возразилъ, не стоятъ ли теперешніе доводы въ противорѣчіи съ прежде доказанными; а прежде было доказано, что большое выходитъ изъ малаго и вообще противоположное изъ противоположнаго. Сократъ заставилъ возразившаго умолкнуть простымъ повтореніемъ основнаго положенія идеологіи, что такая ἐναντιοτροπή имѣетъ силу лишь для чувственныхъ вещей, а не для αὐτὰ τὰ ὄντα. Этотъ эпизодъ для хода изслѣдованія не имѣетъ никакой цѣны; онъ не вноситъ новаго аргумента ни съ какой стороны и не прибавляетъ также никакой черты къ характеристикѣ Сократа. Онъ можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что Платонъ желалъ получить удовлетвореніе, заставивъ Сократа сдѣлать внушеніе упрямому противнику идеологіи, вслѣдствіе чего выступаетъ на видъ упрямство, тяжелость, тупость противника. Этимъ противникомъ не могъ быть никто иной помимо Антисѳена, за что̀ говоритъ и его выразительный Гераклитизмъ. Вымыселъ, что повѣствующій не помнитъ, кто былъ приведенъ въ тупикъ, гораздо менѣе—уваженіе, чѣмъ злоба, такъ какъ придаетъ спросившему

1250) Dümmler, Antisth. 42.
1251) Dümml. Akad. 200 f.

видъ человѣка темнаго, а отъ современника не могло укрыться, кто подразумѣвается. Для нашего современнаго чувства, разумѣется, кажется оскорбительнымъ, что Платонъ даже при изображеніи послѣднихъ часовъ общаго учителя не могъ отказаться отъ уколовъ ненавистнаго противника, который къ тому же въ день смерти оставался при учителѣ, тогда какъ Платонъ ἠσθένει. Но современная щепетильность была вообще чужда древней полемикѣ, и Платонъ могъ быть лишь съ трудомъ тронутъ. Возможно, что „Фэдону“ со стороны Антисѳена предшествовалъ Σάθων ἢ περὶ τοῦ ἀντιλέγειν, который былъ специально направленъ противъ Платона и принципіально не исключалъ мерзостей... Чрезъ это ἀντιλογικοὶ λόγοι въ цитованномъ мѣстѣ „Фэдона“ могли получить еще особое значеніе, и далѣе съ вѣроятностью можно было бы отнести къ пріемамъ Антисѳена слова въ „Фэдонѣ“, 91, A: „Теперь повидимому, къ этому я отношусь не философски, но, подобно совершенно необразованнымъ, тщеславно: вѣдь и они, когда о чемъ нибудь спорятъ, вовсе не заботятся о томъ, какъ обстоитъ дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, но стараются, чтобы присутствующимъ казалось то, что они положили“.

Но мы уже знаемъ, что „Гераклитизмъ“ Антисѳена—чистый вымыселъ. Не трудно вицѣть, что и остальныя соображенія Диммлера столь же шатки. Если даже и признать, что Платонъ былъ человѣкъ нравственно ничтожный и въ полемикѣ не чуждался никакихъ средствъ, то невозможно возражать противъ того, что онъ былъ очень искусный и чуткій художникъ, работавшій къ тому же надъ діалогами съ неутомимымъ усердіемъ [1253]). Возможно-ли предположить въ немъ такую вопіющую художественную безсмыслицу, какую навязываетъ ему Диммлеръ,—что при той торжественной обстановкѣ, въ которой происходитъ разговоръ въ „Фэдонѣ“, и устами философа, проповѣдующаго всякое отрѣшеніе отъ себялюбивыхъ страстей и сосредоточіе души на божественномъ, Платонъ мститъ за себя самымъ пошлымъ и мелочнымъ образомъ? Разсуждать такъ, какъ Диммлеръ, значитъ быть лишеннымъ всякаго поэтическаго смысла [1254]).

1252) Phaedo, 90, B.

1253) Выше, стр. 38.

1254) Съ Диммлеромъ въ основаніи согласенъ Наторпъ, который однако думаетъ, что предполагать въ „Фэдонѣ“ сознательный намекъ на Антисѳена было бы „etwas verletzendes“. Arch. f. Gesch. d. Phil. III, 4, 526.

О нравственномъ ученіи Антисѳена Платонъ говоритъ въ „Филебѣ“ [1255]). Здѣсь онъ противопоставляетъ приверженцамъ удовольствія (какъ увидимъ, Киренейцамъ) ихъ противниковъ—такъ называемыхъ сильныхъ знатоковъ природы, которые утверждаютъ, что удовольствій вовсе нѣтъ, а что то, что̀ называется удовольствіями, есть лишь бѣгство отъ скорбей. На вопросъ, нужно ли этимъ людямъ вѣрить или нѣтъ, Сократъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ, ими надо пользоваться какъ гадателями, гадающими не на основаніи искусства, а по угрюмости неблагородной природы. Они слишкомъ сильно возненавидѣли силу удовольствія и не признаютъ въ немъ ничего здраваго, такъ что даже самая его привлекательность для нихъ—лишь очарованіе, а не удовольствіе. Пользуясь ими, слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію какъ это, такъ и всю другую ихъ угрюмость. Послѣ ты узнаешь, что̀ я считаю истинными удовольствіями, чтобы, выяснивъ изъ обоихъ утвержденій силу удовольствія, мы бы могли подвергнуть ее разсмотрѣнію..... И такъ, будемъ идти за ними, какъ за союзниками, по слѣдамъ ихъ угрюмости“. Доказавъ въ длинномъ анализѣ, что среди удовольствій должно по достоинству различать нѣсколько родовъ, Сократъ заключаетъ словами [1256]): „Тѣмъ, которые утверждаютъ, что всѣ удовольствія—конецъ скорбей, я не очень таки вѣрю, но, какъ сказалъ, ссылаюсь на нихъ какъ на свидѣтелей, что нѣкоторыя удовольствія только мнимыя, на самомъ же дѣлѣ вовсе не удовольствія, а иныя представляются вмѣстѣ и великими и обильными, на дѣлѣ же смѣшаны со скорбями и прекращеніемъ величайшихъ неудовольствій при затрудненіяхъ тѣла и души“.

Ясно, что Платонъ говоритъ здѣсь о современникахъ [1257]), а изъ нихъ только что приведенная характеристика подходитъ къ одному лишь Антисѳену. Объ его изреченіи „И скорѣе сошелъ бы съ ума, чѣмъ сталъ бы радоваться“ [1258]) было уже упомянуто [1259]); его угрюмость засвидѣтельствована характеристикой Ксенофонта въ „Ширѣ“ [1260]). Поэтому почти всѣ критики, за исключеніемъ лишь

1255) Phileb 44, B.

1256) Ibid. 51, A. Также De Rep. 584, B, сл.

1257) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 308, 1.

1258) Diog. Laert VI, 3. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4], 306, 6.

1259) Стр. 301, пр. 1087.

1260) Xenoph. Sympos. 4, 2, сл. 34, сл.

Вендта, Гирцеля, Наторпа и Грота [1261]), относятъ разсматриваемое мѣсто къ Антисѳену или же вообще къ Циникамъ. Но названные четыре критика находятъ, что Платонъ здѣсь не можетъ подразумѣвать Антисѳена. Въ доказательство они приводятъ, что 1) у Платона враги удовольствій названы сильными въ природѣ, а Циники презирали всякія занятія, не относящіяся до добродѣтели [1262]), 2) по Платону, эти враги особенно ненавидятъ непристойныя удовольствія [1263]), а Циники къ приличіямъ были равнодушны [1264]). 3) Платонъ называетъ враговъ удовольствій не неблагородными отъ природы, а между тѣмъ неблагородство поступковъ и ученія Антисѳена было настолько ненавистно Платону, что онъ даже ничуть не колебался ставить ему въ укоръ рабское происхожденіе, противъ котораго тотъ ничего не могъ сдѣлать [1265]); и 4) Платонъ не могъ относиться съ такимъ уваженіемъ къ своему противнику [1266]). По Вендту, Платонъ имѣлъ въ виду неизвѣстныхъ философовъ, полагавшихъ благо въ отсутствіи скорби; по Гроту—Платониковъ Пиѳагорейскаго толка, напримѣръ, Спевсиппа; по Гирцелю и Наторпу—Демокрита. Но Платонова характеристика не совпадаетъ съ той, какую даетъ Вендтъ; къ тому же о характеризуемыхъ Вендтомъ философахъ Платонъ упоминаетъ раньше и отличаетъ ихъ отъ враговъ удовольствій [1267]). Спевсиппъ, хотя и не признавалъ удовольствій за благо, не былъ ихъ ненавистникомъ [1268]). Пиѳагорейцы требовали воздержанія, но о ненависти ихъ къ удовольствіямъ мы ничего не слышимъ [1269]); даже позднѣйшіе изъ нихъ (Неопиѳагорейцы) своимъ

1261) Wendt, De Philosophia Cyrenaica, Gott 1841, 17, 1. Hirzel, Untersuchungen zu Cicero's philosophischen Schriften, Leipz. 1877, I, 141 f. Hermes, XIV, 356 f. Natorp, Forschungen, 200 f. Grote, Plato, II, 609 f.

1262) Hirzel, 142. Natorp. 200. Grote, 609.

1263) Phileb. 46, 1.

1264) Hirzel, 145. Grote l. c.

1265) Grote, 610.

1266) Natorp, 200.

1267) Phileb. 43, D. 44, A, сл. Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 308, 1.

1268) Arist. Eth. N. VII, 14, 1153 b, 4: ὡς γὰρ Σπευσιππος ἔλυεν (что наслажденіе противоположно страданію) οὐ συμβαίνει ἡ λυσις, ὥσπερ τὸ μεῖζον τῷ ἐλάττονι καὶ τῷ ἴσῳ ἐναντίον· οὐ γαρ ἄν φαίη ὅπερ κανόν τι εἶναι ἡδονήν (такъ какъ не скажетъ же онъ, что и наслажденіе есть нѣкоторое зло). Въ виду этого и другихъ подобныхъ показаній Аристотеля (ib. X, 2. 1173 a, 5. VII, 12. 1152 b, 8) не вполнѣ согласное съ ними свидѣтельство Авла Геллія N. A. IX, 5, 4 не имѣетъ цѣны.

1269) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 308, 1.

идеаломъ мудреца признавали цѣну удовольствій [1270]). Къ Демокриту же Платонова характеристика вовсе не подходитъ. Хотя онъ и осуждалъ невоздержаніе, удовольствій не только не ненавидѣлъ, но даже признавалъ мѣрой полезнаго, [1271]) и отъ выбора ихъ ставилъ въ зависимость благодушіе [1272]), которое считалъ высшимъ благомъ, такъ какъ при немъ человѣкъ менѣе всего испытываетъ неудовольствій [1273]). Точно также и про его угрюмость ничего неизвѣстно; напротивъ, веселость его нрава вошла въ пословицу [1274]). Между тѣмъ указанныя критиками несоотвѣтствія только мнимыя и легко устраняются. Всѣ свидѣтельства о презрѣніи Циниковъ къ занятію естественными науками относятся не къ Антисѳену, а его ученику Діогену [1275]); объ отвращеніи Антисѳена отъ такихъ занятій мы не только ничего не слышимъ, но даже имѣемъ опредѣленныя свѣдѣнія, что физическимъ вопросамъ онъ посвятилъ три трактата [1276]). Дѣлать же заключенія отъ ученика къ учителю несправедливо; ставъ на такую шаткую почву, мы должны, напримѣръ, навязывать Аристиппу все то, что̀ утверждалъ Ѳеодоръ, и отъ чего Аристиппъ отвернулся бы съ негодованіемъ [1277]). Говоря о непристойныхъ удовольствіяхъ (исцѣленіи зуда треніемъ) Платонъ очевидно подразумѣвалъ не форму, а содержаніе. Свидѣтельствомъ ненависти Антисѳена къ подобнаго рода наслажденіямъ служитъ его знаменитое изреченіе: „Я бы застрѣлилъ Афродиту, если бы могъ [1278])“. Очевидно также, что подъ словами „не неблагородная природа“ подразумѣвается происхожденіе не физическое, а философское (отъ Сократа) и что и „не неблагородной природой“ можно злоупотреблять. Наконецъ, послѣдній доводъ не что иное, какъ заключеніе отъ извѣстнаго чрезъ неизвѣстное. Изъ отношеній Антисѳена къ Платону нельзя заключать объ отношеніяхъ Платона къ Антисѳену. Предположеніе, что Платонъ долженъ былъ относиться къ своему против-

1270) Ibid. III b 3, 140.
1271) Democr. ap. Stob. Flor. III, 35. Clemens, Strom. II, 417 Pott. (Fr. 8. 9 M.).
1272) Stob. Flor. V, 77. I, 40 (Fr. 3. 20 M.).
1273) Stob. Flor, V, 24 (Fr. 2 M.). Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 827, 3 II a⁴, 308, 1.
1274) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 766. II a⁴, 1. c.
1275) Свидѣтельства у Zeller'a, Ph. d. Gr. II a⁴, 289, 2.
1276) Diog. Laert. VI, 15—17: περὶ ζῳων φυσεως, περὶ φυσεως α′ β′, Ἐρωτημα περὶ φυσεως β′.
1277) Объ Аристиппѣ и Ѳеодорѣ Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 344 f. 375 f.
1278) Clemens Strom. II, 485 Pott. (fr. 35 M.).

нику такъ, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, ничѣмъ не доказано. Едва-ли кто либо изъ мыслителей подвергался такой суровой критикѣ съ всевозможныхъ точекъ зрѣнія, какъ въ наши дни Дарвинъ. Но онъ, подобно Платону,[1279]) старательно отыскивалъ противопоказанія своему ученію[1280]), охотно выслушивалъ возраженія и отвѣчалъ на нихъ безъ всякой запальчивости[1281]).

Намеки на государственное ученіе Антисѳена, Целлеръ и Диммлеръ[1282]) видятъ во второй книгѣ „Государства“[1283]), гдѣ Главконъ, въ отвѣтъ на изображеніе Сократомъ пира гражданъ новаго государства, обходящихся безъ столовъ и безъ жаркого, замѣчаетъ, что иного угощенія не нужно было бы и въ государствѣ свиней[1284]), Целлеръ сверхъ того въ „Политикѣ“[1285]), гдѣ Платонъ діалектически разлагаетъ добытое раньше опредѣленіе царственнаго искусства какъ искусства пасти стадо. Единственнымъ основаніемъ для этихъ сближеній служитъ то, что эти мѣста вызываютъ ассоціаціи сходныя съ тѣми, которыя связаны съ представленіями о Циникахъ. На томъ же основаніи Диммлеръ[1286]) относитъ къ Антисѳену упоминаніе въ „Государствѣ“ о валяющейся въ грязи свиньѣ[1287]) и о свинскомъ состояніи незнающихъ математики—въ „Законахъ“[1288]). Намекъ на Антисѳена грязной свиньей для Диммлера тѣмъ несомнѣннѣе, что сдѣланъ по поводу невольной лжи, а о невольной лжи Сократъ разсуждаетъ въ „Гиппіи Меньшемъ“ съ Гиппіемъ, подъ которымъ, по Диммлеру, мы должны подразумѣвать Антисѳена[1289]).

Быть можетъ, всѣ эти сопоставленія остроумны, но въ критикѣ не нуждаются.

1279) Выше, стр. 48, сл. 64.

1280) Darwin, Origin of Species, Ch. VI (Difficulties of the Theory). Ch. VII (Miscellaneous Objections etc.).

1281) Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ сборника его писемъ, The Life and Letters of Ch. Darwin etc. Lond. 1887.

1282) Ph. d. Gr. II a[4], 325, 5. 893. 2. Dummler, Antist 3.

1283) De Rep. 535, D.

1284) Ibid. 372, D. Противъ такого сближенія Susemihl въ Neue Jahrbucher fur Philol. u. Paedag., CXXXV—CXXXVI, 1887, 211.

1285) Pol. 267, C—275, C.

1286) Dummler Antisth. 13. 34.

1287) De Rep. 535, E. Выше, стр 64

1288) Leg. 819 D. Противъ Диммлера Целлеръ Ph. d. Gr II a[4], 288, 2.

1289) Dumml Antisth 34

Остается отмѣтить слѣдующее мѣсто въ „Государствѣ“, дающее Диммлеру [1290]) главную опору для тѣхъ разсужденій о непріязни между Платономъ и Антисѳеномъ, съ которыми мы познакомились изъ первой главы настоящаго труда [1291]). „Если ты (говоритъ Сократъ [1292]) встрѣтишься съ хвалителями Гомера и они тебѣ скажутъ, что онъ воспиталъ Элладу и что для устройства человѣческихъ дѣлъ его произведенія стоятъ того, что-бы ихъ взять, изучить и согласовать съ ними всю жизнь, то ты долженъ любить и привѣтствовать такихъ людей, какъ наилучшихъ по мѣрѣ ихъ силъ, и согласиться, что Гомеръ—самый поэтическій и самый первый изъ творцовъ трагедіи, но ты долженъ также знать, что изъ поэзіи можно принять въ государство только гимны богамъ и восхваленія мудрыхъ людей“. На взглядъ Диммлера, подъ хвалителями Гомера слѣдуетъ подразумѣвать Антисѳена, такъ какъ онъ былъ самымъ извѣстнымъ и ревностнымъ изъ современныхъ Платону истолкователей Гомера. Этого сближенія нельзя не признать вѣроятнымъ, но оно не только не уполномочиваетъ къ заключенію о враждѣ Платона къ Антисѳену, а скорѣе свидѣтельствуетъ о противномъ. Поэтому основанныя на этомъ свидѣтельствѣ построенія Диммлера (между прочимъ и отожествленіе Гиппія съ Антисѳеномъ) падаютъ сами собой.

Отъ критики какъ этихъ построеній, такъ и имъ подобныхъ еще болѣе шаткихъ у Диммлера и другихъ новѣйшихъ изслѣдователей объ Антисѳенѣ, я вынужденъ уклониться.

Разсказы объ отношеніи между Платономъ и Діогеномъ[1293]) не вносятъ ничего новаго и потому послѣ анализа свидѣтельствъ объ Антисѳенѣ не могутъ имѣть для насъ интереса. Изъ этихъ разсказовъ стоитъ отмѣтить лишь одинъ. Однажды Платонъ опредѣлилъ человѣка какъ „животное

1290) Ibid. 25, sq

1291) Стр. 20, сл.

1292) De Rep. 606, C.

1293) Diog. Laert. VI, 25 (о цѣли посѣщенія Платономъ Діонисія) 26 (взаимное обвиненіе въ τῦφος. Діогенъ обвиняетъ Платона въ многословіи) 40 (Платонъ называетъ Діогена κύων) 41 (Платонъ говоритъ сожалѣвшимъ Діогена, что бы, если они его сожалѣютъ, то отошли отъ него) 54 (Платонъ называетъ Діогена сумасшедшимъ Сократомъ) 55 (объ идеяхъ) 58 (объ услужливости Діонисію) 67 (Діогенъ намекаетъ на тайное непрошайничество Платона) Aelian. V. H. XIV, 33 (Платонъ называетъ Діогена κύων, а тотъ упрекаетъ его въ продажности Діонисію и въ бѣгствѣ отъ него) Scob. Flor. XIII, 37 (Діогенъ спрашиваетъ Платона, зачѣмъ онъ пишетъ „Законы“) и проч.

двуногое, безкрылое“ и этимъ опредѣленіемъ хвастался. Діогенъ, что-бы опровергнуть Платона, принесъ ему въ Академію общипаннаго пѣтуха и сказалъ: „Вотъ Платоновъ человѣкъ“. Послѣ этого Платонъ будто-бы прибавилъ къ своему опредѣленію слова „съ плоскими когтями“ [1294]). Намекъ на этотъ разсказъ видятъ [1295]) въ томъ мѣстѣ „Политика“, гдѣ Платонъ дѣленіе животныхъ на четвероногихъ и двуногихъ, а этихъ послѣднихъ на пернатыхъ и непернатыхъ, предваряетъ замѣчаніемъ, что сравненіе людей съ птицами можетъ занять мѣсто среди общеизвѣстныхъ шутокъ [1296]). Сближеніе во всякомъ случаѣ остроумное. Если оно правильно, то должно служить на пользу Платона, такъ какъ никакого враждебнаго тона въ Платоновой оговоркѣ нѣтъ.

9. *Аристиппъ и Киренейцы* [1297]). Предположеніе о непріязни Платона къ Аристиппу подсказывается противоположностью міровоззрѣній этихъ философовъ. Платона обыкновенно считаютъ врагомъ софистовъ и гедониковъ. Аристиппъ теорію познанія основывалъ на относительности духовныхъ состояній и такимъ образомъ стоялъ на одной почвѣ съ Протагоромъ [1298]), а въ этикѣ былъ крайнимъ гедоникомъ, полагавшимъ высшее благо въ умѣньи пользоваться мимолетнымъ удовольствіемъ, каково бы оно ни было [1299]). Въ изысканіи средствъ къ счастливой жизни онъ былъ не особенно разборчивъ [1300]) и между прочимъ, вопреки общему всѣмъ послѣдователямъ Сократа обычаю, не гнушался брать за преподаваніе деньги [1301]). По этой причинѣ Аристотель и другіе его называютъ софистомъ [1302]). Говорятъ, будто Платонъ укорялъ Аристиппа за изнѣженную жизнь, но Аристиппъ оправдывался указаніемъ на тиранна Діонисія, который жилъ пышно,

---

1294) Diog. Laert. VI, 40.

1295) Göttling, Ges. Abhandl., Halle, 1851, I. 264.

1296) Polit. 266, B—C: πρὸς δὴ τουτοις ἕτερον αὖ τι των πρὸς γέλωτα ευδοκιμησάντων ἄν, ὦ Σώκρατες, ἆρα καθορωμεν ἡμῖν γεγονὸς ἐν τοῖς διιρτιμένοις;—Τὸ ποῖον,—Τἀνθρώπινον ἡμων ἅμα γένος ξυνειλῆχὸς ναὶ ξυνδεδραμηκὸς γένει τῷ των ὄντων γενναιοτάτῳ καὶ ἅμ' ευχερεστάτῳ и проч.

1297) Wendt, De Philosophia Cyrenaica Gott. 1841. Mullach, Fragmenta, II, 397 sq. Stein, Sieben Bucher zur Geschichte des Platonismus, II, Gott. 1864, 61 f. Brandis, Handb. d. gr. r. Philos. II, a, 90 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 336 f.

1298) Zeller, Ph. d. Gr., II a[4], 347 f.

1299) Ibid. 352 f.

1300) Ibid. 359, 3 f.

1301) Ibid. 338, 5.

1302) Metaph. II, 2, 996 a, 32. Diog. L. II. 65. Alex ap. Athen. XII, 63.

и однако, по признанію самого Платона, былъ человѣкъ хорошій [1303]). Въ свою очередь и Аристиппъ упрекалъ Платона за самоувѣренность, ставя ему на видъ, что общій ихъ другъ, Сократъ, не выражался такъ рѣшительно. Объ этомъ упрекѣ Аристиппа мы узнаемъ отъ Аристотеля и можемъ поэтому считать его историческимъ [1304]). Существуютъ и другіе разсказы, въ которыхъ сопоставляются Платонъ и Аристиппъ, но всѣ они, не проливая свѣта на отношеніе между этими философами, бросаютъ тѣнь на Аристиппа. Однажды во время пира, на которомъ присутствовали оба философа, Діонисій приказалъ имъ нарядиться въ женское платье и плясать. Платонъ отговорился стихомъ Еврипида: „Я не былъ бы въ состояніи нарядиться въ женское платье“. Но Аристиппъ выразилъ согласіе другими стихами того же Еврипида: „И на Вакханаліяхъ скромная останется нетронутой“ [1305]). Въ другой разъ Діонисій предложилъ Платону и Аристиппу просить чего имъ хочется. Платонъ взялъ книгу, Аристиппъ—деньги. На укоръ одного изъ знакомыхъ, Аристиппъ отвѣчалъ: „Платонъ нуждается въ книгахъ, а я въ деньгахъ“ [1306]).

Явное выраженіе непріязни къ Аристиппу видятъ [1307]) въ томъ, что Платонъ говоритъ объ его отсутствіи во время послѣднихъ дней Сократа [1308]). Такое объясненіе вызвано предвзятымъ мнѣніемъ объ этой непріязни. Платонъ упоминаетъ также и объ отсутствіи Клеомброта, повидимому того самаго, который, какъ разсказывали, по прочтеніи „Фэдона“ до того проникся вѣрой въ лучшую жизнь за гробомъ, что добровольно лишилъ себя жизни [1309]). Впрочемъ, если бы Платонъ и желалъ этимъ упоминаніемъ упрекнуть Аристиппа, то, упрекъ былъ бы вполнѣ основателенъ [1310]).

1303) Diog. L. II, 69. Нелѣпость разсказа Гегесандра у Athen. XI, 116, будто Платонъ смѣялся надъ Аристиппомъ за посѣщеніе имъ Діонисія, очевидна.

1304) Rhet. II, 23, 1398 b, 29.

1305) Diog. L. II, 78.

1306) Ibid. II, 81.

1307) Ibid. II, 65, Ш, 36. Groen v. Prinsterer, Prosopographia Platonica, 54 sq. Риторическое распространеніе по этому поводу у Dem. Phal. de Elocut. 136.

1308) Phaedo, 59, C: Τί δέ; Ἀρίστιππος καὶ Κλεόμβροτος παρεγένοντο, — Οὐ δῆτα· ἐν Αἰγίνῃ γὰρ ἐλέγοντο εἶναι.

1309) Callim. Epigr. XXIV; Cic. Tuscul. I, 34, 84 и др.

1310) Zeller, Ph. d. Gr. II a[4], 336, 5. 337, 1. 428, 1. „In Betreff der Phaedostelle darf man ... nur die Alternative zulassen: entweder war Aristipps Aufenthalt auf dem schwelgerischen

Ученія Киренейцевъ (не называя этихъ философовъ по имени) Платонъ касается въ „Филебѣ“. Здѣсь онъ говоритъ о мудрецахъ, которые видятъ высшее благо во всякомъ вообще удовольствіи, какого бы рода оно ни было [1311]) (хотя и различаютъ удовольствія по силѣ) а происхожденіе удовольствій и страданій объясняютъ движеніями внутри насъ: большія и чувствительныя движенія производятъ наслажденія и страданія, а малыя и незамѣтныя—ни того, ни другого [1312]). Подъ этими мудрецами, какъ выяснили Вендтъ, Брандисъ и Целлеръ, нельзя подразумѣвать никого другого кромѣ Киренейцевъ, такъ какъ ихъ ученіе буквально совпадаетъ съ только что упомянутымъ [1313]). Но нельзя вмѣстѣ съ Целлеромъ, Брандисомъ и другими [1314]) видѣть Киренейцевъ въ тѣхъ философахъ, которые, по словамъ Сократа въ томъ же діалогѣ, заслуживаютъ нашу благодарность за объясненіе, что удовольствіе только бываніе, а не сущность, и которые такимъ образомъ осмѣиваютъ вмѣстѣ и самое ученіе о тожествѣ удовольствія съ благомъ и послѣдователей этого ученія [1315]). Если бы и можно было согласиться съ Целлеромъ [1316]), что, заставляя Аристиппа смѣяться надъ этимъ ученіемъ, Платонъ говоритъ иронически, чего однако доказать нельзя, то остается противопоставленіе между бываніемъ внутреннихъ состояній и ихъ сущностью, которое не только не можетъ быть прослѣжено въ ученіи Киренейцевъ, но и прямо противорѣчитъ ихъ теоріи познанія, ограничивавшей весь вообще нашъ опытъ сознаніемъ однихъ только состояній [1317]). Цел-

---

Aegina, zu einer Zeit, wo er in Gefangniss seines Meisters hätte sein sollen, wirklich historisches Factum, und dann muss man die schonende Art bewundern, mit welcher Plato den pietätlosen Leichtsinn seines Mitschülers zudeckt Oder jenen Aufenthalt hatte andre als aus Genusssucht und Leichtsinn hervorgehende Motive: nun, so hat Plato auch nicht auf solche anspielen wollen und konnen. In keinem Falle kann die Phaedostelle aber weder mit dem angeblichen Demetrius eine feige und gleissnerische Verläumdung.... noch auch nur mit Andern (z. B. Groen v. Prinsterer p. 55) ein locus acri profecto sale suffusus genannt werden“ Stein, Sieben Bucher zur Geschichte des Platonismus, II, 61, 2.

1311) Phileb. 11, B. 66, D.

1312) Ibid. 42, D, сл.

1313) Wendt, De Philos. Cyren. 35 sq. Brandis, Handb. d. Gr r. Phil. II a, 95. 99 f. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 347, 2. 354, 1. 356, 2 f.

1314) Brandis, II a, 94. 96. Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 352, 1. Arch. f. Gesch. d. Phil. I, 172 f. Kostlin, Gesch. d. Ethik, I, 316 f. Остальные поименованы Целлеромъ въ Arch. f. Gesch. d Phil. l. c.

1315) Phileb. 53, C. 54. D.

1316) Zeller, Arch. f. Gesch. d. Phil. 173. Phil. d. Gr. II a⁴, 352, 1.

1317) Zeller, Ph. d. Gr. II a⁴, 347 f.

леръ, правда, оговаривается, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ, Платонъ излагаетъ чужое ученіе въ категоріяхъ собственной системы [1318]), но мы уже знаемъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на такія оговорки. Къ кому относятся разсматриваемыя слова, для насъ безразлично.

За исключеніемъ лишь основнаго положенія, что удовольствіе—благо, Платонъ въ ученіи Аристиппа принимаетъ (въ „Государствѣ“ и „Тимэѣ“) всѣ тѣ стороны, о которыхъ говоритъ въ „Филебѣ“—о природѣ удовольствія и его условіяхъ [1319]). Противъ основнаго положенія онъ возражаетъ, что высшее благо помимо удовольствія должно обнимать собою и разумѣніе, такъ какъ безъ разумѣнія удовольствія не могутъ быть сознаны [1320]), и что удовольствія должны быть различаемы по качеству [1321]).

Отсутствіе какого бы то ни было полемическаго тона противъ Аристиппа какъ во всѣхъ вообще діалогахъ Платона, такъ особенно въ „Филебѣ“, замѣчено даже отрицательной критикой, которая однако и въ этомъ случаѣ находитъ доводы противъ Платона. „Что сочинителю „Горгія“ гедонизмъ Аристиппа казался въ высшей степени достойнымъ отверженія и что въ его діалогахъ полемика противъ такого пониманія жизни должна была стоять на первомъ планѣ, можно было бы ожидать съ рѣшительностью. Но чѣмъ больше разыскиваешь слѣдовъ этой полемики, тѣмъ меньше оправдывается это ожиданіе. Не смотря на то, что Платонъ опроверженію гедонизма посвятилъ серьезно разработанный „Филебъ“, однако и здѣсь онъ затрогиваетъ Аристиппа только вскользь и при томъ такимъ образомъ, который живо отличается отъ обыкновенно столь страстнаго способа Платоновой полемики... Опроверженіе „Филеба“ чисто фактическое и чуждо всякаго раздраженія. Причина отсутствія полемики въ томъ, что любезный и остроумный Аристиппъ, съ которымъ Платонъ основательно познакомился у Діонисія, былъ ему не несимпатиченъ; нисколько не было бы удивительно, если бы у такого страстнаго и оригинальнаго человѣка, какъ Платонъ, личныя симпатіи и антипатіи играли боль-

---

1318) Zeller, Arch. f. Gesch. d. Phil. I, 175.
1319) De Rep. 583, E Tim. 64 A, сл. Zeller. Ph. d. Gr. II a⁴, 604.
1320) Phileb. 20, B, сл.
1321) Ibid. 12, B, сл.

шую роль, чѣмъ фактическіе моменты. Къ этому присоединяется еще и то, что Аристиппъ былъ антиподомъ Антисѳена. Платонъ, оспаривая гедонизмъ, не желалъ казаться зависимымъ отъ своего стариннаго ненавистнаго противника“ [1322]).

Глубокомысліе этихъ разсужденій равносильно глубинѣ проникновенія въ духъ Платоновой философіи. Поэтому нѣтъ нужды входить въ ихъ критику.

О предложенныхъ новѣйшими критиками сближеніяхъ между Протагоромъ, Гиппіемъ, Калликломъ и Аристиппомъ будетъ рѣчь въ главахъ о политикахъ и софистахъ.

Большій вѣсъ, чѣмъ всѣ только что изложенныя разсужденія объ отношеніяхъ Платона къ Антисѳену и Аристиппу, имѣютъ слова Ѳеопомпа, что въ діалогахъ Платона много чужого, взятаго между прочимъ изъ сочиненій Антисѳена и Аристиппа [1323]). Оригинальность и сила творчества Платона на столько общепризнаны [1324]), что доказывать невозможность заимствованія имъ философскихъ воззрѣній у другихъ было бы излишнимъ. Поэтому Ѳеопомповъ укоръ слѣдуетъ толковать либо такъ, что Платонъ свидѣтельствуетъ о выводимыхъ имъ лицахъ то же, что̀ Антисѳенъ и Аристиппъ, либо такъ, что онъ разсматриваетъ въ своихъ діалогахъ подлинныя мнѣнія этихъ двухъ философовъ. То и другое одинаково говоритъ въ пользу Платона, какъ историческаго свидѣтеля.

10. *Демокритъ*. Объ отношеніи Платона къ Демокриту сохранился разсказъ, что Платонъ хотѣлъ сжечь его сочиненія, но отказался отъ этого по совѣту нѣкоторыхъ Пиѳагорейцевъ, выяснившихъ ему безсмысленность такого поступка, такъ какъ эти сочиненія находились у многихъ [1325]). Поводомъ къ возникновенію нелѣпаго разсказа послужило вѣроятно то, что древняя критика не могла найти у Платона намековъ на Демокрита и доискивалась причины этого [1326]). Недоброжелатели Платона видѣли въ его молчаніи трусость, такъ какъ при спорѣ съ Демокритомъ „борьба была бы съ лучшимъ

1322) Dümmler, Akad. 166. 168.

1323) Theop. ap. Ath. XI, 118. См. выше, стр. 2, пр. 3.

1324) Выше, стр. 3. 10 сл.

1325) Aristox. ap. Diog. Laert. IX, 40.

1326) Ibid. III, 56 πρωτός τε ἀντειρηνὼς ηγεῖτο ὅπασι τοῖς πρὸ αὐτοῦ ζητεῖται διά τί μὴ ἐμνημόνευσε Δημοκρίτου.

изъ философовъ“ [1327]). Но Платонъ не могъ быть и безучастнымъ зрителемъ распространенія неодобряемаго имъ ученія. Поэтому для него оставался единственный исходъ—сжечь ненавистныя книги.

Въ противоположность древней критикѣ, для новой слѣды полемики съ Демокритомъ у Платона совершенно очевидны. Впервые обстоятельно указалъ на нихъ Германнъ. „Предположеніе безчисленнаго множества міровъ (говоритъ онъ [1328]), обозначенное въ „Тимэѣ“ съ неподражаемой игрой словъ какъ мысль неразумнаго человѣка [1329]), вихревое движеніе вселенной, которое въ „Фэдонѣ“ должно служить примѣромъ грубо чувственнаго воззрѣнія на природу [1330]), составляютъ главныя части Демокритова ученія, и если Платонъ зналъ объ ἀθαυμαστίη, которую Демокритъ поставилъ высшею цѣлью философскаго занятія [1331]), то трудно воздержаться отъ того, что бы въ томъ мѣстѣ „Θεэтета“, гдѣ именно удивленіе обозначено какъ весьма соотвѣтствующее философіи душевное устройство [1332]), не признать косвеннаго щелчка въ Демокрита; что ученіе, оспариваемое Платономъ съ такимъ удареніемъ въ „Законахъ“, по которому духъ происхожденіемъ позднѣе природы [1333]), тѣснѣйшимъ образомъ связано съ атомистикой, не нуждается ни въ какихъ ближайшихъ доказательствахъ, точно такъ-же какъ и то, что страхъ за разсѣяніе души послѣ смерти, вмѣстѣ опровергнутый и осмѣянный въ „Фэдонѣ“ [1334]), служитъ естественнымъ ея слѣдствіемъ; равнымъ образомъ едва-ли можно сомнѣваться, что гдѣ Платонъ говоритъ о тѣхъ, которые не признаютъ ничего духовнаго и желаютъ считать за истину лишь то,

---

1327) Ibid. IX, 40 οὐδαμοῦ Δημοκρίτου διαμνημονεύει, ἀλλ' οὐδὲ ἔνδα ἀντειπεῖν τι αὐτῷ ὅσοι. δῆλον (ὅτι) εἰδὼς ὡς πρὸς τὸν ἄριστον οὕτω τῶν φιλοσόφων ἔσοιτο.

1328) Hermann, Gesch. u System d. Platonischen Philosophie, 153.

1329) Tim. 55, C—D: ἃ δή τις εἰ πάντα λογιζόμενος ἐμμελῶς ἀποροῖ, πότερον ἀπείρους χρὴ κόσμους εἶναι λέγειν, ἢ πέρας ἔχοντας τὸ μὲν ἀπείρους ἡγήσαιτ' ἂν ὄντως ἀπείρου τινὸς εἶναι δόγμα ὦν ἔμπειρον χρεὼν εἶναι, πότερον δὲ ἕνα, ἢ πέντε αὐτους ἀληθείᾳ πεφυκότας λέγειν ποτὲ προσήκει μᾶλλον ἂν ταυτῃ στὰς εἰκότως διαπορήσαι

1330) Phaedo, 99, B: ὁ μέν τις δίνην περιτιθεὶς τῇ γῇ ὑπὸ τοῦ οὐρανοῦ μένειν δὴ ποιεῖ τὴν γῆν.

1331) Strabo, I, 61 Cass

1332) Theaet. 155, D.

1333) Leges, 888, E, сл.

1334) Phaedo, 70, A: τὰ δὲ περὶ τῆς ψυχῆς πολλὴν ἀπιστίαν παρέχει τοῖς ἀνθρώποις, μὴ ἐπειδὰν ἀπαλλαγῇ τοῦ σώματος.... ὥσπερ πνευμα ἢ καπνὸς διασκεδασθεῖσα οἴχηται διαπτομένη καὶ οὐδὲν ἔτι οὐδαμοῦ ᾖ.

что̀ можно схватить руками [1335]), онъ думалъ и объ этомъ ученіи". Всѣ эти мѣста, по Германну, носятъ такой отпечатокъ презрѣнія и вражды, что умолчаніе имени Демокрита едва-ли можетъ быть случайнымъ [1336]).

Целлеръ относитъ къ Демокриту только что указанное мѣсто въ „Тимэѣ" и сверхъ того усматриваетъ его воздѣйствіе въ ученіи Платона о матеріи и элементахъ [1337]). Воздѣйствіе это сказывается во взглядѣ на матерію какъ пространство [1338]) и на элементы какъ различное сочетаніе фигуръ [1339]).

Въ послѣднее время разысканіемъ слѣдовъ Демокрита у Платона особенно ревностно занимается Наторпъ [1340]). Не смотря на сравнительную непродолжительность этихъ розысковъ, онъ успѣлъ придти къ обильнымъ результатамъ. Здѣсь достаточно отмѣтить главнѣйшіе. Въ „Θеэтетѣ" [1341]) на Демокрита указываетъ ученіе о пространствѣ какъ опредѣляющемъ и упорядочивающемъ принципѣ [1342]). Въ „Филебѣ" [1343]) ему принадлежитъ нравственное ученіе „союзниковъ" Платона—„враговъ удовольствія" [1344]). Въ „Парменидѣ" въ апоріи о несуществованіи единства [1345]) Платону предносится понятіе объ атомѣ. Въ „Тимэѣ" быть можетъ мы должны отнести къ Демокриту замѣчаніе о безчисленномъ множествѣ міровъ и несомнѣнно приписать сознательному о немъ воспоминанію ученіе о пространствѣ и чувственныхъ качествахъ, точно такъ же какъ выводъ основныхъ веществъ, который по всему вѣроятію передѣлка ученія объ атомахъ. Наконецъ въ „Софистѣ" аналогія между μὴ ὄν Платона и небытіемъ Демокрита настолько очевидна, что не можетъ быть случайной [1346]).

1335) Theaet. 155, E. Soph. 246, A. Выше, стр. 287, сл.

1336) Hermann, l. c. 152.

1337) Zeller, Ph. d. Gr II a[4], 399, 2

1338) Ibid. 733.

1339) Целлеръ прямо не говоритъ этого, но больше ни въ чемъ то и другое ученіе объ элементахъ не сходны.

1340) Natorp, Forschungen, 195 f. Arch. f. Gesch. d. Philos. III, 3, 362. 4, 516 f.

1341) Theaet. 153, D: ὃ δὴ καλεῖς χρωμα λευκόν, μὴ εἶναι αὐτὸ ἕτερόν τι ἔξω των σῶν ὀμμάτων μηδ' ἐν τοῖς ὄμμασι μηδέ τιν' αὐτῷ χωραν ἀποτάξῃς. ἤδη γάρ ἂν εἴη τ' ὄν που ἐν τάξει καὶ μένοι καὶ οὐκ ἂν ἐν γενέσει γιγνοιτο.

1342) Natorp, Arch. f Gesch. d. Phil. III, 4, 517 f.

1343) Phileb. 44, B, сл. Съ этимъ мѣстомъ Наторпъ сопоставляетъ De Rep. 583, B, но оно на столько неопредѣленно, что не уполномочиваетъ ни къ какимъ выводамъ. Дальше Платонъ излагаетъ свою собственную теорію. Zeller, Ph. d. Gr. 309 пр., въ концѣ.

1344) Natorp, Forschungen. 200 f. Arch. f. G. d. Phil. 520 f.

1345) Parmen. 164, A, сл.

1346) Natorp, Arch. f. Gesch. d. Phil. 529 f.

Не трудно убѣдиться въ произвольности всѣхъ этихъ сближеній.

Замѣчаніе о множествѣ міровъ въ „Тимэѣ“ находитъ простое и естественное объясненіе въ Пиѳагорейскомъ міровоззрѣніи и не нуждается для своего истолкованія ни въ какихъ косвенныхъ намекахъ. Мы уже знаемъ, что Пиѳагорейцы приравнивали безпредѣльное дурному и опредѣленное благому [1347]). Поэтому всеблагой Зиждитель не могъ образовать безпредѣльнаго множества міровъ. Самое предположеніе такого множества, съ точки зрѣнія Пиѳагорейской космогоніи, нелѣпо; можно спорить лишь о томъ, одинъ міръ образованъ Зиждителемъ, или опредѣленное число. А этотъ вопросъ, какъ ставитъ на видъ Платонъ, самъ собою подсказывается предыдущимъ разсужденіемъ объ опредѣленномъ количествѣ основныхъ элементовъ [1348]). Платонъ находитъ болѣе правдоподобнымъ первое рѣшеніе, не навязывая его однако никому [1349]). Но если бы мы и захотѣли непремѣнно видѣть намекъ, то нѣтъ нужды подразумѣвать именно Демокрита. О безпредѣльномъ множествѣ міровъ училъ также и Анаксимандръ. Целлеръ, правда, отрицаетъ это [1350]), однако тексты настолько ясны [1351]), и самое это ученіе настолько согласно съ основнымъ положеніемъ Анаксимандра о безпредѣльности первоосновы, что для противоположнаго мнѣнія нѣтъ достаточной опоры. Взглядъ на удивленіе какъ основаніе философіи такъ глубоко коренится въ міровоззрѣніи Платона [1352]), что видѣть въ немъ намекъ на Демокрита можетъ кромѣ предвзятой мысли только незнаніе. Въ „Фэдонѣ“ Платонъ говоритъ не о „вихревомъ движеніи всленной“, а о томъ, что земля стоитъ вслѣдствіе окружающаго ее вихря. Ни о томъ, ни другомъ Демокритъ, на сколько мы знаемъ, не училъ [1353]). Если и можно упоминае-

---

1347) Выше, стр. 136.

1348) Выше, стр. 342, пр. 1329.

1349) Tim. 55, D: τὸ μὲν οὖν δὴ παρ' ἡμῶν ἕνα αὐτὸν κατὰ τὸν εἰκότα λόγον πεφυκότα μηνύει θεός, ἄλλος δὲ εἰς ἄλλα τῃ βλέψας ἕτερα δοξάσει. Выше, стр. 133, пр. 289—290.

1350) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 210 f.

1351) Euseb. Praep. Ev. I, 8, 1: (Ἀναξίμανδρόν φασι) τὸ ἄπειρου φάναι τὴν πᾶσαν αἰτίαν ἔχειν τῆς τοῦ παντὸς γενέσεως τε.... καὶ φθορᾶς. ἐξ οὗ δή φησι τούς τε οὐρανοὺς ἀποκεκρίσθαι καὶ καθόλου τοὺς ἅπαντας ἀπείρους ὄντας κόσμους ἀπεφήνατο δὲ τὴν φθορὰν γίνεσθαι καὶ πολὺ πρότερον τὴν γένε, σιν ἐξ ἀπείρου αἰῶνος ἀνακυκλουμένων πάντων αὐτων.... Hippol. Haeres. Rep. I, 11 Mill: οὗτος ἀρχὴν ἔφη των ὄντων φύσιν τινὰ τοῦ ἀπείρου, ἐξ ἧς γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς καὶ τοὺς ἐν αυτοῖς κόσμους, ταυτην δ' ἀΐδιον εἶναι καὶ ἀγήρω, ἣν καὶ πάντας περιέχειν τοὺς κόσμους

1352) Выше, стр. 50, сл. 55.

1353) Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 800. О вихревыхъ движеніяхъ Демокритъ говорилъ при объясненіи происхожденія, а не существованія, міроваго строя. Zeller, l. c. 794, 1. 798. 799, 3.

мое Платономъ ученіе относить къ кому либо изъ извѣстныхъ намъ философовъ, то къ Емпедоклу, который „заставлялъ землю стоять“ вслѣдствіе круговаго движенія неба[1354]). Характеристика въ „Законахъ“ подходитъ къ Демокриту только съ перваго взгляда, а ближайшій анализъ не оставляетъ сомнѣнія, что Платонъ въ ней не могъ имѣть въ виду Демокрита. Платонъ говоритъ о соединеніи качественно противоположныхъ тѣлъ—теплыхъ и холодныхъ, сухихъ и влажныхъ, мягкихъ и твердыхъ [1355]); по Демокриту атомы качественно одинаковы и разнятся только вѣсомъ, положеніемъ и фигурой [1356]). Характеристика у Платона различаетъ между прекраснымъ по природѣ и прекраснымъ по обычаю и отвергаетъ естественную справедливость [1357]). Демокритъ, хотя и противопоставлялъ природу и обычай, однако лишь при истолкованіи физическихъ явленій [1358]), и не только не отрицалъ естественной справедливости, а наоборотъ (вмѣстѣ съ Платономъ) психологически ее обосновывалъ [1359]). Напротивъ, указан-

---

1354) De Coelo II, 13, 295 a, 16: οἱ δ' ὥσπερ Ἐμπεδοκλῆς, τὴν τοῦ οὐρανοῦ φορὰν κύκλῳ περιθέουσαν καὶ θᾶττον φερομένην τὴν τῆς γῆς φορὰν κωλυειν, καθάπερ τὸ ἐν τοῖς ὑγροῖς ὕδωρ καὶ γὰρ τοῦτο κυκλῳ του ὑγροῦ φερομένου πολλάκις κάτω τοῦ χαλκοῦ γινόμενον ὅμως οὐ φέρεται κάτω πεφυκὸς φέρεσθαι διὰ τὴν αὐτὴν αἰτίαν.

1355) Leges, 889, B—C: τύχη δὲ φερόμενα τῇ τῆς δυνάμεως ἕκαστα ἐλάττων, ἢ ξυμπέπτωκεν ἁρμόττοντα οἰκείως πως, θερμὰ ψυχροῖς ἢ ξηρὰ πρὸς ὑγρὰ καὶ μαλακὰ πρὸς σκληρὰ καὶ πάντα ὁπόσα τῇ τῶν ἐναντίων κράσει κατὰ τύχην ἐξ ἀνάγκης συνεκεράσθη, ταύτῃ καὶ κατὰ ταῦτα οὕτως γεγεννηκέναι τόν τε οὐρανὸν ὅλον καὶ πάντα ὁπόσα κατ' οὐρανόν.

1356) Metaph. I, 4, 985 b, 15: τὰς διαφορὰς λέγουσιν εἶναι τρεῖς, σχῆμά τε καὶ τάξιν καὶ θέσιν διαφέρειν γὰρ φασι τὸ ὂν ῥυσμῷ καὶ τροπῇ μόνον· τουτων δὲ ὁ μὲν ῥυσμὸς σχῆμά ἐστιν, ἡ δὲ διαθιγὴ τάξις, ἡ δὲ τροπὴ θέσις. Остальныя свидѣтельства у Целлера, Ph. d. Gr. I^4, 773 f.

1357) Leges, 889, E: καὶ δὴ καὶ τὰ καλὰ φυσει μὲν ἄλλα εἶναι, νόμῳ δὲ ἕτερα· τὰ δὲ δίκαια οὐδ' εἶναι τὸ παράπαν φυσει, ἀλλ' ἀμφισβητουντας διατελεῖν ἀλλήλοις καὶ μετατιθεμένους ἀεὶ ταῦτα· ἃ δ' ἂν μετάθωνται καὶ ὅταν, τότε κυρια ἕκαστα εἶναι, γιγνόμενα τέχνῃ καὶ τοῖς νόμοις, ἀλλ' οὐδὲν τινι φυσει.

1358) Democr. ap. Sext. adv. Math. VII. 135. Pyrrh. I, 213, сл. Plut. adv. Colot. 8, 2 etc. (fr. ph I M.): νόμῳ γλυκὺ καὶ νόμῳ πικρόν, νόμῳ θερμόν, νόμῳ ψυχρόν, νόμῳ χροιή· ἐτεῇ δὲ ἄτομα καὶ κενόν. ἅπερ νομίζεται μὲν εἶναι καὶ δοξάζεται τὰ αἰσθητά, οὐκ ἔστι δὲ κατὰ ἀλήθειαν ταῦτα, ἀλλὰ τὰ ἄτομα μόνον καὶ κενόν. „Was Epiph. Exp. fid 1088, A unserem Philosophen nachsagt: er habe das geltende Recht verworfen und nur das naturliche anerkannt, die Gesetze fur eine schlechte Erfindung erklärt und gesagt, der Weise solle nicht den Gesetzen gehorchen, sondern frei leben, das ist offenbare Verdrehung. Den allgemeinen Gegensatz von νόμος und φυσις konnte eine Auslegekunst, wie sie in der späteren Zeit geubt wurde, allerdings schon in dem oben angefuhrten Ausspruch finden, so wenig er sich auch auf die burgerlichen Gesetze bezieht.“ Zeller, Ph. d. Gr. I^4, 772, 1. 833, 3.

1359) Stob. Ecl. II, 408 (fr. 118 M.): ὁ μὲν εὔθυμος (объ εὐθυμίη fr. 1—13 M. и Zeller, Ph. d. Gr. I^4, 827 f) εἰς ἔργα ἐπιφερόμενος δίκαια καὶ νόμιμα, καὶ ὑπαρ καὶ ὄναρ χαίρει τε καὶ ἔῤῥωσται καὶ ἀναμιδὴς ἐστι· ὃς δ' ἂν δίκης ἀλογέῃ καὶ τὰ χρηέοντα μὴ ἔρδῃ, τούτῳ πάντα τὰ τοιαδε

ное Платономъ различеніе точно совпадаетъ съ ученіемъ Архелая и Гиппія [1360]). Платонъ говоритъ о правѣ сильнаго какъ высшемъ нравственномъ принципѣ [1361]), а Демокритъ предостерегалъ отъ излишествъ [1362]) и призывалъ къ исполненію долга, справедливости и законности [1363]). Право сильнаго было во время Платона общепризнанной истиной [1364]). Изъ извѣстныхъ намъ лицъ его возводили въ принципъ Ѳрасимахъ, Полъ и Калликлъ у Платона и устами своихъ героевъ Еврипидъ [1365]). Ученіе о томъ, что боги существуютъ вслѣдствіе искусства и законовъ [1366]), напоминаетъ взглядъ Демокрита на божества какъ олицетворенныя силы природы [1367]), но еще ближе оно къ ученію Критія, возвѣщенному къ тому же съ театраль-

---

ἀτερπέα ἐστί, ὅταν του ἀναμνησθῇ, καὶ δέδοικε καὶ ἑωυτὸν κακίζει. Оттого ἀγαθὸν οὐ τὸ μὴ ἀδικέειν ἀλλὰ τὸ μηδὲ ἐθέλειν (Stob. Flor. IX, 31 fr. 109 M), δίκης κῦδος γνώμης θάρσος καὶ ἀθαμβίη, ἀδικίης δὲ δεῖμα ξυμφορῆς τέρμα (Stob. Flor. VII, 32 fr. 111 M), μηδέν τι μᾶλλον (δεῖ) τοὺς ἀνθρώπους αἰδέεσθαι ἑωυτοῦ, μηδέ τι μᾶλλον ἐξεργάζεσθαι κακόν, εἰ μέλλει μηδεὶς εἰδήσειν, ἢ εἰ πάντες ἄνθρωποι· ἀλλ' ἑωυτὸν μάλιστα αἰδέεσθαι καὶ τοῦτον νόμον τῇ ψυχῇ κατιστάναι, ὥστε μηδὲν ποιέειν ἀνεπιτήδειον. (Stob. Flor. XLVI, 46 fr. 100 M.) и проч. Таже точка зрѣнія у Платона въ „Горгіи“ и „Государствѣ“.

1360) Archel. ap. Diog. Laert. II, 17: ἔλεγε... καὶ τὸ δίκαιον εἶναι καὶ τὸ αἰσχρὸν οὐ φύσει ἀλλὰ νόμῳ. Xenoph. Memor. IV, 4, 14: καὶ ὁ Ἱππίας, Νόμους δ' ἔφη, ὦ Σώκρατες, πῶς ἂν τις ἡγήσαιτο σπουδαῖον πρᾶγμ' εἶναι ἢ τὸ πείθεσθαι αὐτοῖς, οὓς γε πολλάκις αὐτοὶ οἱ θέμενοι ἀποδοκιμάσαντες μετατίθενται.

1361) Leges, 890, A: ταῦτ' ἔστιν, ὦ φίλοι, ἅπαντα ἀνδρῶν σοφῶν παρὰ νέοις ἀνθρώποις, ἰδιωτῶν τε καὶ ποιητῶν, φασκόντων εἶναι τὸ δικαιότατον ὅτι τις ἂν νικᾷ βιαζόμενος.

1362) Всѣ вообще фрагменты περὶ μετρίης τέρψιος καὶ βίου ξυμμέτρου.

1363) Кромѣ привед. въ пр. 1359, Stob. Flor. V, 23 (fr. 189, M.): νόμῳ καὶ ἄρχοντι καὶ σοφωτέρῳ εἴκειν κόσμιον. Ibid. XLVI (fr. 194 M.): δίκης καὶ ἀρετῆς μεγίστην μετέχει μοῖραν ὁ τιμᾶς ἀξίας τάμνων. Ibid. XLIII, 33 (fr. 197 M.): ὁ νόμος βουλεται μὲν εὐεργετέειν βίον ἀνθρωπων· δύναται δέ, ὅταν αὐτοὶ βουλωνται πάσχειν· τοῖσι γὰρ πειθομένοισι τὴν ἰδίην ἀρετὴν ἐνδείκνυται. Всѣ вообще фрагменты περὶ νόμων καὶ πολιτείης. Въ fr. 19 M. (Stob. Flor. XLVII, 19): φυσι τὸ ἄρχειν οἰκήϊον τῷ κρέσσονι подъ κρέσσονι, судя по общему духу всей Демокритовой этики, мы должны подразумѣвать не сильнѣйшаго, а наилучшаго.

1364) De Rep. 358, D. Gorg. 492, D. Подробныя доказательства въ „Греч. Соф.“ 63, сл. Тамъ же гл. V.

1365) О Ѳрасимахѣ De Rep. 336, B, сл.; о Полѣ Gorg. 461, C, сл.; о Калликлѣ ibid. 483, B, сл.; объ Еврипидѣ „Греч. Соф.“ 82, сл. См. также гл. V.

1366) Leges, 889, E: Θεους, ὦ μακάριε, εἶναι πρώτον φασιν οὐτοι τέχνῃ, οὐ φύσει, ἀλλά τισι νόμοις, καὶ τουτους ἄλλους ἄλλῃ ὅπῃ ἕκαστοι ἑαυτοῖσι συνωμολόγησαν νομοθετουμενοι.

1367) Clemens, Cohort., VI, 59 Pott: ὅθεν οὐκ ἀπεικότως ὁ Δημόκριτος τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγους φησὶν ἀνατείναντας τὰς χεῖρας ἐνταῦθα ὃν νῦν ἠέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες πάντα Δία μυθέεσθαι, καὶ πάντα οὗτος οἶδεν καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων. Sext. Emp. adv. Math. IX, 24: ὁρῶντες γάρ, φησὶν ὁ Δημόκριτος, τὰ ἐν τοῖς μετεώροις παθήματα οἱ παλαιοὶ τῶν ἀνθρωπων, καθάπερ βροντὰς καὶ ἀστραπάς, κεραυνους τε καὶ ἄστρων συνόδους, ἡλίου τε καὶ σελήνης ἐκλείψεις ἐδειματοῦντο, θεοὺς οἰόμενοι τουτων αἰτίους εἶναι.

ной сцены и потому всѣмъ извѣстному [1368]). Платонова характеристика имѣетъ значеніе общей картины; отыскивать въ ней чей либо единичный портретъ мы въ правѣ тѣмъ менѣе, что, по словамъ самого Платона, излагаемые имъ взгляды распространяютъ многіе, „поэты и не поэты“ [1369]). Высказанное въ „Фэдонѣ“ Кебесомъ опасеніе, что душа по разлученіи съ тѣломъ можетъ разсѣяться „какъ дуновеніе или дымъ“ тожественно съ ученіемъ Демокрита [1370]). Но видѣть намекъ на этого философа нѣтъ достаточнаго основанія, такъ какъ взглядъ на душу какъ воздухъ былъ общераспространеннымъ. Довольно указать на ученія Анаксимена и Діогена изъ Аполлоніи [1371]). Впрочемъ, мѣтилъ-ли Платонъ въ Демокрита или нѣтъ, достовѣрно во всякомъ случаѣ, что онъ только что названнаго опасенія нигдѣ не „осмѣиваетъ“. Что подъ матеріалистами въ „Софистѣ“ и „Θеэтетѣ“ слѣдуетъ подразумѣвать не атомистовъ, а Циниковъ, было уже доказано [1372]). Равнымъ образомъ было выяснено и то, что ученіе Платона о матеріи и элементахъ находитъ основаніе въ Пиѳагорейскомъ ученіи [1373]). Объяснять (вмѣстѣ съ Наторпомъ) проводимый въ „Θеэтетѣ“ взглядъ на опредѣляющее значеніе пространства воздѣйствіемъ Демокрита нельзя уже потому, что никѣмъ (не исключая и самого Наторпа), не выяснено, какимъ образомъ могъ Демокритъ на свое пустое „неопредѣленное“ пространство [1374]) смотрѣть какъ на принципъ опредѣленности и порядка. Нравственная теорія въ „Филебѣ“, какъ мы уже знаемъ, принадлежитъ Цникамъ [1375]). Ученіе о чувственныхъ качествахъ въ „Θеэтетѣ“ и „Тимэѣ“, какъ тоже было выяснено, выработалось изъ

1368) Ученіе это было изложено Критіемъ въ трагедіи „Сисифъ“. Значительный отрывокъ изъ нея сохраненъ Секстомъ Емпир. adv. Math. IX, 54. Отрывокъ приведенъ (въ переводѣ) въ „Греч. Соф.“ 76.

1369) См. прим. 1361.

1370) Stob. Ecl. I, 924: δῆλόν που τοῦτο ὅτι ἔξεισι μὲν ἀπὸ τοῦ σώματος, ἐν δὲ τῷ ἐκβαίνειν διαφορεῖται καὶ διασκεδάννυται, ὥσπερ Δημόκριτος καὶ Ἐπίκουρος ἀποφαίνονται.

1371) Anaxim. in Plac. I, 3, 6 (Stob. Ecl. I, 296): οἷον ἡ ψυχὴ ἡ ἡμετέρα ἀὴρ οὖσα συγκρατεῖ ἡμᾶς и пр. Diog. Apoll. ap. Simpl. Phys. 32 v, 152, 18 Diels.: ἄνθρωποι γὰρ καὶ τὰ ἄλλα ζῷα ἀναπνέοντα ζώει τῷ ἀέρι. καὶ τοῦτο αὐτοῖς καὶ ψυχὴ ἐστι καὶ νόησις.... ναὶ ἐὰν τοῦτο ἀπαλλαχθῇ, ἀποθνήσκει καὶ ἡ νόησις ἐπιλείπει.

1372) Выше, стр 287, сл.

1373) Выше, стр. 136, сл. 140, сл.

1374) Simpl. De Coelo, 133 a, 8 (488 a, 18 Brand.): Δημόκριτος.... προσαγορεύει... τὸν μὲν τόπον τοῖσδε τοῖς ὀνόμασι, τῷ τε κενῷ καὶ τῷ οὐδενὶ καὶ ἀπείρῳ и проч.

1375) Выше, стр. 332, сл.

ученія Емпедокла [1376]). Въ „Парменидѣ“ понятіе атома предносится Наторпу исключительно потому, что, по Платону, предположеніе о несуществованіи единства необходимо должно повести къ взгляду на всякую малую часть какъ состоящую изъ безчисленнаго множества малыхъ частей. Ясно однако, что если бы и не было Демокрита, Платонъ не могъ бы сказать въ этомъ случаѣ ничего иного. Наконецъ, ученіе въ „Софистѣ“ о небытіи, какъ поясняетъ самъ Платонъ, выработано діалектическимъ анализомъ ученія Парменида [1377]).

Только что приведенныя сопоставленія Наторпъ подтверждаетъ другими, впрочемъ, еще болѣе сомнительными. Входить въ ихъ анализъ необходимо тѣмъ менѣе, что, по Наторпу, Платонъ своимъ отношеніемъ къ Демокриту несетъ послѣднему дань уваженія, такъ какъ идетъ съ нимъ изначала по одному и тому же пути. Именно потому онъ нигдѣ и не называетъ его по имени, что принялъ значительнѣйшіе элементы его ученія въ свою собственную систему, предварительно углубивъ ихъ; онъ называетъ обыкновенно лишь тѣхъ, съ кѣмъ борется [1378]).

Относился-ли Платонъ къ Демокриту съ уваженіемъ или нѣтъ, намъ неизвѣстно. Но честь открытія, что оба эти философа стояли изначально и во всемъ своемъ міровоззрѣніи (а не только въ области нравственной) на одномъ и томъ же пути, всецѣло принадлежитъ Наторпу. До сихъ поръ обыкновенно разсматривали какъ противоположности механическій атомизмъ и телеологію, господство слѣпой необходимости и господство Разума, взглядъ на міръ какъ совокупность безжизненныхъ атомовъ и какъ на живой одушевленный организмъ. Теперь оказывается, что всѣ эти противоположности примиряются въ высшемъ единствѣ „гевристическаго метода“—въ желаніи отстоять предвзятую мысль не взирая ни на какія противопоказанія фактовъ и логики. Читая какъ эти анализы Наторпа, такъ и другіе принадлежащіе ему или ему подобнымъ, нельзя не придти къ взгляду, что германская критика въ истолкованіи древней греческой философіи исчерпала свою силу. Вмѣсто привычной глубины и основательности мы теперь повсюду видимъ произвольныя обобщенія и парадоксы.

1376) Выше, стр. 199, сл.

1377) Soph. 237, A. 259, C, сл.

1378) Natorp, Arch. f. Gesch. d. Phil. III, 4, 530 f.

Причину, по которой Платонъ нигдѣ не говоритъ о Демокритѣ, мы должны искать въ особенностяхъ его метода. Онъ занимается лишь тѣми воззрѣніями, которыхъ анализъ можетъ быть плодотворнымъ [1379]). Но атомистика по своему основному принципу совершенно безплодна; а кромѣ этого принципа она не можетъ указать ничего, что-бы не было глубже обосновано другими.

11. *Друзья идей.* Остается разсмотрѣть отношеніе Платона къ своему ученію, чтобы на самомъ яркомъ примѣрѣ выяснить, могъ ли онъ вслѣдствіе сознанія превосходства собственной системы вольно или невольно представить несогласныя съ нею воззрѣнія достойными осужденія или посмѣянія.

Критикой собственнаго ученія Платонъ занимается въ „Филебѣ", „Парменидѣ" и „Софистѣ".

Основное ученіе Платона—предположеніе о существованіи идей. Идея съ онтологической стороны—истинно сущее вѣчное бытіе, всегда себѣ тожественное, не возникающее, не преходящее и неизмѣняющееся, единое въ безконечно многомъ, родъ и видъ каждой вещи, причина, чрезъ участіе въ которой существуютъ вещи; съ телеологической, эстетической и нравственной—совершенное, всеблагое и прекрасное бытіе, образецъ всѣхъ вещей, идеалъ, къ которому онѣ стремятся; съ гносеологической—вполнѣ адэкватный объектъ совершеннаго знанія; съ психологической и логической—то, что̀ утверждается о видѣ, идетъ отъ многихъ ощущеній и собирается во едино мышленіемъ [1380]).

Однако (спрашиваетъ самъ Платонъ), на самомъ ли дѣлѣ существуютъ такія идеи или монады? И если существуютъ, то что̀ думать объ ихъ отношеніи къ вещамъ? Должны ли мы допустить, что единая и вѣчная идея разбита и разсѣяна въ безграничномъ множествѣ возникающихъ и преходящихъ вещей? Или должны успокоиться на совершенной нелѣпицѣ, что идея существуетъ полностью внѣ себя и въ себѣ самой и при томъ въ тожествѣ съ собой? [1381]).

1379) Выше, стр. 44, сл. 182, сл. 188, сл.

1380) Доказательства выше, стр. 47, сл. 53. 67. 70, сл. 111. 119, сл. 133, сл. 143, сл 153. 178, сл. 192. 208, сл.

1381) Phileb. 15, B—C: περὶ τούτων τῶν ἑνάδων καὶ τῶν τοιούτων ἡ πολλὴ σπουδὴ μετὰ διαιρέσεως ἀμφισβήτησις γίγνεται и пр.

Предположеніе объ участіи вещей въ идеяхъ не выясняетъ вопроса. Если каждая вещь есть то, что̀ есть, вслѣдствіе участія въ соименной идеѣ, то это участіе должно быть понимаемо либо такъ, что идея цѣлостью заключается въ каждой вещи, либо такъ, что каждая вещь имѣетъ въ себѣ часть идеи. Ни первое, ни второе не возможно. Цѣлостью идея не можетъ заключаться въ каждой вещи потому, что въ этомъ случаѣ единая идея должна одновременно существовать въ разныхъ мѣстахъ. Предположеніе же о томъ, что каждая вещь заключаетъ часть идеи, ведетъ къ ряду нелѣпыхъ заключеній. Во первыхъ, при такомъ предположеніи идея, вопреки своему опредѣленію, должна быть дѣлима и потому не едина. Во вторыхъ, если каждая вещь велика вслѣдствіе того, что имѣетъ въ себѣ часть великаго по себѣ, то выходитъ, что все великое велико вслѣдствіе участія въ томъ, что меньше великаго (такъ какъ часть меньше цѣлаго). Точно также, если каждая вещь получаетъ малую часть равенства, то имѣя въ себѣ то, что̀ меньше равенства, она не можетъ быть равна ничему. Наконецъ, если вещи малы вслѣдствіе того, что имѣютъ въ себѣ часть малаго по себѣ, то малое вообще окажется бо́льшимъ (такъ какъ малое по себѣ должно быть больше своей части), и на оборотъ, окажется не большимъ, а меньшимъ, чѣмъ прежде то, къ чему прилагается эта часть. Но если идея не можетъ заключаться въ вещахъ ни цѣлостью, ни частью, то участіе вещей въ идеѣ невозможно [1382]).

Не меньшія затрудненія возникаютъ и при обсужденіи психологическаго основанія идеологіи. Предположеніе о существованіи единой идеи для каждаго ряда вещей произошло потому, что при наблюденіи сходныхъ вещей въ душѣ возникаетъ общій имъ всѣмъ образъ, который и есть идея. Но если эту идею сравнить съ тѣми вещами, которыя ее вызвали, то вслѣдствіе сходства между идеей и вещами должна возникнуть общая для нихъ новая идея, для этой идеи и первыхъ двухъ еще новая идея и такъ далѣе до безконечности. Поэтому для каждой вещи должна существовать не единая идея, а безконечное множество идей [1383]).

[1382]) Parmen. 130, A—131, E

[1383]) Ibid. 132, A—B.

Затрудненіе не устраняется и предположеніемъ, что идеи—только наши мысли и существуютъ лишь въ нашей душѣ. Всякая мысль есть мысль о чемъ нибудь существующемъ; мысля объ идеѣ, мы мыслимъ о томъ единомъ, вѣчномъ и тожественномъ, что̀ существуетъ во всѣхъ тѣхъ вещахъ, которыя подъ идеей мыслятся; но это мыслимое подъ идеей и есть идея. Сверхъ того, если идеи—мысли, а единичныя вещи существуютъ вслѣдствіе участія въ идеяхъ, то необходимо допустить одно изъ двухъ: либо что все состоитъ изъ мыслей и все поэтому мыслитъ, либо что все—безсмысленная мысль [1384]).

Отношеніе вещей къ идеямъ не можетъ быть объяснено и тѣмъ, что идеи—первообразы вещей, а вещи ихъ подобія. Если вещь подобна идеѣ, то идея должна быть подобна вещи. Въ такомъ случаѣ для каждой идеи и сходной съ ней вещи должна быть новая идея, отъ которой идея и вещь получаютъ сходство, и такъ далѣе безъ конца [1385]).

Къ тому же, если идеи—первообразы вещей, а вещи подобія этихъ первообразовъ, то какъ съ совершенствомъ идей примирить существованіе вещей несовершенныхъ? Должны ли мы признавать идеи не только для благого, прекраснаго, справедливаго, но даже и для такихъ вещей, какъ столы, волоса, навозъ? [1386]).

Сколь ни велики эти затрудненія, они маловажны въ сравненіи съ тѣмъ, что (вопреки гносеологическому основанію идеологіи) опровергнуть того, кто сталъ бы доказывать непознаваемость идей, возможно лишь въ томъ случаѣ, если сомнѣвающійся будетъ обладать большою опытностью, большими способностями и приложитъ къ своему доказательству большое стараніе. Если идеи самобытны, то не могутъ существовать въ насъ, если такъ, то онѣ не имѣютъ къ нашимъ вещамъ никакого отношенія. Отношеніе возможно лишь между существами однородными: идеи относятся къ идеямъ, вещи къ вещамъ. Люди могутъ быть господами и рабами; но какъ господинъ не есть господинъ раба по себѣ, а только — раба человѣка, такъ и рабъ не можетъ имѣть господиномъ господина по себѣ, а только—господина человѣка. Напротивъ, господ-

---

1384) Ibid. 132, B—C.
1385) Ibid. 132, D—133, A.
1386) Ibid. 130, B—E.

ство по себѣ господствуетъ надъ рабствомъ по себѣ, а рабство по себѣ имѣетъ надъ собою господство по себѣ. Идея знанія по себѣ имѣетъ предметомъ истину по себѣ; идеи каждаго частнаго знанія по себѣ имѣютъ предметомъ отдѣльные виды сущаго по себѣ. Наше знаніе имѣетъ предметомъ нашу истину; наше частное знаніе—сущія у насъ вещи. Мы не имѣемъ въ себѣ идеи знанія; поэтому мы не можемъ знать идей. Такимъ образомъ истинное, благое и прекрасное по себѣ для насъ непознаваемо [1387]).

Съ этимъ трудно примириться, но еще труднѣе примириться съ тѣмъ, что, при предположеніи идей, Богъ не долженъ имѣть возможности ни познавать человѣческихъ вещей, ни надъ ними властвовать. Если кому и свойственна идея знанія, то конечно Богу; но такъ какъ идеи имѣютъ отношеніе лишь къ идеямъ, а вещи лишь къ вещамъ, то ясно, что подобно тому какъ мы своимъ знаніемъ не способны познавать божественнаго и своею властью надъ нимъ властвовать, точно также и Богъ своей идеей знанія не способенъ познавать человѣческихъ вещей и своею властью надъ ними властвовать. Такое предположеніе было бы однако черезъ чуръ страннымъ [1388]).

Впрочемъ, если бы мы и доказали истину гносеологическаго основанія идеологіи, то этимъ доказательствомъ приготовили бы себѣ новое затрудненіе. Прежде всего, мы должны были бы отвергнуть ученіе о неизмѣняемости и неподвижности идей. Познавать—значитъ дѣйствовать; быть познаваемымъ — значитъ испытывать дѣйствіе, а то, что̀ испытываетъ дѣйствіе, измѣняется и потому движется. Если истинно сущее познаваемо, оно не можетъ быть неподвижнымъ. Да и вообще, возможно ли допустить, что бы совершенное бытіе не имѣло разума и жизни, или же что имѣя разумъ и жизнь не имѣло души? Но то, что̀ одушевлено, не можетъ быть безъ движенія [1389]).

Безусловное отрицаніе движенія уничтожаетъ знаніе точно такъ же, какъ и признаніе безусловной подвижности сущаго. „Но противъ того, кто̀ уничтожаетъ науку, знаніе и разумѣніе, и однако-же утверждаетъ что̀ либо о чемъ нибудь, необходимо бороться всѣми доводами. Поэтому для философа и всякаго, кто особенно цѣнитъ зна-

---

[1387]) Ibid. 133, A—134, C

[1388]) Ibid. 134, D—E

[1389]) Soph. 248, D, сл. Выше. стр. 178.

ніе, повидимому, совершенно необходимо не принимать стоящей вселенной ни отъ тѣхъ, которые учатъ объ единомъ сущемъ, ни отъ тѣхъ, которые говорятъ о многихъ идеяхъ, а тѣхъ, которые двигаютъ сущее всѣми способами, даже вовсе не слушать, но подобно тому какъ желаютъ дѣти, чтобы все было неподвижно и двигалось, признавать бытіе и вселенную вмѣстѣ и недвижимой и подвижной“ [1390]).

Однако, если движеніе и покой существуютъ, то они должны быть отличными отъ сущаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ покой долженъ былъ бы двигаться, а движеніе остановиться; если же бытіе не есть ни движеніе, ни покой, а нѣчто третье, отъ обоихъ отличное, то оно не должно ни двигаться, ни покоиться. Но то, что̀ не двигается, какъ можетъ не покоиться, а то, что̀ не покоится, какъ можетъ не двигаться? [1391]).

Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни подошли къ ученію объ идеяхъ,—съ онтологической, психологической, телеологической, гносеологической—мы каждый разъ впутываемся въ затрудненія. Съ другой стороны, если мы не признаемъ идей, то впутаемся въ еще большія несообразности, такъ какъ не будемъ имѣть объекта знанія и уничтожимъ возможность діалектики [1392]).

Всѣ эти критическія замѣчанія очень характерны для Платона. Никакого другаго изъ разсмотрѣнныхъ имъ ученій онъ не сокрушаетъ съ такою силой, какъ свое собственное. Доводы, которыми впослѣдствіи Аристотель и софистъ Полиидъ громили Платонову идеологію [1393]), взяты изъ приготовленнаго самимъ Платономъ запаса.

Какъ это необычайное на нашъ взглядъ отношеніе къ собственному ученію, такъ и то, что Аристотель не только нигдѣ не говоритъ о критикѣ Платономъ идеологіи, но и прямо отрицаетъ, что онъ обсуждалъ вопросъ объ участіи вещей въ идеяхъ [1394]), наконецъ

1390) Ibid. 249, C—D.

1391) Ibid. 250, D.

1392) Parmen. 135, A—B.

1393) Объ Аристотелевой полемикѣ противъ Платона Zeller, Platonische Studien, Tüb. 1839, 199 f. Ph. d. Gr. II b^3, 292 f. Brandis, Aristoteles, II b, 2, 612 f. Ravaison, Essai sur la Métaphysique d'Aristote, Paris, 1837, I, 279 sq Fouillée Philosophie de Platon II^2, l. I. Cazac, Polemique d'Aristote contre la théorie platonicienne des Idées, 3-me éd. Tarb. 1891. О Полиидѣ Alex. ad Metaph. 62, 20. Bon. Prantl, Gesch. d. Logik im Abendlande, I, Leipz. 1855, 18, 50.

1394) Metaph. I, 6, 987 b, 13: τὴν μέντοι γε μέθεξιν ἢ τὴν μίμησιν, ἥ τις ἂν εἴη τῶν εἰδῶν, ἀφεῖσαν ἐν κοινῷ ζητεῖν.

несоотвѣтствіе философскаго и художественнаго построенія „Филеба“, „Парменида“ и „Софиста“ предполагаемой общей схемѣ Платоновой философіи, даютъ основанія Зохеру, Ибервегу, Шааршмидту, а за ними и другимъ критикамъ, [1395]) отрицать принадлежность трехъ названныхъ діалоговъ Платону. Въ вопросѣ о подлинности „Софиста“ и „Филеба“ Ибервегъ колеблется, а доказательство подложности „Парменида“ обостряетъ замѣчаніемъ, что въ этомъ діалогѣ противъ идеологіи выставленъ между прочимъ аргументъ τρίτος ἄνθρωπος, которому Аристотель въ полемикѣ съ Платономъ придаетъ большой вѣсъ, не ссылаясь однако на принадлежность его Платону, и что поэтому, если признать „Парменида“ не подложнымъ, мы вынуждены будемъ обвинять Аристотеля въ плагіатѣ, но такое обвиненіе было бы не совмѣстно ни съ нравственными качествами, ни съ діалектическимъ богатствомъ Аристотеля [1396]).

Однако, въ критикѣ Платономъ собственнаго ученія не только нѣтъ ничего страннаго, а наоборотъ, такая критика (какъ уже было выяснено [1397]) методологіей Платона необходимо предполагается. Кто убѣжденъ такъ твердо, какъ Платонъ, не только въ томъ, что истина имѣетъ полное и совершенное бытіе, но и въ томъ, что она познаваема (насколько вообще способенъ ее вмѣстить нашъ умъ [1398]), кто сверхъ того путь къ ея постиженію видитъ въ непрерывномъ недоумѣніи и удивленіи [1399]), тотъ не станетъ обходить встрѣчающихся на этомъ пути затрудненій, а напротивъ будетъ ихъ старательно отыскивать, такъ какъ они открываютъ новыя точки зрѣнія и новыя опоры для изслѣдованія. Только легковѣріе можетъ успокоиться на готовомъ рѣшеніи основныхъ вопросовъ [1400]); для философа вѣчно подвижная діалектика мысли— „безсмертное и нестарѣющее свойство нашего разума, которое не теперь появилось и пусть никогда не прекратится“ [1401]). Длиненъ или кратокъ путь изслѣдованія—дѣло второстепенное; важенъ самый

1395) Socher, Ueber Platon's Schriften, 258. Ueberweg, Untersuchungen uber die Echtheit etc. 176 f. Schaarschmidt, Sammlung etc. 160 f. Подробныя справки у Zeller'a, Ph. d. Gr. II a⁴, 475, 2

1396) Ueberweg, Untersuchungen, 181.

1397) Выше, стр. 47, сл.

1398) Выше, стр 47. 67. 70. 182.

1399) Выше, стр. 49, сл.

1400) De Rep. 504, C. Выше, стр 48.

1401) Phileb. 15, D. Выше, стр. 152.

методъ, который тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе изобрѣтательнымъ и способнымъ къ діалектикѣ дѣлаетъ слушателя [1402]).

Впрочемъ, если бы и было затруднительно признать, что Платонъ могъ низвергать то ученіе, въ основной истинѣ котораго былъ твердо убѣжденъ, то ничто не мѣшало бы (вмѣстѣ съ Гротомъ, Гирцелемъ. Джэксономъ и другими [1403]) предположить, что „Софистъ", „Филебъ" и „Парменидъ" написаны Платономъ въ то время, когда относительно этого ученія у него начали возникать сомнѣнія. Но такое предположеніе тѣмъ менѣе необходимо, что всѣ намѣченныя въ этихъ діалогахъ апоріи примиряются въ высшемъ синтезѣ Платоновой философіи — въ ученіи о нераздѣльномъ единствѣ тожественнаго и иного или духа и матеріи, идеальнаго и реальнаго, единаго и многаго, пребывающаго и подвижнаго [1404]).

Еще меньше свидѣтельствуютъ противъ подлинности названныхъ діалоговъ заявленіе и молчаніе Аристотеля. Если судить по Аристотелю, то Платонъ не признавалъ идей отношеній, отрицаній и произведеній искусствъ [1405]), не училъ объ идеяхъ какъ цѣляхъ бытія и происхожденія [1406]) и нигдѣ не пояснилъ, кто уподобилъ вещи идеямъ [1407]). Между тѣмъ объ идеяхъ отношеній и отрицаній Платонъ говоритъ въ „Фэдонѣ" и „Софистѣ", объ идеяхъ произведеній искусствъ — въ „Государствѣ" и „Кратилѣ" [1408]), объ идеяхъ какъ цѣляхъ бытія и бываніе въ „Фэдонѣ", „Филебѣ" и „Государствѣ" [1409]), а уподобленіе вещей идеямъ подробно объясняетъ въ „Тимэѣ" творческою дѣятельностью Зиждителя [1410]): На всѣ эти діалоги Аристо-

---

1402) Polit. 286, D—E. οὔτε γὰρ πρὸς τὴν ἡδονὴν μήκους ἁρμόττοντος οὐδὲν προσδεησόμεθα. πλὴν εἰ μὴ πάρεργον τι· τό τ' αὖ πρὸς τὴν τοῦ προβληθέντος ζήτησιν, ὡς ἂν ῥᾷστα καὶ τάχιστ' εὑρεθῇ μεν, δεύτερον ἀλλ' οὐ πρῶτον ὁ λόγος ἀγαπᾶν παραγγέλλει, πολὺ δὲ μάλιστα καὶ πρῶτον τὴν μέθοδον α τὴν τιμᾶν τοῦ κατ' εἴδη δυνατὸν εἶναι διαιρεῖν, καὶ δὴ καὶ λόγον, ἂν τε παμμήκης λεχθεὶς τὸν ἀκούσαντα εὐρετικώτερον ἀπεργάζηται, τοῦτον σπουδάζειν καὶ τῷ μήκει μηδὲν ἀγαναιτεῖν, ἂν τ' αὖ βραχύτερὸς, ωσαύτως.

1403) Выше, стр. 289, пр. 1019.

1404) Выше, стр. 181, сл.

1405) Metaph I, 9, 990 b, 11 сл. 22. 991 b, 6 XIII, 4, 1079 a. 19. 8, 1084 a, 27. Anal. post. I, 24, 85 b, 18.

1406) Metaph. I. 7, 988 b, 6. 9, 992 a, 29.

1407) Metaph., ibid. 991 a, 22.

1408) Доказательства у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4], 700, 6. 701, 1.

1409) Выше, стр. 208. сл. 294, сл.

1410) Tim 29, E, сл. Выше, стр. 210.

тель ссылается [1411]). Поэтому ложное истолкованіе имъ Платонова ученія мы должны объяснить либо намѣреннымъ искаженіемъ, либо небрежностью. Первое предположеніе не можетъ быть доказано; съ примѣрами Аристотелевой небрежности мы уже встрѣчались [1412]).

Небрежностью мы должны объяснить и то, почему Аристотель не говоритъ о принадлежности аргумента τρίτος ἄνθρωπος Платону. Ибервегъ, придавая указанію на плагіатъ рѣшающее значеніе, упускаетъ изъ виду, что τρίτος ἄνθρωπος совершенно ясно намѣченъ въ „Государствѣ“ и „Тимэѣ“. Аргументъ этотъ состоитъ въ томъ, что если двѣ сходныя вещи необходимо предполагаютъ идею, то эта идея и сходныя съ ней вещи въ свою очередь должны предполагать идею и т. д. безъ конца [1413]). Въ „Государствѣ“ Платонъ доказываетъ, что Богъ могъ создать только одну идеальную скамью, „такъ какъ если бы онъ создалъ двѣ, то появилась бы вновь одна, которой тѣ двѣ имѣли бы видъ, и истинно сущей скамьей была бы та единая скамья, а не эти двѣ“ [1414]). А въ „Тимэѣ“ на поставленный имъ самимъ вопросъ: правильнѣе-ли предполагать единый міръ, или безпредѣльное множество, онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Единый, если только онъ построенъ по образцу. То, что содержитъ въ себѣ всѣ умопостигаемыя животныя, не можетъ существовать какъ второе при другомъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ должно было бы существовать еще другое животное, обнимающее собою тѣ два, какъ ихъ части, и тогда было бы правильнѣе сказать, что міръ устроенъ не на подобіе ихъ, а на подобіе того, которое ихъ обнимаетъ“ [1415]). Если подлинность „Парменида“ бросаетъ тѣнь на нравственныя качества Аристотеля, то точно тоже должно сказать и о подлинности „Государства“ и „Тимэя“. Однако принадлежность этихъ двухъ діалоговъ Платону внѣ всякаго сомнѣнія.

Обсуждать доказательства, построенныя на несоотвѣтствіи „Софиста“, „Филеба“ и „Парменида“ предполагаемой общей схемѣ Платоновыхъ діалоговъ, нѣтъ надобности, такъ какъ существованіе та-

---

1411) Доказательства у Целлера, Ph. d. Gr. II a[4], 455 f. Bonitz, Index. Aristot. 518.

1412) Выше, стр. 158. 201. 299, сл.

1413) Alex. ad Metaph. I, 9, 990 b, 15. 1509 b, 3 Brand. Въ „Парменидѣ“ онъ приведенъ дважды: 132, A—B. 132, D—133, A. Выше, стр. 350, сл.

1414) De Rep. 597, C.

1415) Tim. 31, A—B.

кой схемы до сихъ поръ еще никѣмъ не поставлено внѣ сомнѣнія [1416]), а входить въ анализъ „Платоническаго чутья“ каждаго изъ критиковъ было бы для даннаго вопроса безплоднымъ. По изложеннымъ во второй главѣ настоящаго труда принципамъ, подлинность разсматриваемыхъ трехъ діалоговъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

12. *Выводы.* Анализъ въ настоящей главѣ уполномочиваетъ относительно свидѣтельствъ Платона о философахъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Всѣ вообще фактическія свѣдѣнія о философахъ, сообщаемыя разговаривающими лицами у Платона, вполнѣ соотвѣтствуютъ исторической истинѣ. Точно также соотвѣтствуютъ ей и предлагаемыя этими лицами характеристики.

2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда Платонъ дѣлаетъ выразителями своего міровоззрѣнія другихъ философовъ, онъ неизмѣнно остается вѣрнымъ не только общему духу ученія каждаго изъ нихъ, но и характернымъ и знаменательнымъ ихъ воззрѣніямъ, а изъ своихъ связываетъ съ послѣдними лишь тѣ, которыя стоятъ съ ними въ необходимой и неразрывной исторической и логической связи, и никогда не влагаетъ въ уста этимъ философамъ того, что не совмѣстно съ ихъ ученіемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заставляетъ философовъ излагать ихъ собственное ученіе, онъ ни въ чемъ не отступаетъ отъ исторической истины.

3) Мнѣніе, что Платонъ передаетъ чужія воззрѣнія въ категоріяхъ собственной системы, правильно только въ первомъ изъ указанныхъ случаевъ и не оправдывается во второмъ. Взглядъ, что онъ выводитъ однихъ лицъ подъ именами другихъ, долженъ быть отвергнутъ какъ ничѣмъ недоказанный.

4) Въ критикѣ философскихъ ученій Платонъ не сходитъ съ почвы ихъ основныхъ предположеній и дѣлаетъ изъ этихъ послѣднихъ лишь тѣ выводы, которые изъ нихъ непосредственно слѣдуютъ, а съ точки зрѣнія своихъ теорій разсматриваетъ только положенія самыя общія, чуждыя личнаго характера.

5) При этомъ онъ не руководствуется ни личными сочувствіями или несочувствіями, ни сходствомъ или несходствомъ критикуемаго

[1416]) Выше, стр 37, сл

ученія съ своимъ собственнымъ. Опорой для критики всегда служатъ достовѣрные факты и необходимыя гносеологическія предположенія. Тонъ ея повсюду одинъ и тотъ же, и не только онъ ею нигдѣ не пользуется для того, чтобы противопоставить чужое ученіе своему какъ ложное несомнѣнному, но никакое другое изъ разсматриваемыхъ имъ ученій не сокрушаетъ съ такою силою, какъ свое собственное. Противопоставленія всегда имѣютъ для него не доказательную, а діалектическую цѣну.

6) Критика не имѣетъ никакихъ практическихъ (въ общепризнанномъ значеніи) цѣлей. Ея задача—отдѣлять въ разсматриваемыхъ воззрѣніяхъ яркою чертою ничтожное отъ цѣннаго и побуждать ихъ противопоставленіемъ и скрытыми въ нихъ противорѣчіями творческую самодѣятельность (собственную и сочувствующаго читателя) къ объединенію этого цѣннаго въ плодотворномъ, способномъ къ безсмертному саморазвитію, синтезѣ.

7) Всѣ эти положенія могутъ быть сведены къ одному общему—что Платонъ въ свидѣтельствахъ о философахъ неизмѣнно вѣренъ требованіямъ своей методологіи.

8) Выработанныя Платономъ на почвѣ критики основныя философскія точки зрѣнія повсюду правильны. Мы необходимо должны различать въ истинно сущемъ тожественное и иное, или идеальное и матеріальное, какъ его изначальныя опредѣленія; необходимо должны признать реальное бытіе всенаправляющихъ и всеопредѣляющихъ божественныхъ идей; необходимо должны разсматривать единичную жизнь въ неразрывной связи съ міровою; необходимо должны допустить въ познающемъ духѣ пребывающій среди измѣнчивыхъ состояній субъектъ.

9) По сравненію съ Аристотелемъ, Платону слѣдуетъ отдать предпочтеніе какъ критику. Какъ свидѣтель въ области исторіи философіи онъ во всякомъ случаѣ не ниже Аристотеля.

